

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 80; 81; 378
ББК 81 (81.1; 81.2; 81.21)
Я41

*Рекомендовано к публикации Научной комиссией
в области изучения иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного университета*

Языки и культуры: междисциплинарные исследования.

Я41 Сборник статей / под ред. С. Ю. Рубцовой (отв. ред.), Е. К. Рохиной. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. — 712 с.
ISBN 978-5-288-06143-1

Междисциплинарный характер II Международной конференции «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования», прошедшей в Санкт-Петербурге 25–26 сентября 2020 года, определил тематику статей данного сборника. Они затрагивают широкий круг проблем лингвистики, лингводидактики и теории перевода, социолингвистики и когнитивистики. Особое внимание уделяется преподаванию иностранных языков для специальных целей, а также актуальным проблемам межкультурного и межкультурного взаимодействия и перевода.

Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, перевода, межкультурной коммуникации, лингводидактики и методики преподавания иностранных языков для специальных целей, а также для всех интересующихся современными тенденциями в этих областях.

УДК 80; 81; 378
ББК 81 (81.1; 81.2; 81.21)

ISBN 978-5-288-06143-1

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2021

Авторы и редакторы выражают глубокую признательность всем коллегам, принявшим участие в рецензировании статей сборника:

М. Ю. Авдониной, С. Р. Агабабян, В. М. Бухарову, Г. М. Васильевой, В. Ю. Вьюгину, Е. И. Зиновьевой, В. Б. Касевичу, Е. В. Кашикиной, В. В. Кирилловой, О. А. Кочергиной, И. В. Красневич, М. Ю. Лаптевой, О. В. Магировской, М. М. Мазняк, В. В. Маховой, В. М. Мокиенко, С. В. Мухину, Л. Н. Неборской, И. В. Недялкову, С. Р. Панеш, Ю. В. Пасько, Е. С. Петровой, Н. Г. Пироговой, Н. И. Пушиной, М. С. Самариной, С. А. Свешниковой, Н. Н. Степановой, Ю. С. Фроловой, Т. Н. Чечко, К. А. Щукиной.

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Кропачев Н. М. Проблемы ресурса, идентичности и интеграции русского языка	15

ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Анисимова К. Е., Доброва Т. Е., Новикова Е. П., Рубцова С. Ю. Прагмалингвистические особенности профессиональной коммуникации в сфере международной логистики (на материале английского языка)	23
Ашурбекова Т. И. Коммуникативные эффекты нарушения актуального членения исходного текста при переводе политической речи	31
Бугреева Е. А. Спецкурс «Перевод как профессия, бизнес, индустрия» как основа формирования деловой профессиональной компетентности будущего переводчика	44
Голубева С. Л., Рохлина Е. К. Социокультурные и лингвистические аспекты явления binge-watching (запойный просмотр телесериалов)	52
Горохов А. А. Особенности передачи древнееврейских социально- политических реалий в библейских текстах периода монархии на английский и русский языки	64
Денисенко Е. Н. Бинарность «человек — дерево» в языческих представлениях славян	74
Зиямухамедов Д. Т. Вопросы передачи национального характера в переводах с китайского языка	86
Коканова Е. С. Зачем навыки постредактирования студенту, или как оценивать студенческий машинный перевод?	97
Колпачкова Е. Н., Лебедева А. В. Переводчик как профессионал в век машинного перевода: оптимизация программ обучения китайскому языку в российских вузах	102
Куделько Т. А., Шутёмова Н. В. Языковая репрезентация субъектов образования в фэнтези Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»	115
Куралева Т. В., Наговицына И. А. Технологии разработки двуязычного глоссария в работе синхронного переводчика: алгоритм подготовки к переводческому проекту	126

Морозова Е. Б. Жест и лексема <i>реверанс</i> в русском языке и культуре: история и современность.....	135
Морозова М. Н., Тимофеева Л. Л., Потапова Т. М. К проблемам перевода в профессиональной коммуникации.....	143
Нифонтова Д. Е. Фастнахтшпили Ганса Сакса в переводах Б. Пастернака и Е. Эткинда (на примере фастнахтшпиля «Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне»).....	151
Постоеенко И. А. Специфика перевода сленга с китайского на русский язык.....	162
Пушин О. М. О стратегиях перевода древних текстов.....	170
Резниченко Е. А. Глаголы мышления у Аврелия Августина: переводческий аспект	183
Рукавишникова О. И., Рукавишников В. С. Особенности перевода терминологии с китайского на русский язык в текстах инновационных проектов.....	190
Турчанинова А. Е. Особенности и методики перевода судебных документов (на материале русских и французских судебных решений)	199
Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А. Сравнительный перевод некоторых кубанских и адыгейских паремий	209
Чистов В. А. Анафора в русском художественном тексте и ее английские переводческие соответствия	213

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Байрамова Л. К. Английские лакунарные фразеологизмы о родине.....	223
Буль Ю. В., Антонова К. Н. Интерсемиотические трансформации индивидуально-авторского концепта PRIVATE DETECTIVE в сборнике рассказов о Шерлоке Холмсе А. Конан-Дойля и его инокультурных интерпретациях.....	237
Верхолетова Е. Ю. Становление устной речи: диссипация и аутопоэз....	244
Глухова О. В. Новые концепты в языке и культуре после пандемии.....	255
Голубева Н. А. Прецедентные единицы в когнитивном аспекте (на материале пассива)	269
Горелова А. А., Минченков А. Г. Возможности экспериментального исследования концепта DISRESPECT.....	283
Дудкин О. С. Фразеологические единицы как составляющие когнитивной метафоры в англоязычном политическом интервью.....	291
Петрова Е. Е. Этноспецифические концепты немецкого языка	302

Сафьянова И. В. Лингвокогнитивный аспект репрезентации Brexit в англоязычном медийном дискурсе	314
Сытько А. В. Первоичные деонтические конструкции с ментальными иллокутивами	322
Толкачёва О. В. О типах отношений в семантике дирекционального предлога (на материале немецкого и русского языков)	341
Топорова В. М., Корнева Е. В. Народная концептуализация городского пространства	346
Цеханович И. Г. Лингвокреативность как реакция носителей языка на кризисные ситуации	354
Шитиков П. М., Никитина Т. Ю. Рецепция библейских концептов в русской литературе рубежа XX–XXI веков (на примере концепта МУДРОСТЬ/СОФИЯ)	363

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Голубев В. Ю., Тепляшина А. Н. Трансформация тематических направлений научно-популярного дискурса	370
Grigorieva V. S., Mordovina T. V., Zaitseva V. V., Vygzova E. Yu. Cognitive aspects and mechanisms of argumentation in media discourse	380
Козловский Д. В., Спиридонова Т. А. Эвиденциальность как ресурс убеждения в новостном медиадискурсе	392
Потёмина М. С. Кризисные коммуникации в литературе Германии после 1989 года	403
Teneva E. V. Online media as a means of emotional manipulation (based on the English-language online media discourse)	413

ВОСТОК — ЗАПАД: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Басова Т. А. Фразеологическая аббревиация в японском языке	423
Ерохина А. Б. Столкновение западной и восточной культур в современной американской художественной литературе	430
Медюлянова В. А. Эвиденциальное маркирование как косвенный способ указания на лицо в японском языке	439
Чжан Аньци. Особенности словообразования китайских интернет-сленгизмов	449
Яковлева Ю. И. Лексические средства создания образа России (на материале японских учебников по русскому языку как иностранному)	455
Яцзюнь Ли. Семантический потенциал соматического компонента <i>рука</i> в русских китайских фразеологизмах (лингвокультурологический подход)	468

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Карпенко Л. Б. О ценностном подходе к русскому языку	475
Кругликова Л. Е. Современное состояние лексического состава русского языка: надо ли бить тревогу?	482
Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Аксиологическая семантика русских пословиц в лексикографической репрезентации иноязычному учащемуся	493
Цырьелчук К. А. Перевод православного богослужения на русский язык: история и примеры	499

НАРОДЫ АРКТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ло Ин, Дан Шуе. Коренные малочисленные народы Арктики в эпоху глобализации: взгляд из Китая.....	509
Терёхина А. Н., Шайжанов М. В. Сохранение и развитие языков коренных народов Арктики	519

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Боярская Т. Ю. Повести Н. В. Гоголя в рецепции Ш. О. Сент-Бева и П. Мериме	529
Дроздова П. Б. Особенности перевода брачной и любовной лексики итальянских средневековых писательниц-мистиков на примере перевода Л. П. Карсавиным «Откровений блаженной Анджелы»	539
Дудкина А. И. Женский голос в проблеме национальной самоидентичности: С. Оуэнсон и Ж. де Сталь	549
Климовская А. Я. Знаки итальянской культуры в романной прозе Барбары Пим.....	556
Кондратьева Е. А. Воскрешение миракля: тяготение к синтетическому жанру (французско-итальянские параллели XX–XXI вв.).....	564
Овсейчик Ю. В. Сочинительный союз <i>et</i> 'и' в старофранцузском языке: качественные и количественные характеристики.....	576
Черепкова Н. М. Россия через французский язык.....	590
Schulman P. L. Jacques Rivettes's vision of the world as circus, and the circus as a world of rebirth.....	597

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА

Антонова К. Н., Тырхеева Н. С. Формирующее оценивание навыков критического мышления в контексте дистанционного обучения чтению профессионально-ориентированных текстов на иностранном языке	606

Васильева П. А., Голубев В. Ю., Ибрагимов И. И., Рубцова С. Ю. Формирование экологической культуры студентов вузов как важный аспект современной коммуникации	614
Воног В. В. Учебник иностранного языка как средство моделирования научной дискуссии аспирантов инженерного профиля	624
Говорун С. В., Сеничкина О. А. Роль профессиограммы в процессе разработки программы ESP (на примере морских специальностей).	629
Кошкин Д. А. Особенности формирования вторичной языковой личности в вузе.....	642
Кузьмина К. А. Проектное управление в дистанционном обучении английскому языку студентов	655
Маслова Л. С. Использование иностранного языка экономистами в России с целью повышения осознания ими принадлежности к социальной группе	662
Облова И. С., Сишук Ю. М. Синергетический эффект компонентов иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональном развитии аспирантов технического вуза.....	669
Morozova M. N., Timofeeva L. L., Potapova T. M. Digitization of learning environment: On-line course as a tool for improving foreign language teaching	680
Сведения об авторах.....	692
Contributors.....	702

Contents

PLENARY REPORT

Kropachev N. M. Identity, resource and integration of the Russian language.....	15

TRANSLATION, TRANSLATION STUDIES AND CULTURAL LINGUISTICS

Anisimova K. E., Dobrova T. E., Novikova E. P., Rubtsova S. Yu. Pragmalinguistic features of professional communication in the field of international logistics (based on English)	23
Ashurbekova T. I. Communicative implications of the source text FSP violation when translating political speech	31
Bugreeva E. A. Developing the translator's professional and business competencies within a translation as a profession, a business, and an industry course	44
Golubeva S. L., Rokhlina E. K. Sociocultural and linguistic aspects of binge-watching phenomenon	52
Gorokhov A. A. The features of translation of the Hebrew socio-political realities in biblical texts of the monarchy period in English and Russian	64
Denisenko E. N. Binarity “man — tree” in the pagan representation of the Slavs	74
Ziyamukhamedov J. T. The issues of translation of the national character in the rendering from Chinese	86
Kokanova E. S. Why do students need PEMT skills or how can we evaluate students' MT?.....	97
Kolpachkova E. N., Lebedeva A. V. Translator and interpreter as a professional in the century of machine translation: How to optimize chinese language programs at Russian universities.....	102
Kudelko T. A., Shutemova N. V. The lingual representation of the subjects of education in J. K. Rowling's fantasy “Harry Potter and the philosopher's stone”	115
Kuraleva T. V., Nagovitsyna I. A. A bilingual glossary as a life-saver for simultaneous interpreters: How cat-tools come in handy	126
Morozova E. B. Gesture and lexeme <i>curtsy</i> in the Russian language and culture: Then and now	135
Morozova M. N., Timofeeva L. L., Potapova T. M. To the problems of translation in professional communication	143

Nifontova D. E. Hans Sachs's shrovetide plays in the translations by B. Pasternak and E. Etkind (by the example of "Der Roßdieb zu Fünsing mit den tollen diebischen Bauern")	151
Postoenko I. A. Specifics of translating slang from Chinese into Russian	162
Pushin O. M. On strategies of the translation of ancient texts.....	170
Reznichenko E. A. Verbs of thinking in Aurelius Augustine: translation aspects.....	183
Rukavishnikova O. I., Rukavishnikov V. S. Peculiarities of terminology translation from Chinese into Russian language in texts of innovative projects.....	190
Turchaninova A. E. Features and methods of translation of court documents (based on Russian and French court decisions)	199
Hitarova E. G., Hitarova T. A. The comparative translation of some Kuban and Adyg paremia	209
Chistov V. A. Anaphora in Russian literary texts and its English translational equivalents.....	213

CURRENT TRENDS IN COGNITIVE LINGUISTIC RESEARCH

Bairamova L. K. English lacunary phraseological units about the Motherland	223
Bool Ju. V., Antonova K. N. Intersemiotic transformations of the individual author's concept PRIVATE DETECTIVE in Conan Doyle Sherlock Holmes Stories and its other culture interpretations.....	237
Verkholetova E. Y. Becoming of oral speech: dissipation and autopoiesis.....	244
Glukhova O. V. The new post-pandemic concepts in language and culture....	255
Golubeva N. A. Precedent units in the cognitive aspect (on the sample of the passive voice)	269
Gorelova A. A., Minchenkov A. G. Possibilities of experimental study of the concept DISRESPECT	283
Dudkin O. S. Phraseological means of representing anger and irritation in English interview	291
Petrova E. E. Ethno-specific concepts of the German language: associative experiment.....	302
Safyanova I. V. Linguistic and cognitive aspects of representation of Brexit in media discourse	314
Sytko A. W. First person deontic constructions with mental illocutives	322
Tolkacheva O. V. On the types of relations in the semantics of a directional preposition (based on German and Russian).....	341
Toporova V. M., Korneva E. V. Popular conceptualization of urban space.....	346

Tsekhanovich I. G. Linguistic creativity as the reaction of native speakers to crisis situations.....	354
Shitikov P. M., Nikitina T. Yu. Reception of biblical concepts in Russian literature of XX–XXI century (on the example of the WISDOM/SOPHIA concept)	363

ISSUES IN COMMUNICATION

Golubev V. Yu., Teplyashina A. N. Transformation of thematic areas of popular science discourse.....	370
Grigorieva V. S., Mordovina T. V., Zaitseva V. V., Vyguzova E. Yu. Cognitive aspects and mechanisms of argumentation in media discourse.....	380
Kozlovsky D. V., Spiridonova T. A. Evidentiality as a resource of persuasion in the news media discourse.....	392
Potyomina M. S. Crisis communications in German literature after 1989	403
Teneva E. V. Online media as a means of emotional manipulation (based on the English-language online media discourse)	413

EAST — WEST: A DIALOGUE OF CULTURES

Basova T. A. Phraseological abbreviation in Japanese.....	423
Erokhina A. B. The clash of the Western and Oriental cultures in contemporary American fiction	430
Mejiulianava V. A. Evidential marking as an indirect way of pointing to a person in Japanese	439
Zhang A. Features of word formation of Chinese internet slangism	449
Iakovleva Iu. I. Lexical means of creating the image of Russia (based on Japanese textbooks on Russian as a foreign language).....	455
Yajun Li. Semantic potential of somatic component <i>hand</i> in Russian and Chinese phraseological units (linguocultural approach)	468

RUSSIAN LANGUAGE IN AN INTERCULTURAL SPACE

Karpenko L. B. About the value approach to the Russian language.....	475
Kruglikova L. E. The current state of the vocabulary of the Russian language: is it necessary to sound the alarm?.....	482
Nikitina T. G., Rogaleva E. I. Axiological semantics of Russian proverbs in a lexicographic representation for a foreign language students	493
Tsyrelchuk K. A. Translation of the Orthodox divine service in Russian language: history and examples.....	499

THE PEOPLES OF THE ARCTIC REGION: THE SOCIOLINGUISTIC CONTEXT TODAY

Luo Ying, Dang Xue. Indigenous small-numbered peoples of the Arctic in the era of globalization: a view from China	509
Terekhina A. N., Shayzhanov M. V. Problems of preservation and development of languages of the peoples of the North	519

ROMANCE LANGUAGES AND LITERATURE IN A DIALOGUE OF CULTURES

Boyarskaya T. Yu. Novels by Nikolai Gogol in understanding of Ch. A. Sainte-Beuve and P. Mérimée	529
Drozdova P. B. The peculiarities of the translation of amorous and bridal vocabulary medieval mystical female writers on the in Italian example of the Lev Karsavin's translation of The Book of Blessed Angela.....	539
Dudkina A. I. Woman's voice in the problem of national self-identity: S. Owenson and G. de Staël	549
Klimovskaia A. I. The signs of Italian culture in the novels of Barbara Pym	556
Kondrateva E. A. Miracle resurrected: a synthetic genre (parallels in French and Italian literary art of the 20 th and 21 st centuries)	564
Auseichyk Yu. V. The conjunction <i>et</i> 'and' in Old French: qualitative and quantitative characteristics.....	576
Tcherepkova N. M. Russia through the French language	590
Schulman P. L. Jacques Rivettes's vision of the world as circus, and the circus as a world of rebirth.....	597

PROFESSIONAL LANGUAGE PEDAGOGY

Antonova K. N., Tyrkheeva N. S. Formative assessment of critical thinking skills in distance learning (for reading professionally oriented texts in foreign languages).....	606
Vasileva P. A., Golubev V. Yu., Ibragimov I. I., Rubtsova S. Yu. Shaping environmental consciousness of students as a key factor for communication	614
Vonog V. V. Foreign language textbook as a means of modelling scientific disscision of engineering profile postgraduates	624
Govorun S. V., Senichkina O. A. The role of a professionogram in the process of program development (for ESP marine studies).....	629
Koshkin D. A. Peculiarities of forming a secondary linguistic personality in the higher education system.....	642

Kouzmina K. A. Project management in distant learning of English language	655
Maslova L. S. The use of English by economists in Russia with the purpose of increasing their awareness of belonging to a social group	662
Oblova I. S., Sishchuk Yu. M. Synergistic effect of components of foreign-language communicative competence in the professional development of postgraduate students of a technical university	669
Morozova M. N., Timofeeva L. L., Potapova T. M. Digitization of learning environment: On-line course as a tool for improving foreign language teaching	680
Information about the authors	692
Contributors.....	702

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 800

Н. М. Кропачев
СПбГУ

Проблемы ресурса, идентичности и интеграции русского языка

В статье обсуждаются три круга проблем, определяющих условия существования, продвижения и укрепления позиций русского языка в мире. Русский язык составляет основание российской государственности, представляет Россию во внешней политике и международных отношениях. Как язык общения в интернете, русский язык занимает второе место в мире, а на постсоветском пространстве имеет статус языка социального и межнационального общения. Тем не менее русскому языку уделяется недостаточно внимания. Необходимо создать новое поколение учебной и справочной литературы, внести изменения в профессиональные стандарты. Возвращение русского языка (возможно, как полицентричного) в свободный речевой оборот стран бывшего Советского Союза повысит его статус в мировом пространстве.

Ключевые слова: русский язык, языковая идентичность, интеграция русского языка, полицентричный язык.

N. M. Kropachev

Identity, resource and integration of the Russian language

The article discusses three issues concerning the existence, promotion and strengthening of the position of the Russian language in the world. The Russian language forms the basis of Russian statehood, represents Russia in foreign policy and international relations. As a language of communication on the Internet, Russian is ranked second in the world, and in the post-Soviet space it has the status of a language of social and interethnic communication. However, not enough attention is paid to the Russian language. It is necessary to create a new generation of educational and reference sources, to make changes in professional standards. The return of the Russian language (possibly as a polycentric one) to the free speech circulation in the countries of the former Soviet Union will increase the international status of the Russian language.

Keywords: Russian language, linguistic identity, integration of the Russian language, polycentric language.

Проблема ресурса русского языка

Россия всегда существовала и развивалась в условиях многоязычия. Сто пятьдесят языков, включая бесписьменные языки малочисленных народностей, проживающих на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и в Сибири, являются исконно российскими. При этом русский язык — как язык подавляющего большинства граждан страны — стал ресурсом, успешно обеспечивающим межнациональное общение [Алпатов, 2000]. Русский язык используется как язык общения во всех профессиональных областях деятельности, поскольку является не только языком культуры, но и языком науки, образования, управления, экономики, связи, медицины, спорта¹.

Ресурсная база русского языка в международной жизни во многом поддерживается его статусом государственного языка России [Белов, Кропачев, 2020; Кропачев и др., 2017]. Такое положение обеспечивается тем, что на русском языке выражены и зафиксированы в обширном корпусе текстов (оригинальных и переводных) все важнейшие знания о мире и обществе. Именно это сделало его одним из самых универсальных языков мира, на котором говорят во многих европейских странах и странах бывшего Советского Союза.

По данным интернет-исследований, русский язык прочно занял второе место по использованию в мировой компьютерной сети Интернет после английского, опережая по этому показателю немецкий, испанский и французский языки². Русскоязычный интернет (Рунет) распространен на всех континентах, включая Антарктиду, но больше всего он распространен в странах СНГ и в особенности в России, Белоруссии и на Украине.

В России государственный статус русского языка способствует укреплению социальной стабильности, что при социокультурном многообразии страны служит формированию особой гражданской идентичности³. Потребность в повышении грамотности активных слоев населения находит понимание на государственном уровне. При Президенте Российской Федерации и Правительстве были созданы консультативные советы по русскому языку, занимаю-

¹ Найти общий язык для общения стран и народов. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/nayti-obshchiy-yazyk-dlya-obshcheniya-stran-i-narodov> (дата обращения: 29.03.2021).

² Historical trends in the usage statistics of content languages for websites. URL: https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language (дата обращения: 06.11.2020).

³ Найти общий язык для общения стран и народов.

щиеся вопросами совершенствования государственной политики в области развития, защиты и поддержки русского языка, обеспечения прав граждан России на пользование государственным языком⁴; в стране реализуются федеральные целевые программы, направленные на обучение, поддержку и развитие функций русского языка как государственного языка и как языка межнационального общения⁵.

Говорить на хорошем русском языке в своей профессии становится престижным и выгодным, ведь именно от речевой квалификации человека во многом начинают зависеть благополучие и жизненный успех.

Как показывает новейшая практика, авторитет русского языка в мире во многом определяется достижениями нашей промышленности и науки. Именно успехи России в научно-технической и социально-экономической сферах заметно увеличивают количество желающих изучить русский язык. Из этого следует, что сегодня — увы! — востребован не столько язык художественной литературы, сколько язык науки, инженерии, технологии. И этой части русского языка следует уделить внимание на всех ступенях образования. В первую очередь необходимо ввести в федеральные государственные образовательные стандарты основного общего образования такие требования к уровню владения русским языком, которые гарантировали бы выработку основных профессиональных навыков владения русским языком в рамках непрофильных для лингвистики школьных дисциплин: физики, химии, биологии, истории, геометрии и т. п.; тем более что фактически эти знания уже предоставляются школьникам и надо лишь усилить данный процесс методическими и контрольными материалами.

Что же касается сферы государственного управления и задачи воспитания будущих граждан страны, то введение ясных проверяемых требований к уровню коммуникативной компетенции выпускников вузов России представляется крайне важным. Между

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.06.2014 № 409 «О Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 12.08.2019 № 378). — Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты приводятся по СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.11.2020).

⁵ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.10.2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”».

тем из 600 действующих и утвержденных приказами Министерства образования и науки РФ федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования только в 11 говорится о необходимости владеть по итогам обучения именно «государственным языком Российской Федерации» [Кропачев и др., 2019]. Обязательность овладения коммуникативными навыками использования русского языка как государственного не учитывается и в профессиональных стандартах, в частности в профессиональных стандартах учителя⁶, журналиста⁷ или юриста⁸. И еще один важный штрих: в процессе государственной экспертизы школьных учебников оценка качества языка обучения почему-то не проводится [Белов, Кропачев, 2016].

Проблема идентичности русского языка

Проблема повышения навыков владения государственным языком безусловно актуальна в России. Причины этой проблемы кроются, как мне представляется, в нетождественности того русского языка, который изучается в школе, тому языку, на котором говорит общество современной России. Поэтому школьники, хорошо пишущие сочинения на уроках литературы, подчас не могут правильно понять условия задачи по математике, физике или химии.

Это свидетельствует о значительном разрыве между требованиями, предъявляемыми государственными образовательными стандартами к функциональной грамотности школьника, и его реальными коммуникативными компетенциями. Вчерашние школьники, в активе которых имеется успешно сданный Единый государственный экзамен по русскому языку, очень часто не обладают специфическим набором навыков и умений, позволяющих им полноценно пользоваться русским языком в целях социальной коммуникации и профессионального образования [Кропачев и др., 2019].

⁶ Там же.

⁷ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21.05.2014 № 339н «Об утверждении профессионального стандарта “Корреспондент средств массовой информации”»; Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 04.08.2014 № 538н «Об утверждении профессионального стандарта “Редактор средств массовой информации”».

⁸ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23.03.2015 № 183н «Об утверждении профессионального стандарта “Следователь-криминалист”».

Для преодоления этого разрыва требуется всемерно развивать навыки речевой деятельности при обучении всем предметам школьной, а в дальнейшем и вузовской программы. Необходимо также повышать языковые требования к программам телерадиовещания, уровню владения русским языком у госслужащих и т. д.

Проблема идентичности русского языка и его развития во многом решается не на фестивалях и выставках, не в кинотеатрах или на эстраде, а посредством языка гуманитарной помощи и экономического сотрудничества. Мы должны придерживаться правила: там, где действует русский рубль, говорят по-русски! Ведь русским рублем оплачена помощь России по линии МЧС, МИДа или других ведомств.

Уже отмечалось, что нормы словоупотребления, основанные на языке классической художественной литературы и отраженные в целом ряде авторитетных словарей и справочников по русскому языку, постепенно уходят в прошлое. Современный русский язык при его использовании в качестве государственного наиболее полно представлен в текстах, порождаемых в естественно-научной, социально-политической, общественно-экономической сферах человеческой деятельности. Все более актуальным становится требование создания нового поколения учебной и справочной литературы, учитывающей особенности обучения иностранных студентов различным специальностям на русском языке. Наши лучшие вузы стали высоко котируются в международных рейтингах, теперь необходимо конвертировать эти достижения в подготовку русскоговорящих иностранных студентов, дружественных России⁹.

Необходимо шире практиковать одно- и двухгодичные курсы для подготовки к обучению в российских вузах. Лицам, успешно сдавшим тестирование на уровне свободного владения языком и навыками спонтанной речи, близкими к уровню носителя языка, можно было бы предложить гранты, обеспечивающие их обучение в России. Будем помнить, что укрепление позиций русского языка в мире укрепляет позиции России в мировом образовательном пространстве.

Проблема интеграции русского языка

Эта проблема, на мой взгляд, связана с проблемой развивающегося полицентризма русского языка, вызванного распадом СССР [Михальченко, 2016; Самсонов, 2006]. Русский язык, который был

⁹ Найти общий язык для общения стран и народов.

языком, объединяющим все советские республики, имел в те времена единый центр языкового нормирования. Нормами русского языка, содержащимися в официально признанных справочниках, неукоснительно руководствовались при издании печатной продукции, производстве кинофильмов, на радио и телевидении, поэтому региональные особенности языка, проявляющиеся в образовании произносительных и лексических вариантов, сглаживались под воздействием официально поддерживаемых норм русского литературного языка.

Теперь, став за пределами России языком национального меньшинства, русский язык вынужден интегрироваться в языковое пространство иноязычных стран. В ситуации языковой изоляции обычно начинают вырабатываться и закрепляться устойчивые произносительные и лексические варианты, отличающиеся от нормативного государственного языка России, а социальное взаимодействие на русском языке в каждой из этих стран неизбежно приобретает свои специфические черты [Арутюнова, 2012; Крючкова, 2012].

В такой ситуации лингвисты должны быть готовы к тому, что в будущем они зафиксируют речевые варианты русского в Белоруссии, Украине, в прибалтийских республиках, в Молдавии и ряде других стран.

Возможно, в коммуникативном пространстве каких-то стран русский язык не будет играть заметной роли, но в ряде стран он, безусловно, останется важным языком социального общения. Где-то языковые варианты будут существовать де-факто, но где-то они будут зарегистрированы де-юре в грамматиках и словарях, изданных в этих странах. Необходимо поддерживать с помощью грантов исследовательскую работу в этой области.

Там, где русский язык используется как второй государственный, как, например, в Республике Беларусь, он вполне может приобрести статус белорусского варианта русского языка. В качестве примеров языкового полицентризма можно привести ситуации с бытованием немецкого языка в Австрии и Швейцарии, испанского языка в Мексике, Аргентине и других испаноязычных странах Латинской Америки, персидского языка в Иране, Афганистане, Таджикистане, французского языка в Бельгии и Канаде. Любопытна судьба английского и португальского языков. В XIX в. отмечался рост полицентризма этих языков, а с недавнего времени отмечается обратный процесс — их моноцентризация, причем международный английский язык ориентируется на языковые нормы, вырабатываемые в США, а португальский язык принимает нормы бразильской версии этого языка.

В этой связи, завершая характеристику проблемы интеграции русского языка в иноязычную среду, хочу обратить внимание на то, что будет чрезвычайно полезно всячески поддерживать деятельность, направленную на обеспечение единства русского государственного языка, используемого в ситуациях делового и общесоциального интернационального общения. Только обеспечение на практике действия единых норм и правил государственного русского языка на территории России создаст условия и для поддержки единства русского языка за ее рубежами.

Необходимо шире проводить специализированные конкурсы на знание русского языка как иностранного, как родного, конкурсы для лиц с разными типами двуязычия и т. д. Иностранцам победителям таких конкурсов следует предоставлять право бесплатного поступления в российские вузы.

Возвращение русского языка в свободный речевой оборот стран бывшего Советского Союза станет хорошей стартовой площадкой для дальнейшего укрепления позиций русского языка в мировом пространстве.

Литература

- Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000 гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000.
- Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
- Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17, № 1. С. 4–21.
- Белов С. А., Кропачев Н. М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным // Закон. 2016. № 10. С. 110–112.
- Кропачев Н. М., Вербицкая Л. А., Белов С. А. Требования к устной речи при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14, № 4. С. 519–524.
- Кропачев Н. М., Кузнецов С. А., Соловьев А. А. О проблеме социальной коммуникации на примере типичных ошибок использования государственного языка Российской Федерации в правовых документах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16, № 2. С. 229–244.

Крючкова Т. Б. О социолингвистическом статусе русского языка в странах нового зарубежья // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 3. С. 29–38.

Самсонов Н. Г. Русский язык в странах СНГ и Балтии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2006. Т. 3, № 2. С. 67–73.

Энциклопедии

Михальченко В. Ю. Введение. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Язык и общество: энциклопедия / ред. В. Ю. Михальченко. М.: Азбуковник, 2016. С. 5–16.

ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81.119

К. Е. Анисимова, Т. Е. Доброва,
Е. П. Новикова, С. Ю. Рубцова
СПбГУ

Прагмалингвистические особенности профессиональной коммуникации в сфере международной логистики (на материале английского языка)

Статья посвящена коммуникационному взаимодействию в письменной форме, а именно — электронной переписке специалистов, работающих в сфере морской контейнерной логистики. Исследуются характер и степень влияния лингвистических и прагматических особенностей данной коммуникации на выполнение поставленных задач, оценивается влияние этих особенностей на эффективность коммуникации и ее окончательный результат. Понимание коммуникативного намерения коммуникантов в процессе обмена электронной корреспонденцией способно значительно повысить эффективность делового взаимодействия.

Ключевые слова: прагматика, коммуникативное намерение, электронная деловая корреспонденция, контейнерная логистика.

K. E. Anisimova, T. E. Dobrova,
E. P. Novikova, S. Yu. Rubtsova

Pragmalinguistic features of professional communication in the field of international logistics (based on English)

The article is devoted to written communication, i.e. electronic correspondence of specialists in the field of sea container logistics. The authors focus on the nature and degree of pragma-linguistic features influence of this communication on its performance, assess the impact of these features on the effectiveness of e-mail communication and its final result. Proper understanding the communicative intention in the process of exchanging e-mails can significantly increase the efficiency of the business interaction.

Keywords: pragmatics, communicative intention, e-mail business correspondence, container logistics.

В современном мире стертых границ, где перемещение человека или груза из одной точки мира в другую стало делом нескольких часов, а не месяцев, мы редко задумываемся о невидимых организационных процессах, которые стоят за этим достижением цивилизации. Между тем наибольшая невидимая часть происходящего держится на коммуникативных процессах в транспортной сфере — в сфере логистики. От правильного выбора коммуникации, своевременного сообщения и получения информации и, самое важное, от правильного интерпретирования получаемого сообщения зависит эффективность и успешность транспортного процесса и связанных с ним областей жизнедеятельности человека.

Данное исследование посвящено прагмалингвистическим особенностям профессиональной коммуникации в таком секторе бизнеса, как международная логистика. В фокусе внимания авторов находится коммуникационное взаимодействие в письменной форме, а именно — в электронной переписке специалистов, задействованных в сфере логистики. Переписка по электронной почте в настоящее время является практически самым массовым, популярным и общепринятым в деловом и профессиональном общении видом коммуникации.

Теория речевых актов (ТРА) трактует речевой акт (РА) как сложное трехуровневое образование: локутивный РА, иллокутивный РА, перлокутивный РА. В каждом речевом акте одновременно представлены все три уровня [Арутюнова, 1998]. В данном исследовании уделяется внимание всем трем составляющим речевого акта. Локутивная составляющая представлена в анализе лексического состава электронной переписки в области морской логистики, на иллокутивном уровне определяются характерные для нее типы речевых актов; и, наконец, в перлокутивном аспекте рассматривается эффективность речевых актов с точки зрения достижения поставленной цели. За основу в данной работе берется классификация Л. П. Чахоян, основанная на классификации Сёрля — Вандервеке, но с выделением РА-вопроса в отдельный класс. По мнению Л. П. Чахоян, РА-вопрос характеризуется своим собственным коммуникативно-интенциональным содержанием, направленным на устранение информационной лакун между знаниями его автора и адресата, и обладает рядом типичных структурно-семантических особенностей, не позволяющих причислить прагматическую категорию вопросов к разряду директивных предложений, как это делали Сёрль и Вандервекен [Сёрль, Вандервекен, 1986; Чахоян, 1988]. Таким образом, в данной работе используется классификация РА,

включающая шесть классов: ассертивы, вопросы, директивы, коммисивы, декларативы, экспрессивы.

Успешность коммуникации во многом определяется речевой компетенцией коммуникантов. Адресант осознанно использует такие языковые средства, которые призваны максимально точно выразить его коммуникативное намерение. Именно это намерение определяет выбор между эксплицитным и имплицитным выражением коммуникативной интенции. Если выбор сделан в пользу имплицитности в высказывании, то правильную интерпретацию высказывания адресатом обеспечивает коммуникативная компетенция [Формановская, 2007, с. 66]. Таким образом, успех коммуникации с позиции лингвистической прагматики, то есть правильная интерпретация сообщения со стороны адресата, во многом определяется речевой компетенцией всех коммуникантов. Под коммуникативной компетенцией обычно понимается совокупность характеристик личности, которые обеспечивают коммуникативную деятельность между людьми (социальный статус, физиологические и психологические особенности, фоновые знания и уровень культурного развития, коммуникативные навыки, языковая компетенция) [Сахно, 2014].

В наше время, в эпоху глобализации, все большую роль играют транснациональные корпорации и международная коммуникация. Профессиональная коммуникация занимает особое место в этой сфере. В эпоху размытых географических и экономических границ коммуникация в профессиональной сфере, особенно в сфере бизнеса, стала особенно актуальна. Разумеется, данная коммуникация была бы затруднительна без единого, общепринятого в профессиональном общении языка. В настоящее время английский язык является *lingua franca* в международном общении.

Современная экономика и, в частности, торговля и производство базируются на многочисленных и самых разнообразных процессах коммуникации в транспортной сфере — в сфере логистики. Говоря о международной транспортной логистике, необходимо понимать, что, несмотря на век высоких скоростей и технологий, большая часть мирового грузопотока по-прежнему перемещается морским видом транспорта — на морских судах (сухогрузах, танкерах, контейнеровозах). Также большая часть грузов, насколько это возможно, перевозится в морских контейнерах, поэтому дальнейшее рассмотрение особенной профессиональной коммуникации в международной логистике будет происходить с акцентом на данный сектор логистики — в сфере морских контейнерных перевозок.

Морской английский является узко специализированным и относится к языку профессиональной коммуникации [Bosanegra-Valle, 2012]. Отсюда вытекают и характерные особенности общения между специалистами данной сферы: каким бы способом ни происходила коммуникация (устным или письменным), в ней всегда присутствует большое количество специализированной технической терминологии и профессиональной лексики — профессионализмов.

Лингвисты разделяют понятия «термин» и «профессионализм». Перед словом «термин» часто употребляется определение «научный», что относит его преимущественно к официальному стилю коммуникации в научной среде. В то же время профессионализмы не всегда имеют научную природу, но их использование в профессиональной среде часто считается уместным в разных ситуациях общения. Объединяет эти два понятия необходимость их использования в контексте профессиональной коммуникации в международной логистике, независимо от характера коммуникативной ситуации (официального или неофициального). Термины относятся к научному стилю речи, профессионализмы же характерны для неофициальной речи сотрудников определенной научно-производственной отрасли. Критерием разделения слов на термины и профессионализмы в первую очередь следует считать фактор официальности/неофициальности [Сердобинцева, 2012].

Деловая переписка по электронной почте занимает лидирующее место в профессиональной коммуникации в международной логистике [Громова, 2013]. Удобство передачи информации, сообщений и удобство построения диалога между коммуникантами в формате «вопрос-ответ» сделало ее незаменимым инструментом взаимодействия специалистов данной сферы по всему миру. Прежде всего, посредством электронной переписки обеспечивается ясность передаваемых речевых сообщений в письменной форме. Какой бы привычной и обыденной ни казалась нам электронная переписка в повседневном деловом общении (и, возможно, по субъективной оценке, даже несколько архаичной на фоне развивающихся новых мессенджеров и приложений для дистанционного общения), она по-прежнему занимает лидирующее положение как способ коммуникации в международной логистике, в том числе и контейнерной.

Казалось бы, не существует каких-либо спорных вопросов в этой сфере и все давно довольно понятно, однако это не совсем так. Профессиональная коммуникация по электронной почте в сфере контейнерной логистики имеет ряд особенностей, которые делают ее отличной от любой другой коммуникации и по-своему уникальной. Отли-

чительными чертами коммуникации по электронной почте в сфере логистики являются стандартизированная терминология и большое количество профессиональных аббревиатур. Среди них особое место занимает Инкотермс (Incoterms) — общепринятый перечень базовых условий поставки товаров, принятый в международной торговле¹. Данное обстоятельство обеспечивает четкость и ясность понимания между участниками коммуникации, столь ценную в сфере международного транспорта. Также оно помогает избежать двойной трактовки сообщаемой информации и способствует рациональному использованию речевых средств.

Кроме того, в данном виде корреспонденции часто присутствует большое количество усечений и сокращений технического характера, неофициальных аббревиатур, которые обычно доступны для понимания специалистов данной профессиональной сферы. «Поскольку аббревиатура — это не дань моде, а смысловое сжатие (фонетическое, лексическое и морфологическое) как отдельного слова, так и других языковых структур, то стоит отметить, что в интернет-общении довольно часто используются подобные языковые единицы, принятые в той или иной среде общения» [Прожога, 2011, с. 251].

Несмотря на то что морские перевозки — это не авиация, и вопрос транспортировки по морю может занимать недели или месяцы, решение профессиональных задач в этой сфере происходит — и должно происходить — максимально оперативно. То есть даже если сама доставка груза будет происходить длительное время, согласование по этому вопросу подчас происходит быстро, отсюда и ярко выраженная четкость, и ясность коммуникации.

Инкотермс 2010 (Incoterms 2010) — это одиннадцать международных правил, применяемых в международной торговле, которые определяют права и обязанности сторон по договору купли-продажи в части доставки товара от продавца к покупателю (условия поставки товаров). Правила Инкотермс представляют сокращенные по первым трем буквам торговые термины, отражающие предпринимательскую практику в международной поставке товаров. Incoterms® (англ. International commerce terms) является товарным знаком Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce, ICC). Правила Инкотермс ICC предназначены для использования торговых терминов в национальной и международной торговле. Приведем несколько чаще всего встречающихся аббре-

¹ Инкотермс 2010. Справочник. URL: <https://anvay.ru/incoterms> (дата обращения: 20.07.2020).

виатур: *FAS* — ‘Free Alongside Ship’ (‘Свободно вдоль борта судна’), *FOB* — ‘Free on Board’ (‘Свободно на борту’), *CFR* — ‘Cost and Freight’ (‘Стоимость и фрахт’), *CIF* — ‘Cost Insurance and Freight’ (‘Стоимость, страхование и фрахт’)².

В настоящее время электронная переписка в сфере логистики претерпевает серьезное изменение, как и весь жанр деловой переписки по электронной почте, — происходит процесс деофициализации стиля [Дегальцева, 2015]. Анализ электронных писем в сфере морской контейнерной логистики показал, что деофициализация в них проявляется в основном в употреблении ряда лексем и конструкций, свойственных неофициальному общению: например, *go figure* — в значении ‘пойди догадайся’; *IMXO < IMHO* (*In my humble opinion* — ‘по моему скромному мнению’) — в русском компьютерном жаргоне это выражение имеет юмористическую расшифровку: «Имею мнение, хочу озвучить». Кроме того, можно выделить следующие прагматингвистические особенности электронной переписки.

Имена собственные — географические названия городов и стран (*Charleston, Norfolk, USA* и т. д.) — не всегда пишут с прописной буквы, но по сложившейся негласной этике логистической переписке это едва ли считается ошибкой, и более того, в контексте данной речевой ситуации характеризует стиль взаимоотношений между отправителем и получателем сообщения: скорее всего, они несколько более теплые и менее формальные, чем официально-деловые отношения. В официальной переписке, разумеется, было бы недопустимо написание географических названий со строчной буквы.

Сокращения *Thx* вместо *thanks* и *Nov* вместо *November* — это также явление современной полуофициальной переписки по электронной почте, свидетельствующее о менее формальной коммуникативной ситуации. Однако используются и не столь широко принятые сокращения, например *MEX Colls* — в значении ‘Mexican colleagues’. В случае когда субъекты коммуникации общаются не впервые, складывается неформальное партнерское общение по текущим вопросам, что и обеспечивает наличие у каждого коммуниканта представления о коммуникативной компетенции другой стороны. Очевидно, что в иных условиях и при отсутствии со стороны отправителя понимания личности, компетенции и других особенностей адресата (допустим, если бы это был незнакомый человек) использование подобных сокращений было бы недопустимо и утратило бы свою информативную функцию.

² Там же.

Использование усеченных грамматических структур с опущением части сказуемого (глагола-связки *is*) — *as night in Mex now* (в значении ‘as it is night in Mexico now’) также является характерной особенностью деловой переписки в сфере логистики как проявление экономии речевых средств, а равно и временных ресурсов.

Анализ типов речевых актов, которые встречаются в профессиональной коммуникации с использованием электронной почты, показал, что из шести типов речевых актов отсутствуют два: экспрессивы и декларативы. Иллокутивная сила экспрессивов и декларативов не соответствуют коммуникативной ситуации данного профессионального общения. Декларативы, как РА, меняющие положение дел самим фактом своего произнесения, не могут встретиться в электронной переписке. В целом, несмотря на тенденцию к деофициализации стиля, электронная переписка в сфере морской логистики относится к деловому стилю и не предполагает выражения коммуникантами своего психологического состояния. Этот факт объясняет отсутствие экспрессивов.

Все остальные четыре типа речевых актов в электронной переписке в сфере морской логистики представлены: ассертивы, директивы, вопросы и комиссивы. Ассертивы чаще всего встречаются как ответы на вопросы. Вопросы встречаются практически в каждом письме. Однако доминируют директивы.

Таким образом, электронная переписка на сегодняшний день остается доминирующим способом связи и коммуникации между специалистами в области логистики морских перевозок. Профессиональную коммуникацию в данной сфере отличает стилистическое разнообразие — в ситуации профессионального общения стиль корреспонденции может быть как деловым, так и неформальным. Сфера международной логистики является областью повышенной ответственности специалистов, работающих в ней, сферой, где ценится ясность, четкость коммуникации, отсутствие двусмысленности, ценится время и оперативность — эти во многом экстралингвистические факторы оказывают доминирующее влияние на профессиональную коммуникацию в данной сфере.

Проведенный анализ показал, что для коммуникации по электронной почте в международной логистике характерно следующее: ясность изложения, преобладание явных целей высказывания, использование директивных речевых актов, использование стандартизированной терминологии и профессионализмов, большое количество усечений, сокращений и аббревиатур, экономия речевых средств.

Литература

- Громова Н. П., Ренер Е. И., Скопова Л. В. Особенности межкультурной коммуникации в деловых переговорах. // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. Вып. 9. С. 87–91.
- Дегальцева А. В. Основные тенденции развития электронной деловой переписки // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 46–54.
- Прожога А. В. Влияние электронных средств связи на современную письменную культуру // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / отв. ред. К. Б. Свойкин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 251–253.
- Сахно И. В. Межкультурная компетенция как условие успешных бизнес-переговоров // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Межкультурная коммуникация. 2014. Вып. 4 (132). С. 84–88.
- Сердобинцева Е. Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 27. С. 396–401.
- Сёрль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М.: Прогресс, 1986. С. 242–263.
- Формановская Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007.
- Чахоян Л. П. Общая теория высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. С. 122–141.

Словари

- Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 412–414.
- Vocanegra-Valle A. Maritime English // The Encyclopedia of Applied Linguistics. Ed. by C. A. Chapelle. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 3570–3583. URL: https://www.researchgate.net/publication/259736863_Maritime_English (дата обращения: 20.07.2020).

Коммуникативные эффекты нарушения актуального членения исходного текста при переводе политической речи

В статье анализируются переводы фрагментов политических речей с точки зрения адекватности передачи актуального членения исходного текста. Выявляются нарушения в передаче актуального членения, обусловленные недостаточным учетом факторов коммуникативного намерения адресанта и контекста сообщения, несоблюдением технологий перевода, предусматривающих преобразование синтаксической структуры исходного текста, изменение порядка слов, экспликацию причинно-следственных отношений, употребление лексических, грамматических и пунктуационных средств маркирования коммуникативного статуса элементов. Описываются такие нежелательные коммуникативные эффекты нарушения актуального членения исходного текста, как смещение смысловых акцентов, изменение тональности и общего посыла сообщения, отражающиеся на степени категоричности речи политика и трансляции желаемого имиджа.

Ключевые слова: политическая речь, актуальное членение предложения, тема, рема, перевод, категоричность, имидж политика.

T. I. Ashurbekova

Communicative implications of the source text FSP violation when translating political speech

Translations of political speeches are analyzed from the standpoint of correspondence of their functional sentence perspective to source texts. The failures in rendering the functional sentence perspective of English source texts into Russian are explained by translators ignoring such factors as the purpose and the context of an original message, seeking exact syntactic equivalence and reproducing the word order, as well overlooking lexical, grammatical and punctuation functional sentence perspective markers. Among the undesirable effects of functional sentence perspective violation in target texts are changes in the message that affect the degree of categoricalness of the politician's speech and rendering his public image.

Keywords: political speech, functional sentence perspective, theme, rheme, translation, categoricalness, public image.

Тема-рематическая структура (или актуальное членение, АЧ; англ. functional sentence perspective, FSP) — двухкомпонентное строение высказывания в соответствии с коммуникативной целью говорящего/пишущего. *Тема* — это та часть высказывания, которая передает нечто известное, или, по крайней мере, очевидное в данной ситуации, а *рема* — то новое, что сообщается о теме [Матезиус, 1967]. По мнению Ч. Хоккета, это самая глубинная и в то же время грубая структура, присущая любому предикативному смысловому образованию [Хоккет, 1970]. В Пражской лингвистической школе сформулирована точка зрения, согласно которой актуальное членение образует отдельный уровень рассмотрения высказывания, отражающий способы его включения в контекст дискурса. В работах американского лингвиста У. Чейфа актуальное членение рассматривается как одна из составляющих «упаковки» пропозиционального содержания высказывания, т. е. того, как оно подается в конкретной ситуации [Чейф, 1982]. Наряду с актуальным членением, элементами «упаковки» являются также *данное/новое*, *известное/неизвестное*, *контрастивность*, *эмпатия*, *прагматический пик*, *топик* и некоторые другие категории. В отечественной лингвистике для обозначения данного круга явлений используется термин *коммуникативная организация смысла* высказывания [Кобозева, 2009, с. 285], а само деление на тему и рему называют еще его *коммуникативной структурой* (*коммуникативным синтаксисом*) [Падучева, 2010, с. 109–120].

Перед исследователем коммуникативной структуры высказывания и текста неизбежно встает проблема выбора содержательной интерпретации темы и ремы — выбора, который определит результаты анализа фактического материала. Так, например, если исследователь исходит из определения темы как того, о чем говорится в высказывании, то в тематическую сферу попадают и элементы *нового*, не активизированного для коммуникантов содержания (тематическое) [Апресян, 1988]. Если содержательной основой темы избрано *данное*, то логическим следствием этого является признание существования коммуникативно нерасчлененных, полностью рематических высказываний. В круг предметов исследования здесь включается также изучение взаимодействия АЧ и других составляющих «упаковки» высказывания, таких, например, как *контраст* и *топик*.

Несмотря на отсутствие единства в теоретических подходах к определению темы и ремы, на практике эти коммуникативные составляющие в целом ряде случаев выделяются достаточно однозначно. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты экспериментальных исследований, в ходе которых даже наивные

испытываемые успешно выделяли тему и ремю в текстах определенных функциональных стилей (например, делового, научного, газетного), очевидно, в силу ее большей маркированности, чем, скажем, в художественном тексте [Грудева, 2008]. К настоящему времени установлены четыре способа маркирования темы, из которых два — фонетический и позиционный — считаются универсальными, а лексический и грамматический представлены в одних языках и отсутствуют в других. Так, в русском языке основным средством оформления актуального членения является порядок слов вкупе с интонацией, а вспомогательным — лексические средства, в том числе частицы [Крылова, 2009]. В английском языке фиксированный порядок слов, следовательно, его возможности для выражения АЧ ограничены, поэтому возрастает роль синтаксических и лексических средств в передаче коммуникативной структуры высказывания [Vachek, 1994, p. 18, 21]. В настоящей работе мы отталкиваемся от классического определения АЧ как способа «включения предложения в предметный контекст» [Матезиус, 1967, с. 239] и рассматриваем тему как смысловую опору высказывания на предыдущий контекст, а ремю — как элементы, посредством которых осуществляется переход высказывания к последующему контексту.

Изучение актуального членения в текстах различных функциональных стилей и жанров позволяет говорить о его стилеобразующей роли. Так, четкая тема-рематическая структура, в целом соотносящаяся с синтаксической структурой, характерна для делового стиля. Темы здесь, как правило, соотносятся с основными ключевыми и опорными словами соответствующей предметной области (*стороны, плановые показатели, заявка* и т. п.). В художественном тексте (особенно в диалоге) элементы темы редки: тема большинства высказываний не выражена эксплицитно, а среди ее элементов преобладают обозначения действующих лиц [Ягунова, 2012]. В научном стиле отмечается наличие рематического подлежащего в начальной позиции, что, по мнению исследователей, демонстрирует относительность распространенного представления о соответствии грамматического подлежащего и темы и свидетельствует о том, что соответствующие конструкции являются средством обобщения и абстрагирования научной информации [Хлабутина, 2011]. Эти и подобные выводы представляют значительный интерес для практики перевода. Так, А. Л. Пумпянский, изучая позиционные различия в распределении основной и вспомогательной информации в английском и русском языках, сформулировал так называемый закон третьего порядка слов: если в предложении

исходного текста имеется рематическое подлежащее при прямом порядке слов, то в соответствующем русском предложении эквивалент этого подлежащего будет расположен в конце предложения [Пумпянский, 1974, с. 59].

Целью настоящего исследования является установление связи АЧ и воздействующего эффекта высказывания в политическом дискурсе. Работа выполнена на материале англоязычных оригиналов и переводов на русский язык речей крупных политических деятелей современности. Реализация лингвориторической функции АЧ в аспекте перевода является пока малоизученной. Среди немногочисленных работ, посвященных этой проблематике, отметим исследование Я. Фирбаса, который проанализировал переводы на английский, немецкий, французский и голландский языки начала романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и показал, что даже незначительные отклонения от оригинала в коммуникативной нагрузке (в его терминологии — коммуникативном динамизме) элементов в тексте перевода влияют на расстановку смысловых акцентов при восприятии текста читателем и в определенной степени искажают интенцию автора произведения [Firbas, 1999].

Для профессионально подготовленного переводчика необходимость сохранения актуального членения исходного текста является прописной истиной, однако в практике перевода этому следуют не всегда. Причин тому несколько:

- АЧ исходного текста не всегда просто определить. Речь идет не только об АЧ отдельных предложений, но и о тематических и рематических прогрессиях — тема-рематических моделях текстовых фрагментов, которые также должны воспроизводиться в переводе.
- При работе с парой языков, один из которых обладает аналитическим, а другой синтетическим строем, для передачи АЧ оригинала требуется преобразование синтаксической структуры предложения. В этой связи уместно процитировать К. Хопкинсона: «Переводчики часто оказываются в ловушке: в поисках полной синтаксической эквивалентности они упускают из виду то, что синтаксические структуры, по видимому, труднее всего поддаются преобразованиям при переводе» [Hopkinson, 2007, p. 22].
- Текст, в принципе, может хорошо читаться, даже если АЧ передано неверно, и реципиенты просто не замечают того, что существенная информация представлена в ином свете.

Между тем существуют тексты, при переводе которых АЧ должно передаваться точно, чтобы избежать возможных несоответствий в трансляции значимой информации. Речь идет о выступлении крупных политических деятелей. Исследуя их общедоступные переводы, мы обратили внимание на некоторые спорные моменты. Рассмотрим пример, взятый из известной речи Ричарда Никсона «Великое молчащее большинство», известной также как «Доктрина Никсона», с которой он выступил по телевидению 3 ноября 1969 г. в ответ на марши противников войны во Вьетнаме:

At the Paris peace conference Ambassador Lodge has demonstrated our flexibility and good faith in 40 public meetings. **Hanoi has refused even to discuss our proposals** (Richard M. Nixon...).

На Парижской мирной конференции посол Лодж продемонстрировал нашу гибкость и добрую волю в ходе сорока общественных мероприятий. **Ханой отказался даже обсуждать наши предложения** (Гуамская доктрина).

В переводе, предлагаемом интернет-порталом «История США в документах», полностью воспроизводится синтаксическая структура второго предложения, и контекстуально зависимое сочетание *наши предложения* занимает конечную позицию. На наш взгляд, при этом возникает вдвойне негативный коммуникативный эффект:

1. Умалывается весомость сочетания *наши предложения*, что с точки зрения общего посыла речи крайне нежелательно. Никсон хочет подчеркнуть, что его правительство работает, предлагает пути решения проблемы, и то, что конфликт до сих пор не урегулирован, не его вина. Контекстуально зависимое сочетание *наши предложения* теряет сильную позицию в начале высказывания, его смысловая весомость падает.
2. Все внимание переносится на рему, на действия Ханоя (*не стал даже обсуждать*). Предложение приобретает избыточную эмотивность, демонстрирует разочарование говорящего. Акцент на реме усиливается за счет наличия в ней отрицания и усилительной частицы *даже*, что дополнительно ослабляет внимание к сочетанию *наши предложения*.

Насколько это соответствует коммуникативному намерению Никсона — лидера нации, позиционирующей себя как сверхдержава? Для ответа на этот вопрос рассмотрим другой вариант перевода:

В ходе сорока встреч с общественностью в рамках Парижской мирной конференции посол Лодж продемонстрировал нашу гибкость и добрую волю. Однако **наши мирные предложения** (топик) в **Ханое** (тема) **не стали даже обсуждать** (рема).

Сочетание *наши мирные предложения* приобретает статус *топика* — коммуникативного элемента, соотносящегося со структурой всего текста, указывающего на его тему и способствующего его целостному восприятию. Такая трактовка подтверждается возможностью следующего преобразования: *Наши мирные предложения — их в Ханое не стали даже обсуждать*. Посредством самого расположения элементов создается желаемый контраст двух позиций: конструктивной (*наши мирные предложения*) и непримиримой (*не стали даже обсуждать*). За счет снижения семантического статуса элемента Ханой нивелируется персонификация оппонента, умаляется его значимость и, как следствие, уменьшается избыточная эмоциональность ремы. Предложение звучит как констатация факта, который общественность должна оценить негативно.

Представляется, что глубинная разница между двумя вариантами перевода заключается в степени категоричности высказывания. Исследователи *категории категоричности* полагают, что категоричное высказывание транслирует прямолинейность, однозначность и полную уверенность говорящего, демонстрирует его безапелляционность по отношению к передаваемой информации, за счет чего реализуется воздействующая функция политического дискурса и транслируется авторитетность политика [Лескина, Шаронова, 2018]. Ее дискурсивными маркерами в русском и английском языках являются императив, вводно-модальные слова, передающие логическую оценку высказывания, уверенность говорящего в истинности сообщения, модальные глаголы со значением долженствования, простые синтаксические конструкции и параллелизм. Представляется, что в этот список следует включить и актуальное членение предложения. Так, вклад АЧ в усиление категоричности высказывания в вышеприведенном примере заключается, по нашему мнению, в следующем:

1. Смещение смысловых акцентов: в общедоступном переводе центральный по коммуникативной значимости элемент *наши предложения* упоминается «походя», теряется; в предлагаемом переводе данное сочетание выдвигается на передний план.
2. Изменение общей тональности (то есть психологической позиции говорящего по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения) фрагмента речи: с од-

ной стороны, это эмоциональный всплеск, перекалывание вины на другого, и с другой — решительность, убежденность в своей правоте.

3. Изменение посыла речи: призыв к сочувствию vs призыв к трезвой оценке.
4. Трансляция имиджа политика: человек, столкнувшийся с неожиданным ходом противника, vs спокойный, сильный, уверенный в себе.

Другие обнаруженные нами примеры неадекватной передачи АЧ в политической речи также свидетельствуют о связи АЧ и категории категоричности. На более развернутом примере из того же источника продемонстрируем важность воссоздания тема-рематической структуры фрагмента текста, где Никсон говорит о проблемах, с которыми он столкнулся в начале своего президентства:

Now let me begin by describing the situation I found when I was inaugurated on January 20: The war had been going on for four years. **Thirty-one thousand Americans had been killed in action.** The training program for the South Vietnamese was beyond [behind] schedule. Five hundred and forty-thousand Americans were in Vietnam with no plans to reduce the number. **No progress had been made at the negotiations in Paris** and the United States had not put forth a comprehensive peace proposal (Richard M. Nixon...).

Жирным шрифтом выделены предложения, в которых рема предшествует теме. В имеющемся переводе сохраняется данная особенность оригинала:

А сейчас позвольте мне начать с описания ситуации, которая сложилась к тому времени, когда я вступил на президентский пост 20 января. Война шла уже четыре года. **31 тысяча американцев погибла в боевых действиях.** Программа обучения южных вьетнамцев отстала от запланированного графика. Во Вьетнаме находились 540 тысяч американцев, и не существовало никаких планов по сокращению их численности. **Не было достигнуто никакого прогресса на переговорах в Париже,** и Соединенные Штаты не выдвинули никакого всеобъемлющего мирного предложения (Гуамская доктрина).

Как представляется, коммуникативная задача Никсона в приведенном фрагменте — обозначить серьезность проблем, которые ему пришлось решать во всем их комплексе и которые пока не решены в том числе и по причине существующих в обществе противоречий. Консолидации общества должна способствовать твердость

и определенность позиции авторитетного лидера, транслируемая через категоричность его высказываний. Как уже отмечалось, одним из средств вербализации категоричности и реализации побудительной функции политического дискурса является синтаксический параллелизм, упрощающий восприятие сообщения и усиливающий его экспрессию. Очевидно, что принцип параллелизма может быть реализован и на уровне коммуникативного синтаксиса с аналогичным прагматическим эффектом:

Я хотел бы начать с описания **ситуации**, которая сложилась к тому времени, когда я вступил на президентский пост 20 января. **Война** шла уже четыре года. В **боевых действиях** погибла тридцать одна тысяча американцев. **График реализации Программы обучения южных вьетнамцев** не соблюдался. **Во Вьетнаме** находились 540 тысяч американских военнослужащих, и сокращение их численности не рассматривалось. **Переговоры в Париже** зашли в тупик, а **Соединенные Штаты** не смогли выдвинуть всеобъемлющего мирного предложения.

Как мы видим, в предлагаемом переводе текст выстраивается по принципу тематической прогрессии с производными темами *война, в боевых действиях, график реализации Программы обучения южных вьетнамцев, во Вьетнаме, переговоры в Париже, Соединенные Штаты* и гипертемой *ситуация*. Параллельно формируется рематическая доминанта, которую можно условно назвать «болевыми точками»: *шла уже четыре года, погибла тридцать одна тысяча американцев, не соблюдался, находились 540 тысяч американских военнослужащих, сокращение их численности не рассматривалось, зашли в тупик, не смогли выдвинуть всеобъемлющего мирного предложения*. Все темы располагаются в начале, а ремы — в конце высказываний, что соответствует естественному порядку следования коммуникативных противочленов в русском языке. Подчеркнем, что в этом виде прогрессии тематические элементы имеют определенную акцентированность, поскольку они не являются безусловно *данным, активизированным* для реципиента содержанием. Выбор элементов *ситуации*, которую Никсон намерен описать, не является полностью предсказуемым, вполне зависит от говорящего, что подчеркивает его лидерство и усиливает категоричность сообщения.

Обратимся еще к одному фрагменту «Доктрины Никсона»:

For the future of peace, precipitate withdrawal would be a disaster of immense magnitude. **A nation cannot remain great if it betrays its allies and lets down its friends** (Richard M. Nixon...).

В имеющемся переводе не в полной мере учитываются контекстуальные связи элементов исходного текста, являющиеся основой тематического статуса:

Быстрый вывод наших войск станет бедствием огромного масштаба **для будущего мира**. Нация не может оставаться великой, **если она предаст своих союзников и изменит своим друзьям** (Гуамская доктрина).

Поскольку в предшествующем контексте речь идет о путях восстановления мира во Вьетнаме, сочетание *for the future of peace* является темой и должно размещаться в начале предложения. Сочетание *betrays its allies and lets down its friends* также должно рассматриваться как тематическое, поскольку у него есть антецедент *precipitate withdrawal*. Их явная логическая связь очевидна: стремительный вывод американских войск из Вьетнама означает, по мнению Никсона, предательство союзников и друзей. Представляется, что в переводе соответствующие элементы должны располагаться в начале предложения:

Для дела восстановления мира стремительный вывод наших войск будет иметь катастрофические последствия. **Страна, которая предаст своих союзников и подводит своих друзей**, не может считаться великой.

В предлагаемом переводе также воссоздается параллелизм коммуникативной организации фрагмента: сильную конечную позицию занимают ядерные элементы рем, передающие категоричную оценку Никсона: *катастрофические последствия и не может считаться великой*.

Рассмотрим далее фрагменты из известной речи Рональда Рейгана, произнесенной 12 июня 1987 г. на площади у Бранденбургских ворот («Речь у Берлинской стены»):

We come to Berlin, we American presidents, because it's our duty **to speak, in this place, of freedom** (Ronald Reagan...).

Мы, американские президенты, приезжаем в Берлин потому, что считаем своим долгом **говорить здесь о свободе** (Речь у Берлинской стены).

Обращает на себя внимание необычное расположение обстоятельства места *in this place* и его пунктуационное выделение, говорящее о желании Рейгана сделать особый акцент на данном элементе. В имеющемся переводе это не учитывается. В предлагаемом нами переводе статус ядра ремы сочетанию *in this place* придается с помощью усилительной частицы *именно*:

Мы, американские президенты, приезжаем в Берлин потому, что считаем своим долгом **именно здесь** говорить о свободе.

Таким способом обозначается намерение Рейгана подчеркнуть важность Берлинской стены как символа противостояния Запада и Востока и усилить патетику и категоричность его речи.

В следующем примере, взятом из той же речи, обращает на себя внимание дискретность, «порционность» введения рематических элементов *one sign, unmistakable, advance dramatically*, которая не вполне воспроизводится в имеющемся переводе:

There is **one sign** the Soviets can make that would be **unmistakable**, that would **advance dramatically** the cause of freedom and peace (Ronald Reagan...).

Советы могут сделать **лишь один безошибочный шаг**, который будет расценен как **серьезно способствующий** делу свободы и мира.

Представляется, что это тот случай, когда следовало сохранить полипредикативность структуры исходного предложения, которая позволяет сделать акцент на важных элементах, либо же произвести более радикальные синтаксические преобразования:

От Советов требуется **лишь** подать **сигнал**, который можно будет расценить **однозначно**. **Один** этот сигнал **резко продвинет вперед** дело свободы и мира.

В предлагаемом переводе параллелизм придаточных предложений исходного фрагмента, столь важный для передачи актуального членения, компенсируется за счет повтора-подхвата и добавления элементов *один этот*.

В заключение рассмотрим пример, демонстрирующий важность экспликации в переводе причинно-следственных отношений и ее связь с актуальным членением. Фрагмент взят из текста обращения Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна к Генеральной Ассамблее 24 сентября 2014 г. («От нестабильности к миру»). Перечислив такие важные проблемы, как кризис дипломатии, терроризм и др., Пан Ги Мун отмечает:

It may seem as if the world is falling apart, as crises pile up and disease spreads (Inaugural Speech by Ban Ki-moon..., 2014).

Создается впечатление, что мир разваливается на части, кризисы множатся, а проблемы приобретают все более широкомасштабный характер (Генеральный Секретарь...).

В имеющемся переводе логические отношения причины и следствия не передаются, а мысль строится следующим образом: *создается впечатление* (тема) vs остальная часть предложения — рема, в которой одинаковый акцент делается как на контекстуально зависимых (*кризисы множатся, а проблемы приобретают все более широкомасштабный характер*), так и на новых элементах (*мир разваливается на части*). Между тем вступительная речь на общественно-политическом мероприятии является, по мнению Т. В. Лариной, сознательной, контролируемой демонстрацией эмоций в целях воздействия на окружающих с тем, чтобы повлиять на восприятие ими ситуации и на ее понимание [Ларина, 2004, с. 37]. Очевидно, что демонстрируемые эмоции (в данном случае — опасение за судьбу мира) должны быть обоснованными, а говорящий должен быть уверен в правильности своих оценок (*the world is falling apart*):

Поскольку кризисы множатся, а проблемы становятся повсеместными, **создается впечатление, что мир разваливается на части.**

В предлагаемом переводе эксплицируется причинно-следственная связь предикативных единиц: *Создается впечатление, что мир разваливается на части* (следствие — рема), *поскольку кризисы множатся, а проблемы становятся повсеместными* (причина — тема, контекстуально зависимое содержание). Экспликация причинно-следственных отношений делает высказывание более весомым и категоричным.

В целом можно заключить, что при переводе политической речи следует прежде всего исходить из того, какие задачи намерен решить политик: какие мысли донести до аудитории, что подчеркнуть, к чему призвать и каким образом транслировать при этом свой имидж. Необходимо помнить, что в решении данных задач существенную роль играет актуальное членение, позволяющее выстроить текст логично, упростить его восприятие, расставить акценты на важном содержании и усилить экспрессию. При составлении исходного текста все это тщательно учитывается, однако при переводе отдельные параметры могут упускаться из виду. В частности, как показало исследование, может в недостаточной мере учитываться контекст высказывания, являющийся основой для установления темы и ремы, могут нарушаться технологии перевода, предусматривающие преобразование синтаксической структуры исходного текста, изменение порядка слов и экспликацию причинно-следственных отношений, игнорироваться роль

лексических, грамматических и пунктуационных средств маркирования коммуникативного статуса элементов. В результате возникают такие нежелательные коммуникативные эффекты, как смещение смысловых акцентов, изменение тональности и общего посыла сообщения, отражающиеся на степени категоричности речи политика и трансляции желаемого имиджа.

Источники материала

- Гуамская доктрина. URL: <http://www.grincevskiy.ru/1945-1990/guamskaya-doktrina.php> (дата обращения: 26.10.2020).
- Генеральный Секретарь. Обращение к Генеральной Ассамблее: «От нестабильности к миру». Нью-Йорк, 24 сентября 2014 г. URL: http://www.un.org/en/ga/69/meetings/gadebate/pdf/BK_ru.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
- Речь у Берлинской стены. URL: <http://www.grincevskiy.ru/1945-1990/rech-u-berlinskoj-steny.php> (дата обращения: 26.10.2020).
- Inaugural Speech by Ban Ki-moon at 69th UN General Assembly. September 24, 2014. URL: <http://www.voltairenet.org/article185434.html> (дата обращения: 26.10.2020).
- Richard M. Nixon. The Great Silent Majority. Delivered 3 November 1969. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/richardnixongreatsilentmajority.html> (дата обращения: 26.10.2020).
- Ronald Reagan. Remarks at the Brandenburg Gate. Delivered 12 June 1987. West Berlin. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganbrandenburggate.htm> (дата обращения: 26.10.2020).

Литература

- Апресян Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык: система и функционирование: сб. науч. трудов / редкол.: Ю. Н. Караулов, В. В. Лопатин, М. В. Ляпон, Ю. С. Степанов, М. С. Суханова. М.: Наука, 1988. С. 10–22.*
- Грудева Е. В. Способы введения и определения темы в русском языке и стратегии носителей языка в ее определении (экспериментальное исследование) // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 71. С. 36–44.*
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Ларина Т. В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // *Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. трудов. Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. С. 36–46.*
- Лескина С. В., Шаронова В. Б. Корреляция степени категоричности в языке оригинала и в версии перевода в политическом дискурсе (на материале

- оригинала и перевода «Доктрины Никсона») // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 55–60.
- Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 2009.
- Пумпянский А. Л.* Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М.: Наука, 1974.
- Хлабутина Л. А.* Феномен препозитивного рематического подлежащего в английской научной и технической литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 186–188.
- Хоккет Ч.* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Иностранная литература, 1970. С. 45–76.
- Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Иностранная литература, 1982. С. 277–316.
- Ягунова Е. В.* Экспериментальный подход к определению коммуникативной структуры текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 652–654. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/145.pdf> (дата обращения: 26.10.2020).
- Firbas J.* Translating the introductory paragraph of Boris Pasternak's Doctor Zhivago. A case study in functional sentence perspective // Word, Text, Translation: Liber Amicorum for Peter Newmark. Eds G. Andermann, M. Rogers. Clevedon: Multilingual Matters, 1999. P. 119–129.
- Hopkinson Ch.* Factors in Linguistic Interference: A Case Study in Translation // SKASE: Journal of Translation and Interpretation. 2007. № 2.1. P. 13–23. URL: http://www.skase.sk/Volumes/JTI02/pdf_doc/2.pdf (дата обращения: 26.10.2020).
- Vachek J. A.* Functional syntax of modern English. Brno: Masaryk University, 1994.

Энциклопедии

- Крылова О. В.* Актуальное членение предложения // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. С. 372–373.

Спецкурс «Перевод как профессия, бизнес, индустрия» как основа формирования деловой профессиональной компетентности будущего переводчика

В статье рассматривается необходимость развития профессиональных и деловых компетенций у будущих переводчиков в рамках отдельной дисциплины. Автор предлагает программу спецкурса «Перевод как профессия, бизнес, индустрия». Спецкурс состоит из трех модулей и охватывает такие аспекты, как профессиональные организации и издания, профессиональная этика, организация труда переводчика, юридическая грамотность переводчика, развитие индустрии перевода и многие другие. Предлагаемый спецкурс может стать частью учебного плана и эффективным инструментом формирования профессиональных и деловых компетенций переводчика.

Ключевые слова: перевод, переводчик, профессиональные и деловые компетенции, индустрия перевода.

Е. А. Bugreeva

Developing the translator's professional and business competencies within a translation as a profession, a business, and an industry course

The article highlights the importance of developing professional and business competencies in translators. The author offers a course that consists of three modules: Translation as a Profession, Translation as a Business, and Translation as an Industry. The course is to embrace the issues that are not usually taught as a discipline, although they may be explained randomly. The course will consider aspects such as professional associations and journals, professional ethics, full-time and freelance job, organization of a translator's work, the quality of translation, launching own translation agency, a translator's legal competence, trends in the translation industry, and more. The course could become part of a curriculum for translators and an effective tool to develop their professional and business competencies.

Keywords: translation, translator, professional and business competencies, translation industry.

Поиск более эффективных способов формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков остается одним из актуальных вопросов. В учебном плане нет такой самостоятельной дисциплины, которая предполагала бы изучение рынка переводческих услуг, особенностей работы с заказчиком, организационных, юридических вопросов переводческой деятельности, профессиональной этики, делового этикета разных стран и др. Эти проблемы частично рассматриваются в курсах «Теория перевода» и «Практический курс перевода», однако в большинстве случаев эти компетенции формируются гораздо позже, в производственной деятельности переводчика. Безусловно, незнание простейших законов профессии приводит к непониманию, конфликтам, а в ряде случаев и к серьезным проблемам в деловых отношениях.

Спецкурс «Перевод как профессия, бизнес, индустрия» может стать основой формирования профессиональных и деловых компетенций будущего переводчика. Структура спецкурса отражена в его названии и может быть кратко представлена в трех модулях: «Перевод как профессия», «Перевод как бизнес» и «Перевод как индустрия».

В первом модуле «Перевод как профессия» целесообразно рассмотреть такие аспекты, как составляющие квалификации переводчика (профстандарт), профессиональный кодекс переводчика, профессиональные организации и издания, устав Союза переводчиков России, профессиональная компетентность переводчика, переводческие компетенции (лингвистическая, межкультурная, психологическая, социальной интеракции и др.), организация труда, разрешение конфликтов, работа в команде, психофизическая подготовка переводчика (саморазвитие, преодоление стресса), профессиональная этика, качество перевода.

Рассмотрим некоторые примеры. В разделе «Организация труда переводчика» студентам можно предложить для обсуждения такие ситуации, как:

- Вам предстоит устно переводить доклады на тему «Переработка пищевых отходов». Как вы будете готовиться?
- Вы опаздываете на мероприятие, куда приглашены работать переводчиком. Ваши действия?
- Вы не знаете, где встать/сесть. Ваши действия?
- Вам делают замечание об ошибке. Ваши действия?
- Оратор говорит очень быстро. Поддерживать ли темп? Применять ли компрессию?

- Плохой звук. Вам не слышно, что говорит оратор. Ваши действия?
- Вам не видно презентации спикера. Ваши действия?

Ответы на некоторые из этих вопросов можно найти, например, в статье А. И. Никольской «Письмо юному другу» в журнале «Мосты. Журнал переводчиков» [Никольская, 2004, с. 71–76], а также в пособиях Н. К. Дупленского [Дупленский, 2015а; 2015б]. Такие кейсы можно предлагать студентам не только для обсуждения, но и как темы для деловой игры.

В разделе «Профессиональная этика» целесообразно предлагать следующие ситуации для обсуждения:

- Вам предлагают переводить текст из той области, в которой вы совсем не разбираетесь. Возьметесь ли вы за перевод?
- Ваш коллега, переводчик, с которым Вы должны работать в команде, не пришел на мероприятие. Ваши действия?
- О коллеге плохо отзываются как о переводчике. Ваши действия?
- Будете ли вы рекламировать свои услуги (раздавать свои визитные карточки) на мероприятии, которое организовано не вами?
- На мероприятии клиенты/гости организатора обращаются к вам с вопросом/просьбой. Ваши действия?

Другие ситуации можно найти, например, в статье М. А. Загота «О переводческой этике» в журнале «Мосты. Журнал переводчиков» [Загот, 2004, с. 56–60] и во многих других источниках.

Основные вопросы второго модуля «Перевод как бизнес»: рынок переводческих услуг, работа в бюро переводов, фриланс, оплата труда переводчика, юридическая составляющая профессиональной компетентности переводчика, ответственность и права переводчика, работа с заказчиком, переговоры с заказчиком, деловой этикет, оформление заказа на перевод, профессиональный портфолио, работа с иностранными клиентами, межкультурная деловая коммуникация, особенности делового этикета в разных странах, организация собственного переводческого бизнеса и его диверсификация.

Рассмотрим примеры. Будущие переводчики должны знать, что Хартия переводчика (принятая Конгрессом в Дубровнике в 1963 г. и измененная в Осло 9 июля 1994 г.) гласит: «За перевод отвечает только переводчик, каковы бы ни были отношения или договор, связывающие его с лицами или учреждениями, использующими

перевод» [Хартия переводчика, 1964, с.497]. Будущие специалисты должны быть знакомы с содержанием ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», которая, в частности, гласит: «1. ...заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев. 2. Те же деяния, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок. Примечание. Свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе досудебного производства или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе»¹.

Далее студентам можно предложить конкретные кейсы для обсуждения:

1. Переводя документы о правах собственности на недвижимость, переводчик намеренно не указал одного из собственников. Недвижимость была продана без учета интересов этого собственника. Будет ли переводчик привлечен к уголовной ответственности? Варианты ответов: 1) да, согласно ст. 307 УК РФ; 2) переводчик будет освобожден от уголовного преследования, если на этапе дознания он заявит о заведомо неправильном переводе.
2. Переводя документы о правах собственности на недвижимость, переводчик случайно ошибся и не вписал одного из собственников. Будет ли переводчик привлечен к уголовной ответственности? Варианты ответов: 1) да, согласно ст. 307 УК РФ; 2) нет, уголовного преследования не будет².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты приводятся по СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.10.2020).

² Ответственность за заведомо ложный перевод. Мастер перевода. URL: https://masterperevoda.ru/tekuwee_zakonodatelstvo/statya_307_zavedomo_lozhnye_

В разделе «Ответственность и права переводчика» важно обсудить с будущими переводчиками такие вопросы, как, например, заключение договора на перевод. В частности, будущему профессионалу нужно знать, что договор на письменный перевод может быть квалифицирован как договор возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ) и как договор подряда (ст. 702 ГК РФ). Если заключен договор на оказание услуг, то заказчик вправе отказаться от него в любой момент при условии возмещения понесенных переводчиком расходов, ничего не оплачивая (ст. 782 ГК РФ). Если же заключен договор подряда, то заказчик обязан при отказе оплатить ту часть работ, которая уже была выполнена, и возместить причиненные отказом убытки (ст. 717 ГК РФ). Договор на устный перевод — это всегда договор оказания услуг [Алымов, 2012, с. 44–45].

В разделе «Деловой этикет: работа с иностранными клиентами/партнерами» может рассматриваться широкий круг вопросов, в которых переводчик должен быть компетентен. Среди тем для обсуждения и деловых игр могут быть такие:

«Встреча клиентов/партнеров в аэропорту»: подготовка переводчика, изучение особенностей культуры, приветствие, размещение переводчика и гостей в машине, разговоры по дороге до офиса/завода, размещение в отеле, встреча в офисе / на производстве, подарки и многое другое.

«Экскурсия по производству»: подготовка переводчика, терминология, готовность к переводу в условиях производства, неожиданные вопросы, поддержание положительного имиджа своей страны.

Виртуальная экскурсия на производство на занятии поможет понять, насколько переводчик должен быть готов, насколько широким должен быть его кругозор, как профессиональный, так и общечеловеческий. В такой ролевой игре может участвовать вся группа — один переводчик (студенты выполняют эту роль по очереди), остальные — члены делегации, партнерского визита, сотрудников компании из зарубежного офиса и т. д. Кирилл Казаков, переводчик-синхронист, действующий член АПС, член команды переводчиков президента В.В. Путина, приводит пример: «Как-то раз я работал на переговорах по ядерному разоружению. После успешного раунда переговоров глава принимающей делегации пригласил часть российской делегации в свою резиденцию и, как подобает гостеприимному хозяину, устроил небольшую экскурсию. Довольно быстро

pokazanie_zaklyuchenie_eksperta_specialista_ili_nepравilnyj_perevod.php (дата обращения: 27.10.2020).

выяснилось, что он увлеченный натуралист. Он сыпал направо и налево названиями деревьев, которые растут в этой местности, видами птиц, которые прилетают на зимовку. Потом пригласил к себе в дом и начал показывать свою коллекцию средневекового оружия. Вот это, говорит, кираса эскавйра Генриха V. А вот макет его замка, здесь крепостной ров, вот подъемная решетка. С дергающимся глазом я все это перевел. Готовясь к такому мероприятию, ты рассчитываешь переводить про боеголовки с разделяющейся головной частью, время над целью и прочие плутониевые сердечники. Но ты никогда не знаешь, какая часть обычных для носителя языка фоновых знаний выскочит на тебя в переводе.

Прочитав это, не стоит бросаться учить названия редких животных на своих рабочих языках. Но нужно четко понимать одну вещь. От переводчика ждут, что он знает то, что знает средний носитель языка. Средний носитель языка знает слова “палтус” и “треска”? Почти наверняка. А слова “анадромные рыбы”? Вряд ли. Он знает слова “мушка”, “ствол” и “курок”? Почти наверняка. А “цевье” и “скользящий приклад”? Вряд ли³.

Третий модуль, «Перевод как индустрия», может включать такие вопросы, как современные мировые тенденции в развитии переводческой деятельности, новые технологии в работе переводчика, работа в международных проектах и организациях, будущее перевода. Например, важно обсуждать с будущими переводчиками тенденции развития индустрии перевода в России и в мире. Для этого можно использовать материалы предварительной оценки развития различных секторов индустрии перевода в России в 2020 г., которые публикуют Константин Дранч, Мария Знаменская, Анна Михайлова, Олег Щипак. Специалистам важно знать, что «прошедший год обозначил четкий интерес к специализированным образовательным услугам у участников российского рынка переводов. Портфель “ТрансЛинк Образование” превысил 100 млн рублей, в “Эго Университет” оборот более 68 млн рублей, в “Академии Awatera” — 44 млн рублей, более 10 млн рублей в обучении заработал образовательный центр “Литерра” и более 6 млн — компания “ТехИнпут”. Эпидемия коронавируса вынудит переводческие компании диверсифицироваться и, возможно, станет катализатором перехода в понятные и масшта-

³ Кирилл Казаков: «Высокий профессиональный уровень — не показатель того, что ты уже всему научился». URL: <https://www.toptr.ru/intervyu/kirill-kazakov-%C2%ABvyisokij-professionalnyj-uroven-%E2%80%93-ne-pokazatel-togo,-chto-tyi-uzhe-vsemu-nauchilsya%C2%BB.html&src=sdkp&preparse> (дата обращения: 27.10.2020).

бируемые образовательные услуги для корпоративного сектора» [Дранч и др., 2020].

Анализ тенденций развития переводческих услуг в области медицины, возможно, познакомит кого-то с новыми терминами: «В медицине стало тесно от поставщиков, при этом российские компании все еще не вышли на мультиязычные глобальные проекты и специализированные высокомаржинальные услуги, такие как лингвистическая валидация, набор пациентов на клинические исследования, файлинг и взаимодействие с регуляторами в разных странах» [Дранч и др., 2020]. Лингвистическая валидация оценивает, насколько точно перевод отображает понятия и культурные реалии исходного текста. Участники проектов должны быть носителями языка перевода; при этом знание тематики перевода или других языков не является обязательным. Файлинг — система организации учета и хранения документов на основании определенных параметров, наиболее удобных для конкретного вида деятельности и организации.

Широкая тематика и практическая направленность курса позволяют использовать большое количество форм и приемов работы. Среди них, например, дискуссия в аудитории, основанная на проблемной ситуации, предложенной преподавателем, или просмотренном видеоролике из интервью или лекции профессионала, или деловая игра, имитирующая реальную ситуацию, со включением устного или письменного перевода конкретного текста. Обязательно нужно стимулировать участие студентов в реальных переводческих проектах, конкурсах, грантах. Очень важно привлекать к проведению занятий специалистов из разных областей: юристов, руководителей переводческих компаний, дипломатов, культурологов и т. д. Поисковая деятельность студентов заключается в изучении классических примеров из переводческой практики, мемуарной литературы, интервью с переводчиками, а также отслеживании современной практики перевода на форумах, конференциях, включая анализ трансляций встреч на правительственном уровне.

Таким образом, спецкурс «Перевод как профессия, бизнес, индустрия» может помочь будущему переводчику быстрее и эффективнее интегрироваться в профессиональное сообщество и избежать многих проблемных ситуаций. В данной статье рассмотрены лишь несколько примеров содержания и организации спецкурса. Перспективой данного проекта является издание учебного пособия с подробно разработанными модулями спецкурса.

Литература

- Алымов Р. В. Ответственность переводчиков // Мосты. Журнал переводчиков. 2012. № 2 (34). С. 43–50.
- Дранч К., Знаменская М., Михайлова А., Щипак О. Крупнейшие переводческие компании России 2020. [2020.] URL: <https://translationrating.ru/results2020russia/> (дата обращения: 27.10.2020).
- Дупленский Н. К. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. 3-я ред. М.: Р. Валент, 2015а.
- Дупленский Н. К. Синхронный и последовательный перевод. Рекомендации практикующим переводчикам. М.: Р. Валент, 2015б.
- Загот М. А. О переводческой этике // Мосты. Журнал переводчиков. 2004. № 3. С. 56–60.
- Никольская А. И. Письмо юному другу // Мосты. Журнал переводчиков. 2004. № 4. С. 71–76.
- Хартия переводчика // Мастерство перевода: сб. статей / гл. ред. К. И. Чуковский. Вып. 4. М.: Советский писатель, 1964. С. 496–500.

Социокультурные и лингвистические аспекты явления binge-watching (запойный просмотр телесериалов)

Инновационные технологии вносят изменения во все сферы жизни общества, в том числе постоянно пополняют язык новыми лексическими единицами. Появление стриминговых сервисов внесло коррективы в жизнь любителей сериалов, обогатив язык новой терминологией. Режим вынужденной самоизоляции повысил интерес к просмотру сериалов, популярность которых резко возросла благодаря политике компании Netflix, установившей бесплатный доступ к определенной части своего контента. Популяризация потокового вещания привела к распространению «аффилированных» неологизмов. В статье рассматриваются социально-философские и лингвистические аспекты явления binge-watching.

Ключевые слова: беспробудный просмотр, запойный просмотр, стриминговые сервисы, деривация, гедонистическая адаптация, аффилированные неологизмы, асоциальные привычки, COVID-19.

S. L. Golubeva, E. K. Rokhlina

Sociocultural and linguistic aspects of binge-watching phenomenon

One of the factors provoking the occurrence of neologisms is the constant development of breakthrough technologies. The arrival of streaming services resulted in the changes of series-lovers' lifestyle and the emergence of English neologisms and their derivatives. Due to lockdown regime, the interest in series soared; the popularity of the series was also promoted by the Netflix policy granting free access to a certain part of its content. Dissemination of streaming services caused the spread of affiliated neologisms. The paper deals with the socio-philosophical and linguistic aspects of binge-watching: the semantic and pragmatic aspects of derivation, the phenomenon of hedonic adaptation and changes in verbal communication

Keywords: binge-watching, streaming services, derivation, hedonic adaptation, affiliated neologisms, asocial habits, COVID-19.

Введение

В представленном исследовании рассматриваются проблемы влияния стриминговых сервисов и непосредственно явления *binge-watching* на жизнь и здоровье индивидуума и социума, анализируются положительные и отрицательные последствия «беспробудного просмотра» на фоне режима самоизоляции, в частности, изменения в межличностной коммуникации. В данной работе мы также сделали попытку установить: 1) оказывают ли «аффилированные неологизмы» влияние на развитие моделей словообразования в английском языке; 2) в какой степени эта лексика английского языка проникает в другие языки в форме заимствований; 3) какие формы заимствований наиболее распространены в русском, немецком, французском языках. Также проанализировано употребление этих неологизмов в речи неносителей английского языка, являющихся потребителями продуктов потоковых служб.

Материал и методы

Материалом исследования послужили словари, национальные корпуса английского и русского языков, публикации блогов и сайтов, результаты онлайн-опроса. Для анкетирования был использован метод доступной выборки, метод онлайн-опроса (инструмент — Google forms); для интерпретации данных были использованы метод наблюдения и метод объяснительного описания.

История возникновения явления и термина

Система *binge-watching* (непрерывный просмотр, позволяющий просматривать все эпизоды сериала подряд, без привязки к сетке вещания) была разработана американской компанией Netflix. Эта крупнейшая компания в Кремниевой долине, занимающая ведущую позицию по разработке контента и потоковой передаче (стриминговый сервис) фильмов и сериалов, охватывает более 100 млн пользователей по всему миру. Слово *binge* появилось в английском языке во второй половине XIX в. и означало *to soak* — ‘промокать, впитывать, пропитываться, просачиваться’ (Online etymology dictionary). Во время Первой мировой войны термин *binge* употреблялся в значении ‘чрезмерное употребление еды и питья’. По версии онлайн-словаря Grammarist.com, это понятие вошло в использование в середине 1990-х годов. Согласно программе Google Ngram Viewer, по-

пулярность этого термина начала расти примерно с 1980 г. Можно предположить, что это связано с началом кампаний против избыточного веса и чрезмерного потребления алкоголя. В течение короткого времени два варианта написания (*bingeing* и *binging*) были одинаковыми по частоте, но к началу 1990-х годов частотность варианта *binging* продолжала расти, тогда как частотность другого падала, однако оба варианта считаются правильными. К сожалению, эта статистика ограничена базой данных Google (Grammarist).

Термин *binge-watching* («просмотр запоем, беспробудный просмотр») появился в начале нынешнего столетия: согласно словарям Merriam-Webster и Macmillan — в 2003 г. Популяризация термина началась с 2012 г. с появлением стриминговых сервисов. В 2013 г. термин *binge-watching* был включен в крупнейшие толковые словари. Согласно словарям Cambridge, Merriam-Webster, Collins и Grammarist, глагол *binge-watch* имеет значение ‘просматривать несколько или все эпизоды сериала/шоу подряд’. В словарях Oxford, Cambridge, Macmillan и Urban Dictionary этот термин представлен как неисчисляемое существительное, обозначающее просмотр/процесс просмотра эпизодов сериала/шоу несколько часов подряд. В словарях также представлены понятия, связанные с термином *binge-watch* (*binge-watches*, *binge-watched*, *binge-watching*, *binge watcher* (по версии Oxford — без дефиса)), и синонимы (*binge-viewing*, *marathon-viewing*). В опросе, проведенном Netflix в феврале 2014 г., 73 % людей определяют *binge-viewing* как ‘просмотр около 2–3 эпизодов подряд одного и того же телешоу’ [West, 2013]. Binge-watching как культурное явление стал популярным благодаря возросшему количеству видеотрансляций таких сервисов, как Netflix, Amazon Video и Hulu, то есть с появлением просмотра по требованию и онлайн-трансляций. В 2013 г. термин попал в мейн-стримовое использование для описания практики Netflix по выпуску сезонов своих оригинальных программ одновременно, в отличие от отраслевой стандартной модели выпуска эпизодов на еженедельной основе. Netflix разрешил зрителям смотреть весь первый сезон сериала «House of Cards» («Карточный домик») за один раз в непрерывном режиме, хотя нет статистических данных о том, сколько зрителей приняли участие в этом «сидячем марафоне».

Дискуссионная часть

Являются ли технологии непрерывного просмотра благом или представляют собой угрозу здоровью общества? Согласно недавнему опросу, проведенному Netflix, 61 % телевизионных стримеров ре-

гулярно участвуют в «запойном просмотре». Опрос определил «просмотр запоем» как просмотр от двух до шести эпизодов шоу подряд, а также показал, что большинство людей положительно относятся к своему уровню потребления, однако чрезмерное увлечение сериалами может стать причиной ряда серьезных заболеваний [West, 2013]. В исследовании, опубликованном в «Journal of the American Heart Association», сообщалось, что взрослые, которые смотрели телевидение более трех часов в день, удвоили риск преждевременной смерти по сравнению с теми, кто смотрел меньше [Basterra-Gortari et al., 2014]. Долгое сидение увеличивает риск проблем со здоровьем; чтобы снизить риск, нужно делать миниперерывы для физической активности. Хотя просмотр может быть увлекательным, всегда существует опасность стать слишком одержимым им. Например, если вы намерены посмотреть три эпизода шоу и в итоге посмотрите шесть, это может быть признаком начала привыкания. Поведение также становится зависимым, когда оно начинает негативно влиять на другие аспекты вашей жизни, как если бы вы пренебрегали другими видами деятельности или обязанностями. Эксперты рекомендуют делать перерывы между эпизодами и не перекусывать во время просмотра, что может привести к бездумному перееданию [Hoai-Tran Bui, 2014].

«Запойный просмотр» также может привести к асоциальным привычкам. По данным компании Marketcast, занимающейся исследованиями в области развлечений, просмотр в непрерывном режиме, как правило, является довольно изолированным видом деятельности: 56 % пользователей (*bingers*) предпочитают смотреть в одиночку, 98 % смотрят дома [Bing, 2013]. «Всякий раз, когда вы тратите слишком много времени на что-то, вы отнимаете время у других важных вещей в жизни, таких, как общение с друзьями или работа», — говорят эксперты [Feinn, 2016]. По мнению исследователей, исправить ситуацию поможет «обсуждение с партнером или приятелями ваших мыслей по разным аспектам шоу, что является способом выражения собственного мировоззрения» [Page, 2017]. Использование популярной серии в качестве темы разговора может также помочь наладить коммуникацию с незнакомыми людьми.

Еще один аспект чрезмерного увлечения потоковыми сервисами — это потеря интереса. По мнению профессора психологии Калифорнийского университета в Риверсайде С. Любомирски, просмотр в режиме *binge-watching* вызывает психологический феномен, называемый гедонической адаптацией — это завуалированный способ сказать, что мы привыкаем к новым вещам. «Покупаешь что-то

новое, но постепенно интерес к этой покупке угасает», — говорит Любомирски [Lyubomirsky, 2011]. Таким образом, поначалу новое телешоу действительно воспринимается как захватывающее зрелище, но чем больше вы смотрите, тем меньше наслаждаетесь временем, проведенным перед экраном телевизора.

Причины роста популярности потокового вещания

Потребление стримингового сервиса значительно возросло со введением режима самоизоляции в марте 2020 г. Согласно данным издательства «Коммерсантъ», аудитория стриминговой платформы Amazon Twitch возросла на 33% (с 33 млн пользователей на 8 марта 2020 г. до 43 млн на 22 марта); HBO анонсировала прирост просмотра сериалов на 65%, а фильмов на 70%; компания Netflix объявила о значительном приросте просмотров, не разглашая точные данные [Федуненко, 2020]. Британская газета «The Guardian» связывает рост популярности «просмотра запоем» в условиях пандемии коронавируса с теорией заговора. С закрытием кинотеатров миллионы людей по всему миру оказались дома в карантине. В связи с этими событиями «The Guardian» задает вопросы: может ли COVID-19 стать благом для таких стримеров, как Netflix? был ли коронавирус спроектирован Netflix? была ли это одна из самых диких теорий заговора, поскольку наблюдатели отмечали, что новая документальная серия «Пандемия: как предотвратить вспышку» попала в меню подписчиков в то же время, когда мир начал испытывать похожий тип вспышки заболевания столетия? Стечение обстоятельств? Неправдоподобная массовая маркетинговая стратегия убийства? «Мы надеялись сообщить об этом раньше, а не после того, как появился другой опасный патоген», — пояснили продюсеры «Pandemic» [Rose, 2020]. Но теперь, когда вирус COVID-19 подрывает глобальный кинобизнес, такие стримеры, как Netflix, оказались в удачном положении. Посещение кинотеатров запрещено, выпуски громких релизов откладываются, люди находятся на карантине или самоизолируются. Другими словами, условия идеально подходят для марафонских просмотров запоем.

У коронавируса есть еще один выгодоприобретатель — компания Quibi, предоставляющая стриминг с оригинальными сериалами, новостными выпусками и шоу, ориентированный исключительно на мобильное потребление. Аналитики исследовательской компании Nielsen прогнозируют, что пандемия COVID-19 может поднять просмотры медиаконтента Quibi на 60%. Пользователи непременно узнают о новом сервисе, ведь стартап выделил на свое продвиже-

ние и рекламу колоссальный бюджет — примерно 400 млн долл. Более того, в середине марта Quibi заявила, что на протяжении первых трех месяцев сервис будет бесплатным. «В это время у нас есть шанс сделать то, что принесет радость, веселье и смех людям прямо в руки», — объясняет соучредитель Quibi Джеффри Катценберг (см.: [Хмелевски, 2020]). Между тем половина опрошенных телезрителей сказали, что они провели за просмотром шоу более восьми часов, а три четверти заявили, что смотрели программу более четырех часов подряд. 80 % телезрителей, проводящих за просмотром четыре часа и более, подтвердили, что пренебрегали сном, чтобы продолжать смотреть программу. Исследователи ранее обнаружили, что любители «беспробудных просмотров» чаще сообщают о тревоге, состоянии устойчивого стресса и депрессии [Ward, 2019].

Влияние явления *binge-watching* на язык и речь

В ноябре 2015 г. словарь Collins выбрал термин *binge-watch* в качестве слова года¹. С приходом этого явления лексикон пополнился единицами, выполняющими номинативную функцию в отношении процессов создания и потребления продуктов Netflix. Разумеется, потребители знают большую часть этих лексических единиц, но оказывает ли существенное влияние на системные процессы языка и речевую практику в целом употребление этих слов? Само явление *binge-watching* имеет коммерческую подоплеку и в первую очередь затрагивает сферу делового общения.

Рассмотрим ряд примеров и проанализируем их морфологическую структуру, орфографию и словообразовательные модели. Как отмечают некоторые исследователи, за последние 15–20 лет наиболее продуктивными способами словообразования в английском языке являются *blending* и *abbreviation* (словослияние и аббревиация) наряду с *compounding* (словосложением) [Лашкевич, 2007]. Рассмотрим реализации данных моделей в образовании некоторых терминов, связанных с явлением *binge-watching*:

- 1) *over the top* — ‘легальный просмотр’;
- 2) *digital marketing* — ‘цифровой маркетинг, преимущественно в социальных сетях’;
- 3) *second screen advertising* — ‘реклама на втором экране’, как правило, осуществляющаяся через мобильное приложение,

¹ Binge-watch is Collins’ dictionary’s Word of the Year. 05.11.2015. URL: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-34723515> (дата обращения: 25.09.2020).

которое позволяет пользователю взаимодействовать с контентом передачи;

- 4) *binge racer* — ‘человек, который смотрит весь сезон шоу в непрерывном режиме на протяжении 24 часов’;
- 5) *transactional video on demand* (TVOD) — в отличие от видео по подписке, когда потребители платят за каждый просмотр, эта модель может быть использована для онлайн-обучения;
- 6) *FANG stocks* — акроним финансовой сферы общения, относящийся к фондам компаний Facebook, Amazon, Netflix и Alphabet;
- 7) *key takeaways* (бизн. в контексте Netflix) — ‘основные события/идеи сериала’;
- 8) *Netflix and chill* — ‘посмотреть сериал и заняться сексом’;
- 9) *Netflastinate* — ‘слишком долго выбирать сериал из множества опций’;
- 10) *Netflix cheating* — ‘смотреть очередной эпизод сериала, пока партнера/супруга нет дома’.

В связи с развитием коммуникативного подхода в терминоведении понятие «термин» стало более свободным. Кроме того, наблюдается тенденция к использованию терминосочетаний на основе ядерных терминов. Рассматриваемые примеры являются яркой иллюстрацией этого явления. Мы приводим исключительно те значения терминосочетаний, которые относятся к сервисам Netflix и явлению binge-watching. Все словосочетания образованы по продуктивным моделям современного английского языка: noun + preposition + noun, adjective + noun, noun + noun, abbreviation + noun [Петрова, 2019; Брыкина, 2012]. Терминосочетание *FANG stocks* образовано с использованием аббревиатуры и существительного, таким образом, аббревиатура *FANG* выступает атрибутивом к *stocks*, что является типичным для деловой сферы общения (ср.: *DDR mark*, *ABA transit number*, *НАССР process*). Несмотря на то что некоторые из анализируемых терминов внесены в онлайн-словари английского языка (Collins dictionary; Oxford dictionary; Urban dictionary), они не стали общеупотребительными в приведенных значениях: проверка в British National Corpus (BNC) терминосочетаний из нашего списка не дала результатов, то есть в контексте именно в таких значениях они не употребляются, а следовательно, не вошли в обиходное употребление широких слоев носителей английского языка. Этот факт является естественным и ожидаемым для неологизмов, введенных в употребление

в узкой сфере общения: слишком короткий срок функционирования, функционирование в узком спектре коммуникативных ситуаций и в узкой среде. Единственный положительный результат (пять контекстных употреблений) был обнаружен в BNC по поисковому запросу *video on demand*. Показательно, что из 722 контекстных употреблений словосочетания *over the top* нет ни одного со значением 'легальный просмотр видеоконтента, полученного от правообладателя провайдером и розданного пользователям услуг этого провайдера'. Именно оно применимо к технологии, обеспечивающей использование телевидения Wifire. Таким образом, мы наблюдаем расширение значения, основанное на явлении семиозиса (семиозис нами понимается в рамках подхода Ч. Морриса) и вторичного семиозиса [Кустова, 2016; Пономарева, 2007; Успенский, 2011].

В публикациях, посвященных явлению binge-watching, в определенной степени затрагиваются прагматические аспекты языка, то есть внешняя, социальная сторона. На данном этапе нет оснований говорить о том, что binge-watching действительно изменяет модели словообразования, морфологические формы, произносительные нормы. Возможно, как и другие формы цифрового общения (например, networking), это явление затрагивает такие аспекты, как орфографическая норма, словотворчество [Crystal, 2001]. Однако считать это следствием распространения binge-watching неправомерно, так как подобные изменения связаны с распространением цифровизации и наблюдаются на протяжении длительного отрезка времени [Shlowiy, 2014; van Dijk et al., 2016]. Как отмечалось выше, это явление и характерный для него сленг функционируют в весьма ограниченном социальном пространстве. Что касается распространения вышеуказанных терминов посредством заимствования в русском языке, следует отметить, что способ кальки задействован гораздо меньше (такие единицы встречаются преимущественно в научных и профессиональных статьях), чем транслитерация слов и словосочетаний, и они не вошли еще прочно ни в устную, ни в письменную речь. Поиск в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) словосочетаний *пьяный просмотр*, *запойный просмотр*, *беспробудный просмотр*, *поточковый сервис/стриминг* результатов не дал, как и поиск в Словаре новых слов. Интересно отметить, что в немецком и французском языках, как отмечают исследователи, тип калькированных заимствований более распространен [Майер, 2018].

Как упоминалось выше, на систему языка каких-либо влияний со стороны явления binge-watching нет: заимствования и их формы никак не связаны конкретно с данным феноменом. Функциони-

вание этих неологизмов проявляется в речи весьма ограниченного круга носителей языка², и еще меньше затрагивают речь неносителей английского языка. В ходе исследования нами была распространена анкета с рядом вопросов о продуктах Netflix и терминах, рассмотренных выше. Нами было проведено анкетирование посредством Google forms, ссылка на опрос была направлена 100 респондентам: студентам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры и преподавателям СПбГУ и СПбГИКиТ. То есть были использованы методы доступной и сплошной выборки (нет градации по половому и возрастному признакам). Однако только 23 респондента приняли участие в опросе. С учетом того, что выборка была доступной и ограниченной, можно сказать, что среди русскоговорящих, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, активно используют сленг очень немногие. Из этого небольшого количества 73,9 % используют продукты Netflix и имеют подписку, большинство смотрят сериалы в одиночестве, и только четверо из опрошенных смотрят сериалы с друзьями или семьей.

Два предложенных вопроса непосредственно касаются использования в речи «аффилированных» неологизмов: 1) Do you use slang to discuss the episodes? 2) If you know and use any of these words/phrases put a tick (*binge-watching, binge racer, Netflix and chill, Netflastinate, key takeaways, second screen advertising, Netflix cheating, Netflix cheating, transactional video on demand*). Из 23 респондентов 17 знают и понимают значение; 26,1 % не используют сленг для обсуждения сериалов; 26,1 % иногда используют; 47,8 % используют сленг («аффилированные» неологизмы). С учетом ограниченной численности респондентов нет оснований говорить о широком употреблении вышеуказанных неологизмов (и заимствований в форме калек) в речи неносителей английского языка.

Выводы

Платформы стримингового сервиса, предоставляющие возможности непрерывного просмотра, как и любые инновационные технологии, имеют положительные и отрицательные стороны. К благоприятным аспектам можно отнести возникновение ощущения общности на базе сериала, так называемое «общее культурное пространство», облегчающее коммуникацию и создание чувства

² Так, в Великобритании возраст основной зрительской аудитории составляет 16–35 лет [Iqbal, 2021].

удовольствия, помогающего людям расслабиться и снять стресс. Неблагоприятными последствиями «просмотра запоем» являются склонность к зависимости, одиночеству, депрессии и меньшему самоконтролю. Таким образом, негативные эффекты, так называемые «угрозы отложенного действия», в данной ситуации более весомы, чем позитивные.

Изучению «афилированных» неологизмов как в английском языке, так и соответствующих заимствований в немецком, французском языках, посвящены единичные работы отечественных и зарубежных лингвистов. В электронных версиях толковых словарей английского языка эти единицы уже зафиксированы. В онлайн-версии словаря Larousse, на платформе France Terme и онлайн-версиях словарей русского языка (Словарь новых слов; Большой современный толковый словарь русского языка) нами не обнаружены единицы из списка проанализированных в статье терминов и терминосочетаний. Это свидетельствует о том, что заимствования, связанные с явлением binge-watching, не вошли в обиходное употребление. Таким образом, стремительное развитие технологий и индустрии развлечений не ускоряет естественные процессы адаптации национальным языком неологизмов. Включение их в качестве заимствований в активный запас лексики других языков также происходит под влиянием тех факторов, которые определяют жизнеспособность неологизмов в целом.

Источники материала

Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Словарь новых слов. URL: <https://wordsonline.ru/dicts/neologisms/?lo=%D0%91> (дата обращения: 10.08.2020).

British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.08.2020).

Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 20.08.2020).

France Terme. URL: <http://www.culture.fr/franceterme/terme/CULT680> (дата обращения: 10.09.2020).

Grammarist. URL: <https://grammarist.com/spelling/bingeing-or-binging/> (дата обращения: 10.08.2020).

Larousse dictionnaire de Français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 10.08.2020).

Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=binge> (дата обращения: 10.08.2020).

Литература

- Брыкина С. В. Английские экономические термины: структура, семантика, перевод // Вестник Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 223–229.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Флинта, 2016.
- Лашкевич О. М. Тенденции словообразования в современном английском языке // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. 2007. № 5 (1). С. 45–52.
- Майер В. С. Неологизмы стриминговой платформы Netflix как маркеры современности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2018. Вып. 16. С. 38–41.
- Петрова О. Ю. Роль оглаголивания в развитии английского языка. Оглаголивание в рекламном дискурсе // Иностранные языки в экономических вузах России. Всероссийский научно-информационный альманах. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 100–106.
- Пономарева О. Б. Когнитивные и прагматилистические аспекты семантической деривации: на материале русского и английского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2007.
- Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.
- Федуненко Е. Стриминг вырос за счет коронавируса // Коммерсантъ. 30.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4308422> (дата обращения: 25.10.2020).
- Хмелевски Д. Стриминг в эпоху пандемии: как ветераны Голливуда и Кремниевой долины запустили «Netflix для смартфонов» // Forbes. 12.04.2020. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/397213-striming-v-epohu-pandemii-veterany-gollivuda-i-kremnievoy-doliny-zapustili> (дата обращения: 27.04.2020).
- Basterra-Gortari F. J., Bes-Rastrollo M., Gea A., Núñez-Córdoba J. M., Toledo E., Martínez-González M. Á. Television viewing, computer use, time driving and all-cause mortality: the SUN cohort // Journal of the American Heart Association. 2014. Vol. 3, no. 3, e000864. <https://doi.org/10.1161/JAHA.114.000864>
- Bing J. MarketCast Study Finds TV “Binge-Viewing” Creates a More Engaged Viewer for Future Seasons and Not a Bingeing Habit // PRWeb. 08.03.2013. URL: <https://www.prweb.com/releases/2013/3/prweb10513066.htm> (дата обращения: 25.09.2020).
- Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Feinn L. Binge-Watching Television May Make Us Depressed, According to New Study // Bustle.com. 07.03.2016. URL: <https://www.bustle.com/articles/146333->

- binge-watching-television-may-make-us-depressed-according-to-new-study (дата обращения: 27.09.2020).
- Hoai-Tran Bui*. Study: Watching Too Much TV Could Lead to Early Death // USA Today. 26.06.2014. URL: <https://www.theleafchronicle.com/story/news/local/2014/06/27/study-watching-too-much-tv-could-lead-to-early-death/11445999/> (дата обращения: 24.09.2020).
- Iqbal M.* Netflix Revenue and Usage Statistics (2021) // Business of Apps. 09.03.2021. URL: <https://www.businessofapps.com/data/netflix-statistics/> (дата обращения: 24.04.2021).
- Lyubomirsky S.* Hedonic Adaptation to Positive and Negative Experiences // The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping / ed. by S. Folkman. New York: Oxford University Press, 2011. P. 200–224. URL: <http://sonjalyubomirsky.com/files/2012/09/Lyubomirsky-2011.pdf> (дата обращения: 25.09.2020).
- Page D.* What happens to your brain when you binge-watch TV series // NBC News Digital. 04.11.2017. URL: <https://www.nbcnews.com/better/health/what-happens-your-brain-when-you-binge-watch-tv-series-ncna816991> (дата обращения: 24.09.2020).
- Rose S.* Coronavirus: when binge-watching goes viral // The Guardian. 12.03.2020. URL: <https://www.theguardian.com/film/2020/mar/12/coronavirus-binge-watching-netflix-streamers-viral> (дата обращения: 27.04.2020).
- Shlowiy A. A.* Texting abbreviations and language learning // International Journal of Arts & Sciences. 2014. Vol. 7, no. 3. P. 455–468. URL: https://www.academia.edu/10301685/Texting_abbreviations_and_language_learning (дата обращения: 10.08.2020).
- Van Dijk C. N., Merel C. N., van Witteloostuijn M., Vasić N., Avrutin S., Blom E.* The Influence of Texting Language on Grammar and Executive Functions in Primary School Children // PLOS ONE. 31.03.2016. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0152409> (дата обращения: 27.06.2020).
- Ward V.* Binge-watching TV viewers “spend more than eight hours” glued to favourite shows // The Telegraph. 06.09.2019. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/06/09/binge-watching-tv-viewers-spend-eight-hours-glued-favourite/> (дата обращения: 27.04.2020).
- West K.* Unsurprising: Netflix Survey Indicates People Like To Binge-Watch TV // Cinemablend. 13.12.2013. URL: <https://www.cinemablend.com/television/Unsurprising-Netflix-Survey-Indicates-People-Like-Binge-Watch-TV-61045.html> (дата обращения: 29.07.2020).

Особенности передачи древнееврейских социально-политических реалий в библейских текстах периода монархии на английский и русский языки

В статье проанализированы приемы перевода ряда древнееврейских социально-политических реалий библейских текстов, обозначающих систему управления в период монархии, на английский и русский языки. В англоязычных переводах для данного типа лексики преобладают приемы лексической трансформации (например, конкретизации, описательного, приближенного перевода). Для русскоязычных переводов характерны буквализм, использование эквивалентов (например, калькирования).

Ключевые слова: древнееврейский язык, социально-политические реалии, период монархии, библейские переводы, лексические трансформации, эквиваленты.

A. A. Gorokhov

The features of translation of the Hebrew socio-political realities in biblical texts of the monarchy period in English and Russian

The article analyzes the methods of translation of the Hebrew socio-political realities of the biblical texts that characterize the system of governance of the monarchy period in English and Russian. In English translations for this type of lexical, the use of lexical transformation techniques (concretization, descriptive, approximate translation). The Russian biblical translations are characterized by literalism and the use of equivalents (calculus).

Keywords: Hebrew, socio-political realities, monarchy period, biblical translations, lexical transformation, equivalents.

Следует отметить, что в современном российском обществе до сих пор существует потребность в комплексном и всестороннем изучении библейской традиции. Поэтому очень важны правильная интерпретация социально-политических терминов древнееврейского языка и исследование их отражения в существующих переводах (особенно на языки, имеющие мировое значение, как английский и русский), поскольку лингвистические данные являются источни-

ком знаний о социальном мире и политической структуре носителей языка. Это способствует дальнейшему уточнению данных научной библеистики, что особенно актуально в связи с продолжающимися работами по созданию новых переводов и историко-лингвистических комментариев к отдельным книгам Библии.

В качестве источников, рассматриваемых в работе, используются оригинальные древнееврейские тексты Книг Самуила и Царей, в которых отражаются социально-политические реалии периода монархии (X–VIII до н.э.), и ряд их разноплановых (буквальных и коммуникативных) англоязычных и русскоязычных переводов.

Автором применены описательный и сравнительно-сопоставительный лингвистические методы, заключающиеся в использовании приемов наблюдения, обобщения, сравнения и сопоставления вариантов перевода выбранных для анализа лексем и словосочетаний исходного языка (ИЯ; древнееврейский) на переводящий язык (ПЯ; английский и русский).

Имеющиеся в библейских текстах периода монархии лексемы, описывающие социально-политические реалии, следует условно разделить на лексику, описывающую организацию общества, лексемы, обозначающие царскую власть, а также слова и выражения для характеристики системы управления.

Поскольку перевод лексики из первых двух групп на английский и русский языки отличается большей эквивалентностью, автором принято решение сосредоточиться на рассмотрении особенностей перевода лексем, обозначающих социально-политические реалии, характеризующих систему управления.

Основываясь на тексте первого (2Сам. 8:16–18) и второго (2Сам. 20:23–26) списков чиновников царя Давида и списке царя Соломона (1Цар. 4:1–19), следует считать, что одними из главных царских помощников в структуре древнеизраильского государственного управления являлись *софэр* и *мазкир*.

Так, при анализе передачи древнееврейского термина *софэр* в англоязычных переводах 2Sm 8:17 встречаются два эквивалентных варианта: *scribe* ‘писец, переписчик, книжник, секретарь’ (King James Authorized Version, 2011; American Standard Version..., 2006; New English Translation, 2011), *secretary* ‘секретарь, референт, помощник, руководитель учреждения, министр’ (Complete Jewish Bible, 2011; The New American Standard Bible, 2011; New Jerusalem Bible, 2011; Holy Bible, New Living Translation, 2011; Today’s New International Version, 2011; The Message..., 2006). Английская лексема *scribe*, представляющая кальку древнееврейского термина *софэр*, употреблена пре-

имущественно в буквальных англоязычных переводах (King James Authorized Version, 2011; American Standard Version..., 2006). В большинстве современных коммуникативных англоязычных переводов с учетом норм современного языка и исторических реалий использована лексема *secretary*, синонимичная *scribe*. Этот факт свидетельствует об определенной динамике в применении научных текстологических и исторических данных в современном англоязычном библийском переводе.

В англоязычных переводах 2Sm 20:25 встречаются варианты передачи на ПЯ с помощью лексической трансформации. В данном случае используется прием конкретизации, например *court secretary* 'дворовой/дворцовый секретарь' (Holy Bible, New Living Translation, 2011). Другие варианты: *recorder* 'протоколист, регистратор, архивариус' (Complete Jewish Bible, 2011), *historian* 'историк', кроме того, в США так именуется парламентский советник по истории, отвечающий за обеспечение сохранности исторических документов палаты и ее членов, который поощряет исторические исследования в отношении палаты (The Message..., 2006). Использование калькированного варианта перевода *scribe* выглядит достаточно обоснованно для понимания исторического контекста, в котором функционировал древнееврейский термин, несмотря на архаичность слова. Однако наилучшими для понимания смысла *софэр* в данном стихе являются варианты передачи с помощью английских лексем *secretary* и *court secretary*. Лексема *recorder* для передачи *софэр* на английский язык способна выразить только часть понятийного содержания древнееврейской лексемы. Вместе с тем употребление лексемы *historian* может увести мысль читателя перевода от точности понимания древнеизраильских исторических реалий.

В 1Kg 4:3 для передачи древнееврейской лексемы употреблен прием описательного перевода с конкретизацией значения, выраженный словосочетанием *wrote down what happened* 'записывавший случившееся' (New English Translation, 2011). Однако такое сужение значения также уводит читателя перевода от понимания значения древнееврейской лексемы на языке оригинала, что бесполезно для изучения исторического контекста функционирования *софэр* как социально-политического термина.

Термин *софэр хаммэлэх* 'царский писец' содержится во 2Kg 12:10,11. При анализе его передачи в англоязычных переводах встречаются следующие эквивалентные варианты: *the king's scribe* 'писец царя' (King James Authorized Version, 2011; American Standard Version..., 2006; The New American Standard Bible, 2011), *the king's*

secretary ‘секретарь царя’ (Complete Jewish Bible, 2011; New Jerusalem Bible, 2011; The Message..., 2006), *the royal secretary* ‘царский секретарь’ (New English Translation, 2011; The Holy Bible: New International Version, 2011; The New American Standard Bible, 2011], *the court secretary* (Holy Bible, New Living Translation, 2011). Следует отметить, что наилучшим для понимания смысла термина *софэр хаммэлэх*, с учетом исторических реалий, является вариант передачи на ПЯ *the royal secretary*. Вариант, полученный в результате калькирования *the king's scribe*, на сегодняшний момент будет выглядеть архаичным.

Свои особенности имеются в употреблении термина *софэр* во 2Kg 25:19. Там упомянуто о главном писце войска, пополняющем войско новобранцами. В ряде англоязычных переводов древнееврейский термин передан с помощью приближенного перевода *chief officer* ‘должностное лицо, отвечающее за какой-либо участок работы’ (The Holy Bible: New International Version, 2011; The New American Standard Bible, 2011; The Message..., 2006) и *officer* ‘чиновник, должностное лицо, служащий’ (Holy Bible, New Living Translation, 2011), чтобы правильно выразить функцию писца, о которой сказано в данном стихе.

В русскоязычных переводах (Библия..., 1989; Современный русский перевод, 2017) передача *софэр* на ПЯ ограничена только калькированным вариантом *писец* (2Сам. 8:17; 20:25; 1Цар. 4:3). В специализированном переводе для еврейской общины — «Ранние Пророки» — значение термина *софэр* разъясняется только в подстрочном комментарии (например, см. примеч.: «т. е. выполнял роль государственного секретаря» (Еврейская Библия..., 2015, с. 428)).

Другой важной фигурой в царской гражданской администрации был *мазкир* (лексема образована от древнееврейского корня *זכר* со значением ‘помнить, вспоминать’). Главными обязанностями этого чиновника являлись напоминание царю о важных мероприятиях, проведение придворных церемоний, обеспечение информационной коммуникации между царем и регионами страны.

При передаче древнееврейского термина *мазкир* во 2Sm 8:16 в англоязычных переводах встречаются следующие варианты: *recorder* (King James Authorized Version, 2011; American Standard Version..., 2006; The New American Standard Bible, 2011; The Holy Bible: New International Version, 2011; The New American Standard Bible, 2011), *chief adviser* ‘глава совета’ (Complete Jewish Bible, 2011), *secretary* (New English Translation, 2011), *herald* ‘глашатай, вестник, герольд’ (New Jerusalem Bible, 2011), *royal historian* ‘царский историк’ (Holy Bible, New Living Translation, 2011), *clerk* ‘клерк, администратор,

секретарь' (The Message..., 2006). Следует отметить, что при переводе *мазкир* на английский язык всегда происходит преобразование в форме конкретизации.

Наиболее аутентичной будет передача термина *мазкир* с ИЯ на ПЯ лексемой *herald* в New Jerusalem Bible. Другие варианты эквивалентного перевода этого древнееврейского термина страдают неточностью или выражают его значение лишь частично. Так, лексема *recorder* отражает только один из аспектов деятельности данного чиновника. То же самое следует сказать про вариант передачи с помощью выражения *royal historian*. Вариант передачи с использованием выражения *chief adviser* неправилен в том смысле, что у древнеизраильского монарха Давида, во-первых, не было такого властного органа, а во-вторых, советником царя Давида (*хайоэц*) названо во 2Sm 15:12 совсем другое лицо. Еще более неточной является передача термина *мазкир* с помощью лексем *clerk* или *secretary*. На Ближнем Востоке в древности сложно представить политическую фигуру, напоминающую современного европейского или американского клерка. Вместе с тем уже рассмотренный нами термин *софэр* именовал царского чиновника, исполнявшего функции государственного секретаря.

Особенностью одного из переводов является употребление для передачи *мазкир* во 2Kg 18:18 приема описательного перевода английским выражением *foreign minister* 'министр иностранных дел', в данном случае, возможно, ответственный за внешнюю царскую корреспонденцию (Complete Jewish Bible, 2011). Следует подчеркнуть, что в данном случае, как и с употреблением лексемы *secretary*, указанная функция, судя по историческим реалиям, относится к фигуре другого древнеизраильского чиновника, обозначаемого как *софэр*.

В русскоязычных переводах для передачи *мазкир* во 2Сам. 8:17 использованы две синонимичные лексемы: *летописец* (Современный русский перевод, 2017; Еврейская Библия..., 2015) и близкое к нему по значению архаичное слово *дееписатель* (Библия..., 1989). Для передачи указанного древнееврейского термина во 2Сам. 20:24, 1Цар. 4:3, 2Цар. 18:18 в русскоязычных переводах употреблены три лексемы: 1) *летописец* (Современный русский перевод, 2017; Еврейская Библия..., 2015); 2) *глашатай* (Современный русский перевод, 2017); 3) *дееписатель* (Библия..., 1989), в стихе 2Цар. 18:18. Наилучшим вариантом передачи данного древнееврейского слова следует считать лексему *глашатай*.

Во вторую половину правления Давида к прежним чиновникам добавился *ал-хаммас* 'начальник над трудовой повинностью'. В англоязычных переводах 2Sm 20:24 встречаются следующие ва-

рианты перевода *ал-хаммас*, сделанные с помощью описательного перевода: *over the tribute* ‘над податью, данью’ (King James Authorized Version, 2011), *over the men subject to taskwork* ‘над людьми, подвергаемыми урочной работе’ (American Standard Version..., 2006), *over the forced labor* ‘над принудительным трудом’ (The New American Standard Bible, 2011), *charge of forced labor* ‘заведующий принудительным трудом’ (Complete Jewish Bible, 2011; The Holy Bible: New International Version, 2011; New Jerusalem Bible, 2011; Today’s New International Version), *charge of the labor force* ‘заведующий рабочей силой’ (Holy Bible, New Living Translation, 2011), *over the work crews* ‘над рабочими группами/бригадами’ (The Message..., 2006), *supervisor of the work crews* ‘смотритель/надзиратель рабочих групп/бригад’ (New English Translation, 2011). Следует отметить, что наилучшим для понимания смысла термина *ал-хаммас* с учетом исторических реалий является вариант передачи словосочетанием *charge of forced labor* либо с помощью идентичных с ним по смыслу словосочетаний *over the forced labor*, *charge of the labor force*, *over the work crews*, *supervisor of the work crews*, которые также могут быть использованы для более или менее точного выражения значения термина на ПЯ. Вариант с использованием словосочетания *over the men subject to taskwork* передает понятийное содержание древнееврейского термина, но выглядит тяжеловесным. Что касается выражения *over the tribute* (King James Authorized Version, 2011), то здесь мы имеем дело с фразой, переведенной не с древнееврейского текста, а с древнегреческого перевода — Септуагинты: *Ἀδωνίραμ ἐπὶ τοῦ φόρου* (Septuaginta..., 1979). Книги Самуила и Царей были переведены на древнегреческий язык во II в. до н.э., в период эллинизма, когда многие реалии древнего Ближнего Востока, например мобилизация свободного земледельческого населения по трудовой повинности, уже потеряли свое значение. Древнееврейская лексема *мас* была переведена на греческий язык как *φόρος* — *ов*. Отсюда вытекает и появление в Библии короля Иакова для передачи данного библейского термина лексемы *the tribute* — ‘подать’. В других переводах 1Кг 4:6 значение термина *ал-хаммас* передано через словосочетание *manager of the slave labor* ‘управляющий/заведующий рабским трудом’ (The Message..., 2006). Однако именовать *мас* рабским трудом нельзя, поскольку это противоречит историческим данным о том, что к трудовой повинности привлекалось лично свободное земледельческое население.

В русскоязычных переводах для передачи выражения *ал-хаммас* во 2Сам. 20:24 и 1Цар. 4:6 использованы следующие варианты опи-

сательного перевода: *над трудовой повинностью* (Еврейская Библия..., 2015), *над сбором податей* (Библия..., 1989) только во 2Сам., *руководил трудовой повинностью* (Современный русский перевод, 2017) только во 2Сам., *над податями* (Библия..., 1989) только в 1Цар., *надзиратель за трудовой повинностью* (Современный русский перевод, 2017) только в 1Цар. Наилучшим вариантом передачи указанного древнееврейского выражения следует считать выражение *руководил трудовой повинностью и надзиратель за трудовой повинностью*.

В списке чиновников Соломона содержатся новые должности чиновников, что свидетельствует о расширении сфер деятельности гражданской администрации. Например, впервые в нем упоминается должность *ал-хаббайит* ‘начальник над царским домом’. По-видимому, главной заботой начальника дворца было экономическое обеспечение царского двора и налаживание правильного функционирования дворцовых служб.

Древнееврейский термин *ал-хаббайит* в 1Кг 4:6 передан эквивалентным выражением *over the household* ‘над домом, домашним хозяйством’ (King James Authorized Version, 2011; American Standard Version..., 2006; The New American Standard Bible, 2011). Также в ряде англоязычных переводов применен прием описательного перевода: *charge of the palace* ‘ответственный за дворец/резиденцию царя’ (Complete Jewish Bible, 2011; The Holy Bible: New International Version, 2011), *supervisor of the palace* ‘смотритель дворца’ (New English Translation, 2011), *manager of the palace property* ‘управляющий дворцовым имуществом’ (Holy Bible, New Living Translation, 2011), *manager of the palace* ‘управляющий дворцом’ (The Message..., 2006), *palace administrator* ‘дворцовый распорядитель’ (The New American Standard Bible, 2011), *master of the palace* ‘старший во дворце’ (New Jerusalem Bible, 2011).

Думается, что наилучшим для понимания смысла термина *ал-хаббайит*, с учетом исторического контекста, является вариант его передачи словосочетанием *manager of the palace property* либо идентичными по смыслу словосочетаниями *charge of the palace*, *supervisor of the palace*, *manager of the palace*, *palace administrator*. Вариант с использованием калькирования *over the household* понятен только в нарративном контексте, когда читатель уже узнает, что речь идет не просто о чьем-либо домоправителе *over the household*, а об управляющем дворцовыми службами царя Соломона. Лексема *master* полисемантическая, поэтому вариант с использованием выражения *master of the palace* в Новой Иерусалимской Библии является наименее понятным.

Для двух русскоязычных переводов в передаче *ал-хаббайит* в 1Цар. 4:6 характерным является использование приема калькирования: *над (царским) домом* (Еврейская Библия..., 2015), *начальник над домом царским* (Библия..., 1989). В «Современном русском переводе» значение выражено через описательный перевод словосочетанием *царский управляющий* (Современный русский перевод, 2017). В русскоязычных переводах 1Цар. 18:3 приведены два варианта описательного перевода для передачи указанного термина на ПЯ: *начальствовавший над дворцом* (Библия..., 1989; Еврейская Библия..., 2015), *старший во дворце* (Современный русский перевод, 2017). При переводе 2Цар. 18:18 выражение передано с помощью использования трех словосочетаний: *начальник дворца* (Библия..., 1989), *начальствующий над дворцом* (Еврейская Библия..., 2015), *царский управляющий* (Современный русский перевод, 2017). Калькированные варианты в данном случае в русскоязычных переводах могут точно передавать значение, этому способствует лексема *царский* — семантически нагруженный элемент словосочетаний в «Русском Синодальном переводе Библии» и «Ранних Пророках».

Чиновником, ответственным за различные сферы хозяйства царя Соломона, являлся Азарйаху — *ал-ханниццавим*, то есть он был куратором двенадцати царских наместников территориальных округов (1Kg 4:5).

При передаче древнееврейского термина *ал-ханниццавим* в 1Kg 4:5 в англоязычных переводах встречаются эквивалентные варианты: *over the officers* ‘над чиновниками’ (King James Authorized Version, 2011; American Standard Version..., 2006), *over the deputies* ‘над представителями’ (The New American Standard Bible, 2011). Однако в большинстве случаев использован прием описательного перевода: *chief administrator* ‘главный администратор’ (Complete Jewish Bible, 2011; New Jerusalem Bible, 2011), *supervisor of the district governors* ‘смотритель/надзиратель управляющих округами’ (New English Translation, 2011), *charge of the district officers* ‘заведующий чиновниками округов’ (The Holy Bible: New International Version, 2011), *charge of the district governors* ‘заведующий управляющими округов’ (Holy Bible, New Living Translation, 2011; The New American Standard Bible, 2011), *charge of the regional managers* ‘заведующий областными управляющими’ [The Message..., 2006]. Наиболее точно выражают значение древнееврейского термина на ПЯ словосочетания *charge of the district governors*, *charge of the regional managers*, что может использоваться при рассмотрении данного стиха в историческом контексте, изучении и реконструкции библейских исторических реалий.

В русскоязычных переводах передача выражения *ал-ханниц-цавим* на ПЯ ограничена двумя вариантами эквивалентного перевода: 1) *начальник над приставниками* (Библия..., 1989), 2) *начальник над наместниками* (Еврейская Библия..., 2015; Современный русский перевод, 2017). Второй вариант перевода лучше выражает терминологическое значение в ПЯ и поэтому более предпочтителен.

Итак, лексика, описывающая древнеизраильскую систему управления, является сложной, когда эквивалентный перевод с ИЯ (древнееврейского) на ПЯ (английский) возможен только в редких случаях, что часто требует употребления лексических трансформаций в форме конкретизации, описательного, приближенного перевода для сохранения исторической точности слов и выражений.

Русскоязычные переводы отличают большой буквализм, консерватизм, для них характерно преобладание эквивалентной передачи с помощью калькирования. Только в некоторых случаях используется прием описательного перевода. Думается, что англоязычные переводы могут использоваться как модель для дальнейших русскоязычных переводов, с целью уточнения исторической точности лексем и выражений, обозначающих социально-политические реалии в библейском тексте.

Источники материала

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в рус. пер. с прил. 4-е изд. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
- Еврейская Библия. Ранние пророки / ред. А. Кулик; пер. с др.-евр. А. Ольман, А. Кулик. М.; Иерусалим: Лехаим; Книжники; Мосты культуры, 2015.
- Современный русский перевод. М.: Российское Библейское общество, 2017.
- American Standard Version, 1901 ed. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. Atlanta: AT&T Corp., 2006. (CD-ROM).
- Complete Jewish Bible / Ed. by D.H. Stern. Clarksville: Messianic Jewish Bible, 1998. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Holy Bible, New Living Translation. Carol Stream: Tyndale House Publishers, 2007. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- King James Authorized Version (1611/1769) with Codes. Ontario: the Online Bible Foundation and Woodside Fellowship, 1988–1997. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- New English Translation. L. L. C., Biblical Studies Press, 1996–2006. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).

- New Jerusalem Bible / Ed. by H. Wansbrough. Darton, Longman & Todd Limited and Doubleday, 1985. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes; Duo volumina in uno / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. Vol. I. Leges et historiae; Vol. II. Libri poetici et prophetici.
- The Holy Bible: New International Version. London: Hodder & Stoughton, 1984. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- The Message: The Bible in Contemporary Language/ by Eugene H. Peterson. Colorado Springs: NavPress Publishing Group, 2002. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. Atlanta: AT&T Corp., 2006 (CD-ROM).
- The New American Standard Bible. The Lockman Foundation, 1995. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- Today's New International Version. Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 2011. [Electronic resource: BibleWorks, LLC, Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).

Бинарность «человек — дерево» в языческих представлениях славян

В статье рассматриваются вопросы языческих воззрений славян на связь человека с деревом. Формирование синкретического образа «человек — дерево» обусловлено анимистической философией природы, тотемистическим мировосприятием и базируется на общем архетипе. В статье анализируется сложившийся у славян культ деревьев, выявляются исторические пласты в его развитии, предпринимается попытка объяснить тотемические ритуалы с деревьями, описываются славянские обычаи и поверья, исследуются вопросы об их происхождении и формах бытования, фиксируются древнейшие славянские дендрототемы. Бинарность «человек — дерево» взаимообусловлена и предопределена жизнью человека и дерева. Фактический материал использован с целью восстановить историческую картину развития культа деревьев у славян.

Ключевые слова: язычество, славяне, славянская народная традиция, человек, дерево, анимистическая теория, дендрототем, сакральность.

E. N. Denisenko

Binarity “man — tree” in the pagan representation of the Slavs

The article discusses the issues of the pagan views of the Slavs on the relationship between humans and trees based on animistic theory. The cult of trees that has developed among the Slavs is analyzed, historical strata in its development are revealed, Slavic customs and beliefs are described, the oldest Slavic dendrothemes are recorded.

Keywords: paganism, Slavs, Slavic folk tradition, man, tree, animistic theory, dendrothemen, sacredness.

В системе языческих верований славян выделяют ряд последовательных этапов, связанных с отношением человека к окружающей действительности, в основе этих верований лежат представления о тесной связи человека и природы. Сходные представления о жизни и реальности, символом которых служит растительность, объясняют то, что можно было бы назвать «мистической связью» между деревьями и людьми. Самым ясным типом подобной «мистической связи» является, согласно древним преданиям, происхождение человеческой группы, племени от определенного растительного вида. Нередко дерево или куст считались мифологическими предками племени.

В изучении языческих представлений славян одну из важных позиций занимает анимистическая теория. Базируется эта теория на представлениях, связанных с верой в то, что вся окружающая природа живая и подобна человеку. Существенный признак анимистической теории заключается в том, что она рассматривает представления о духах как основу всякого образования мифов. Эта теория, в свою очередь, выступила в двух формах, которые можно различать как анимистическую в тесном смысле слова и как монистическую. Из них первая рассматривает веру в души вообще — имеют ли эти души свое местопребывание в растениях, животных или безжизненных предметах. Монистическая теория «видит в некоторой специальной форме человеческих душ — именно в душах предков и в посвященном им культе предков — источник прежде всего прочих представлений о душах, а затем через них и остальных форм мифологического мышления» [Мюллер, Вундт, 2002, с. 269]. Поскольку же животные и растения рассматриваются как предки и, значит, как духи — хранители человеческих племен, монизм является в то же время тотемизмом.

Славяне поклонялись разным стихиям, верили в родство людей с различными животными, растениями (деревьями), приносили им жертвы. Митрополит Макарий писал в XVII в. о язычниках: «Таковы же скверные мольбища их: лес, и камни, и реки, и болота, источники, и горы, и холмы, солнце и месяц, и звезды, и озера. И проще говоря — всему существующему поклонялись яко Богу, и чтили, и жертвы приносили» [Мюллер, Вундт, 2002, с. 548]. Древние славяне, находясь в неразрывной связи с природным миром, понимали эту связь как кровнородственную. При этом какое-нибудь животное или растение считалось первопредком рода или племени, то есть выступало тотемом. Анимизм, как утверждает Д. К. Зеленин, древнее тотемизма; тотемизм — религия раннеродовых обществ, характеризующихся возникновением экзогамии [Зеленин, 1937, с. 8]. Последнее же было настолько крупным социальным сдвигом, что оно не могло не отразиться в идеологических надстройках.

По мнению М. М. Маковского, любая неодушевленная вещь или предмет представлялись язычнику в виде одушевленных существ и приравнивались «к Слову, т. е. к божественной Первопричине, в связи с тем, что дерево (столб) было предметом поклонения и приравнивалось как к Вещи, так и к божеству, вполне возможно сопоставить этимологически спорное русское слово *лес* с лат. *res* ‘вещь, предмет’; ‘мир, Вселенная, природа’ (типологически ср. рус. *дуб*, но латыш. *daba* ‘природа’)» [Маковский, 1996, с. 139]. Подобные этимологические

параллели приводятся и в других исследованиях (см., например: [Уфимцева, 1974; Фуко, 1977; Brown, 1959] и др.): ср. семасиологические параллели соотношения значений ‘вещь’ — ‘дерево, лес’: ср. рус. диалектное *рамень* ‘лес’, лат. *ramus* ‘ветка, дерево’; брет., корнийск. *tra* ‘вещь, предмет’, но рус. *дерево*. Ср. еще др.-инд. *rohī* ‘дерево’, но польск. *rzecz* ‘вещь, предмет’, а также ‘речь, слово’; н.-нем. *sak* ‘вещь’, но рус. *сук* <*sank- [Маковский, 1996, с. 139]. Латинское *res* М. М. Маковский соотносит с и.-е. *lei- / *rei- ‘вещь, имущество’. К тому же корню относится и.-е. *ar- ‘порядок, гармония’ (дерево, лес как символ гармонии, порядка божественного Мироздания). Сюда же следует отнести словен. *res* ‘правда’, литов. диал. *isryksti* ‘сделаться явным’... Вместе с тем следует иметь в виду, что значение ‘лес’ часто соотносится со значением ‘пустошь, пустой’: ср. рус. *пустой*, но рус. *пуща* ‘густой лес’; и.-е. *ghei- ‘пустой’, но рус. диал. *гай* ‘лес’. В этой связи русское слово *лес* можно сблизить еще с нем. *leer* ‘пустой’, англ. *less* ‘меньше’, литов. *liesa* ‘тонкий, редкий’ [Маковский, 1996, с. 139–140].

Анализируя сложившийся культ деревьев, выявляя исторические пласты в его развитии, Д. К. Зеленин выделяет четыре стадии в истории развития тотемического ритуала с деревом:

1. Запрет-табу рубить деревья на стадии родового периода.
2. Разрешение табуации на хозяйственное пользование деревьями при первобытнообщинном строе. Автор соотносит с этой стадией усложнение культа деревьев в идеологическом и обрядовом плане. По его мнению, социальные союзы между отдельными родами родового общества преломляются в идеологической надстройке как тотемические союзы — договоры с добрыми союзниками-тотемами, отдельными видами животных, деревьев. В культе отмечены такие элементы, как запутывание дерева, уподобление ему, кормление его; для обряда характерен коллективный характер и женская направленность.
3. Третья стадия характеризуется наличием магических представлений; одевание в зеленые ветки имеет целью магическое усвоение физической силы и здоровья дерева. Возникают обереги в виде магического круга.
4. Дерево воспринимается как носитель анимистического духа, русалки. В культе дерева преобладают уже индивидуальные интересы: дерево (но не само, а дух его, русалка) может помочь девушке в ее любовно-брачных делах [Сабурова, 1979, с. 34].

С растительными тотемами связано множество славянских обычаев и поверий. Множество свидетельств о древнейших дендрототемах сохранили русские песни. Как отмечает В. Н. Демин, «знаменитая “Калинка-малинка” — не что иное, как закодированный тотемный пароль, фиксирующий когда-то конкретную тотемную принадлежность. А рефрен типа “Ой, калина моя! Ой, малина моя!” сродни припевам “Ой, Дид-Ладо!” с призывами к славянским языческим богам Диду и Ладу» [Демин, 2002, с. 153]. По мнению исследователя, «былинный Калин-царь — отголосок все тех же тотемных времен и нередко жестокого противоборства различных тотемов; лишь впоследствии произошло его совмещение с воспоминаниями о более знакомых по злодеяниям врагах, в основном о степняках-кочевниках, что веками терзали Русь. Из того же тотемного прошлого и сказочный Калинов мост как символ кланово-племенного рубежа» [Демин, 2002, с. 153–154].

Культ растений — существенная и неотделимая часть языческого мировоззрения. Признавая «особые» деревья заступниками, покровителями рода, семьи, отдельных представителей общины, человек сознательно принимает как непреложность сакральность дендрототемов. Исходя из этого положения, зачин песни «Из-под дуба, из-под вяза / Из-под вязова коренья — / Вот и калина, / Вот и малина...» является обязательным ритуальным пожеланием здоровья, позволяющим первобытному человеку перейти на биосферный уровень общения с растительной формой жизни.

О деревьях как о живых существах, подобных существам человеческим, в славянской народной традиции, в разных концах славянского мира (и не только славянского) сохранилось немало свидетельств (легенд, поверий, обрядов, примет и т. д.). Примеры содержатся в преданиях, повествующих о деревьях как об одушевленных существах, о тесной связи человека и дерева. Например, дерево (как и растение вообще) соотносится с человеком по внешним признакам. «Названия ноги, руки, пальцев и ногтей в санскрите (основе всех языков индоевропейской группы, к которой принадлежат и славянские языки) объясняются уподоблением человека растению. Ногами человек касается земли и тем самым напоминает дерево, прикрепленное корнями к матери сырой земле» [Грушко, Медведев, 2001, с. 174]. Если ноги сопоставлялись с корнями, то само туловище представлялось стволом, руки соответствовали ветвям, ногти — листьям на ветке, сок — крови, шелест листьев — человеческой речи, волосы народный эпос отождествляет с травой, а траву и цветы называет волосами земли.

Звуки внешней природы весьма часто служат в народной поэзии образами членораздельной речи. Так, например, человеческая речь представляется шумом дерева: «А не в бору сосна зашуміла, / Не зелена діброва з буйним вітром говорила, / А та вдова старенька в домівці з маленькими дітками гомонила»; «Что не дуб стоит — змиулан сидит; что не ветер шумит — змиулан говорит...» (см.: [Потебня, 1989, с. 458]). Как дерево шумит листвою, так человек говорит словами. Отсюда слово представляется древесным листом. Сравнение листа и слова встречается у всех славян, например в серб. пословице: «Од речена до створена, ка' од листа до корена» («От слова так далеко до дела, как от листа до корня») (см.: [Потебня, 1989, с. 459]). Лист, став символом слова, получает и некоторые из значений, какие имеет исходная номинация. Таким образом, происходит сравнение листа и разума, которое будет сложно понять, если не принимать во внимание, что посредником между листом и разумом есть слово, которое служит признаком мысли. А. А. Потебня отмечает связь шума листьев и речи в серб. эпитете ветки: «*Шушната грана* — собственно шумящая, потом — покрытая листьями ветка; ср. <...> чеш. *suseti* (*sausen*), *šuškat*, серб. *шушкати*, *шушкетати*, о листьях: шелестеть; о человеке: шептать, тихо говорить. Вместо *шушната* говорится и *шумната грана*. При этом выражении, кроме слова шум, стоят еще: серб. *шума*, лес, потому что шумит, потому что “шум ходить по діброві”» [Потебня, 1989, с. 461]. Как весною распускаются листья на дереве, так в человеке развивается мысль: «Не стій, вербино, разкидайся; / Не сиди, Марусю, розмишляйся, / Чим свою свекруху називать будеш?» (см.: [Потебня, 1989, с. 459]). Чем шире, тем шумнее лист, чем речистее, тем разумнее человек. Отсюда сравнение широты листа с умом: «Молодая явіриночка, / ...Чи ти листу не широкого, / Молодая Марусечко, / ...Чи ти матки не разумної? / У городі бузина, на ий листу нема; / Ти поганий, ти мерзенний, в тебе хисту нема» (см.: [Потебня, 1989, с. 460]). Широта листа как символ разума противопоставляется глупости: «Ой ти дубе кучерявий, / Широкий лист на тобі; / Ти козаچه молоденький, / Дурний розум у тобі» (см.: [Потебня, 1989, с. 460]). Соответствия шума дерева и брани, угрозы, вероятно, независимы от соответствия листа и слова: «Ой яворе зелененький, не шуми ж на мене, / А ти милий, чорнобривий, не сварись на мене» (см.: [Потебня, 1989, с. 462]).

Характерны представления о соотношенности судеб и жизненных этапов человека и дерева. Дерево представлялось покровителем новорожденных; полагали, что оно помогает при родах и, подобно Земле, заботится о маленьких детях. Сакральность Земли и сакраль-

ность Растительности — непротиворечивая бинарность. Дерево — еще один образ Жизни и неисчерпаемой реальности, выражением которых является также и Земля. В основе всех верований, имеющих отношение к вегетативному происхождению, а также к тому покровительству, которое оказывают новорожденным Дерево или Земля, мы находим непосредственное восприятие и «теорию» глубочайшей реальности, первоисточника Жизни, изначального вместилища всех форм бытия. Земля и возникающая из нее Растительность обнаруживают себя как сущее, как существующее в качестве живого, того, что беспрестанно возрождается [Элиаде, 2000, с. 149–150].

Согласно поверьям, рождение ребенка сопровождалось посадкой дерева, чтобы ребенок рос так же, как растет и крепнет дерево. Соответственно, «собственное» высохшее или выкорчеванное с корнем дерево предвещало человеку смерть. Вместе с тем фиксируются поверья, когда рост дерева вызывает истощение человека и приводит к его гибели. У восточных славян не разрешалось сажать у домов крупные деревья (дуб, каштан, ель), так как «эти деревья настолько могучи, что могут вытянуть из человека все его жизненные силы. Перерастет такое дерево посадившего его — он умрет. Перерастет весь дом — умрет хозяин или погибнет вся семья» [Грушко, Медведев, 2001, с. 174]. У южных славян запрещалось сажать орешник, так как они верили, что когда орех даст первый плод или как только его ствол сравняется по толщине с шеей человека, его посадившего, человек умрет.

А. А. Потебня отмечает, что «возраст, возмужалость, старость и т. п. — это то же, что фазы роста дерева» [Потебня, 1989, с. 447], поэтому важна известная степень тождества развития человека и растения. Слово *род*, например, в значении совокупности родичей, предполагает значение произрастания (деятельности) и плода (результата). В сербском языке *род* — синоним слова *плод*. И само по себе, независимо от явного сближения с ростом дерева, слово *род* заключает в себе сравнение рода как явления человеческой жизни с произрастанием дерева и вообще растения. «Великий род» мог бы быть сравнен с ростом древесным и в значении 'хороший, старинный'.

Другое соответствие значений: корень — отец, ветка — ребенок. Ср. луж. *Kajki korje, tajki wikorje* («Каков корень, таков отпрыск, каковы родители, таковы дети»); серб. *Без стра пања сиротно огњиште* («Плохо семье без отца, без старшего в роде») (см.: [Потебня, 1989, с. 454]). Данной пословице соответствует серб. *Тешко кући без чоека, а огњишту без хреба* (см.: [Потебня, 1989, с. 454]), где

«огнище», «очаг» — образ рода, семейства, хозяйства; «хреб» — большие верхние листья капусты, «хряпка» — кочерыжка. Возможны сравнения человека с корнем: чем старше, глубже, прочнее корень, тем старше и богаче человек. Ср. *сидеть на корю* — 'владеть дедовским имуществом'. Слово *корѣ*, род. п. *кря*, значит 'корень, родина, наследственное имущество, деревня, выселок'. Таким образом, очевидным становится, что как корень — отец, так отпрыск, парост — дитя. Характерно сближение в песнях ветки и дитяти. Рифмуются слова *вити* и *дити*. В языке это сближение, согласно исследованиям, находим в следующем: луж. *bole* 'дитя', *bolc* 'парень', *bolca* 'девица', чеш. *bole* 'дитя', *bolek* 'мальчик', *bolka* 'девочка' — ср. с чеш. *bole* (голя), *bol* 'ветвь, палка', *голія*, малорус. *гілля*, *гілька*; чеш. *bolomek* 'парень', ср. с *голомя* [Коготкова, 1966; Нахтигал, 1963; Потебня, 1989]. Наоборот, *пасынок* 'меньшее из двух сросшихся деревьев' (архангельск.), *отросток* (малорус.), серб. *младица* — 'молодая (жена)', *младица* — 'парост, ветка' [Потебня, 1989, с. 457]. Подобные соответствия, базирующиеся на отождествлении человека и конкретной реалии дендрологической лексики, как отмечают исследователи, встречаются в языческих верованиях всех славян [Дылевский, 1958; Карский, 1955; Шимчак, 1966]. Анимизм основывается на вере в то, что у всех предметов и явлений действительности есть душа, которая управляет ими. По некоторым поверьям, в купальскую ночь деревья переходят с одного места на другое и разговаривают друг с другом. Существовали также поверья о «буйных деревьях», растущих в сосновых и еловых лесах; верили, что таким деревьям присуща особая разрушительная сила, а узнать их могут только колдуны [Шапарова, 2001, с. 229]. Считалось, что «буйное дерево», срубленное и попавшее в стену избы между другими бревнами, будет пытаться разрушить все строение и обломками придавить хозяев; «даже щепка от таких бревен, подложенная со зла лихим знающим человеком, ломает и разрушает целые мельницы» [Максимов, 1994, с. 238].

Согласно полесским поверьям, у каждого человека имеется свое дерево-двойник; если его срубить, оно будет истекать кровью, но, срубленное, оно обладает чудодейственной силой: если сделать из него стол, он никогда не оскудеет; повозка, сделанная из него, способна ездить без лошадей, подчиняясь одному только желанию своего хозяина, и т. д. [Шапарова, 2001, с. 229].

Поскольку верили, что дерево — живое существо, у которого есть душа, которое способно чувствовать боль, то рубка его превращалась в тонкую хирургическую операцию, которую надлежало проводить с максимальным вниманием и осторожностью; «в про-

тивном случае дерево может разорвать неосторожного и неумелого хирурга на части. Когда валят дуб, “он издает пронзительные крики и стоны, которые слышны на расстоянии мили. Это гений дуба как бы жалуется”» [Фрэзер, 1986, с. 113].

Итак, дерево в древности считалось (как гора или вода)местилищем духов (добрых и злых), что находит отражение в этимологических сопоставлениях. Согласно М. М. Маковскому, сопоставляются слова: др.-англ. *ceart* ‘лес’, но рус. *черт*; рус. *колода*, но рус. *колдовать*; рус. *ветла*, но др.-инд. *vetala* ‘demon’; рус. *сосна*, но иран. **sos-* ‘дыхание, дух’ [Маковский, 1996, с. 134]. Значимость подобных этимологических сопоставлений отмечена также в исследованиях (см., например: [Теория и практика этимологических исследований, 1985; Этимологические исследования, 1984] и др.).

Не всегда с духами растительности обращались почтительно. Если мольба и доброе обращение не приносили желаемых результатов, то прибегали к более суровым мерам (чаще всего это относилось к фруктовым деревьям). Так, существует обычай, в котором, «чтобы заставить деревья плодоносить, во фруктовый сад входят два человека. Один из них взбирается на дерево, а другой стоит у подножки с топором в руках. Человек с топором спрашивает дерево, даст ли оно хороший урожай на следующий год; в противном случае он угрожает срубить его. На это укrywшийся в ветвях человек от имени дерева отвечает, что оно принесет обильный урожай». В канун Рождества многие сербские и болгарские крестьяне замахивались топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоящий рядом человек вступался за него со словами: «Не срубай его! Оно скоро будет плодоносить» [Фрэзер, 1986, с. 114].

В Полесье верили, что души деревьев воплощаются в образах девушек с прекрасными, сияющими лицами — древесниц. «Для того чтобы не повредить этим красавицам, деревья в старину старались не рубить, а собирали сушняк, сухостой. Если дерево засохло, значит, его древесница умерла или покинула свое обиталище. Древесницы напоминают античных дриад» [Грушко, Медведев, 2001, с. 174]. Согласно другому поверью, после смерти дерева его обретший свободу дух становится демоном, который может, присев на ветвях любого дерева, погубить его или вызвать смерть всех детей в доме, «примостившись на одном из его опорных столбов» [Фрэзер, 1986, с. 117]. Считалось, что в некоторых деревьях обитают странствующие демоны; если такие деревья повредить, то демоны выйдут на свободу. Поэтому люди относились к этим деревьям с уважением и остерегались их рубить.

Бытовало поверье, что духи обитают только в определенной разновидности деревьев. В Грбале, в Далмации, полагали, что «духами или тенями обладают некоторые из больших буков, дубов и других деревьев; если кто-то повалит одно из таких деревьев, он должен будет умереть на месте или, по меньшей мере, остаться инвалидом до конца своих дней. Если у лесоруба возникает опасение, что срубленное им дерево принадлежит к этому разряду, ему следует тем же топором, которым он срубил дерево, на оставшемся пне отрубить голову курице. Это отвратит от него возмездие» [Фрэзер, 1986, с. 113]. Позднее многие из обрядов, соблюдаемые при рубке деревьев, основывались на вере в то, что духи могут покидать деревья. Поэтому часто, перед тем как приступить к рубке дерева, просили его духа оставить это дерево и поселиться в другом.

Итак, когда в деревьях стали видеть не тело древесного духа, а только его жилище, которое дух может покинуть, был сделан значительный шаг вперед в религиозном мышлении. Анимизм при этом переходит в политеизм — в результате вместо того, чтобы рассматривать дерево как живое и сознательное существо, человек увидел в нем инертную, безжизненную массу, в которую на более или менее длительное время вселяется сверхъестественное существо.

Поскольку древесный дух отделяется таким образом от дерева, облик его начинает меняться и в соответствии с особенностями ранних форм мышления — заключать абстрактные духовные сущности в конкретную человеческую оболочку — принимает форму человеческого тела. Поэтому лесные божества в классическом искусстве изображаются в образах людей, а на их принадлежность к лесной флоре указывает ветвь или какой-нибудь другой недвусмысленный символ. Но это изменение формы не затрагивает сущности духа дерева. В качестве бога деревьев он продолжает пользоваться той же властью, какой он располагал в качестве вселившегося в дерево духа [Фрэзер, 1986, с. 118].

Во многих случаях живая, человекоподобная сущность, плоть и душа дерева представлялась скрытой, выявляющейся или выражающейся лишь в определенных условиях или в определенное время. При этом обычно эта сущность воспринималась носителями народной традиции как имманентная, присущая самому дереву, а не трансцендентная, перенесенная от человека. К таким имманентным свойствам, согласно народному мифологическому восприятию природы, относится и пол дерева. Береза — не просто дерево, обозначающее существительным женского рода, она — дерево женского пола, символ женского начала, несущий на себе печать матриархальной

эпохи. В некоторых языках и этнических традициях, согласно мнению М. М. Маковского, дерево считалось существом женского пола: ср. рус. *осина*, но осет. *is*, *woes* 'женщина'; рус. *дуб*, но исл. *dybba* 'женщина' [Маковский, 1996, с. 138].

С наступлением патриархата появились новые тотемные предпочтения и соответствующие дендрологические символы. У древних славян таким священным (и одновременно тотемным) деревом был дуб, символизирующий мужское начало. В украинских песнях мужчины сравнивались с дубами: «Похилився дуб дубові, / Поклонився кум кумові, / За любую гостиную, / За красную бесідоу!» (см.: [Демин, 2002, с. 159]).

Ель — по грамматическому роду в славянских языках — по преимуществу дерево женское. Вероятно, именно с этой «женской» символикой связан запрет сажать и вообще иметь около дома ель, которая якобы «выживает» из дома мужчин. По верованиям сербов, если ель растет вблизи дома, в нем не будут рождаться мальчики. На Русском Севере не сажали ель у дома, опасаясь, что в противном случае «мужики не будут жить, умирать будут, одни вдовичи будут» [Славянская мифология, 2002, с. 155]. Пол дерева, соответствующий грамматическому роду его названия, как явление зафиксирован не только в славянской, но и в балтийской народной традиции и имеет древнее индоевропейское происхождение. Так, в литовской западножемайтской этнодиалектной зоне был распространен обычай ставить на кладбищах деревянные антропоморфные надгробия из разных пород деревьев в зависимости от пола покойника. Покойникам-мужчинам эти надгробия делались из «мужских» деревьев — из дуба, березы и ясеня (*azuolas*, *berzas*, *uosis*), а покойницам из «женских» деревьев — из ели, осины и липы (*egle*, *epuse*, *liepa*) [Толстой, 1995, с. 333]. *Berzas* 'береза' в литовском языке — дерево мужского рода, равно как и *berzs* в латышском. «Наблюдения за крестинными обрядами латышей, проводившиеся в прошлом веке, — отмечает Н. И. Толстой, — дали также любопытный материал. Перед крестинами новорожденного ребенка кум шел в лес и вырубал дерево (очеп) для того, чтобы сделать из него колыбель младенцу. При этом для девочек он срубал липу (*liepa*) или елку (*egle*), а для мальчика — дуб (*uožuols*) или березу (*berza*). Затем около пня срубленного дерева кумовья совершали трапезу — ели и пили, поливая пенъ водкой и вколачивали в пенъ монетку» [Толстой, 1995, с. 333–334]. Представления о поле деревьев проявляются и в родинном обряде у сербов, которые жили в селах Подгорины (северо-западная Сербия). «Там после рождения ребенка брали рубаху, в которой была

роженица во время родов, и вешали ее на “мужское” или “женское” дерево, соответственно на орех, дуб, клен (серб. *орех, грм, клен*) или на бук, сливу, дуб (серб. *буква, илива, граница*), в зависимости от того, какого пола хотели иметь следующего ребенка. [Толстой, 1995, с. 334–335]. Чтобы иметь в браке много мальчиков и одну девочку, невеста при выходе из церкви должна была приговаривать, глядя на лес: «Все в чаще дубы, лишь одна береза» (в Карпатах) [Славянские древности, 1995, с. 156]. В Пиринской Македонии, в селе Гостун, чтобы мальчиков-одномесечников (то есть братьев, родившихся в один и тот же месяц) развести или разделить (а значит, по поверью, нарушить общность их судьбы, так как общность опасна в случае болезни или смерти одного из них), сажают между ними вербу (*врба*), а чтобы разделить девочек-одномесечниц (т. е. сестер), сажают орех (*орех*) [Толстой, 1995, с. 336]. Таким образом, во всех случаях «пол» или «род» дерева оказывается отмеченным в обрядовом окружении, в обрядовой функции.

Таким образом, анализ дендрологической лексики показывает, что в культурных традициях как славянских, так и других народов лежат представления о тесной связи человека и дерева, которые имеют выражение в различных принципах их соотносительности (живая, человекоподобная сущность дерева, вера в души и культ душ, представление о деревьях как об одушевленных существах, сходство человека и дерева по внешним признакам, соотносительность их судеб и жизненных этапов, гендерная символизация — «мужские» и «женские» деревья), неразрывно связанных с такими понятиями, как анимизм (включающий, в свою очередь, тотемизм) и позднее политеизм.

Литература

- Демин В. Н. Заветными тропами славян. М: Фаир-Пресс, 2002.
- Дылевский Н. М. Общеславянская лексика болгарского языка // Славистичен сборник. София: Изд-во БАН, 1958. С. 91–133.
- Зеленин Д. К. Проблема первобытной религии // Советская этнография. 1937. № 4. С. 3–17.
- Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. I. М.: АН СССР, 1955.
- Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования // Славянская лексикография и лексикология / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Наука, 1966. С. 291–310.
- Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
- Нахтигал Р. Славянские языки. М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Сабурова Л. М. Д. К. Зеленин-этнограф // Проблемы славянской этнографии / под ред. А. К. Байбурина, К. В. Чистова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. С. 9–44

Теория и практика этимологических исследований / отв. ред. К. М. Мусаев. М.: Наука, 1985.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистики. М.: Индрик, 1995.

Уфимцева А. А. Типы языковых знаков. М.: Наука, 1974.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1986.

Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977.

Шимчак М. Термины родства и семейного свойства в истории и диалектах польского языка // Славянская лексикография и лексикология / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Наука, 1966. С. 269–290.

Элиаде М. Трактат по истории религий. В 2 т. Т. 2. СПб.: Алетея, 2000.

Этимологические исследования / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: УрГУ, 1984.

Brown R. Words and things. Glencoe: The Free Press, 1959.

Словари и энциклопедии

Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских преданий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: ВЛАДОС, 1996.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО Полисет, 1994.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. В 5 т. Т. 1. М., 1995.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь / ред.: С. М. Толстая, Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин. М.: Международные отношения, 2002.

Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: АСТ, 2001.

Вопросы передачи национального характера в переводах с китайского языка

В настоящей статье рассматриваются вопросы перевода традиционных и национальных черт характера с китайского языка. Статья содержит краткую вводную историю перевода художественных произведений с китайского языка. Перевод считается мостом, соединяющий не только два языка, но также литературу и культуру изучаемого языка. Невозможно отделить культурно отмеченные единицы или исключить их из перевода, поскольку в большинстве случаев они должны нести всю стилистическую окраску и красоту художественной литературы. В нашей статье мы рассматриваем данную проблему на примерах малых эпических жанров в форме повествования. Данный жанр занимает особое место в истории китайской художественной прозы и сохраняет свои традиционные черты почти без изменений. В результате исследования мы пришли к следующему выводу: одним из важных условий качественного перевода является сохранение стилевой окраски лексики оригинального текста, необходимое для поддержания эмоциональных эффектов и передачи национального духа и колорита народа.

Ключевые слова: художественный перевод, художественная литература, китайская литература, национальный характер, зарубежная литература, межкультурная коммуникация.

J. T. Ziyamukhamedov

The issues of translation of the national character in the rendering from Chinese

The article discusses the issues of the translating the traditional and national character traits from the Chinese language. The paper contains of a brief introductory history of the translation of the fine-literature pieces from the Chinese language. Translation is considered to be the bridge connecting not only two languages but also two completely different literatures and cultures as well. It is impossible to separate the culturally marked units or leave them out from the translation as in most of the cases they have to bear all of the stylistic coloring and beauty of the fiction. We'll explore this topic in our article with examples of small epic genres in the form of storytelling. This genre occupies a special place in the history of Chinese fiction and retains its traditional features almost unchanged. This genre originates from folk motifs that still nourish and support its existence.

Keywords: literary translation, fiction, Chinese literature, national character, foreign literature, intercultural communication.

Переводчики не только должны свободно владеть другими языками, но также должны почувствовать тот материал, который они переводят. Фактически перевод произведения, которое переводчик ранее любя читал, перед тем как начал его переводить, получается более высокого уровня, чем перевод произведения, выполненного на заказ.

Великий узбекский писатель и поэт Муса Ташмухамедов (1905–1968), работавший под псевдонимом Айбек, известен также и как переводчик с русского на узбекский язык. Им переведены на узбекский язык такие произведения, как «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Фауст» И. В. Гёте, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова, отрывки из «Илиады» Гомера, эпос «Давид Сасунский», сочинения В. Г. Белинского и других. «Когда Айбек переводил произведения Пушкина, ему удалось сохранить “национальный дух”, как отражения самобытности. Прежде всего, он сам лично получал от этих произведений огромное эстетическое удовольствие и ни на минуту не забывал, что его задача перевести так, чтобы узбекским читателям они тоже понравились. Важнейшим условием для переводчика — Айбека — было передать не только идейное содержание оригинала, но и художественную форму, очарование и красоту поэтических образов», — писал знаменитый узбекский ученый-литературовед, профессор Наим Каримов [Каримов, 2015, с. 18].

Период создания оригинала обычно несколько отстоит от времени, когда был сделан перевод. Таким образом, ответственность за полное воссоздание духа оригинала требует от переводчика воссоздать характер того периода, когда был создан оригинал, путем выбора правильных языковых средств. При этом стиль языка периода перевода должен быть близок и понятен читателю, потому что переводчик переводит произведение для читателя своего времени. Как правильно отмечали К. Коновалова и Е. О. Григорян, «межкультурные различия важно изучать по нескольким причинам: знание их позволяет четче осознать особенности своей культуры, позволяет более эффективно взаимодействовать с представителями другой культуры, избегать межэтнической напряженности и может служить руководством в случае этнических конфликтов, исследование культур других народов учит людей терпимости, уважению, и пониманию других культур. Потому как каждая культура неповторима, ее взаимодействие с другими привносит сочность, эмоциональ-

ность, экспрессивность, колоритность культуре того или иного народа. Роль перевода в этом обмене художественными ценностями очень велика» [Коновалова, Григорян, 2012].

Вопросы о сущности перевода и о том, какой перевод можно считать правильным, являются предметом активной дискуссии. Во всем мире было проведено множество исследований по истории и теории перевода. Среди них есть очень много работ узбекских и российских ученых. Особенно в области развития и становления переводоведения в Китае учеными в Российской Федерации были проделаны очень большие научные исследования. Мы в данной статье проанализировали только лишь некоторые из них, где изучаются история развития и становления китайского переводоведения, основные этапы и категории [Ван Мэняо, 2012; 2013; Волкова, 2017; Костикова, Чэнь Шуи, 2012; Раренко, 2015].

К концу периода династии Восточной Хань переводческая деятельность в Китае достигла пика своего расцвета. В течение почти тысячи лет китайцы переводили буддийские сутры с санскрита на свои языки, что способствовало притоку индийской культуры и религии в Китай, что, в свою очередь, привело к дальнейшему развитию и процветанию китайской культуры. Такое грандиозное мероприятие иногда требовало участия до двух тысяч человек. Вторая волна переводческой деятельности произошла между периодами правлений династий Минь и Чинь (середина XVII в.): миссионеры, путешественники и торговцы из Европы начали приезжать в Китай, благодаря чему мир узнал о китайской философии, истории и литературе. Это способствовало ознакомлению западных стран с китайской культурой, что в свою очередь, оказало значительное влияние на западную идеологию и культуру.

Объем переводческих работ расширился особенно после «опиумных войн», когда общественно-политическая, научно-техническая и художественная литература начала поступать в Китай с Запада. Позднее научные, технические и культурные обмены между Китаем и другими странами постоянно росли, и сегодня они стали одними из важных факторов, влияющими на роль и значение переводческой деятельности.

Когда речь идет о национальном характере, важно определить значение этой категории, например, в литературе, и то, как она может отображаться в литературных произведениях. Тема национального характера в китайской художественной литературе и журналистике является одной из самых важных и интересных тем для многих исследователей. До середины XIX в. в Китае не было пред-

посылок для критического понимания национального менталитета, поскольку в обществе того периода доминировало представление о совершенстве китайской духовной культуры и ее превосходстве над любой иностранной культурой в целом.

Поэтические и прозаические произведения китайской литературы в равной мере отражают великолепие и самобытность китайской нации. Произведения известных поэтов периода правления династии Танг, таких как Ду Фу, Ли Бэй, Ван Вэй и прочих, заслужили достойное место в истории китайской литературы как блестящие примеры национальной литературы. Кроме двух великих поэтов Ли Бэя (李白) и Ду Фу (杜甫) этот период знаменит многими другими великолепными поэтами, которые обладали своим неповторимым стилем и манерой сочинения.

Поэтов этой эпохи можно разделить на две группы. В первую группу поэтов входят Мин Хаожан (孟浩然) и Ван Вэй (王维); они воспевают горные, речные, ландшафтные красоты, возводя этот жанр до искусства. А во вторую группу входят поэты, которые воспевают и восхваляют героические подвиги своих соотечественников, изображают воинские сражения [Зиямухамедов и др., 2016, с. 158].

Термин «национальный характер» охватывает и представляет не только абстрактную и неосязаемую душу народа с ее природной и естественной характеристикой. Этот термин, скорее всего, обозначает совокупность устойчивых особенностей, связанных с историческими и культурными условиями этики, морали и мировоззрения, отраженными в каждом человеке. Мы рассмотрим эту тему в нашей статье на примерах малых эпических жанров в форме повествования. Данные жанры занимают особое место в истории китайской художественной прозы и сохраняют свои традиционные черты почти без изменений. Они берут свое начало от фольклорных мотивов, которые до сих пор питают эти жанры и служат им подспорьем. Исследования истории мировой литературы достоверно указывают на то, что китайские рассказы, равно как и рассказы народов мира, прошли долгий и трудный путь. Историческое развитие рассказов с давних времен является предметом серьезных филологических исследований. Синхронное существование этого жанра во многих странах связано с его диахронным присутствием на всех этапах историко-литературного процесса. Рассказы такого рода были переведены и переводятся на многие языки мира, включая узбекский язык. Читать рассказы интересно независимо от того, на каком языке они были написаны. Именно это является основным фактором при переводе многих рассказов. Хотя большинство

рассказов являются в основном короткими, при их переводе часто возникают некоторые проблемы. Дело в том, что каждый рассказ — это в первую очередь литературное произведение, которое вбирает в свой сравнительно небольшой объем целую историю персонажей. При передаче событий рассказа переводчик должен уделять особое внимание переводу слов в тексте. В конце концов, «только при условии, что все слова подобраны естественно с их денотативными и коннотативными значениями, можно передать красоту произведения вместе с образным изображением, приукрасив его значение и усилив его эффект на читателя» [Саламов, Камилов, 1979, с. 51].

Одна из существующих проблем — это перевод национально-го характера в небольших по объему рассказах. Поиск ответов на вопросы, являются ли китайцы дружелюбными или злобными, любопытными или безразличными, ленивыми или трудолюбивыми, милосердными или жестокими, не увенчались бы определенным успехом. Любая характеристика определенного народа обусловлена, во-первых, «противоположным» характером, а во-вторых, вышеупомянутые черты характера свойственны человечеству в целом, не только представителям какого-либо одного народа. Другими словами, форма и условия проявления этих элементарных признаков различны для представителей каждой нации.

Каждый человек имеет что-то из общепринятой характеристики определенного народа, которая, в свою очередь, и выражается в национальном характере. Соответственно, в том или ином рассказе, который реалистично изображает жизненный путь героев, нельзя не упомянуть такие же черты характера. Иногда писатель выбирает национальный характер как объект повествования и воплощает в жизнь его особенности, требующие творческого мышления в рамках определенного рассказа. Например, Лу Синь в образе А-кью¹ фокусируется в основном на изъянах, а не на добродетелях в характере китайского народа.

¹ См. в работе А.В.Ручиной: «Первая часть имени, которая записывается как А ([阿]), в китайском языке является суффиксом, который придает именам уменьшительно-ласкательный оттенок, но не является именем, значит, у главного героя, по существу, его нет. Что же касается второй части имени — Кью (Q), то, скорее всего, это сокращение от фамилии Quei. Множество иероглифов могли бы подойти под эту фамилию, но автор предпочел сократить ее до одной единственной буквы Q. Все это говорит о том, что образ А-кью является скорее собирательным, нежели списанным с конкретного человека. В то же время, намеренно лишив А-кью имени, автор пытался подчеркнуть его самый низкий статус в обществе. В лице А-кью автор изображает весь народ Китая, с его ра-

Зачастую национальный характер не является самостоятельным предметом и темой произведения, однако каждый реалистичный герой может представлять особенности национальной психологии. Главный герой таких повествований, вопреки остальным и традициям, должен учитывать характер и поведение окружающих. Борьба взаимодействия национального характера и индивидуальности в герое представляет интерес.

В целом вопрос о таком переводе, который передавал бы черты национального характера, требует от переводчика хорошего понимания специфических исторических условий Китая и умения использовать средства художественного языка.

Что касается теории перевода, то очень ценными являются взгляды известного узбекского ученого, профессора М. Холбекова. В частности, он говорит о том, что работа, то есть перевод произведения с оригинала, может передать истинный национальный характер этого народа. Профессор М. Холбеков в своей статье «Перевод и переводоведение в Узбекистане» говорит о развитии перевода и переводоведения в Узбекистане и о работе теоретиков перевода, делает четкий анализ переводов, осуществляемых узбекскими переводчиками, также дает общую информацию о художественном переводе в Республике Узбекистан [Холбеков, 2016, с. 16–42].

Вопросы о сущности перевода и о том, какой перевод можно считать правильным, являются предметом активной дискуссии. Прежде всего, суть перевода состоит в том, что содержание текста едино, языков перевода много; во-вторых, точность должна быть приоритетной, но абсолютная точность существует только как идеал; в-третьих, смысловой перевод должен быть признан основным типом перевода; в-четвертых, проблемы перевода связаны как с языковыми, так и культурными факторами.

На основании анализа переведенных рассказов нами было установлено, что эти произведения в основном включают в себя такие приемы художественной литературы, как метафора, метонимия, аллегория, метафорическая антонимия, метонимическая антонимия, одушевление, антитеза, анаколүф, асиндетон, эллипс, синекдоха и повторение. В частности, в одном из рассказов цикла «聊斋志异»

болепством, необразованностью, слепым доверием к власти и нежеланием хоть немного улучшить свою жизнь. В пользу собирательности образа А-кью говорит еще один факт: автор не имеет представления о том, откуда его герой, об этом он также пишет во введении, стремясь таким образом донести, что подобный А-кью человек мог повстречаться в любом уголке тогдашнего Китая» [Ручина, 2017, с. 26].

(«Чудесные истории Ляо Чжая»), переведенным М. Махмудхаджаевым и Дж. Зиямухамедовым, приведена метафора о «позднем рассвете жизни»:

他觉得自己的夏天已经过去，生命的晚露早暗下来了。

Он понял, что его лето подходит к концу и его поздний рассвет давно прошел (Пу Сунлин, 2003, с. 45).

В переводе также присутствуют перифразы, например 断线 ‘порвалась струна’ используется в значении ‘смерть жены, жена умерла’. А фраза 风尘, которая переводится как ‘частичка пыли, унесенная ветром’, воссоздает значение ‘падшая женщина’ [Зиямухамедов, 2004, с. 61].

В аллегории дается ясное представление об абстрактном понятии с помощью конкретных символов или явлений. Как правило, в сказках и баснях лисы используются для передачи образа обманщика, волки — жадных злодеев, скорпионы — подлых персонажей, змеи — хитрых людей, попугаи — для обозначения болтунов. Например,

我觉得立在大野边界，到处都是飞沙。

Мне кажется, что я стою на краю огромной пустыни, где ветер распыляет песок на все четыре стороны (Пу Сунглинг, 2004, с. 55).

В данном контексте *пустыня* — это ‘мир людей’; а *песок, распыленный ветром*, — это ‘пороки людей’. Здесь абстрактные понятия выражаются через конкретные предметы. Это метафорическая аллегория.

В переводе также использовалась синекдоха, например фраза 柴米, которая буквально переводится как ‘щепа и рис’, обычно обозначает обиходные предметы, что на узбекском языке эквивалентно выражению *хлеб и соль*. А выражение 三秋 переводится как *три осени*, что, в свою очередь, выражает ‘три года’. Метафорическая антонимия также является одним из наиболее распространенных художественных приемов, например 人多出韩信 переводится как *Людей много — найдется Хань Сань* (Пу Сунлин, 2003, с. 67), то есть ‘чем больше людей, тем мудрее будет решение’.

Мифы, легенды и народные сказки образуют основу китайской литературы в целом. Эта традиция сохранилась до наших дней. Герои народных сказок также встречаются в рассказах. Поэтому в сборнике Пу Сунглинга «Чудесные истории Ляо Чжая» мы нахо-

дим даосов, волшебников, богов града, призраков, дьяволов, мастеров боевых искусств (заступников простого народа), справедливых судей, неподкупных чиновников, мы также встречаем лис. При этом надо отметить, что рассказы, где встречаются лисы, составляют довольно большое количество. Лисы занимают особое место в китайской литературе. С одной стороны, это ушлая лиса, которая ворует кур у хозяина, но, с другой стороны, это глупая лиса, которая, в свою очередь, попала в руки предприимчивого охотника и стала приятным мехом (Пу Сунглинг, 2004, с. 55).

Для китайцев лиса всегда была символом осторожности и недоверчивости, а также хитрым и ушлым существом, обводящим вокруг пальца сильных, но злых зверей (басня о тигре и лисе). Она обладает способностями к лести, легко одурманивая разум своей недалекой жертвы, впоследствии жестоко ее эксплуатируя [Алексеев, 1983, с. 14].

Но китаец также видит положительные черты лисы. Во-первых, ее мех драгоценен; во-вторых, органы лисы, которые, как считается, способны излечивать малярию, приступы гнева и внезапную потерю сознания, высоко ценятся. Мясо лисы, по поверьям, помогает при многих психических заболеваниях и пищевых отравлениях. В-третьих, лиса имеет уникальную особенность долголетия, как и божества. Таким образом, лиса обладает божественной силой и, если человек милостив к ней, она защищает человека. В начале XX в. на китайских полях можно было увидеть столик возле форта с древними сосудами, флагами храма, знаками и другими предметами. Все это было подготовлено для «лисиц-ангелов», живущих неподалеку. Их, как и других духов, просили о благосклонности и помощи местных жителям [Алексеев, 1983, с. 15].

В китайской культуре лиса воспринимается в роли божества, которое может перевоплощаться в разные облики, от животного до женщины, исходя из того, кому и при каких обстоятельствах надо явиться. Лиса часто меняет человеческую жизнь, начиная водоворот странных и чудных событий. В каком бы облики ни появилась лиса на пути человека, будь то в виде животного («捉狐», «Поймал лису»; «狐入瓶», «Лиса в кувшине»), мужчины («淮水狐», «Лиса из Вейшуя»; «九山王», «Великий князь девяти гор»), молодого человека («酒友», «Друг пьяницы»), миловидной и мудрой девушки («狐妾», «Лис-ухажер»; «青凤», «Чинфэн»; «婴宁», «Йин нин»), ведьмы («毛狐», «Лис-делец»), — она всегда дает человеку проявить свою истинную сущность. Награда же за поведение основана на человеческих моральных ценностях. Самое важное во встрече с лисой — это

то, как себя поведет человек. В рассказе «狐入瓶» («Лиса в кувшине») жена одного Ши (氏) оказалась предприимчивой и сожгла лисицу, тем самым она спасла себя от искушения. Немаловажную роль играет перевод имен персонажей. Например, в имени 青凤 'Чинфэн' иероглиф 青 переводится как 'чистый', 'синий', 'голубой', он часто обозначает цвет неба; небесные боги часто описываются в китайской литературе одетыми в синие цвета. Другое значение символа 青 — это 'молодая'. Чинфэн действительно молода, она принадлежит к роду ангелов (автор писал, что она принадлежит роду ангелов Горы Ту — 涂山氏), а ангелы всегда остаются юными. Таким образом, имя девушки гармонирует с ее воплощением. Второй иероглиф в имени девушки — 凤 'птица счастья' — является традиционным символом вечной любви между мужчиной и женщиной, а также счастья семейной пары в браке. Автор указывает читателю, что долгие годы любви и радости ожидали Чюйбинга и Чинфэн.

Такие негативные привычки, как обесценивание моральных ценностей, унижение людей и пренебрежение воспитанием детей, не являются традиционными для китайской культуры и также вызвали большую критику в литературе. Это связано с тем, что подобные негативные явления отрицательным образом влияют на национальные ценности. Мы видим эту тенденцию даже в детской литературе, где разного рода социальные нормы передаются посредством рассказов. Например, такие темы, как роль в китайских семьях бабушек и дедушек, их значение для детей и их образования («奶奶, 我爱你» («Я люблю тебя, бабушка») и «我的奶奶» («Моя бабушка»)), формирование отношений между преподавателями и учениками («绿色的苹果» («Зеленое яблоко») и «路标» («Дорожный знак»)), воспитание молодого поколения в духе взаимной помощи и уважения («画照片» («Рисование»)), сохранение и передача подрастающему поколению традиций уважения и почета к старшим, внимания к младшим, особого интереса и тяги к знаниям и воспитание моральных ценностей в детях с малых лет («老人的黑帽子» («Черная шляпа старика»), «年历送给谁» («Кому подарили календарь»), «小鸡哥哥» («Брат цыпленок») и «红砖头的故事» («История красного камня»)) (儿童故事..., 2017).

Из тематики вышеупомянутых рассказов можно смело утверждать, что современная детская литература отражает в себе самые важные национальные ценности всего китайского народа.

Таким образом, анализ некоторых аспектов перевода рассказов показывает, что хороший переводчик должен знать не только два языка, но также историю и культуру двух народов. Определив-

шись с вопросом, для кого переводить, переводчик далее принимает решение насчет передачи китайских реалий и исходных образов. В деле литературного перевода, кроме лингвистических способностей и знаний, необходимо иметь особое «чутье» — качество, присущее переводчику далеко не всегда, но являющееся ключевым. Ведь порой то, что хочет донести до нас автор, — это не совсем то, что нам кажется очевидным. Здесь должен проявляться «инстинкт» переводчика и его страноведческие знания, поскольку слово оригинала может иметь другие значения, не самые известные, а для этого иногда необходимо даже знание этнографии.

В процессе перевода переводчику рекомендуется использовать следующие методы и приемы:

- пояснять имена героев рассказов для читателя; использовать описательные конструкции, для того чтобы передать идеографическую «внешность» китайского языка;
- сохранять стилевую окраску лексики, которая была выражена в оригинале, для поддержания эмоциональных эффектов;
- использовать инфинитивы, бессоюзные, неполные предложения и эллипсис для передачи сжатости и ритма языка оригинала;
- сохранять образность китайских фраз и выражений для передачи специфики китайского языка.

В случае, когда переводимый язык не имеет прообразов или эквивалентов в языке оригинала, переводчик начинает создавать такие же или похожие ассоциации непосредственно в тексте перевода. Однако важно заметить, что ни один перевод, каким бы точным он ни был, не в силах передать очарование оригинального текста.

Источники материала

Пу Сунлин. 聊斋志异. Чудесные истории Ляо Чжэя / пер. М. Махмудходжаева, Дж. Зиямухамедова. Ташкент: ТашГИВ, 2003.

Пу Сунлинг. Китайские новеллы / пер. Дж. Зиямухамедова // Жяхон адабиёти. 2004. № 7. С. 109–120.

儿童故事. Детские рассказы / пер. Дж. Зиямухамедова, Д. Бадалбаева. Ташкент: Ворис, 2017.

Литература

Алексеев В. М. Предисловие // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном / пер. В. М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1983. С. 5–18.

- Ван Мэняо. Направление китайского перевода с точки зрения развития китайской теории перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 16–21.
- Ван Мэняо. Китайская переводческая традиция и западная наука о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 44–53.
- Волкова Т. А. Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении: опыт сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2017. № 6. С. 158–165.
- Зиямухамедов Дж. Китайская волшебная новелла. Чуанчи // Актуальные проблемы китаеведения. Ташкент. 2004. С. 54–60.
- Зиямухамедов Дж., Очилов О., Насимова С. Китайская литература (Книга № 7 из серии «История восточной литературы»). Ташкент: Экстремум-Пресс, 2016.
- Каримов Н. Айбек и мировая литература // Жаҳон адабиёти. 2015. № 1. С. 15–28.
- Коновалова Э. К., Григорян Е. О. Сложность отображения национального колорита при переводе оригинального текста // Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 206–209. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1735/> (дата обращения: 17.05.2021).
- Костикова О. И., Чэнь Шуи. Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 31–47.
- Раренко М. Б. Развитие и становление переводоведения в Китае (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: Реферативный журнал. 2015. № 2. С. 82–90.
- Ручина А. В. Повесть Лу Синя «Подлинная история А-кью» (1921): проблематика и поэтика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (71): в 3 ч. Ч. 1. С. 25–29.
- Саламов Г., Камилов Н. Мосты дружбы. Ташкент: Изд-во Гафура Гуляма, 1979.
- Холбеков М. Перевод и переводоведение в Узбекистане (1991–2016 гг.) // Иностранная филология. 2006. № 3. С. 16–42.

Зачем навыки постредактирования студенту, или как оценивать студенческий машинный перевод?

В статье рассматриваются особенности обучения студентов письменному переводу и оценке качества перевода. Требуется практико-ориентированный подход и профессиональная адаптация. В статье особое внимание уделяется машинному переводу, который часто используют студенты при выполнении письменного перевода. В современных условиях нельзя обучать профессиональному переводу без развития у студентов-переводчиков навыков постредактирования машинного перевода.

Ключевые слова: подготовка переводчиков, письменный перевод, оценка качества перевода, машинный перевод, постредактирование, навыки постредактирования машинного перевода.

E. S. Kokanova

Why do students need PEMT skills or how can we evaluate students' MT?

The paper deals with translator training and quality assurance. Teaching written translation to students has become a widely discussed issue. It reflects the requirements of practice-oriented approach to professional training and professional adaptation. Special attention is paid to machine translation which most students use regularly. There cannot be professional training without developing post-editing machine translation skills.

Keywords: translator training, quality assurance, written translation, machine translation, post-editing, post-editing machine translation skills.

С развитием систем автоматизации перевода возникает необходимость качественного изменения всего процесса подготовки студентов-переводчиков, в том числе подходов к оцениванию студенческого перевода. Очевидно, что распространение машинного перевода как в виде общедоступных онлайн-сервисов (например, «Яндекс. Перевод», Google Translate), так и на профессиональном уровне (системы нейронного машинного перевода, создаваемые на коммерческой основе и интегрируемые с системами переводческой памяти) требует изменения критериев оценки перевода студентов. Это важно

не только потому, что прежние критерии слабо применимы в новых условиях, но и потому, что новые критерии будут мотивировать студентов к развитию своих компетенций в области постредактирования машинного перевода. В настоящее время умение использовать машинный перевод востребовано на рынке переводческих услуг. В соответствии с требованиями, предъявляемыми работодателями, обучение машинному переводу становится постепенно неотъемлемой составляющей образовательного процесса. В свою очередь, обучение машинному переводу невозможно без изучения процесса постредактирования машинного перевода [Коканова и др., 2020].

Современные студенты-переводчики активно используют различные системы машинного перевода при выполнении учебных письменных переводов. Как показывает практика, поступающие на первый курс студенты уже имеют представление о машинном переводе и без колебаний начинают его использовать в процессе обучения. В ходе опроса, проведенного среди школьных учителей г. Архангельска, работающих с обучающимися 5–11 классов, более половины (62,5 %) респондентов отметили, что их ученики пользуются машинным переводом при выполнении заданий. С одной стороны, владение современными технологиями, несомненно, является преимуществом для будущих переводчиков. С другой стороны, появляется вопрос, какой перевод преподаватели должны оценивать: письменный перевод студента или машинный перевод определенной системы. Зачастую в студенческих работах преобладает «сырой» текст машинного перевода, наблюдается квазипостредактирование. В переводческой практике выделяются два подхода к постредактированию: легкое и полное. Уровень студенческой переработки текста машинного перевода часто не достигает даже требований легкого постредактирования, которое все же предполагает сохранение единообразия терминов и исправление грубых грамматических ошибок. Многие студенты исправляют только те ошибки, которые бросаются в глаза и которые, по их мнению, могут сразу выдать использование машинного перевода. При этом другие ошибки, иногда более критичные с точки зрения смысла, остаются незамеченными.

Кроме того, студенты не всегда осознают саму необходимость постредактирования. Например, «гладкость» нейронного машинного перевода часто принимается студентами за безошибочность, и это мешает им адекватно оценить качество такого перевода. А между тем именно нейронный машинный перевод считается наиболее непредсказуемым. Механизм выбора нейросетью той или иной лексической единицы для перевода до сих пор остается не до конца изученным

[Koehn, Knowles, 2017]. Это означает, что при всей своей видимой «гладкости» нейронный машинный перевод может содержать самые разные ошибки, в том числе и те, которые могут исказить смысл перевода. Студентам необходимо понять, что на данном этапе развития ни одна система машинного перевода не в состоянии обеспечить высокое качество без вмешательства человека [Княжева, 2020].

Для современных студентов типично представление о письменном (а иногда и об устном) переводе как о чем-то «механическом»: скопировать и вставить. Для того чтобы преодолеть этот стереотип, студента-переводчика необходимо научить понимать, что он переводит и для кого, вне зависимости от того, использует ли он машинный перевод. На вопрос, когда следует начинать обучать студентов работе с системами машинного перевода и постредактированию, ответ очевиден: обучать нужно после того, как студент осознал сущность процесса перевода, научился вдумываться и вчитываться в текст, который он переводит, осознал неправильность «механического» подхода к переводу. Как бы быстро ни развивались системы автоматизации перевода, никто не будет спорить, что студентов нужно учить переводить «ручками». Обучение постредактированию ни в коем случае не заменяет обучение письменному переводу, а наоборот, дополняет его и способствует развитию компетенций будущего переводчика. В обучении переводу, как и в научных исследованиях, следует придерживаться комплексного подхода. Комплексное исследование перевода неизбежно выходит за рамки какой-либо одной науки о языке, речи и речевой деятельности [Чернов, 1987, с. 29]. Любые полученные выводы, разделяемые профессиональным и педагогическим сообществом, приобретают смысл только в контексте конкретных условий обучения [Коканова, 2018, с. 294–295].

Что касается проблемы оценивания, то традиционно к элементам результирующей оценки по письменному переводу относят качество подготовки к письменному переводу (проведение предпереводческого анализа оригинала, поиск и сбор информации по содержанию текста, интерпретация смысла оригинала), адекватность передачи содержания оригинала средствами языка перевода, учет межкультурных различий в переводе, технические аспекты (качество оформления письменного перевода, соблюдение норм пунктуации, орфографии) и т. д. Безусловно, для оценки качества перевода, выполненного с использованием системы машинного перевода, данные критерии не подойдут. Так, с техническим аспектом системы нейронного машинного перевода справляются намного лучше, чем сами студенты, которым больше свойственны орфографические

ошибки и опечатки. При этом отсутствие орфографических ошибок в машинном переводе совершенно не является показателем его качества. Студенческий перевод, выполненный в системе автоматизации перевода (например, Memsource, Trados) с подключением машинного перевода, может не иметь никаких нареканий по орфографии и оформлению, но передавать совсем другой смысл, содержать упущенную или добавленную информацию, нарушать грамматические, стилистические нормы переводящего языка, нормы сочетаемости. Что касается стремления оценивать перевод в категориях адекватности, это тоже весьма проблематично. Как известно, реакция получателя перевода и функциональная равноценность исходного текста и текста перевода — критерии, с трудом поддающиеся измерению, что делает невозможным их использование для оценки студенческого машинного перевода. Все вышеизложенное говорит о том, что необходимы иные критерии оценки качества перевода, которые позволили бы придать абстрактной категории адекватности конкретные численные выражения. Кроме того, нужны критерии оценивания студенческого постредактирования машинного перевода. Этот вид деятельности с трудом вписывается в традиционное представление о редактировании письменного перевода.

В качестве одного из возможных решений проблемы может выступать составление типологий ошибок. Типы ошибок могут быть совершенно разными на разных текстах и при использовании разных систем машинного перевода¹. Типологии предполагают инвентаризацию всех ошибок и присвоение им определенного веса. При их разработке необходимо установить степень критичности ошибки и штраф за нее. В качестве основы могут быть взяты типологии ошибок, применяемые при оценке качества машинного перевода [Коканова и др., 2019; Bentivogli et al., 2016]. Однако их следует дополнить такими критериями, как, например, целесообразность внесенной правки (ошибкой должно считаться недостаточное и избыточное постредактирование), целостность полученного текста (ошибка — потеря средств связи, логическая несогласованность) и др. Безусловно, требования, касающиеся объема текста, также должны измениться: текст на постредактирование будет намного длиннее, чем на перевод без использования средств машинного и автоматизированного перевода. Таким образом, разработка новых критериев оценки качества перевода, выполненного с использованием систем автоматизации перевода и машинного перевода, поможет не только

¹ PEMT. URL: <https://pemt.ru/pemt> (дата обращения: 30.10.2020).

преподавателям перевода, но и студентам в последующей профессиональной деятельности, так как данные критерии соотносятся с тем, что от выпускника потребуют в будущем. Обучение постредактированию машинного перевода становится обязательным элементом подготовки переводчиков в вузе, что также связано с требованиями работодателей и востребованностью на рынке труда. Однако это не означает, что студент в новых условиях будет переводить только с использованием машинного и автоматизированного перевода. В обучении студентов и подходе к оцениванию студенческих работ в современном мире необходим комплексный подход.

Литература

- Княжева Е. А. О переводе и переводчике во время перемен // Мосты. 2020. № 1 (65). С. 4–16.
- Коканова Е. С. Перевод с листа: экспериментальные исследования и методика обучения переводу // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Вып. 8. Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2018. С. 294–298.
- Коканова Е. С., Пак Н. С., Берендяев М. В., Куликов Н. Ю. Особенности постредактирования нейронного машинного перевода медицинского научного текста с английского языка на русский // Развитие Северо-Арктического региона в гуманитарной сфере: локальное и глобальное: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, 2020. С. 157–162.
- Коканова Е. С., Берендяев М. В., Куликов Н. Ю. Типы ошибок при нейронном машинном переводе текстов об арктических конвоях // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере: материалы науч. конф. проф.-преп. состава, науч. сотрудников и аспирантов Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 80–86.
- Bentivogli L., Bisazza A., Cettolo M., Federico M. Neural versus Phrase-Based Machine Translation Quality: a Case Study // Proceedings of the 2016 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2016. November 1–5. P. 257–267.
- Koehn P., Knowles R. Six Challenges for Neural Machine Translation // Proceedings of the First Workshop on Neural Machine Translation. 2017. August 4. P. 28–39.

Учебная литература

- Чернов Г. В. Основы синхронного перевода: Учебник для институтов и факультетов иностранного языка. М.: Высшая школа, 1987.

Е. Н. Колпачкова,
А. В. Лебедева
СПбГУ

Переводчик как профессионал в век машинного перевода: оптимизация программ обучения китайскому языку в российских вузах

Усовершенствование технологий машинного перевода требует пересмотра подходов к подготовке профессиональных китаеведов. Необходимо усиливать теоретическую и практическую подготовку, чтобы соответствовать возросшим запросам работодателей к соискателям с китайским языком. При подготовке подобного специалиста обязательно обучение письменному переводу на примере типовых контрактов, деклараций и т. д. Возможна подготовка по узкоспециализированной тематике (лес, энергоресурсы, внешнеэкономическая деятельность и т. д.). Отдельным аспектом должен стать устный перевод с особым упором на неадаптированное аудирование. В процессе обучения должен идти постепенный переход от отработки навыков последовательного перевода к синхронному переводу. Формирование навыка самостоятельной подготовки глоссариев является одним из ключевых результатов обучения. Профессионального переводчика характеризуют обширные фоновые знания, включающие историю, культуру, государственное устройство РФ и КНР, владение традиционной письменностью и базовым знанием классического вэньяня.

Ключевые слова: китайский язык, лингводидактика, перевод, последовательный перевод, синхронный перевод, методика преподавания иностранных языков.

E. N. Kolpachkova, A. V. Lebedeva

Translator and interpreter as a professional in the century of machine translation: How to optimize chinese language programs at Russian universities

The improvement of machine translation technologies requires a revision of the approach to the training of professional sinologists. It is necessary to strengthen theoretical and practical training to meet the increased demands of employers for job seekers with Chinese language. When preparing such a specialist, training in translation is mandatory using the example of standard contracts, declarations, etc. Training on highly specialized topics (timber, energy, foreign trade activities etc.) is possible too. Interpretation should be a separate aspect, with particular emphasis on non-adapted listening. In the learning process, there should be a gradual transition from practicing the

skills of consecutive interpretation to simultaneous interpretation. Formation of the skill of self-preparation of glossaries is one of the key learning outcomes. A professional is characterized by extensive background knowledge, including history, culture, political system of the region, knowledge of traditional characters and basic knowledge of Classical Chinese wenyan.

Keywords: Chinese language; interpretation; translation: methods of teaching; consecutive interpretation; simultaneous interpretation.

Введение

Стремительное развитие современных информационно-компьютерных технологий не только облегчает нашу жизнь, снабжая удобными инструментами заказа услуг, дистанционного обучения или социальной коммуникации, но и ставит на повестку дня новые профессиональные проблемы. Одной из таких проблем, в частности, являются перспективы дальнейшей профессиональной деятельности выпускников-китаистов. Если еще 5–10 лет назад ситуация с востоковедными специальностями заметно отличалась в лучшую сторону от любого европейского языка, когда даже лучший машинный переводчик выдавал вместо перевода иероглифического текста очевидную «белиберду», и конкуренцию толковому востоковеду с китайским языком мог составить только более опытный коллега, то за прошедшее десятилетие ситуация резко поменялась с плюса на минус. И сегодня, с одной стороны, китаист в своих карьерных перспективах имеет ровно те же проблемы, что и коллеги-«западники», а с другой стороны, очевидна лакуна в профессиональных навыках и компетенциях выпускников востоковедных специальностей, пока не успевших в достаточной мере обрести серьезной методологической базой, позволяющей претендовать на аттестацию специалиста как высококлассного переводчика сразу после получения диплома.

Та проблема, что изначально существовала с машинным переводом в любой паре «китайский — иностранный язык», сегодня хотя и не решена окончательно, но все же утратила свою остроту, получив путевку в жизнь не лингвистическими методами, а за счет инновационных технологий. Применительно к веб-службе Google Translate, аналогичному китайскому сервису 百度翻译 (Baidu Fanyi) и многим другим менее популярным, но все же относительно эффективно работающим системам мгновенного перевода, в том числе в режиме онлайн, термин «машинный перевод» относится лишь с определенными оговорками, поскольку все эти сервисы используют совершенно иной принцип работы, чем профессиональные

поставщики переводческих услуг. Тем не менее используемые ими технологии статистического машинного перевода (Statistical Machine Translation, SMT) уже сейчас демонстрируют свою эффективность и на материале изолирующего языка, плохо поддающегося анализу традиционными лингвистическими методами без участия человека.

При использовании статистического машинного перевода имеется внушительная база данных на языке, внутри которой осуществляется автоматизированный поиск контекстов, и полное совпадение запроса с уже имеющимся в корпусе первоисточником дает весьма неплохой результат. Миллионы словоупотреблений в текстах различных тематик, переведенных когда-то ранее живыми переводчиками и собранных в большой массив языковых данных, с высокой долей вероятности предлагают нам самый частотный (а значит, наиболее подходящий) вариант перевода. Такие методы статистического машинного перевода сегодня работают и с китайским, минуя многие объективно существующие в синологии лингвистические сложности, например сегментирование текстовых отрезков на клаузы, различение изоморфных сложных слов и словосочетаний, функционирование раздельно-слитных слов, большой удельный вес омонимичных единиц и др. На нынешнем этапе над проблемой адекватности перевода бьются уже не лингвисты, а исключительно математики и программисты, пользуясь технологией больших данных, благодаря которой по закону диалектики количество переросло в качество.

Возможности пользователя интернета ввести или сфотографировать текст и получить мгновенный перевод на любой из списка около сотни языков фактически обнуляют рынок разовых заказов на «живой» перевод, не оставляя зачастую даже шанса на его постредактирование человеком. Качество такого перевода варьируется в зависимости от наличия в используемой базе данных «предыстории» соответствующей тематики, но мало кто обращает внимание на это, если общий смысл и так понятен. Тут оперативность перевода и мгновенная доступность русскоязычного зеркала иероглифического текста оказываются важнее его точности.

Когда же оказывается востребован живой переводчик?! В тех ситуациях, где для реализации определенного проекта необходимо обеспечить максимальную степень соответствия двух текстов и эффективность перевода с учетом экстралингвистических факторов. В таких случаях требуется специальная подготовка профессионала, поскольку технические, юридические и иные узкоспециализированные тексты ни в случае статистического машинного

перевода, ни в случае классического машинного перевода «на основе правил» (Rule-based Machine Translation) удовлетворительного результата не дадут. Этот тип машинного перевода, в котором алгоритм построен на данных о языковых структурах, а не математических формулах и теории вероятности, в силу целого ряда объективных технологических сложностей и особенностей китайского языка, мало используется в переводческой практике. И это именно тот случай, когда профессиональная подготовка переводчика-китаиста выходит на первый план и делает его незаменимым и крайне востребованным специалистом. Для получения адекватного перевода текста, сложного по синтаксическим (например, в юридических документах), терминологическим (в случае с узкоспециальными техническими областями) или прагматическим (содержащего невербализованную, неоднозначную или важную информацию, которую необходимо передать как можно точнее) параметрам, требуется специалист, на высоком уровне обладающий не только языковыми навыками, но и определенными профессиональными компетенциями. При создании текстов под конкретные задачи или целевую аудиторию, креативных, стилистически маркированных или специфичных по терминологии, потребуется «специально обученный человек», владеющий соответствующей лексикой, тонко чувствующий материю языка, учитывающий при переводе экстралингвистические факторы и умеющий адаптироваться к нестандартной коммуникативной ситуации. Однако на сегодняшний день обнаруживается проблема отсутствия у выпускников вузов подготовки в таком ключе. В целом китаист много знает о стране изучаемого языка, о людях, в ней живущих, но мало кто из выпускников отвечает все более ужесточающимся запросам специализации рынка.

На этом фоне обрисуем те проблемы, которые, по нашему личному практическому опыту, имеются в высшей школе (не только российской — это в равной степени относится и к европейским синологическим школам) в плане подготовки китаистов-переводчиков.

Обсуждение

Одна из основных проблем подготовки переводчиков с китайским языком состоит в нахождении баланса между формированием востоковедной базы и совершенствованием переводческих навыков. Ведущие отечественные школы, за исключением тех, что изначально имели специализацию, например дипломатическую, имеют ресурсы

для обеспечения высокого уровня подготовки базовых компетенций, включая общевостоковедную подготовку, однако обнаруживается ряд узких мест, снижающих конкурентоспособность нынешнего выпускника.

Региональные университеты, более гибкие с точки зрения адаптации учебных планов, предлагают столь востребованные программы подготовки специалистов в узких языковых областях, включая внешнеэкономическую деятельность, международное право и т. п., однако отсутствие постоянно пополняющегося практического опыта и возможности непрерывного повышения профессиональных навыков через участие в мероприятиях соответствующей тематики позволяет реализовывать подобные программы только на уровне введения в переводоведение. Педагог должен быть прежде всего практиком, сопровождающим мероприятия высокого уровня, должен регулярно «оказываться в строю», т. е. в синхронной кабине на международных форумах, саммитах и др., или регулярно радовать читателя своими переводами современных китайских писателей, заниматься самообразованием и шлифовкой своих умений — только так можно поддерживать язык на должном уровне.

При этом до сих пор в России не приняты профессиональные стандарты переводчиков с китайским языком, отсутствие четких критериев приводит к хаосу на рынке переводческих услуг. С 2003 г. (русскоязычный компонент — с 2006 г.) в КНР существует квалификационный экзамен по китайскому языку для профессионалов — China Accreditation Test for Translators and Interpreters (CATTI), уровеньная структура и четкие стандарты которого позволяют оценить степень владения языком для государственной аккредитации специалиста. Система предполагает трехуровневую градацию навыков письменного и устного, последовательного и синхронного перевода, однако до последнего времени сдать этот экзамен можно было только в Китае, за его пределами тестирование только начинает набирать обороты.

В самом Китае этот экзамен встроен в государственную систему присвоения профессиональной квалификации, а также в систему высшего образования, поскольку обучающиеся по магистерским программам на переводческих специальностях должны сдать экзамен CATTI и получить диплом переводчика не ниже второго уровня. Большинство учебников по обучению переводу в Китае как раз являются пособиями по подготовке к сдаче экзамена CATTI. Подобная практика могла бы помочь установить российские стандарты для аккредитации тех, кто хочет найти себя в сфере перевода.

Из трех компонентов переводческих компетенций восточное образование закладывает на хорошем уровне базовый компонент, включая теоретические знания и практические навыки в области лингвистики, переводоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Именно это подстегивает студента-переводчика к пополнению своего лексического запаса, шлифовке коммуникативных навыков, расширению уже имеющихся фоновых знаний в области экономики, истории, политики, культуры страны изучаемого языка и своей собственной. Постоянное самообразование и расширение кругозора являются неотъемлемой составляющей подготовки профессионала.

В такой ситуации на первый план выдвигается задача всестороннего формирования профессионально-личностного блока переводческих компетенций. С учетом региональной и языковой специфики (в сравнении с западными языками) применительно к Востоку следует уделять больше внимания сложившимся в инокультурной среде типичным сценариям социального взаимодействия, ритуалу и невербальным аспектам общения. Знание устойчивых этикетных формул, особенностей официального, нейтрального и неофициального регистров общения с представителями восточных культур, понимание национального менталитета являются залогом минимизации коммуникативных неудач, поэтому в профессионально-личностный блок профессиональной подготовки переводчика должны включаться сведения о принятых в данном социуме нормах поведения, этнопсихологии китайцев и специфике межкультурной коммуникации в Восточной Азии. Для перевода протокольных мероприятий требуется знание принципов их организации и соответствующих этических и нравственных норм, имеющих в странах Азии и Африки свою специфику. Немаловажным фактором применительно к восточным культурам, что порой неочевидно, являются требования к внешнему виду переводчика, эти нюансы также составляют отдельный аспект формирования профессионально-личностного блока переводческих компетенций.

Важен и уровень психологической зрелости самого переводчика, его умение сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях, не поддаваться панике и конструктивно решать возникающие проблемы. Профессионал в любой ситуации должен постоянно контролировать свою речь, поддерживая ее артикуляторную, лексическую и грамматическую чистоту и правильность и соотносясь с коммуникативной ситуацией. Логическая стройность мышления, высокие коммуникативные навыки и стрессоустойчивость относятся не

к врожденным, а к благоприобретенным и поддающимся коррективке характеристикам, поэтому при наличии самоконтроля и самодисциплины переводчик, особенно устный, вполне в состоянии добиться автоматизации навыка оперативного переключения между языками и регистрами речи, избавиться от загрязняющих речь звуков и слов-паразитов и т. п.

Предварительное разъяснение будущим переводчикам этических норм взаимоотношений с коллегами, зачастую находящихся с ними в тесном контакте, например в кабине синхронного перевода, позволяет в дальнейшем избежать неловких ситуаций и поддерживает комфортную атмосферу на рабочем месте синхрониста.

Самый трудоемкий на данном этапе элемент формирования переводческих компетенций — это технологический блок, в рамках которого осваиваются новые и шлифуются ранее сформированные переводческие стратегии и приемы. Рутинная работа переводчика, как письменного, так и устного, предполагает обработку больших текстовых массивов, с этой целью с первых этапов переводческой подготовки необходимо системно учиться анализировать и структурировать текст, развивать способности запоминать и реферировать значительные объемы информации. Использование приемов текстовой компрессии, когда мысль говорящего представляется в более лаконичной или компактной форме без ущерба для ее содержания, составляет один из ключевых навыков в работе синхронного переводчика. Кроме того, важно учиться, опираясь на начало высказывания, предугадывать ситуацию и последующий текст или ход мысли докладчика, если текста нет. Технологический блок переводческой компетенции предполагает применение на практике технических приемов решения профессиональных задач, связанных с китайским языком.

С методологической точки зрения обязательным элементом программы подготовки профессионального переводчика в паре «русский — китайский языки» должно быть раздельное обучение письменному и устному переводу как самостоятельным аспектам. Всегда существовавшая в Китае пропасть между тем, как говорят и как пишут, в определенной степени предопределяет имеющуюся и сегодня дифференциацию на устных и письменных переводчиков, поскольку в китайском языке с его иероглифической системой письма, в отличие от западных, длительное отсутствие практики чтения и ручного ввода текста довольно быстро приводит к их деградации или полной утрате. Актуально это не только для иностранцев, изучающих китайский язык или уже владеющих им, но и для самих

носителей. Власти Китая давно бьют тревогу в связи с усиливающейся среди местного населения «иероглифической амнезии», этот тип письма в век цифровизации снижает уровень грамотности населения, особенно среди молодежи. Схожие проблемы, естественно, наблюдаются и среди переводчиков-иностранцев.

Разделение аспектов дает обучающемуся возможность определиться в своих предпочтениях, обусловленных не только и не столько его собственным темпераментом и наличием или отсутствием необходимой для устного перевода быстрой реакции, что в целом типично и для западных языков. В случае с китайским языком ситуация усугубляется иероглифической письменностью. Принято считать, что устный перевод представляет собой наиболее сложный вид переводческой деятельности, поскольку, помимо высокого уровня владения языком, он требует максимальной оперативности мышления, широких фоновых знаний, гибкости ума и умения собраться. Тогда как при выполнении письменного перевода есть время подумать, перепроверить текст, подобрать удачный термин, вычитать уже переведенное, поэтому этот вид профессиональной деятельности требует вдумчивого и неспешного подхода.

При работе с китайским разница становится еще ощутимее в силу наличия в письменных текстах элементов вэньяня, классического письменного языка, значительно расходящегося как с современным письменным (как по лексике, так и по грамматике), так и — в еще большей степени — с устным; перевод таких элементов требует особого навыка и специальной подготовки. Именно эти особенности обычно отличают китаиста-филолога и историка, но чаще всего отсутствуют у изучающих язык по другим программам. На этом этапе следует особо обратить внимание на склонность китаиста к тому или иному типу переводческой деятельности, помочь обучающемуся выбрать направление, исходя из его психологических особенностей и предрасположенности к определенному виду работы. Раздельное обучение устному и письменному аспектам перевода приводит к глубокому пониманию различий между его видами, уяснению специфических с точки зрения носителей западного менталитета критериев оценки их качества, а также через концентрацию на одном из аспектов способствуют формированию соответствующих компетенций на принципиально ином уровне.

Целенаправленное обучение навыкам узкоспециального устного и письменного переводов дает китаисту возможность применить на практике те знания по грамматике и лексикологии языка, что были получены им на теоретических курсах, например тема-

рематическое членение предложения, выделение глагола и его аргументов, умение быстро идентифицировать и проанализировать синтаксическую модель предложения и т. д. Востребованы оказываются и сведения о стилистических и прагматических компонентах речи: понимание коммуникативной ситуации, когда необходимо уметь различать регистры речи (где для передачи смысла ‘ребенок’ можно сказать 孩子 *háizi*, а где — только 儿童 *értóng*), уместность того или иного высказывания в данном контексте, разницу в употреблении неполных синонимов и др. Именно на этом этапе будущий специалист оттачивает свое умение применять комплексные переводческие трансформации.

Явным плюсом подготовки переводчика будут усиленные навыки аудирования, когда с привлечением носителя в ходе учебного процесса повышается сложность устной речи и в постоянной борьбе с акцентом непрерывно оттачивается произношение. Как подготовительный или тренировочный этап возможен «теневой» повтор за дикторами. Отработка навыков осуществляется с привлечением разнообразного видеоконтента, просмотра роликов различных тематик и жанров, включая высокоскоростной формат новостей, дебатов, ток-шоу, пресс-конференций и т. д., они доступны сегодня на языке в сети без ограничений, включая опцию замедленного просмотра.

Отдельно необходимо уделять внимание навыкам ораторского мастерства, умению импровизировать на заданную тему, читать вслух тексты с правильной интонацией и заниматься их декламацией. Так, умение правильно читать вслух предложенный отрывок — это один из ключевых аспектов HSKK3, стандартизированного квалификационного экзамена по устному китайскому языку высшего уровня для лиц, не являющихся носителями китайского языка, что подтверждает важность данного навыка с точки зрения китайских методистов.

Отдельный аспект работы с текстами — это отработка навыка запоминания и пересказа с контролем грамматической и лексической адекватности порождаемых текстов, а также выработка умения анализировать, оценивать уместность и выбирать лучший вариант перевода для него. Формируется эта компетенция не сразу, поэтому поступательное движение от последовательного перевода к синхронному в итоге приводит к формированию устойчивой привычки и автоматизированного навыка предварительно составлять глоссарий, а в процессе перевода автоматически выделять и фиксировать опорную лексику, что экономит время и силы на нерелевантных отрезках текста.

Как представляется, в учебной программе должен быть представлен расширенный блок по развитию навыков письменной речи, причем этот аспект в зависимости от тематики очевидно требует дифференцированного подхода: для написания сочинений, требующих связности и логичности изложения, а также адекватности использования языковых средств, креативности изложения, должны привлекаться преподаватели-носители. Для обучения написанию узкоспециализированных текстов, например резюме, типовых договоров, таможенных деклараций и т. п., жестких как по структуре, так и по набору терминологической лексики, в меньшей степени нужна творческая составляющая — речь скорее должна идти о тренировке и автоматизации клишированных элементов юридического текста, достигаемых многократным повторением перевода материала в обе стороны. В роли преподавателя при этом требуется педагог, имеющий профильное образование или опыт работы в соответствующей сфере.

Особого внимания заслуживает и овладение минимально необходимым набором полных (традиционных) форм иероглифов, позволяющим понимать и воспроизводить значимые для носителей китайского языка и культуры известные тексты, а через них и культурные коды. На базе общевосточоведных знаний через ключевые слова китайской культуры и чтение национальной литературной классики можно прийти к пониманию уникальных особенностей китайцев. Традиционно считается, что объемнее всего эта культурно значимая информация проявляется в идиоматических выражениях — *вэньнян* низмах, *чэньюй*, поэтических строках, а также в цитатах китайских лидеров, от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. Без освоения этой лексики в такой высококонтекстной культуре, как китайская, переводчик столкнется с очевидными трудностями, избежать которых можно, если постоянно расширять горизонты китаеведных знаний.

Результаты

В современных реалиях работодатель ждет не просто выпускника со знанием китайского языка — ему нужен человек, который справится с текстом, не поддающимся машинному переводу на приемлемом уровне, что ставит на повестку дня задачу возможной ранней профориентации, когда на определенной стадии обучения знакомство с отраслевой тематикой и последующее углубление знаний в данной сфере позволит выпускнику получить представление о конкретном секторе промышленности, возможных сферах трудо-

устройства, тем самым даст уверенность в своих силах, адекватное представление о карьерных возможностях и, возможно, повысит стрессоустойчивость.

Опыт показывает, что ряд отраслей демонстрирует постоянный спрос на тематические переводы. Введение данных аспектов в курс обучения практическим навыкам перевода не только укоротит путь выпускника-китаиста к дальнейшей профессиональной деятельности, но и приучит к такому обязательному элементу переводческой деятельности, как самостоятельная подготовка глоссария. Подобные навыки носят универсальный характер и позволяют специалисту в кратчайшие сроки адаптироваться под нужды конкретного заказчика.

Наиболее востребованные тематики и устных, и письменных переводов сегодня охватывают такие области, как внешнеэкономическая деятельность и логистика, право, особенно сделки с недвижимостью, торговля лесом, химия и нефтехимия, нефтегазовая отрасль и энергоресурсы, возобновляемые источники энергии, сельское хозяйство, медицина, биотехнологии и электронная коммерция. Необходимый набор знаний закладывается уже на начальном этапе обучения переводу, например через постепенное запоминание Периодической системы химических элементов (таблицы Менделеева), терминов Incoterms, названий ключевых компаний из списков «Forbes-500», «РБК-500», основных международных организаций, транснациональных корпораций и т. п.

Отдельного изучения заслуживает расширение знаний о государственном строе и системе устройства органов государственной власти КНР. Скудость доступной по этой теме современной русскоязычной литературы, отражающей последние изменения в китайской действительности, затрудняет освоение этих аспектов на начальном этапе изучения языка, однако вряд ли вызовет сложности на продвинутом уровне, если у студента в словарном запасе уже будет иметься соответствующая лексика, относящаяся к российским реалиям. В связи с этим представляется крайне важным и необходимым разбираться в государственном устройстве Российской Федерации, помнить ключевые даты в истории Китая, России и соседних стран. Это дает понимание проблемных мест при переводе исторических названий и политической составляющей этого процесса, как, например, при выборе варианта перевода топонима Владивосток — 海參崴 *Hǎishēnwǎi* и 符拉迪沃斯托克 *Fúlādīwòsītōkè*. Аналогичное требование относится и к названиям произведений русской и советской литературы, периодически встречающимся в переводческой

деятельности в паре «русский — китайский язык», правильно передать их без предварительной подготовки невозможно.

При этом китаиста-профессионала от непрофессионала отличает уверенное умение транскрибировать в обе стороны, то есть записывать правильно китайские и русские имена и фамилии, что предполагает владение не только транскрипцией пиньинь, но и транскрипционной системой Палладия, а также знание общих принципов записи в русском тексте китайских имен собственных и терминов, изложенных в пособии по транскрипции Л. Р. Концевича [Концевич, 2002].

Отдельно следует оговорить и обязательность формирования навыков работы с прецизионной информацией. Сюда включается прежде всего мгновенный, практически машинальный перевод чисел (как письменно, так и устно). Затем с опорой на накопленные фоновые знания закрепляется правильный перевод антропонимов и топонимов, особенно некитайского происхождения, но обозначающих объекты, находящиеся на территории КНР, например 喀什 *Kāshí* 'Кашгар'. Эта задача реализуется преимущественно через отработку в устной форме в паре «русский — китайский язык», то есть на понимание и перевод названий субъектов РФ, провинций и городов КНР, штатов США, стран — членов ЕС и т. д.

Заключение

Конкурентоспособность будущего переводчика с китайским языком на рынке переводческих услуг напрямую зависит от степени сформированности его переводческих навыков. Теоретические знания и базовые навыки, полученные в рамках программ бакалавриата, могут быть применены в дисциплинах практического курса перевода и переводоведения. Однако для успешного применения этой модели в образовательных учреждениях в Российской Федерации должны быть разработаны и приняты профессиональные стандарты для аттестации в сфере переводческой деятельности, для чего, возможно, следует учесть опыт, накопленный китайскими коллегами в связи с внедрением системы тестирования CATI.

Формирование переводческих умений и навыков в сфере устного и письменного перевода должно осуществляться дифференцированно с учетом возможной дальнейшей специализации, поскольку техники выполнения этих видов перевода, стратегии переводческих трансформаций и способы преодоления лексических, грамматических и прагматических трудностей значительно разнятся.

Уже сегодня четко обрисовались те сферы и направления, в которых активно развивается деловое партнерство России и Китая и, как следствие, наблюдается растущий на глазах спрос на высокопрофессиональных переводчиков в паре «русский — китайский язык». В ситуации практически полного отсутствия разработанных учебно-методических материалов при обучении узкоспециальному переводу ключевым фактором становится подбор профессионалов в переводческой деятельности, богатый опыт и обширная практика которых позволит дополнить базовые курсы бакалавриата программами дополнительного образования по специальности «Переводчик китайского языка».

Учебная литература

Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте (Пособие по транскрипции). М.: Муравей, 2002.

Языковая репрезентация субъектов образования в фэнтези Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»

В статье рассматриваются способы и средства актуализации семантики имен собственных субъектов образования в произведении Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Языковая репрезентация субъектов образования анализируется в зависимости от типа дискурса, жанра фэнтези, идейности, эмотивности и образности текста, идиостиля писателя. Выявлены основные способы актуализации семантики «говорящих» имен субъектов образования: описание внешности персонажа, его вербального и невербального поведения, эмоций и чувств, методики преподавания учебных дисциплин.

Ключевые слова: языковая репрезентация, субъекты образования, типологические свойства художественного текста, жанр фэнтези, идиостиль автора.

T. A. Kudelko, N. V. Shutemova

The lingual representation of the subjects of education in J. K. Rowling's fantasy "Harry Potter and the philosopher's stone"

The paper deals with the ways and means of actualizing the semantics of the names of subjects of education in the fantasy by J. K. Rowling "Harry Potter and the Philosopher's Stone". The lingual representation is analyzed depending on the discourse type, the genre of fantasy, artistic ideas, emotivity and imagery of the text, the author's individual style of writing. The main ways of actualizing the semantics of "transparent" proper names are revealed and classified into means describing characters' appearance, their verbal and nonverbal behavior, emotions and feelings, methods of teaching academic disciplines.

Keywords: lingual representation, subjects of education, typological characteristics of the text, fantasy genre, author's individual style of writing.

Введение

Тема нашего исследования связана с изучением актуальной для лингвистики проблемы языка и мышления, к которой восходит изучение концептосферы культуры, национальной картины мира, языковой личности и идиостиля автора. Данная работа опосредованно

связана с изучением языковой репрезентации одного из важных социокультурных концептов, который модифицируется в художественном дискурсе, а именно концепта ОБРАЗОВАНИЕ.

Необходимо отметить, что языковая репрезентация субъектов образования в фэнтези Дж.К.Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» характеризуется разветвленностью. Она составляет один из основных способов создания художественного образа, связана с проблематикой произведения, его тематикой и системой образов. Значительное влияние на специфику языковой репрезентации субъектов образования в нем оказывают тип дискурса, жанровая специфика, мировосприятие писателя, его идиостиль, который рассматривается в единстве с типологическими свойствами художественного текста: идейностью, эмотивностью, образностью и художественной формой.

Идейность и эмотивность являются свойствами глубинного уровня художественного текста, лежат в основе его цельности (как единства смысла) и целостности (как единства формы и содержания), мотивируют специфику его образности и художественной формы. Сопряжение данных свойств составляет, по мнению Н.В.Шутёмовой, типологическую доминанту художественного текста, которая представляет его сущность и отличие от других типов текста [Шутёмова, 2015]. В отношении произведения любого вида искусства идейность, эмотивность, образность и художественная форма в единстве образуют содержание категории художественности, указывающей на принадлежность объекта к сфере художественного творчества человека [Роднянская, 1987].

Художественная концепция автора, которая выражается в теме, проблематике, идейном пространстве, эмотивности, системе образов, композиции и сюжете фэнтези, мотивирует стилистическое своеобразие произведения и в целом идиостиль писателя. Данное понятие трактуется в лингвистике как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [Котюрова, 2003, с.95], и получило многогранное осмысление в трудах исследователей (см., например: [Аксёнова, 2013; Бабенко, Казарин, 2009; Болдырев, 2005; Болотнова, 2001; Жирмунский, 1977; Золян, 2014; Караулов, 1987; Котюрова и др., 2011; Старкова, 2015; Якобсон, 1987] и др.). Обусловленность идиостиля художественной концепцией автора и образностью его мышления приводит к необходимости его рассмотрения во взаимосвязи с типологическими свойствами и типологической доминантой художественного текста.

Анализ языковой репрезентации субъектов образования в фэнтези Дж.К.Роулинг позволил выявить их зависимость от идейно-эмотивной основы и образности произведения, что обуславливает их «говорящий» характер. Основными характеристиками имен субъектов образования в произведении являются образность, интертекстуальность, ассоциативность, аксиологичность. Одним из когнитивных механизмов, лежащих в основе языковых репрезентантов субъектов образования, является метафора. При этом наиболее частотными оказываются характерные для художественного произведения способы описания деталей внешности персонажа, его поведения, речевого портрета, эмоций и чувств, методов обучения и взаимоотношения с другими субъектами образовательного процесса.

Рассмотрим «говорящий» характер данных номинаций и способы актуализации их семантики на примере анализа имени *Minerva McGonagall*. Данное имя собственное принадлежит наставнице школы магии Хогвартс, декану факультета Гриффиндор, на котором обучаются основные представители добрых магических сил в сиквеле о Гарри Поттере. Также данная наставница обучает фантазийному предмету — трансфигурации. Имя и фамилия персонажа репрезентируют характер персонажа и построены на языковой игре. *Minerva* — имя собственное латинского происхождения [Partridge, 1966, p. 2020], означающее «отмеряющая», это второе имя Афины, богини мудрости, покровительницы ремесленников. При этом автор наделяет данного персонажа в произведении мудрым и строгим характером. Фамилия *McGonagall* восходит к существительному староанглийского происхождения, означающему «волдырь, натертое место» [Partridge, 1966, p. 1254–1255], что, вероятно, позволяет автору акцентировать внимание на педагогическом опыте наставницы, любящей повторять правила школы Хогвартс. Лингвистический анализ текста позволил выявить следующие основные способы актуализации семантики имени собственного рассматриваемого персонажа.

Актуализация посредством описания внешности

Например,

There was a tabby cat standing on the corner of Privet Drive. Mr. Dursley blinked and stared at the cat. It stared back. As Mr. Dursley drove around the corner and up the road, he watched the cat in his mirror. It was now reading

the sign that said Privet Drive — no, looking at the sign; cats couldn't read maps or signs (Rowling, 2014, p. 2–3)¹.

He turned to smile at the tabby, but it had gone. Instead he was smiling at a rather severe-looking woman who was wearing square glasses exactly the shape of the markings the cat had had around its eyes. She, too, was wearing a cloak, an emerald one. Her black hair was drawn into a tight bun. She looked distinctly ruffled (p. 10).

Изначально данный персонаж предстает в виде кошки, которая, по мнению Вернона Дадли, читает газету и знаки на дороге. При описании внешности героини используются эпитеты *tabby* ('полосатая кошка; злопыхательница'), *rather severe-looking (woman)* ('женщина довольно сурового вида'), *a very stern (face)* ('очень суровое лицо'), метафорическое словосочетание *was not someone to cross* ('не из тех, кому стоит перечить'), подчеркивающие строгий характер Минервы. Автор актуализирует такие детали ее облика, как цвет волос (*black*), тип прически (*a tight bun*), форма очков (*who was wearing square glasses*), создавая тем самым образ серьезной наставницы:

A tall, black-haired witch in emerald-green robes stood there. She had a very stern face and Harry's first thought was that this was not someone to cross (p. 121).

Актуализация посредством описания вербального поведения персонажа

Например,

Professor McGonagall sniffed angrily. "Oh yes, everyone's celebrating, all right," she said impatiently. "You'd think they'd be a bit more careful, but no — even the Muggles have noticed something's going on. It was on their news." She jerked her head back at the Dursleys' dark living-room window. "I heard it. Flocks of owls... shooting stars.... Well, they're not completely stupid. They were bound to notice something. Shooting stars down in Kent — I'll bet that was Dedalus Diggle. He never had much sense" (p. 10).

"I know that," said Professor McGonagall irritably. "But that's no reason to lose our heads. People are being downright careless, out on the streets in broad daylight, not even dressed in Muggle clothes, swapping rumors." She threw a sharp, sideways glance at Dumbledore here, as though hoping he was going to tell her something, but he didn't, so she went on. "A fine thing it would be if, on the very day YouKnow-Who seems to have disappeared at last, the Muggles found out about us all. I suppose he really has gone, Dumbledore?" (p. 11).

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием номеров страниц.

“No, thank you,” said Professor McGonagall coldly, as though she didn’t think this was the moment for lemon drops (p. 11).

“I know you haven’t, said Professor McGonagall, sounding half exasperated, half admiring” (p. 12).

“A letter?” repeated Professor McGonagall faintly, sitting back down on the wall (p. 14).

“I’m not saying his heart isn’t in the right place,” said Professor McGonagall grudgingly, “but you can’t pretend he’s not careless. He does tend to — what was that?” (p. 15).

“Shhh!” hissed Professor McGonagall, “you’ll wake the Muggles!” (p. 16).

Автор характеризует манеру говорения персонажа, используя выраженные наречиями эпитеты, которые усиливают семантику глаголов, вводящих прямую речь: *sniffed angrily* (‘сердито фыркнула’), *impatiently* (‘нетерпеливо’), *irritably* (‘раздражительно’), *coldly* (‘холодно’), *faintly* (‘слабо’), *grudgingly* (‘ворча’), подчеркивающие резкость речи персонажа. Чтобы передать одновременно строгость и мягкость в манере говорения персонажа, автор использует эпитеты *half-exasperated* и *half-admiring* (‘наполовину раздраженный и наполовину восхищенный’).

Автор также указывает на опасения Минервы, что простые люди («магглы» — авторский поттеризм) могут о них узнать: *Well, they’re not completely stupid. They were bound to notice something* (‘Они не так глупы, они могли что-то заметить’). Говоря о людях, Минерва употребляет неопределенные местоимения и наречие с отрицанием (*not completely, something*), чтобы подчеркнуть различие мира людей и мира волшебников. Называя людей с помощью местоимения *they* (‘они’), она «шипит» на Хагрида, чтобы он не разбудил «магглов»: *“Shhh!” hissed Professor McGonagall, “you’ll wake the Muggles!”* При этом автором используется ономапоея *hissed u Shhh!*

Актуализация посредством описания невербального поведения персонажа

Professor McGonagall shot a sharp look at Dumbledore (p. 12).

Для описания поведения автор использует эпитет *sharp*, передающий «острый, пронзительный» взгляд Минервы на директора школы магии. При этом глагол «смотреть» заменен на метафорическое высказывание «выстрелила острым взглядом» (*shot a sharp look*), что также подчеркивает резкость и строгость данного персонажа.

It seemed that Professor McGonagall had reached the point she was most anxious to discuss, the real reason she had been waiting on a cold, hard wall

all day, for neither as a cat nor as a woman had she fixed Dumbledore with such a piercing stare as she did now. It was plain that whatever “everyone” was saying, she was not going to believe it until Dumbledore told her it was true. Dumbledore, however, was choosing another lemon drop and did not answer. “What they’re saying,” she pressed on (p. 12).

Whatever Professor McGonagall had expected, it wasn’t that. The books she was carrying tumbled out of her arms, but she didn’t pick them up. “How do you know —?” she spluttered. “Professor, I think — I know — that Sn — that someone’s going to try and steal the Stone. I’ve got to talk to Professor Dumbledore.” She eyed him with a mixture of shock and suspicion. “Professor Dumbledore will be back tomorrow,” she said finally. “I don’t know how you found out about the Stone, but rest assured, no one can possibly steal it, it’s too well protected” (p. 287).

Автор актуализирует строгий образ профессора МакГонагалл через описание ее реакции на события, которые она не ожидала и которые выбиваются из правил, чему способствует, например, метафорический глагол *press on* (‘настаивать’) и эмотивное словосочетание *a mixture of shock and suspicion* (‘со смесью шока и подозрения’). Когда наступает момент выяснения дальнейшей судьбы Гарри, автор с помощью инверсии показывает, насколько Минерва обеспокоена и напряжена, пытаясь узнать правду от Дамблдора: *for neither as a cat nor as a woman had she fixed Dumbledore with such a piercing stare as she did now* (‘и это не кошка и не женщина смотрела сейчас на Дамблдора таким пронизывающим взглядом’).

Professor McGonagall opened her mouth, changed her mind, swallowed, and then said, “Yes — yes, you’re right, of course. But how is the boy getting here, Dumbledore?” (p. 14).

После получения логичных объяснений Минерва перестает спорить, обдумывая свое поведение далее. Автор передает этот процесс с помощью однородных сказуемых и асиндетона: *opened, changed, swallowed* (‘открыла, изменила, сдержала’). При всей своей строгости и уверенности в правоте Минерва способна слышать и слушать других людей.

Актуализация посредством описания методики преподавания магического предмета

Например,

“Welcome to Hogwarts”, said Professor McGonagall. “The start-of-term banquet will begin shortly, but before you take your seats in the Great Hall, you will be sorted into your houses. The Sorting is a very important ceremony

because, while you are here, your house will be something like your family within Hogwarts. You will have classes with the rest of your house, sleep in your house dormitory, and spend free time in your house common room. The four houses are called Gryffindor, Hufflepuff, Ravenclaw, and Slytherin. Each house has its own noble history and each has produced outstanding witches and wizards. While you are at Hogwarts, your triumphs will earn your house points, while any rulebreaking will lose house points. At the end of the year, the house with the most points is awarded the house cup, a great honor. I hope each of you will be a credit to whichever house becomes yours”.

“The Sorting Ceremony will take place in a few minutes in front of the rest of the school. I suggest you all smarten yourselves up as much as you can while you are waiting.” Her eyes lingered for a moment on Neville’s cloak, which was fastened under his left ear, and on Ron’s smudged nose. Harry nervously tried to flatten his hair. “I shall return when we are ready for you,” said Professor McGonagall. «Please wait quietly» (p. 122).

Автор показывает, что профессор МакГонагалл ведет себя уверенно, дает четкие и понятные инструкции, умеет держать дисциплину. Автор использует прием хиазма, говоря о «домах» — факультетах в школе магии: *your house; the rest of your house; your house dormitory; your house common room; each house; house points*.

Также с помощью глаголов в форме повелительного наклонения автор отмечает, что профессор спокойно отдает команды, может вести за собой: *form a line* (‘постройтесь в линию’), *follow me* (‘следуйте за мной’):

“Now, form a line,” Professor McGonagall told the first years, “and follow me” (p. 124).

В целом автор создает образ владеющего фантазийным предметом учителя (эпитеты *strict and clever* описывают ее как «строгую и умную»), который достаточно строго относится к своим ученикам, но готов объяснить предмет еще раз, если что-то непонятно. Автор также показывает умение данного персонажа контролировать поведение класса. При этом она скупа на похвалы ученикам, что подчеркивается с помощью эпитета *rare (smile)* (‘редкая (улыбка)’):

Professor McGonagall was again different. Harry had been quite right to think she wasn’t a teacher to cross. Strict and clever, she gave them a talking-to the moment they sat down in her first class. “Transfiguration is some of the most complex and dangerous magic you will learn at Hogwarts,” she said. “Anyone messing around in my class will leave and not come back. You have been warned.” Then she changed her desk into a pig and back again. They were all very impressed and couldn’t wait to get started, but soon realized they

weren't going to be changing the furniture into animals for a long time. After taking a lot of complicated notes, they were each given a match and started trying to turn it into a needle. By the end of the lesson, only Hermione Granger had made any difference to her match; Professor McGonagall showed the class how it had gone all silver and pointy and gave Hermione a rare smile (p. 143).

В следующих контекстах описывают воспитательные ситуации, в которых профессор МакГонагалл проявляет свои качества преподавателя. При этом большой объем ее домашнего задания характеризуется с помощью эпитета *huge* (*a huge pile* — ‘большая кipa’):

Professor McGonagall was head of Gryffindor House, but it hadn't stopped her from giving them a huge pile of homework the day before (p. 144).

Professor McGonagall was almost speechless with shock, and her glasses flashed furiously, “— how dare you — might have broken your neck —” (p. 160).

“Absolutely,” said Professor McGonagall crisply. “The boy's a natural. I've never seen anything like it. Was that your first time on a broomstick, Potter?” (p. 162).

“I'm disgusted,” said Professor McGonagall. “Four students out of bed in one night! I've never heard of such a thing before! You, Miss Granger, I thought you had more sense. As for you, Mr. Potter, I thought Gryffindor meant more to you than this. All three of you will receive detentions — yes, you too, Mr. Longbottom, nothing gives you the right to walk around school at night, especially these days, it's very dangerous — and fifty points will be taken from Gryffindor.” “Fifty?” Harry gasped — they would lose the lead, the lead he'd won in the last Quidditch match. “Fifty points each,” said Professor McGonagall, breathing heavily through her long, pointed nose. “Professor — please...” “You can't —” “Don't tell me what I can and can't do, Potter. Now get back to bed, all of you. I've never been more ashamed of Gryffindor students” (p. 261–262).

Автор использует прием аллитерации при описании методики наказания учеников (*flash furiously* — ‘метнуть взгляд яростно’); а также эпитеты *crisply* (‘решительно’) и *disgusted* (‘омерзительный’). Когда ученики ее факультета совершили проступок, она не стала этого скрывать и наказала их. Автор создала образ строгой, стоящей на стороне правды и в то же время понимающей наставницы школы магии, которая обучает фантазийному предмету трансфигурации.

Актуализация посредством описания эмоций и чувств персонажа

Например,

Professor McGonagall's voice trembled as she went on. “That's not all. They're saying he tried to kill the Potter's son, Harry. But — he couldn't. He

couldn't kill that little boy. No one knows why, or how, but they're saying that when he couldn't kill Harry Potter, Voldemort's power somehow broke — and that's why he's gone. Professor McGonagall pulled out a lace handkerchief and dabbed at her eyes beneath her spectacles (p. 13).

Автор акцентирует проявление сострадания у данного персонажа, используя глаголы *tremble*, *dab at* ('дрожать, прикладывать платок к глазам'), когда речь идет о гибели родителей главного героя.

"You don't mean — you can't mean the people who live here?" cried Professor McGonagall, jumping to her feet and pointing at number four. "Dumbledore — you can't. I've been watching them all day. You couldn't find two people who are less like us. And they've got this son — I saw him kicking his mother all the way up the street, screaming for sweets. Harry Potter come and live here!" (p. 14).

Автор подчеркивает переживание профессора МакГонагалл за дальнейшую судьбу Гарри Поттера и эмоционально дважды отрицает мысль о том, что он будет жить у людей, которые его не любят: *You don't mean — you can't mean...* ('Вы же не имеете в виду — вы не можете иметь в виду...').

"Yes, yes, it's all very sad, but get a grip on yourself, Hagrid, or we'll be found," Professor McGonagall whispered, patting Hagrid gingerly on the arm (p. 17).

Professor McGonagall peered sternly over her glasses at Harry. "I want to hear you're training hard, Potter, or I may change my mind about punishing you." Then she suddenly smiled. "Your father would have been proud," she said. "He was an excellent Quidditch player himself" (p. 163).

Автор показывает, что Минерва не лишена сострадания и понимания ситуации: она поддерживает Хагрида и вместо наказания за полет на метле дает возможность Гарри играть в квиддич, как играл его отец. Для описания эмоций персонажа автор использует эпитет *gingerly* ('осторожно, осмотрительно'), эмотивное словосочетание *suddenly smiled* ('внезапно улыбнулась').

Выводы

Таким образом, Дж. Роулинг создала фантазийный образ умного и строгого наставника и декана факультета Гриффиндор школы магии в лице профессора Минервы МакГонагалл, которая обучает фантазийному предмету трансфигурации. Используя рассмотренные способы актуализации семантики имени собственного (через

описание внешности, поведения, эмоций и т. д.), автор характеризует этого персонажа как представителя добрых сил, который владеет магией на высоком уровне, умеет детально объяснить свой фантазийный предмет, в то же время этому персонажу не чуждо сострадание, помощь, уважение, а также чувство долга. Данный персонаж поддерживает правду, но прислушивается к мнению коллег. Все контексты, которые связаны с данным фантазийным персонажем, способствуют актуализации семантики имени собственного.

Исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что на номинацию субъектов образования в художественном произведении оказывает влияние тип дискурса и жанр. Перспектива исследования связана с изучением полного спектра способов актуализации семантики имен собственных в фэнтези Дж. К. Роулинг. Выявленные способы в целом репрезентируют своеобразие художественного мышления автора и его идиостиля.

Источники материала

Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 2014.

Литература

Аксёнова Н. С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Вестник МГОУ. 2013. № 1. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/271> (дата обращения: 03.05.2020).

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Филологический анализ текста. М.: Флинта; Наука, 2009.

Болдырев Н. Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной / редкол.: Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко (отв. ред.) и др. СПб.: Тригон, 2005. С. 31–46.

Болотнова Н. С. Проблема изучения идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного средства // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, А. А. Васильева и др. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2001. С. 63–99.

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: УРСС, 2014.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

- Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. С.* Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: ПГНИУ, 2011.
- Старкова Е. В.* Проблемы понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филологические науки. 2015. № 5. С. 75–80.
- Шутёмова Н. В.* Понятие доминанты в типологии перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31). С. 46–51.
- Якобсон Р. О.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

Словари и энциклопедии

- Роднянская И. Б.* Художественность // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 489–490.
- Котюрова М. П.* Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 95–99.
- Partridge E.* A Short Etymological Dictionary of Modern English. London, 1966.

Технологии разработки двуязычного глоссария в работе синхронного переводчика: алгоритм подготовки к переводческому проекту

Подготовка к заказу на устный перевод, как правило, включает в себя ознакомление с тематической областью и составление двуязычного глоссария по теме. Переводчик зачастую вынужден осуществлять подготовку в сжатые сроки и с использованием большого объема текстового материала. В связи с вышесказанным представляется целесообразным использовать для подготовки к проекту CAT-инструменты и корпусные менеджеры (Sketch Engine, AntConc). Инструменты CAT и корпусные технологии могут использоваться для создания корпуса текстов и работы с ним, извлечения терминологии и разработки глоссария. В статье представлен поэтапный алгоритм подготовки к устному синхронному переводу на научных конференциях узкоспециальной тематики, а также рассмотрены технологии, использующиеся для формирования корпуса материалов и тематического глоссария.

Ключевые слова: устный перевод, синхронный перевод, перевод конференций, CAT-технологии, корпусные менеджеры, терминология, извлечение терминологии.

T. V. Kuraleva, I. A. Nagovitsyna

A bilingual glossary as a life-saver for simultaneous interpreters: How cat-tools come in handy

Being a professional interpreter means that you always devote time before an interpreting assignment to become familiar with the topic and topic-related terminology. One of the key steps in advance preparation is the development of a bilingual topic-related glossary. Apart from the challenges of acquiring specific domain knowledge that the speakers will have and interpreters usually lack, preparatory work is often done under time pressure with stacks of documents. This is where CAT tools and corpus managers, namely, Sketch Engine and AntConc, will come in handy. These tools are instrumental in corpus work, terminology extraction, and glossary compilation. The paper discusses a step-by-step preparation guide for conference interpreters facing the challenge of advance preparation for a specialized conference in the new domain. The

paper also explores the tools used in the development of domain-specific corpora and glossaries.

Keywords: interpreting, simultaneous interpreting, conference interpreting, CAT tools, corpus manager, terminology, terminology extraction.

Подготовка к заказу на устный перевод включает в себя ознакомление с тематической областью («начитывание» по тематике) и составление двуязычного глоссария по теме. Экспериментальные данные подтверждают, что достаточная предварительная подготовка оказывает положительное влияние на различные параметры синхронного перевода, включая скорость перевода и его точность [Díaz-Galaz et al., 2015; Kurz, 2001]. Сжатые сроки и необходимость проработки большого объема текстового материала требуют использования САТ-инструментов, которые уже давно перестали быть прерогативой исключительно письменных переводчиков [Costa et al., 2014, p. 69; Fantinuoli, 2018]. В статье разбираются практические кейсы по подготовке к устным проектам с использованием САТ-инструментов (dtSearch¹) и корпусных менеджеров (Sketch Engine², AntConc³) для формирования корпуса текстов и работы с ним, извлечения терминологии и подготовки глоссария. Рассмотрен поэтапный алгоритм подготовки с использованием САТ-инструментов к устному синхронному переводу на научных конференциях узкоспециальной тематики. Также в статье представлен обзор функционала сайта interpretershelp.com — социальной сети для устных переводчиков и консолидатора необходимых для устного переводчика сервисов.

Перейдем к рассмотрению пошагового алгоритма подготовки к переводческому проекту. Один из популярных инструментов терминологических исследований — это применение технологий корпусной лингвистики для извлечения терминологических единиц из базы текстовых корпусов [Ковязина, 2016, с. 62]. Такой подход часто используется в письменном переводе, однако он представляется крайне эффективным и для нужд устного перевода. В переводческой практике довольно распространенными являются случаи, когда заказчик в силу различных причин не предоставляет материалы для подготов-

¹ dtSearch. URL: <https://dtsearch.com/> (дата обращения: 03.04.2021).

² Sketch Engine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения: 03.04.2021).

³ AntConc (Version 3.5.8). A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis // Laurence Anthony's Website. 2019. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 03.04.2021).

ки к мероприятию. В таких случаях переводчик сам создает корпус тематических текстов для последующего извлечения терминологии и составления глоссария. Для этих целей можно использовать систему Sketch Engine, представляющую собой набор языковых инструментов для работы с языковыми корпусами. Sketch Engine обладает широким набором функций: составление списков частотных слов, выявление ключевых слов, выявление коллокаций, создание лексико-грамматического профиля слова и т. д. [Kilgarriff et al., 2014]. Для подготовки к проекту по устному переводу наиболее полезной является функция извлечения ключевых слов и терминологии (keywords and terms). Данная функция позволяет сравнить частоту употребления языковых единиц в пользовательском корпусе с их частотой в референтном корпусе. (В качестве референтных система использует корпусов семью корпусов TenTen (TenTen Corpus family), представляющую собой коллекцию корпусов более чем на 30 языках. Каждый корпус содержит более 10 млрд слов и представляет собой лингвистически ценные тексты из сети интернет). Под ключевыми словами (keywords, key clusters, key phrases) понимаются лексические единицы, характеризующиеся высокой частотностью по сравнению с их частотностью в референтном корпусе [Jones, Waller, 2015, p. 70].

Итак, рассмотрим конкретные случаи применения корпусных технологий для подготовки к устному переводу на конференциях по узкоспециальной тематике. В качестве примера обсудим этап предварительной подготовки к международной научной конференции «Почва в условиях глобального изменения климата» (XXIII Докучаевские молодежные чтения — 2020). Беглый просмотр программы мероприятия⁴ позволяет сделать выводы о терминологической насыщенности языка конференции и уровне сложности терминологии. Например, среди заявленных докладов встречаются такие темы, как «Фосфатазная активность окультуренных и залежных почв села Русская Буйловка», «Изменение морфологии и свойств верхнего органогенного горизонта подзолов в процессе восстановительной сукцессии техногенно-нарушенных экосистем в окрестностях медноникелевого предприятия, Кольский полуостров», «Determination and Comparison of Apparent Thermal Diffusivity of Alluvial Carbonate

⁴ Программа Международной научной конференции «XXIII Докучаевские молодежные чтения», посвященной 115-летию Центрального музея почвоведения им. В.В. Докучаева, «Почва в условиях глобального изменения климата» URL: http://www.dokuchaevskie.ru/wp-content/uploads/2020/02/Programme_2020_Ru.pdf (дата обращения: 03.04.2021).

Soils (İgdir Region, Eastern Anatolia, Turkey) by Classical and Improved Algorithms in Field Experiments» и т. п.

В основу глоссария для конференции по почвоведению легли электронные сборники тезисов мероприятий прошлых лет, представленные в открытом доступе в сети интернет. При помощи технологии Sketch Engine нами был составлен пользовательский корпус объемом 122 000 слов. Далее на базе корпуса был составлен терминологический глоссарий по теме «Почвоведение». В исходный список ключевых слов и терминов, составленный автоматически, помимо узкоспециализированной лексики были включены аббревиатуры и сокращения (СПбГУ, РФФИ, ГРЭС, доц.) и имена собственные. Таким образом, список терминов требовал дальнейшей доработки. Итоговый список включал только однокомпонентные и многокомпонентные термины, относящиеся к тематической области «Почвы и их исследование» (бонитет леса, верхний горизонт, верховодка, влагоемкость, суглинок, гранулометрический состав и т. д.). Большая часть выборки была представлена терминами на русском языке. Поиск переводческих соответствий осуществлялся через работу с онлайн-словарями и обязательную сверку сочетаемости и частотности кандидатов в терминологические эквиваленты в сети интернет с анализом дефинитивных признаков оригинального и переводного терминов, а также анализа качества контекстов их употребления (научные статьи, специализированные тематические интернет-ресурсы и т. п.). Ниже представлен фрагмент глоссария.

бонитет леса	forest appraisal index
борщевик	cow parsnip
бугор пучения	pingo
бурозем	brown soli
верхний горизонт	topsoil / upper horizon
верховодка (над грунтовыми водами)	perched water
влагоемкость	water retaining capacity
внесение соломы	straw application

Сформированный глоссарий имеет направление ru>en и отсортирован по алфавиту. Он насчитывает 270 единиц, общий объ-

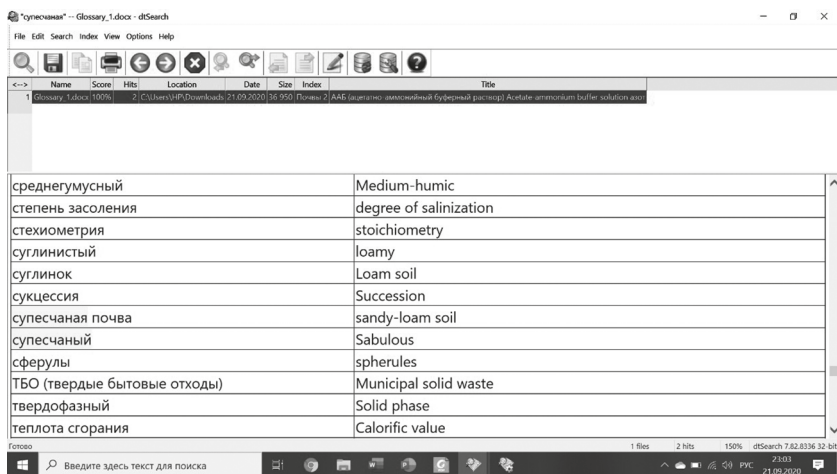

Рис. 1. Пример использования программы dtSearch для поиска терминов непосредственно во время синхронного перевода в кабине

ем — 8 страниц формата doc/pdf при стандартном форматировании. Глоссарий можно назвать однонаправленным, так как не была предусмотрена копия глоссария с реверсивным направлением языков. Двухнаправленные глоссарии обычно имеют меньший объем, 1–3 страницы, и используются для предварительного заучивания узкоспециальной терминологии и в качестве опорного глоссария непосредственно во время устной работы. Учитывая объем нашего глоссария, применение распечатанной версии в условиях синхронного перевода представлялось затруднительным, поэтому для поиска терминов в глоссарии во время мероприятия использовалась программа индексации текстов и конкордансного поиска dtSearch. Пример совпадений из глоссария на запрос «супесчан» (супесчаный, супесчаная почва) представлен на рис. 1.

Далее рассмотрим еще один инструмент для работы с корпусом — корпусный менеджер AntConc. Программа AntConc имеет сходный набор функций. Однако, в отличие от облачной технологии Sketch Engine, AntConc должен быть установлен на устройстве пользователя. Кроме того, данная система работает только с файлами в текстовом формате⁵.

Для составления тематического глоссария можно воспользоваться функцией составления списка частотности либо функцией ключевых слов. Для исключения из результатов поиска служебных

⁵ AntConc (Version 3.5.8).

слов, местоимений и высокочастотной лексики (*consider, say* и т. д.) данные лексемы могут быть добавлены в *stop-list* и исключены из результатов поиска. Кроме того, глоссарий можно составить с использованием функции составления списка ключевых слов. В этом случае в качестве рефренного корпуса можно использовать список частотности слов Британского национального корпуса.

С помощью этого корпусного инструмента нами был составлен глоссарий по теме «Ринопластика». В основу глоссария легли тематические тексты, находящиеся в открытом доступе в сети интернет. С целью составления максимально полного глоссария мы использовали оба способа (составление списка частотных слов и списка ключевых слов). Наиболее оптимальным представляется подход, при котором переводчик извлекает термины с помощью функции составления списка ключевых слов с последующим дополнением глоссария отдельными частотными лексемами. При сравнении списка частотности и списка ключевых слов были сделаны следующие наблюдения. Многие лексемы являются высокочастотными в обоих списках: *rhinoplasty, surgery, facial, plastic, nasal, septal, graft*. Это объясняется тем, что при составлении обоих списков учитывается мера частотности словоупотребления, а также тем, что тексты носят узкоспециальный характер. В списке частотности слов высокими статистическими показателями обладают лексические единицы нетерминологического характера, которые, однако, должны быть внесены в пользовательский глоссарий. Например, в ситуации устного перевода необходимо учитывать, что лексема *treatment* ('лечение, терапия') в контексте пластической хирургии и косметологии имеет более узкое значение — 'коррекция'. Аналогично лексема *management*, которая не имеет высокого статистического показателя в списке ключевых слов, также имеет контекстуально обусловленный перевод — 'лечение, коррекция, пластика, исправление' (*diagnosis and management, surgical management of septal perforations, management of septal deviation*). Наконец, на последнем этапе подготовки представляется целесообразным рассмотреть конкретные контексты употребления наиболее частотных терминов (*n-grams*) для выявления многокомпонентных терминов. Для иллюстрации приведем существительное *graft* ('трансплантат, графт'), которое само по себе не представляет трудности для перевода, однако является компонентом различных устойчивых сочетаний, которые могут вызвать трудности у переводчика, не знакомого с терминологией (*cartilage graft, conchal graft, coastal graft, DCF graft, extension graft, spreader graft, graft harvesting*).

В заключение коротко остановимся на ресурсе interpretershelp.com, который можно использовать как при подготовке к заказу, так и непосредственно при работе в кабине. Проект interpretershelp.com — это своего рода профессиональная социальная сеть для устных переводчиков, а также консолидатор ряда полезных для устного переводчика инструментов. Среди них календарь заказов (зеленая подсветка — подтвержденные, оранжевая — потенциальные). На странице заказа можно указать всю важную информацию о заказе/мероприятии (дата и время проведения, контактные лица, адрес, программа, материалы, глоссарии, общение с коллегами по мероприятию). Сервис предусматривает репозиторий речей для тренировки устного перевода (можно подгружать свои файлы, а также прорабатывать аудиоречи коллег) и небольшое файловое хранилище (100 Мб в бесплатной версии, 2 Гб — в платной), что удобно для централизованного хранения разработанных глоссариев. Также в личном кабинете на interpretershelp.com можно вести базу заказчиков с указанием их контактной информации. На сайте публикуются объявления о ближайших профессиональных мероприятиях (конференции, вебинары, тренинги и пр.), ведется база данных переводчиков. Крайне полезной представляется возможность формирования, хранения и поиска по глоссариям. Глоссарии на сайте могут быть как личными, так и общедоступными. Общедоступными глоссариями может пользоваться любой из подписчиков бесплатно. Личные глоссарии (один объемом не более 500 строк в бесплатной версии и неограниченное количество объемом до 3000 строк в платной) не видят другие пользователи сообщества, если им не был предоставлен доступ. На сайте предусмотрена возможность формирования глоссария непосредственно онлайн, а также импорт и экспорт глоссариев в разных текстовых форматах. Глоссарии могут содержать любые привычные поля: синонимы, примечания, сокращения и пр. Есть возможность создания индивидуальных полей под личные потребности. Глоссарии можно создавать вместе с коллегами в режиме командной работы, предусмотрено пространство для обсуждения.

Ресурс также предлагает сервис под названием Flashcards — цифровой аналог карточкам для запоминания новых слов. «Стопки» карточек формируются на основе данных глоссария, далее программный код предлагает «поиграть в слова» (рис. 2).

Офлайн-работу с глоссариями можно вести в приложении от interpretershelp.com под названием BoothMate (Mac, Windows 10, iPad). При наличии подключения к интернету обновление и синхро-

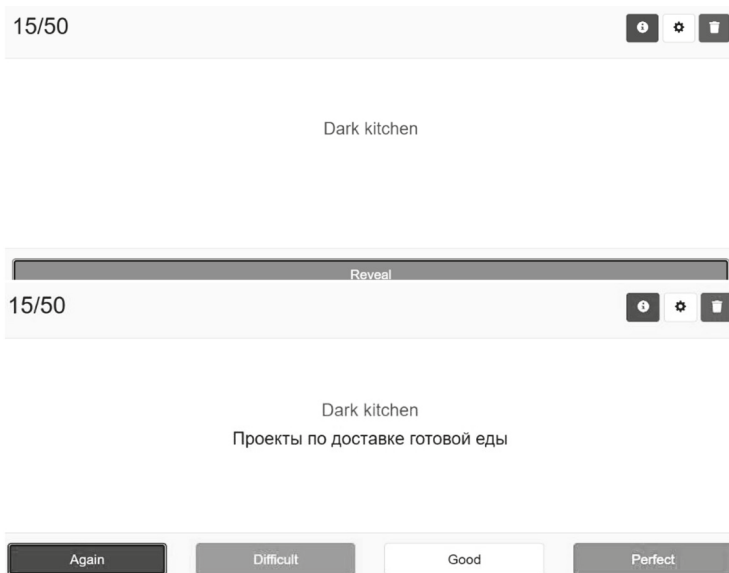

Рис. 2. Сервис Flashcards для запоминания новой терминологии на interpretershelp.com

низация данных онлайн- и офлайн-гlossариев происходит каждые 5 минут. На экране приложение можно открывать параллельно с документом, что удобно при работе в кабине. Поиск можно осуществлять как по всем, так и по отдельным подгруженным glossариям. Поисковый ответ на запрос моментальный. Офлайн-приложение позволяет редактировать уже имеющиеся или добавлять новые термины, а также создавать новые glossарии (on-the-go glossary).

В целом сервис interpretershelp.com — это интересный проект, который позволяет проводить централизованную работу по многим аспектам деятельности устного переводчика, и хочется надеяться, что он будет развиваться. Пока что сервис предлагает два вида подписки: бесплатную (с ограничениями по количеству, объему и возможности редактирования glossариев, объему файлового хранилища) и платную (20 евро в месяц за расширенные возможности).

Итак, в статье были рассмотрены возможности и алгоритм применения САТ-инструментов на этапе подготовки к заказу на устный синхронный перевод по узкоспециальной тематике в условиях ограничения по времени подготовки и необходимости проработки большого объема нового материала. Алгоритм применения САТ сводится в общем виде к поиску материалов в сети интернет, формирова-

нию обширного корпуса тематически релевантных текстовых материалов, автоматическому извлечению терминологии, составлению глоссария и использованию программ индексации и конкорданса для поиска терминов непосредственно во время заказа.

Литература

- Ковязина М. А. Извлечение ключевых терминов на базе корпуса текстов о разработке нефтяных и газовых месторождений // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 3. С. 61–69.
- Costa H., Corpas Pastor G., Durán Muñoz I. A comparative user evaluation of terminology management tools for interpreters // Proceedings of the workshop on Computational Terminology. Dublin, Ireland. 2014. August 23. P.68–76. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/W14-4809.pdf> (дата обращения: 03.04.2021).
- Díaz-Galaz S., Padilla P., Bajo M. T. The role of advance preparation in simultaneous interpreting: A comparison of professional interpreters and interpreting students // Interpreting. 2015. No. 17 (1). P.1–25. URL: https://www.academia.edu/23755397/The_role_of_advance_preparation_in_simultaneous_interpreting_A_comparison_of_professional_interpreters_and_interpreting_students (дата обращения: 03.04.2021).
- Fantinuoli C. The use of comparable corpora in interpreting practice and training The Interpreters' Newsletter. 2018. No. 23. P.133–149. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/4172/b231be3bd819efdb8cce78cb7e823ee25b49.pdf?_ga=2.181197607.1610900149.1579877867-1758826985.1579877867 (дата обращения: 03.04.2021).
- Jones C., Waller D. Corpus Linguistics for Grammar. Routledge, 2015.
- Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Su-chomel V. The Sketch Engine: Ten Years On // Lexicography. 2014. No. 1. P. 7–36.
- Kurz I. Conference Interpreting: Quality in the Ears of the Users // Meta. 2001. No. 46. P. 394–409.

Жест и лексема *реверанс* в русском языке и культуре: история и современность

В работе прослеживается история жеста реверанс и лексемы *реверанс* в русском языке и культуре. Данный жест, в отличие от поклона, не входил в фокус внимания исследователей, занимающихся невербальной семиотикой, невербальным этикетом, и лишь изредка описывается в работах по истории культуры и общества. Материалом для исследования послужили работы по истории протокола и этикета, сценическому движению и историческому танцу, мемуарная литература, примеры НКРЯ со словом *реверанс* и словари XVIII–XX вв. Анализ собранных автором примеров, описывающих исполнение реверансов, позволил автору установить время возникновения жеста реверанс в русской культуре, его формы и контексты употребления; проследить изменения, которые происходили с реверансом на протяжении двух веков, вплоть до 1917 г., когда жест стал выходить из употребления. Также в статье рассматривается история лексемы *реверанс* в русском языке, ее значения и их оттенки. Результаты исследования показывают, что функционирование жеста и лексемы *реверанс* и ситуации их употребления не всегда совпадали, и данное различие сохраняется по настоящее время.

Ключевые слова: вежливость, жест, поклон, реверанс, церемониал, этикет.

E. B. Morozova

Gesture and lexeme curtsy in the Russian language and culture: Then and now

This paper studies the gesture curtsy and the respective lexeme in the Russian language and culture. This gesture in comparison to bow has been out of the field of scientific research in such areas as non-verbal semiotics, non-verbal etiquette. Quite rarely has it been described in books on social history or culture. The present research is based on books on the history of protocol and etiquette, books on stage movement and historical dances, 18th–21st cc. dictionaries and numerous examples from the Russian National Corpus. The analysis of the examples illustrating the performance of curtsies helped to identify the date when the gesture was borrowed by Russian culture, the forms and varieties of the gesture, and its use. Moreover, the paper describes the changes in curtsies during two centuries up to the moment when in 1917 it gradually lost its significance. The lexeme curtsy, its definitions and connotations are also considered in the present article. The results of the research show that the

gesture and the lexeme has not often coincided in its meaning and use, which can be easily seen even today.

Keywords: politeness, gesture, bow, curtsy, ceremony, etiquette.

Статья посвящена истории жеста и лексемы *реверанс* в русском языке и культуре. На сегодняшний день нам не удалось найти работ, посвященных реверансу, несмотря на то что существует достаточно большое количество исследований, описывающих и классифицирующих поклоны в русской культуре, например «Словарь языка русских жестов» С. А. Григорьевой, Н. В. Григорьева и Г. Е. Крейдлина [Григорьева и др., 2001], статьи Е. Б. Морозовой «Изменения в семантике и прагматике лексемы и жеста «поклон» в русском языке и культуре» [Морозова, 2018] и «Русские поклоны: взгляд сквозь века» [Морозова, 2019], А. Накадзавы «К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул “поклон” и “челобитье” в Древней Руси» [Накадзава, 2016] и многие другие. Жест реверанс довольно часто упоминается в работах по этикету и протоколу, истории России и истории дипломатии: однако сам жест остается довольно плохо описанным: нет единого мнения о его форме и манере исполнения, неточно определены его прагматика, отношения между адресатом и исполнителем жеста и т. п. Лексема *реверанс* описана в русском языке еще скуднее, а ее толкование в словарях требует уточнения. Цель данного исследования — проследить историю существования жеста и слова *реверанс* в русском языке и культуре, описать прагматику и семантику жеста, проанализировать существующие толкования этого слова, при необходимости уточнить их. Материалом для исследования послужили исследования по истории протокола и этикета, мемуары, работы, посвященные сценическому движению и историческому танцу, примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) со словом *реверанс* из периодических изданий XIX–XX вв. и словари XVIII–XX вв.

Для начала скажем несколько общих слов об реверансе как жесте. Реверанс относится к классу жестов «поклон» в который также входят земной, поясной, вежливый (легкий) поклоны и кивок. Реверанс, как и любой поклон, имеет инвариантное значение — выражение почтения или уважения по отношению к адресату жеста, которого исполнитель жеста считает выше себя по социальному статусу.

Реверанс возникает как танцевальный элемент в конце Средних веков и получает окончательное оформление в этикете европейских стран в XVI–XVII вв. при королевских дворах Испании, Франции и Австрии. Изначально жест исполняли как мужчины, так и жен-

щины. Мужская форма реверанса менялась со временем, становясь все более лаконичной и сдержанной, пока в XIX в. не превратилась просто в поклон. Дамский реверанс по форме почти не менялся. Глубина приседания и наклон корпуса/головы зависели от отношения к адресату жеста. Чем больше почтения хотел выразить исполнитель, тем ниже он приседал и тем дольше оставался в этой позе. Такое же значение имела и скорость выполнения поклона. Реверанс можно было растягивать, придавая ему церемонность, а можно было выполнять быстрыми движениями. Взгляд во время исполнения жеста был направлен вниз и только по окончании реверанса возвращался на лицо адресата.

Знакомство русской культуры с реверансами начинается в эпоху Петра I. Европейская культура, активно насаждаемая молодым императором, начала вытеснять традиционные формы русской культуры. Изучение исторических документов и мемуаров того времени показывает, что при дворе Петра традиционные жесты приветствия — русский земной и поясной поклоны, столетиями используемые для приветствия царя и любого другого вышестоящего лица, — стали постепенно вытесняться реверансом. Правда, происходило это пока только среди представителей высших классов. Распространению реверансов также способствовало и то, что на ассамблеях, маскарадах и балах новая элита танцевала европейские танцы, например менуэт, в которых реверанс был одним из неотъемлемых элементов. Простой же народ, купечество и духовное сословие продолжали пользоваться земными и поясными поклонами и коленопреклонениями.

Вся середина XVIII в. ознаменовалась становлением бальной культуры в России и может считаться эпохой расцвета реверансов. Незнание танцевальных фигур считалось большим недостатком воспитания дворянина. В танцах шаги перемежались поклонами и реверансами, исполнение которых позволяло показать изысканность манер. Появилась и стала чрезвычайно востребованной профессия танцмейстера. Первыми танцмейстерами в России были пленные шведские офицеры (Колесникова, 2005, с. 16). Позднее на эту работу приглашали учителей танцев из Франции или других стран Европы. Танцмейстер учил хорошим манерам, умению свободно держаться в обществе, легко и непринужденно двигаться. На занятиях у танцмейстера учились садиться, ходить, пересекать зал, кланяться, обмахиваться веером, чувствовать музыку и многому другому.

Со временем, примерно в конце XVIII в., реверанс превратился в обычный глубокий поклон для мужчин (часто с отставлением ноги

в сторону, откуда и пошел оборот *шаркнуть ножкой*), а его женская форма осталась практически без изменений, но дополнилась книксеном (Кох, 2020, с. 216, 220). Однако следует отметить, что на протяжении XVIII, XIX и даже XX вв. мы обнаруживаем следы старого мужского реверанса в новой манере исполнения поклона, например жестикулирующий изящно снимает шляпу или делает поклон ниже общепринятого.

В годы правления Павла I реверанс становится обузой для дворянства. В области этикета Павел отдавал дань французской дореволюционной традиции и хотел придать своему двору характер двора Людовика XIV. Павел I предписал всем путешествующим в экипажах при встрече с каретами императорской фамилии останавливаться и выходить из карет (Агеева, 2018, с. 37). Мужчины должны были сбрасывать на землю верхнее платье, снимать шляпу и, поклонившись, стоять, пока государь не пройдет. Дамы, не исключая и государыни, должны были выходить из экипажа и также, спуская верхнее платье, приседать на подножках. За недолжный поклон и дамы, и кавалеры попадали на гауптвахту, поэтому во время прогулки императора улицы Петербурга пустели.

Также во время правления Павла I в Россию проникает из Пруссии книксен (кникс, кникса). Некоторые исследователи этикета и протокола считают эти жесты одинаковыми, другие пишут, что книксен со временем вытеснил реверанс. Анализ исторических источников показывает, что это не так. Книксен и реверанс существовали в русской культуре параллельно. Книксен, на наш взгляд, следует считать либо отдельным жестом, либо редуцированной формой реверанса. Несмотря на схожую семантику, прагматика у этих жестов была разная.

Книксены часто исполнялись на дворянских балах, на которых они в XIX в. потеснили реверансы. Но книксен также исполняли представители других социальных классов, в бытовых ситуациях, не требующих церемониальности, в качестве жеста приветствия, прощания, благодарности или почтения. Книксеном, например, ученицы приветствовали директрису или гостей учебного заведения. Императорский же двор для официальных церемоний и на балах отдавал предпочтение реверансам. Николай I, например, лично знакомил детей и внуков с придворными церемониями. Его дочь Ольга вспоминала, как во время поездки в Москву в 1837 г. Николай I «очень следил за тем, чтобы мы всё проделывали неспешно, степенно, постоянно показывая нам, как надо ходить, кланяться и делать реверанс» (Романова, 2017, с. 18).

Однако следует отметить, что параллельно с европейскими поклонами в России оставались в обиходе и старые русские поклоны, которые по-прежнему исполняли представители низших и средних классов, а также представители высших классов, включая императоров и их семьи, в определенных контекстах (Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 63). Во время религиозных служб и официальных церемоний, например коронаций, юбилеев, торжественных выездов, на которых присутствовало много простого народа, императорами и членами их семей использовались исконно русские поклоны — земной и поясной.

Таким образом, мы видим, как заимствованный из Европы жест реверанс органично встроился в систему придворного и дворянского этикета Российской империи и занял в ней свою нишу. После революции 1917 г. реверанс, как и другие представители класса поклонов, начинает постепенно выходить из употребления. В настоящее время реверанс и книксен не используются в бытовых этикетных ситуациях, но продолжают использоваться в сфере искусства и спорта: его исполняют актрисы и балерины в конце представления, а также фигуристки в конце катания.

Теперь обратимся к истории лексемы *реверанс* в русском языке. И жест, и слово *реверанс* появились в русском языке в начале XVIII в. Французское по происхождению слово *реверанс* (от фр. *révère* ‘почтение, уважение’, далее из лат. *reverentia* ‘робость, почтение’) далеко не сразу попало на страницы словарей и в лексикон большинства населения. «Словарь Академии Российской» не включает в себя эту лексему, хотя содержит более 43 000 слов. Не входит *реверанс* и в «Новый словотолкователь» Яновского, хотя сам жест используется на тот момент около ста лет. Несмотря на свою давнюю историю, *реверанс* впервые оказывается на страницах словарей иностранных слов начиная с 1860-х годов и трактуется как исключительно ‘дамский или девичий поклон’ или просто как ‘учтивый, вежливый поклон’ без указания на гендер (см. «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ред. А. Н. Чудинова, 1894; «Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» под ред. М. Попова, 1911; «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней» под ред. Н. А. Дубровского, 1914).

В 1866 г. *реверанс* попадает на страницы первого издания толкового словаря В. И. Даля, в последний том (Даль, 1866, ч. 4, с. 79), и определяется как ‘поклон, почтительное приседание’. Та-

кое толкование представляется нам более точным: среди примеров из НКРЯ периодически встречается употребление этого слова для описания мужского поклона, поэтому определение реверанса исключительно как дамского поклона в ряде словарей безусловно является ошибочным.

Толковые словари, выпущенные при советской власти, например словари под редакцией Д. Н. Ушакова, БАС и МАС, уже не определяют реверанс как исключительно женский жест, а трактуют как 'почтительный поклон с приседанием', что является абсолютно правильным, потому что, как было показано выше, реверанс был как женским, так и мужским (Толковый словарь русского языка, 1939, т. 3, с. 1307; Словарь современного русского литературного языка, 1961, т. 12, с. 1078; Словарь русского языка, 1987, т. 3, с. 691).

Также следует заметить, что согласно примерам из НКРЯ уже в начале XX в. лексема *реверанс* иногда использовалась в переносном значении, не зафиксированном в словарях, для выражения 'уважения перед кем-либо либо точкой зрения другого лица', при этом сам жест не мог быть исполнен в силу отдаленности адресата во времени и пространстве (см. пример: «После всего мною сказанного эти слова, надеюсь, не будут приняты за общее место, за обязательный реверанс перед общепризнанным гением или за выражение согласия с какими-либо частностями воззрений Толстого» (П. Б. Струве. Лев Толстой. Смысл жизни. 1908–1910. НКРЯ).

В советское время, начиная с 1930-х гг., когда реверанс начинает восприниматься как чуждый советскому человеку элемент буржуазной культуры, его переносное значение включается в толковые словари и приобретает новую, дополнительную коннотацию: в первом издании словаря Ушакова 1935–1940 гг. дается помета «(шутл.)» (Толковый словарь русского языка, 1939, т. 3, с. 1307). *Реверанс* остается с пометой «(перен.)» в БАС (Словарь современного русского литературного языка, 1961, т. 12, с. 1078) и двумя пометами — «(перен.)» и «(ирон.)» в МАС (Словарь русского языка, 1987, т. 3, с. 691). В словаре Ожегова и Шведовой *реверанс* имеет помету «(ирон.)» (Словарь русского языка, 1995, с. 661).

Если мы проанализируем примеры из НКРЯ, то увидим, что начиная с 90-х годов XX в. происходит рост употреблений лексемы *реверанс* в переносном значении как без всяких коннотаций, так и с ироничным оттенком, в СМИ, которое сохраняется и в настоящий момент (см. примеры из НКРЯ этого периода: *Этот реверанс консервативного «Максима» в сторону cuisine nouvelle можно расценивать как милую шалость* (Ресторанная критика // Коммерсантъ-Daily);

Таким образом, делается реверанс в сторону российских «ястребов» (Сергей Михеев. Чечня: консервация противоречий во имя выборов)).

Таким образом, мы кратко проследили историю жеста и лексемы в русской культуре и языке, уточнили их прагматику, семантику и стилистические особенности. Хотя жест реверанс почти вышел из употребления в современном обществе, лексема *реверанс* продолжает активно использоваться в общественно-политическом дискурсе и даже демонстрирует рост числа употреблений.

Источники материала

- Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Кучково поле, 2018.
- Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.
- Колесникова Анна. Бал в России: XVIII — начало XX века. СПб: Азбука-классика, 2005.
- Кох И. А. Основы сценического движения: учеб. пособие. М.: Планета музыки, 2020.
- Романова О. Н. Сон юности. Записки дочери Николая I. М.: Алгоритм, 2017.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2020).

Литература

- Морозова Е. Б. Изменения в семантике и прагматике лексемы и жеста «поклон» в русском языке и культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 101–109.
- Морозова Е. Б. Русские поклоны: взгляд сквозь века // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 1 (9). С. 148–155.
- Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы / под ред. О. В. Панченко. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 653–677.

Словари

- Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Москва: Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001.
- Словарь Академии Российской: в 6 ч. Ч. 5. СПб.: Императорская Академия наук, 1794.

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 3. Москва: Тип. Т. Рис, 1866.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995.
- Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. Т. 3. М.: Русский язык, 1987.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / под ред. А. Н. Чудинова. Санкт-Петербург: В. И. Губинский, 1894.
- Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. М. Попов. Москва: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911.
- Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939.
- Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней / сост. Н. Дубровский. М.: А. Д. Ступин, 1914.
- Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: в 3 ч. Ч. 3. СПб.: Тип. Акад. наук, 1806.

К проблемам перевода в профессиональной коммуникации

Статья посвящена одной из проблем перевода профессиональной лексики — переводу профессионализмов. В качестве примеров использовались профессионализмы в нефтегазовой сфере на английском и русском языке, авторы проанализировали способы образования профессионализмов, а также наиболее распространенные способы их перевода и существующие проблемы перевода. По мнению авторов, решение проблемы перевода профессионализмов лежит в проведении исследований по сопоставлению профессионального дискурса нефтегазовой сферы в английском и русском языках, содержащих эти лексические единицы, составлении подробного глоссария, а также выявлении особенностей их образования и перевода.

Ключевые слова: перевод, термин, профессиональный жаргон, буквальный и частичный перевод, межкультурная коммуникация.

M. N. Morozova, L. L. Timofeeva,
T. M. Potapova

To the problems of translation in professional communication

The following paper is devoted to one of the problems of professional vocabulary translation — namely, of professional slang or jargon. Russian and English professional jargon in the sphere of oil and gas served as an example; ways of construction, the most widely used ways of their translation and emerging problems were analyzed. The authors believe that to solve the problems of translation of professional jargon research in comparison of professional discourse in the sphere of oil and gas in English and Russian should be held, a detailed glossary should be constructed, specifics of construction and translation of the words and expressions belonging to professional jargon should be described.

Keywords: translation, term, professional slang, jargon, literary and partial translation, intercultural communication.

Современное развитие науки, техники и производства во всех сферах жизни нашего общества приводит к постоянному появлению новых терминов и в целом росту их роли в лексической системе языка. Как известно, под термином (от лат. *terminus* ‘предел, граница’) мы понимаем слово или словосочетание, являющееся названием

некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т.п. Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями, характерными для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии. Термины существуют в рамках определенной терминологической системы [Арнольд, 1990, с. 194].

За последние десятилетия в современном языкознании обозначился ряд исследователей, посвятивших свои работы изучению терминологии [Лейчик, 1998; Подольская и др., 2012; Немец, 1991; Даниленко, 2017]. Известный исследователь В.М. Лейчик определяет терминоведение как самостоятельную научную дисциплину [Лейчик, 1998, с. 21].

По мнению современных исследователей (см., например: [Подольская и др., 2012]), терминология настоящего времени — это искусственно формируемый пласт, каждая единица которого имеет определенные ограничения для употребления и оптимальные условия для существования и развития. Особой чертой, отличающей термин от других типов номинации, является связь с научными концепциями. Следовательно, языковой статус термина подвержен влиянию той отрасли знаний, в которой он детерминируется.

В современной лингвистике в изучении термина известны два основных подхода: нормативный и дескриптивный. При нормативном подходе термин рассматривается в качестве лексической единицы определенного типа, обладающей особой семантической и грамматической структурой, которая отличает его от слов общелитературного языка. Сторонники нормативного подхода выработали требования к термину, сущность которых заключается в том, что такой термин должен быть однозначным, точным, систематичным, кратким и не иметь синонимов и антонимов. К сторонникам данного подхода относятся Д. С. Лотте, А. А. Реформатский, В. И. Сифоров, Т. Л. Канделаки [Лотте, 1961; Сифоров, 1976; Реформатский, 1996; Канделаки, 1977], в исследованиях которых термин представлен не как динамичный, функционирующий в живой речи и, следовательно, подверженный изменениям элемент, а как статичный элемент сферы фиксации. В лингвистике такой термин получил определение «идеальный термин». С данной точки зрения в пределах определенной системы понятий термин в идеале должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным (например, *буровой раствор*, *активы* или *диспансеризация*).

При изучении термина в сфере функционирования сторонники дескриптивного подхода подвергли сомнению правомерность предъявления к терминам требования как к статичному элементу сферы фиксации [Винокур, 1949; Головин, Кобрин, 1987; Даниленко, 2017; Крылов, 2005]. Специфика термина при дескриптивном подходе состоит в том, что термин не является особым словом, а лишь словом в особой функции, то есть любое слово может стать термином, а любой термин перейти в сферу общеупотребительной лексики. Следовательно, термин может быть многозначным, ему присуще наличие синонимов и антонимов [Смагулова, 2014]. Так, в некоторых случаях при вхождении слова в терминологию различных предметных областей возникает омонимия: например, заимствованное из латыни слово *лигатура* (лат. *ligatura*) в металлургии имеет значение ‘сплавы для легирования’, в хирургии — ‘нить, используемая при перевязке кровеносных сосудов’. В целом в современной науке существует стремление к семантической унификации систем терминов одной и той же науки в разных языках (однозначное соответствие между терминами разных языков) и к использованию интернационализмов в терминологии [Казакова, 2000, с. 36].

Одновременно с использованием терминов как таковых любая профессиональная или научная область деятельности формирует систему профессионализмов для адекватного осуществления коммуникации. Под профессионализмом понимается слово или выражение, свойственные речи той или иной профессиональной группы. Наряду с терминами профессионализмы составляют разряд специальной лексики. Их можно определить как разговорные слова, стилистически сниженные, которые обозначают в основном понятия, связанные с процессами труда, его результатом и являются часто дублетами, синонимами терминов. Профессионализмы образуются чаще всего посредством сужения смыслового значения общеупотребительных слов вследствие их переносного употребления и, наконец, посредством сокращения словосочетаний и слов. Например, слово *коробка* в языке представителей разных профессий может обозначать: ‘остов строящегося здания’, ‘основу оконного или дверного проема’ (у строителей); ‘судно, корабль’ (у моряков) [Лилова, 1985, с. 98].

Профессионализмы часто обозначают явления, термины, для обозначения которых слишком громоздки; они используются при устной коммуникации, оживляют речь специалистов, делая ее человечнее и живее. Их можно представить как некие «полуофициальные слова», не имеющие строгой научной базы, выступающие как неофи-

циальные синонимы терминов. Иногда профессионализмы лишаются своей специфики и переходят в разряд общеупотребительных слов. Этот пласт слов и словосочетаний можно определить как профессиональный сленг или профессиональный жаргон [Ирлык, 2012].

Кроме того, следует отметить, что профессионализм часто является результатом творческого, образного переосмысления узко-специального явления, другими словами метафорического переноса, значений из обыденной лексики на терминологические понятия, по разным категориям сходства. Профессиональный язык нефтегазовой промышленности, например, в русском языке отличается наличием большого числа лексических единиц, которые образованы именно при помощи метафорического переноса на основе таких характеристик, как цвет, форма, размер, время, вкус, запах. Например:

- *ювенильный возраст нефти* — на основе ассоциации с периодами жизни человека;
- *усталость металла* — на основе ассоциации с физическим состоянием человека;
- *возбужденный пласт, тектоническое несогласие* — на основе ассоциаций с эмоциями и чувствами человека [Федосов, Рубинштейн, 2018].

Можно также привести подобные примеры и из английского нефтегазового сленга:

- «разведка» — *wild cat* ‘дикая кошка’;
- «ловильные работы» — *fishing* ‘рыбалка’;
- «фонтанная арматура» — *christmas tree* ‘рождественская елка’;
- «гигантское нефтяное месторождение» — *elefant* ‘слон’;
- «неквалифицированный рабочий» — *worm* ‘червь’;
- «верховой рабочий» — *monkey* ‘обезьяна’;
- «скребок для очистки от АСПО» (асфальтосмолопарафиновых отложений) — *go-devil* или *pig* ‘свинья’ (Барон, 1978).

Профессионализмы могут образовываться различными способами, в частности морфологическим:

- 1) суффиксация (*evaporation* ‘выпаривание’);
- 2) префиксация (*onlap* ‘несогласное трансрегрессивное залегание’);
- 3) словосложение (*styrofoam* ‘пенопласт’).

Способом словосложения образуются главным образом термины (редко профессионализмы) — существительные и прилагательные, например аббревиация (NPDES — National Preparedness Disposal Emergency System).

Синтаксический способ характерен для образования терминов-словосочетаний, которые могут состоять из двух, трех и более слов. В специальной лексике, образованной способом словосочетания, наиболее часто встречаются сочетания слов, связанные посредством согласования и управления. Способом согласования образуются термины, состоящие из существительных и прилагательных, например *кулисный пар* или *government disposal facilities* ‘государственные предприятия по утилизации’ [Гаранина, 1967].

Кроме того, профессионализмы могут образоваться путем сокращения слов и словосочетаний, например *помбур* ‘помощник бурильщика’, *бурила* ‘бурильщик’. Следует также отметить, что профессионализмы часто становятся официальными терминами, как это случилось с «дежурная рубка» — *doghouse*, «мостки буровой» — *walkway*.

Поскольку профессионализмы широко распространены как в русском, так и в английском языке, возникает вопрос об их переводе, что и представляет некоторые проблемы. Остановимся на этом вопросе подробнее. С одной стороны, по своей структуре профессионализмы состоят из общеупотребительных слов, которые приобретают особый смысл в специфическом контексте (узкое значение), что приводит к тому, что игнорировать узкое, специфическое значение слова и его перевод в широком смысле невозможно. Вышесказанное приводит нас к пониманию того, что пользоваться при переводе стандартными словарями не представляется возможным. Конечно, в стандартных словарях у некоторых слов встречается помета «профессиональное», но таких случаев гораздо меньше, чем реально существующих профессионализмов.

Вопрос о том, стоит ли включать профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в состав профессиональных словарей, является довольно спорным в научных кругах. Многие исследователи полагают, что неформальную, разговорную, жаргонную лексику и профессиональный сленг можно включать в состав специальных словарей с соответствующими пометами, так как они являются важнейшей составляющей профессиональной коммуникации и формируют реалистичную картину профессионального сообщества. Более того, присущие ей социолингвистические характеристики позволяют определить социальный статус использующего их сотрудника [Попцова, 2017].

С другой стороны, можно использовать специализированные глоссарии, где дается расшифровка терминов. Таким образом, перевод профессионализмов является сложным многоступенчатым процессом, требующим глубокого изучения специфики области использования профессиональных терминов, контекста и частных значений слов и выражений.

Переводы текстов, которые содержат большое количество профессионализмов, в основном подлежат частичному переводу. Частичный перевод, в отличие от полного перевода, не доносит до читателя (слушателя) исходный текст в полном объеме — он базируется на функциональных преобразованиях, которые основываются на лексико-семантической, грамматической и стилистической трансформациях исходного текста, примененных в целях его общего сокращения и упрощения [Валеева, 2006, с. 18].

При переводе профессионализмов недопустимо использование буквального перевода — предпочтительнее применять переводческие приемы, включающие разъяснение частных случаев употребления данного термина, переводческих комментариев, также возможна транскрипция и транслитерация отдельных слов, например названий технических приспособлений, процессов, специфических для данной профессиональной области.

В целом можно констатировать, что не использовать профессионализмы в профессиональном общении невозможно. Грамотное применение профессионализмов обуславливает степень эффективности профессионального общения и качественный результат труда. Наличие подобных лексических единиц делает текст или речь живыми, яркими, образными, оживляет нашу профессиональную деятельность. А сложности их перевода являются одними из главных препятствий для достижения эффективности межкультурной коммуникации. Решение проблемы лежит в проведении исследований по сопоставлению профессионального дискурса нефтегазовой сферы в английском и русском языках, содержащих эти лексические единицы, составлении подробного глоссария, а также выявлении особенностей их образования и перевода. Можно сказать, что если еще несколько десятилетий назад подобные глоссарии еще только начинали составлять, по крайней мере в рамках одной компании (международной нефтегазовой или переводческой, которая специализируется на переводе в данной области), то сейчас подобных глоссариев уже достаточно много, кроме того, появляются учебники по английскому языку для нефтегазовой области.

Чтобы правильно применять профессионализмы, переводчик должен пользоваться всеми доступными глоссариями и словарями, а также по возможности уточнять у специалистов сферу применения данного выражения, поскольку часто такая сфера очень узка, и то выражение, которое применяется при буровых работах, при проведении, например, сейсмической разведки, может уже обозначать совсем другое. Желательно, конечно, чтобы переводчик в равной или почти в равной степени владел как исходной, так и переводящей культурами. Ведь от того, насколько правильно и умело он использует эти профессионализмы, будет зависеть понимание читателем текста перевода.

Источники материала

Барон Л. И. Англо-русский горный словарь. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1978.

Литература

Васильева Н. В. Семантика метаязыковых субстанций. Краснодар: Акад. пед. наук РФ; Кубанский ун-т, 1999.

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. гос. ин-та истории, философии и литературы. Т. V. М.: МИФЛИ, 1949. С. 25–33.

Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.

Крылов А. И. Количество как понятийная категория. Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М.: Наука, 2005.

Лейчик В. М. К определению философских основ терминоведения. М.: Книжный дом «Либроком», 1998.

Лилова А. М. Введение в общую теорию перевода. М.: Высшая школа, 1985.

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Немец Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1991.

Подольская Н. В., Суперанская А. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

Попцова Е. Н. Особенности перевода терминов нефтегазовой отрасли (на материале английского и русского языков) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1. С. 74–77.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.

Сифонов В. И. Теория передачи информации. Терминология. Вып. 94. М.: Наука, 1976.

Смагулова А. С. Формирование терминов нефтегазовой отрасли в английском и казахском языках и их структурная организация // Вестник КазНУ. 2014. № 3 (143). С. 101–105. URL: <https://articlekz.com/article/23948> (дата обращения: 14.01.2020).

Федосов И. В., Рубинштейн М. Э. Формирование профессионального жаргона в нефтегазовой области // Иностранные языки и языкознание. 2018. № 1 (105). С. 42–49. URL: <https://www.toptr.ru/library/translation-truth/neftegazoviyj-sleng.-traktovka-i-perevod-rasprostranennyix-terminov.html> (дата обращения: 14.01.2020).

Учебная и справочная литература

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: учеб. пособие для пед. ин-тов. 3-е изд. М.: Просвещение, 1990.

Валеева Н. Г. Введение в переводоведение. М.: Изд-во РУДН, 2006.

Гаранина Н. С. Специальная лексика: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967.

Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1987.

Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа. Курс лекций. М.: Флинта; Наука. 2017.

Ирлык А. Профессионализмы — определение, примеры и значение слов. 2012. URL: <https://nauka.club/russkiy-yazyk/professionalizmy.html> (дата обращения: 14.01.2020).

Казакова Т. А. Практические основы перевода: учеб. пособие. СПб.: Лениздат; Союз, 2000.

**Фастнахтшпили Ганса Сакса
в переводах Б. Пастернака и Е. Эткинда
(на примере фастнахтшпиля «Фюнзингенский
конокрад и вороватые крестьяне»)**

В творчестве Г. Сакса, знаменитого немецкого мейстерзингера XVI в., особое место занимают фастнахтшпили — короткие пьесы бытового характера, высмеивающие пороки различных слоев общества и исполненные житейской мудростью. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ переводов фастнахтшпиля «Der Roßdieb zu Fünsing mit tollen diebischen Bauern» («Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне») с немецкого языка на русский, сделанных в 1918 г. Б. Пастернаком и в 1989 г. Е. Эткиндром. Особое внимание уделяется проблеме перевода немецкого «книттельферса», сходствам и различиям текстов на уровне стиха и стилистики. В отличие от оригинала, переводы и Пастернака, и Эткинда практически не содержат нарушений размера, к которым прибегает Г. Сакс в целях создания негативной характеристики персонажей — данная цель достигается за счет других языковых средств (несоблюдение чередования мужской и женской рифмы, использование просторечных выражений). В тексте Пастернака наблюдается большее количество глагольных рифм, а также пиррихий, нарочито подчеркнутых грамматической структурой фразы, ритмический рисунок перевода Эткинда носит более отрывистый, говорной характер. Название фастнахтшпиля у обоих переводчиков не содержит перевода прилагательного *toll* (глупый, чудаковатый), служащего для дополнительной характеристики действующих лиц. При передаче авторских метатекстов Эткинд редуцирует и без того скудные пометки автора, Пастернак же следует принципу максимальной выразительности (использует синонимы к глаголам говорения, вводящим прямую речь в оригинале). Перевод Пастернака производит, в целом, впечатление более сложного, литературного, перевод Эткинда — более разговорного, приближенного к оригиналу.

Ключевые слова: эпоха Реформации в Германии, Ганс Сакс, Б. Пастернак, Е. Эткинд, книттельферс.

Hans Sachs's shrovetide plays in the translations by B. Pasternak and E. Etkind (by the example of "Der Roßdieb zu Fünzing mit den tollen diebischen Bauern")

Hans Sachs was a renowned German mastersinger of the 16th century, a "poet and a handworker" and an adherent supporter of the Reformation. A specific place among the Hans Sach's works hold "Fastnachtspiele" or Shrovetide plays — full of common wisdom short pieces depicting scenes of everyday life and satirizing the vices of different social strata. This article provides a comparative analysis of the original Fastnachtspiel "Der Roßdieb zu Fünzing mit tollen diebischen Bauern" and its two translations into Russian made by Boris Pasternak in 1918 and Efim Etkind in 1989. The article discusses the reasons of B. Pasternak's interest to Hans Sach's works as well as the reasons why Efim Etkind presents his version of translation 70 years later. The article focuses on the specifics of the old German Knittelvers translations and outlines their major rhythmical and stylistic features. Unlike the original, the translations of both Pasternak and Etkind practically do not contain violations of the size, which H. Sachs resorts to in order to create a negative characterization of the characters — this goal is achieved through other linguistic means (non-observance of the alternation of masculine and feminine rhymes, the use of colloquial expressions). In Pasternak's text, there is a greater number of verbal rhymes, as well as pyrrhic, deliberately emphasized by the grammatical structure of the phrase, the rhythmic pattern of Etkind's translation is more abrupt, more causal. Both translations don't contain the translation of the adjective toll (stupid, eccentric), which serves to further characterize the characters. When transferring the author's metatext, Etkind reduces the already meager remarks, while Pasternak follows the principle of maximum expressiveness (he uses synonyms for speaking verbs that introduce direct speech in the original). Pasternak's translation gives, on the whole, the impression of a more complex, literary, Etkind's translation — more colloquial, closer to the original.

Keywords: Reformation in Germany, Hans Sach, Boris Pasternak, Efim Etkind, Knittelvers.

Целью настоящей статьи является сравнительно-сопоставительный анализ фахтнахтшпиля знаменитого немецкого мейстерзингера Германии XVI в. Ганса Сакса «Der Roßdieb zu Fünzing mit tollen diebischen Bauern» («Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне») и его переводов с немецкого языка на русский, сделанных в 1918 г. Борисом Пастернаком и в 1989 г. Ефимом Эткингом.

Для начала хотелось бы сказать несколько слов о самом авторе. Г. Сакс родился в 1494 г. в Нюрнберге, окончил латинскую школу,

затем получил образование сапожника и по правилам того времени отправился в пешее путешествие по Германии, Швейцарии и Тиролю для получения звания мастера. За пять лет странствий он увлекся мейстерзангом. В своем «Предисловии переводчика» Б. Пастернак пишет следующее:

Мейстерзингеры сочиняли стихи и музыку к ним и сами эти вокальные номера исполняли. С точки зрения музыкальной их искусство заключало слишком слабые задатки композиторства и теперь интереса не представляет. С точки зрения литературной оно было пережитком миннезанга, средневековой поэзии рыцарства. Как всегда бывает с не-самостоятельными формами, поэзия эта держалась схоластикой технических тонкостей и преувеличенным представлением об их важности. Узости мейстерзингеров Ганс Сакс изменил с самого начала. События двадцатых годов XVI века, деятельность Лютера и крестьянское движение рано превратили его в политического памфлетиста и сатирика [Пастернак, 2008, с. 390].

Таким образом, Г. Сакс, «поэт-ремесленник», ярый приверженец Реформации, вошел в историю мировой литературы не только и не столько как мейстерзингер, сколько как автор произведений различных жанров (комедий, трагедий, шванков, басен, шпрухов, прозаических диалогов). Особое место в творчестве Г. Сакса занимают фастнахтшпили (дословно «масленичные игры») — короткие пьесы бытового характера, высмеивающие пороки различных слоев общества и исполненные житейской мудростью. Как далее отмечает Б. Пастернак, «именно в них обнаружилось его умственное превосходство над средою и веком. Эти драматические характеристики современной ему жизни — редкие, а для Германии того времени и единственные проблески реализма» [Пастернак, 2008, с. 390].

Переводом фастнахтшпиля «Der Roßdieb zu Fünsing mit tollen diebischen Bauern» («Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне»), написанного Г. Саксом еще в 1553 г., Б. Пастернак занялся в 1918 г. по заказу Театрального отдела Наркомпроса. Причины обращения Б. Пастернака к творчеству Г. Сакса кроются, несомненно, в его глубоком интересе к немецкой литературе и культуре в целом (особенно к музыке, ведь, как известно, Пастернак, вдохновленный Бетховеном, Брамсом и Вагнером, сам начинал как композитор). Как пишет о переводах Пастернака Б. Ратгауз, его «работа охватила, хотя и выборочно, несколько столетий немецкой поэзии — от эпохи Реформации до наших дней. Еще в молодости Пастернак начал работу над переводами веселых и грубоватых “масленичных

пьес” знаменитого нюрнбергского поэта и ремесленника XVI столетия Ганса Сакса (1494–1576), которого высоко ценил Гете. Это было первое приобщение к миру позднего немецкого средневековья, впоследствии так пригодившееся в работе над “Фаустом”» [Ратгауз, 1996].

Но если интерес Пастернака к Саксу представляется закономерным, весьма любопытным оказывается вопрос о причинах создания Е. Эткингом своей версии перевода «Фюнзингенского конокрада» спустя 70 лет после Пастернака, которого он же считал, наравне с М. Л. Лозинским и С. Я. Маршаком, «крупнейшей фигурой в советском искусстве поэтического перевода», «лирическим поэтом большой индивидуальной силы и резко выраженного своеобразия», «профессионалом поэтического перевода» [Эткинд, 1968, с. 68]. Можно ли сказать, что теоретик и практик перевода Эткинд, как основатель школы перевода, утверждающей максимальное уважение к оригиналу, предпринимает попытку переосмысления переводов поэта Пастернака, считавшего перевод самостоятельным художественным произведением, призванным, подобно оригиналу, «производить впечатление жизни, а не словесности» [Ратгауз, 1996]? В попытке ответить на этот непростой вопрос обратимся непосредственно к фастнахтшпилю и его переводам.

Дело пьесы Сакса происходит в баварской деревне Фюнзинген. У одного из крестьян, Гангеля Дёча, всем известный в округе вор Уль накануне украл коня. Конокрада удалось поймать, он заточен в башню, мужики решают его повесить, но приходят к выводу, что во время казни соберется толпа и вытопчет всем посевы. Откладывать казнь на потом, когда урожай будет собран, невыгодно — придется кормить вора все это время. Поэтому сельский совет решает отпустить Уля под залог его картуза с твердым обещанием вернуться ровно через месяц и дать себя спокойно повесить. Хитрый конокрад оставляет картуз, дает клятву вернуться обратно и уже ночью крадет у тех же крестьян козла и одежду. На следующий день на базаре он продает украденное этим же ничего не подозревающим крестьянам, которые, обнаружив друг у друга пропавшие накануне вещи, затевают драку, обвиняют друг друга в сговоре с конокрадом и во время драки теряют данный в залог картуз конокрада, который он благополучно забирает и убегает.

Давая оценку фастнахтшпилю как жанру в целом (одно название жанра уже представляет сложность для перевода — дословно «пьеса в канун Великого поста или на Масленицу»), Пастернак пишет в предисловии к переводу «Фюнзингенского конокрада»:

Замечательны его «Масленичники», как всего удобнее, ценой неловкого словообразования, перевести слово «Fastnachtspiel». <...> Общий нравственный упадок, обнаружившийся в реакционное время середины XVI столетия в Германии, обрисован в них всесторонне и под самыми разнообразными видами эпически беспристрастно. Мужиков горожанин Сакс не любил за их всегда приbedняющуюся жадность, слащаво-добросердечную жестокость, простодушно-дурашливую пронырливость и постоянное предательство — черты, нам, конечно, знакомые [Пастернак, 2008, с. 390].

Как и большинство фастнахтшпилей, «Фюнзингенский конокрад» написан книттельферсом (от нем. *Knittelfers* — ‘ломаный стих’), старинным немецким стихом, господствовавшим в Германии в течение XVI в., исторически восходившим к четырехударному стиху куртуазного эпоса, но сильно деформированным у мейстерзингеров за счет свободного заполнения безударных (*Senkungen*). Книттельферс характеризуется смежной парной рифмовкой, четырьмя произвольно расположенными ударениями в каждой строфе и нерегулированным чередованием мужских и женских окончаний [Литературная энциклопедия, с. 357–358].

Как отмечает М. Л. Гаспаров, «характерные для книттельферса силлабические сдвиги в обычных русских переводах не передаются, и выравниваются в правильный ямб» [Гаспаров, 1989, с. 165].

Однако книттельферс был не просто традиционным для фастнахтшпиля размером — он выполнял также и важную функцию характеристики действующих лиц, ведь речь была одним из немногих способов создания образа персонажа в постановках, проводимых зачастую без подготовки на площадях и в тавернах и потому практически лишенных реквизита:

Там, где честный сапожник рисует чуждую ему породу симулянта-дурачка, он подчеркивает это искусственное простодушие искусственно-тупоумными приемами стихотворца (повторным задалбливанием именно неловкой, а не какой другой, рифмы до совершенной тошноты, несоблюдением последовательности в чередовании мужских и женских окончаний строки и др.). Переводчик постарался передать эти черты подлинника во всей точности [Пастернак, 2008, с. 383].

Обратимся к примеру. Довольные избранной мерой наказания вора крестьяне уже предвкушают похвалу односельчан. В оригинале Г. Сакс создает образ глупого хвастуна за счет неровного, как выразился Пастернак, «до тошноты неправильного стиха». При переводе и Пастернак, и Эткинд практически не нарушают ямб, однако добива-

ются негативной оценки персонажей за счет других языковых средств: несколько «топорная» рифма «оглашение» — «соглашение», просторечное «уважут» — «скажут». У Эткинда, в свою очередь, встречается выражение «обделать дело». И, как следует из примера, для всех трех текстов характерно несоблюдение чередования мужской и женской рифмы, свойственное для книттельферса в целом, но в данном случае еще и выполняющее определенные стилистические функции.

Ганс Сакс	Перевод Б. Пастернака	Перевод Е. Эткинда
Gangl Dötsch: Wir wölln anzeygen der dorff-gmein Die handlung mit dem dieb allein. O, es wird ihn sehr wol gefallen; Ich glaub wol, daß unter ihn allen Die aller-gescheydesten acht Die sach nit hettn also petracht (Sachs, 1888, B. 17, S. 104).	Гангель Дёч: Осталось сделать оглашение Про наше с вором соглашение. Нас по достоинству уважут: Вот изворотливые! — скажут (Сакс, 1938).	Гангель Деч: В деревне всякий будет рад, Что так наказан конокрад. Пусть знает он, как красть коней! Ну, кто бы рассудил умней? Ну, кто бы мог бы так умело Обделать этакое дело? (Сакс, 1989, с. 423)

Как видно из примера выше, перевод Пастернака короче оригинала и перевода Эткинда (четыре строки вместо шести). Данный подход вообще свойственен Пастернаку — его перевод в значительно большей степени отступает от текста оригинала.

Говоря о передаче книттельферса, рассмотрим подробнее особенности ямба у обоих переводчиков:

Ганс Сакс	Перевод Б. Пастернака	Перевод Е. Эткинда
Ir bawrn, wir sind von der dorff-gmein Als die alten erweltt allein, Zu berhatschlag'n und zu bedencken, Wenn wir doch sollen lassen hencken Den dieb, der ligt in unserm thurn, Von dem wir lang beschedit wurn (Sachs, 1888, B. 17, S. 97).	Почтеннейшие, сельский сход Большой нам оказал почет. Дано нам обсудить и взвесить, Когда злодея нам повесить (Сакс, 1938).	Соседи, деревенский сход Нам оказал большой почет: Судить мерзавца конокрада, Которого повесить надо (Сакс, 1989, с. 417).

Так, *Ir bawrn, wir sind von der dorff-gmein* Пастернак переводит как «Почтеннейшие, сельский сход», в котором в сильной позиции оказывается субстантивированное прилагательное «Почтеннейшие», содержащее пиррихии. При этом читаем у Эткинда: «Соседи, деревенский сход / Нам оказал большой почет». Здесь и далее пиррихий у Эткинда значительно меньше, его размер выглядит более ровным, ведь именно пиррихии дают ощущение силлабического сдвига:

Перевод Б. Пастернака	Перевод Е. Эткинда
Штеффель Лёль: Соседушки, ваш суд поспешен. У виселицы мой ячмень. <...> Убрать успели бы поля, — Чистехоньки б кругом стояли. (Сакс, 1938)	Штеффель Лелль: Вережку заслужил бездельник! Но вот, соседи, в чем загвоздка: <...> И пусть пеньковая петля Спокойно подождет его. (Сакс, 1989, с. 418)

В этих примерах мы видим пиррихий и у Эткинда, но у него пиррихий не подчеркнут нарочито грамматической структурой фразы. В целом переводчики выдвигают в конец строки разные части речи: у Пастернака рифмуется много глаголов, Эткинд же старается избегать глагольных рифм. У обоих мы видим четырехстопный ряд, но ритмический рисунок существенно различается. У Эткинда он носит более отрывистый, более говорной характер: «Ведь до уборки в самом деле». У Пастернака рифма чаще переходит из одной реплики в другую, чем у Эткинда, что композиционно несколько ломает рифму: начатая одним персонажем фраза рифмуется следующим говорящим.

Поговорим о лексических особенностях тестов. Весьма интересным представляется замечание Пастернака в предисловии к своему переводу: «Заглавие и замечания даются в дословном переводе» [Пастернак, 2008, с. 383]. При этом в оригинале название *фастнахтшпиля* выглядит следующим образом:

Ein faßnachspiel mit vier personen:
Der roßdieb zu Fünsing mit den thollen diebischen bawren
[Sachs, 1888, B. 17, S. 97].

У Пастернака и у Эткинда в переводе названия отсутствует перевод прилагательного *toll* (*mhd tol, dol — dumm, töricht*) — и оба

заглавия звучат одинаково: «Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне». При этом «потеря» прилагательного достаточно существенна с точки зрения смысла, так как в нем содержится дополнительная оценка персонажей. Как уже отмечалось выше, фастнахтшпили проводились в условиях повышенного шума, для привлечения внимания зрителя их название выкрикивалась в толпу и настраивало читателя на предстоящее действие, упрощая его восприятие.

Функцию организации текста и упрощения его восприятия выполняют и авторские метатексты, к которым относится перечень действующих лиц, а также сценические и межрепликовые ремарки. Перевод данных элементов текста также представляет интерес. Так, среди действующих лиц фастнахтшпиля трое крестьян и конокрад:

Ганс Сакс	Перевод Б. Пастернака	Перевод Е. Эткинда
Gangl Dötsch, Steffl Löll, Lindl Fritz, Ul von Frising (Sachs, 1888, B. 17, S. 111).	Гангель Дёч, Штеффель Лёлль, Линдль Фриц, фюнзингенские мужики, Уль из Фризинга, конокрад (Сакс, 1938).	Гангель Деч, Штреффель Лелль, Линдель Фриц — фюнзингенские крестьяне, Уль Фризинг, конокрад (Сакс, 1989, с. 417).

Как видно из примера, Эткинд, придерживаясь традиции XX в., при передаче имен собственных ориентируется на их написание, то есть прибегает к транслитерации («Деч», а не «Дёч», «Лелль» с двумя «л»), а Пастернак, наоборот, использует транскрипцию — более современный способ передачи имени собственного (при этом перевод Пастернака на 70 лет старше перевода Эткинда). В данной связи возможно предположить, что здесь перед нами Пастернак — переводчик, значительно опережающий свое время, новатор, которого, кстати, именно так называл сам Эткинд. Не совсем понятным, если не сказать неправомерным, представляется перевод имени конокрада Эткиндром — ведь Фризинг не его фамилия (в случае с деревенским вором речь не может идти об аристократической приставке «фон»), а место жительства, город в Баварии, как это отражено в переводе Пастернака — «Уль из Фризинга».

Обратимся к ремаркам, которые, будучи одной из форм присутствия автора в тексте, выступают как средство его самовыражения и обладают значительными структурными и семантическими

возможностями. В случае с фастнахтшпилями и условиями их постановки (в тавернах и на площадях), да и вообще, учитывая время написания пьес, нужно заметить, что ремарки в них крайне скудны и содержат в основном указание на смену персонажей. Тем не менее определенные различия, отражающие индивидуальность переводчика, все же прослеживаются:

Ганс Сакс	Перевод Б. Пастернака	Перевод Е. Эткинда
Steffl Löll spricht: Doch must du schweren uns ein eyd, Daß du wöllst kommen nach dem bscheyd. Die drey bawrn gent auß. Der dieb redt mit ihm selb und spricht: <...> (Sachs, 1888, B. 17 S. 100–101)	Штеффель Лёль прибавляет: Уль, уговор наш будет строг. Подумай, обернешься ль в срок. Мужики удаляются. Вор рассуждает сам с собой: <...> (Сакс, 1938)	Штеффель Лелль: Ты только должен дать зарок — Вернуться, как наступит срок. Мужики выходят. Вор (один): <...> (Сакс, 1989, с. 420)

Примечательно, что у Сакса, несмотря на наличие разных глаголов говорения (в данном примере — глагол *reden*), непосредственно прямую речь вводит исключительно *sprechen*. И в то время как Эткинд вообще редуцирует и без того скудные ремарки, Пастернак, следуя своему главному творческому принципу максимальной выразительности, даже прибегает к приему лексической синонимии: прибавляет, удаляет, рассуждает.

Сравнивая лексические особенности переводов в целом, можно сказать, что Эткинд в большей степени передает разговорные черты оригинала, характерные для живой речи крестьян. Пастернак же, оставаясь во власти собственного поэтического гения, переводит более поэтически возвышенно. Там, где у Пастернака «злодей», у Эткинда «ворюга»; на месте «вредил» у Пастернака читаем «обобрал» у Эткинда; и далее «облапошил ловко, трех геллеров не стоит вор» (Пастернак) — «ему цена всего-то грош» (Эткинд); «Толпой сойдутся в ячмене / И урожай потопчут мне» (Пастернак) — «Народ придет сюда толпиться, / И — плакала моя пшеница!» (Эткинд); «А мы отучим жрать с нагалу, / Толстить каналью мало толку» (Пастернак) — «Да, он съедал в один присест / Почти что целого быка» (Эткинд).

Перевод Пастернака кажется более сложным, книжным также и с точки зрения синтаксиса:

Перевод Б. Пастернака	Перевод Е. Эткинда
Умней исход найти едва ли. Осталось опросить злодея, Годятся ли ему условия <...> Пора тебе бы, Гангель, знать, Что с Лёлем не равняться стать Деревни нашей дуралям (Сакс, 1938, online).	Пожалуй, так умней всего! Послушаем, что скажет вор. <...> Да, Гангель Деч, все фюнзингенцы С ним рядом — глупые младенцы (Сакс, 1989, с. 419).

Однако, как уже отмечалось выше, Пастернак «добирает разговорность» при помощи ритма и морфологических средств — вспомним «почтеннейшие», «соседушки», «чистехоньки», возможные только в ситуации непринужденного общения.

Подводя итог сравнительному анализу переводов, вернемся к вопросу, заданному в начале нашей статьи. Каковы возможные причины создания Эткиндом перевода «Фюнзингенского конокрада» вслед за Пастернаком, общепризнанным поэтическим гением? На этот вопрос нет однозначного ответа. Наиболее простой версией кажется возможное желание Эткинда создать более близкий к оригиналу перевод, такой, за которым стоит сам Ганс Сакс, а не собственное поэтическое дарование переводчика. Однако перевод Эткинда также обладает высокой художественной ценностью и доказывает, что его автор не только теоретик, но и практик перевода художественного текста.

Источники

- Сакс Г. Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне / пер. с нем. Е. Эткинда // Себастиан Брант. Корабль дураков. Ганс Сакс. Избранное. М.: Худ. лит., 1989. С. 417–429.
- Сакс Г. Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне / пер. с нем. Б. Пастернака // Хрестоматия по западноевропейской литературе: для высших пед. учеб. заведений. [Т. 1.] Эпоха Возрождения / сост. Б. И. Пуришев. М.: Учпедгиз, 1938. URL: <https://facetia.ru/node/3261> (дата обращения: 15.11.2020).
- Sachs H. Ein faßnachtspiel mit vier personen: Der Rosdieb zu Fünsing mit den thollen diebischen bawren // Hans Sachs. Werke in 26 Bd. In: Literatur des litterarischen Vereins in Stuttgart / Hg. A. von Keller. Tübingen: [S. n.], 1888. Bd. 17. S. 97–111.

Литература

- Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989.
- Пастернак Б. Л. Люди и положения: Повести. Статьи. Драматические произведения. М.: Эксмо, 2008.

Ратгауз Г. О переводах Бориса Пастернака // Иностранная литература. 1996. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1996/12/o-perevodah-borisa-pasternaka.html> (дата обращения: 08.04.2021).

Эткинд Е. Г. Поэтический перевод в истории русской литературы. Вступительная статья // Мастера русского стихотворного перевода / подгот. текста и примеч. Е. Г. Эткинда. Кн. 1. Л.: Советский писатель, Ленингр. отделение, 1968. С. 5–72.

Энциклопедии

Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 5. [М.]: Изд-во Коммунист. акад., 1931.

Специфика перевода сленга с китайского на русский язык

Темой исследования является процесс перевода сленга с китайского на русский язык. В ходе работы была проанализирована лексика китайских молодежных интернет-чатов, а также изучены способы ее перевода. В статье раскрыто понятие молодежного сленга; рассмотрены примеры сленговой лексики и ее переводы на русский язык. Были выявлены особенности сленговой лексики, трудности, возникающие при ее переводе с китайского на русский язык, а также способы прагматической адаптации при переводе.

Ключевые слова: китайский язык, сленг, молодежный сленг, интернет-чаты, способ перевода молодежного сленга.

I. A. Postoenko

Specifics of translating slang from Chinese into Russian

The research topic in the article is the process of translating slang from Chinese to Russian. In the course of the study, the vocabulary of Chinese youth Internet chats was analyzed, as well as ways to translate it were studied. The article reveals such concept as “youth slang”, “the methods of translation of youth slang”; analyzes examples of slang vocabulary and its translations into Russian. The authors identified the features of slang vocabulary, difficulties encountered in translating it from Chinese to Russian, as well as ways of pragmatic adaptation in translation.

Keywords: Chinese language, slang, youth slang, Internet chat rooms, method of translation of youth slang.

Развитие общества в различных сферах деятельности всегда сопровождается образованием новых лексических единиц, в том числе и молодежного сленга. Молодежный сленг используется в среде городской учащейся молодежи и в некоторых других социальных группах. Большой объем появления сленговых единиц приходится на сферу социальных сетей. В молодежной интернет-среде сленг осуществляет ту же функцию, что и в языке в целом: он служит для обозначения новых явлений, предметов, событий. Молодежный сленг, который является речевой особенностью, характерной для наиболее активной группы людей, в современном мире переживает

бурное развитие в связи с распространением инновационных технологий, проникновением гаджетов в жизнь человека. Влияние молодежного сленга на культуру любого языка является неоспоримым. Именно молодежный сленг впитывает все процессы, происходящие в языке, и начинает их использовать в жизненных речевых ситуациях. Сленговые выражения со временем переходят в лексику общего языка, обогащая его и создавая новые понятия.

Сленг может охватывать почти все области и любые жизненные ситуации. Благодаря изучению сленга можно проанализировать изменения, происходящие в современном обществе в данный момент, а именно изменения в языке и культуре. Одно из наиболее полных определений сленга: «Сленг — это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), — компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков, 2009, с. 43–44]. Классическое определение сленга представлено в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Сленг — 1. Разговорный вариант профессиональной речи. 2. Элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску» [Ахманова, 2004, с. 419].

Использование сленга предоставляет возможность яркого выражения чувств и эмоций, регулярное обновление, широкий выбор лексических и словообразовательных средств, эмоциональную окрашенность. Негативные свойства сленга выражены в тематической ограниченности, нечеткости лексических значений, что представляет сложности при передаче точной информации, в некоторой примитивности коммуникации при частом употреблении сленга, маргинальном положении сленга в структуре языка и культуры.

В системе китайского языка, как и в любом другом языке, наряду с литературным языком выделяются внелитературные диалекты, в том числе сленг. Китайский язык имеет богатую историю развития и является одним из символов древнейшей на планете культуры. Употребление сленга в Китае характеризуется многовековой традицией. Первые случаи использования сленга в Китае

в качестве «тайного языка» можно отнести ко времени правления династии Цинь (III в. до н.э.).

Китайский сленг очень близок в своем толковании к представлению о профессиональной лексике: даже слово *сленг* (или *жаргон*) в китайском языке трактуется как ‘профессиональный язык’, ‘профессиональная речь’ — 行话 [*hánguà*]: 小偷行话 [*xiǎotōu hánguà*] ‘воровской жаргон’, 商人行话 [*shāngrén hánguà*] ‘жаргон торговцев’. В китайском языке можно выделить различные виды сленга: воровской, военный, сленг парикмахеров, артистов, аптекарей и т.д. При этом границы разновидностей сленга достаточно подвижны [Борисова, 2008].

Начиная с 90-х годов XX в., когда правительство Китая начало проводить политику реформ и расширения связей с внешним миром, происходят коренные изменения в системе традиционной китайской культуры, в китайском обществе формируются новые понятия, ценности, новые общественные группы и субкультуры. Появляется огромный пласт молодежной лексики, который начинает играть важную роль в современном китайском языке в связи с распространением интернета как канала коммуникации и созданием социальных сетей. Лексика молодежных чатов составляет основу современного молодежного сленга в китайском языке [Кислов, Колпачкова, 2017].

При переводе сленговой лексики с китайского на русский язык обычно используются следующие переводческие приемы: калькирование, транскрипция, лексическая трансформация, межуровневая трансформация, компенсация, подбор аналога, дословный перевод.

Транскрипция применяется для перевода отдельных слов в тех случаях, когда в языке перевода отсутствует название данного предмета, явления или описываемая реалия не существует в культуре языка перевода. Транскрипция часто сопровождается пояснением. Калькирование употребляется при отсутствии в языке перевода эквивалента переводимого слова, что позволяет сохранить специфичность словообразования языка оригинала, его метафоричную образность и окраску эвфемистического выражения, придать аутентичность тексту на языке перевода.

Лексическая трансформация (лексические замены) заключается в замене лексических единиц языка оригинала лексическими единицами языка перевода, которые не являются их словарными эквивалентами, то есть имеют иное референциальное значение, отличное от значений языковых единиц языка оригинала. Лексические замены представлены конкретизацией, генерализацией, метонимии-

ческой трансформацией и метафорической трансформацией. В основе метонимической трансформации лежит метонимия как процесс обозначения предмета или явления именем другого предмета или явления на основе ассоциации по смежности. Метафорическая трансформация представлена в трех аспектах: метафоризация как процесс замены неметафорического слова или выражения в процессе перевода; реметафоризация как подбор соответствующей метафоры в языке перевода для метафоры в языке оригинала; деметафоризация как процесс замены метафорического выражения в языке оригинала на неметафорическое выражение в языке перевода. Межуровневая трансформация — передача единиц одного уровня языка единицами другого уровня языка в процессе перевода. Причиной использования межуровневой трансформации при переводе является отсутствие в переводящем языке эквивалентных единиц для передачи признаков (фонетических, лексических, грамматических), описываемых в оригинале. Это подразумевает, например, замену лексической единицы грамматической и т. д.

Компенсация необходима в тех случаях, когда определенные элементы текста языка оригинала не могут быть переданы эквивалентными средствами языка перевода. В этих случаях, чтобы компенсировать семантическую или стилистическую потерю, вызванную тем, что та или иная единица языка оригинала или ее стилистическая окраска не переводится, переводчику приходится заменять переводимую единицу, используя разнообразные средства и приемы перевода для сохранения элементов смысла текста на языке оригинала. Подбор контекстуального или функционального аналога часто используется при переводе реалий для отображения ситуации, описываемой в языке оригинала, на основе различных, но взаимосвязанных признаков. Дословный перевод применяется в случае отсутствия эквивалентов единицам стилистически маркированной лексики в языке перевода. В тех случаях, когда образ, лежащий в основе сленговой единицы, является прямым и прозрачным в такой степени, что он может быть сохранен в переводе, перевод может быть дословным, без пояснения.

Вышеперечисленные приемы могут применяться в процессе перевода сленговых выражений только при условии, что их использование не нарушает нормы употребления, а также принципы адекватности и эквивалентности перевода, особенно это важно при переводе с китайского языка, который является изолированным языком, обладающим сложной письменностью и уникальной грамматической структурой [Акбаш, 2020].

Нами были выделены следующие способы перевода сленговых единиц, которые употребляются в социальных сетях китайского сегмента интернета.

Одним из часто встречающихся способов перевода является подбор аналога китайскому сленговому выражению в русском языке. Например, выражение 灌水 [guànshuǐ] первоначально обозначает ‘вливать воду в емкость’. Данное выражение на электронном дискуссионном форуме BBS получило новое значение — ‘отправлять много бессмысленных постов, спам’. Пользователи с помощью разных крупных форумов в интернете таким образом выражают недовольство происходящими событиями реальной жизни. Если сравнить с русским языком, то это выражение можно было бы перевести как «точить лясы», «зацепиться (молоть) языками», «болтать». Из-за большого количества бесполезной информации в китайском интернете можно видеть такое сообщение: 禁止在论坛内灌水! ‘Нельзя вливать воду на форуме!’

Выражение 抢沙发 [shāfā] обозначает человека, который первым отвечает на пост на сетевом форуме. Существует следующее объяснение: при просмотре постов пользователи реагируют на внезапное появление нового поста выражением *so fast!* Китайское выражение 沙发 связано с английским *so fast*. У него есть и аналог в русском языке — ‘первый на полке’. Это выражение обычно употребляется, когда на сайте в комментариях под видео пишут: 抢沙发! ‘Я первый человек, который посмотрел это видео!’

Чрезвычайно интересным явлением интернет-сленга в Китае является сочетание иероглифов, их частичное звуковое совпадение с цифрами. Изменение тона в произнесении иероглифа может изменить его на цифру. Особенно это популярно при написании СМС и других сообщений и используется для экономии времени. Внутри речевой модели может встречаться «цифровая аббревиация», когда целая фраза заменяется определенным числом (цифрой) на основе схожести звукового облика. Так, 7458 может читаться как 气死我了 [qīsiwǐba] ‘выводить из себя’: цифра 7 произносится как звук 气 ‘сердиться’, 4 обозначает 死 ‘смерть’, 5 понимается как 我 ‘я, меня’, 8 — грамматическая частица для связи слов в предложении. Если составить из цифр выражение, то получится дословно такое значение: 7458! — 你简直 ‘Ты меня бесишь!’ Аналогично составлено выражение 526 — 我饿了 [wǒèle] ‘Я голодный’. Цифра 5 произносится как 我 ‘я’, 2 — 饿 ‘голодный’, 6 — грамматическая частица для связи слов в предложении. Например, мы можем сказать маме: — 526! — 妈妈 ‘Мама, я голодна!’

В повседневной жизни не только молодежь, но и разного рода компании используют игру слов и цифр. Например, телефон заказа еды в «Макдональдсе» записывается следующим образом: 4008–517–517 — 我要吃 [wǒ yāo qī], где последние цифры на слух воспринимаются со значением ‘я хочу есть’: 5 — 我 ‘я’, 1 — 要 ‘хотеть’, 7 — 吃 ‘есть’.

Такой способ образования сленговых выражений существует в китайском языке, имеющем ограниченное количество слогов и обладает возможностями фонетических замен. В русском языке этот способ словообразования не развит. При переводе цифровой аббревиации с китайского на русский язык применяется дословный перевод, когда используется способ калькирования, то есть передачи в переводе каждой части высказывания. Переводится не цифровое значение, а его фонетический синоним, имеющий смысловое понятие [Русинова, Рукавишникова, 2016].

При использовании приема лексических замен имеют место метафорические или метонимические трансформации, то есть создаются дополнительные оттенки значения слова на основе образного сравнения. Например, 颜值 [yánzhí] — ‘оценка облика человека’. Это выражение обозначает измерение степени красоты внешности человека или предмета. В том числе иероглиф 颜 [yán] обозначает ‘внешность, облик’, а иероглиф 值 [zhí] — ‘параметр, оценка’. Данное выражение часто употребляется для обозначения красивого героя фильма или человека с модельной внешностью. Например, выражение 他的颜值很高, 所以吸引了很多女孩子的目光 служит высокой оценкой внешности молодого привлекательного человека, который нравится многим девушкам; 小鲜肉 [xiǎoxiǎnròu] — ‘молодой и сладкий’. Если эта фраза говорится про девушку, то можно ее перевести как ‘конфетка’. Также 小 [xiǎo] значит ‘молодой и энергичный’. Иероглиф 鲜 [xiān] обозначает ‘нет опыта в любви’, 肉 [ròu] — ‘физически здоровый, спортивный человек’. Это выражение появилось впервые в интернете в 2014 г. и быстро стало очень популярным в молодежной среде. За ним закрепилось следующее значение: ‘добрый, замечательный парень, имеющий спортивную фигуру, обладающий высокими моральными качествами, возраст от 15 до 30 лет, имеющий мало опыта в любви, его облик привлекателен и сладок для глаз’. Вся эта цепочка положительных определений добавляет дополнительное значение к данному выражению: ‘привлекает внимание, пользуется популярностью у девушек и женщин’.

Благодаря популярности компьютерных игр также появляются новые слова и выражения. 拉仇恨 [lāchóuhèn] — ‘вызывать нена-

висть', дословно в онлайн-играх обозначает 'раздразнить монстра'. В реальной жизни в большинстве случаев данное слово имеет нейтральный оттенок, поэтому его часто употребляют в качестве шутки. Например, в ситуации, когда кто-то показывает друзьям свои обновки, купленные со скидкой, либо хвастается какими-либо своими достижениями в спорте, учебе и т.д. В таком случае друзья обычно реагируют, используя фразу: 他们简直是在拉仇恨! 'Я тебя ненавижу!', что передает чувство зависти в шуточной форме.

Выражение 元芳体 [yuánfāngtǐ] является популярным в чат-общении. Пользователи китайского сегмента интернета употребляют его в различных ситуациях, когда обсуждают какое-либо событие. Эта фраза имеет шуточный оттенок и может быть переведена так: 'Юань Фан, что вы думаете о данном событии?' — 元芳体? Данное высказывание принадлежит главному герою — детективу из известного сериала «Профессиональный детектив» Ди Жэньцзе. У детектива Ди Жэньцзе есть помощник Ли Юаньфан, с которым он постоянно советуется, при этом часто употребляя указанную фразу. Перевод фразы является дословным.

Таким образом, в результате влияния разных аудио- и видеоматериалов, размещенных в сети, новообразованные слова и выражения, относящиеся к молодежному сленгу, отличаются от норм литературного и разговорного языка. Сленговая интернет-лексика используется в основном в таких социальных сетях, как Weibo, WeChat, QQ и т.д. При переводе сленговой лексики с китайского на русский язык применяются следующие переводческие приемы: подбор аналога, калькирование, метафорический или метонимический перенос, а также дословный перевод. Владение необходимыми переводческими приемами позволяет переводчику принять правильное решение и предоставить эквивалентный и адекватный перевод такого сложного языкового явления, как молодежный сленг.

Литература

- Акбаиш В. А. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей происхождения и функционирования эвфемизмов в китайском и русском языках // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 587–590.
- Борисова О. С. Пути и источники заимствования в китайском языке // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8 (15). С. 21–25.
- Кислов А. В., Колпачкова Е. Н. Влияние интернета на современный китайский язык // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017.

№ 1. С. 72–86. URL: <http://openbooks.ifmo.ru/ru/file/6508/6508.pdf> (дата обращения: 05.09.2020).

Русинова А.Д., Рукавишников О.И. Феномен графонов в китайском языке // Материалы секционных заседаний 56-й студенческой науч.-практ. конф. ТОГУ: в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. С. 475–477.

Хомяков В.А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского противоречия. 2-е изд. М.: УРСС, 2009.

Словари

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС; Едиториал УРСС, 2004.

О стратегиях перевода древних текстов

В статье рассматриваются стратегии перевода древних текстов в свете двух основных оппозиций — одомашнивающий/отстраняющий перевод; модернизация/архаизация — в рамках как межъязыкового, так и внутриязыкового перевода. Особое внимание уделяется практике внутриязыкового перевода в византийской литературе, обусловленной ярко выраженной иерархией регистров византийского греческого: от разговорного до классифицирующего литературного языка. На конкретных примерах показывается, насколько сильно при этом трансформировался текст оригинала, что позволяет сделать вывод о том, что переводчики были соавторами переведенных текстов.

Ключевые слова: межъязыковой перевод, внутриязыковой перевод, одомашнивающий перевод, отстраняющий перевод, модернизация, архаизация, византийская литература.

О. М. Pushin

On strategies of the translation of ancient texts

In this article strategies of translating ancient texts are considered in the light of two main oppositions: domesticating/foreignizing translation, modernization/archaization within both interlingual and intralingual translation. Special attention is paid to the practice of intralingual translation in Byzantine literature, caused by a pronounced hierarchy of registers in Byzantine Greek: from spoken to classicizing literary language. The examples considered in this article show how much an original text was transformed by this practice, which allows to make a conclusion that the translators were coauthors of the translated texts.

Keywords: interlingual translation, intralingual translation, domesticating translation, foreignizing translation, modernization, archaization, Byzantine literature.

Р.Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» [Якобсон, 1978, с. 17] различает три вида перевода: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический. Перевод в рамках «того же» языка является особенно актуальным для текстов, достаточно удаленных во времени. Кавычки отражают неизбежные изменения как в структуре языка, так и в культурном контексте. Эти изменения, усложняющие восприятие оригинала или препятствующие ему,

очевидны не только для таких текстов, как «Слово о полку Игореве» или «Кентерберийские рассказы» Чосера, но также, например, для произведений Данте. Как отмечает У.Эко, у современного итальянского читателя может возникнуть ощущение понимания произведений Данте, поскольку итальянский язык претерпел гораздо меньшие, в сравнении, например, с английским, изменения, но это ощущение иллюзорно в силу того, что с момента создания текста произошли определенные лексические сдвиги (Эко иллюстрирует их на примере одного сонета Данте), не говоря уже о том, что для восприятия «Божественной комедии» требуются обширные исторические и культурные познания, в силу чего в современных изданиях к тексту оригинала приводятся подробные комментарии, хотя существует и повествовательный парафраз на современном итальянском, разъясняющий сжатый синтаксис и более сложные обороты оригинала [Эко, 2006, с. 193–194].

Многие исследователи (см., например: [Эко, 2006; Berman, 1984; Venuti, 2005; Ricœur, 2006]) ссылаются на лекцию Ф.Шлейермахера «О разных методах перевода», в которой он заметил, что существуют лишь две альтернативы: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю» (цит. по: [Lefevere, 1992, p. 149]). Л.Венути отразил эту оппозицию в терминах *domesticating/foreignizing translation* [Venuti, 2005, p. 240–244]. Одомашнивающий перевод (*domesticating translation*) ассимилирует и апроприирует текст, написанный на ином языке и/или в иной культуре, в то время как отстраняющий перевод (*foreignizing translation*) выступает девиантной с точки зрения целевого языка (*target language*) практикой, проявляющей языковые и культурные различия переводимого текста. Интересный пример трансформации в горизонте этой альтернативы — переводы «Энеиды», которыми в течение многих лет занимался В.Брюсов. Анализу различных вариантов, в частности, посвящена статья М. Л. Гаспарова «Брюсов и буквализм» [Гаспаров, 1988]. У некоторых отрывков имеется несколько редакций перевода, соответствующих следующим этапам: ученический парафраз, одомашнивающий перевод, отстраняющий перевод. Как отмечает М. Л. Гаспаров, движение в сторону латинского текста осуществлялось уточнением парафраза, тропов, семантики, грамматических форм, синтаксиса, ударения. Более всего при этом перевод «отчуждается» в результате попытки сохранить грамматические формы и синтаксис оригинала. Так, например:

...quid tantum Oceano properent se tinguere soles / hiberni, vel quae tardis mora noctibus obstet (кн. 1, ст. 745–746 (Vergilius, 2005, p. 31)).

В переводе Брюсова:

И почему так спешат Океаном обрызгаться солнца / Зимние, что за причина держит долгие ночи (Вергилий, 1933, с. 69).

Ср. «одомашнивающий» перевод С. Ошерова:

Зимнее солнце спешит отчего в Океан окунуться, / Летняя ночь отчего спуститься медлит на землю (Вергилий, 1994, с. 140).

Отметим, что различие во вторых стихах возникает из-за различного толкования выражения *tardis noctibus*: ‘долгим ночам / поздним ночам’ (как летом). Принимая второй вариант, С. Ошеров полностью переделывает второй стих).

Рассмотрим другой пример:

Me patris Anchisae, quotiens umentibus umbris / nox operit terras, quotiens astra ignea surgunt/ admonet in somnis et turbida terret imago (кн. 4, ст. 351–353 (Vergilius, 2005, p. 107)).

В переводе В. Брюсова:

Мне и Анхиса отца, всякий раз, лишь увлажненной тенью / Землю ночь осенит, лишь звезды огнистые встанут, / Шепчет упреки во сне и страшен образ тревожный (Вергилий, 1933, с. 123).

С. Ошеров же трансформирует текст, делая его более простым для восприятия, устраняя, например, разрыв *Анхиса отца — образ/тень*:

Каждый раз, когда ночь окутает сумраком влажным / землю и светочи звезд загорятся, — старца Анхиза / тень тревожная мне предстает в сновиденьях с укором (Вергилий, 1994, с. 187)¹.

У. Эко указывает на еще одну существенную дилемму при переводе древних текстов: модернизация/архаизация. Чтобы проиллюстрировать отличие от предыдущей альтернативы, он обсуждает выполненный Ж. Риссе перевод «Божественной комедии» на французский язык. Автор перевода сознательно отказалась от передачи терцин и архаической лексики, которая отсылала бы к французскому, а не итальянскому Средневековью, и, следовательно, одомашнивала бы текст, и сделала акцент на передаче лихорадочного ритма

¹ Подстрочный перевод последнего стиха: ‘упрекает (побуждает/напоминает) в снах’ и ‘тревожный пугает призрак (тень/образ)’.

оригинала с помощью как можно более буквального перевода [Эко, 2006, с. 222–224].

Другой пример на эту тему приводит Л. Венути, рассказывая о дискуссии по поводу перевода Гомера, возникшей в викторианской Англии между Френсисом Ньюменом и Мэтью Арнольдом. Ньюмен в своем переводе «Илиады» пользовался архаической лексикой исторических новелл для создания исторической перспективы и метрическим размером баллады, чтобы показать, что Гомер был народным, а не элитным поэтом. Арнольд же настаивал на том, что переводить нужно гекзаметром и современным английским, сообщаясь с общепринятой тогда академической рецепцией греческого текста [Venuti, 2005, p. 243].

Модернизация естественным образом происходит при внутриязыковом переводе. Помимо упомянутых уже переводов «Слова о полку Игореве» и «Кентерберийских рассказов», очевидный пример такой деятельности — модернизация переводов библейских текстов. Приведем в качестве примера первые два стиха книги Бытие (Быт. 1:1–2) в Острожской Библии:

Искони сътвори Богъ небо и землю. Земля же бе невидима и неукрашена, и тма верху бездны, и Духъ Божий ношашеся верху воды.

Ср. в современном Синодальном переводе:

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

Рассмотрим более подробно стратегии внутриязыкового перевода, использовавшиеся в византийской литературе. Прежде всего нужно упомянуть Симеона Метафраста, выдающегося агиографа X в., получившего свое прозвище от глагола μεταφράζειν ('перефразировать, переводить') за то, что собрал и переработал множество житий святых. О причинах, побудивших Симеона начать свою деятельность, рассказывает Михаил Пселл: «Неприглядность сочинения, непоследовательность рассуждения и грубые слова вызвали у слушающих оскомину и скорее отталкивали их, чем притягивали, написанное было сатирой на чудесные подвиги и трофеи Христовых слуг. И все открыто возмущались этим, но у хотящих не было сил, а у тех, кто мог, не было желания улучшить эти жития (ибо одни ленились, другие же полагали, что это слишком великое начинание, на которое не хватит и всей человеческой жизни). Не таков был, однако, чудесный Симеон, но вместе с теми осудив написанное прежде [о святых], не остановился на этом, но пошел далее. И дерзает на некое новое дело,

скорее же совершает то, что никому прежде не удавалось. И таким образом явился он совершеннее всех в словесном искусстве и посвятил Богу самое лучшее из сущего, и прекрасно описал и украсил деяния и подвиги мучеников, воздержание же и борения аскетов, и, таковую явив им любовь, у всех обрел почитание и благодарность» (Michael Psellus, [s. a.]). Конечно, в соответствии с жанром здесь сгущаются краски, однако, как отметили Э. фон Добшютц и О. Л. фон Гебхардт, деяния мучеников, как бы они ни были замечательны, не удовлетворяли вкусам более позднего времени [Dobschütz, Gebhardt, 1911, S. XXXI]. По мнению К. Хёгель, основной причиной появления метафраза житий святых в Византии была предшествующая их стандартизация, вызванная составлением литургических сборников [Högel, 2016, p. 29–30]. Кроме того, парафраз/метафраз, являясь традиционными риторическими упражнениями, были органичной частью ландшафта византийской литературы, и только статус автора мог обеспечить сохранность текста². Симеон писал свои варианты житий, выбирая и перерабатывая материал из различных источников и затем составляя из них свою композицию. При этом он руководствовался двумя основными принципами: сделать повествование более правдоподобным и более изящным (что и нужно было, по свидетельству Пселла, его современникам). В зависимости от того, что представлял собой исходный материал (простые, необработанные тексты или риторические произведения), Симеон или усложнял, или, наоборот, упрощал стиль. Э. Пейр показала на конкретных примерах, что при переработке энкомиев Никиты Пафлагонского Симеон сокращал текст, убирая, например, один из элементов перечисления или пользуясь обобщением, упрощал лексику (при этом, возможно, пользуясь лексиконом, например Исихия Александрийского), но и, с другой стороны, добавлял объяснения, детали, чувства и мысли действующих лиц, яркие образы, чтобы сделать повествование более понятным и привлекательным [Peyr, 1992, p. 143–155]. Стратегия придания рассказу правдоподобности имеет важное значение в работе Метафраста. Иногда он с этой целью добавляет реалистичные подробности. Так, например, происходит в житии свт. Николая, в эпизоде о трех девах (рассказ о том, как отец трех дочерей находит первый узелок с золотом, сброшенный Николаем):

² К. Хёгель приводит свидетельство грузинского переводчика XI в. Ефрема Малого, согласно которому в житиях святых, если только они не были написаны знаменитым автором, допускались изменения [Högel, 2016, p. 29].

Исходный текст	Перевод Метафраста
ὁπερ εὐρῶν ὁ ἠλεημένος ἡμέρας καταλαβούσης καὶ χαρᾷ συν δάκρυσιν ἀσχές τοις ληφθείς, ἡὐχαρίσται τῷ Θεῷ μετὰ θάμβους καὶ ἐκπλήξεως (Цит. по: (Anrich, 1913, S. 120: 5–7))	Ἔωθεν οὖν ὁ ἀνὴρ ἀναστὰς καὶ τὸν χρυσὸν εὐρῶν, ἔπειτα τὸν δεσμὸν λύσας, κατεπλάγη καὶ ἑαυτὸν ἐξηπατῆσθαι ᾤετο, δεδιώς, μὴ οὐχὶ χρυσὸς ἦ τὸ ὀρώμενον, πόθεν γὰρ ἂν καὶ ὑπέλαβέ τι τοιοῦτον, τὸ μὴδὲ θελῆσαι τὸν εὐηργετηκότα συνίστορα τὸν εὖ παθόντα τῆς εὐεργεσίας λαβεῖν; ὅθεν καὶ ἄκροισ ἐπιτρίβων αὐτὸ δακτύλοις καὶ περιεργότερον ἐνορῶν, ἐπεὶ ἔγνω ἀληθῶς εἶναι, ἦδετο, ἑθαύμαζεν, ἡπορεῖτο, θερμὸν ὑφ' ἡδονῆς ἀπέσταξε δάκρυον (Цит. по: (Anrich, 1913, S. 240: 15–21))
найдя его на следующий день, радуясь и проливая неудержимые слезы, благодетельствованный благодарил Бога в страхе и изумлении	Итак, сей муж, встав рано утром и найдя золото, развязал узелок, изумился и думал, что обманывается, боясь, что то, что он видел, — не золото, ибо откуда мог догадаться о том, что благодетель не хочет, чтобы свидетелем был принявший благодеяние. Посему потирал его кончиками пальцев и более внимательно рассматривал, когда же узнал, что оно настоящее, радовался, удивлялся, недоумевал, теплые от радости пролил слезы

В этом отрывке встречается перфектный инфинитив ἐξηπατῆσθαι, перфектные причастия δεδιώς, εὐηργετηκότα (вместо перфектного причастия ἠλεημένος), асиндетон (ἦδετο, ἑθαύμαζεν, ἡπορεῖτο), разъяснительный комментарий (πόθεν γὰρ ἂν καὶ ὑπέλαβε τι τοιοῦτον, τὸ μὴδὲ θελῆσαι τὸν εὐηργετηκότα συνίστορα τὸν εὖ παθόντα τῆς εὐεργεσίας λαβεῖν). Добавленные детали дают возможность почувствовать реакцию отца трех дочерей и тем самым делают всю эту сцену более реалистичной³.

Симеон Метафраст, его предшественники (Софроний, Иоанн Сардийский, Никита Пафлагонский) и подражатели (Иоанн Зонара, Константин Акрополит) перерабатывали язык, синтаксис, стиль и структуру агиографических текстов, очищая их также от бого-

³ Л. Франко, обсуждая «Страсти Св. Иакова» и их метафраз, также отмечает, что Симеон уделял особое внимание психологической характеристике [Franco, 2016, p. 16].

словских отклонений и неправдоподобных/исторических деталей [Paschalidis, 2011, p. 78]. В целом же можно выделить два направления внутриязыкового перевода: усложняющий/классицирующий («Breviarum» патр. Никифора [Ševčenko, 1981, p. 294–295], переработанная в XIV в. «Диоптра» Филиппа Монотропа [Hinterberger, 2014, p. 82–83]) и упрощающий/популяризирующий (такого рода перевод был, например, сделан для «Алексиады» Анны Комниной, «Истории» Никиты Хониата, «Царской статуи» Никифора Влеммида) [Ševčenko, 1982].

Перевод «Царской статуи» Никифора Влеммида ориентирован на упрощение синтаксиса, устранение сложных мест и реалий, замену перфектных форм (перфектный инфинитив полностью исчезает), замену опатива конъюнктивом. Чтобы увидеть результаты этой деятельности, сравним несколько отрывков.

Исходный текст	Перевод
καὶ ἵνα τῶν πόρρω διὰ τὸ πλῆθος ἀφέμενοι τῶν ἐγγυτάτω μνησθείμεν, τί τὸ ἡμέτερον ἀνάκτορον παρεστήσατο (Nicephorus Blemmydes, [S. a.], 28)	καὶ ἵνα τοὺς μὲν παλαιοὺς καταλείψωμεν, τῶν δὲ νεωτέρων μνησθῶμεν, ἐρῶ· τί ἄλλο τὴν μεγαλόπολιν ταύτην αἰχμάλωτον τοῖς Λατίνοις παρέδωκε (Цит. по: (Nicephorus Blemmydes, 1827, p. 616))
и, чтобы, отдаленные [примеры] из-за их множества оставив, мы вспомнили о ближайших, что принудило к сдаче наше царственное жилище?	и чтобы древние [примеры] мы оставили, о более же близких к нам вспомнили, я скажу: «Что иное сей великий град предало латинянам?»

В переработке опатив μνησθείμεν заменен на конъюнктив μνησθῶμεν, разъяснен синтаксис вставкой вводящего прямую речь глагола ἐρῶ, сжатое выражение τί τὸ ἡμέτερον ἀνάκτορον παρεστήσατο расширено пояснительным комментарием.

Исходный текст	Перевод
καὶ νύγειαί τις ἐξ ἡδονῆς τῶ κατεβλακευμένῳ, καὶ εὐσάρκία νομίζοιτο, τῶν Ἀδώνιδος κήλων· οὐδὲν τι διενηνόχατον, οἵπερ ἔπ’ ὀστράκων’ τεθιγότες πλέον τὸν γέλων συνίστων τοῖς ἐνορώσιν, ἢ τὸ τεθιγὸς ἑαυτοῖς (Nicephorus Blemmydes, [S. a.], 31)	καὶ γὰρ δοκεῖ ὁ ἀκόλαστος ὑγείαν ἔχειν καὶ εὐκрасίαν σωματικὴν, οὐδὲν διαφέρει τῶν μυθευομένων τοῦ Ἀδώνιδος κήπων οἵτινες καὶ ἐπάνω τῶν λίθων πεφυτευμένοι πολὺν ἐλάβανον γέλωτα (Цит. по: (Nicephorus Blemmydes, 1827, p. 616))

Исходный текст	Перевод
и если считается, что у расслабленного удовольствиями [есть] здоровье и телесная крепость, ничем не отличаются они от садов Адониса, растущих на черепках и скорее вызывающих смех у смотрящих, чем растущих	если и считает распутный, что здоров и в хорошей физической форме, ничем не отличается от баснословных садов Адониса, которые, посаженные на камнях, многих смех вызывали

В этом отрывке перфектное причастие *κατεβλακευμένῳ* заменено на прилагательное *ἀκόλαστος*, оптатив *νομίζοιτο* — на индикатив настоящего времени *δοκεῖ*, перфект двойственного числа *διεννῆνόχατον* — на настоящее время *διαφέρει*, упрощены лексика и синтаксис.

Исходный текст	Перевод
τῷ γὰρ ἀνημμένῳ καὶ συντόνῳ τοῦ καθηγεμόνος διαπέφρικε τὸ ἀλλόφυλον καὶ ἀπέψυχε, καὶ πάσχει πλέον ἢ κνώδαλον ἐκ λέοντος ὠρυγῆς· ὥσπερ αὐτῷ διακεχαυνῶσθαι καὶ ἀναλεπτωκέναι καὶ ᾠήχρετον καθυπνωκέναι τὸν ἰσχυρόν, ἀναζωπυροῦται τὰ πάθη καὶ ἀποθρασύνεται καὶ παρειληφότα τοῦτον ὑπὸ Δαλιδᾶ, τῆς ἡρετισμένης συνοίκου νωχελίας, ἀποκεκαρμένον, τὴν σύνεσιν ἐκτυφλοῖ καὶ οὕτω διαπαίξει πολυειδῶς, ἄλλοτε πρὸς ἄλλα τῶν γελοίων καθέλκοντα. τὸ δ' ἀθλιώτερον, οὐδ' οἶδεν ὁ κατελιημμένος οἱ κακοῦ γέγονεν, ἀλλὰ πεπωρωμένος πέφηνε καὶ ἀναίσθητος (Nicephorus Blemmydes, [S. a.], 91)	πρὸς γὰρ τὸ ἰσχυρόν τε καὶ ὑψηλὸν τοῦ ἡγεμονικοῦ δειλιᾷ καὶ νεκροῦται τὸ ἀπῆλλοτριωμένον καὶ παρὰ φύσιν καὶ πάσχει πλέον ἢ αἰλουρος ὠρυομένου λέοντος, ὥσπερ πάλιν ἐκ τοῦ ἐναντίου ἀπὸ τοῦ ῥαθυμεῖν καὶ ἀμελεῖν καὶ ἀγαπᾶν ὕπνου πλέον τοῦ δέοντος ἰσχυροποιοῦνται τὰ πάθη καὶ θράσος λαμβάνουσι καὶ παραλαμβάνοντα τοῦτον ὡς αἰχμάλωτον τὰ τοιαῦτα πάθη, ἀποτυφλοῦσιν ὥσπερ ἡ Δαλιδᾶ τὸν ἀνδρικόωτατον ἐκείνον Σαμψών, τὰς ἐπὶ τῆς κεφαλῆς τρίχας ἐκκόψασα καὶ γίνεται εἰς ἐμπαιγμὸν καὶ τυφλὸς καὶ ἀναίσθητος (цит. по: (Nicephorus Blemmydes, 1827, p.627–628))
Ибо, когда правитель собран и сосредоточен, содрогается чужеродное и теряет силы, и страшится более, нежели дикий зверь лвиного рыка, подобно тому, как, когда властитель расслабляется и возлежит, и спит непробудно, страсти воспаляются и смелеют и, захватив его, остриженного Далилой, ленью, избранной [им] сожительницей, ослепляют разум и глумятся многообразно, от одной к другой нелепости волоча его. Но хуже всего то, что сам взятый в плен не знает, в какой беде оказался, но окаменелый пребывает в бесчувствии	Когда силен и возвышен властитель, боится и умерщвляется чуждое и противное природе, и страшится более, нежели кошка рычащего льва, подобно тому, как и наоборот, от беспечности и небрежности, и чрезмерного сна набирают силу страсти и смелеют, и, захватив его в плен, таковые страсти ослепляют, словно Далила мужественнейшего того Самсона, обрезав на голове его волосы, и становится он пошлостью, слепой и бесчувственный

Вместо большого количества разнообразных перфектных форм в исходном тексте (ἀνημμένῳ, διαπέφρικε, διακεχαυνῶσθαι, ἀναπεπτωκέναι, καθυπνωκέναι, παρειληφότα, ἡρετισμένης, ἀποκεκαρμένον, κατελημμένος, γέγονεν, πεπωρωμένος, πέφηνε) в переводе появляется одно, образованное от перфектного причастия, абстрактное существительное τὸ ἀπῆλλοτριωμένον (в оригинале также есть подобное существительное — τῷ ἀνημμένῳ); произведена интересная лексическая замена: вместо κνώδαλον ‘дикий зверь’ — αἴλουρος ‘кошка’ (тем самым контраст усиливается); в целом отрывок подвергся сокращению и упрощению. Иногда из текста убираются более сложные реалии, которые могут быть не знакомы читателю (например, Regina Statua, 112) или классические цитаты (например, Regina Statua, 127).

Еще один пример упрощающего перевода — переработка «Истории» Никиты Хониата (исходный текст был написан в XII в., перевод — в XIV в.).

Исходный текст	Перевод
ὁπὲ συνέις ὡς διακενῆς τῆς συγγενείας ἀποδίσταται βίον ἀντλῶν πόνηρον, πρὸς τὸν ὁμόσπορον ἐπανεῦσε. καὶ βασιλεὺς ἀσμένως τε αὐτὸν καὶ τὸν υἱέα προσβλέπει καὶ ὄψιν καὶ λόγους ἀμφοῖν δίδωσι καὶ χαριέντως προσπλέκεται. ἰσχυρὸν γάρ τι χρῆμα πόθος συγγενείᾳ διυφαινόμενος, κἂν ἀπορραγείη μικρὸν τι τῆς συμφυῖας, ταχέως φιλοπόστροφος γίνεταί (Nicetas Choniates, [S. a.], 32)	ὁ [i.e. προσπέσαι τῷ ἀδελφῷ καὶ βασιλεῖ] καὶ ἐποίησε καὶ προσῆλθε, καὶ ὁ βασιλεὺς μετὰ περιχαρείας μεγάλης αὐτὸν τε καὶ τὸν υἱὸν ὑπεδέξατο, καὶ ὁμοτράπεζον πάλιν εἶχε καὶ ἔνδοξον. Ἰσχυρὸν γὰρ πρᾶγμα ἐστὶν ἀγάπη μετὰ συγγενείας κεκολλημένη· κἂν μικρὸν τι ἀποχωρισθῇ, συντόμως πάλιν ἐπαναστρέφεται (Цит. по: (Davis, 2004, δεύτερο μέρος, σ. 6))
...спустя долгое время осознав, что напрасно от родства удалился, расточая негодную жизнь, возвратился к единокровному. И царь радостно принимает и его, и его сына и с ними обоими видится и беседует, и дружески с ними общается. Ибо великая сила — любовь, сплетаемая родством; если и оторвана на малое время от природной связи, быстро снова готова вернуться	...что и сделал [т.е. припал к брату и царю] и пришел, и царь с великой радостью его и его сына принял и снова посадил с собой за один стол, и почитил. Ибо великая сила — любовь, скрепленная родством: если и удалена на малое время, вскоре возвращается снова

В этом отрывке упрощается лексика: ὁμόσπορον — ἀδελφῷ (заметим, что и чуть ранее κασίγνητος заменяется на ἀδελφός), φιλοπόστροφος γίνεταί — πάλιν ἐπαναστρέφεται, ὄψιν καὶ λόγους ἀμφοῖν δίδωσι καὶ χαριέντως προσπλέκεται — ὁμοτράπεζον πάλιν εἶχε καὶ ἔνδοξον (слово ὁμοτράπεζον, возможно, появилось из-за смеше-

ния ὄψιν ‘взгляд’ и ὅψον ‘еда’ и под воздействием ὁμόσπορον в оригинале); оптатив ἀπορραγεῖν заменяется на конъюнктив ἀποχωρισθῇ; в переводе появляется пассивное перфектное причастие (единственная синтетическая перфектная форма, сохранившаяся в современном греческом) κεκολλημέμη; убирается отступление ὁπὲρ συνεῖς ὡς διακενῆς τῆς συγγενείας ἀποδιόσται βίον ἀντλῶν πόνηρον.

Что касается перевода «Диоптры», то он интересен, помимо прочего, тем, что его автор Фиалит предварил его небольшим предисловием, в котором объяснял, почему и каким образом он исправлял текст Филиппа. Приведем несколько высказываний Фиалита, пользуясь их латинским переводом (поскольку соответствующий лист греческой рукописи⁴ поврежден и читается лишь фрагментарно): «Однако, что касается элегантности речи и красоты выражений, стройности и ритма, не лучшим образом обстояли дела, ибо чудный сей отец обо всем этом, как видно, совсем мало заботился и прилагал усилия только об истине и о людской пользе... Затем, когда к доброму пастырю Лесбоса Дионисию попала эта книга в таком, как мы сказали, состоянии, он решил, что она не должна оставаться неисправленной и бесформенной, и не оставил, но поручил нам истинно и усердно внести нужные исправления. И все неплавное и неблагозвучное во всей книге, словно старую гниль или плесень, счищая, явил ее новой и ясной, ибо все варваризмы были изъяты, и кое-что в течении речи было неправильно, внесены же красота, изящество, композиция, определенная сдержанность ритма, и везде просиял свет ясности. При этом ничто не было сокращено или убрано, но все в целостности сохранилось в память об авторе, что легко узнает всякий, кто эту новую “Диоптру” тщательно сравнит с прежней и изучит, и в каждой рассмотрит смысл и значение речений» (Philippus Monotropus, 1864, vol. 12, col. 708–709). Из предыдущего ясно, что деятельность Фиалита была направлена на то, чтобы повысить стилистический регистр текста. Приведем пример.

Исходный текст	Перевод Фиалита
πῶς κάθη, πῶς ἀμεριμνεῖς, πῶς ἀμελεῖς, ψυχὴ μου, πῶς οὐ φροντίζεις τῶν κακῶν, ἃ ἔπραξας ἐν βίῳ καὶ μόνην τὴν μετανοίαν περὶ πολλοῦ ποιῆσαι καὶ ταύτην ἐπιδείξασθαι ἀληθινὴν σπουδάζεις, καὶ ἐρωτᾷς περὶ αὐτῆς παρακαλοῦσα πάντας Πατέρας, Διδασκάλους τε, Ποιμένας	πῶς κάθη, πῶς ἀμεριμνεῖς, πῶς ἀμελεῖς, ψυχὴ μου, πῶς ἀφροντίς κατέστηκας ὧν ἔπραξας ἐν βίῳ, πῶς λόγον οὐ πεποίησαι τῆς φίλης μετανοίας καὶ σπεύδεις, ὅση δύναμις, καταρθωκέναι ταύτην, καὶ δυσωπεῖς καὶ λιπαρεῖς καὶ δέη ταύτης περὶ τῶν διδασκάλων τῶν σοφῶν καὶ τῶν

⁴ Рукопись BNF Grec 2747 fol. 1v.

Исходный текст	Перевод Фиалита
σοφωτάτους, ἐξηρευνῶσα ἀκριβῶς πῶς ταύτην κατωρθώσεις, καὶ πῶς ἰσχύσεις δι' αὐτῆς, Θεοῦ φιλανθρωπίᾳ, λαβεῖν τελείαν ἄφεσιν τῶν σὼν πολλῶν σφαλμάτων (Philippus Monotropus, [S. a.], 3–11)	καθηγεμόνων, καὶ γε πυνθάνῃ δάκρυσι πῶς ἂν ἀνύσαις ταύτην καὶ πῶς ἰσχύσεις ἄφεσιν εὐρεῖν ἐκ μετανοίας ὧν πλείστων πεπλημμέληκας παρ' ὅλον σου τὸν βίον (Цит. по: (Auvray, 1875, p. 19, 21))
Почему сидишь, почему беззаботна, почему беспечна, душа моя, почему не размышляешь о зле, которое сделала в жизни, и не спешишь единое о многом сотворить покаяние и покаяться истинно, не призываешь, не расспрашиваешь о нем всех отцов, учителей и мудрейших пастырей, не разыскиваешь тщательно, как совершить покаяние и как сможешь через него, человеколюбием Божиим, принять полное оставление многих своих прегрешений	Почему сидишь, почему беззаботна, почему беспечна, душа моя, почему не размышляешь о том, что сделала в жизни, почему пренебрегла покаянием и не спешишь, сколько есть сил, к нему, не стыдишься, не просишь усердно о нем мудрых учителей и наставников, не расспрашиваешь со слезами, как могла бы совершить покаяние и через него найти отпущение много, в чем согрешила во всей своей жизни

В исходном тексте нет ни одной перфектной формы; в переводе, помимо личных форм перфекта (καθέστηκας, πεποίησαι, πεπλημμέληκας), используется перфектный инфинитив: κατωρθώκεναι, встречается также опатив ἀνύσαις, который рассматривается автором как классифицирующая альтернатива будущему времени (ср. далее πῶς ἰσχύσεις).

В заключение отметим, что при переводе древних текстов объем и значимость вариантов возрастает (что объясняет, например, большое количество различных переводов Гомера на английский язык), и переводчик в большей степени становится соавтором текста, что хорошо видно в произведениях Симеона Метафраста. При внутриязыковом переводе довлеющей стратегией является популяризация текста, однако в Византии, в силу специфического раздвоения литературного и разговорного языка, такого рода перевод мог быть ориентирован и на усложнение оригинала.

Источники материала

Вергилий. Энеида / пер. В. Я. Брюсова. М.; Л.: Academia, 1933.

Вергилий. Энеида / пер. С. Ошерова // *Вергилий. Собрание сочинений*. СПб.:

Биогр. ин-т «Студия Биографика», 1994. С. 121–368.

Anrich G. Hagios Nikolaos. Bd. I. Teubner, 1913.

Auvray E. Les Pleurs de Philippe. Paris: Librairie A. Franck, 1875.

- Nicephorus Blemmydes*. Regina Statua / transl. A. Maio // *Scriptorum Veterum Nova Collectio*. T. II. Romae, 1827. P. 611–655.
- Nicephorus Blemmydes*. Regina Statua // *Thesaurus Linguae Graecae*. [S. a.] URL: <http://www.stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 10.04.2021).
- Nicetas Choniates*. Historia // *Thesaurus Linguae Graecae*. [S. a.] URL: <http://www.stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 10.04.2021).
- Michael Psellus*. Orationes hagiographicae. 7: 184–206 // *Thesaurus Linguae Graecae*. [S. a.] URL: <http://www.stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 10.04.2021).
- Philippus Monotropus*. Dioptra // *Patrologia Graeca*. 1864. Vol. 12. Col. 707–878.
- Philippus Monotropus*. Dioptra // *Thesaurus Linguae Graecae*. [S. a.] URL: <http://www.stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 10.04.2021).
- Vergilius*. Aeneis. Walter de Gruyer, 2005.
- Thesaurus Linguae Graecae*. URL: <http://www.stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 10.04.2021).

Литература

- Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм // *Поэтика перевода* / [сост. С. Гончаренко; предисл. Е. Николовой]. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. А. Коваля. СПб.: Symposium, 2006.
- Яacobсон Р. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
- Berman A. L'Epreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984.
- Davis J. Η Μεταφραση της χρονικής διήγησεως του Νικήτα Χωνιάτη. Ιωαννίνα, 2004.
- Franco L. Observations on the Methods of the Metaphrastic Re-Writing: the Case of the Passio of St. James // *23rd International Congress of Byzantine Studies*, Belgrade, 22–27 August 2016. Belgrade, 2016. P. 13–17.
- Dobschütz E. von, Gebhardt O. L. von. Die Akten der Edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos. Leipzig: Hinrichs, 1911.
- Hinterberger M. The Synthetic Perfect in Byzantine Literature // *The Language of Byzantine Learned Literature*. Brepols, 2014. P. 176–199.
- Høgel C. Metaphrasis in Byzantium // *23rd International Congress of Byzantine Studies*, Belgrade, 22–27 August 2016. Belgrade, 2016. P. 26–30.
- Lefevere A. Translation/History/Culture. Routledge, 1992.
- Paschalidis S. EN ΑΓΙΟΙΣ. Special Issues of Byzantine and Post-Byzantine Hagiography. Vol. I. Thessaloniki, 2011.
- Peyr E. Zur Umarbeitung rhetorischer Texte durch Symeon Metaphrastes // *JÖB*. 1992. Nr. 42. P. 143–155.

Ricœur P. On Translation. London; New York: Routledge, 2006.

Ševčenko I. Levels of Style in Byzantine Prose // JÖB. 1981. Nr. 31/1. P. 289–313.

Ševčenko I. Additional Remarks to the Report on Levels of Style // JÖB. 1982. Nr. 32/1. P. 220–238.

Энциклопедии

Venuti L. Strategies of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Routledge, 2005. P. 240–244.

Глаголы мышления у Аврелия Августина: переводческий аспект

В статье рассматриваются семантические особенности употребления глаголов мышления в тексте трактата Блаженного Августина «Против академиков». Предлагается этимологический экскурс с целью выявления семантических сдвигов в глагольной лексике. Приводятся примеры употребления глаголов в различных контекстных рамках, что влечет за собой коннотативные изменения. Приводятся варианты русского и английского перевода для анализа степени эквивалентности в передаче значений. После проведенной работы наблюдается определенная семантическая устойчивость для каждой лексемы в передаче того или иного аспекта мыслительной деятельности и возможность ее передачи в переводах на другие языки.

Ключевые слова: Аврелий Августин, семантика, глаголы, мышление, перевод, латинский язык, этимология.

E. A. Reznichenko

Verbs of thinking in Aurelius Augustine: translation aspects

The article observes some semantic particularities in the usage of verbs of thinking in Aurelius Augustine's treatise 'Contra academicos'. The etymological excursus is suggested to define semantic shifts in verbal lexis. We give a number of examples of the verbal usage in various contexts that leads them to connotative changes. Also, Russian and English translations are provided to analyze the degree of equivalence in conveyance of meaning. In conclusion, we see some semantic sustainability in each word when they convey different aspects of the process of thinking. Moreover, it is identified in given translations.

Keywords: Augustine, semantics, verbs, thinking, translation, Latin, etymology.

Вводные замечания

Аврелий Августин (354–430), епископ Иппонский, — пожалуй, наиболее авторитетный христианский писатель поздней Античности на Западе. Богатая биография, сложный жизненный путь и обращение в христианство сделали его знаменитым не только благодаря философским трудам, но и образу жизни. Город Иппон, где ему

суждено было стать епископом, находился в Северной Африке, населенной тогда в основном людьми, говорящими на латинском языке.

Из всего необъятного письменного наследия автора нас будут интересовать тексты, где он касается эпистемологии — механизмов человеческого познания. В работе будет рассмотрен именно лингвистический аспект, выраженный в репрезентативности глаголов мышления для описания этого процесса, будет произведена попытка выявить семантические особенности (при наличии таковых) у предложенных глаголов.

В качестве источника исследования предлагается только первая книга трактата «Contra academicos» («Против академиков»), написанная в 386 г. как полемический ответ на скептическую философию. Это было ответвление платонической мысли, где оспаривалась адекватная возможность познания у человека. Истину, как необходимую ценность, познать невозможно, у нас есть возможность познать лишь некое ее подобие. Августин разворачивает полемику с этими идеями, определенная часть которой отражена в исследуемом тексте. В качестве вербальной репрезентации для последующего анализа взяты глаголы *scio* ('знать, узнавать, уметь, понимать'), *intellego* ('воспринимать, ощущать, постигать, мыслить'), *cognosco* ('познавать, постигать, разведывать') и *accipio* ('принимать, воспринимать, узнавать, одобрять') [Дворецкий, 1976]. Стоит отметить, что для глагола *accipio* эти значения ментальных действий не являются первыми и по сей день, они появились благодаря семантическому переходу от конкретных к более абстрактным значениям. В первую очередь, *accipio* — это 'брать, принимать' и др. Похожие процессы были и в остальных примерах, но с различными результатами. Мы посмотрим, как представлены в тексте данные глаголы и в каких контекстах используются. Все приводимые значения слов и реконструкции праиндоевропейских корней приводятся из соответствующих словарей, указанных в ссылках при первом использовании.

Этимологический экскурс

Говоря о семантике, сегодня невозможно обойтись без рассказа об этимологической истории того или иного понятия. Зачастую исторические корни слов дают нам более объемное представление и о семантических переходах, и о происхождении слова в целом.

Глагол *scio* имеет следующую индоевропейскую реконструкцию: **skh₁-i(e/o)-* [De Vaan, 2008]. Эта же реконструкция дала нам латин-

ское слово *seco* — ‘надрезать, вырезать’. Таким образом, абстрактное *scio* в значении ‘знать’ первоначально родилось из глагола механического действия, когда нечто скрытое путем разрезания становилось открытым, известным.

Глагол *intellego* является сложным: здесь прослеживается регрессивно-ассимилированный предлог *inter* (**h*₁(e)nter — ‘между, внутри’) и глагол *lego* (**leg-e/o-* — ‘собирать’). Мы снова видим, что глагол *lego*, известный как ‘говорить, читать’, имеет первое значение механического действия. То есть *intellego* — это ‘собирать сведения внутри себя, воспринимать что-то’.

У глагола *cognosco* совсем другая история: это заимствованный греческий глагол γινώσκω (‘узнавать, осознавать, познавать’). Корень глагола происходит от индоевропейского корня **gneh*₁- [Beekes, 2010] — ‘распознавать, узнавать’. Очевидно, что узнавание и распознавание первоначально имело вполне практический смысл — узнать своего, распознать чужого. Более абстрактное, даже философское, значение оно приобретает позднее.

Глагол *accipio* имеет похожее происхождение, как и *intellego* — он образован от предлога *ad* (многозначный) и глагола *capio* (‘брать’). В определенном смысле этот глагол семантически похож на *intellego*, однако он остался с первым значением механического действия: ‘получать, впускать, принимать’.

На данном этапе можно сделать предварительные выводы, что все эти глаголы хотя и имеют друг с другом определенную долю синонимичности, однако содержат в себе важные коннотативные особенности, которые найдут свое отражение в тексте.

Репрезентативный анализ

Теперь обратимся к примерам. В качестве источника, как видно, был взят латинский текст (Augustinus Hipponensis). Для рассмотрения переводческих вариаций были взяты русский (Творения Блаженного Августина, 1879) и английский (Saint Augustine, 1957) переводы¹.

Scio

Numquidnam dubitatis, inquam, verum nos **scire** oportere? (1)

Сомневаетесь ли вы в том, что нам должно **знать** истину? (2)

Have you any doubt at all that we ought to **know** the truth? (5)

¹ Далее в скобках указаны данные внутреннего деления текста, сохраненные в переводах.

Стоит отметить, что случаи употребления глагола *scio* в выбранном объеме текста не отличаются наличием каких-либо семантических особенностей. Здесь приводится один из примеров, поскольку этот глагол самый частотный в употреблении. Как видно, и латинский текст, и переводы дают универсальное значение 'знать', то есть обладать знанием, пониманием о конкретном предмете. Во всех остальных примерах сохраняется это универсальное значение. Тем не менее необходимо отметить, что знание в данном примере предполагает активное действие, направленное к истине.

Intellego

Nam via quae ducit ad veritatem, nulla, uti opinor, **intellegitur** melius quam diligens inquisitio veritatis (I).

Ибо под путем, ведущим к истине, по мнению моему, ничего нельзя **разуметь** лучше, как тщательное исследование истины (5).

For no way which leads to truth, according to my way of thinking, is **known** better than the diligent search of truth (14).

В данном примере мы видим употребление глагола *intellego* в значении 'знать, понимать, подразумевать'. Это видно в обоих переводах текста. Стоит отметить, что *intellego* употреблено в пассивном залоге, который был передан безличной инфинитивной конструкцией в русском тексте (что вполне правомерно) и пассивным залогом в английском. Мы видим, что знание в данном случае не является активным действием, как в предыдущем примере, но лишь признанием некоего факта. Исследование истины — как известно, подразумевается, — лучший путь к истине.

...fingens quod nihil **intellegam**... (I)

...делая вид, что ничего не **понимаю**... (5)

...pretending that I do not **understand** it... (15)

Данный случай уже дает нам иное, более характерное, значение глагола. В первую очередь, мы наблюдаем коннотацию активного, направленного действия — понимания чего-то, хотя и с отрицательным знаком. Но когда мы говорим здесь о понимании, то речь идет уже о результате, а не о процессе сбора информации. Ничего не понимать — результат описанной операции, это значит, что *intellego* — глагол не только умственного действия, но и результата этого действия. Данная особенность была адекватно передана переводами.

Cognosco

...verum etiam legendo ista **cognoverit** (I).

Когда же он **узнает**... прочитав это рассуждение (9).

When he **learns**... by taking part in such discussions (25).

Данный случай употребления *cognosco* очень хорошо вписывается в его исконное значение, перенятое от греческого глагола, — ‘узнавать, познавать’. Из контекста мы видим, что истина должна быть познана, узнана посредством дискуссии, рассуждения. Представленные переводы дают такие же эквиваленты: глагол нам сообщает о некоем будущем результате (в латинском тексте он стоит в форме Futurum II), достигающемся путем совершения других мыслительных операций. Но если мы сравним его с предыдущим примером, где также присутствует семантика результата, станет очевидной другая особенность: *cognosco*, как и его эквиваленты *learn* и *узнавать*, предполагают восприятие чего-то нового, ранее неизвестного. Этот семантический компонент, как видится, является решающим в употреблении автором разных глаголов.

Accipio

...ut divinum animum mortalibus inhaerentem, nequaquam sapientiae portus **accipiat**... (I)

Присущий смертным божественный дух никоим образом не **входит** в гавань мудрости... (1)

The mind which is of divine origin can by no means... be **admitted** into the harbor of wisdom (1).

Глагол *accipio* представлен в тексте уже совсем иными семантическими ролями. В приведенном примере мы видим некоторое различие в переводческих стратегиях при передаче данного метафорического образа. Латинский текст говорит о том, что гавань мудрости *не примет* божественный дух смертных. Английский перевод предлагает пассивную модальную конструкцию: божественный ум *не может быть принят* в гавань. Русский перевод совершает некоторую вольность с источником, меняя роли субъекта и объекта: божественный дух *не входит (сам)* в гавань. Можно ли оправдать такой подход — отдельный вопрос, но в данном случае мы наблюдаем не совсем обоснованный отход от мысли автора. Если же говорить о глаголе *accipio*, то здесь мы не встретим коннотации ментальных процессов. Метафора допуска божественного духа в гавань мудрости, конечно, говорит о процессе взаимодействия человеческого ума и божественного откровения, но в наши задачи

не входит рассмотрение метафорики текста. Следует сказать, что этот глагол, с одной стороны, предполагает наличие некоего механического направленного движения, с другой — репрезентирует модальность (допуск/запрет) действия человеческого разума по отношению к происходящему процессу.

Accipe igitur quae sit... (1)

Так **выслушай** же его в том виде, в каком оно есть... (3)

Then **listen** to what it is... (7)

Данный пример интересен довольно неожиданной семантической ролью глагола *accipio*. Как может показаться на первый взгляд, мы не встречаем здесь ни модальности, ни абстрактного значения. И исходный текст, и переводы говорят о физическом процессе слушания (выраженного императивом). Нельзя не сказать, что для античной культуры слушать — это нечто большее, чем воспринимать информацию. Это и процесс познания, понимания, и процесс заинтересованного участия, так как слушать — первостепенная задача ученика, и каждый образованный человек понимает, что слушание — особый род коммуникации. Поэтому призыв автора послушать — это не просто призыв обратить внимание, но вникнуть и познать. Отсюда следует, что значение *слушать*, на первый взгляд, сводит глагол *accipio* от мыслительного к чувственному, но при внимательном анализе мы видим, что это было бы сильным упрощением.

Выводы

Представленный материал, взятый для лингвистического анализа, может показаться не столь большим, однако уже приведенные примеры могут нас подтолкнуть к предварительным выводам о семантических особенностях глаголов мышления у Августина.

Во-первых, этимологические данные позволяют нам довольно схематично проследить семантическую эволюцию рассматриваемой лексики. Семантический переход от буквальных к абстрактным действиям, являясь важнейшим инструментом развития языка (в частности, литературного), нашел свое подтверждение в рассматриваемых примерах.

Приводя к общему знаменателю семантические коннотации латинских глаголов, можно увидеть их концептуальное различие. Глагол *cognosco* предполагает узнавание чего-то нового; *scio* — наиболее универсальный глагол для обозначения знания; *intellego* индексирует не только процесс познания, но и конечный результат этого про-

цесса; глагол *accipio* в примерах употребления показывает вариативность семантики, которая успешно репрезентирует и конкретные, и абстрактные мотивы. Данные особенности были переданы подходящими эквивалентами в русском и английском переводах, что не привело к потере концептуального значения.

Очевидно, что данная тема не может быть исчерпана приведенным анализом, поскольку был выбран весьма ограниченный объем текста. Наличие выявленных особенности говорит в пользу перспективности данной работы для будущего исследования с привлечением более широкого текстового материала и экстралингвистического контекста.

Источники материала

[Аврелий Августин.] Против академиков: в 3 кн. // [Аврелий Августин.] Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского. Ч. 2. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1879. С. 1–104.

Augustinus Hipponensis. Contra academicos libri tres. URL: https://www.augustinus.it/latino/contr_acc/index2.htm (дата обращения: 15.09.2020).

Saint Augustine. Against the Academicians / transl. by M. P. Garvey. Milwaukee, 1957.

Словари

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М.: Русский язык, 1976.

Beekes R. Etymological Dictionary of Greek: in 2 vols. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2010.

De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden: Brill, 2008.

О. И. Рукавишникова
Тихоокеанский государственный университет

В. С. Рукавишников
Дальневосточный юридический институт МВД РФ

Особенности перевода терминологии с китайского на русский язык в текстах инновационных проектов

В статье рассматриваются особенности перевода специальной терминологии в текстах инновационных проектов в сфере мостостроения. В частности, использован материал со строительства моста через р. Амур (Благовещенск — Хэйхэ). Представлен анализ проблем перевода при передаче такой терминологии с учетом терминообразования и таких параметров, как многозначность и отсутствие соответствия в языке перевода. Предлагается решать вышеуказанные проблемы с помощью контекста, консультации компетентных специалистов в данной области, учета специфики именно китайского толкования терминов. Для понимания терминов-неологизмов необходимо опираться на основные способы образования терминологии в китайском языке.

Ключевые слова: инновационный проект, терминология, перевод, мостостроение, терминообразование, заимствование.

O. I. Rukavishnikova, V. S. Rukavishnikov

Peculiarities of terminology translation from Chinese into Russian language in texts of innovative projects

The article examines the features of translation of special terminology in the texts of innovative projects in the field of bridge construction. In particular, material from the construction of a bridge across the Amur river (Blagoveshchensk — Heihe bridge) was used. The analysis of translation problems in the transfer of such terminology, taking into account term formation and such parameters as ambiguity and lack of correspondence in the target language, is presented. It is proposed to solve the above problems with the help of context, consultation of competent specialists in this field, taking into account the specifics of the Chinese interpretation of terms. To understand the neologism terms, it is necessary to rely on the main methods of terminology formation in the Chinese language.

Keywords: innovative project, terminology, translation, bridge construction, term formation, borrowing.

Китай является крупнейшим и важнейшим торговым партнером для многих стран мира. Быстрый рост инвестиций и инновационных проектов позволили ему из страны с низким экономическим уровнем превратиться в центр инновационных проектов. В настоящее время российско-китайские инновационные проекты переживают бурный подъем.

Данная отрасль развивается, вместе с ней развивается и язык, в нем появляются новые понятия и термины. Инженерная терминология, используемая в текстах инновационных проектов, отсутствие специализированных словарей в значительной степени осложняют адекватный перевод такой терминологии в рамках международного сотрудничества [Ким, Кривошеева, 2019, с. 42].

В нашей работе под инновацией подразумевается результат творческой деятельности, который направлен на разработку, создание и распространение новых форм организации производства, труда и обслуживания [Борисов, 1999, с. 261].

По определению С. П. Коноплева, инновационный проект — это система программ по достижению взаимоувязанных целей, которые представляют собой огромный комплекс научно-исследовательских, производственных, финансовых, коммерческих и других мероприятий [Коноплев, 2008, с. 17]. Они организованы и оформлены соответствующим образом и соответствующим комплектом проектной документации.

В основном тексты документации инновационных проектов реализуются в письменной форме. Но, как и тексты научно-технического и официально-делового стилей речи, они могут реализовываться и в устной форме, например на различных съездах, на конференциях, на деловых переговорах, на дипломатических переговорах. Тексты инновационных проектов оформляют разные акты государственной, политической, экономической, общественной жизни, межгосударственных и межорганизационных деловых отношений, а также они используются при оформлении актов в официальной сфере деятельности между членами общества.

Для стиля данных текстов, как и для научно-технического стиля речи, характерна четкость и логичность изложения содержания [Васильева, 2020, с. 321], и так же, как и для официально-делового стиля речи, — точность и детальность изложения идеи, которая не допускает никаких различий в толковании. Одной из лексических особенностей текстов является специальная терминология.

Для проведения анализа особенностей перевода терминологии с китайского на русский язык в текстах инновационных проектов

была выбрана инновационная деятельность между Китаем и Россией в сфере мостостроения.

Данная сфера чрезвычайно актуальна для нашей страны, так как за последние годы одним из главных способов развития экономики России и Китая является внешняя торговля. В двух странах проводится множество диалогов по представлению, обсуждению и заключению инновационных проектов по трансграничной торговле. Для развития трансграничной торговли, для обеспечения хороших торгово-экономических отношений между Россией и Китаем, необходимо решить проблему с реализацией совместных инновационных проектов между двумя странами по строению торговых коридоров, таких как автомобильные или железнодорожные мосты, по которым будут поставляться товары.

В 2015 г. был подписан меморандум по поводу строительства в Республике Саха (Якутия) моста через реку Лена. В 2016 г. на восточном экономическом форуме во Владивостоке был подписан меморандум о строительстве через реку Амур в Благовещенске первого железнодорожного моста, который будет соединять Дальний Восток России и северную провинцию Китая. Два моста будут связующими элементами между Якутией, Дальним Востоком России и северо-восточной провинцией Китая, и позволят ускорить торгово-экономические развития между ними.

Торможение работ по строительству моста через Амур в Благовещенске, начатых в 2016 г., и отсрочка строительства моста через реку Лена связаны с разными причинами, в том числе с быстрым развитием инновационной деятельности, рядом особенностей текстов инновационных проектов, спецификой терминологии по мостостроению, недостаточной степенью изученности текстов по мостостроению на китайском языке.

Материал для анализа был взят с сайта «Женьминь» [*rénmín wǎng*], китайской версии электронной общественно-политической газеты «Женьминь жибао» «人民日报» [*rénmín rìbào*], и с сайта «百度知道桥梁建设» [*Bǎidù zhīdào qiáoliáng jiànshè*]. Тексты были отображены с использованием несплошной выборки по основным критериям: инновационная деятельность, мостостроение, актуальность. Объем представленных документов варьируется от 600 символов и выше.

В связи с полифункциональностью лексических единиц, в сфере переводческой деятельности для обеспечения инвариантности перевода текстов инновационных проектов по мостостроению необходимо использовать все средства, которые смогут обеспечить эффективность, логичность и компактность изложения текста перевода.

Так как инновационные проекты — это создание и распространение новых форм организации производства, труда, обслуживания, в ходе чего, как правило, появляются новые названия, понятия и термины, которые, в свою очередь, могут вызвать определенные трудности при переводе, они требуют от переводчика специальных знаний в той отрасли, в которой собирается проводиться данный проект. Специальные знания нужны не только для того, чтобы понимать исходные тексты инновационных проектов, но и для того, чтобы правильно употреблять термины в речи.

При осуществлении перевода терминологии текстов инновационных текстов с китайского языка на русский может возникнуть ряд сложностей.

Далеко не все термины китайского языка имеют одно значение даже в пределах одной специальности. В китайском языке подобное явление часто встречается при использовании односложных терминов. В качестве примера можно взять такое часто используемое слово, как 节 [jié] ('колено (трубы), секция, звено, сегмент, коленце, отрезок, обрубок (дерева), узел, стык, сочленение, утолщение (столба), уплотнение' и т. д.).

В случае с многосложными терминами такое явление также наблюдается, но уже реже. Например, словосочетание 台活动轴承 [Tái huádòng zhóuchéng] можно перевести и как «скользящий подшипник», так и «подшипник скольжения», но эти два термина имеют совершенно разные значения [Кочергин, 2012, с. 12].

Следующая особенность при переводе терминологии текстов инновационных проектов по мостостроению с китайского на русский язык заключается в том, что в китайском языке отсутствуют признаки числа, они выражаются косвенно. Поэтому если переводчик недостаточно владеет информацией в сфере мостостроения, то он непременно может столкнуться с серьезными затруднениями при переводе, так как из контекста может быть не ясно, в каком числе переводить существительное. Например:

它利用已建成的桥墩沿桥跨径方向逐段地悬出接长对称施工，因此采用悬臂施工的必要条件是：施工中墩与梁固结，施工过程中桥墩需承受不对称弯矩。

[Tā lìyòng jǐ jiànchéng de qiáodūn yán qiáo kuà jìng fāngxìàng zhú duàn de xuán chū jiē zhǎng duìchèn shīgōng, yīncǐ cǎiyòng xuánbì shīgōng de bìyào tiáojiàn shì: Shīgōng zhōng dūn yǔ liáng gù jié, shīgōng guòchéng zhōng qiáodūn xū chéngshòu bù duìchèn wān jǔ.]

‘Он использует завершённые мостовые опоры для формирования симметричной конструкции вдоль пролёта моста, поэтому необходи-

мые условия для использования конструкции кантилевера заключаются в том, что при строительстве укрепляются причалы и балки, поэтому мостовые опоры должны выдержать асимметричный изгибающий момент’.

Термины 对称施工 [*duìchèn shīgōng*] ‘симметричная конструкция’ и 悬臂施工 [*xuánbì shīgōng*] ‘конструкция кантилевера’ («консольная конструкция») употреблены в единственном числе, в то время как 桥墩沿桥 [*qiáodūn yán qiáo*] ‘мостовые опоры’ — во множественном числе. В практике перевода подобных терминов встречается и такая проблема, когда невозможно найти в китайско-русском словаре значение ключевого термина. Переводчик, примерно представляя, о чем идет речь в тексте, обращается к русско-китайскому словарю в поисках логично подходящего для данного текста термина. В данной ситуации главной опасностью является то, что, поняв, о чем идет речь во фразе или предложении, переводчик может невольно пойти на поводу у своих умозаключений. Необходимо четко понимать, что китайские авторы привыкли описывать некоторые явления несколько иначе, чем это принято у русских авторов.

В качестве примера можно привести следующее предложение:

单点顶推装置又有两种方式，一种是用单点拉杆千斤顶顶推，考虑顶推力的大小，安装一台或多台水平千斤顶，通过拉杆连接梁的底板或者两侧，牵引拉动梁体在滑道上前移；另一种是直接顶推梁体，在预制台座的后面，设置一个反力座，安装一台或多台千斤顶，直接顶推梁体向前滑动。

[*Dān diǎn dǐng tuī zhuāngzhì yòu yǒu liǎng zhāng fāngshì, yī zhǒng shì yòng dān diǎn lāgǎn qiānjīndǐng dǐng tuī, kǎolǜ dǐng tuī lì de dàxiǎo, ānzhūāng yī tái huò duō tái shuǐpíng qiānjīndǐng, tōngguò lāgǎn liánjiē liáng de dǐbǎn huòzhě liǎng cè, qiānyǐn lādòng liáng tǐ zài huá dào shàng qián yí; lìng yī zhǒng shì zhíjiē dǐng tuī liáng tǐ, zài yùzhì tái zuò de hòumiàn, shèzhì yīgè fǎn lì zuò, ānzhūāng yī tái huò duō tái qiānjīndǐng, zhíjiē dǐng tuī liáng tǐ xiàng qián huádòng.*]

‘Для одноточечного толкателя существует два способа постройки моста. Первый — использование для надвигки подъемника одноточечного натяжного стержня. Учитывая размер верхней тяги, устанавливается один или несколько горизонтальных подъемников. Через нижнюю пластину натяжного стержня соединительной балки или обе стороны балки на накаточном пути подвижная перекладина вытягивается и перемещается вперед. Второй способ заключается в непосредственном толкании корпуса балки. В задней части предварительно подготовленного места устанавливается место силы реакции и один или несколько подъемников для непосредственного толкания балки вперед’.

В данных предложениях термины 单点顶推装置 [*dān diǎn dīng tuī zhuāngzhì*] и 连接梁 [*liánjiē liáng*] отсутствуют в китайско-русском словаре, поэтому при переводе переводчик может употребить из русского языка термины «одноточечный толкатель» и «соединительная балка», которые подходят в данных контекстах.

В связи с тем, что инновационная деятельность не стоит на месте, но с каждым годом стремительными темпами продолжает развиваться, в китайском языке создаются новые слова, которые состоят из уже известных иероглифов. Усвоение такой новой лексики создает определенные трудности для переводчика и требует от него понимания способа ее образования, что позволит ему быстрее понять значения новых слов [Кочергин, 2012, с. 13].

Помимо новых иероглифов, лексика текстов инновационных проектов также пополняется путем заимствований из другого языка (外来词 [wàilàicí]). Они также создают определенные трудности для переводчика. Для того чтобы минимизировать эти трудности, переводчику необходимо знать следующие способы происхождения китайской лексики, которая появилась в китайском языке в ходе иноязычных заимствований.

1. Термины, заимствованные полностью на языке оригинала

Таких заимствований крайне мало в китайском языке. К ним обозначения единиц измерения, которые записываются в технической документации, предназначенной для использования иностранными потребителями так, как это принято в международной системе единиц. Например:

20世纪80年代中期以前,我国的预应力钢材的性能比国际上落后较多;在80年代后期,国内开始生产1860MPa的低松弛预应力钢绞线,加上与其配套的大吨位预应力锚具和张拉设备的研制成功,C50与C60混凝土的应用,使得预应力连续梁桥结构轻型化,跨越能力得到很大提高。

[20 Shiji 80 niándài zhōngqí yǐqián, wǒguó de yù yǐnglì gāngcái dì xìngnéng bǐ guójì shàng luòhòu jiào duō; zài 80 niándài hòuqí, guónèi kāishì shēngchǎn 1860MPa de dī sōngchí yù yǐnglì gāng jiǎo xiàn, jiā shàng yǔqǐ pèitào de dà dùnwèi yù yǐnglì máo jù hé zhāng lā shèbèi de yánzhì chénggōng, C50 yǔ C60 hùnníngtǔ de yīngyòng, shǐdé yù yǐnglì liánxù liáng qiáo jiégòu qīngxíng huà, kuàiyuè nénglì dédào hěn dà tígāo.]

До середины 1980-х годов производительность предварительно напряженной стали в Китае была более отсталой, чем в других странах, а в конце 1980-х годов Китай начал выпускать предварительно напря-

женные стальные нити нижней релаксации мощностью 1,860 МПа. Благодаря успешной разработке натяжного оборудования и применению бетона C50 и C60 была усилена конструкция предварительно напряженного непрерывного балочного моста, а ее пролетная способность значительно улучшилась.

Скелетная сборка — это сборка, в которой скелетные элементы (столбы, балки) устанавливаются в первую очередь, а затем к ним присоединяются другие элементы. Скелетная сборка применяется в основном для зданий с большими пролетами и высокими требованиями к жесткости.

[Xuánbì pīnzhuāng shì jiāng yùzhì hǎo de jié duàn, yòng zhīchéng zài yǐ wánchéng de xuánbì liáng duàn shàng de zhuānyòng pīnzhuāng diào jī zhú duàn pīnzhuāng. Yīgè jié duàn zhāng lā máogù hòu, zài pīnzhuāng xià yīgè jié duàn. Xuánbì pīnzhuāng de fēn duàn, zhǔyào juéding yú xuán pīn diào jī de qǐ zhòng nénglì, yībān jié duàn shì 2-5m].

Консольная сборка представляет собой сборную секцию, собранную по частям со специальным монтажным краном, установленным на заполненном участке консольной балки. После того как одна секция натянута и закреплена, собирается следующая секция. Секция консольного узла в основном определяется грузоподъемностью консольного крана, а общая секция в основном составляет 2–5 м.

В приведенных примерах термины «МПа» — «МПа» (мегапаскаль), «м» — «м» (метр) являются общепринятыми в международной системе единиц.

2. Термины, передаваемые путем транскрибирования (转录 [zhuǎnlù])

К этому виду заимствований также относятся и гибридные заимствования, в которых одна часть — фонетическая калька, а другая — семантическое заимствование. Например, 阿穆尔河 [āmù'ěr hé] 'река Амур', 勒拿河 [lènáhé] 'река Лена'.

3. Термины с семантическими заимствованиями (语义借用 [yǔyì jièyòng])

Например, 速溶 [sùróng] 'быстрорастворимый' и 滑道 [huádào] 'накатный путь'. Первый термин состоит из двух компонентов: 速 [sù] 'быстро' и 溶 [róng] 'растворять'. Второй — из 滑 [huá] 'кататься' и 道 [dào] 'путь' [Щичко, 2004].

Проанализировав приведенные выше особенности, которые встречаются при переводе терминологии в текстах инновационных проектов в сфере мостостроения, мы представляем возможным сде-

лать следующие выводы. Во-первых, при переводе терминологии необходимо учитывать явление многозначности. В китайско-русских словарях зафиксированы общеупотребительные значения слова, поэтому не всегда удастся понять, какое значение содержит в себе термин. Устранение полисемии терминов является одной из нелегких проблем при переводе с китайского языка. Причины, порождающие многозначность и способы ее выражения в терминологии, различны. В их числе существование различных микротерминосистем, где одни и те же терминологические комплексы применяются для передачи разных понятий. С помощью научного определения и четкого описания нужно удостовериться, какие понятия выражают данные термины на самом деле. Как отмечают М. Е. Мосунова и О. О. Шаламова, характеристиками стратегии перевода научного текста и, соответственно, терминологии в нем, должны быть целенаправленность, проблемноориентированность, необходимость принятия скоординированных решений, осознанность и связь с манипулированием текстом [Мосунова, Шаламова, 2017, с. 260].

В связи с тем, что лексические единицы китайского языка не имеют признаков числа, необходимо владеть актуальной информацией в сфере мостостроения на родном языке либо привлекать компетентных специалистов из этой области. Проблему отсутствия перевода термина необходимо решать, опираясь на контекст, подобрав соответствие в русском языке. Требуется останавливать свой выбор на наиболее адекватных и точных соответствиях и осуществлять перевод заимствований в соответствии с общепринятой международной системой.

Источники материала

- 人民网 [Жэньминьван]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0430/c1002-31059209.html> (дата обращения: 10.02.2019).
- 百度知道桥梁建设 [Байду чжидào цзяолиán цзяньшэ]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/986806661015685099.html> (дата обращения 24.03.2019).

Литература

- Васильева В. Э. Особенности перевода английского научно-технического текста // Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. по востоковедению «Актуальные проблемы востоковедения» / редкол.: И. Н. Гущина (отв. ред.) [и др.]. Хабаровск. Изд-во ТОГУ, 2020. С. 321–326.
- Ким И. Р., Кривошеева Е. И. Адекватность передачи научно-технических текстов в сфере мостостроения с китайского на русский язык // Вопросы гуманитарных наук. 2019. № 2 (101). С. 42–45.

Мосунова М.Е., Шаламова О.О. Особенности стратегии перевода научно-технического текста (на материале перевода монографии Хидео Оцубо «Кризис как условие развитие бизнеса») // Материалы секционных заседаний 57-й Студен. науч.-практ. конф. ТОГУ, г. Хабаровск, 17–27 апреля 2017 г.: в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2017. С. 260–264.

Словари, учебная литература

Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 1999.

Коноплев С. П. Инновационный менеджмент: учеб. пособие. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2008.

Кочергин И. В. Основы научно-технического перевода с китайского на русский язык: учебник. М.: Восточная книга, 2012.

Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие. М.: Восток — Запад, 2004.

Особенности и методики перевода судебных документов (на материале русских и французских судебных решений)

Статья представляет собой изложение методов экстралингвистического поиска, применяемых при юридическом переводе, в частности при переводе судебных документов, в том числе анализируются возможности использования сравнимых корпусов текстов. В статье переводчикам, работающим с юридическими текстами, предлагается в процессе экстралингвистического поиска обращаться к нормативно-правовым актам страны языка оригинала и страны языка перевода, а также к судебным решениям, принятым судами этих стран, рассматривая аналогичные по юридическому эффекту тексты как сравнимые корпуса. Кроме того, обосновывается эффективность использования в некоторых случаях научных текстов (правовой доктрины), особенно работ по сравнительному праву, для выбора подходящего термина, если в языке перевода не существует аналогов. Рассматриваемые вопросы представляют интерес как для исследователей темы юридического перевода, так и для переводчиков-практиков, работающих в этой сфере.

Ключевые слова: юридический перевод, переводоведение, перевод судебных текстов, методы перевода, корпус текстов, специальный перевод.

A. E. Turchaninova

Features and methods of translation of court documents (based on Russian and French court decisions)

The article presents the methods of extralinguistic documentary research used in legal translation, in particular in the translation of court documents. It includes the analysis of using of the comparable corpora. The analysis of comparable corpora of court documents revealed common and different features of the macrostructure of texts of French and Russian court decisions. These questions can be interesting for researchers of legal translation and for practical translators working in this field.

Keywords: legal translation, translation studies, translation of court decisions, translation methods, corpus of texts, special translation.

Любой профессиональный язык характеризуется специальной терминологией, а также обладает рядом дискурсивных особенностей. Для успешного перевода специального текста переводчику необходи-

мо не только владеть двумя языками и общими знаниями о принципах перевода, но и иметь представление о специфике отрасли, в которой он осуществляет перевод. Все сказанное в полной мере относится к юридическому переводу. Более того, в некотором смысле он представляет особую сложность из-за разницы правовых систем разных стран.

Как указывает К. Боке, терминология, фразеология и сам юридический дискурс в каждом языке принадлежат к конкретной правовой культуре и, соответственно, к конкретному юридическому языку, который всегда отмечен особой логикой, свойственной именно этой правовой культуре [Wocquet, 2008, p. 10]. Хотя и термины, и обозначаемые ими понятия (концепции, институты) в праве разных стран могут быть похожими, они, однако, никогда не являются идентичными. Естественным следствием этого является отсутствие у юридических терминов формальных переводческих эквивалентов. Эту особенность легко проиллюстрировать на примере слов, которые могут быть отнесены к общей лексике (хотя по своей сути являются юридическими терминами), а именно на названиях административно-территориальных единиц: *canton*, *commune* во французском языке, *область*, *край*, *район* в русском языке. Ни один из этих терминов не может использоваться для обозначения подобного понятия, как только оно принадлежит другой культуре. Большинство юридических понятий имеют именно такую природу. Из вышесказанного следует, что юридический переводчик должен передать содержание текста на другом языке, передав свойственные языку оригинала понятия на языке перевода, в котором для идентичных понятий терминов нет. Таким образом, в задачу переводчика входит необходимость постоянно сопоставлять содержание понятий с целью оценить возможность отождествления их и использования терминов одного языка для описания реалий другого.

Процесс перевода юридических текстов характеризуется большим объемом экстралингвистических исследований, то есть работы с источниками на обоих языках. К. Боке называет три этапа в работе переводчика:

1. «Расшифровка»: его цель — понять значение, смысл понятия с использованием профессиональных словарей и текстов на языке оригинала.
2. «Сравнение»: переводчику необходимо сравнить понятия различных правовых культур и найти в правовой системе страны, на язык которой делается перевод, концепцию, схожую с выявленным на первом этапе правовым явлением.

3. «Зашифровка»: понятие излагается на языке перевода [Vosquet, 2008, p. 10].

Схожей является методика «треугольника», предлагаемая А.Джиофре и М.Росси. Эта методика предполагает, что переводчику следует отойти от «прямого пути» из точки А (оригинальный текст и его «дешифровка») в точку В (текст перевода и его «зашифровка») и провести сначала экстралингвистическое исследование: из точки А прийти в точку С («сравнение») и только потом попасть в точку В («зашифровка» и итоговый текст). На схеме это выглядит как треугольник: прямой путь от оригинала к переводу становится основанием треугольника, путь из А в С и из С в В образует его стороны, — поэтому авторы именно так называют свой метод [Giaufret, Rossi, 2013, p. 55–73].

Как отмечает К. Пеллерен-Рульяно, юридическому переводчику необходимо «стать юристом-исследователем, окруженным книгами и пособиями, чтобы изучить их и понять концепции, с которыми он работает» [Pellerin-Rugliano, 2013, p. 265]. Большинство исследователей отмечают, что второй этап, не подразумевающий переводческой деятельности в строгом смысле слова, является крайне важным в деятельности юридического переводчика, и без изучения информации о правовой системе двух соответствующих стран вряд ли осуществим перевод, учитывающий требования эквивалентности и адекватности.

В рамках интерпретативной теории перевода Д.Селескович и М.Ледерер предлагается разделять два процесса: «транскодирование» (когда задача переводчика заключается лишь в нахождении соответствий между элементами двух языков) и «интерпретативный перевод», при котором происходит полная переработка содержания текста [Seleskovitch, Lederer, 1984]. Д.Селескович сравнивает такой интерпретативный перевод с «булочкой с изюмом», в которой «при создании теста все его ингредиенты, за некоторым исключением, полностью трансформируются» [Seleskovitch, Lederer, 1984, p. 107]. Изучение этих типичных «ингредиентов» текста является интересной для переводоведения задачей. Хотя большинство элементов юридического текста не имеют точных эквивалентов, они могут быть трансформированы и адаптированы под требования языка перевода. Поскольку для множества терминов и выражений из юридической сферы трудно подобрать соответствующие термины, которые бы использовались в другом языке, трансформация позволяет достигнуть сразу двух целей: передать информацию и представить

ее в соответствии с правилами и узусом языка перевода, предложив читателю «эквивалентный в данном контексте парафраз».

Кроме того, переводчик должен учитывать прагматическую цель перевода и помнить, что текст оригинала и текст перевода должны выполнять одну и ту же функцию: «если оригинал порождает юридический эффект, хороший перевод должен также производить этот эффект» [Harvey, 2013, p. 38]. Юридический перевод и в особенности перевод судебных текстов часто представляет собой процессуальную гарантию для участника судебного процесса, для которого язык судопроизводства не является родным и (или) который не владеет данным языком. Это значение перевода как правовой гарантии относится не только к устному переводу судебных заседаний. В ситуации, когда в судебном процессе участвует не владеющее языком судопроизводства лицо, все процессуальные акты суда, относящиеся к правам и интересам данного лица, должны быть переведены. Для этого лица перевод имеет значение аутентичного судебного акта. Следовательно, этот текст должен быть составлен как оригинальный судебный документ. Таким образом, метод, подход, который будет использовать переводчик, зависит от цели, с которой делается перевод.

М. Харви предлагает для юридического перевода две возможные стратегии в зависимости от целей перевода и от того эффекта, который должен производить текст [Harvey, 2013, p. 40]. Исследователь полагает, что если переведенный текст должен производить юридический эффект, то следует отдать предпочтение «переводу-адаптации» (*traduction-adaptation*), при котором перевод учитывает особенности юридического языка, составления и оформления аналогичных текстов в языке перевода, а также используются термины и языковые конструкции, свойственные языку перевода и соответствующей правовой культуре. Если перевод носит исключительно информационный характер, М. Харви предлагает использовать подход «перевод-зеркало» (*traduction-miroir*), при котором перевод остается максимально близок к тексту оригинала.

Какой из указанных подходов больше подходит для перевода судебных актов? Как отмечают В. Г. Гак и Б. Б. Григорьев, в задачу переводчика входит «не только точное изложение содержания мыслей, изложенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения» [Гак, Григорьев, 2013, p. 65].

Согласно Э. Даметт, переводчик, который осуществляет перевод для профессионалов в соответствующей сфере, должен учи-

тивать, что «юрист читает юридический текст (переведенный или нет) с точки зрения аргументации» [Damette, 2013, p. 82]. Речь идет о текстах высокого профессионального уровня, адресатами которых почти всегда являются специалисты в сфере юриспруденции. Для осуществления перевода, который будет отвечать ожиданиям потенциальных читателей-юристов, представляется более обоснованным применять подход «перевода-адаптации» с использованием смысловых и ситуационных эквивалентов.

Любой юрист, работающий с переводными юридическими документами, предпочтет, чтобы такой документ был составлен с учетом тех особенностей, которые свойственны аналогичным актам в языке перевода. В противном случае понимание текста может оказаться затруднительным, даже если информация сама по себе передана верно. А. Флюкигер отмечает, что «перевод должен прежде всего соблюдать специфический нормативный стиль, который создает впечатление не перевода, но текста, адаптированного под специфические черты, свойственные языку перевода» [Flückiger, 2005, p. 339–361]. Исследуя общественно-политические тексты, В.Г. Гак и Б.Б. Григорьев предлагают выделять подгруппу «документально-деловых материалов» — они относят к ним законодательные акты и иные юридические документы, поэтому мы полагаем возможным отнести к этой категории и судебные решения. Для работы с этими документами «переводчик должен быть знаком с тем, как оформляются аналогичные документы на языке перевода» [Гак, Григорьев, 2013, с. 66]. Исходя из сказанного, мы должны согласиться с высказыванием К. Пеллерен-Рульяно, которая пишет, что умение дистанцироваться от исходного текста в процессе перевода является одним из наиболее важных умений, которым должен овладеть юридический переводчик [Pellerin-Rugliano, 2013, с. 270].

Таким образом, для осуществления перевода судебных актов наиболее эффективным представляется подход, который М. Харви описывает как «перевод-адаптация». Задачей переводчика в таком случае является изложение текста оригинала с учетом особенностей, характерных для судебных актов, составленных на языке оригинала. В связи с этим переводчик должен понимать, в чем заключаются эти особенности в обоих языках и как именно их можно трансформировать для достижения желаемого результата. Вместе с тем важно помнить, что в процессе юридического перевода этап экстралингвистического исследования имеет огромное значение. Ниже мы сформулируем методы экстралингвистического поиска и покажем, как возможно их использовать, на примере перевода гражданских

судебных решений России и Франции. Тем не менее эти методы представляются достаточно универсальными и могут использоваться при переводе судебных решений другого типа (уголовные, административные) и, как мы предполагаем, при переводе с русского на языки других стран континентальной Европы и наоборот.

Обращение к двуязычным словарям в рамках юридического перевода чаще всего неэффективно и может привести к употреблению терминов из иных правовых сфер (например, перевод термина *приговор* как *judgement*, когда речь идет о гражданско-правовом споре). Возможно, безусловно, использование монолингвальных словарей, но словарное значение может не соответствовать легальной дефиниции понятия в интересующей переводчика стране: оно может быть взято из юридической доктрины, а эти значения не всегда совпадают. В законодательных и судебных актах термины, как правило, используются в узких, определенных законом значениях, и из толковых словарей эти специфические для данных жанров ограничения узуса не очевидны. Тем не менее монолингвальные словари могут быть полезны, чтобы дать переводчику общее представление о неизвестном ему понятии.

Одним из эффективных методов экстралингвистического исследования, который снимает возникающие при обращении к словарям проблемы, является использование законодательных актов, регулирующих одни и те же сферы в разных странах, в качестве сравнимых корпусов. Этот метод возможен благодаря определенному сходству правовых систем России и Франции, в которых законодательство является основным источником права. В связи с этим нормы основных отраслей права и в России, и во Франции кодифицированы, и у переводчика есть возможность найти кодексы, регулирующие одну и ту же отрасль права в обеих странах. Для гражданских судебных решений, в частности, мы можем таким образом использовать Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и *Code de procédure civile français*, когда речь идет о судебной процедуре, и Гражданский кодекс Российской Федерации и *Code civil*, когда речь идет непосредственно о правоотношениях сторон. Эти законодательные акты регулируют одну и ту же правовую сферу — гражданское судопроизводство и гражданские отношения соответственно, описывают схожие по своей природе правовые явления, и потому многие понятия и категории в них схожи, даже если само регулирование различается. Являясь основным источником права, закон не только устанавливает нормы и правила, но и закрепляет понятия. Ориентация переводчика на текст зако-

на способствует использованию максимально аутентичной лексики в строго определенном законодателем значении, а также облегчит и ускорит поиск необходимой терминологии.

Так, например, Code de procédure civile в статье 394 закрепляет понятие *désistement (de la demande)*, которое соответствует используемому в русском языке понятию *отказ (от иска)*. В то же время в российском гражданском праве также используется понятие *отказ (от права)*, которое во французском языке может быть передано термином *renonciation (à un droit)*, который используется в тексте Code civil в статьях 311-9, 807 и некоторых других. В этой ситуации, при переводе на французский язык, именно использование соответствующего кодекса в зависимости от того, идет ли речь о гражданских правоотношениях или судопроизводстве, позволяет выбрать подходящий термин для перевода слова *отказ*.

Такие аналогичные по сфере регулирования кодексы могут рассматриваться как сравнимые корпуса текстов. Использование сравнимых корпусов представляется в целом эффективным методом экстралингвистического поиска.

Вторым типом сравнимых корпусов являются сами тексты судебных решений. Естественно, рассматриваемые акты вынесены в рамках разных дел, но тем не менее эти тексты имеют много общего. Кроме того, как отмечает К. Дешамп, «сравнимые корпуса дают доступ к более аутентичному языку» [Deschamps, 2013, p. 96].

Важно, однако, чтобы сравниваемые нами тексты относились к одному типу дискурса. Сравнимые судебные решения должны быть приняты в рамках схожей судебной процедуры: приговоры по уголовным делам можно сравнивать друг с другом, но нельзя сравнить приговор по уголовному делу с решением по гражданскому делу или с административным судебным постановлением. Как отдельный вид в России рассматривается конституционное судопроизводство; постановления Конституционного суда РФ можно сравнивать с решениями французского Конституционного совета (Conseil constitutionnel), но ни в коем случае не с решениями других судебных органов. В гражданском судопроизводстве постановления по разным по существу делам вполне можно сравнивать друг с другом, так как они приняты в рамках одной и той же процедуры.

Также для сравнимости текстов важна судебная инстанция, которой указанный акт принят. Во французской судебной системе три инстанции: первая, апелляционная и кассационная. В российской их четыре: аналогично первая, апелляционная и кассационная, а также надзорная. К последней, впрочем, прибегают редко, но по форме

надзорные постановления можно сравнить с решениями кассационной инстанции, так как и та, и другая инстанция рассматривают вопросы права, а не факта. Однако постановление апелляционной инстанции нельзя сравнивать с постановлением первой или кассационной инстанции. С учетом этих ограничений переводчик может подобрать подходящий для сравнения судебный акт на языке перевода. Для эффективного использования сравнимых корпусов важно выделять в тексте типичные формулировки, выражения и конструкции, свойственные всем аналогичным решениям. Судебные акты в целом очень типичны, они сохраняют устойчивую структуру, и понимание этой структуры облегчает задачу переводчика: у него появляется возможность не подбирать термины и формулировки, а заимствовать подходящие из аутентичного текста. Благодаря этому удастся обеспечить соответствие текста перевода канонам юридического дискурса, существующим в культуре языка перевода. Для примера: гражданские судебные решения России и Франции имеют очень схожую структуру и содержат множество самобытных на первый взгляд конструкций, которые на самом деле могут использоваться как аналогичные.

Однако в каждой правовой системе есть понятия и институты, которые не имеют никаких аналогов в других системах. В последнем случае использование сравнимых корпусов не представляется возможным и эффективным для поиска переводческих эквивалентов, поскольку в любом случае описываемые реалии по определению не являются идентичными, и зачастую даже близкие аналоги не могут быть найдены. В этом случае переводческий анализ может опираться на сравнительное правоведение (правовая компаративистика). Если правовой институт или понятие, с которым переводчик сталкивается в тексте, описано исследователями-правоведами на языке перевода, возможно использовать доктринальные тексты для поиска подходящего термина, который специалист — носитель языка перевода выбрал для описания иностранной реалии как наиболее подходящий. Этот подход кажется нам вполне применимым независимо от того, является ли язык перевода родным для переводчика или нет, так как очевидно, что юрист, специально занимавшийся изучением конкретного института иностранного права, более точно подберет или даже создаст термин на своем родном языке, чем даже переводчик, для которого язык также является родным. В то же время, если некий институт исследуется иностранными правоведами достаточно активно, может существовать термин, даже не вполне точный с точки зрения переводчика, который уже вошел в употребление в профессиональной среде.

Рассмотрим, к примеру, российское понятие *надзор* (*судопроизводство в порядке надзора*), которое не имеет аналога во французском языке, так как во Франции не существует судебной инстанции аналогичного уровня. Чтобы предложить наиболее точный и удачный перевод, представляется предпочтительным обратиться к доктринальным материалам на французском языке и постараться найти, исследовался ли данный правовой институт французскими компаративистами. В результате такого поиска мы обнаружили статью А. Ковлера, в которой разбирается указанное понятие [Kovler, 2009]. Автор использует сразу два термина: транслитерацию *nadzor* и более описательный перевод *instance de supervision*. Транслитерация не дает читателю какой-либо информации, и потому чаще всего ее следует избегать при переводе или, по крайней мере, использовать наравне с термином языка перевода, близким по смыслу. Перевод *supervision*, в свою очередь, дает читателю представление как минимум о том, что речь идет об инстанции, где решения пересматриваются, и при этом был выбран как наиболее подходящий специалистом, знакомым с российской правовой системой. В то же время, если оформление текста позволяет, использование обоих вариантов вместе, как это было сделано А. Ковлером, также представляется удачным решением.

Таким образом, даже несмотря на то что множество терминов разных правовых систем обозначают схожие понятия, это сходство ни в коей мере не означает их идентичность, и необходимо анализировать каждый конкретный случай. Как отмечают А. Бельтран и П. Сивера, «для перевода юридического документа необходимо глубоко понимать смысл текста, составленного на соответствующем языке в рамках соответствующей правовой системы, и передать его средствами иностранного языка таким образом, чтобы он был ясен читателю, мыслящему категориями другого правопорядка» [Beltran, Civera, 2013, p. 320].

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели методы экстралингвистического поиска при осуществлении юридического перевода на примере перевода судебных решений. Мы предлагаем активно использовать сравнимые корпуса двух типов: законодательные акты, регулирующие одну и ту же отрасль права, и судебные решения, принятые в одной инстанции в рамках одного судопроизводства. Дополнительным, но немаловажным источником материала для переводчика мы считаем работы профессиональных юристов, занимающихся правовой компаративистикой, которая, имея своей основной целью сравнение различных правовых систем, представляется нам серьезным подспорьем в работе юридического переводчика.

Литература

- Beltran A., Civera P.* Le contrat de bail // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques / Publications du Centre d'Études Linguistiques, sous la direction de M. Meunier, M. Charret-Del Bove et E. Damette. Lyon, Université Lyon-3, 2013. P. 281–323.
- Bocquet C.* La traduction juridique; fondement et méthode. Collection Traducto. Bruxelles: De Boeck Supérieur, 2008.
- Damette É.* L'apport du français juridique. // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques / Publications du Centre d'Études Linguistiques, sous la direction de M. Meunier, M. Charret-Del Bove et E. Damette. Lyon, Université Lyon-3, 2013. P. 73–89.
- Deschamps C.* Problématiques d'enseignement français juridique. // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques / Publications du Centre d'Études Linguistiques, sous la direction de M. Meunier, M. Charret-Del Bove et E. Damette. Lyon, Université Lyon-3, 2013. P. 89–107.
- Flückiger A.* Le multilinguisme de l'Union européenne : un défi pour la qualité de la législation // Jurilinguistique : entre langues et droits ; Eds J.-C. Gémard, N. Kasirer. Bruxelles, 2005. P. 340–360.
- Giaufret A., Rossi M.* Masterf@rum : le Master en Traduction juridique. Quelques réflexions pédagogiques sur l'enseignement de la traduction juridique et de la terminologie. // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques / Publications du Centre d'Études Linguistiques, sous la direction de M. Meunier, M. Charret-Del Bove et E. Damette. Lyon, Université Lyon-3, 2013. P. 55–73.
- Harvey M.* Un cours de traduction juridique. // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques / Publications du Centre d'Études Linguistiques, sous la direction de M. Meunier, M. Charret-Del Bove et E. Damette. Lyon, Université Lyon-3, 2013. P. 31–43.
- Kovler A.* L'instance de supervision (Nadzor) dans la procédure civile en Russie. Regards de Strasbourg // Revue internationale de droit comparé. 2009. Vol. 61, no. 3. P. 537–550.
- Pellerin-Rugliano C.* Traducteur juriste ou juriste traducteur? // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques / Publications du Centre d'Études Linguistiques, sous la direction de M. Meunier, M. Charret-Del Bove et E. Damette. Lyon, Université Lyon-3, 2013. P. 257–281.
- Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. Paris: Didier Érudition, 1984.

Учебная литература

- Гак В.Г., Григорьев Б.Б.* Теория и практика перевода: Французский язык: учеб. пособие. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

Сравнительный перевод некоторых кубанских и адыгейских паремий

В данном исследовании освещена тема перевода некоторых паремий лингвогеографически соседствующих территорий Кубани и Адыгеи. Цель статьи — анализ паремий для определения схожих и разнородных характеристик. Переводческая база может стать основой для дальнейшего лингвокультурологического анализа, таким образом, данное исследование является потенциально важным в будущей разработке темы. Методами научной работы послужили компаративистский, сплошной выборки, контекстуальный, контрастивный, лингвокультурологический. Результатом исследования является вывод о том, что, пересекаясь и трансформируясь географически, паремии сохраняют свой костяк по содержанию, и, несмотря на разные языковые системы, перевод в данном случае играет подкрепляющую роль в процессе лингвокультурологического исследования.

Ключевые слова: паремия, душа, менталитет, перевод, лингвокультурология, эквивалент.

E. G. Hitarova, T. A. Hitarova

The comparative translation of some Kuban and Adygea paremia

This article deals with some aspects of translation of paremias of linguistic and geographically neighboring territories of Kuban and Adygea. The aim of the article is the analysis of common and different paremias features. The translation base can be the ground for future study in cultural linguistics that is why this research is potentially important in theme development. Comparative, contrastive and context analyses, continuous selection and methods in the sphere of cultural studies are used in this research. The conclusion is that while crossing and transforming geographically paremias preserve its plot, notwithstanding different languages, translation in this case plays the supporting role in cultural linguistic analysis.

Keywords: paremia, soul, mentality, translation, cultural linguistics, equivalent.

Цель данного исследования — сопоставление кубанских и адыгейских паремий, поиск точек лингвокультурологического соприкосновения и расхождения, вариативность перевода. В процессе исследования были систематизированы и дифференцированы более 120 пословиц на русском и адыгейском языках, в статье приведены наиболее яркие примеры в рамках заявленной темы.

В. И. Даль характеризует пословицу как краткое изречение, поучение, часто существующее в виде притчи, иносказания или житейского приговора, и представляющее собой богатство языка и народной речи. «Пословица — ходячий ум народа» [Даль, 2009, с. 6]. Ученый С. П. Шевырев считает, что пословицы народа представляют собой богатые выводы разума из опытов жизни [Шевырев, 1884, с. 71]. К. Г. Берсеньева указывает, что пословица — мудрое и образное изречение, в котором правдиво отражен огромный опыт, взгляд на природу, труд и общество народа, а также запечатлены его обычаи, нравы, чаяния и надежды [Берсеньева, 2010, с. 7].

В своих работах, посвященных пословицам, Джон Рэй резюмировал: «Пословицы в большинстве своем определяются по двум направлениям: поучительные, или обычные и выразительные, в которых, как правило, больше структурированности, чем содержания, они известны своей необычностью и изяществом и понятны просвещенным людям» [Ray, 1817, p. 5]. Активизирует научную мысль мнение американских ученых Майка Фридмана и его соавторов: «Пословицы на диалекте считаются более наполненными мудростью, чем пословицы не на диалекте; если пословицу с использованием диалектных лексем преобразовать в стилистически не окрашенную, то она теряет часть своего назидательного характера» [Friedman et al., 2006, p. 353].

Толковый словарь современного английского языка «Longman Dictionary of Contemporary English» предоставляет такое определение слова *proverb*: 'a short well-known statement that gives advice or expresses something that is generally true' (Longman dictionary). В словаре английского языка «Cambridge Dictionary» даны такие дефиниции: 'a short sentence, etc., usually known by many people, stating something commonly experienced or giving advice; a short statement, usually known by many people for a long time, that gives advice or expresses some common truth' [Cambridge dictionary].

В формате данного исследования целесообразно провести сравнительный анализ пословиц Кубани и Адыгеи [Ткаченко, 2008; Хуажев, Хут, 1999]. Лингвогеографическая близость соседствующих регионов, безусловно, влияет на формирование схожего паремиологи-

ческого фонда, на характеристику оценок, взглядов, происходящих событий, явлений.

Отдельный блок паремий следует посвятить образам животных. Эти лексические единицы символизируют неразрывную связь человека и природы, подчеркивают традиционный, во многих случаях деревенский, уклад жизни людей.

1. «Ласковый ягненок двух маток сосет». *Шъынэ Іацор мэлитІу яшъо*. Кубанский вариант — *Ласковый телок двух маток сосет*. На Кубани лексема *телок*, *теленек* выходит на первый план.
2. «В неначатом деле змея сидит». *Іоф мыублэм блэ хэс*. — ‘Если дело не начато, то оно представляется более трудным’. Русскоязычный вариант — *Глаза боятся, а руки делают*.
3. «Для дружного стада волк не страшен». *Іэхъогъу зэдэзыштэмкІэ тыгъужъыри цынагъоп*. — ‘Дружба важнее всего в соседских отношениях’. *Гуртом и батька легче бити*. — *Вместе и отца легче бить*. В данном случае адыгейский и кубанский варианты пословиц схожи. — *Гара с гарой ни сходяща, а чилавек с чилавеком сойдуца*. (Оригинальная орфография сохранена.)
4. «Где кошки нет — там мышь резвится». *Чэтыу зырымысым цыгъо щэджэгу*. *Кот из дома — мыши в пляс*. — ‘В отсутствие лидера наступает безвластие’.
5. «Когда в голове нет ума — ноги не отдыхают». *Шъхъэм акъыл имылъымэ, лъэр мэулэу*. *За дурной головой ногам покоя нет*. Народное сознание отражает важность организованности, а отсутствие плана, цели может привести к бессмысленным, непродуктивным действиям, к негативному разрешению проблемы.
6. «Твой друг — твоё зеркало». *Уи нэбджэгъу уи гъундж*. *С кем поведешься — от того и наберешься*.
7. «Тот, кто обжегся молоком, дует на простоквашу». *Щэм ыстыгъэр цыум епцэ*. *Обжегшись на молоке — на воду дуют*. Народная мудрость советует и в мелочах быть осторожным.

Актуально подчеркнуть следующее мнение: «Выбор способов перевода поговорок сосредоточен на поиске полных эквивалентов, а также на описательном способе перевода; проблема верного перевода является и сегодня актуальной. Но она более обострена в том случае, если речь идет о диалектных вариантах разноречия

систем» [Хитарова, Хитарова, 2019, с. 147]. Проблема перевода паремий сложна в сфере поисков соответствующих эквивалентов.

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что, пересекаясь и трансформируясь географически, паремии сохраняют свой костяк по содержанию, несмотря на разные языки; перевод в данном случае играет подкрепляющую роль в лингвокультурологическом анализе. Языковая картина мира соприкасается в географических и лингвистических локациях, но расходится в языковых системах.

Литература

- Берсеньева К. Г.* Русские пословицы и поговорки / сост. К. Г. Берсеньева. М.: Центрполиграф, 2010.
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. СПб.: Дрофа, 2009.
- Ткаченко П. И.* Кубанские пословицы и поговорки. С. Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. Краснодар: Традиция, 2008.
- Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А.* Вариативность перевода кубанских диалектных паремий на английский язык // Язык. Общество. Культура. Сборник по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / отв. за вып. А. С. Усенко. Краснодар: Эпомен, 2019. С. 142–147.
- Хуажев М. К., Хут Ш. Х.* Адыгские пословицы и поговорки. Майкоп: Адыгейское отд-ние Краснодар. книж. изд-ва, 1999.
- Шевырев С. П.* Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С. П. Шевыревым / [предисл. Я. К. Грота]. СПб: Тип. Имп. акад. наук, 1884. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=46941614> (дата обращения: 19.01.2020).
- Friedman M., Chen H. C., Vaid J.* Proverb preferences across cultures: Dialecticality or poeticality? *Psychonomic Bulletin & Review*. 2006. Iss. 13 (2). P. 353–359.
- Ray J.* A Complete Collection of English Proverbs. London: W. Otridge, S. Bladon, 1817.

Словари

- Cambridge dictionary. URL: www.dictionaryCambridge.org (дата обращения: 19.01.2020).
- Longman dictionary. URL: www.global.Longmandictionary.com (дата обращения: 19.01.2020).

Анафора в русском художественном тексте и ее английские переводческие соответствия

В статье рассматриваются разнотипные английские соответствия русских полипронаминальных высказываний в переводческом и вариативном аспектах. Материалом послужили несколько английских переводов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Теоретической базой являются концепции Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, рассматривающие грамматическое явление синтаксических нулей в аспекте их референциальных свойств. Рассмотрение вопросов, касающихся категории референции в английском языке, базируется на принципах полевого подхода к грамматическим явлениям и функциональной методологии их изучения. Одним из важных вопросов является анализ вариантов местоименных переводческих соответствий с точки зрения взаимосвязи участников сигнификативной ситуации.

Ключевые слова: синтаксический нуль, нулевая анафора, местоименная анафора, персональность, переводческое соответствие.

V. A. Chistov

Anaphora in Russian literary texts and its English translational equivalents

The paper deals with the analysis of various English translational correspondences of Russian poly-pronominal utterances in the translational perspective and variation of expression means. The analysis involves several English translations of Leo Tolstoy novel "Anna Karenina". The theoretical basis of the analysis lies in the conceptions of E. Paducheva, T. Bulygina and A. Shmelev which analyze grammatical phenomena of the syntactic zero in relation with the category of reference. The analysis of the problems dealing with the category of Reference is based on the principles of Field approach to grammatical phenomena and functional methodology of research. One of the main problems is connected with the variation of English pronominal translational correspondences expressing the participants of the denoted situation.

Keywords: syntactic gap, zero anaphora, pronominal anaphora, personality, translational correspondence.

В статье рассматриваются английские переводческие соответствия русских высказываний с несколькими нулевыми и местоименными анафорами. В качестве материала исследования выбраны

семь переводов романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на английский язык. Идеи Е. В. Падучевой [Падучева 2010], Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев 1990; Булыгина, Шмелев 1991] о референциальных свойствах синтаксических нулей и местоименной анафоры послужили теоретической основой анализа. В частности, Е. В. Падучева указывает на то, что «местоимения составляют... самый чистый класс референтных выражений» [Падучева 2010, с. 10]. При этом она же отмечает роль нулевого заместителя (или нулевого знака), служащего показателем анафорического эллипсиса [Падучева 2010, с. 125]. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев рассматривают референциальные свойства подлежащего, выраженного нулевым элементом в русских неопределенно-личных и обобщенно-личных конструкциях, и приходят к справедливому выводу, что «эллипсис — это всего лишь использование нулевого анафорического местоимения», а русские «односоставные неопределенно-личные предложения заведомо нельзя считать эллиптическими» [Булыгина, Шмелев, 1991, с. 43]. Нас же интересуют случаи, в которых реально присутствуют нулевые местоимения, то есть имеют место неполные предложения с эллиптированными местоимениями, которые зачастую могут быть восстановлены.

Рассмотрение вопросов, касающихся категории референции в английском языке в переводоведческом аспекте, базируется на принципах полевого подхода к грамматическим явлениям и функциональной методологии их изучения. Одной из важных проблем выступает анализ вариантов ситуации референции с точки зрения соотношения нулевой анафоры или анафорического местоимения с участниками речевой и/или сигнификативной ситуации с одним или несколькими участниками. В классификации Л. С. Бархударова, как известно, выделяется четыре основных типа переводческих трансформаций (ПТ) — перестановки, замены, добавления и опущения, которые в настоящей работе применяются к русско-английским местоименным и иным соответствиям [Бархударов, 1975]. Помимо этих типов преобразований представляется целесообразным рассмотреть также случаи сохранения местоименных структур в английских переводах. ПТ, связанные с добавлениями личных местоимений, обусловлены главным образом структурными особенностями языка оригинала (русского) и языка перевода (английского). Известно, что русский язык во многих контекстах может достаточно легко обойтись без личных местоимений в позиции подлежащего простого предложения, тогда как английский язык, типологически относящийся к группе языков с признаком non-pronoun-drop, чаще всего не допу-

скает подобного эллипсиса. Необходимо отметить, что нередко трансформация добавления английского местоимения связана с заменой целостной структуры предложения оригинального текста. При этом добавление личных местоимений (ЛМ) может иметь место в субъектной, прямообъектной и косвеннообъектной позиции. Указываются факторы, обуславливающие сохранение ЛМ и нулевых анафорических местоимений (НАМ) в переводных конструкциях, а также особенности выражения персональности в конструкциях с несколькими английскими ЛМ. ПТ добавления местоимений чаще всего обусловлены структурной необходимостью присутствия прономинального подлежащего (и дополнения при переходных глаголах) в английских высказываниях, соответствующих русским безличным, неопределенно-личным и эллиптическим конструкциям.

Повествовательная речь в прототипическом смысле характеризуется наличием цепочек индикативных глагольных форм в прошедшем времени, продвигающих повествование, то есть выражающих ряд последовательных действий в прошедшем временном плане. Она также характеризуется присутствием именных групп третьего лица единственного или множественного числа. Высказывания, принадлежащие к разговорной (диалогической) речи, характеризуются присутствием местоимений первого и второго лица, а также могут представлять собой вопросы и повеления. Кроме того, особыми персональными структурами обладают ответные реплики, которые характеризуются повышенной эллиптичностью именных актантов.

Приведем основные референтные модели и проиллюстрируем их соответствующими примерами английских конструкций, в которых представлены случаи добавления ЛМ в функции подлежащего. Подчеркнем, что отнесение тех или иных примеров к различным переводческим типам обуславливается количеством переводов с использованием данной переводческой трансформации. Поясняя сказанное, укажем, что приводимые в этом разделе примеры характеризуются тем, что количество соответствующих английских переводных конструкций с добавленным местоименным подлежащим составляет большинство случаев (от четырех до семи) относительно других конструкций, которые характеризуются использованием других переводческих операций (в том числе замены и сохранения прономинальных структур исходных предложений оригинального текста).

Большую группу русских примеров этого типа объединяет модель простого предложения с эллиптированным подлежащим, ко-

торое легко восстанавливается из контекста, поскольку выражает коммуникативно доминирующее лицо (salient person). Единственно возможным английским переводческим соответствием являются высказывания с эксплицитно выраженным подлежащим, например (символ [Ø] обозначает эллиптированное местоимение):

- (1) Значит, [Ø] опять не спала всю ночь (Толстой, 1978, с. 10).
That means **she** has spent another sleepless night (Tolstoy, 1954, p. 20; 1978, p. 28).
That means that **she's** not slept again all night (Tolstoy, 1960, p. 9; 1961, p. 14; 1998, p. 10; 1999, p. 8).
That means again **she** didn't sleep all night (Tolstoy, 2006, p. 8).

Достаточно большая группа примеров представлена случаями восстановления ЛМ в позиции подлежащего при наличии сочинительной связи между двумя финитными глагольными формами, ср.:

- (2) Она только что пыталась сделать то, что пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня: отобрать детские и свои вещи, которые она увезет к матери, — и [Ø] опять не могла на это решиться (Толстой, 1978, с. 12).
She was only trying to do what she had been trying to do now for the tenth time during the past three days: to sort out her own and the children's things, which she was going to take to her mother's — and now again **she** could not make up her mind to it (Tolstoy, 1960, p. 10).
She was just attempting to do what she had attempted to do ten times already in these last three days — to sort out the children's things and her own, so as to take them to her mother's — and again **she** could not bring herself to do this (Tolstoy, 1998, p. 12; 1954, p. 22; 1999, p. 9; 1961, p. 15; 2006, p. 10; 1978, p. 30).

В нижеследующем примере дело осложняется тем, что однородные сказуемые («не мог» и «поднял») разделены придаточным предложением причины с самостоятельным (некорреферентным) подлежащим:

- (3) Степан Аркадьич не мог говорить, так как цирюльник занят был верхнюю губой, и [Ø] поднял один палец (Толстой, 1978, с. 7).
...Oblonsky could not speak... so **he** raised one finger (Tolstoy, 1954, p. 17; 1998, p. 5; 1999, p. 4; 1961, p. 9; 1978, p. 24);
...Oblonsky couldn't answer... and [Ø] raised one finger (Tolstoy, 1960, p. 5);
...Stepan Arkadyich, unable to speak... [Ø] raised one finger (Tolstoy, 2006, p. 5).

Антеcedент, единожды употребленный при цепочке финитных глаголов, в русских конструкциях может далее выражаться только посредством НАМ. Так, в примере (4) антеcedент при финитном глаголе *сказал* (выраженный именем собственным *Степан Аркадьич*), далее контролирует семь глагольных форм, две из которых являются деепричастными. Такое количество НАМ весьма редко встречается в английских полипредикативных конструкциях, вследствие чего разные переводы этого высказывания включают одно, два или три добавочных эксплицитных местоименных подлежащих *he* (КСП-1: ЛМ 3-го лица ед. числа — глаголы движения и конкретного действия), ср.:

- (4) ...сказал себе Степан Аркадьич и, [Ø] встав, [Ø] надел серый халат на голубой шелковой подкладке, [Ø] закинул кисти узлом и, [Ø] вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, [Ø] подошел к окну, [Ø] поднял стору и [Ø] громко позвонил. (Толстой, 1978, с. 2).

Наиболее близким с точки зрения сохранения аналогии выражения персональной структуры является перевод (Tolstoy, 1999), в котором сохранены все НАМ и не добавлено ни одного эксплицитного ЛМ:

...thought Oblonsky, and got up, put on his grey dressing-gown lined with blue silk, tied the cords and drawing a full breath of air into his broad chest went... toward the window... drew up the blind and rang loudly (Tolstoy, 1999, p. 3–4).

В трех переводах эксплицитное ЛМ добавляется по одному разу, причем его позиция обуславливается финитной или нефинитной репрезентацией соответствующего глагола, ср.:

...Oblonsky said to himself; and getting up **he** put on his grey dressing-gown with the pale-blue silk lining, knotted the girdle and drawing a deep breath into his powerful lungs walked to the window... raised the blind and rang loudly (Tolstoy, 1954, p. 16).

Stepan Arkadyich said to himself and, getting up, **he** put on his grey dressing gown with the light-blue silk lining, threw the tasseled cord into a knot, and, drawing a goodly amount of air into the broad box of his chest, went up to the window... raised the blind, and rang loudly (Tolstoy, 2006, p. 4).

...Oblonsky said to himself, and so saying **he** got up, put on his grey dressing gown with the blue silk lining, flipped the tassels into a knot, drew in a deep breath of air that filled the vast cavity of his chest, went to the window... lifted the curtain and gave the bell-cord a vigorous tug (Tolstoy, 1978, p. 23).

В двух переводах эксплицитные ЛМ добавлены по два раза:

...Oblonsky said to himself; **he** got up, put on his grey dressing gown with the blue silk lining, knotted the girdle, and taking a deep breath of air into his broad chest, went over to the window...; **he** raised the blind and rang loudly (Tolstoy, 1960, p. 4).

...Oblonsky said to himself, and getting up, **he** put on his gray dressing gown with the pale-blue silk lining, knotted the cord, and drawing a deep breath into his powerful lungs, **he** walked to the window... raised the blind, and rang loudly (Tolstoy, 1961, p. 8).

И лишь в одном переводе местоимение *he* добавлено три раза:

...Stepan Arkadyevitch said to himself, and getting up **he** put on a gray dressing-gown lined with blue silk, tied the tassels in a knot, and, drawing a deep breath of air into his broad, bare chest, **he** walked to the window... **He** pulled up the blind and rang the bell loudly (Tolstoy, 1998, p. 2).

Главной в функционально-семантическом поле местоименной референции представляется категория лица, семантика которой базируется на отношении пересечения или непересечения участников обозначаемой (выражаемой) ситуации и участников ситуации (акта) речи. При этом говорящее лицо («я») представляет собой центральную фигуру речевой ситуации (акта речи). Необходимым элементом речевой коммуникации является также слушающий («ты»/»вы»), который тесно связан с говорящим и в диалоге попеременно меняется с ним статусами. Ближайшую периферию поля персональности представляют местоимения 3-го лица, тогда как на дальней периферии находится значение форм неопределенности и безличности. Можно говорить о различных вариантах КС персональности с учетом сопряженности с КС субъектности, объектности, модальности, определенности/неопределенности, валентностных типов сопряженных предикатов, а также с анафорой, дейксисом и повествовательным или разговорным типом высказывания.

Можно полностью согласиться с А.В.Бондарко, что такой подход к исследуемому языковому материалу с точки зрения семантики персональности позволяет рассматривать не только субъектно-предикатные отношения, но и содержательную структуру высказывания в целом [Бондарко 2004]. При этом одни рассматриваемые значения в высказывании могут быть доминирующими (наиболее существенными и актуальными с точки зрения общей прагматосемантики высказывания), тогда как другие могут являться «фоновыми», сопутству-

ящими, являющимися необходимым условием реализации доминирующей категориальной ситуации. Так, например, в анализируемом А. В. Бондарко высказывании *Дай мне ложку!* доминирующей является императивная ситуация, которая сочетается с дополнительными элементами темпоральности, модальности, временной локализованности, аспектуальности, персональности, субъектности и объектности [Бондарко 2004, с. 46].

Учет нарративных и диалогических характеристик исследуемых высказываний представляется важным не только для анализа КС модальности и темпоральности, но и для исследования различных вариантов КС персональности. Таким образом, исследование КС персональности может быть и одним из элементов функционального анализа художественного текста и ряда его параллельных переводов.

Как известно, неконкретно-личная персональность представлена тремя разновидностями — безличностью, неопределенноличностью и обобщенноличностью. Русские безличные конструкции особенно часто выражают одно из модальных значений, в частности значения необходимости или невозможности, например:

- (5) [\emptyset = ему] **надо** жить потребностями дня, то есть забыться. Забыться сном уже **нельзя** (Толстой, 1978, с. 6).
 ...**you** must live according to the needs of the day, that is, forget **yourself**. **He** couldn't forget **himself** in sleep (Tolstoy, 1960, p. 4).
 ...live from day to day; in other words: forget. But as **he** could not find forgetfulness in sleep... (Tolstoy, 1954, p. 16).
 ...live in the needs of the day, that is, find forgetfulness. **He** could no longer find forgetfulness in sleep (Tolstoy, 1999, p. 3).
 ...**one** must live in the needs of the day — that is, forget **oneself**. To forget **himself** in sleep was impossible now (Tolstoy, 1998, p. 4).
 ...**one** must live for the needs of the day, in other words, become oblivious. To become oblivious in dreams was impossible now (Tolstoy, 2006, p. 4).
 ...carry on with your everyday affairs, that is to say, put it out of **your** mind. **He** couldn't put it out of **his** mind (Tolstoy, 1961, p. 8).
 ...forget these problems by losing **yourself** in the daily round. **You** cannot lose **yourself** in dreams (Tolstoy, 1978, p. 22).

Ср. также значение отрицания необходимости выполнения действия в (6):

- (6) И внутренний голос говорил **ему**, что [\emptyset = ему] ходить [\emptyset = к ней] не надобно (Толстой, 1978, с. 11).
 And an inner voice said **to him** that **there was no need to see her** (Tolstoy, 1960, p. 10).

And an inner voice told **him** that **it would be useless to go** (Tolstoy, 1954, p. 21; 1961, p. 15).

And inner voice told **him** **there was no point in going** (Tolstoy, 1978, p. 30).

And his inner voice told **him** that **he /Д/ should not /З/ go** (Tolstoy, 2006, p. 9; 1998, p. 11; 1999, p. 9).

Модальные смыслы могут выражаться и в высказываниях, выражающих рассуждение героев романа, например:

- (7) **Она** только что пыталась сделать то, что [**Ø**] пыталась сделать уже десятый раз в эти три дня: отобрать детские и свои вещи, которые **она** увезет к матери, — и [**Ø**] опять **не могла** на это решиться (Толстой, 1978, с. 12).

She was only trying to do what **she** had been trying to do now for the tenth time during the past three days: to sort out her own and the children's things, which **she** was going to take to her mother's — and now again **she** could not make up her mind to it (Tolstoy, 1960, p. 10).

She was just attempting to do what **she** had attempted to do ten times already in these last three days — to sort out the children's things and her own, so as to take them to her mother's — and again **she** could not bring herself to do this (Tolstoy, 1998, p. 12; 1954, p. 22; 1999, с. 9; 1961, p. 15; 2006, p. 10; 1978, p. 30).

В каждом конкретном высказывании присутствует своего рода комплекс разнотипных КС, характеризующийся, в свою очередь, комплексным применением переводческих трансформаций (ПТ): добавления (Д), сохранения (С), замены (З) или опущения (О) личных местоимений в английских переводах. Приведу пример, указав в нулевые анафорики и отметив вышеприведенными символами примененные различными переводчиками ПТ:

- (8) **она должна** предпринять что-нибудь, наказать [**Ø**], осрамить **его**, отомстить **ему** хоть малую частью той боли, которую **он ей** сделал (Толстой, 1978, с. 12).

...**she** had to do something to punish [**Ø**] and humiliate **him**, to revenge herself [**Ø**] /O/ if only for a small part of the pain **he** had inflicted **on her** (Tolstoy, 1960, p. 10; 1999, p. 9–10).

...**she** must take some measure, must punish **him** /Д/ and cause **him** /C/ shame, must get revenge [**Ø**] /O/ for even a small portion of the suffering **he** /C/ had caused **her** /C/ (Tolstoy, 1978, p. 30).

...**she** must take some step to punish **him** /Д/, put **him** /C/ to shame, avenge **on him** /C/ some little part at least of the suffering **he** /C/ had caused **her** /C/ (Tolstoy, 1998, p. 12).

...**she** had to do something to punish [**Ø**] and humiliate **him** /C/, to pay **him** /C/ back even a little for the pain **he** had caused **her** (Tolstoy, 1961, p. 15; 1954, p. 22; 2006, p. 10).

В тех случаях, когда исходная русская конструкция со значением возможности содержит эксплицитное личное местоимение в позиции подлежащего, это местоимение практически всегда сохраняется в переводных соответствиях, например:

- (9) Степан Аркадьич **мог** быть спокоен, когда ОН думал о жене, [Ø] **мог** надеяться, что все образуется, по выражению Матвея, и [Ø] **мог** спокойно читать газету и пить кофе (Толстой, 1978, с. 12).
Stepan Arkadyevitch could be calm when **he** thought of his wife, he could hope that she would 'come round'... and [Ø] could quietly go on reading his paper and drinking his coffee (Tolstoy, 1998, p. 13; 1960, p. 11).
Oblonsky could be calm when **he** thought of his wife; he even hoped that everything would come right...; and he could calmly read his newspaper and drink his coffee (Tolstoy, 1961, p. 16).
Oblonsky could think calmly of his wife, [Ø] could hope that 'things would shape themselves'... and [Ø] could calmly read his paper and drink his coffee (Tolstoy, 1999, p. 10; 1954, p. 23; 2006, p. 11).
Oblonsky could think of his wife with composure and hope that everything would 'shape up'...; **he** could calmly read his paper and drink his coffee (Tolstoy, 1978, p. 31).

Как показывают приведенные материалы, в переводных текстах при замене класса местоимений, например при замене личного местоимения на притяжательное или нулевое анафорическое, возможна замена репрезентационного статуса семантически аналогичной связанной глагольной формы (например, смены нефинитной формы на финитную или наоборот). Такие нетривиальные случаи ПТ должны изучаться и способствовать лучшей подготовке переводчиков.

Источники

- Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1978.
Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by J. Carmichael. New York: Bantam Books, 1960.
Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by C. Garnett // Project Gutenberg. 1998. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1399/1399-h/1399-h.htm> (дата обращения: 26.04.2021).
Tolstoy L. Anna Karenin / transl. by R. Edmonds. Penguin Classics, 1954.
Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by L. Maude, A. Maude. Wordsworth Classics, 1999.
Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by D. Magarshack. New York: Signet Classic, 1961.
Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. London: Penguin Books, 2006.
Tolstoy L. Anna Karenina / transl. by M. Wettlin. Moscow: Progress Publishers, 1978.

Литература

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
- Бондарко А. В.* Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 36–53.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 109–117.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 41–72.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

Словари

- Падучева Е. В.* Анафорическое отношение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 32.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.111.81

Л. К. Байрамова
Казанский федеральный университет

Английские лакунарные фразеологизмы о родине*

В статье анализируются английские лакунарные фразеологизмы о родине в аспекте тематической, этимологической, компонентной, индивидуально-авторской классификации. Дана тематическая классификация английских лакунарных английских фразеологизмов о родине (15 тем). Определен количественный состав лакунарных английских фразеологизмов каждой тематической группы; выделены авторские английские лакунарные фразеологизмы о родине; раскрыты источники и история происхождения исследуемых лакунарных английских фразеологизмов.

Ключевые слова: родина, английский язык, фразеологизм, штаты, военное дело, университет, жена, муж, дом.

L. K. Bairamova

English lacunary phraseological units about the Motherland

The article analyzes the English lacunary phraseologisms about homeland in the following concepts: thematical etymological, componental, and individual-author-based classification. The article contains a thematical classification of English lacunary phraseologisms about the homeland (14 topics). The quantitative content of the lacunary English phraseologisms was defined for each thematical group. The sources of English lacunary phraseologisms were also defined.

Keywords: homeland, English language, phraseological unit, states, business, university, wife, husband, alcohol.

Анализируя лакунарные единицы, некоторые исследователи не пришли к их однозначному определению, что, на наш взгляд, связано с тем, что они не разграничивают понятия *лакунарная единица* (условно: языка А) и ее *лакуна* (условно: языка Б) [Байрамова, 2006].

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00056/20.

Исследование лакунарных единиц значимо в силу того, что они раскрывают уникальность мышления народа, его языка, образов, кодов языковых единиц (например, «*God, Bless America*» — патриотическая песня «Боже, храни Америку» (Американа, с. 118)).

В целом можно выделить английские фразеологизмы о родине, являющиеся лакунарными по отношению к русской фразеологии и оригинально раскрывающие следующие темы: 1) штаты; 2) государство; 3) правительство; 4) родина; 5) язык; 6) юриспруденция; 7) делопроизводство; 8) военное дело; 9) выборы; 10) образование; 11) негостеприимство; 12) семейные узы; 13) налоги; 14) употребление алкоголя; 15) авторские фразеологизмы.

Лакунарные фразеологизмы характеризуются отсутствием у них фразеологических эквивалентов в сопоставляемом языке. Этот фактор является главным при разграничении лакунарных фразеологизмов и их фразеологических эквивалентов (например, фразеологизмов-аналогов) в сопоставляемом языке.

При семантическом сходстве/тождестве фразеологизмов разных языков исследователь имеет дело с фразеологизмами-аналогами (или с полными/частичными эквивалентами), а не с лакунарными фразеологизмами. Например, ср. английские фразеологизмы и их фразеологизмы-аналоги в русском языке:

East or West, home is best ('Восток или Запад, дома лучше'). — *гостях хорошо, а дома лучше.*

Milk and honey ('Молоко и мед' — изобилие). — *Молочные реки и кисельные берега.*

We never know the worth of water, till the well is dry ('Мы никогда не дорожим колодезной водой, пока колодец не высох'). — *Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.*

Как видно, английские фразеологизмы и их русские аналоги имеют одинаковую менторную идею и семантику, несмотря на некоторое различие в компонентном составе, поэтому они эквивалентны.

Лакунарные английские фразеологизмы о родине оригинальны, образны, включают как книжную, так и бытовую лексику. При этом бытовая лексика понимается «не только как совокупность слов, обозначающих явления и предметы действительности, которые составляли условия повседневной бытовой жизни людей, но и как совокупность слов, которые были распространены в живом разговорном языке» [Иванова, 1998, с. 182].

1. *Штаты* (11 фразеологизмов)

The Ancient (Old) Dominion (амер.) — ‘старый доминион’ (прозвище штата Виргиния) (Кунин, 1984, с. 222)¹.

The Bread and Butter State (амер.) — прозвище штата Миннесота (букв. ‘штат хлеба и масла’: в штате Миннесота развито хлебопашество) (с. 716).

The Creole / Pelican State (амер.) — прозвище штата Луизиана (часть населения этого штата составляют креолы — потомки французов и испанцев) (с. 716).

The dark and bloody ground (амер.) — ‘мрачный и залитый кровью штат’ (о штате Кентукки; название связано с частыми и кровопролитными войнами, которые велись на территории этого штата) (с. 336).

The land of steady habits (амер.) — ‘страна твердых привычек’ (прозвище Новой Англии и штата Коннектикут) (с. 435).

Mother of Presidents (амер.) — ‘родина президентов’ (прозвище штатов Виргиния и Огайо: семь из первых двенадцати американских президентов были выходцами из штата Виргиния, семь президентов США были уроженцами штата Огайо) (с. 515).

The mother of States (амер.) — ‘мать всех штатов’ (о Виргинии: Виргиния была первой заселена колонистами, позднее от нее отделились восемь штатов) (с. 515).

The New England of the West (амер.) — ‘Новая Англия Запада’ (прозвище штата Миннесота) (с. 244).

The Stars and Bars (амер. ист.) — о флаге семи южных штатов США (отколовшихся от Союза в 1860–1861 гг. и существовавших как отдельная конфедерация до 1865 г.: на флаге были изображены три полосы и семь звезд) (с. 715).

2. *Государство* (10 фразеологизмов)

The land of the Rose — об Англии (букв. ‘Страна Розы’: роза — национальная эмблема Англии) (с. 434).

The land of stars and stripes — ‘страна звезд и полос’ (о США: на государственном флаге США изображены звезды и полосы) (с. 435).

Merrie / Merry England — ‘веселая Англия’, ‘добрая старая Англия’ (с. 244).

The Mistress of the Seas (устар.) — ‘владычица морей’ (о Великобритании) (с. 510).

¹ Далее ссылки на это издание даются с указанием номеров страниц в круглых скобках.

The old Thirteen (амер., ист.) — о старом государственном флаге США (с изображением тринадцати звезд и тринадцати полос по первоначальному числу штатов) (с. 756).

Perfidious Albion — ‘коварный Альбион’ (прозвище Англии; *Альбион* — древнее название Великобритании; выражение является полукалькой, ср. фр. *la perfide Albion*; впервые встречается в стихотворении маркиза де Ксимена (1726–1817), в котором автор призывает атаковать «коварный Альбион» на море) (с. 37).

The playground of Europe — ‘спортивная площадка Европы’ (о Швейцарии) (с. 590).

Star-Spangled Banner (амер.) — 1) о государственном флаге США (букв. ‘усеянное звездами знамя’); 2) о государственном гимне США (Американа, 1996, с. 912).

Union Jack — о государственном флаге Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (название появилось в 1604 г. при Иакове I: после унии Англии с Шотландией в 1603 г. английский флаг был соединен с шотландским, а после унии с Ирландией в 1801 г. — с ирландским) (с. 414).

3. *Правительство* (7 фразеологизмов)

A White Paper — ‘Белая книга’ (об официальном издании английского правительства) (с. 562).

A Black Paper — ‘Черная книга’ (о документе, в котором критикуется политика или действия правительства; образовано по контрасту с *a White Paper*) (с. 562).

Brain(s) Trust (амер.) — ‘мозговой трест’ (о группе советников президента США (1933–1945) Ф.Д. Рузвельта (1882–1945); отсюда *brain truster* — ‘член мозгового треста’) (с. 779).

Favorite son (амер.) — 1) уст. ‘любимый сын’ (страны) (прозвище Дж. Вашингтона); 2) ‘любимец штата, популярный политический деятель, выдвигаемый в президенты’ (делегацией своего штата на предвыборном съезде партии) (с. 702).

John Hancock (амер.) — ‘собственноручная подпись’ (Дж. Хэнкок — американский государственный деятель, чья подпись стоит первой под Декларацией независимости) (с. 418).

The White House — ‘Белый Дом’ (о правительстве США) (с. 403).

4.1. *Родина* (4 фразеологизма)

Country of birth — ‘родина’ (букв. ‘страна, в которой родился’).

A man may love his house well without riding on the ridge — ‘Можно любить свой дом, но не обязательно повсюду его расхваливать’ (с. 482).

One's native soil — 'родная земля / родина' (с. 201).

Remittance man — 'человек, живущий на деньги, присылаемые с родины' (с. 485).

4.2. **Города** (4 фразеологизма)

The Big City (разг.) — о городе Лондоне.

The city of Angels (амер.) — о городе Лос-Анджелесе (букв. 'город ангелов') (с. 151).

The city of the Falls (амер.) — о городе Луисвилле (букв. 'город водопадов': Луисвилль расположен на реке Огайо, образующей около города ряд стремнин и водопадов) (с. 151).

The Crescent City (амер.) — о городе Новом Орлеане (букв. 'город-полумесяц': Новый Орлеан расположен на реке Миссисипи, излучина которой у города напоминает полумесяц) (с. 151).

5. **Язык** (11 фразеологизмов)

Baboo English (пренебр.) — 'неправильная английская речь индийцев' (особ. английская речь индийских чиновников, кичившихся своим английским и, хотя и второсортным, образованием) (с. 245).

Basic English — «бейсик инглиш», 'упрощенный английский язык, сведенный к 850 словам' (создан Ч. Огденом; слово *basic* образовано по начальным буквам слов: *British, American, scientific, international, commercial*) (с. 245).

Drop one's h's — 'не произносить звук *h* там, где следует' (одна из особенностей лондонского просторечия) (с. 341).

The King's/Queen's English — 'литературный английский язык, правильный английский язык' (с. 245).

Krool/Krou/Kru English — 'жаргон из английских и португальских слов' (с. 245).

One's mother tongue — 'родной язык' (с. 770).

Pidgin English — «пиджин инглиш», 'англо-китайский гибридный язык' (с. 245).

Wardour-street English — 'английская речь, уснащенная архаизмами' (по названию лондонской улицы, на которой раньше было расположено много антикварных магазинов) (с. 245).

6. **Юриспруденция** (16 фразеологизмов)

Assert/stand on one's rights — 'отстаивать свои права' (с. 632).

Brewster Session (англ.) — 'пивоваренная сессия' (судебная инстанция, выдающая патенты на торговлю спиртными напитками (заседает раз в год)) (с. 670).

The eunuch rule (амер. полит.) — ‘положение в конституциях некоторых штатов, запрещающее гражданину занимать пост губернатора два срока подряд’ (с. 647).

The first (second, third) reading — ‘первое (второе, третье) чтение (законопроекта в парламенте)’ (с. 621).

Lay/put/set the saddle on the right horse — ‘найти настоящего преступника, обвинить того, кого следует’ (с. 653).

Plead the Fifth / the Fifth Amendment (амер.) — ‘ссылаться на пятую поправку к Конституции, отказываться давать показания против самого себя’ (пятая поправка к Конституции США дает право лицам, подвергаемым допросу, не отвечать на вопросы, если ответы могут быть использованы против них) (с. 590).

The Provisions of Oxford (ист.) — ‘Оксфордские провизии’ (конституция, выработанная собравшимся в Оксфорде в 1258 г. баронским «бешеным» парламентом, руководимым крупным феодалом Симоном де Монфором; эта конституция ставила короля под постоянный контроль баронов) (с. 606).

Richard Roe (юрид.) — ‘ответчик в судебном процессе’ (употребляется нарицательно о человеке, настоящее имя которого неизвестно) (с. 630).

Right of way — ‘право прохода или проезда по земле, принадлежащей частному владельцу’ (с. 634).

Strike smb. off the rolls — ‘лишать (адвоката) права практики’ (за какой-л. проступок) (с. 640).

Take silk — ‘стать королевским адвокатом’ (королевские адвокаты носят шелковые мантии) (с. 690).

Tar and feather (амер.) — 1) ‘вымазать дегтем и вывалить в перьях’ (способ самосуда); 2) ‘жестоко наказать’ (с. 746).

7. *Делопроизводство* (2 фразеологизма)

Get the pink slip — ‘получить уведомление об увольнении’ (*pink slip* — розовый листок с извещением об увольнении) (с. 697).

Red tape — ‘волокита, бюрократизм, канцелярский формализм’ (в английских государственных учреждениях документы прошивают красной тесьмой) (с. 746).

8. *Военное дело* (31 фразеологизм)

All is fair in love and war — ‘В любви и на войне все средства хороши’ (с. 471).

All's quiet along/on the Potomac (амер.) — ‘На Потомаке все спокойно’; ‘нет оснований для тревоги’ (выражение часто употреблялось в сводках военного министерства во время гражданской вой-

ны в США (1861–1865 гг.); Потомак — река, протекающая через штаты Западная Виргиния, Мэриленд и Виргиния) (с. 598).

An awkward squad (воен., разг.) — ‘взвод новобранцев’ (букв. ‘команда неуклюжих’) (с. 711).

A boiled lobster (устар., шутл.) — прозвище английских солдат (букв. ‘вареный омар’: красный цвет мундиров английских солдат сходен с цветом вареного омара) (с. 466).

Brother in arms — ‘боевой товарищ, собрат по оружию’ (с. 112).

Fight like a lion / like a tiger — ‘драться, сражаться как лев/тигр’ (с. 282).

Give smb./smth. up for lost — ‘считать кого-л. погибшим’ (с. 470).

The great/last/supreme sacrifice — ‘смерть в бою за родину’ (с. 652).

Jack Johnson (воен. жарг.) — ‘тяжелый снаряд’ (по имени известного негритянского боксера) (с. 413).

Last ditch fight — ‘последний бой, попытка последнего сопротивления’ (с. 273).

The late unpleasantness (амер., шутл.) — 1) ‘та давняя заварушка’, то есть Гражданская война в США (1861–1865 гг.); 2) ‘прошлая, последняя война’ (с. 785).

Lose the day/field — ‘проиграть сражение’ (с. 470).

The loss of life (воен.) — ‘потеря в живой силе, в личном составе; потеря убитыми’ (с. 470).

Old Hickory — букв. ‘старый гикори’, прозвище американского генерала Э.Джексона (1767–1845), седьмого президента США (гикори — американский орех) (с. 385).

On parole (воен.) — ‘обязующийся не принимать участие в военных действиях (о пленном)’ (с. 563).

The rank and file (воен.) — ‘рядовой состав, рядовые, солдаты’ (с. 619).

Red shirt (ист.) — ‘краснорубашечник’ (солдат из отряда Гарибальди, гарибальдиец) (с. 678).

The red, white and blue — об английском флоте и армии (по цвету флага: красный, белый и синий) (с. 624).

Rise from the ranks (воен.) — ‘пройти путь от рядового до офицера’ (с. 619).

The roll of honour — ‘список убитых на войне’ (с. 640).

The Rough Riders (амер., ист.) — ‘дикая конница’ (добровольческий кавалерийский полк, созданный Л.Вудом и Т.Рузвельтом для участия в испано-американской войне 1898 г.) (с. 631).

The senior service — об английском военно-морском флоте (в отличие от армии) (с. 669).

Tommy Atkins — Томми Аткинс, прозвище английского солдата (с. 763).

The Unknown Soldier/Warrior — ‘неизвестный солдат’ (с. 785).

9. **Выборы** (10 фразеологизмов)

A ballot-box stuffer (амер., полит.) — ‘человек, опускающий в избирательную урну поддельные бюллетени’ (с. 734).

Be/run ahead of one's ticket (амер., полит.) — ‘получить наибольшее число голосов по списку своей партии’ (с. 760).

Be/run behind one's ticket (амер., полит.) — ‘получить наименьшее число голосов по списку своей партии’ (с. 760).

Carry a ticket (амер., полит.) — ‘провести своих кандидатов’ (от партии, выставившей на выборах список своих кандидатов) (с. 760).

Kangaroo ticket (амер., полит., жарг.) — ‘список «кенгуру»: избирательный бюллетень, в котором кандидатура вице-президента сильнее кандидатуры президента’ (у кенгуру задние ноги сильнее передних) (с. 760).

Row smb. up Salt River (амер., полит., жарг.) — ‘нанести кому-л. поражение на выборах’ (с. 636).

Split a ticket (амер., полит.) — ‘голосовать одновременно за кандидатов разных партий’ (с. 760).

Unit rule (амер., полит.) — ‘положение, по которому вся делегация штата (на съезде Демократической партии) голосует за кандидата большинства от своего штата’ (с. 648).

10. **Образование** (9 фразеологизмов)

Approved school — ‘исправительная школа малолетних правонарушителей’ (с. 660).

Blue-brick university (разг.) — ‘старый университет’ (особ. Оксфордский или Кембриджский) (с. 785).

Go out in the Poll (жарг.) — ‘окончить без отличия Кембриджский университет’ (с. 595).

Grammar school — 1) ‘средняя классическая школа’ (для детей от 11 до 18 лет, государственная или частная; дает право поступления в высшее учебное заведение; программа предусматривает изучение классических языков; *первонач.* школа латинской грамматики (в Англии); 2) амер. ‘5–8-е классы средней школы’ (с. 660).

Home of lost causes — ‘пристанище несбывшихся амбиций’, прозвище Оксфордского университета (с. 392).

Old school tie — ‘старые школьные связи’, узы, связывающие выпускников одного привилегированного учебного заведения (букв. галстук старой школы) (с. 761).

Public school — 1) ‘закрытое частное привилегированное среднее учебное заведение для мальчиков’ (в Англии); 2) ‘бесплатная средняя школа’ (в США и в Шотландии) (с. 661).

Red-brick university (разг.) — ‘красно-коричневый, новый университет’ (в отличие от старых (Кембриджского и Оксфордского) построен из красного кирпича; такие университеты, появившиеся после Второй мировой войны, готовят специалистов для местной промышленности; отсюда *red-bricker* — ‘выпускник технического вуза’) (с. 785).

Wooden spoon (разг.) — ‘заявший последнее место’ (на экзамене по математике в Кембриджском университете; раньше в Кембриджском университете существовал обычай дарить деревянную ложку студенту, получившему самую низкую оценку на экзамене по математике) (с. 708).

11. *Негостеприимство* (1 фразеологизм)

A cold shoulder of mutton — ‘холодный прием’ (холодная баранья лопатка подавалась незваному гостю) (с. 682).

12. *Семейные узы* (16 фразеологизмов)

Babel/child of love — ‘внебрачный ребенок’ (букв. ‘дитя любви’) (с. 471).

Be born of the wrong side of the tracks (амер.) — ‘родиться в семье бедняка’, выйти из низов (*tracks* — ‘железнодорожное полотно’ (на окраине некоторых американских городов за ним находятся городские трущобы)) (с. 685).

Catch/marry smb. on the rebound — ‘жениться на ком-л. / выйти замуж с горя за кого-л. от несчастной любви’ (этим. спорт. теннис. *on the rebound* — ‘на отскоке’, об ударе по мячу) (с. 622).

A good husband makes a good wife — ‘У хорошего мужа и жена хороша’ (с. 406).

Foul own nest — ‘пачкать свое гнездо’, разглашать семейные ссоры, дразни (фразеологизм основан на поговорке: *It is an ill bird that fouls its own nest*) (с. 531).

Hearth and home — ‘домашний, семейный очаг’ (с. 377).

Lord and master (поэт. шутл.) — 1) ‘супруг и повелитель’; 2) ‘хозяин, глава’ (с. 470).

Marry into the purple — ‘вступить в брак с отпрыском королевской или аристократической семьи’ (с. 609).

Miss Right (разг.) — ‘будущая жена, суженая, избранница’ (с. 509).

One's/the better half — ‘дражайшая половина, жена’ (с. 344).

Shot-gun marriage/wedding — 1) 'вынужденный, скоропалительный брак' (первонач. амер. когда мужчина вынужден жениться на скомпрометированной им женщине); 2) 'брак по принуждению' (о любом компромиссе, вызванном необходимостью) (с. 681–682).

Wet the baby's head — 'праздновать рождение ребенка' (с. 371).

13. **Налоги** (1 фразеологизм)

Nuisance tax (амер.) — 'налог, раздражающий налогоплательщиков и приносящий ничтожный доход' (с. 747).

14. **Употребление алкоголя** (6 фразеологизмов)

A blue ribbon — 'значок члена общества трезвости' (с. 630).

Drink smb. under the table — 'перепить кого-л.' (с. 742).

Here's hoping! — 'Ваше здоровье!' (с. 384).

What's your poison? (разг. шутл.) — 'Какую отраву предпочитаете? / Что вы будете пить?' О некоторых штатах, не конкретизируя, говорится, что там продажа спиртных напитков разрешается (*a wet state*) или не разрешается (*a dry state*) (с. 594).

15. **Авторские фразеологизмы** (39 фразеологизмов)

Барри Дж.

Little Mary (разг. шутл.) — 'желудок' (по названию пьесы Дж. Барри (J. Barrie, 1860–1937)) (с. 491).

Брайт Дж.

The Mother of Parliaments — 'родина парламентаризма' (Англия; Дж. Брайт (J. Bright, 1811–1889) — государственный деятель): «England is the mother of parliaments» (с. 515).

Булвер-Литтон Э.

The pen is mightier than the sword (посл.) — 'Перо сильнее меча' (E. Bulwer-Lytton, «Richelieu») (с. 571).

Голдсмит О.

Ask no questions, and you will be told no lies (посл.) — 'Не задавай вопрос — не услышишь лжи' (выражение создано О. Голдсмитом. (О. Goldsmith, «She Stoops to Conquer», act III, sc. 1.)) (с. 614).

Джексон Э.

Old Hickory (букв. «старый гикори») — прозвище американского генерала Э. Джексона (A. Jackson, 1767–1845), седьмого президента США (гикори — американский орех) (с. 385).

Диккенс Ч.

Anything for a quiet life (разг.) — 'Все отдам за спокойную жизнь' (Ch. Dickens, «Pickwick Papers», ch. XLIII) (с. 451–452).

How goes the enemy? (разг., шутл.) — ‘Как движется наш враг?’ ‘Который час?’ (с. 244).

A Mark Tapley — Марк Тэпли: человек, не унывающий ни при каких обстоятельствах (по имени персонажа в романе Ч. Диккенса «Мартин Чеззлвит») (с. 488).

Never say die (разг.) — ‘не падайте духом, не отчаивайтесь’ (Ch. Dickens, «Pickwick Papers», ch. II) (с. 532).

What's the row? (разг.) — ‘В чем дело? Из-за чего такой шум?’ (Ch. Dickens, «Pickwick Papers», ch. II) (с. 645).

Джонсон Б.

A banbury man (устар.) — ‘пуритане’ (город Банбери в Оксфордшире был известен пуританскими взглядами своих жителей) (с. 479).

Драйден Дж.

The British Lion — ‘британский лев’, Великобритания, Англия (лев — национальная эмблема Великобритании; выражение впервые встречается в поэме Дж. Драйдена (J. Dryden, 1631–1700) «The Hind and the Panther», 1687) (с. 463).

Драйзер Т.

All along (разг.) — ‘все время, с самого начала; всегда’ (Th. Dreiser, «The Financier», ch. XLI) (с. 38).

A smart Alec(k) (разг., презр.) — ‘самоуверенный наглец, нахал, развязный субъект’ (отсюда *smart-alecky* — ‘самоуверенный и наглый’ (первонач. амер.)) (Th. Dreiser, «An American Tragedy», book II, ch. XXX) (с. 37).

Ирвинг В.

Rip Van Winkle — ‘отсталый, косный человек, ретроград’ (по имени проспавшего двадцать лет героя одноименного рассказа В. Ирвинга (первонач. амер.)) (с. 635).

Карлейл Т.

The whiff of grape-shot/grapeshot — ‘несколько залпов’ (использование артиллерии против народа) (с. 818).

Кебл Дж.

The trivial round — ‘обыденщина, рутина жизни’ (из стихотворения английского поэта Дж. Кебла (J. Keble, 1792–1869) «The Christian Year. Morning») (с. 645).

Коббет У.

The Great Wen — ‘исполинский нарост’ (о Лондоне; выражение создано английским журналистом У. Коббетом (W. Cobbett, 1762–1835)) (с. 816).

Конгрив У.

Hell has no fury like a woman scorned — ‘Фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной’ (выражение создано английским драматургом У. Конгривом (W. Congreve, 1670–1729): «The Mourning Bride» (1697), act III, sc. VIII) (с. 381).

Купер Д. Ф.

The last of the Mohicans (книжн.) — ‘последний из могикан, последний представитель’ (по названию романа Д. Ф. Купера «The last of the Mohicans») (с. 437).

Кэрролл Л.

I am tomorrow (разг.) — ‘обещания; завтра, завтра, не сегодня’ (выражение создано Л. Кэрроллом в «Through the Looking-Glass», ch. 5) (с. 414).

Лондон Дж.

The iron heel — ‘железная пята, иго’ (по названию книги Дж. Лондона; *One was Mae Letzig, who had been whisked by the host from under the iron heel of the Nazis in Vienna...* — ‘Одна из них, Мэй Летциг, была спасена хозяином, который вырвал ее из-под железной пяты фашистов в Вене...’) (с. 379).

Мильтон Дж.

Better to reign in hell, than serve in heaven — ‘Лучше править в аду, чем прислуживать в раю’ (выражение создано Дж. Мильтоном в «Paradise Lost»; book 1, st. 262–263) (с. 380).

Моррис Дж.

United we stand, dividend we fail — ‘в единстве сила’ (первонач. амер.; выражение создано американским журналистом и поэтом Дж. Моррисом (1802–1864)) (с. 785).

Никсон Р.

The Silent Majority (амер., полит.) — ‘молчащее большинство’; политически пассивные американцы (выражение впервые употреблено президентом Р. Никсоном во время выступления по телевидению 3 ноября 1969 г.) (с. 476).

Питт Старший У.

The power behind the throne — букв. ‘власть за троном’, ‘невидимая власть’ (выражение основано на высказывании английского государственного деятеля У. Питта Старшего (W. Pitt, 1708–1779)) (с. 599).

Рассел У. Х.

Thin red line (воен.) — ‘оборона силами пехотных подразделений’, ‘оборона малыми силами’ (выражение создано военным корреспондентом У. Х. Расселом (W. H. Russell, 1821–1907)) (с. 463).

Рой Н.

A gay Lothario — ‘донжуан, ловелас’ (выражение впервые встречается в пьесе Н.Рой (N.Rowe, 1674–1718) «The Fair Penitent») (с. 471).

Скотт В.

Beard the lion in his den — ‘напасть на врага в его собственном жилище’, ‘бесстрашно бросить вызов опасному противнику’ (W. Scott, «Marmion», canto 6, XIV) (с. 463).

One's native heath — ‘родная земля, родные места, родина’ (с. 377) (выражение *on native heath* создано В.Скоттом (с. 128); *heath* — ‘степь, пустошь, поросшая вереском’, ‘вереск’: для растительности Великобритании характерны повсеместные луга, заросли вереска [Великобритания. Растительность, 1971]).

Смит А.

A nation of shopkeepers — ‘нация лавочников’, прозвище англичан (выражение создано А.Смитом в «The Wealth of Nations», book IV, ch. VII) (с. 526).

Саути Р.

Cut for the simples (жарг., шутл.) — ‘оперировать для излечения от глупости’ (R. Southey, «The Doctor», ch. CXXXVI) (с. 691).

Тафт У.

Dollar diplomacy — ‘дипломатия доллара’ (первонач. амер.; выражение создано президентом США У.Тафтом в 1912 г.) (с. 214).

Шекспир У.

Good men and true (устар.) — ‘честные, порядочные люди’ (W.Shakespeare, «Much Ado about Nothing», act III, sc. 3) (с. 480).

Pomp and circumstance — ‘помпа, помпезность, пышность’ (W. Shakespeare, «Othello», act III, sc. 3) (с. 595).

There is luck in odd numbers — ‘Нечетные числа приносят счастье’ (W.Shakespeare, «The Merry Wives of Windsor», act V, sc. 1) (с. 473).

A triton among/of the minnows — ‘великан среди пигмеев’ (W.Shakespeare, «Coriolanus», act III, sc. 1) (с. 778).

Заключение

Исследование английских лакунарных фразеологизмов о родине позволяет констатировать:

- 1) их большое количество (178 ФЕ);
- 2) их актуальность, которая отчетливо выражается в тематической классификации фразеологизмов о родине;

- 3) уникальность образного мышления носителей английского языка;
- 4) перспективность идеи и темы исследования.

Доказательством этого может стать создание словаря «Оригинальные английские фразеологизмы о родине», а также использование данного материала в преподавании.

Источники материала

Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. Г. В. Чернова. М.: Полиграмма, 1996.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Литература

Байрамова Л. К. Лакунарные единицы и лакуны // Лакуны в языке и речи / под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. Вып. 3. Благовещенск: Изд-во БГПУ. 2006. С. 3–7.

Иванова М. В. К истории взаимодействия «книжного» и «некнижного» в лексике литературного языка на рубеже XIV–XV веков // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1998. С. 180–186.

Энциклопедии

Великобритания. Растительность // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 414.

**Интерсемиотические трансформации
индивидуально-авторского концепта
PRIVATE DETECTIVE в сборнике рассказов
о Шерлоке Холмсе А. Конан-Дойля
и его инокультурных интерпретациях**

В данной статье рассматривается индивидуально-авторский концепт PRIVATE DETECTIVE А. Конан-Дойля и других его иноязычных и инокультурных авторов-последователей; интерсемиотическая трансформация концепта анализируется на основе художественных произведений британских, американских и русских авторов, а также их кинематографических интерпретаций. На основе проведенного исследования лингвокультурного концепта PRIVATE DETECTIVE было выделено пять основных семантических моделей концепта: профессиональные характеристики, теоретические и научные знания, физическая подготовка, набор фреймов, определяющих ход расследования и индивидуальные характеристики. Лингвокультурный концепт PRIVATE DETECTIVE в зависимости от времени публикации художественного произведения, гендерной принадлежности типажа и индивидуально-авторского восприятия подвергается ряду интерсемиотических трансформаций, сохраняя при этом свои основные профессиональные черты и приобретая новые характеристики, продиктованные временем.

Ключевые слова: концепт, индивидуально-авторский концепт, интерсемиотическая трансформация, инокультурные интерпретации, private detective, композиция, фрейм, лингвокультурный концепт, понятийный пласт.

Ju. V. Bool, K. N. Antonova

**Intersemiotic transformations of the individual author's concept
PRIVATE DETECTIVE in Conan Doyle Sherlock Holmes Stories
and its other culture interpretations**

The article in question considers individual author's concept PRIVATE DETECTIVE of Arthur Conan Doyle and his other language and other culture followers. The concept and its intersemiotic transformation are being analysed on the basis of Britain, American and Russian fiction as well as mov-

ies. As a result of the research done five main semantic models of the concept were defined: professional features, theoretical and scientific expertise, physical training, set of criminal investigation frames and individual personality traits. Depending on time and genre PRIVATE DETECTIVE concept passes a number of intersemiotic transformations, remaining stable in terms of its professional features but gaining new ones influenced by time.

Keywords: concept, individual author's concept, intersemiotic transformation, other culture interpretations, private detective, composition, frame, linguistic-cultural concept, conceptual layer.

Список авторов, писавших о Шерлоке Холмсе, помимо А. Конан-Дойля, велик. В него входят М. Леблан («Арсен Люпен против Шерлока Холмса», 1906), С. Кинг («Дело Доктора Ватсона», 1993), Р. Статт («Уотсон был женщиной», 1941), М. Твен («Детектив с двойным прицелом», 1902), Б. Акунин («Узница башни, или Краткий, но прекрасный путь трех мудрых», 2006), С. Лукьяненко («Царь, царевич, король, королевич», 1997), Джон Диксон Карр («Подвиги Шерлока Холмса», 1954), Эллери Куин («Шерлок Холмс против Джека Потрошителя», 1993), Энтони Горовиц («Дом шелка», 2011) и другие. В театре и кино персонажа Шерлока Холмса мастерски воплотили в себе В. Лановой, С. Юрский, В. Ливанов, Рождер Мурр, Майкл Кейн, Роберт Дауни-младший, Джонни Ли Миллер и Бенедикт Камбербэтч. Несмотря на то что сам А. Конан-Дойль допускал только детективов мужского пола к участию в расследованиях, современный уклад жизни и гендерное восприятие привели к появлению мисс Шерлок (одноименный японский фильм 2018 г.), мисс Джоан Ватсон (компаньонка и коллега-детектив Джонни Ли Миллера в сериале «Элементарно», США 2012–2018 гг.), мисс Мэри Ватсон (бывший киллер — жена Джона Ватсона, коллеги Бенедикта Камбербэтча в сериале «Шерлок», Великобритания, 2010–2017 гг.).

Знаменитый детектив стал также героем многочисленных экранизаций, театральных постановок, радиоспектаклей, спектаклей театра теней, мультфильмов, компьютерных игр, комиксов, графических новелл и романов и японских комиксов (манги). Существуют и современные последователи Шерлока Холмса, в частности такие писатели, как Р. Желязны и Юн Ха Ли, по сути воплотившие образ знаменитого детектива в своих произведениях «Ночь в одиноком октябре» (Р. Желязны) и «Гамбит девятихвостого лиса» (Юн Ха Ли). Самым современным воплощением Шерлока является, конечно, Шерлок Бенедикта Камбербэтча в одноименном сериале. Он не только существует в актуальной реальности, но и зачастую в силу

особенностей своего характера предпочитает живое общение общению в Сети, что дает возможность авторам представить на суд зрителя «текстовое» воплощение Шерлока.

В рамках данной статьи изучается индивидуально-авторский концепт PRIVATE DETECTIVE в произведениях А. Конан-Дойля и других авторов, испытавших влияние образа Шерлока Холмса. Концепт объективируется за счет выявления в анализируемых текстах модельного набора фреймов.

Под модельным набором фреймов понимается структура, шаблон исходных данных для моделирования стереотипной ситуации, или, как у В. И. Карасика, конструкция, используемая для измерения и описания хранящейся в когнитивной памяти информации [Карасик, 2004].

Фрейм расследования (criminal investigation) включает в себя:

- 1) поступление информации о совершенном преступлении;
- 2) осмотр места происшествия и жертвы;
- 3) опрос свидетелей;
- 4) составление психологического портрета предполагаемого преступника;
- 5) слежка;
- 6) обоснование найденных улик;
- 7) изобличение преступника;
- 8) разъяснение хода расследования.

Актуальность данного исследования состоит в рассмотрении индивидуально-авторского концепта в отражении лингвокультурного типажа, который, в свою очередь, является репрезентацией современного общества через рефлексию наиболее ярких его представителей. PRIVATE DETECTIVE является лингвокультурным типажом, изучаемым на стыке политики, экономики, психологии, социологии, криминалистики и лингвистики.

Целью исследования является выявление интерсемиотических трансформаций лингвокультурного типажа PRIVATE DETECTIVE в разрезе фреймов детективного расследования, с учетом лингвокультурологических особенностей поведения и разницы в маскулинных и феминных методах расследования. Так, к маскулинным методам расследования относятся логика, креативность, лидерство, в то время как феминные методы представлены интуицией, мягкой силой убеждения и отстраненным наблюдением. В сериале «Элементарно», где главные роли исполнили американские актеры Джон Ли

Миллер (Шерлок Холмс) и Люси Лью (Джоан Ватсон), можно наблюдать конфликт маскулинных и феминных методов расследования и лингвокультурных концептов. Каждый концепт представлен своими самыми яркими когнитивными признаками и поведением во фреймах детективного расследования: замкнутый, эксцентричный, нелюдимый Холмс и открытая, коммуникабельная Ватсон с высоким коэффициентом эмоционального интеллекта. Как следствие — разделение обязанностей в ходе проведения совместного расследования: анализ улик (Холмс), опрос свидетелей (Ватсон).

Конститутивные признаки концепта PRIVATE DETECTIVE отражены в понятиях «ум», «разум», «анализ», «рассудок», «логика», «логическое мышление», «дедукция», «метод», «дедуктивный метод» (для маскулинного типажа) и «ум», «метод», «интуиция», «наблюдение», «рефлексия», «эмпатия» (для феминного типажа).

На материале анализа англоязычных словарей можно выделить ряд метафор, описывающих лингвокультурный концепт PRIVATE DETECTIVE. Они связаны с профессиональными аспектами деятельности: умением наблюдать, проводить слежку, слушать, допрашивать, оставаться невидимым, иметь развитое обоняние и так далее (*eye, ear, nose, tail, shadow*). Одним из ключевых прецедентных феноменов концепта PRIVATE DETECTIVE является феномен PRIVATE DETECTIVE — *sherlock*. При этом в английском языке понятие *sherlock* стало именем нарицательным. Оно указывает на когнитивную структуру лингвокультурного концепта PRIVATE DETECTIVE, профессиональную специфику: ум, интеллект, наблюдательность, логику, дедукцию, индивидуальные характеристики: замкнутость, отстраненность, индивидуализм, практичность, отсутствие выраженных коммуникативных навыков.

Одними из самых ярких инокультурных интерпретаций индивидуально-авторского концепта PRIVATE DETECTIVE А. Конан-Дойля стали романы Р. Желязны «Ночь в одиноком октябре» и роман Юн Ха Ли «Гамбит девятихвостого лиса».

Фантастический роман Роджера Желязны «Ночь в одиноком октябре» (Желязны, 1997) разделен на 32 главы, каждая из которых представляет одну ночь Большой игры. Игра происходит при открытии Врат времени между современным миром и царством Древних. Сама игра представляет собой апофеоз логики, расчета и анализа, что в первую очередь свойственно детективным методам Шерлока Холмса. Среди Древних участников — персонажи Великий Детектив (Шерлок Холмс) и его спутник (Доктор Ватсон). Великий Детектив Желязны наделен признаками типажа PRIVATE

DETECTIVE: наблюдательностью («Этот человек, как я заметил, слушая собеседника, пристально всматривается в его лицо, одежду, ботинки. Такой сосредоточенности и концентрации внимания я никогда прежде не наблюдал» (Желязны, 1997, с. 11), закрытостью («Трудно понять, что думает этот человек» (Желязны, 1997, с. 152), склонность к дедукции («Старые боевые раны — разборки с глупым парнем в Вест-Индии. Очень давно...» (Желязны, 1997, с. 38)).

Действие фантастического романа Юн Ха Ли «Гамбит девятихвостого лиса» (Ли Юн Ха, 2018) происходит в вымышленной реальности, рассчитанной и продуманной тем не менее с математической точностью. Великий и безжалостный полководец-стратег Генерал Шуос Джедао теряет физическую оболочку, и его сознание помещают в разум женщины-офицера Кел Черис. Путем внутренних диалогов и борьбы маскулинного и феминного методов расследования, противопоставления и альянса впоследствии логики и интуиции, эмпатии и холодного рационализма и расчета они приходят к победе в войне.

Шуос Джедао и Кел Черис — это Шерлок Холмс и Джоан Ватсон из «Элементарно», но в данном случае лингвокультурный концепт PRIVATE DETECTIVE еще более многогранен и противоречив, так как выражен в одном человеке, а не в двух разных типажах.

В целом на основе проведенного исследования лингвокультурного концепта PRIVATE DETECTIVE выделяются пять основных семантических моделей концепта:

- 1) профессиональные характеристики;
- 2) теоретические и научные знания;
- 3) физическая подготовка;
- 4) набор фреймов, определяющих ход расследования;
- 5) индивидуальные характеристики.

Также лингвокультурный концепт PRIVATE DETECTIVE подвергается интерсемиотическим трансформациям в зависимости от эпохи, времени публикации художественного произведения, гендерной принадлежности типажа и индивидуально-авторского восприятия.

В сборнике рассказов А. Конан-Дойля профессиональные характеристики представлены следующим образом: «ходячая хроника преступлений, наблюдательность — моя вторая натура, склонность к наблюдению и анализу» (Конан-Дойль, 2018, с. 6). Теоретические и научные знания: «...одержим наукой, но это у него граничит с безумием, энтузиаст некоторых отраслей науки, первоклассный химик,

невежество его также поразительно, как и его знания» (Конан-Дойль, 2018, с. 3). На уровне физической подготовки: «...прекрасно боксировал, пожал руку с силой, о которой я никак не мог в нем заподозрить» (Конан-Дойль, 2018, с. 2). Ход расследования включает: «его чуткие пальцы в это время беспрерывно летали по мертвому телу, ощупывали, нажимали, расстегивали, исследовали. Осматривая комнату, Холмс был похож на чистокровную, хорошо выдрессированную гончую» (Конан-Дойль, 2018, с. 7). К индивидуальным характеристикам относятся надменность, эгоистичность, одержимость, ум.

В романе Р. Желязны «Ночь в одиноком октябре» профессиональные характеристики таковы: «Великий Детектив, Великий Сыщик. Этот человек обладал крайне странной манерой оценивать своего противника: всматривался в лицо, окидывал взглядом одежду. Создавалось впечатление, будто он весь мгновенно поджался, стремясь не пропустить даже самой незначительной информации» (Желязны, 1997, с. 46). Данные о знаниях и физической подготовке отсутствуют. К методам расследования относятся: «Сыщик облазил всю округу. Он был неузнаваем, загримированный под лохматого старика. Я думал о постоянной работе ума, о мастерском дедуктивном построении...» (Желязны, 1997, с. 46). Индивидуальные характеристики включают молчаливость, замкнутость и осторожность.

В романе Юн Ха Ли «Гамбит девятихвостого лиса» к профессиональным характеристикам относятся различные имена и регалии Джедао и Черис: Визионер, Безумец, Великий стратег, Мастер логики, Черис, Она, Женщина, Женщина-офицер. Знания: обширные знания математики и математической логики. Физическая подготовка: Немертвый генерал — только разум, без телесной оболочки. Методы расследования: «Я вижу здесь только 2 жизнеспособных альтернативы. Не люблю тратить время зря, только цифры, Черис» (Юн Ха Ли, 2008, с. 82). Индивидуальные характеристики: «Интонации и ход мыслей Джедао были непостижимы» (Юн Ха Ли, 2008, с. 80).

Проведенное исследование лингвокультурного концепта PRIVATE DETECTIVE позволяет сделать следующий вывод. С течением времени лингвокультурный концепт претерпел значительную трансформацию, сохранив основные профессиональные черты (ум, логику, дедукцию, наблюдательность), и приобрел новые черты, продиктованные изменившейся реальностью (эмпатию, полигендерность, погружение в текст, индивидуализм).

Источники материала

Железны Р. Ночь в одиноком октябре / пер. А.Жикаренцева. М.: Сфинкс, 1997.

Конан-Дойль А. Рассказы о Шерлоке Холмсе / пер. Н.Тренивой, М.Литвиновой, Г.Любимовой. М.: Время, 2018.

Ли Юн Ха. Гамбит девятихвостого лиса / пер. Н.Г.Осояну. М.: Fanzon, 2018.

Литература

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Становление устной речи: диссипация и аутопоэз

В статье обсуждается рассмотрение идеи становления в качестве базовой характеристики устной речи, поскольку данный подход учитывает такие свойства речи, как необратимость, диссипация, автоматизация, рекуррентность. Показано, что идея становления положена в основу исследований разных ученых в различных областях науки, что свидетельствует о безусловной плодотворности этой идеи, в том числе для исследования столь специфического феномена, как устная речь. Приводятся аргументы в подтверждение того факта, что идея становления не случайно объединяет столь различных авторов, как Л. Выготский и М. Бахтин, с физиологической концепцией Н. Бернштейна, физической теорией И. Пригожина, идеей аутопоэза биологов У. Матураны и Ф. Варелы и концепцией зеркальных нейронов Дж. Ризцоллатти. В частности, представлена возможность описания устной речи посредством объективно становящихся автоматизмов разных уровней, являющихся, с одной стороны, фактором развития, с другой стороны — своего рода фактором принуждения как для конкретного говорящего индивида, так и для социума в целом.

Ключевые слова: устная речь, становление, необратимость, диссипативная структура, речевой автоматизм, координация, аутопоэз, рекуррентность.

E. Y. Verkholetova

Becoming of oral speech: dissipation and autopoiesis

The article discusses the idea of becoming as a basic characteristic of oral speech, since this approach takes into account such properties of speech as irreversibility, dissipation, automation, and recurrence. It is shown that the idea of becoming is the basis for research by various scientists in various fields of science, which indicates the unconditional fruitfulness of this idea, including for the study of such a specific phenomenon as oral speech. Arguments are given in support of the fact that the idea of becoming not accidentally unites such different authors as L. Vygotsky and M. Bakhtin with the physiological concept of N. Bernstein, the physical theory of I. Prigogine, the idea of autopoiesis of biologists U. Maturana and F. Varela and the concept of mirror neurons J. Rizzolatti. In particular, it is possible to describe oral speech through objectively becoming automatisms of different levels, which, on the one hand,

are a factor of development, on the other hand, a kind of coercive factor both for a particular speaking individual and for society as a whole.

Keywords: oral speech, becoming, irreversibility, dissipative structure, speech automatism, coordination, autopoiesis, recurrence.

Устная спонтанная речь представляет собой чрезвычайно любопытный феномен. Учитывая традиционное довольно скептическое отношение к самой возможности ее полноценного исследования, можно констатировать, что единым и объединяющим, при всем различии множества подходов и интерпретаций, было восходящее к Соссюру суждение о «бессистемности», «неупорядоченности» разговорной речи. Так сказать, система без системы, или «внесистемная система».

Это могло бы остаться парадоксом, не имеющим никаких конструктивных последствий, если бы не признание большинством исследователей неоспоримой первичности феномена разговорной речи по отношению к речи письменной, литературной. То есть онтологическая, природная сущность речи не позволяет пренебречь ею при всех дальнейших исследованиях языка, уже из одного только стремления к научной истине.

При этом объективная сложность такого специфического феномена, как устная спонтанная речь, едва ли может вызывать сомнения. Именно такие свойства речи, как хаотичность и необратимость во времени, всегда вызывали затруднения при научном ее осмыслении и позволяли исследовать не столько целостное явление, сколько некоторые выделенные его аспекты: конкретные единицы, синтаксис, этапы речевой деятельности, характеристики говорящего и т. п. Полагаем, что здесь полезно сослаться на известный афоризм Ф. Гёльдерлина: «Где опасность — там спасение»¹, и предположить, что именно то, что считалось препятствием для изучения речи, может подсказать верный путь к ней, то есть что именно текучесть, неуловимость, необратимость речи, будучи ее онтологическими свойствами, как раз и открывают нам новые возможности исследования.

Сравним следующие высказывания: а) «...в зависимости от того, что функционирует и как построено то, что функционирует, определяется способ и характер самого функционирования» [Выготский, 1996, с. 290]; б) «...“природа” вещей, связанных между собой определенными отношениями, должна... проистекать из этих

¹ Настоящие строки стихотворения «Patmos» звучат так: «Wo aber Gefahr ist, wächst das Rettende auch» («Но там, где опасность, зреет уже и спасение»).

отношений, а сами отношения должны с необходимостью следовать из “природы” вещей» [Пригожин, Стенгерс, 2008, с. 92]; наконец, в) «...мы можем рассматривать только системы, все изменения которых определяются их структурой, какой бы она ни была, а структурные изменения обусловлены их собственной динамикой или “запускаются” их взаимодействиями» [Матурана, Варела, 2001, с. 86]. Если применить этот подход, совпадающий у совершенно различных ученых, к устной речи, то мы обнаружим, что объективно наблюдаемые неустойчивость, необратимость и хаотичность устной речи позволяют говорить о динамике особого рода — динамике описанных И. Пригожиным диссипативных структур.

Примечательно, что ответы на многие вопросы, связанные с речью, давались уже давно, но либо контекст исследований был иным, либо задачи исследования не касались непосредственно речи, но только систематического развития это по разным причинам не получило. Так, по мысли М.М. Бахтина, «язык есть непрерывный процесс становления, осуществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих...» [Бахтин, 1998, с. 395]. Можно сказать, что именно природа речи определяет способы ее существования и, наоборот, — способы ее существования есть отражение ее внутренней природы. Эта природа воспринимается априори как искаженные или нарушенные механизмы языка, но последние формулируются извне, со стороны наблюдателя, не могущего уловить реальность существующих взаимодействий. Ключевыми терминами можно считать *становление* и *взаимодействие*.

Уже у В. Гумбольдта и А. Потебни говорящий реально существует не в системе языка, что бы сегодня под ней ни понималось, а в окружении «разрозненных стихий» и «бессвязного хаоса». Язык заключает в себе и все «стихии, получившие уже форму», то есть «совокупность слов и правил», но и эти стихии «только в живой речи становятся языком» [Потебня, 1913, с. 24]. В таком понимании язык и речь неразрывно связаны: и язык, и речь «есть нечто постоянно, в каждое мгновение исчезающее» [Потебня, 1913, с. 23], язык вечно создается, но *становится* при этом только в речи. Самым существенным, лежащим в основании того и другого и не позволяющим отделить одно от другого, является идея становления.

Л. С. Выготский воспринял когда-то мысль А. А. Потебни о том, что на слово «нельзя смотреть как на выражение готовой мысли. <...> Напротив, слово есть выражение мысли лишь настолько, насколько служит средством к ее созданию» [Потебня, 1913, с. 154], — и развил ее до знаменитого: «...движение самого процесса от мысли

к слову есть развитие. Мысль не выражается в слове, но совершается в слове. Можно было бы поэтому говорить о становлении (единстве бытия и небытия) мысли в слове» [Выготский, 1996, с. 306]. В свою очередь, М. М. Бахтин, например, прямо исходит из того, что «действительность языка и есть его становление» [Бахтин, 1998, с. 350].

Следует признать, что, несмотря на всеобщее признание гениальных открытий Л. С. Выготского и М. М. Бахтина, проложивших путь к исследованию столь специфического феномена, как становление, вопрос о реальном изучении конкретного становления речи конкретного говорящего остается открытым до сих пор.

Мы можем констатировать, что язык становится в речи, а мысль становится в слове. Это означает, что речь не простое механическое движение-перемещение единиц языка или мысли во времени, но процесс, осложненный в каждый момент времени процессами иного рода, а именно: взаимодействиями как «внешнего» порядка — между говорящим и внешней социальной средой, так и «внутреннего» порядка — между сознанием говорящего и произносимой речью, причем эти взаимодействия в том или ином виде не прекращаются никогда. «Процесс речи, понятый широко как процесс внешней и внутренней речевой жизни, вообще непрерывен, он не знает ни начала, ни конца. Внешнее актуализированное высказывание — остров, поднимающийся из безбрежного океана внутренней речи, размеры и форма этого острова определяются данной ситуацией высказывания и ее аудиторией» [Бахтин, 1998, с. 393].

В идее становления заключены взаимодействия и их непрерывность. О взаимодействиях, «которые нельзя исключить», пишут И. Пригожин и И. Стенгерс: «Взаимодействие никогда не прекращается. Поэтому взаимодействия, существующие лишь в течение ограниченного промежутка времени, относятся к чисто модельным, идеальным ситуациям. Тогда как непрекращающиеся взаимодействия свойственны большинству физически важных реалистических ситуаций» [Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 165]. Действительно, взаимодействия как внешнего, так и внутреннего порядка, в которые «погружен» говорящий, не могут быть произвольно «отключены» и, следовательно, не могут сбрасываться со счетов при описании речи.

Социальное и индивидуальное взаимодействуют в каждый момент речи и не могут быть разделены механически. Точно так же взаимодействие мысли и слова не сводимо ни отдельно к мысли, ни отдельно к слову. И лишь учет одновременности и непрерывности разного рода взаимодействий позволяет уловить внутреннюю

«логику», или организацию, речи, не подменяя ее внешней логикой наблюдателя.

Неподготовленная речь, которую мы скорее могли бы назвать «стихийной», чем «спонтанной», наглядней и весомей, чем, например, речь подготовленная или тем более текст, демонстрирует самый процесс становления. В качестве диссипативной структуры она есть процесс непосредственной «объективации» становящейся мысли и одновременно — «объективации» процесса преодоления стихий.

Под названием «диссипативные структуры» принято понимать организованное поведение, которое возникает при необратимом взаимодействии с внешним миром, «знаменуя поразительную взаимосвязь двух противоположных аспектов: диссипации, обусловленной порождающей энтропией активностью, и порядка, нарушаемого, согласно традиционным представлениям, этой самой диссипацией» [Пригожин, Стенгерс, 2000, с.53]. Речь постоянно находится под давлением хаотической активности (как собственно речевой, так и иного рода), идущей как извне, так и изнутри, и структурирована — организована — упорядочена может быть в той мере, в какой ей удастся структурировать — организовать — упорядочить хаос, следы которого тем не менее присутствуют в любой устной речи.

При этом индивидуальная устная речь как будто отнюдь не стремится исчезнуть, ее собственный внутренний механизм противостоит забвению, рассеянию, диссипации. Отзвучав, речь исчезает, но можно считать «памятью» все повторяющиеся единицы. То есть сколько-нибудь устойчивые зоны в непрерывно изменяющейся речевой ситуации могут быть обнаружены только за счет всегда присутствующих в любой речи повторов (возвращений). Повторы разных типов могут быть при этом рассмотрены как присущий речи механизм «самообновления», «самопроизводства» высказывания.

Рефлексия говорящего в процессе становящейся речи едва ли может быть полностью приравнена к рефлексии, например, пишущего текст автора. Если признать, что «рефлексия — это осознанность речевого поведения» [Борисова, 2007, с.75], то степень осознанности будет зависеть от очень большого числа факторов, включая индивидуальные особенности; кроме того, будет очевидно, что «в неофициальном общении степень рефлексии убывает» [Борисова, 2007, с.75].

Если же под рефлексией понимать интегративный уровень обратной связи, включающий в себя или учитывающий множество различных связей более низкого порядка, то она не будет в каждый

момент времени тождественна осознанности, а с учетом условий протекания речи либо будет как бы полностью «отключаться», либо «включит» автоматический режим, не требующий дополнительных мыслительных усилий, — то, что Л. П. Якубинский называл «речевым автоматизмом», не различая при этом автоматизм и бессознательное: «мы пользуемся речью как бы бессознательно, автоматически» [Якубинский, 1986, с. 52]. Таким образом, можно выявить в речи основной момент, превращающий хаос в упорядоченную структуру — это автоматизмы разных уровней: от доречевого уровня хезитативов *э-э, м-м, ну*, вербальных хезитативов *вот, так, значит*, — до автоматизмов более сложного порядка *может быть, именно, все-таки, наверно(е), соответственно, в принципе*, и развернутых вполне осознаваемых повторов типа: *совершенно очевидно, что..., нужно понимать / следует отдавать себе отчет в том, что...* и т. д.

Как реагирует говорящий на эти не осознаваемые им взаимодействия как внутреннего (психофизиологического), так и внешнего (социального) характера? Он непрерывно обучается, осознанно или неосознанно вырабатывая (приобретая) свои индивидуальные навыки речи. «Эволюция, по крайней мере в области живого, по существу представляет собой процесс обучения. Более тонкий подход к динамике самоорганизации учитывает число степеней свободы, которым располагает система для самоопределения своей собственной эволюции и для нахождения временной оптимальной устойчивости при заданных условиях» [Янч, 1999, с. 148].

Немаловажный вопрос о том, что именно происходит в моменты «включения сознания» / отключения автоматического режима, остается открытым, равно как и вопрос, в каких именно ситуациях и как именно происходит указанное отключение автоматизма.

Мышление «организует наше приспособление к миру в особенно сложных ситуациях... регулирует наше отношение к реальности...» [Выготский, Лурия, 1993, с. 138], но проблема заключается в том, что «сложность» или «простота» ситуации никак не заданы априори, сложность может возникнуть в любой момент речи (как извне, так и изнутри, из каких-то внутренних мотивов или побуждений самого говорящего), — это характеристики становления самой ситуации, в которой протекает речь.

Как представляется, основным и ведущим моментом в процессе говорения является интегральная ориентация говорящего в ситуации, предполагающая одновременный учет множества разнохарактерных сигнализаций, в том числе и так называемых сбивающих

моментов. Все ситуации речи можно признать в той ли иной степени сложными, но тогда следует определиться: либо человек постоянно вынужден контролировать свою речь (и тогда она уже не автоматизирована), либо в сложные моменты должны работать автоматизмы, так сказать, иного порядка.

Выдающийся отечественный физиолог Н. А. Бернштейн построил свою теорию движений на уровневом принципе, где уровень определяется двигательной задачей: так, выделяются пять уровней построения движений, различающиеся между собой анатомическим субстратом, ведущей афферентацией, основными функциями и, что в нашем случае наиболее существенно, — различной степенью осознаваемости выполняемых действий. Обозначаются уровни латинскими буквами, где А — низший, а Е — высший из уровней. Кроме того, Н. А. Бернштейн дает исчерпывающую, на наш взгляд, характеристику автоматизмов: «Автоматизмы — это те координации, реализуемые на низовых уровнях, которые не содержатся сами по себе в двигательных контингентах этих уровней, не имеют в них мотивов к возникновению... а получают эти мотивы от вышележащих уровней...» [Бернштейн, 1990, с. 175].

Если не отождествлять навык и автоматизм, тогда существующие в «автоматическом» режиме многочисленные повторы самого различного характера, затрудняющие речь иногда в чрезвычайной степени (мы называем это «нег-автоматизмами»), по всей видимости, будут являться лишь проекцией навыка на «нижележащие» уровни, не доходя даже до уровня D, и, следовательно, будут характеризовать разные степени развития, или, вернее, — недоразвития навыка. По совокупности как внутренних (психофизиологических), так и внешних (социальных) причин данные структуры фиксируются именно на этой стадии и превращаются в привычку, то есть в тот же навык, но со знаком «минус».

Ключевым у Н. А. Бернштейна является понятие *координации*. «Координация движений есть преодоление избыточных степеней свободы движущегося органа, иными словами — превращение его в управляемую систему... С намерением говорится не о закреплении, протормаживании и т. п. избыточных степеней свободы, а об их преодолении» [Бернштейн, 1990, с. 384]. Развитый навык и есть координация, преодолевающая избыточные степени свободы, а привычкой может стать именно их «закрепление, протормаживание и т. п.», что мы и наблюдаем на низших уровнях речевых автоматизмов, то есть нег-автоматизмы есть признак отсутствия координации.

Приведенное выше понятие «степеней свободы» применительно к спонтанной речи вполне согласуется со следующим выводом автора диссипативных структур И. Пригожина: «...сильно неравновесные связи существенно ограничивают разнообразие этого поведения по сравнению с априорной равновероятностью всех возможных режимов» [Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 82], то есть самый характер внешних и внутренних, часто «сбивающих» факторов, их совокупное воздействие на говорящего в любой момент речи сильно ограничивают потенциальную «равновероятность» всех возможных и мыслимых высказываний, слов и фраз, но «неравновесными связями» ограничивается абсолютная свобода, то есть неупорядоченный речевой хаос, а вовсе не языковая свобода говорящего, обусловленная как раз владением нормой и правилами.

Почти одновременно с открытием И. Пригожиным диссипативных структур биологами Иллинойского университета была предложена «новая формулировка свойств живых систем», где центральным понятием стал *аутопозз*²: «Мы заявляем, что живые существа характеризуются тем, что постоянно самовоспроизводятся. Именно на этот процесс самовоспроизводства мы указываем, когда называем организацию, отличающую живые существа, аутопоззной организацией» [Матурана, Варела, 2001, с. 40]. Аутопозз является при этом интегральным и универсальным понятием для различающихся механизмов разных типов самовоспроизводства, присущих разным формам жизни — от клеток организма до целых обществ, одновременно являясь и результатом, и источником так называемых «структурных сопряжений». «Мы говорим о структурном сопряжении всякий раз, когда пишется история рекуррентных взаимодействий, приводящих к структурной конгруэнции между двумя (или более) системами. Среди всех возможных взаимодействий между системами существуют такие, которые имеют явно выраженный рекуррентный, или повторяющийся, характер» [Матурана, Варела, 2001, с. 68].

Примечательно, что в то время как у Н. А. Бернштейна речь идет исключительно о внутренней координации, у биологов У. Матураны и Ф. Варелы — о координации в том числе внешней, социальной: жизнь «являет собой изысканную хореографию поведенческой координации... Сознание и разум лежат в области социального сопряжения — именно там источник их динамики...

² Имеются варианты перевода данного термина: *автопоззис*, *аутопоззис*, *аутопойзис*, *аутопозз*. В статье используется вариант перевода цитируемого здесь издания.

Кроме того, поскольку мы существуем в языке, порождаемые нами дискурсные области (поля суждений) становятся частью нашей области существования, равно как и фрагментом окружающей среды, в которой мы сохраняем идентичность и адаптацию» [Матурана, Варела, 2001, с. 206–207]. Таким образом, все образцы и варианты речи пребывают именно в неустраиваемой и развивающейся социальной сопряженности, воспроизводящей себя в различных формах и видах и служащей неисчерпаемым источником формирования любых, в том числе речевых, навыков. Любопытно также, что если у Выготского язык — «социальный механизм поведения» [Выготский, 1996, с. 87] (и это сказано уже на рубеже 1920–1930-х годов, то есть почти сто лет назад), то у наших современников У. Матураны и Ф. Варелы язык — «способ социального сопряжения людей» [Матурана, Варела, 2001, с. 174].

Некоторый свет на то, как именно на самом глубинном, нейронном уровне осуществляется социальное, в том числе лингвистическое, сопряжение между индивидами, и следовательно, каким образом становятся, воспроизводятся и сообщаются/передаются динамические стереотипы, автоматизмы и навыки — проливает еще одно активно развивающееся направление естественно-научных исследований, которое получило название *социальная нейронаука*. Это направление исследует нейрофизиологические механизмы социального поведения. По мнению нейрокогнитивиста Дж. Риццоллатти, открывшего в начале 1990-х годов так называемые «зеркальные» нейроны, «моторное знание о наших собственных действиях есть необходимое и достаточное условие незамедлительного понимания действий других» [Риццоллатти, Синигалья, 2012, с. 9]. Главная задача «зеркальных» нейронов связана «с пониманием значения действий других... в терминах целенаправленных движений», то есть «зеркальный механизм фиксирует интенциональный аспект действий, общий для наблюдателя и исполнителя» [Риццоллатти, Синигалья, 2012, с. 10]. Следовательно, и аутопоэз, и рекуррентность становятся вполне наблюдаемыми и объяснимыми феноменами даже на нейрокогнитивном уровне.

Таким образом, в чрезвычайно изменчивой и подвижной, практически хаотичной речевой среде посредством не осознаваемых человеком механизмов у него вырабатываются собственные (автономные), но в разной степени сопряженные с социальным окружением речевые особенности/навыки, которые, будучи в разной степени автоматизированы, в то же время под действием тех же самых механизмов являют собой весьма изменчивые структуры.

«Каждая структура есть принуждение. Мы, люди, существуем как люди в сети структурных связей, которую мы непрерывно плетем... уникальность человека заключается исключительно в социальной структурной сопряженности, которая осуществляется через оязычивание, порождающее (а) регулярности, свойственные социальной динамике человека, например, индивидуальность и самосознание, и (б) рекурсивную социальную динамику... которая влечет за собой рефлексию, позволяющую понять, что как человеческие существа мы обладаем только тем миром, который создаем вместе с другими людьми, нравятся нам они или нет» [Матурана, Варела, 2001, с. 216–217].

Понимая становление речи именно как одновременные процессы диссипации и аутопоэза, можно заключить, что индивидуальная манера речи — речевая траектория индивида — являет собой относительно устойчивую способность к координации речевых действий и к «нахождению» той самой «временной оптимальной устойчивости при заданных условиях» (см. выше), которая служит «сохранению идентичности и адаптации» индивида. Поскольку данная траектория всегда является результатом взаимодействия двух ведущих, но разнонаправленных механизмов — диссипации и аутопоэза, — ее устойчивость, равно как и изменчивость, в любой момент может быть ограничена как внутренними, так и внешними факторами.

«Именно наша история рекуррентных взаимодействий есть то, что делает возможным наше онтогенетическое структурное развитие в структурной сопряженности, открывающей возможность межличностной координации действий» [Матурана, Варела, 2001, с. 205], каковая, добавим, напрямую связана с вербальной коммуникацией и в том числе — с устной речью.

Литература

- Бахтин М. М. Марксизм и философия языка // Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998.
- Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность / под ред. О. Г. Газенко. М.: Наука, 1990.
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Матурана У., Варела Ф. Дерево познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913.

Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания / пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Язык и его функционирование: Избранные работы. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

Янч Э. Самоорганизующаяся вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.

Новые концепты в языке и культуре после пандемии

В статье рассматриваются ключевые концепты новой глобальной картины мира, возникшей в результате осмысления реальности, созданной пандемией COVID-19. Актуальность работы состоит в попытке преодоления мировоззренческой неопределенности и исследовании концептов новой реальности, таких как ПАНДЕМИЯ COVID-19 и СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ. Предметом исследования становятся языковые единицы, посредством которых происходит актуализация рассматриваемых концептов. Метод концептуального анализа, используемый в работе, позволяет выявить степень проработанности указанных концептов в глобальной и национальных культурах посредством анализа и описания понятийной, образной и значимостной характеристик. Исследование показывает, что концепт ПАНДЕМИЯ является ключевым в глобальной культуре в настоящее время, имеет особую значимость и восходит к универсальной человеческой ценности безопасности. Концепт СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ понимается различными культурами достаточно противоречиво. Английский язык оценивает концепт СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ положительно, в то время как русское языковое сознание вербализует данный концепт при помощи негативных коннотаций, выявляющих противоречие концепта с мировоззренческими установками русской лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт, пандемия, социальная дистанция, культура.

O. V. Glukhova

The new post-pandemic concepts in language and culture

The paper deals with the key concepts of a new worldview emerged due to the COVID-19 pandemic. The study tries to overcome the mindset uncertainty and look into the concepts of new reality: COVID-19 pandemic and social distance. The language units that foreground the concepts under investigation turn to be the subject of the article. The conceptual analysis method enables to outline the concepts elaboration degree in global and national cultures. The method consists in conceptual, imagery and meaningful description and analysis of the concepts. The study shows that the concept Pandemic COVID-19 is the main key concept of global culture that is extremely significant as it deals with the security value. The concept social distance is considered to be

a contradictory one from the cultural perception point of view. It is referred positively in English language whereas in Russian language it connotes a negative meaning, and comes into conflict with Russian linguocultural world-view orientations.

Keywords: concept, pandemic, social distancing, culture.

Введение

Эпидемии и пандемии вмешивались в повседневную жизнь человека на протяжении всего его существования, однако пандемия COVID-19 стала событием беспрецедентным, в первую очередь по объемам информации, генерируемым вокруг этого явления. Пандемия сломала привычный уклад жизни огромного количества людей. Традиционные способы и стратегии поведения, определяемые универсальным для того или иного общества набором ценностей и норм, оказались неэффективными в условиях новой реальности, которая поставила под сомнение нерушимость существовавшего миропорядка. Возникла новая картина мира, в основу которой легли иные ценности, главнейшей из которых стала ценность «голой» жизни (термин итальянского философа Дж.Агамбена [Agamben, 2020]). Ключевыми единицами новой картины мира выступили такие концепты, как ПАНДЕМИЯ COVID-19, САМОИЗОЛЯЦИЯ, КАРАНТИН, ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ, УДАЛЕННАЯ РАБОТА, СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ. Объем и содержание указанных концептов отличаются у представителей разных культур в зависимости от степени соприкосновения с явлением, но ядерные части этих концептов представляются универсальными.

Актуальность работы состоит в необходимости исследования указанных концептов и новых актуализирующих их языковых единиц с точки зрения преодоления мировоззренческой неопределенности. Целью исследования является изучение и выявление степени проработанности новых концептов, возникших в результате пандемии COVID-19 в глобальной культуре и национальных языках. Объектом исследования становятся концепты новой картины мира, а предметом — их языковые реализации. Основным методом исследования выступает метод концептуального анализа, который заключается в отборе и анализе языкового материала, актуализирующего тот или иной концепт, выявлении базовых компонентов его семантики и степени оценки представителями глобальной или национальной культуры.

Результаты исследования

Концепт, согласно определению С.Г.Воркачёва — это «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2002, с.89]. Концепты, о которых идет речь в данном исследовании, в силу определенных обстоятельств оказались единицами глобального сознания, с незначительными корреляциями в отдельных культурах (равно государствах). В данном случае отличия в содержании и объемах концептов связаны с политической картой мира больше, чем в традиционном их понимании, так как их проработанность связана с ограничениями, вводимыми правительствами государств в зависимости от уровня угрозы здоровью населения в условиях пандемии COVID-19.

Наименование ПАНДЕМИЯ COVID-19 в беспрецедентно короткий срок стало именем ключевого концепта новой картины мира с полным спектром семантических параметров, «отраженной в сознании абстрактной идеей» [Евсюкова, Глухова, 2020, с.205] и может рассматриваться в «понятийном, образном, ценностном, поведенческом, этимологическом и культурном «измерениях» [Воркачев, 2002, с. 90].

Любое исследование концепта предполагает выделение в его составе трех составляющих: понятийной, образной и значимостной [Воркачев, 2002, с. 90]. Понятийная сторона концепта ПАНДЕМИЯ COVID-19 уже зафиксирована словарями некоторых европейских языков («Оксфордский словарь», «Словарь Мериам-Вебстер» и т.д.), не имеет отличий в разных языках и восходит к определению COVID-19, предложенному Всемирной организацией здравоохранения: «An acute respiratory illness in humans caused by a coronavirus, which is capable of producing severe symptoms and death, esp. in the elderly and others with underlying health conditions. Also (more fully COVID-19 virus): (an informal name for) the coronavirus which causes this illness» («Острое респираторное заболевание человека, вызываемое коронавирусом, способное провоцировать тяжелые симптомы, а также смерть. Наиболее уязвимыми являются лица пожилого возраста и лица с хроническими заболеваниями. Термин COVID-19 также часто используется в качестве неофициального обозначения коронавируса, являющегося причиной заболевания») [Oxford English Dictionary].

В толковых словарях русского и испанского языков данная номинация еще не зафиксирована, однако в испанской прессе широко

обсуждается вопрос орфографии данного наименования. Акроним COVID-19 имеет женский род в испанском языке, чаще всего употребляется с артиклем, допустимы варианты написания строчными буквами или прописными, однако, в отличие от английского языка, написание с заглавной буквы считается некорректным.

COVID-19 — единица терминологической системы — в кратчайшие сроки переместилась из узкопрофессиональной сферы эпидемиологии в разряд общеупотребительной лексики и превратилась в абстрактную идею, определяющую образ жизни и поведение половины населения планеты. Указанное наименование оказалось крайне продуктивным с точки зрения словообразования. Его производными являются слова английского языка: *covidity*, *covidiot*, и их эквиваленты в русском языке — *ковидарность*, *ковидиот*, а также *ковидный*, *ковид-диссидент* и др.

Образную составляющую любого концепта, как правило, формируют и закрепляют в языковом сознании когнитивные метафоры [Воркачев, 2002, с. 80]. Образность концепта ПАНДЕМИЯ COVID-19 формируется бесконечным количеством интернет-мемов. Согласно определению Р. Докинза, «мем — это основная единица передачи культурной информации» [Dawkins, 1976, p. 11]. С точки зрения семиотического подхода мем обладает способностью представлять мнение социальных групп о политических или общественных проблемах, с одной стороны, и оказывать влияние на общественное мнение — с другой [Барт, 2010]. В лингвистике мем определяется как «креолизированный текст: образование, соединяющее вербальные и невербальные элементы и целостно воздействующее на адресата» [Щурина, 2014]. Мем, по мнению Е. Н. Лысенко, используется «в коммуникации с целью передать эмоции определенной аудитории или создать комический эффект» [Лысенко, 2017, с. 414]. Важнейшим условием понимания интернет-мема становится владение культурным кодом, в качестве которого часто выступают прецедентные тексты, известные личности, персонажи или явления массовой культуры. На рис. 1 представлен интернет-мем с изображением сцены из культового советского фильма «Бриллиантовая рука», сопровождаемый репликой героини, в которой последнее слово *любовницу* замещает вариант *работу*, отсылая к ситуации вынужденной самоизоляции и переходу на удаленную работу. Вся совокупность средств выражения данного интернет-мема указывает на негативную степень оценки подобного рода поведения в условиях поддержания общественного порядка в период пандемии и несмотря на ироничный характер оказывает регулирующее воздействие на реципиента.

— И вы знаете, я не удивлюсь, если завтра выяснится, что ваш муж тайно посещает РАБОТУ!

Рис. 1. Интернет-мем в контексте пандемии

Источник: <https://yagazeta.com/stil-zhizni/yumor/yumor-ot-nosheniya-i-karantin/> (дата обращения: 13.10.2020).

Таким образом, мемы предстают вербально-визуальными «контаминантами», апеллирующими к концепту посредством интертекстуальности, символичности [Ostanina-Olszewska, Majdzińska-Koczorowicz, 2019, p.11] и сложной семантической структуры. Большинство интернет-мемов имеют сложный набор коннотаций, которые вызывают определенные ассоциации, в том числе и за счет использования образных средств, таких как метафора, метонимия, гипербола, ирония или сарказм.

Одними из основных характеристик интернет-мема являются вирусность и реплицируемость, актуальность [Канашина, 2017]. Распространение интернет-мемов в период пандемии, как способ противостоять стрессу с помощью юмора и иронии, приобрело небывалые масштабы. Эта тенденция находит отражение в искусстве создания интернет-мемов. Рис. 2 изображает мем, включающий в себя диалог между дедом и внуком и соответствующее ситуации изображение. Диалог имеет комический эффект благодаря использованию абсурдных с точки зрения ситуации реплик. Сарказм как образное средство языка используется в данном случае и как средство оценки описываемого феномена.

При помощи образных средств происходит фиксация концепта ПАНДЕМИЯ COVID-19 в языковом сознании и дальнейшее его оценивание. Оценивание связано со значимостной стороной концепта и проявляется в отношении к нему со стороны языковой личности. «Оценка — действие присвоения положительных и отрицательных

**"В 2020 ГОДУ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ НАВИСЛА
УГРОЗА СМЕРТЕЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ, ПАНИКА
РАСПРОСТРАНИЛАСЬ ПО ВСЕМУ МИРУ, КАК
НИКОГДА ПРЕЖДЕ"**

"И ЧТО ЖЕ ТЫ ДЕЛАЛ, ДЕДУШКА?"

**"КИДАЛ СВОИМ ДРУЗЬЯМ СМЕШНЫЕ МЕМЫ
ИЛИ ТИПА ТОГО"**

Рис. 2. Интернет-мем как образное средство фиксации концепта

Источник: https://idaprikol.ru/picture/v-2020-godu-nad-celovecestvom-navisla-ugroza-smertelnoi-pandemii-panika-AMbvCXFW7?gallery=use&query=thorough_hohotyhi (дата обращения: 13.10.2020).

свойств объекту» [Марьянчик, 2013, с. 78]. Оценочность рассматриваемого концепта определяется в ходе анализа лексико-семантических и ассоциативных характеристик языкового материала, используемого в текстах, описывающих пандемию.

Следует отметить, что набор лексических средств, обеспечивающих «вход» в концепт, ПАНДЕМИЯ COVID-19, крайне разнообразен. Среди наиболее распространенных можно выделить: *коронавирус*, *корона* (и ряд производных, таких как *коронаскептик*, *корониалы* и др.), *пандемия*, *ковид*.

Российский фонд общественного мнения в рамках проекта «К-ФОМ» проводит исследования отношения россиян к сложившейся ситуации. Результаты опросов, проводимых фондом, содержат большое количество языкового материала, анализ которого

дает возможность выявить наиболее частотные оценочные средства и определить степень значимости концепта в массовом сознании. Так, частотными оказываются лексические единицы: *сложно, тревога, переживаю, опасность, сложная ситуация, тяжело, безопасность*. С точки зрения семантики все указанные единицы содержат отрицательные коннотации, что свидетельствует о негативном отношении к пандемии в целом. Однако следует отметить, что имеется и ряд противоположных реакций, некоторые из них употребляются в ироничном смысле («Коронавирус — лучшее что могло случиться со мной: жена больше не хочет путешествовать, не хочет ничего покупать, потому что все товары делают в Китае. Она не посещает торговые центры и различные мероприятия, боясь заражения. Она проводит весь день и всю ночь с закрытым ртом. Это не вирус, это план спасения!»), другие — в прямом смысле («Смотрел много фильмов, сериалов. Ну, вообще, в эпоху интернета это очень приятное времяпрепровождение — карантин»).

Другим критерием определения значимости концепта является частотность употребления в письменной и устной речи языковых единиц, активизирующих исследуемый концепт. С этой точки зрения концепт ПАНДЕМИЯ COVID-19 оказался крайне проработанным, его имя (*COVID*), по данным «Оксфордского словаря», претендует на звание «слова года», в то время как слово *коронавирус* уже объявлено «детским словом года — 2020» [The Oxford Children's Dictionaries]. «К-ФОМ» проводит ежедневный мониторинг социальных сетей и поисковых систем по теме «Коронавирус» и представляет список наиболее распространенных слова в виде облака, представленного на рис. 3.

Следует отметить, что лексические единицы *covid, коронавирус, ковид* занимают лидирующее место среди наиболее частотных на протяжении уже 8 месяцев.

Рассмотрев различные стороны содержательной структуры концепта ПАНДЕМИЯ COVID-19, можно утверждать, что его поле охватывает большую часть современной действительности, ядро же апеллирует к ценности личной и общественной безопасности, требующей соблюдения определенных внешних предписаний. Меры по сдерживанию коронавирусной инфекции дали возможность сформироваться в глобальном сознании и другим концептам (СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ в том числе), для которых концепт ПАНДЕМИЯ COVID-19 является ключевым.

Социальная дистанция стала важнейшим условием нераспространения вируса. Так же, как *COVID*, который использовался

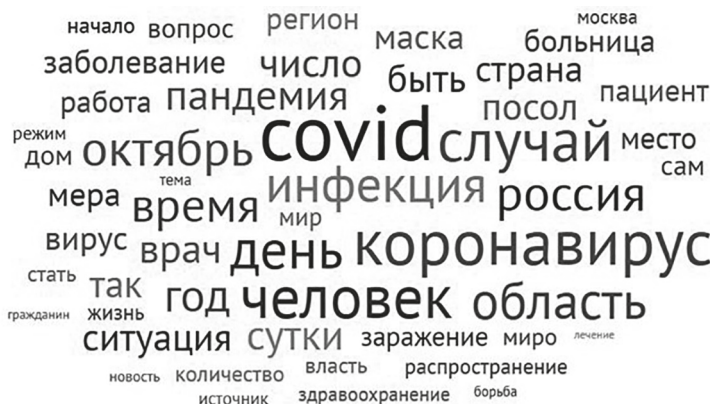

Рис. 3. Облако популярных слов в постах о коронавирусе за период 8–11 октября 2020 г.

Источник: <https://covid19.fom.ru/k-sm> (дата обращения: 13.10.2020).

исключительно в области медицины, словосочетание *социальная дистанция* до пандемии употреблялось преимущественно в социологическом контексте и определялось как «понятие, характеризующее размещение социальных групп и индивидов в социальном пространстве и устанавливающее степень близости или отчужденности их между собой — как задаваемую институционально, так и ощущаемую самими агентами социальных взаимодействий» [Новейший философский словарь, 1998, с. 715]. Специальное значение словосочетание имело и в английском языке: ‘aloofness or deliberate attempt to distance oneself from others socially’ (‘отчужденность, дистанционность или намеренное желание оградить себя от общества’) [Oxford English Dictionary]. В настоящее время словари фиксируют иное значение: ‘keeping a physical distance between ourselves and others to avoid infection’ (‘сохранение физической дистанции при общении во избежание заражения’) [Oxford English Dictionary]. Российские словари не отражают нового значения термина, однако в новых обстоятельствах его семантические характеристики оказываются прозрачным для каждого. Социальная дистанция — это физическое расстояние, которое следует соблюдать, чтобы избежать инфицирования вирусом COVID-19. Слово *дистанция*, по данным «К-ФОМ», стало появляться в русскоязычном интернет-дискурсе в 8 раз чаще только за период с 1 декабря 2019 г. по 23 апреля 2020 г., что свидетельствует о повышении значимости концепта в сознании говорящих.

Феномен социального дистанцирования появился как обстоятельство, навязанное извне. Язык фиксирует внешнюю необходимость следующими лексическими сочетаниями: нарушение дистанции, безопасная дистанция, соблюдать дистанцию, назначение дистанции, рекомендованная дистанция, должны соблюдать, вынуждены будем, обязаны соблюдать, обязательная дистанция, сохранять дистанцию, нарушение дистанцирования и императивными конструкциями типа «Не кашляй возле меня!».

В русском языке правила общественного поведения традиционно формулируются в самой «категоричной форме повелительного наклонения — инфинитиве глагола» [Тер-Минасова, 2000, с. 204]. Так, наклейки для напольной разметки содержат следующие речевые формулы: «Соблюдай дистанцию!»; «Сохраняй дистанцию!»; «Соблюдай дистанцию. Береги здоровье!» Однако возможны смягченные варианты с императивом второго лица множественного числа: «Старайтесь соблюдать дистанцию 1,5–2 метра»; «Соблюдайте дистанцию 1,5 метра; Берегите здоровье!»; «Держите дистанцию, не садитесь здесь!» И совсем нетипичные по степени вежливости в данном речевом жанре клише: «Пожалуйста, соблюдайте дистанцию!»; «Уважаемые клиенты, обращайтесь внимание на разметку на полу и соблюдайте дистанцию не менее 1,5 метров друг от друга. Это снизит риск заражения коронавирусной инфекцией. Оставайтесь здоровыми».

Английский язык оказывается менее категоричным в объяснении правил дистанцирования, предпочитая формулы вежливости приказам и указаниям («Thank you for practicing social distancing»; «Please keep your distance, wait here»; «Please wait here, help support social distancing»; «Please keep 2 m apart, please ensure social distancing»; «Please wait here, we care about your safety»), благодаря чему возникает ощущение заботы со стороны предписывающих органов, а не принуждения, как в случае с русским языком, что в целом влияет на степень оценки концепта носителем языка.

Оценочные характеристики концепта СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ представляются довольно противоречивыми в русском языке. Иллюстративными в этом отношении являются статусы в социальных сетях: «Я держу социальную дистанцию», «Я переболел коронавирусом», «Я открыт для объятий», «Я открыт для знакомств», «Я ничего не боюсь», «Отойди от меня», «Мне не стыдно заявить о социальной дистанции», «Я не боюсь», «Я заболел», «Я переболел». В русском языковом сознании желание сторониться человека или нежелание входить в контакт оцениваются как

негативные действия. Так, фраза «Человек человеку друг, товарищ и брат», созданная советской пропагандой как ответ латинскому «*Homo homini lupus est*» («Человек человеку волк») становится ключевой для понимания отношения к ситуации социальной дистанции в российской реальности. Перечисленные выше примеры показывают преобладание внутренней установки на контакт над стремлением к безопасности и определяют культурно-специфические модели поведения.

Концепт СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ актуализируется в повседневной жизни посредством моделей поведения, которые в процессе когнитивной деятельности продуцируют новые наименования и смыслы. Так, группа ученых, исследующих проблему сохранения социальной дистанции в процессе движения пешеходов в условиях города во время пандемии, утверждает, что в английском языке появилась новая идиома *the mutual or unilateral 'swerve'*, которая обозначает взаимное или одностороннее осознанное изменение положения тела в пространстве относительно проходящего мимо человека, обеспечивающее безопасное с точки зрения возможности заразиться расстояние [Laurier et al., 2020]. Лексема *swerve* (определяемая словарем Lingvo как 'отклонение (от курса), уклонение, виляние') [ABBY Lingvo], приобретает новое образное значение, связанное с реалиями пандемии.

В связи с этим следует отметить, что важнейшим аспектом в восприятии концепта СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ являются параметры физического расстояния. Безопасным считается расстояние 1–2 метра, однако в разных странах существуют свои официальные требования к соблюдению безопасной дистанции. На рис. 4 показаны подобные отличия.

Таким образом, ценность безопасности, к которой восходит рассматриваемый концепт, обеспечивается в разных культурах разными средствами, даже в условиях такого общего для всех явления, как социальная дистанция. Сокращение предписанного расстояния вызывает дискомфорт и в обычной жизни, а в условиях пандемии вызывает ощущение опасности, которое вербализуется следующими высказываниями: «Не подходи!», «Отойди подальше», «Дистанция», «Stay apart», «Remember social distancing» и т.д. Значимость концепта СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ оказывается достаточно высокой, что подтверждается частотностью употребления имени концепта и его производных в устной и письменной речи. Таковы многочисленные подписи к фотографиям в социальных сетях: «Две женщины из моего района всегда гуляют вместе. Сегодня увидел,

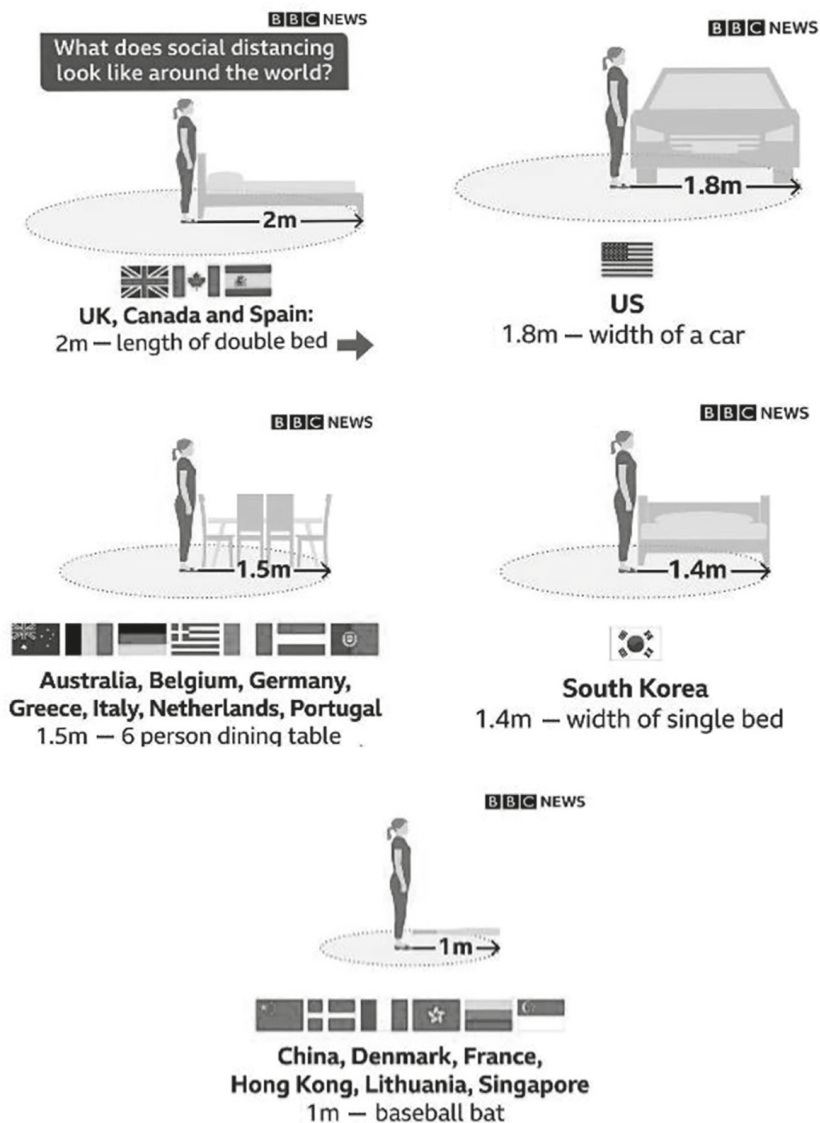

Рис. 4. Параметры физического расстояния для соблюдения социальной дистанции в различных культурах

Источник: <https://t.me/breakingtrends> (дата обращения: 13.10.2020).

как они шли в метре друг от друга. Здорово, когда люди что-то понимают!», «Дети играют в мяч на заднем дворе и не забывают про правила дистанции», «“Безопасная” очередь», «Тем временем на моем районе: уличная вечеринка с танцами на социальной дистанции» (Социальная дистанция..., 2020).

Рассмотрение содержательной структуры концепта СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ позволяет сделать вывод о высокой степени его проработанности в глобальной культуре с некоторыми оговорками в рамках отдельных культур и языков.

Заключение

Концепты ПАНДЕМИЯ COVID-19 и СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ представляют собой сложные ментальные образования, возникшие в ходе резкой смены образа жизни в глобальном масштабе в результате распространения в 2019–2020 гг. вируса COVID-19. Концепты как феномены когнитивной деятельности человека обладают высокой степенью значимости и способностью определять модели поведения и способ мировидения как отдельной личности, так всего человечества. Рассматриваемые концепты являются глобальными конструктами, вербализация которых происходит во всех языках и культурах, столкнувшихся с пандемией. Оба концепта соотносятся с базовой ценностью безопасности.

Концепт ПАНДЕМИЯ COVID-19 является универсальным с точки зрения понятийной и значимостной характеристик в глобальной культуре и актуализируется на всех уровнях языковой структуры. Вербализующие концепт единицы являются частотными и продуктивными в глобальном дискурсе. Образная сторона концепта реализуется посредством креолизованных текстов (мемов), специфических для каждой отдельной культуры.

Концепт СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ является второстепенным по отношению к концепту ПАНДЕМИЯ и прорабатывается особым образом в каждой отдельно взятой лингвокультуре. Так, английский язык транслирует эмпатию и ряд положительных оценок указанного концепта, размещая его в семантическом поле заботы о безопасности граждан, соблюдающих предписания социального дистанцирования. В русском языке, напротив, концепт оказывается в отношениях противоречия с мировоззренческими установками, что сказывается на моделях поведения (соблюдение социальной дистанции в России оказывается не самой приоритетной мерой в борьбе с коронавирусом).

Исследование носит описательный характер и предполагает дальнейшее осмысление, расширение и верификацию в корпусах языков методами количественной лингвистики ввиду особой значимости явления и степени его воздействия на бытие и сознание.

Источники

Социальная дистанция: как люди ее практикуют во время пандемии // Fishki.net. 21.03.2020. URL: <https://fishki.net/3262761-socialnaja-distancija-kak-ljudi-ee-praktikujut-vo-vremja-/pandemii.html> (дата обращения: 13.10.2020).
К-ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/> (дата обращения: 13.10.2020).

Литература

- Барт Р.* Мифологии / пер. с фр., вступ. ст., коммент. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2010.
- Воркачев С. Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79–95.
- Евсюкова Т. В., Глухова О. В.* Концептуальная картина мира после пандемии // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2020. № 10. С. 204–210.
- Канашина С. В.* Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-internet-mem> (дата обращения: 12.10.2020).
- Лысенко Е. Н.* Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.403> (дата обращения: 12.10.2020).
- Марьянчик В. А.* Аксиологичность и оценочность медиаполитического текста. М.: Либроком, 2013.
- Щурина Ю. В.* Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6 (59). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-problema-tipologii> (дата обращения: 10.10.2020).
- Agamben G.* L'invenzione di un'epidemia // Quodlibet. 26.02.2020. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia> (дата обращения: 10.10.2020).
- Dawkins R.* The Selfish Gene. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Laurier E., Hamann M., Albert S., Stokoe L.* Walking in the time of COVID-19 // Research on Language & Social Interaction. 05.05.2020. URL: <http://rolsi.net/2020/05/05/guest-blog-walking-in-the-time-of-covid-19/> (дата обращения: 10.10.2020).
- Ostanina-Olszewska J., Majdzińska-Koczorowicz A.* A Cognitive Linguistics approach to internet memes on selected Polish internet sites // Cognitive Studies

| Études cognitives. 2019. No. 19. URL: <https://doi.org/10.11649/cs.1939> (дата обращения: 10.10.2020).

Словари, учебные пособия

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000.

Oxford English Dictionary. URL: <http://oed.com> (дата обращения: 13.10.2020).

The Oxford Children's Dictionaries. URL: <https://home.oxfordowl.co.uk/blog/2020-oxford-childrens-word-of-the-year-coronavirus/> (дата обращения: 13.10.2020).

ABBY Lingvo Dictionaries. Lingvo mibile SDK. Версия 4.1 для iPhone, iPod, iPad (дата обращения: 10.10.2020).

Прецедентные единицы в когнитивном аспекте (на материале пассива)

Статья посвящена осмыслению грамматической производности языковых феноменов как универсального явления (на примере пассива). В русле когнитивного подхода разрабатывается семантика одной из важнейших глагольных грамматических категорий — залога — в немецком языке. Пассив анализируется как значимый структурный элемент языкового сознания, который реализует одну из «концептуально-тематических областей» — действие с «перевернутым» агенсом. В духе традиции и новаторства показывается, как пассив наряду с его конкурирующими формами при помощи определенных когнитивных механизмов (выбора перспективы, фокусирования и др.) порождает разнообразие смыслов, то есть выполняет интерпретирующую функцию и создает свое альтернативное и одновременно прецедентное пространство.

Ключевые слова: пассив, прецедентная единица, альтернативная структура, амбивалентность.

N. A. Golubeva

Precedent units in the cognitive aspect (on the sample of the passive voice)

The article deals with the analysis of linguistic phenomena and their grammatical derivation as a universal fact. The research is based on the study of the passive voice. The semantics of one of the most significant verb grammar categories — the passive voice in the German language is considered in the channel of the cognitive approach. Passive is analyzed as an important structural element of linguistic consciousness which realizes one of conceptual thematic fields: an action with an inverted agent. The study is conducted in both traditional and innovative way and demonstrates how passive alongside with its competitive forms with the help of certain cognitive mechanisms (the choice of the perspective, focusing, etc.) engenders a variety of meanings. Thus, it performs its interpreting function and creates its alternative and simultaneously precedent space.

Keywords: passive voice, precedent unit, alternative structure, ambivalence.

Вступительные замечания

Тема статьи продиктована заслуженным уважением к петербургским лингвистам, посвятившим исследованию залога на материале разных языков не одно десятилетие. В ней отражены два исследовательских вектора залога. Первый ориентирован на рассмотрение залога как одной из содержательных категорий глагола, связанных с морфосинтаксисом предложения, и восходит к научным идеям основателя петербургской (ленинградской) типологической школы А. А. Холодовича. Для ученого вся грамматика мыслилась в духе Л. В. Щербы «не как учение о формах, а как сложная система соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов» [Оглоблин, Храковский, 2011, с.9]. Одной из текущих задач статьи является, выражаясь фигурально словами А. А. Холодовича, представление «библиотеки смыслов», которые лежат в основе категориального пассивного значения и выражаются глагольными конструкциями [Холодович, 1974, с. 7].

В рамках статьи мы постараемся учесть разные морфолого-синтаксические средства, используемые для выражения смыслов, лежащих в основе пассивного значения, а также показать, как в поле грамматической синонимии пассива реализуются эти смыслы, то есть раскрыть его интерпретирующий потенциал. Второй исследовательский вектор связан с трансформационными и деривационными отношениями пассива и является нашей целевой установкой. Он базируется на ситуативном подходе в грамматике, выводящем на семантическую классификацию синтаксических конструкций, на ситуации с обобщенной языковой семантикой (опять же типологическая петербургская школа). При реализации пассивного значения в немецком языке обнаруживается серия конкурирующих форм пассива, которые маркируют переход от семантически исходной конструкции к семантически производной, в нашей терминологии прецедентной, конструкции, и образуют альтернативное и одновременно прецедентное пространство пассива. Таким образом, мы постулируем в рамках когнитивной семантики формирование пассивного значения как результат действия определенных когнитивных механизмов.

Пассив как сильный противочлен оппозиции грамматической категории залога имеет глубокую исследовательскую традицию. Неоценимый вклад в разработку теории залога внесли А. А. Холодович, В. С. Храковский и лингвисты, шедшие в фарватере пе-

тербургской типологической школы (А.В.Бондарко, Л.Р.Зиндер, В.Б.Касевич, И.А.Мельчук, В.П.Недялков), а также В.Г.Адмони в рамках общей теории немецкой грамматики [Адмони, 1988]. В зарубежной германистике непреходяще значимым является труд Л.Вайсгербера [Weisgerber, 1963], а также заметные в лингвистике работы других языковедов: К.Бринкера (K.Brinker), Г.-В.Эромса (H.-W.Eroms), Г.Гельбига (G.Helbig), М.Гундта (M.Hundt), О.Лейрбукта (O.Leirbukt), М.Рейс (M.Reis), Г.Вегенера (H.Wegener), Д.Вундерлиха (D.Wunderlich), Г.Цифонун (G.Zifonun).

Когнитивно-семантическая структура пассива

Традиционно в семантической структуре процессуального пассива различают агенс (носитель действия), пациенс (объект действия) и само действие. При этом его грамматическая семантика, а именно «Dauer» (длительность), не складывается аддитивно из грамматического значения компонента *werden* ('становиться') как вспомогательного глагола и формы Partizip Perf. полнозначного глагола. В лексическом значении предваряющего глагола *werden* содержится сема «Vorausschau» (прогноз) — эта же сема структурирует грамматическое значение футура, в то время как форме причастия II, напротив, присуще грамматическое значение «Rückschau» (ретроспекция) действия. Специфическое значение протекания действия, передаваемого Vorgangspassiv (пассивом действия), формируется, по Х.Вайнриху, в семантическом конфликте футуральности и предшествования [Weinrich, 1993, S.158]. Исходя из этого, когнитивная структура пассива действия/процесса, то есть концепт DAUER (длительность) формируется путем «концептуальной интеграции» концептов ПРО и РЕТРО.

Пассив как значимый структурный элемент языкового сознания реализует, в терминах Н.Н.Болдырева, одну из «концептуально-тематических областей» грамматики [Болдырев, 2014] — действие с «перевернутым» агенсом [Abraham, 1986] путем «ментально-го сканирования» актива:

- (1) Dieses Haus bauen Gastarbeiter. ← Dieses Haus wird von Gastarbeitern gebaut.

Онтологическая связь этих двух грамматических форм свидетельствует о существовании между ними отношения обратимости, в терминах прецедентной грамматики — прецедентного отношения

[Голубева, 2015]. Процессуальный пассив является производной грамматической формой актива, последний выступает языковым прецедентом первого. Отсюда пассив явлен как прецедентная грамматическая единица [Голубева, 2010].

Одновременно метакommunikативная репрезентация процессуального пассива указывает на то, что он, по сравнению с активом, функционально сокращает предложение на один семантический компонент — субъект действия:

- (2) Jemand (Subj.) repariert meinen Wagen (Obj.) (*актив*). ← Mein Wagen wird repariert (*пассив*).
- (3) Das Haus wird gebaut. ← Das Haus ist im Bau. ← * Das Haus ist von jemandem im Bau.

Для интерпретации пассива большое значение имеет «когнитивный фокус»:

- (4) Unsere Weine werden mit Genuss getrunken.

В предложение (4) можно вставить при желании любой агент (*er/wir/Leute*). Но если его трансформировать в предложение с активом, то получится абсолютно аграмматичное предложение — *trinkt/trinken unsere Weine mit Genuss*. В этом семантическом срезе выявляется первостепенная когнитивно-семантическая роль пациенса *unsere Weine* и нерелевантная роль агенса в структуре пассива. Пример (3) показывает, что двухчленный пассив «дом строится» легко трансформируется в именной предикат «дом в стадии строительства», который также предполагает отсутствие агенса. По этой причине в предикате, в котором реализуется Zustandspassiv (пассив состояния / результативный пассив), присутствие агенса, включая его инструментальную семантику, носителем немецкого языка а priori осознается как нарушение. При этом пассив состояния дискутируется в эволюционной перспективе как редукция перфекта или плюсквамперфекта процессуального пассива с элиминацией формы *worden*, выражения агенса и других процессуальных аспектов [Hentschel, Weydt, 1995; Helbig, Kempter, 1997]. Таким образом, в когнитивно-грамматическом аспекте пассив состояния (*sein-Passiv*) имплицитно предшествующий процесс пассива действия, так как всегда им предпосылается. На вторичный характер пассива состояния прямо указывается Д. О. Добровольским [Dobrovolskij, 1999, S. 40], что свидетельствует о его производном, прецедентном характере.

В языке существует целый ряд конструкций, которые находятся с пассивом действия в парадигматических отношениях. Од-

ной из таких является *bekommen*-Passiv, известная в лингвистике как «Adressatenpassiv», «Rezipientenpassiv», «indirektes Passiv», «Dativpassiv» (см., например: [Eroms, 1987; Hentschel, Weydt, 1995] и др.). Реципиентом в этой конструкции является подлежащее, пациенсом — прямое дополнение; («факультативный») агенс выступает в роли предложного дополнения:

- (5) Ihm wird das Buch geschenkt. ← Er bekommt das Buch geschenkt.

Здесь говорящий переключает фокус внимания на «объект в дательном падеже», «когнитивной доминантой» является адресат (*er, ihm*), принимающий действие (в данном случае дарение книги). Глагол *bekommen* имеет синонимы *erhalten* и *kriegen*:

- (6) Wir kriegen alles ins Haus gebracht.
(7) Sie erhält ihren Lohn früher ausgezahlt.

В структуре с *bekommen* и его грамматическими синонимами этим глаголам предиктируется атрибутивное отношение в форме Part. Perf., в котором имплицитируется дополнительная пропозиция:

- (8) Die Kamera habe ich vom Vater geliehen bekommen. = (Die Kamera habe ich vom Vater bekommen. Ich habe sie bei ihm geliehen.)

Прецедентный характер безличного пассива

В интерпретирующей функции структур с пассивным значением реализуется вторичное осмысление опыта познания мира, которое неразрывно связано с психическим состоянием говорящего и формирует его, в нашей терминологии, прецедентный личностный смысл. Субъектосодержащий пассив действия называется «личным» и считается «нормальным». Несубъектосодержащий пассив действия называется *eingliedriges / unpersönliches / Pseudopassiv* (одночленный, безличный, псевдопассив) и считается «отмеченным» [Duden, 2009]. Таким образом, интерпретация пассива действия начинается с безличного пассива, в котором реализуется так называемый процесс Absorption (поглощение) не только страдательного субъекта (пациенса), но и субъекта действия (агенса). Абсорбция — метафора для грамматического свойства пассивного причастия, в котором поглощается валентность на прямое дополнение и субъект действия. Однако «отмеченность» безличного пассива

в лингвистике не принимается единодушно [Abraham, 1986, S. 16]. Считается, что страдательный субъект может быть как реализованным, так и нереализованным в структуре, в зависимости от валентностной характеристики глагола:

- (9) Da/Es wurde (von allen Gästen) heftigst getanzt (одновалентный глагол).
- (10) Dessen wurde nie vergessen (двухвалентный глагол с дополнением в род. п.).
- (11) An soziale Pflichten wird in Holland nicht gerne erinnert (двухвалентный глагол с предложным дополнением).

Ни в одном из примеров (9)–(11) прямое дополнение в структуре пассива не присутствует. На первый взгляд, безличный пассив в них ничем не отличается от «нормального» двухчленного. Но мнимая двухчленность пассивной структуры объясняется реализацией обязательной валентности пассивируемого глагола, его грамматическим управлением, которое через косвенное и предложное дополнение формирует целостную семантику предиката.

По такому же когнитивно-грамматическому принципу формирования семантики строится модель безличной пассивной структуры, в которой прямое дополнение остается не абсорбированным, не удаленным, хотя такую структуру, на наш взгляд, следует считать «отмеченной», грамматикализованной, а следовательно, прецедентной:

- (12) Äpfel geschält wird doch nicht mit dem Fischmesser.
- (13) Hier darf nicht Teppiche geklopft / einen Kinderwagen geschoben werden.

Создается впечатление, что в (12) и (13) в предикат инкорпорировано аналитическое прямое дополнение (*Äpfel, Teppiche, einen Kinderwagen*). Эта мысль подтверждается орфографически, когда вместо аналитического расчленения предиката и его обязательных актантов выбирается слитное написание композитного глагола, как в примере ниже:

- (14) Hier darf nicht teppichgeklopft / kinderwagengeschoben werden [Abraham, 1986, S. 16] (*teppichgeklopft, kinderwagengeschoben* — глагольный композит).

В этой связи уместно вспомнить широко известный постулат А. Мейе об аналогии как одном из путей возникновения грамматических форм в языке *sur le modèle d'une autre* (по модели другой) [Meillet, 1912, p. 130–131]. Это позволяет объяснить функциониро-

вание «пассивных прямых дополнений» в структурах с императивным значением в (15):

(15) Faxen gemacht kann hier nicht werden! [Abraham, 1986, S. 18].

Правомерность вывода о том, что рассмотренные пассивные структуры с прямыми объектами являются типобразующими, хотя маргинальность их употребления (читай: прецедентность формы) очевидна, распространяется и на случаи, когда прямое дополнение инкорпорируется в грамматическое значение глагола в виде возвратного местоимения:

(16) Heute wird sich einmal anständig gewaschen [Abraham, 1986, S. 18].

Мы видим, что пассивные прямые объекты, включая рефлексив *sich* в (16), подлежат тому же линейному распределению, как и прямые дополнения, они «кучкуются», сдвигаются с пассивируемым глаголом, демонстрируют прецедентный (фраземный) порядок слов. Из этого следует, что категориальные глагольные свойства причастия в пассиве не отличаются от причастия в активе, что не противоречит теории предикации [Willmans, 1906]. Такой постулат позволяет нам увидеть, что прямое дополнение в безличном пассиве является глагольно-инкорпорированным синтактико-семантическим элементом. Так «вчерашний синтаксис становится сегодняшней морфологией» [Givón, 1971, p. 413].

Когнитивно-процессуальные аспекты пассива

Отмеченный выше когнитивный прием «ментальное сканирование» для трансформации актив ← пассив можно признать базовым. Но этот вид трансформации не может быть моделиобразующим для всех семантических групп глаголов, что порождает когнитивно-процессуальные особенности пассива:

(17) Die Leute tanzten die ganze Nacht. ← Von den Leuten wurde die ganze Nacht getanzt.

(18) Die Schneeflocken tanzten im Winde. ← * Von den Schneeflocken wurde im Winde getanzt.

На данном этапе объяснением невозможной трансформации пассива в (18) можно считать неодушевленность агенса. Однако наличие только лишь семантического признака «одушевленность» агенса признавалось недостаточным условием еще в старых грамматиках В. Вильманса и В. Хартунга. Причины для этого намного

сложнее, чем одушевленность субъекта действия. На это указывают случаи, где субъект — одушевленное лицо, а в системном, отвлеченном от контекста употреблении пассив неприємлем, сравним (19):

(19) *Von der Frau / von dem Vogel wurde im Winde getanzt.

Вместе с тем неопределенное количество исполнителей действия с семой «человек» допускает вполне грамматичное употребление пассива, как в (20), и в безличном пассиве в целом (21), включая возвратные глаголы в (16):

(20) Von vielen wurde im Winde getanzt.

(21) Im Krankenhaus wird täglich gestorben.

В этом случае можно постулировать, что данный семантический критерий агенса обуславливает образование пассива от модальных глаголов (*wissen, wollen*) и глаголов неволитивного действия (*wachsen, ähneln, entsprechen, schmecken*):

(22) Es kann sich nicht lange geschämt werden.

(23) ...wenn auch dem Wandel der Anrede durch die neuere feierlich klingende Formel... entsprochen wird (Erben, 1966, S. 76).

Неопределенность как семантический критерий агенса поддается обоснованию с позиции общесемантической функции пассива — обобщать, генерализировать действие или процесс, отвлекаясь от его конкретного исполнителя. Именно потому, что в когнитивном фокусе агенса находится больше одного исполнителя, становится возможным функционирование пассива в вышеприведенных семантико-синтаксических образцах.

Однако вопреки вышеприведенным критериям в современном немецком языке модальные глаголы пассивируются:

(24) Auch bei mehrdeutigen Werbesprüchen ist die Mehrdeutigkeit durchaus gewollt, um damit eine bestimmte Wirkung zu erzielen. (Ulrich, 2019, S. 24)

Нуждается в объяснении и пассивная структура личного пассива от непереходного глагола:

(25) *Und ich wurde getanzt* [Шендельс, 2006, с. 228].

В (25) пассивная структура соответствует формально правильной грамматической модели. Однако семантически она ущербна, так как в ней отсутствуют семантический признак пассива действия

«центростремительное направленное действие». Здесь только «силой грамматической фантазии возникает образ пассивного субъекта, над которым совершается какое-то действие» [Шендельс, 2006, с. 228]. Осмыслению этой пассивной структуры помогает ее глубинная семантическая структура — пропозиция (*ее приглашали на танец / танцевать*).

В ключе вышеописанных семантических признаков интересны пассивные структуры в виде связанных словосочетаний:

(26) *Hans spielt Klavier.* ← **Klavier wird von Hans gespielt.*

В этом случае некоторые ученые приходят к выводу, что такие предложения не подлежат пассивизации, так как прямое дополнение *Klavier* входит в семантическую структуру предиката [Schulz, Griesbach, 1960], что опровергает, однако, тезис об инкорпорированном в предикат аналитическом прямом дополнении. Но предложения с активом *Viele spielen Klavier* легко трансформируются в *Klavier wird von vielen gespielt*. Эта трансформация подтверждает тезис о доминировании семантических признаков «множественность» / «неопределенность» агенса, то есть о релевантности его семантической характеристики. Вместе с тем в обоснование данного тезиса обнаруживаются и другие когнитивно-семантические признаки пациенса. Так, в одной из работ отмечается вполне грамматичное употребление фразеологизированного пассива, когда агенс выражает единичность (конкретное лицо), но предложение построено при этом на контрасте агенсов и пациенсов [Helbig, 1989]:

(27) *Klavier wird von Hans gespielt, Geige von Paul.*

В (27) в сильном когнитивном фокусе находятся как страдательные субъекты *Klavier* и *Geige*, так и субъекты действия *Hans* и *Paul*, на что указывает порядок слов. Если это предложение изолировать от контекста, то с точки зрения коммуникативной динамики оно лишается смысла.

Когнитивный диссонанс в пассивных структурах

Пассив как прецедентная грамматическая форма в ходе трансформации актива легко подвергается семантическим изменениям — сужению или расширению его семантической структуры, вызывая при этом иногда когнитивный диссонанс. Это своего рода «когни-

тивное искажение», которое трактуется как «систематические отклонения в восприятии и мышлении, обусловленные стереотипами, которые приводят к сбоям в обработке и анализе информации» [Болдырев, 2020, с. 58]. При этом важную роль играет фокусирование внимания как способ фиксации семантического признака пассива, который способен выступать семантическим модификатором глагола в амбивалентных лексемах пассивных структур:

- (28) Herr Müller kann Sitzungen leiten (a). ← Sitzungen können von Herrn Müller geleitet werden (b).

Так, в (28a) актив спрягаемого глагола связан с признаками «способность» и «возможность», в то время как в пассиве (28b) активированным оказывается только признак «возможность». Глагол с этим признаком может иметь семантическое согласование как с лексемой *Sitzung*, так и с лексемой *Herr Müller*, а глагол с признаком «способность» может сочетаться только с лексемой, наделенной признаком «одушевленность». Сравним далее:

- (29) Paul wurde von Peter überrascht.

Нейтральный *überraschen* ('удивлять') имеет в пассиве семантический эффект пейоративного признака [Kolb, 1966, S. 181]. В (29) он интерпретируется как *ertappen* ('застать кого-либо за чем-либо неприятным'), то есть в пассиве *überraschen* предполагает вопрос *wobei?* ('за каким неудобным состоянием или занятием?'), а в активе — *womit?* ('чем?'). Хотя пассив в целом считается формой, отчуждающей агенса, это не распространяется на глаголы с переосмысленным значением, при которых употребление агенса обязательно:

- (30) Sein Messer verletzte ihn ← Er wurde (durch sein Messer) verletzt.
(31) Paul verletzte Peter mit seinen groben Worten. ← Peter wurde von Paul durch seine groben Worte verletzt.

При употреблении глагола *verletzen* в переносном смысле пассивная структура должна обязательно иметь агенса с семантикой «инструмент», соответствующий переосмысленному глаголу, в данном случае *durch seine groben Worte*. Без него *verletzen* интерпретируется как 'нанесение телесного повреждения'. Кроме того, семантико-синтаксическая структура агентивной фразы тоже меняется: предлог *mit* в активе заменяется предлогом *durch* в пассиве. Нечеткая грамматическая структура предложения, его синтаксическая неоднозначность значительно усложняет процесс семантического анализа, как в (32):

- (32) ...wie man von äußeren Kräften wie Wasser, Wind (oder auch Menschen) irgendwo hingedrückt wird (Hübler, 2001, S. 265).

Неопределенно-личное местоимение *man* в грамматической структуре маркирует значение активной формы, одновременно это грамматический синоним для *es* безличного пассива. По аналогии с активным предложением *man* в (32) проецирует внимание на объект действия и делает действие целенаправленным. Это неопределенно-личное местоимение реализует вторичную категоризацию, так как в нем осуществляется контаминация показателей категориальных форм, а именно *man* функционирует как *es* ('оно') в безличном пассиве. При этом субъект действия *man* получает семантическое развертывание как агент (внешние силы — вода, ветер, люди). В связке с предлогом *von* структура приобретает персонифицированный эффект, и квазипассивная структура создает семантико-грамматическое разнообразие, представляет действие как целевым, так и нецелевым и придает высокий грамматический метафорический эффект. Преодолеть возможный когнитивный диссонанс поможет «синтаксический анализ как когнитивный механизм» — когнитивная обработка предложений в человеческом мозге, как это представлено В. Ульрихом [Ulrich, 2019]. Проследим это на примерах:

- (33) Der Notar hat mitgeteilt, dass Lena zugunsten von ihrem Bruder auf die Erbschaft verzichtet wurde.

В данном случае восприятие и распознавание слов в придаточном предложении *dass Lena zugunsten von ihrem Bruder auf die Erbschaft verzichtet wurde* предположительно начнется и закончится в обычной комбинации пассивной структуры *verzichtet wurde*, а смысл всего предложения сведется к пониманию: 'Нотариус объявил, что Лена отказалась от наследства в пользу своего брата'. «Эффект обманутого ожидания» кроется в предлоге *zugunsten* ('в пользу'), который может дезориентировать интерпретатора (не в пользу Лены, а в пользу ее брата). Редкая конструкция с предлогом *zugunsten* в позиции к *Lena* создала соблазн принять более известную конструкцию с предлогом в препозиции слова *Bruder*. Когнитивный сбой может случиться при частом употреблении какой-либо конструкции в определенной ситуации, когда утрачивается компонентное значение для усления нового значения всей конструкции, как в случае с глаголом *haben*:

- (34) Er hat die Wunde verbunden.

На первый взгляд предикатная структура ориентирует на активную форму глагола *verbinden* в форме Perfekt ('Он перевязал рану'). Но актуальный контекст вернет значение этой структуры в русло пассива, выражаемого Part. Perf. *verbunden* в постпозиции слова *Wunde*. Анализируемая структура синонимична пассивным структурам *Ihm wird die Wunde verbunden* / *Er bekommt die Wunde verbunden* ('Ему перевязывают рану'). Одновременно можно увидеть, что при некоторых глаголах с управлением в дательном падеже bekommen-Passiv звучит необычно. Так, в пассивной структуре bekommen-Passiv следует избегать глаголов, которые обозначают «изъятие» или «отчуждение», то есть с семантикой «wegnehmen». На фоне возникающего семантического конфликта глаголов *geben* ('давать') и *nehmen* ('брать') «оживает» основное лексическое значение глагола *bekommen*, что может вызвать когнитивный диссонанс:

(35) Er bekam den Führerschein entzogen.

В этой связи высвечивается особая роль когнитивной лингвистики, которая заключается в «мощном и осознанном стремлении к реконтекстуализации грамматики», направленной на восстановление связей грамматики с лексикой, социальным и культурным контекстом [Скребцова, 2009, с. 153–154].

Выводы и перспективы

Исследование выявило, что изучение функций процессуального пассива требует более тщательного анализа его сферы и что между активом и пассивом лежит значительно меньшее различие, чем принято думать, когда проблема базового синтаксиса перемещается в проблему лексикона, внутреннего синтаксиса глагола-композиата. Одновременно высветилась семантико-модифицирующая функция пассива и причины возникновения когнитивного диссонанса в его структурах. Обозначилась релевантность таких факторов, как нормирование языка и контекст, объясняющих морфологические и синтаксические инновации пассивных структур и формирующих пассив как грамматическую прецедентную форму. При помощи когнитивных механизмов пассив и его конкурирующие формы передают разнообразие порождаемых смыслов и выполняют интерпретирующую функцию. В синтагматических и парадигматических отношениях пассив создает прецедентное и/или альтернативное мыслительное пространство. Перспектива исследования вытекает из необходимости обоснования

когнитивных и лингвистических особенностей других «нерегулярных» пассивных структур современного немецкого языка, остающихся на периферии грамматики и не получивших в лингвистике принципов и параметров (P&P) глубокого освещения.

Источники материала

Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. 9., unveränd. Aufl. Berlin: Akademie-Verl., 1966.

Hübler A. Das Konzept "Körper" in den Sprach- und Kommunikationswissenschaften. Basel: Franke, 2001.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XVII. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2014. С. 33–39.

Болдырев Н. Н. Междисциплинарная доминанта когнитивных лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 2 (41). С. 55–60.

Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке. Н. Новгород: Тип. «Поволжье», 2010.

Голубева Н. А. Прецедентное отношение как когнитивная проекция // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XXI. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом Тамбов. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2015. С. 47–52.

Оглоблин А. К., Храковский В. С. Петербургская типологическая школа // Междунар. конф., посвящ. 50-летию Петербургской типологической школы: материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 9–16.

Скребцова Т. Г. Конференция «История когнитивной лингвистики» // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 153–155.

Холодович А. А. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги / отв. ред. А. А. Холодович; АН СССР, Ин-т языкознания. Ленингр. отд-ние. Л.: Наука, 1974. С. 5–45.

Шендельс Е. И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения. М.: Моск. гос. лингв. ун-т. 2006.

Abraham W. Die Passivdiathese im Deutschen: Typen, Theorie // Pragmntax. Akten des 20. Linguistischen Kolloquiums Braunschweig 1985 / Hrsg. A. Burkhardt, K.-H. Körner. Tübingen: Niemeyer, 1986. S. 15–24.

Dobrovol'skij D. O. Gibt es Regeln für die Passivierung deutscher Idiome? // Das Wort (germanistisches Jahrbuch Russland). 1999. Nr. 2. S. 2–40.

- Eroms H.-W.* Passiv und Passivfunktionen in einer Dependenzgrammatik // Das Passiv im Deutschen. Akten des Kolloquiums über das Passiv im Deutschen (Nizza 1986) / Centre de Recherche en Linguistique Germanique (Nice). Tübingen: Narr, 1987. S. 41–74.
- Helbig G.* Das Passiv — und kein Ende // Deutsch als Fremdsprache. 1989. Nr. 4. S. 143–161.
- Helbig G., Kempter F.* Das Passiv. 1. Aufl. Leipzig; Berlin; München: Langenscheidt; Verlag Enzyklopädie, 1997.
- Hentschel E., Weydt H.* Das leidige *bekommen*-Passiv // Deutsch als Fremdsprache: an den Quellen eines Fachs. Festschr. für Gerhard Helbig zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. Popp. München: Iudicium, 1995. S. 165–183.
- Kolb H.* Das verkleidete Passiv. Über Passivumschreibungen im modernen Deutsch // Sprache im technischen Zeitalter. 1966. H. 19. S. 173–198.
- Meillet A.* L'évolution des formes grammaticales // Linguistique historique générale / Éd. A. Meillet. Paris: Champion, 1912. P. 130–148.
- Ulrich W.* Ambiguitätsverarbeitung beim Parsing. Zum Erkennen und Interpretieren struktureller Mehrdeutigkeit im Satz // Der Sprachdienst. 2019. Nr. 1(63). S. 20–29.
- Weisgerber L.* Die Welt im Passiv // Die Wissenschaft von deutscher Sprache und Dichtung. Methoden, Probleme, Aufgaben (Festschrift für FR. Maurer zum 65. Geb. Am 5.01.63) / Hrsg. V.S. Gutenbrunner, H. Moser, W. Rehm, H. Rupp. Stuttgart: Klett, 1963. S. 25–59.

Справочные издания

- Адмони В. Г.* Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / отв. ред. В. М. Павлов; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука, 1988.
- Duden B.* Die Grammatik / Dudenredaktion. 8. überarb. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2009.
- Givón T.* Historical syntax and synchronic morphology. An archaeologist's field trip // Chicago Linguistic Society. 1971. No. 7. P. 394–415.
- Schulz D., Griesbach H.* Grammatik der deutschen Sprache. München: Hueber, 1960.
- Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993.
- Willmans W.* Deutsche Grammatik III, 1. Straßburg: Trübner, 1906.

Возможности экспериментального исследования концепта DISRESPECT

В статье рассматриваются возможности изучения структуры и средств актуализации концепта DISRESPECT методами интерсубъективного и ассоциативного экспериментов. Описывается методика проведения и основные результаты интерсубъективного эксперимента. Обсуждаются цели и особенности исследования концепта DISRESPECT посредством ассоциативного анализа и подробно рассматриваются результаты ассоциативного эксперимента. Делается вывод о том, что применение двух экспериментальных методов позволяет получить важные данные о структуре и содержании концепта в сознании современных носителей языка, особенностях комбинаторики субконцептов, расширить перечень средств актуализации и выявить семантические различия между ними.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, субконцепт, когнитивная область, интерсубъективный эксперимент, ассоциативный эксперимент.

A. A. Gorelova, A. G. Minchenkov

Possibilities of experimental study of the concept DISRESPECT

The paper explores the possibilities of studying the structure and means of verbal representation of the concept DISRESPECT through intersubjective and associative experiment. The authors describe the procedure and the main results of the intersubjective experiment. The aims and specificity of investigating the concept DISRESPECT by means of associative analysis are discussed and the results of the associative experiment are analysed in detail. The conclusion is drawn that employing the two experimental methods allows one to obtain important data on the structure and content of the concept in the minds of modern speakers of English, the specific ways in which the components of the concept interact, extend the list of means of verbal representation and reveal the semantic differences between them.

Keywords: concept, structure of the concept, subconcept, cognitive domain, intersubjective experiment, associative experiment.

Когнитивный подход к семантике языковых единиц предполагает отсутствие четкой грани между собственно языковой и неязыковой информацией и особо подчеркивает важную роль всех видов знаний для понимания значений языковых единиц [Болды-

рев, 2017]. По этой причине для максимально полного понимания семантических возможностей единиц языка особую важность приобретает всестороннее, с использованием различных методов, исследование содержания концептов, которые они репрезентируют. Это в полной мере относится к английской лексической единице *disrespect*, а также однокоренным словам и другим единицам, репрезентирующим концепт DISRESPECT. Указанный концепт и репрезентирующие его единицы, являющиеся объектом нашего исследования в данной статье, изучаются нами в течение ряда лет по нескольким направлениям. На первом этапе был проведен лексикографический анализ концепта DISRESPECT на основе данных толковых и тезаурусных словарей английского языка, а затем, на втором этапе — анализ средств репрезентации концепта на материале художественных англоязычных произведений с середины XIX по начало XXI в. Важно отметить, что в структуре концепта DISRESPECT были выделены следующие субконцепты: IMPOLITENESS, RUDENESS, IMPUDENCE, DERISION, CONTEMPT, ANNOYANCE, ANGER, INCONSIDERATION, ARROGANCE. Также были выделены две когнитивные области, в которые входит анализируемый концепт и структурирующие его субконцепты, обозначенные на этих этапах как HUMAN BEHAVIOUR и FEELING. Кроме того, была выявлена важная типологическая особенность анализируемого концепта: он представляет собой векторный концепт-схему, репрезентирующий два типа ситуаций — проявление DISRESPECT и реакцию на DISRESPECT. Более подробно результаты этих этапов исследования были изложены в нескольких более ранних публикациях [Минченков, Горелова, 2015; 2016].

Помимо вышеупомянутых методов исследования концептов все большее распространение в междисциплинарных лингвистических исследованиях получают экспериментальные методы, в частности проведение различных лингвистических экспериментов с участием носителей языка. Преимуществом таких экспериментов является прежде всего возможность получить максимально современный срез языка, который пока не отражен в словарях и в художественной литературе. Исходя из целей данного исследования, нами было проведено два эксперимента — интерсубъективным методом и методом ассоциативного анализа.

Интерсубъективный метод экспериментального изучения значения был разработан финским лингвистом Я. Раукко [Raukko, 1999; 2003] и базируется на исследованиях Д. Сандра, С. Райс, Р. Гиббса и других ученых [Sandra, Rice, 1995; Gibbs et al., 1994]. Метод Я. Раукко

был адаптирован в соответствии с целями исследования, и респондентам была предложена письменная анкета с различными типами заданий. Первое задание состояло в том, что респонденты должны были определить слово *disrespect*, не используя противоположный коррелят *respect*. Во втором задании были даны контекстные примеры употребления существительного *disrespect* и прилагательного *disrespectful*, которые предлагалось заменить синонимами. В третьем задании нужно было описать модели поведения, которые респондент категоризировал бы как проявление неуважения со стороны другого субъекта. Наконец, в четвертом задании участников эксперимента попросили оценить по пятибалльной шкале 19 различных свойств субъекта или моделей поведения, способных вызывать неуважение. При этом нужно было разграничить реакцию на данные факторы по двум показателям: наличие определенных чувств и эмоций, связанных с неуважением, и непосредственное проявление этого неуважения. В данном эксперименте приняло участие 30 носителей английского языка из Великобритании, США и Новой Зеландии в период с марта 2017 г. по май 2018 г. Все информанты не являлись филологами.

Данное исследование позволило подтвердить, что анализируемый концепт входит в две когнитивные области, и уточнить их названия — HUMAN BEHAVIOUR и MENTAL STATE. Во-вторых, было показано, как носители современного английского языка структурируют в своем сознании концепт DISRESPECT. Эксперимент позволил также расширить перечень средств вербализации данного концепта и, кроме того, выявить модели поведения, которые современные носители английского языка квалифицируют как проявление неуважения, а также свойства и модели поведения, которые вызывают у них неуважение. Более подробно результаты данного экспериментального исследования были изложены в опубликованной ранее статье [Минченков, Горелова, 2019].

Что касается второго эксперимента, а именно ассоциативного, то важно отметить, что метод ассоциативного анализа широко используется в лингвистике и психологии. Его теоретические и практические основы описаны, например, в работах Е. И. Горошко и Г. А. Мартинович [Горошко, 2001; Мартинович, 1993]. Данный метод уже успешно применялся для исследования концептов, например в работе А. З. Хусаеновой, посвященной концепту PRIVACY [Хусаенова, 2009]. Одна из последних работ, частью которой был ассоциативный эксперимент, посвящена концепту WALL [Юзефович, 2019]. Целью второго эксперимента было установить смысловые

ассоциации и, соответственно, субконцепты, актуализируемые в сознании носителей языка при восприятии нескольких отмеченных ранее при анализе текстов частотных единиц, ядро значения которых составляет концепт DISRESPECT и которые по этой причине актуализируют его в подавляющем большинстве или во всех контекстах. Участникам эксперимента, 24 информантам, было предложено указать по одной ассоциации к каждому из 16 предложенных слов. При этом шесть единиц (*cheeky, insult, arrogance, impertinent, defiant, haughty*) актуализируют концепт DISRESPECT в подавляющем большинстве контекстов, одна единица (*disgusting*) может актуализировать DISRESPECT, но на более высоком уровне, чем слово, и не во всех контекстах, а девять остальных единиц актуализируют другие концепты и были выбраны для эксперимента для того, чтобы информанты не понимали, на какой именно концепт нацелено исследование, и чтобы их ассоциации были более свободными. По этой же причине слова, актуализирующие интересующий нас концепт, были предъявлены респондентам не последовательно, а в случайном порядке, чтобы информанты не определяли одно слово через соседнее. Слово *disrespect*, непосредственно номинирующее концепт DISRESPECT, было намеренно не предложено информантам, во-первых, потому что оно является объединяющим и связующим для остальных слов, актуализирующих искомый концепт, и тем самым негативно повлияло бы на результаты эксперимента, так как информанты в принципе могли бы ассоциировать каждую единицу с DISRESPECT, что не дало бы никакой новой информации для исследования. Во-вторых, это было сделано для того, чтобы избежать ассоциаций через положительный коррелят слова *disrespect (respect)*, например в виде *lack of respect*.

Рассмотрим подробнее результаты по каждому из семи слов, способных актуализировать DISRESPECT. Во-первых, единица *cheeky* актуализирует у восьми из двадцати четырех респондентов субконцепт, выделенный нами ранее, а именно IMPUDENCE (ассоциации — *impudence, impudent, impertinent, lippy, sass, sassy*). Интересно, что у трех из четырех респондентов из США возникает одинаковая ассоциация на слово *cheeky*, а именно *sass* или *sassy*. Выявленная особенность коррелирует с данными толкового словаря, который маркирует региональную принадлежность этих единиц как *North American* (Oxford Advanced Learner's Dictionary). При этом данные средства актуализации, а также единица *lippy*, не были зафиксированы при анализе литературных источников; толковый словарь маркирует их как разговорные (informal). Важно отметить,

что семь информантов ассоциируют *cheeky* с чем-то смешным и забавным — *funny, fun, grin, humour*, а у четырех респондентов *cheeky* актуализирует концепт CHILDREN (ассоциации — *girl, children, toddler, naughty*). Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что прилагательное *cheeky* часто ассоциируется с проявлением неуважения со стороны детей и не всегда связано с отрицательными эмоциями, а скорее вызывает улыбку. Это подтверждают данные толкового словаря ('showing a lack of respect or politeness in a way that is amusing or appealing' (Oxford English Dictionary). Выделенные характеристики позволяют четко проследить отличия *cheeky* от, в частности, *impertinent*.

Результаты ассоциативного анализа единицы *impertinent* выявляют актуализацию четырех субконцептов. У пяти респондентов *impertinent* объективирует субконцепт IMPUDENCE (ассоциации — *cheeky, cheek*); у других пяти — субконцепт RUDENESS (*rude, insulting, ill-mannered*); у трех опрошенных — ARROGANCE (*arrogant, stuck-up, upstart*) и еще у трех респондентов — ANNOYANCE (*annoying, frustrated*). Интересно, что субконцепт ANNOYANCE из когнитивной области MENTAL STATE маркирует реакцию носителя языка на неуважение, а именно на то, что респондент определяет как *impertinent behaviour*, что в очередной раз доказывает наличие двух разных векторов в структуре концепта. Средство актуализации *upstart* ранее не было зафиксировано в литературных источниках.

Единица *insult* ассоциируется у носителей языка с пятью субконцептами, при этом два относятся к области HUMAN BEHAVIOUR: RUDENESS (ассоциации — *offence, offend, slagging*) и VIOLENCE (*hurt, injury*); а три — к области MENTAL STATE: ANGER (*anger, fury*), ANNOYANCE (*frustration, aggravate*) и CONTEMPT (*degrade*). Единица *slagging*, объективирующая DISRESPECT в большинстве контекстов, не была зафиксирована при анализе текстов, хотя однокоренной глагол *slag off* был выявлен в литературе XX в.

Единица *arrogance* объективирует в сознании носителей английского языка наибольшее количество выделенных нами ранее субконцептов: ARROGANCE (ассоциации — *conceited, haughty, stuck-up, ego, big-headed, uppity*), IMPUDENCE (*cheek, impudence*), RUDENESS (*rude*), INCONSIDERATION (*ignorance*), ANGER (*angry*), DERISION (*snide*). Средства актуализации концепта DISRESPECT *big-headed* и *uppity* (оба маркируются толковым словарем как informal (Oxford English Dictionary) не были ранее зафиксированы в художественных текстах. Важно отметить, что три респонден-

та связали понятие *arrogance* с национальной принадлежностью (ассоциации — *Americans, Trump* (президент США), *French*). При этом ассоциации *Americans* и *Trump* принадлежат британцам, что, вероятно, объясняется текущей политической ситуацией. Интересно, что, в отличие от первого эксперимента, где фактор национальной принадлежности оценивался в векторе *showing disrespect*, в ассоциативном эксперименте указанные респонденты явно имели в виду другой вектор этого концепта, а именно *reacting to disrespect*. Такие ассоциации, в частности с американским президентом, явно являются реакцией на его высокомерное поведение в том числе на международной арене.

Что касается единицы *haughty*, то ассоциации носителей языка позволяют утверждать, что эта единица, являясь средством актуализации DISRESPECT, напрямую связана в сознании людей с социальным неравенством и классовостью. Семь респондентов связали *haughty* со словами, четко указывающими на высокомерное отношение к тому или иному социальному классу — *posh, bourgeois, snooty, snobbish, snob*. Можно выделить три субконцепта, которые актуализируются в сознании информантов единицей *haughty*: ARROGANCE (ассоциации — *arrogant, snob, snobbish, stuck-up, pompous*), CONTEMPT (*snooty*), RUDENESS (*rude*). Единица *snooty* (informal 'showing disapproval or contempt towards others, especially those considered to belong to a lower social class' (Oxford English Dictionary)) ранее не была зафиксирована в художественных текстах.

Важные данные удалось получить по единице *defiant*. В проанализированных художественных текстах XIX и XX вв. *defiant* и однокоренное существительное *defiance* актуализировало субконцепты ARROGANCE и AUTHORITY. Ассоциации участников эксперимента подтверждают эти данные — *arrogant, rebel, disobedient, oppositional, bolshie*. Однако наряду с этим девять информантов имеют положительные ассоциации с *defiant* (*strong, brave, resolute, courageous, principled*), что свидетельствует о том, что данная единица явно не актуализирует в их сознании концепт DISRESPECT. Таким образом, можно сделать вывод, что данная единица не всегда актуализирует исследуемый концепт.

Результаты ассоциативного анализа по единице *disgusting* подтверждают, что вне контекста она не актуализирует концепт DISRESPECT и на уровне слова носители языка ассоциируют ее с многочисленными единицами, в разной степени выражающими отвращение и неприязнь, которые толковый словарь часто объясняет через само слово *disgusting* или приводит его в качестве синонима.

Это такие единицы, как *vile, repulsive, gross, repellent, horrible, horrid, awful, yuck, unpleasant*.

В целом анализ результатов позволил уточнить, какие субконцепты входят в структуру DISRESPECT у современных носителей английского языка и как эти субконцепты взаимодействуют между собой. Также удалось расширить список средств репрезентации концепта DISRESPECT, большинство из которых оказались разговорными единицами, и получить важные выводы о том, как различаются те или иные единицы английского языка, часто относимые к синонимам, с точки зрения входящих в их структуру субконцептов. Анализ показал, что экспериментальное исследование ассоциативным методом позволяет не только дополнительно изучить структуру и содержание концепта, но и получить важные данные о структуре значения актуализирующих его слов, дающие возможность выявить семантические различия между единицами, традиционно относимыми к синонимам.

Источники

- Oxford English Dictionary. URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 23.04.2021).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 23.04.2021).

Литература

- Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
- Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.: Институт языкознания РАН; Харьков: РА, Каравелла, 2001.
- Мартинovich Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопросы психологии. М.: РАН, 1993. № 2. С. 93–99.
- Минченков А. Г., Горелова А. А. Возможности репрезентации концепта DISRESPECT в англоязычном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 4 (36). С. 58–65.
- Минченков А. Г., Горелова А. А. Концепт DISRESPECT и возможности его изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 2. С. 122–129.
- Минченков А. Г., Горелова А. А. Концепт DISRESPECT: содержание и языковая репрезентация // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 141–150.
- Хусаенова А. З. Когнитивно-лингвистическое исследование кластерного концепта PRIVACY: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

- Юзефович Н. Г.* Концепты СТЕНА/WALL как метафоры идентичности: «мы» vs «они» в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 91–99.
- Gibbs R. W., Jr., Beitel D. A., Harrington M., Sanders P. E.* Taking a Stand on the Meanings of Stand: Bodily Experience as Motivation for Polysemy // *Journal of Semantics*. 1994. Vol. 11, no. 4. P. 231–251.
- Raukko J.* An “Intersubjective” Method for Cognitive-Semantic Research on Polysemy: the case of get // *Cultural, Psychological and Typological Issues in Cognitive Linguistics: selected papers of the bi-annual ICLA meeting in Albuquerque, July 1995* / eds M. K. Hiraga, ch. Sinha, Sh. Wilcox. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1999. P. 87–105.
- Raukko J.* Polysemy as Flexible Meaning: Experiments with English get and Finnish pitää // *Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language* / eds B. Nerlich, Z. Todd, V. Herman, D. D. Clarke. Berlin: De Gruyter Mouton, 2003. P. 161–193.
- Sandra D., Rice S.* Network Analysis of Prepositional Meaning: Narrowing Whose Mind — the Linguists’ or the Language User’s? // *Cognitive Linguistics*. 1995. Vol. 6, no. 1. P. 89–130.

Фразеологические единицы как составляющие когнитивной метафоры в англоязычном политическом интервью

В статье рассматриваются фразеологические единицы, при помощи которых осуществляется репрезентация гнева и раздражения в англоязычном интервью. Материалом послужили интервью с Грэмом Грином, Энн Битти, Энтони Поуэллом, Берил Бейнбридж, Девендрой Банхарт, Генри Миллером, Джонатаном Франzenом, Джонатаном Летемом, Питером Мандельсоном, Беном Нельсоном, Стивом Роджерсом и Наташей Старк. Автором статьи предлагается определение понятий «фразеологическая единица» и «идиома», уточнение статуса категории эмотивности, а также выявление и анализ фразеологических единиц, служащих средством выражения гнева и раздражения в текстах британских и американских интервью.

Ключевые слова: гнев, раздражение, эмотивность, эмоция, идиома, фразеологическая единица, интервью.

O. S. Dudkin

Phraseological means of representing anger and irritation in English interview

The article considers the problem of the phraseological units that represent anger and irritation. The article is based on the interviews with Graham Greene, Ann Beattie, Anthony Powell, Beryl Bainbridge, Devendra Banhart, Henry Miller, Jonathan Franzen, Jonathan Lethem, Peter Mandelson, Ben Nelson, Steve Rogers and Natasha Stark. The author of the article gives the definition of the terms "phraseological unit", "idiom" and "emotiveness" and gives the analysis of the phraseological units that represent the emotive states of anger and irritation in British and American interviews.

Keywords: anger, irritation, emotiveness, emotion, idiom, phraseological unit, interview.

Когнитивные метафоры, под которыми понимается способ думать об одной области через призму другой, являются одним из основных изучаемых явлений в когнитивистике. В качестве примеров наиболее подробно описанных англоязычных метафорических моделей можно привести LOVE IS A JOURNEY, LIFE IS A JOURNEY,

TIME IS MONEY, LOVE IS WAR, ANGER IS HEAT и POLITICS IS A GAME.

В политическом дискурсе метафора также часто встречается и широко представлена. А. П. Чудинов по этому поводу указывает, что высокая частотность метафор в данном дискурсе объясняется тем, что они «превратились в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов, 2008, с. 122].

Для настоящего исследования метафору важно рассмотреть в первую очередь как ментальную операцию, одним из звеньев которой являются фразеологические единицы, в частности идиомы. Согласно определению Т. В. Матвеевой, фразеологизм в целом — «общее обозначение лексически неделимых устойчивых словосочетаний, обладающих семантическим и интонационным единством. Как и слово, фразеологизм обозначает определенное понятие, хотя и другим образом. Подобно отдельным словам, фразеологизм не конструируется в речи, а воспроизводится в ней с присущим им целостным содержанием. Фразеологизмы могут иметь варианты и иметь постоянные и переменные слова-компоненты» [Матвеева, 2010, с. 516–517]. Идиомы относятся к фразеологическим единицам и, как указывает Т. В. Матвеева, обладают наибольшей степенью семантической слитности и образности (поскольку из значения составляющих их слов не может быть выявлено значение всей единицы) [Матвеева, 2010, с. 120].

Социолингвисты В. И. Беликов и Л. П. Крысин в качестве значения интервью выделяют получение и фиксирование именно спонтанного речевого поведения интервьюируемого [Беликов, Крысин, 2001, с. 204]. Таким образом, выбор современных интервью для иллюстрации примеров обусловлен задачей найти и продемонстрировать примеры употребления актуальных и бытующих в речи британцев и американцев фразеологизмов, возникающих в ситуации живого общения и спонтанного ответа на вопрос.

В рассмотренных интервью с американскими и британскими политиками распространенной моделью, посредством которой реализуется метафора, оказалась модель POLITICS IS A GAME.

Как указывает по поводу данной модели М. В. Пименова, «особое развитие получила метафорическая модель “политика — игра” (политические игры). Символика игры многогранна и многозначна. В первую очередь, игра — это символ творчества и творения. Традиционно считается, что игра лишена практической целесообразности, это пространство свободы, творческого поиска, отказа от догм. Игра доступна в полной мере лишь элите (в данном случае полити-

ческой элите); она предполагает рациональность, наличие правил» [Пименова, 2014, с. 29].

Для начала приведем два фрагмента из разных интервью, в которых политические стратегии и обстоятельства непосредственно номинированы при помощи лексемы *game*:

I think Obama, so far, has done a very good job of letting sometimes the harsh questions roll off his back. We saw some of that during the transition. For example, when the 15th question about, would Hillary Clinton be a loyal secretary of state came up, and sort of said, hey, guys, I know this is **part of the game** (Margaret Jane “Dee Dee” Myers, former White House Press Secretary) (State of the Union..., 2009a).

No. I mean, in my head, I know what we could do. One of the **games** that the Democrats do in response to, “How are you going to pay for it?” is you say, “Well, carried interest” (Sen. Brian Schatz) (Nilsen, 2018).

В исследованных интервью большая часть фразеологизмов, при помощи которых реализуется метафорическая модель POLITICS IS A GAME, имеет прямое отношение к карточным играм. Рассмотрим первый пример:

Well, you never **reveal all of your cards** (Senator Ben Nelson) (State of the Union..., 2009b).

В интернет-словаре «The free dictionary» выражение имеет дефиницию ‘to make one’s plans, intentions, ideas, or resources known to others, especially those that were previously hidden or kept secret’ [The free dictionary].

Рассматриваемая метафорическая модель также может быть реализована посредством выражения *hold the cards*:

We have a Republican president, a Republican Senate, a Republican House, led by a Republican party that is the most anti-immigrant we have ever seen in the history of America. We can pressure as best we can, but we really don’t **hold the cards**. Democrats hate to shut down the government. We hate it. We like government. We’re not like the Republicans (Senator Chuck Schumer) (Staff, 2018).

В словаре Oxford Dictionary of Idioms (далее ODI) также зафиксирована форма идиомы *hold all the cards*, имеющая дефиницию ‘be in the strongest or most advantageous position’ [Oxford dictionary of Idioms, 2004].

В следующем фрагменте интервьюер также характеризует политическую ситуацию при помощи устойчивого фразеологического оборота, восходящего корнями к карточным играм:

You talk about Nick Clegg there, but presumably this is not a personal thing. I mean if **the cards fell in a slightly different way**, you could work with Nick Clegg in the future? (Andrew Marr, interviewer) (Transcript of Ed Miliband interview, 2011).

Одна из возможных тактик ведения политической «игры» может быть репрезентирована при помощи лексемы *bluff*:

The people of Darfur deserve more than another round of toothless diplomacy and **bluffing** and maneuvering from the Sudanese Government (Andrew Mitchell, MP) (Andrew Mitchell..., 2007).

Глагольная форма, благодаря которой появился русский глагол «блефовать», имеет следующие основные значения: а) ‘вводить в заблуждение игроков, делая вид, что на руках имеются выигрышные карты (особенно в покере)’; б) ‘вводить в заблуждение противника, стараясь преувеличить свои силы и возможности’. Также существует зафиксированная в словарях ODI и Cambridge International Dictionary of Idioms (далее CIDI) идиома *call someone's bluff*, имеющая в словаре ODI дефиницию ‘challenge someone to carry out a stated intention, in the expectation of being able to expose it as a false pretence’ [Oxford dictionary of Idioms, 2004]. В этом же словаре приводится историческая справка о том, что игра в покер была ранее известна под названием *bluff*. Выражение *calling someone's bluff* имело изначальное значение ‘making an opponent show their hand in order to reveal that its value was weaker than their heavy betting suggested’ [Oxford dictionary of Idioms, 2004].

Успех в «политической игре» может обозначаться при помощи выражения *play all of one's cards right*:

*What we did was **play all of our cards right** at the initial moment, which is generally Trump's overall strategy in foreign policy. There's no nuance. There's no strategy. There's no long-term play* (Senator Chris Murphy) (Petti, 2020).

В словаре ODI идиома *play your cards right* определяется как ‘make the best use of your assets and opportunities’ [Oxford dictionary of Idioms, 2004]. В словаре Longman dictionary of American English (далее LDOAE) выражение имеет помету *informal* [Longman Dictionary of American English, 2008].

Стабильная линия поведения в «игре» может быть обозначена при помощи идиомы *follow suit*:

That message went beyond just the United States. Other countries **followed suit**, and it became a rallying point. And just in the last Congress, we

were able to extend the Russia-specific statute to a Global Magnitsky Act, going against human rights violators in other countries where their own country does not hold them accountable.

I was very pleased to see that Canada has passed a similar law just recently, and other countries have **followed suit**, so it has become a real effort to say we are going to stand up against human rights abusers (Susan Glasser, interviewer) (Morning Money Virtual Interview..., 2020).

В пособии «English Idioms in Use» (далее EIU) идиома *follow suit* определена как ‘do the same as everyone else has just done’ [McCarthy, O’Dell, 2017]. Лексемой *suits* в английском языке обозначаются карточные масти: *hearts* (черви), *diamonds* (бубны), *spades* (пики) и *clubs* (трефы). Отметим, что в приведенном микротексте данная идиома употреблена дважды.

Наличие секретного плана или стратегии может быть обозначено при помощи идиоматического выражения *have a card up one’s sleeve*:

Well, I’m, I just say that because I suppose there are all sorts of technical things one can do, but that doesn’t mean I’ve got some hidden agenda **up my sleeve**, but the — I forget the exact wording of the Manifesto — but it was quite clear we intended to maintain a reliance on the basic pension and child benefit come out of this (Peter Lilley) (Interview with Peter Lilley, 1992).

В словаре ODI идиома *have a card up your sleeve* имеет дефиницию ‘have a plan or asset that is kept secret until it is needed’ и помету «British» [Oxford dictionary of Idioms, 2004]. Наши примеры данную классификацию подтверждают, поскольку автор приведенных слов родился и занял свою высокую политическую должность в Великобритании. При этом среди изученных американских интервью (не только политических) употребление данной идиомы не зафиксировано.

Из сферы азартных карточных игр в политический дискурс также пришло выражение *up/raise the ante*:

*So his tweet is complimenting President Xi of China and trying to **up the ante** by attacking the leader of North Korea* (Senator Chris Coons) (Smerconish, 2017).

Существительное *ante* [ˈæntɪ] обозначает первую ставку в карточной игре (обычно в покере). В словаре ODI идиома *up/raise the ante* определена как ‘increase what is at stake or under discussion, especially in a conflict or dispute’ [Oxford dictionary of Idioms, 2004]. Согласно приведенной в словаре исторической справке, это слово ла-

тинского происхождения, оно обозначало 'перед', 'до' ('before'). Как английское существительное, лексема употребляется уже в начале XIX в. в качестве термина, относящегося к покеру и другим схожим играм. Его значение определено как 'a stake put up by a player before drawing cards' [Oxford dictionary of Idioms, 2004].

Заранее предreshенная ситуация может быть представлена при помощи выражения *be on the cards*:

What this means? Many more months of uncertainty, and a whole new euro crisis potentially **on the cards** (Richard Quest, CNN International Anchor) (Erin Burnett Outfront..., 2011).

В пособии ЕИУ указано, что данное выражение относится к гаданию на картах (и картам таро) и имеет дефиницию 'be likely to happen' [McCarthy, O'Dell, 2017]. В словаре CIDI указывается, что характерно британским вариантом (также встречающимся, однако, в США и Австралии) является *be on the cards*, а характерно американской и австралийской формой является *be in the cards* [Cambridge international dictionary of idioms, 1998].

Характеризуя и оценивая различные ситуации на «политической арене», в интервью британских и американских политиков также зафиксирована не столь многочисленная группа фразеологизмов, изначально относящихся к играм с мячом. В качестве первого примера приведем употребление идиомы *the ball is in one's court*:

Let me talk just a second about that dynamic between Senator Reid and Senator McConnell, because now it's like, OK, **ball is in your court**, guys. Are these two capable of coming up with something that probably the Senate could pass, but more importantly, that the House would also pass? (Candy Crowley, interviewer) (State of the union..., 2012).

Описываемая идиомой *the ball is in one's court* ситуация в ODI определяется как 'it is that particular person's turn to act next' [Oxford dictionary of Idioms, 2004]. В учебном пособии ЕИУ ситуация определяется как 'you have to do something now before any progress can be made' [McCarthy, O'Dell, 2017], что указывает на то, что ситуация характеризуется еще и срочностью, нежелательностью промедления.

Следующим зафиксированным в англоязычном политическом интервью выражением, относящимся к играм с мячом, является идиома *keep one's eye on the ball*:

But at this moment in the history of Iran, we should not politicize this issue here in the United States. The key thing here is striking the right balance,

telling those who are protesting that we share their values, but also making sure that we **keep our eye on the ball** here (Senator Robert Patrick Casey Jr.) (State of the union..., 2009c).

В словаре ODI данная идиома имеет определение 'keep (or fail to keep) your attention focused on the matter in hand' [Oxford dictionary of Idioms, 2004].

Ситуация равенства может быть выражена при помощи идиомы *on a level playing field*:

On your second point, I have nothing against harnessing the talent of all those who work legally in London — the question here is why the government's skills strategy is failing to equip British school leavers to compete **on a level playing field** with highly qualified immigrants (Jeremy Hunt, MP) (Jeremy Hunt..., 2007).

В учебном пособии ЕИУ выражаемая при помощи данного идиоматического выражения ситуация определена как 'in fair situation' [McCarthy, O'Dell, 2017].

О сотрудничестве можно говорить, используя идиому *play ball*:

Well I think already important changes have been made. First, I said that I wanted to make much sharper progress at ministerial question times and Prime Minister's Questions. That has happened. Colleagues right across the House will tell you that far more questioners are being called. I'm making greater progress down the order paper. People are **playing ball** and that is good for the opportunities for backbenchers and the opportunity to scrutinise ministers. I've said people should stick to the question — there shouldn't be long preambles (John Bercow, speaker of the House of Commons) (Short term pain..., 2009).

Согласно учебному пособию ЕИУ, выражение *to play ball* означает 'co-operate in order to achieve something' [McCarthy, O'Dell, 2017], при этом поясняется, что выражение зачастую имеет отрицательный эмоциональный окрас. Отметим, что в приведенном микро-тексте отрицательный окрас данная идиома не выражает; напротив, речь идет о положительной тенденции.

Помимо фразеологизмов, имеющих отношение к карточным играм и играм с мячом, была зафиксирована самая малочисленная группа выражений, относящихся к другим играм и видам спорта:

It's also important because of this: Russia still has 18,000 nuclear war-heads. We asked Matthew Rojansky, an expert on Russian national security about what may be **at stake** for Putin and Russia (Erin Burnett, interviewer) (Erin Burnett Outfront..., 2011).

В словаре LDOAE выражение *be at stake* описано следующим образом: 'if something that you value very much is at stake, you will lose it if a plan or action is not successful' [Longman Dictionary of American English, 2008].

Явление лидерства и руководства может быть обозначено при помощи идиомы *call the shots*:

It is the supreme leader, of course, who **calls the shots**, the armed forces report to him, the state media reports to him. Senator Lugar, I want to come back to you on Senator Casey's point. The president said diplomacy should be on the table. He has been waiting for the Iranians to come back to him (John King, interviewer) (State of the union..., 2009c).

В словаре LDOAE описываемое при помощи данной идиомы положение определено как 'to be the person who decides what to do in a situation' [Longman Dictionary of American English, 2008]. На посвященном английским идиомам интернет-сайте дается следующая историческая справка: «This idiom has been in use since the mid-1900's. It may come from pool playing or billiards, where to call a shot means to say where you are going to hit the ball. The expression may also come from target practice, where a shooter or archer might say what part of a target they are going to hit» [Idioms Online].

Ситуация, при которой соперники соревнуются на равных и отсутствует явно выраженный победитель, может быть выражена при помощи идиомы *neck and neck*:

One of the post fascinating races to watch is the one for the U.S. Senate seat in Nevada. Democratic candidate Jackie Rosen backed by former president Barack Obama is **running neck and neck** against the incumbent Republican Senator Dean Heller, a one-time Trump critic, though it was a while ago, who just told the president at a rally last Saturday, quote, "everything you touch turns to gold" (Chris Hayes, commentator) (MSNBC..., 2018).

В словаре CIDI описываемая при помощи идиомы *neck and neck* ситуация определяется как 'if two people who are competing are neck and neck, they are very close and either of them could win' [Cambridge international dictionary of idioms, 1998]. Согласно исторической справке из ODI, изначально фраза относилась к скачкам на лошадях, где шея лошади являлась мерой, определяющей, какая лошадь лидирует.

В завершение приведем в качестве примера заголовок интервью с сенатором Крисом Мёрфи:

The Democratic **heavyweight** says it's urgent to undo the damage of the past three years (Petti, 2020).

Переносное значение лексемы *heavyweight* зафиксировано в LDOAE наряду с изначальным значением, имеющим отношение к боксу и единоборствам. Первая дефиниция данного существительного сформулирована как ‘someone who boxes or wrestles, and is in the heaviest weight group’. Второе значение сформулировано как ‘someone who has a lot of power and experience in a particular business or job’ [Longman Dictionary of American English, 2008].

Таким образом, в англоязычных политических интервью зафиксировано употребление следующих фразеологических оборотов и идиом, при помощи которых реализуется метафорическая модель POLITICS IS A GAME: *reveal (all) one's cards, hold the cards, cards fall in a different way, bluff, play all of one's cards right, follow suit, have a card up one's sleeve, up/raise the ante, be on (in) the cards, the ball is in one's court, keep one's eye on the ball, on a level playing field, play ball, be at stake, call the shots, neck and neck, heavyweight*. Наиболее разнообразной оказалась группа фразеологизмов, имеющих отношение к карточным играм, поскольку их количество и частота употреблений в изученных англоязычных политических интервью превышает данные показатели по выражениям, относящимся ко всем видам спорта и играм вместе взятым. Приведенные примеры отражают разнообразие в реализации рассматриваемой модели фразеологическими средствами, являющимися неотъемлемыми составляющими метафоры как ментальной операции.

Источники

- Andrew Mitchell answers your questions. 10.05.2007. URL: http://conservative-home.blogs.com/interviews/2007/05/last_week_you_a.html more (дата обращения: 13.10.2020).
- Erin Burnett Outfront. Drone Warfare; Interview with former Secretary of Defense William Cohen; Missing Ex-FBI Agent; Interview With Sen. Bill Nelson; Interview with Representative Kevin Yoder; Payroll Tax Showdown. 09.12.2011. URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1112/09/ebo.01.html> (дата обращения: 13.10.2020).
- Interview with Peter Lilley. 22.11.1992. URL: <http://www.bbc.co.uk/otr/intext92-93/Lilley22.11.92.html> (дата обращения: 13.10.2020).
- Jeremy Hunt answers your questions. 24.07.2007. URL: <http://conservativehome.blogs.com/interviews/2007/07/jeremy-hunt-ans.html> more (дата обращения: 13.10.2020).
- Morning Money Virtual Interview with Sen. Ben Cardin. 28.04.2020. URL: <https://www.politico.com/mm55livestream> (дата обращения: 13.10.2020).
- MSNBC “All in with Chris Hayes” — Transcript: Interview with Sen. Catherine Cortez Masto. 25.10.2018. URL: <https://votesmart.org/public-statement/1297559/>

- msnbc-all-in-with-chris-hayes-transcript-interview-with-sen-catherine-cor-
tez-masto&speechType=3.X0Pof9wzbIU (дата обращения: 13.10.2020).
- Nilsen E.* Sen. Brian Schatz on why he doesn't need to pay for his debt-free col-
lege plan. 20.03.2018. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2018/3/20/17126796/brian-schatz-interview-affordable-college-plan> (дата обра-
щения: 13.10.2020).
- Petti M.* Interview with Senator Chris Murphy: Coronavirus Means It's "Time For
Congress To Step Up". 12.05.2020. URL: <https://nationalinterest.org/blog/2020-election/interview-senator-chris-murphy-coronavirus-means-it%E2%80%99s-%E2%80%9Ctime-congress-step-%E2%80%9D?page=0%2C1> (дата обраще-
ния: 13.10.2020).
- Short term pain for long term gain. 15.11.2009. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/andrew_marr_show/8361072.stm (дата обращения: 13.10.2020).
- Smerconish. Trump Admits Missing His Old Life; Interview with Sen. Chris Coons;
The Effect of Trump's Tax Cuts; Interview with Rep. Lou Barletta. 29.04.2017.
URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/1704/29/smer.01.html> (дата
обращения: 13.10.2020).
- Staff R.* Full transcript: Senator Chuck Schumer on Recode Decode. 13.03.2018. URL:
[https://www.vox.com/2018/3/13/17114616/transcript-senator-chuck-schu-
mer-washington-dc-trump-politics-democrat-minority-leader-recode-decode](https://www.vox.com/2018/3/13/17114616/transcript-senator-chuck-schumer-washington-dc-trump-politics-democrat-minority-leader-recode-decode)
(дата обращения: 13.10.2020).
- State of the Union with Candy Crowley. Interview with Asa Hutchinson; Interview
with Senator Lieberman; Interview with Steve LaTourette, Mick Mulvaney.
23.12.2012. URL: [http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1212/23/sotu.01.
html](http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1212/23/sotu.01.html) (дата обращения: 13.10.2020).
- State of the Union with John King. Interview with Barack Obama; Interview with
David Axelrod; Interview with Ed Gillespie. 18.01.2009a. URL: [http://tran-
scripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0901/18/sotu.01.html](http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0901/18/sotu.01.html) (дата обращения:
13.10.2020).
- State of the Union with John King. Interview with Governors Granholm, Pawlenty;
Interview with Senators Ben Nelson, Susan Collins. 01.02.2009b. URL: [http://tran-
scripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0902/01/sotu.01.html](http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0902/01/sotu.01.html) (дата обращения:
13.10.2020).
- State of the Union with John King. Interview with 4 Key U. S. Senators. 21.06.2009c.
URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/0906/21/sotu.01.html> (дата
обращения: 13.10.2020).
- Transcript of Ed Miliband interview. 16.01.2011. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/andrew_marr_show/9363240.stm (дата обращения: 13.10.2020).

Словари и учебная литература

- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: Рос.
гос. гуманитар. ун-т, 2001.

- Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
- Пименова М. В.* Языковая картина мира: учеб. пособие. М.: Флинта, 2014.
- Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2008.
- Cambridge international dictionary of idioms. Cambridge University Press, 1998.
- Idioms Online. URL: <https://www.idioms.online/> (дата обращения: 13.10.2020).
- Longman Dictionary of American English. 4th ed. / Pearson Education Limited. Pearson Education ESL, 2008.
- McCarthy M., O'Dell F.* English idioms in use. Cambridge University Press, 2017.
- Oxford dictionary of Idioms / ed. by J. Siefring. Oxford University Press, 2004.
- The free dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 13.10.2020).

Этноспецифические концепты немецкого языка

Данная статья посвящена исследованию немецких этноспецифических (безэквивалентных) концептов в рамках лингвокультурной концептологии. Для анализа были отобраны семь уникальных концептов немецкого языка: FERNWEH, FINGERSPITZENGEFÜHL, TORSCHLUSSPANIK, KUMMERSPECK, WICHTIGTUEREI, LEBENSMÜDE, SCHNAP-SIDEE. Направленный ассоциативный и рецептивный эксперимент, проведенный на филологическом факультете Свободного университета Берлина, позволил выявить основные когнитивные признаки семи исследуемых концептов, их национальную специфику, особенности их восприятия носителями языка, дополнительные смыслы, не зафиксированные словарями, их аксиологическую оценку.

Ключевые слова: этноспецифический концепт, безэквивалентная лексика, межъязыковая лакуна, лексическое соответствие, ассоциативный эксперимент, перцептивный эксперимент, аксиологическая оценка.

E. E. Petrova

Ethno-specific concepts of the German language: associative experiment

This article is devoted to the study of German ethno-specific (non-equivalent) concepts in the framework of linguocultural conceptology. Seven unique concepts of the German language were selected for analysis. FERNWEH, FINGERSPITZENGEFÜHL, TORSCHLUSSPANIK, KUMMERSPECK, WICHTIGTUEREI, LEBENSMÜDE, SCHNAP-SIDEE. A directed associative and receptive experiment, carried out at the Faculty of Philology of the Free University of Berlin, revealed the main cognitive features of the seven studied concepts, their national specifics, peculiarities of their perception by native speakers, additional meanings not recorded in dictionaries, as well as their axiological assessment.

Keywords: ethno-specific concept, non-equivalent lexis, interlingual lacuna, lexical match, associative experiment, perceptual experiment, axiological assessment.

В рамках активно развивающейся антропоцентрической парадигмы одну из ведущих ролей играет лингвокультурология, изучающая взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования, рассматривая этот процесс в системной целостности.

Созданная на основе триады «язык — культура — человеческая личность» [Бенвенист 1974], данная отрасль науки ставит своей задачей исследование взаимоотношений языка с культурой, этносом и народным менталитетом [Маслова, 2001, с. 28]. В основе категориального аппарата лингвокультурологии лежат понятия языковой личности и концепта.

Лингвокультурная концептология, выделившаяся из лингвокультурологии, рассматривает концепт в качестве основной единицы изучения языка и культуры. Как отмечал В.И.Карасик, эта дисциплина сочетает философский анализ действительности, ее когнитивное моделирование, культурологическое описание этнического менталитета и семантическое структурирование реальности. Она занимается выявлением лингвоспецифических характеристик менталитета носителей того или иного языка, анализируя его семантические составляющие — концепты. Под лингвокультурным концептом мы понимаем ментальное образование, включающее понятийную, образную и ценностную составляющие, главный отличительный признак которого — этнокультурная отмеченность и акцентирование ценностного компонента [Карасик, 2004, с. 97; Воркачев, 2016, с. 19].

Каждая языковая культура содержит этноспецифические концепты, представляющие собой своего рода коды — ключи к пониманию ценностей данной культуры, этнического менталитета ее представителей, стереотипов их поведения [Карасик, 2004, с. 114; Гунина, 2009, с. 169]. Их исследование играет важную роль в успешном осуществлении межкультурной коммуникации. Этноспецифические концепты, являющиеся разновидностью лингвокультурных концептов, выступают аттракторами смысла, выразителями важнейших ценностей данной культуры [Опарин, 2010, с. 9]. Их главные отличительные особенности — ярко выраженная ценностная составляющая, отсутствие настоящих эквивалентов имен концепта в других языках, частое употребление прилагательного-этнонима в сочетании с именем концепта (например, *русское авось*, *deutsche Ordnung* (букв. ‘немецкий порядок’), *English gentleman* (‘английский джентельмен’) и др. [Опарин, 2010, с. 6].

Как отмечает В.П.Нерознак, «безэквивалентная лексика, или то, что обычно называют «непереводимое в переводе», и есть тот лексикон, на материале которого следует составлять списки фундаментальных национально-культурных концептов» [Нерознак, 1998, с. 85]. В представленности концептов в различных лингвокультурах наблюдается асимметричность: даже близкие концепты совпадают

не полностью по своему содержанию, а некоторые концепты могут и вовсе отсутствовать. Именно в наличии либо отсутствии концептов в концептосфере определенного народа (лакунах) проявляется национальная специфика концептосфер. Обнаружением национально-специфических языковых единиц занимается контрастивная лингвистика. «Наиболее действенным способом «вычитывания» национально-специфических концептов из языков является их межъязыковое сопоставление» [Леонтович, 2005, с. 111].

Безэквивалентной (либо эндемичной) является такая единица, которая имеется в одном языке и отсутствует в другом [Стернин и др., 2003, с. 206]. Например, в английском языке существуют такие безэквивалентные единицы, как *understatement* ('сдержанное высказывание, замалчивание'), *afterthought* ('мысль, пришедшая после произошедшего события'), *fortnight* ('две недели') — русско-английские лакуны, то есть лакуны в русском языке, выявленные на фоне английского языка [Стернин и др., 2003, с. 211]. Примерами англо-русских лакун являются русские концепты ВОЛЯ, ПОШЛОСТЬ, ЛУКАВСТВО, УМИЛЕНИЕ, РАЗГУЛ, СУТКИ, БОРИЩ и др. В немецком языке не имеют соответствий такие концепты, как *FEIERABEND* 'вечер после работы', *GESCHWISTER* 'братья и сестры'; *WOCHENENDE* 'вечер пятницы + суббота + воскресенье' [Тарасова, 2003, с. 227]. Лакуна не всегда означает отсутствие концепта в концептосфере того или иного языка: соответствующие предметы и явления могут существовать в лингвокультуре данного народа, но быть не концептуализированными. Например, в русском языке существует концепт ДВЕ НЕДЕЛИ, но нет отдельного слова для номинации данного концепта. Анализируя межъязыковые лакуны, необходимо различать непосредственно лакуны, то есть отсутствие единицы, и неполные лексические соответствия — в этом случае перевод будет приблизительным, не полностью передающим содержание лексической единицы иностранного языка [Стернин и др., 2003, с. 215]. Лакуна имеется в том случае, когда в каком-либо языке нет эквивалента единице другого языка; переводное соответствие является свидетельством национальной семантической специфики сравниваемых единиц [Стернин и др., 2003, с. 216].

Любой концепт иноязычной культуры можно объяснить, что свидетельствует о невербальности концептуального мышления. Любая лакуна может быть компенсирована в речи свободными словосочетаниями и другими «временными» языковыми средствами, которые могут стать устойчивой номинацией концепта, например *SUNSCREEN* — *солнцезащитный крем*. Концепт всегда богаче по

содержанию, чем номинирующие его лексические средства, каждое из которых раскрывает только определенную его часть. Например, ни один вариант перевода имени англоязычного концепта QUALITY TIME — *качественное время; время для личной жизни; время, проведенное с пользой* — не передает его полностью, каждый из них отражает лишь определенную грань данного национально-специфического концепта [Петрова, Рубцова, 2019, с. 156].

Наиболее действенным методом исследования концептов как «реальностей сознания» людей является психолингвистический ассоциативный эксперимент. [Попова, Стернин, 2007, с. 117]. Как отмечал Ф. Крамер, «выявление привычных ассоциаций... является первым шагом в изучении других когнитивных процессов» [Cramer, 1968, p. 2]. Ассоциации позволяют заглянуть в мир представлений и эмоций человека и посмотреть, как они соотносятся с культурной спецификой его восприятия мира [Закорко, 2012, с. 105]. Целью ассоциативного эксперимента в его двух основных разновидностях — свободного и направленного — является построение ассоциативного поля концепта-стимула, которое формируется перечислением ассоциатов, упорядоченных по убыванию частотности. Ассоциаты, которые образуют ассоциативное поле, рассматриваются в качестве языковых средств, репрезентирующих когнитивные признаки концепта-стимула. В свободном ассоциативном эксперименте испытуемые реагируют на стимул любым словом, при направленном — их ответ ограничивается определенными условиями, например одной частью речи, синонимами, антонимами и т. п. Эффективность этой методики доказана целым рядом ученых (А. А. Залевская, В. П. Белянин, А. А. Леонтьев и др.).

При исследовании концептов также эффективен рецептивный эксперимент, то есть эксперимент на понимание, восприятие концепта, его субъективную дефиницию [Попова, Стернин, 2007, с. 131]. Цель такого эксперимента — исследование знания и понимания значения языковой единицы носителями языка [Крючкова, 2004, с. 172].

Для изучения отобранных концептов был проведен направленный ассоциативный и рецептивный эксперимент на филологическом факультете Свободного университета Берлина. В эксперименте приняли участие 30 информантов — студенты и преподаватели, носители немецкого языка. Опрос был проведен в письменном виде. Испытуемым было предложено выполнить два задания: дать свое определение концепта-стимула, ассоциации и его аксиологическую оценку. Результаты эксперимента позволили выявить основные ког-

нитивные признаки исследуемых концептов и упорядочить их по яркости в сознании носителей немецкого языка.

Рассмотрим шесть немецких этноспецифических концептов.

1. FERNWEH: буквально обозначает ‘тоска по дальнему’ (*fern* — ‘дальний, отдаленный’, *Weh* — ‘печаль’). Его синоним WANDERLUST используется и в английском языке. Различие между этими синонимами состоит в том, что если WANDERLUST обозначает только страстное желание путешествовать, то важным семантическим признаком концепта FERNWEH является тоска (подобно HEIMWEH — ‘тоска по дому’), то есть когда человек не путешествует, он испытывает грусть, подавленность, потерянность:

Nach einer Weile bekomme ich Fernweh — ‘Через некоторое время начинают чесаться пятки’ (Reverso Context).

Многие информанты отметили именно этот семантический признак — тоска, подобная тоске по дому, сильное стремление побывать в каком-либо месте; острая потребность уехать из дома и посмотреть другую часть мира, причем многие отметили интенсивность этого чувства (*longing, a heartbreaking feeling, desire, yearning, restless behaviour*). Причиной такой тоски может быть нежелание оставаться на прежнем месте, поскольку оно стало для человека то-скливым и скучным; ностальгия по неизведанным местам. Наиболее распространенными ассоциациями оказались следующие: путешествие, расстояние, другие страны, неизведанные места, приключение, отпуск, беспокойство, море, пальмы, ностальгия, желание бежать от повседневности. Подавляющее большинство опрошенных оценили данный концепт как положительный, однако трое поставили знак «минус».

В английском языке эквивалентами данного концепта являются *itchy feet* (‘чемоданное настроение’), *Wanderlust* (‘страсть к путешествиям’), *yearn to see distant places* (‘страстное желание увидеть далекие места’). Идиома *itchy feet* не так точно отражает состояние души, как FERNWEH. Наличие в немецкой концептосфере специального концепта для выражения страсти к дальним странствиям, возможно, связано с особенной любовью немцев к путешествиям [What is the difference...].

Варианты перевода имени концепта на русский язык — *тяга к дальним странствиям; жажда путешествий; склонность к перемене мест*. На наш взгляд, наиболее точным является описательный перевод *тоска по дальним странствиям*.

2. FINGERSPITZENGEFÜHL. Имя концепта представляет собой сложное существительное, состоящее из трех частей: *Finger* — ‘палец’; *Spitzen* — ‘кончики’; *Gefühl* — ‘чувство’, то есть слово буквально означает ‘чувство в кончиках пальцев’ и имеет метафорическое значение ‘тонкое, интуитивное чутье, инстинкт’. Данный термин описывает большую ситуационную осведомленность и способность реагировать самым адекватным и тактичным образом, проявлять эмпатию. В социальном контексте FINGERSPITZENGEFÜHL предполагает сочетание тактичности, дипломатичности и эмпатии, это качество помогает человеку договориться с другими людьми сложной ситуации; иногда используется для описания инстинктивных действий футбольных игроков (German language blog). Данное слово часто употребляется в сочетании *Fingerspitzengefühl für etwas haben* — ‘иметь чутье на что-либо’:

Jens hat so ein Fingerspitzengefühl für die Wirtschaft. — ‘У Йенса такое чутье в экономике’ (German language blog).

Участники эксперимента определили исследуемый концепт как «эмпатию в общении», «чувствительность», «заботу», «способность действовать предельно внимательно в сложной, особенно эмоциональной ситуации», «инстинктивное, внутреннее чутье», «умение правильно вести себя в сложной ситуации», «умение решать сложные проблемы», а также «ловкость, мастерство, способность выполнять очень тонкую работу».

Все опрошенные оценили данный концепт как положительный и предложили следующие ассоциации: чувствительный, деликатный, эмпатичный, внимательный, чуткий, умелый, ловкий, осторожный, готовый помочь, добрый; эмоциональное взаимодействие, эмпатия, саморефлексия. Данные ассоциации отражают важные семантические признаки исследуемого концепта.

Слово *Fingerspitzengefühl* было заимствовано английским языком, однако имеются и другие соответствия: *flair* (‘чутье, нюх’), *sure instinct*, *instinctive feeling* (‘инстинктивное чувство’), *touch* (в значении ‘такт’); *tact* (‘такт’), *intuition* (‘интуиция’), а также идиомы *to keep one’s finger on the pulse* (‘быть в курсе дела, держать руку на пульсе’) и *to have a gut feeling* (‘иметь инстинктивное чувство, внутреннее чутье’) (German language blog).

Варианты перевода на русский язык: *тонкое чутье, чуткость, чувство такта, интуиция, проницательность, нюх, осторожность; тонкая душевная организация, способность проявлять эмпатию.*

Все английские и русские эквиваленты передают лишь отдельные грани немецкого концепта, ни один из них не имеет точного соответствия. Самым удачным представляется перевод словосочетаниями: *тонкое чутье* либо *внутреннее чутье*, однако адекватный перевод зависит от контекста.

3. TORSCHLUSSPANIK. Имя концепта также представляет собой сложное существительное: *Tor* — ‘ворота’; *Schluss* — ‘заккрытие, окончание’ (от глагола *schließen* — ‘закрывать’) и *Panik* — ‘паника’. Буквально означает ‘Gate close panic’ — «паника закрывающихся ворот», то есть боязнь упустить последнюю возможность. Только в немецком языке для обозначения этого оттенка страха имеется отдельное слово.

Данный концепт восходит к средневековью, когда основой безопасности городов-крепостей были высокие стены и крепкие ворота, которые на ночь закрывали и люди бежали в панике, чтобы успеть попасть в город и не подвергнуться опасности ночевать за его пределами [Wiktionary]. В наши дни это слово употребляется метафорически для описания страха не успеть сделать что-то важное в жизни. Такой панике подвержены разные люди, которые чувствуют, что не успевают что-то сделать, как правило, из-за своего возраста, например завести детей, получить высшее образование или новую профессию. Для данного существительного характерны следующие сочетания: *in Torschlusspanik sein*, *Torschlusspanik haben* — ‘бояться упустить последний шанс’; *in die Torschlusspanik verfallen* — ‘бояться упустить последнюю возможность’. Словосочетание *aus Torschlusspanik heiraten* описывает процесс вступления в брак с неподходящим человеком из страха, что возраст проходит:

Ab 30 fängt vor allem bei vielen Frauen die Torschlusspanik an. — ‘Для многих женщин страх упустить последнюю возможность начинается после 30 лет’ (German language blog).

Более 25 % опрошенных определили это понятие как «страх опоздать» — страх перед приближающимся крайним сроком; боязнь не достигнуть жизненных либо более мелких целей, особенно с возрастом; страх перед экзаменом, перед закрывающейся дверью поезда; страх не выполнить задание, не успеть на важное мероприятие и т.д. Наиболее типичными ассоциациями оказались следующие: страх, паника, беспокойство, иррациональный, крайний срок, закрытые двери, мало времени, давление, стресс, выгорание, желудочные колики. Все информанты отметили данный концепт знаком «минус».

Данный концепт, безусловно, присутствует во всех лингвокультурах, потому что в современной жизни с ее ускоряющимся темпом и возрастающими возможностями страх упустить эти возможности, не успеть сделать что-то важное присущ большинству людей независимо от их национальности и культуры. Однако ни в русском, ни в английском языках он не вербализован. В английском языке можно отметить такие эквиваленты, как *last minute panic*, *fear of being left on the shelf*, *eleventh hour panic* — ‘паника в последний момент’. С данным понятием часто ассоциируется *mid-life crisis* — ‘кризис среднего возраста’. Слово *Torschlusspanik* заимствовано в английском языке: «Urban Dictionary» отмечает такие его значения, как «1. Чувство, которое испытывали средневековые крестьяне, когда закрывались ворота замка перед нападением врагов (изначальное прямое значение); 2. Паника, которую испытывает бездетная женщина, приближающаяся к среднему возрасту, тикание биологических часов» [Urban dictionary]. То есть немецкое слово было заимствовано в прямом и одном из переносных значений и чаще всего употребляется именно в последнем. В русском языке используется описательный перевод: *паника в последний момент, страх не успеть сделать что-то важное, боязнь упустить последнюю возможность* (наиболее удачный, на наш взгляд, вариант).

4. KUMMERSPECK. Имя концепта — сложное существительное, состоящее из двух корней: *Kummer* — ‘горе, печаль’ и *Speck* — ‘шпик, сало, жир’, то есть буквальное значение — что-то вроде ‘жир от горя’. Этот концепт употребляется для описания состояния, когда человек начинает слишком много есть, чтобы заглушить депрессию, отчего набирает лишний вес:

Kummerspeck nach Ehe-Aus: Heidi Klum hat zugenommen. — ‘Жир от горя после распада брака: Хайди К्लум набрала вес’ (German language blog).

Определение исследуемого концепта участниками эксперимента можно обобщить следующим образом: «лишний вес / жир / полнота как результат неконтролируемого переедания в результате стресса, депрессии, потери, плохого настроения, беспокойства, боли, проблемы, разрыва отношений». Ассоциации, отмеченные информантами, можно разделить на несколько групп: 1) негативные эмоции и состояния — грусть, беспокойство, боль, болезнь, психическое расстройство, тоска, стресс; 2) увеличение веса, жир, переедание, ожирение, большой живот; 3) продукты, которые чаще все-

го едят в таком состоянии — шоколад, мороженое, чипсы; 4) более редкие ассоциации — разрыв отношений, слезы, телевизор. Первые две группы ассоциаций отражают ядерные семантические признаки исследуемого концепта, две последние — периферийные признаки. Все информанты отметили данный концепт как отрицательный.

В английском языке имеются эквиваленты *emotional eating* или *emotional over-eating* ('заедание стресса'), *comfort food* ('еда для комфорта, заедание стресса'). И английские, и русские эквиваленты концепта KUMMERSPECK описывают процесс, но не сам жир. Существует еще одна фразема — *cottage cheese thighs* ('целлюлитные бедра'). В немецкой концептосфере есть концепт для обозначения самого процесса — *Das Frustfressen* (*Frust* — 'расстройство, печаль' и *fressen* — 'есть (о животных), жрать') — переедание вследствие стресса, которое больше соответствует английским аналогам. Наиболее оптимальный описательный перевод имени концепта на русский язык — *лишний вес в результате «заедания» стресса*.

5. WICHTIGTUEREI. Имя концепта — сложное существительное, состоящее из двух частей: *Wichtig* — 'важный'; *Tuerer* — 'притворство, жеманство':

So eine Wichtigtuerei halte ich für gefährlich. — 'Я думаю, что такое самомнение опасно' (Reverso Context).

В своих определениях информанты отметили такие грани исследуемого концепта, как: высокомерие; гордыня, важничанье, стремление выставить свои достижения напоказ; кажущееся всезнайство; обманчивая важность; самолюбование; стремление представить что-либо более важным, чем оно есть на самом деле; стремление казаться лучше окружающих; высокомерно-пренебрежительное отношение к окружающим; стремление всегда быть правым; стремление казаться умнее других, когда это не соответствует действительности; особая форма высокомерия и эгоцентризма; стремление привлечь к себе внимание; стремление высказать свое мнение в любой ситуации. Наиболее типичные ассоциации — высокомерие, задранный нос, громкий голос, эгоцентризм; важность; самомнение; неприятный, ненавистный, всезнайка, токсичность, претенциозность, назойливость; нарциссизм; лицемерие, самообман.

Данные словарей и ассоциативного эксперимента позволяют описать концепт WICHTIGTUEREI как эгоизм и тщеславие, высокое самомнение, помпезность, напыщенность, имеющие целью произвести впечатление на других людей, прежде всего в профессиональной

сфере, но также и в личном общении. Личное общение превращается в саморекламу. Таким словом называют тех, кто пыжится, строя из себя больше, чем есть на самом деле. 100 % опрошенных дали отрицательную оценку.

В английском языке можно отметить большое количество эквивалентов: *boast* ('хвастовство, бахвальство'), *name-dropping* ('хвастовство связями'), *pomposity* ('помпезность, самомнение'), *bumbledom* ('высокомерные и некомпетентные служащие'), *bumptiousness* ('зазнайство, самоуверенность'), *bombast* ('напыщенность, надутость, манерность'); *grandiloquence* ('краснобайство'); *conceit* ('тщеславие, чванство'); *cockiness* ('самоуверенность, заносчивость'); *flatulence* ('напыщенность'); *arrogance* ('высокомерие'); *self-conceit* ('высокое самомнение'); *conceitedness* ('зазнайство, самодовольство'); *self-importance* ('больное самомнение') [Wiktionary].

Аналоги в русском языке: *позерство, важничанье, тщеславие, надменность, чванство, напыщенность*. Сайт «Germania.one» дает еще один синоним этому слову — *деловая колбаса* [Баянов, 2020]. Ни один эквивалент не отражает содержание немецкого концепта полностью. Однословный перевод является неточным, а описательный слишком длинный.

6. *LEBENSMÜDE*. Это сложное прилагательное, состоящее из двух слов: *Leben* ('жизнь') и *müde* ('уставший'), то есть буквально 'уставший от жизни':

Bist du lebensmüde? — 'Ты устал от жизни?' (German language blog).

Участники эксперимента определили данный концепт как «уставший от жизни, депрессивный, суицидный, лишенный мотивации», а также «осознанно совершающий неоправданно рискованный, безумный поступок, который может привести к гибели; испытывающий удовольствие от риска». Среди ассоциаций были названы: депрессия, усталость, опасность, самоубийство, смерть, грусть, бесстрашие, храбрость, глупость, бессмысленность.

Исходя из этого концепт *LEBENSMÜDE* можно определить как «уставший от жизни, утративший жизненную мотивацию». Он употребляется для описания людей, которые пребывают в состоянии глубокого разочарования и депрессии, что может подтолкнуть их к совершению несвойственного им действия, зачастую опасного и безрассудного с целью придать остроты своей скучной жизни. Все опрошенные, за исключением одного, отметившего семантический признак «храбрость», охарактеризовали данный концепт как отрицательный.

Эквиваленты в английском языке: *world-weary* ('пресыщенный, утративший вкус к жизни'), *depressed* ('угнетенный, унылый'), *fed up* ('скушающий, расстроенный') и частично — *restless* ('беспокойный') и *dissatisfied* ('неудовлетворенный') (German language blog). Русский перевод — *уставший от жизни, пресытившийся жизнью, разочарованный*. Однако смысл данного концепта шире, как показал эксперимент.

Исследование безэквивалентной лексики и лакун — важная задача как теории, так и практики преподавания иностранных языков. Этноспецифические концепты формируются под влиянием географических, исторических, культурных условий жизни определенного этноса, его национального характера. Исследованные уникальные концепты вербализуются в немецком языке сложными словами, значение которых не выводится из значения составных частей. Они метафоричны и многогранны, для их понимания недостаточно словарных дефиниций. Существующие в русском и английском языках эквиваленты не полностью отражают семантику немецких концептов. Направленный ассоциативный и рецептивный эксперименты позволили выявить национальную специфику исследуемых концептов, особенности их семантики и восприятия носителями языка, дополнительные смыслы, не зафиксированные словарями, их аксиологическую оценку, которая не всегда является однозначной. Интересно отметить, что некоторые немецкие концепты были импортированы английской лингвокультурой (FINGERSPITZENGEFÜHL, TORSCHLUSSPANIK). Изучение национально-специфических концептов способствует более глубокому пониманию культуры этноса, особенностей национального менталитета.

Источники

Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 21.09.2020).
German language blog. URL: <https://blogs.transparent.com/german/> (дата обращения: 21.09.2020).

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
Воркачев С. Г. Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2016. Т. 20, № 2. С. 17–29.
Гунина Л. А. Этноспецифические концепты как отражение национального характера // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 169–175.
Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

- Закорко С. В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 105–108.
- Крючкова Н. В. Методы изучения концептов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета, 4–6 октября 2004 г.: Труды и материалы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. С. 271–272.
- Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005.
- Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 1998. С. 80–85.
- Опарин М. В. Языковая репрезентация базового этноспецифического концепта: синхронно-диахронный аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010.
- Петрова Е. Е., Рубцова С. Ю. Вербализация концепта QUALITY TIME // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. Вып. 62. С. 149–160.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток — Запад, 2007.
- Стернин И. А., Попова З. Д., Стернина М. А. Лакуны и концепты // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов / под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. С. 205–224
- Тарасова Е. А. Лексические лакуны в межкультурной коммуникации (на материале немецкого языка) // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов / под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. С. 224–231.
- Cramer Ph. Word Association. New York; London: Academic Press, 1968.

Словари, справочные материалы, учебная литература

- Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.
- Баянов М. Немецкий словарь: 11 интересных слов. 2020. 5 ноября. URL: <https://germania.one/nemeckij-slovar-11-interesnyh-slov/> (дата обращения: 20.09.2020).
- What is the difference between the meaning of the words “Wanderlust” and “Fernweh”? URL: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-the-meaning-of-the-words-Wanderlust-and-Fernweh> (дата обращения: 20.09.2020).
- Urban dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Torschlusspanik> (дата обращения: 20.09.2020).
- Wiktionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Torschlusspanik> (дата обращения: 20.09.2020).

Лингвокогнитивный аспект репрезентации Brexit в англоязычном медийном дискурсе

Задачей исследования является анализ языковой репрезентации Брексита в англоязычном медийном дискурсе с учетом лексико-семантического и прагма-когнитивного аспектов. Анализ заголовков статей СМИ разных направлений позволил сделать выводы относительно функционирования данной номинации и ее дериватов в медиатексте. Лексема *Brexit* определяет прагма-коммуникативный фокус сообщения. В ней проявляется как тенденция к экономии языковых средств, так и характерная для медиадискурса экспрессивность. Семантические механизмы образования производных единиц отражают процесс концептуализации политико-социального опыта, понимания и оценки происходящих событий.

Ключевые слова: медиадискурс, событийные имена, ситуация, концептуализация, неологизм, деривация, прагма-коммуникативный фокус.

I. V. Safyanova

Linguistic and cognitive aspects of representation of Brexit in media discourse

The aim of this paper is to examine semantic, pragmatic and cognitive aspects of language representation of Brexit in media discourse. Analysis of media headlines made it possible to conclude that lexeme Brexit which is viewed as a means of conceptualising and encoding extra-linguistic experience forms a pragmatic and communicative focus of the utterance. It reflects the trend for language economy and expressiveness which are typical of media discourse. Semantic mechanisms of derivation reflect the process of cognition, evaluation and conceptualization of political and social experience.

Keywords: media discourse, event noun, event situation, conceptualization, neologism, derivation, pragmatic and communicative focus.

Одним из важных направлений в когнитивной лингвистике последних лет является исследование репрезентации событий в когнитивном аспекте: определение ментальной модели того или иного события, ее концептуализация и изучение языковых средств, с помощью которых она актуализируется в дискурсе.

В широком смысле событие — это родовой термин, охватывающий такие понятия, как процессы, действия, условия, ситуации, изменения, положение дел. Анализ понятия «событие» с позиций логики и философии позволил определить его как многомерную динамическую единицу отражения в сознании некоторого изменения, произведенного деятелем в пространстве и времени, что дает возможность утверждать, что онтологическими признаками события являются наличие пространственно-временного компонента, участников, наблюдателя, присутствие изменения и значимость для человека.

В фундаментальном исследовании «Типы языковых значений» Н.Д. Арутюнова в качестве основных характеристик события выделяет три координаты: «...оно локализовано в некоторой человеческой (единичной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит, оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве» [Арутюнова, 1988, с. 172]. Помимо этого отмечаются такие важные параметры, как динамичность и кульминативность события, «сценарность», преимущественная включенность в интерпретирующий контекст и др.

С позиций когнитивного подхода В.З. Демьянков предлагает различать три значения термина *событие*: событие как идею, референциальное событие, событие как текст [Демьянков, 1983, с. 321].

Таким образом, событие, отраженное в медиадискурсе, можно представить как сложное единство, включающее такие компоненты, как референтное событие (фрагмент внеязыковой действительности), событие как идея (ментальная репрезентация события) и событие как текст (языковое представление события).

Анализируя процесс репрезентации событий, В.И. Заботкина подчеркивает, что ментальные модели не являются копиями реальных событий, а конструируются как результат индивидуального восприятия и опыта, общего социокультурного опыта и уже существующих моделей. Ментальная модель события состоит из следующих элементов: пространственные и временные параметры; агенты/участники; отношения между участниками / субъектами события; причина; действие; инструмент (стимул или участник события, оказывающий непосредственное воздействие); цели; задачи; результат; эффект [Заботкина, 2017, с. 34].

На уровне языковой репрезентации событие может быть представлено предложением-высказыванием, серией предложений-высказываний (дискурсом) или отдельными номинациями. Основными

языковыми средствами номинации событий в англоязычном дискурсе СМИ являются общесобытийные и частнособытийные имена.

Рассмотрим подробнее использование событийного имени *Brexit* для передачи максимальной информации в условиях жесткой компрессии заголовков и заголовочных комплексов в англоязычных медиаизданиях разной политической направленности. Заголовок служит прагматическим фокусом сообщения и в максимально краткой и конденсированной форме информирует о некоторой ситуации в мире. *Brexit* — частнособытийное имя, выражающее ситуацию в обобщенном виде, и понимание смысла возможно при наличии у реципиента определенных фоновых знаний, представленных в виде фреймов или сценариев.

Номинативная единица *Brexit* вошла в употребление в 2012 г., а в конце 2016 г. была объявлена словом года. Впервые слово появилось в статье П. Вилдинга «Stumbling towards the Brexit» (Wilding, 2012) и было создано по аналогии с понятием *Grexit*, возникшим ранее, в 2010 г., в связи с опасениями относительно выхода Греции из состава ЕС. Новая единица, образованная, как многие другие сложносокращенные слова в современном английском языке, по типу апокопы путем сокращения первого компонента, получила широкое хождение и стало интернациональной лексической единицей благодаря своей экспрессивности и лаконизму.

По мнению Лиз Фонтейн, профессора Кардиффского университета, блэнд *Brexit* образован из *Britain* и *exit* и имеет значение ‘Britain exiting from the EU’, или ‘Britain’s exit from the EU’, или ‘British exit from the EU’ [Fontaine, 2017]. Анализ примеров и данные Британского национального корпуса показывают, что компонент *exit* является существительным, хотя этимологически связан с латинским глаголом:

Mr Cameron’s much-trailed Europe speech, expected in mid-January, will seek to tread a delicate line, promising renegotiation to avoid a Brexit, or British exit from the EU (The Telegraph, 28 Dec 2012) (цит. по: [Fontaine, 2017]).

The European media had been filled for weeks with speculation about a Brexit, a British withdrawal from the European Union, partly pushed from Europe and partly pulled by the British (UPI, 26 Nov 2012) (цит. по: [Fontaine, 2017]).

Separation or divorce for the UK and the EU? (Geary, Lees, 2013).

Приведенные примеры демонстрируют процесс постепенной конвенционализации новой языковой единицы на этапе, когда для массового читателя еще было необходимо дать пояснение значения

неологизма. Вместе с тем данные примеры проясняют модель предикатно-аргументной структуры событийной ситуации.

Данная модель образования сложносокращенного слова использовалась в дальнейшем для создания новых лексических единиц. По аналогии с *Brexit* появились и другие неологизмы с элементом *-exit*: *Megxit/Megexit* (*Meghan* + *exit*), *Covexit* ('COVID-19 exit strategies').

С другой стороны, в результате лексического сокращения появились и другие бленды с первым элементом *Br-*: *Bregret*, *Bremorse*, *Bremain*, *Brexodus*, *Brexiles* ('Brexit refugees'):

"The **Brexodus** is under way": meet the Brits leaving the UK (O'Neil, 2019).

Вероятно, многие из этих номинаций так и останутся окказионализмами. Языковая игра, широко используемая в англоязычных СМИ, является важнейшим инструментом в экспликации иронии и гротеска, используемых в оценочной концептуализации и номинации.

В случае дискурсивной номинации, по мнению Л. А. Манерко, происходит формирование языковой единицы на основе того лингвистического материала, который уже зафиксирован в языке, но актуализация производного слова происходит под влиянием целого ряда экстралингвистических (прагматических, когнитивных, коммуникативных и др.) факторов, воплощенных в конкретной коммуникативной ситуации и конкретном типе дискурса [Манерко, 2005, с. 115].

Рассмотрим подробнее роль вторичных дериватов как средств номинации компонентов событийной ситуации.

Лексикализация и высокая частотность употребления обеспечили условия для образования аффиксальных неологизмов для номинации участников событий: *Brexiter*, *Brexiteer* для обозначения сторонников выхода из ЕС (e. g. *the other leading Brexiteer*, *U.K. Independence Party leader Nigel Farage*), а также дериватов с приставками *anti-/pro-* (e. g. *Pro-Brexit Labour MPs face backlash from members*).

Помимо нейтральных номинаций участников событий в медийных заголовках часто встречаются хлесткие экспрессивно-оценочные номинации. Наличие оценочного компонента характерно для обозначения как сторонников, так и противников выхода из ЕС, поэтому в полемических статьях встречаются словосочетания *Brexit wrecker*, *Brexit destroyer*, etc.:

"**Brexit destroyer**": What the papers say after John Bercow rules out third vote on Theresa May's deal (Morrison, 2019).

Sadiq Khan hits out at '**hard Brexit**' zealots. London mayor says May being held hostage by handful of rightwingers (Pickard, 2018).

Incompetent MPs and **hard Brexit zealots** have made Britain a laughing stock, resulting in 1,000 wasted days since the vote in 2016 (Stevens, 2019).

Так как событийная ситуация обладает предикатно-аргументной структурой, в ее составе наряду с другими аргументами особое место занимают пространственно-временные маркеры, событийные каузатор и результатив, отличающиеся значительной степенью константности [Емельянова, Хомякова, 2019, с. 724].

Темпоральная локализованность события в медийном дискурсе реализуется главным образом за счет точных маркеров времени, выполняющих семантическую роль темпоративов.

В качестве темпоральных локализаторов выступают номинации, отражающие разные этапы развития событий: от подготовки к референдуму 21 июня 2016 г. до дня официального выхода из состава ЕС 31 января 2020 г. и последующего периода, такие как *Brexit vote (day)*, *Brexit day*, *post-Brexit*, *Brexit delay*, *Brexit finish line*:

After Brexit: the UK will need to renegotiate at least 759 treaties (McClean, 2017).

What happens **after Brexit day**: the transition period after the UK leaves the EU tonight, explained (Chaplain, 2020).

Post-Brexit Guide: Where are we now and how did we get here? (Sandford, 2020).

Пространственная локализация события актуализируется в дискурсе главным образом за счет топонимов, при этом имена собственные часто получают пропозитивное прочтение:

Brexiters have called for Big Ben's renovations to be paused so the bell can ring to signal **Britain's divorce** from the EU (Adu, 2020).

Другими важными компонентами событийной ситуации, которые используются для анализа языкового представления событий, выступают каузатив и результатив — участник ситуации, возникающий вследствие совершения определенного действия. *Brexit* может выступать как каузатив — участник ситуации, производящий действие / оказывающий воздействие, которое вызывает изменение состояния другого участника ситуации. В анализируемом материале отмечаются как положительные, так и отрицательные аспекты влияния *Brexit*, однако последние доминируют:

MIGRANT VOW: Boris Johnson vows to use Brexit to rip up 'inflexible' laws that stops UK returning illegal immigrants quickly (Cole, 2020).

Post-Brexit, Britain Is Going Its Own Way. That Way Looks Expensive (Goodman, 2020).

This isn't a tough new food policy for post-Brexit UK. It's thin gruel and easy to set to one side (Rayner, 2020).

Характерной особенностью медиатекстов является не только задача информировать читателей, но и прагматическая установка на оказание воздействия на потенциальную аудиторию. Для выражения мнения авторы часто используют экспрессивные образные номинации с иронически-оценочными коннотациями, передающими широкую гамму смысловых оттенков. Так, оценка результатов выхода из ЕС в большой степени определяется прагматической интенцией автора, его принадлежностью к конкретной социально-политической группе, а также политикой самого издания:

The Brexit **farce** is about to turn to tragedy (Cooper, 2019).

Brexit **breakdown: a big day** in the north (Harris et al., 2019).

Brexit is **in peril** if divorce deal voted down, UK PM May warns (Faulconbridge, 2019).

Brexit: UK **hopeful** of EU trade deal next month, says No 10 (Adler, 2020).

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что событийное имя *Brexit* служит средством активации определенных ментальных репрезентаций: фреймов, сценариев. Удачно найденная номинация с событийной семантикой используется в качестве одного из наиболее эффективных способов компрессии информации. Активируя определенные когнитивные структуры, оно способно воспроизвести картину ситуаций в сознании реципиента и тем самым помочь автору избежать использования дополнительных языковых средств. Помимо отражения в языке новых социально-политических реалий данный неологизм выполняют интерпретирующую функцию, что используется при формировании общественного мнения.

Источники

Adler K. Brexit: UK hopeful of EU trade deal next month, says. 2020. No. 10. August, 19. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-53812015> (дата обращения: 23.04.2021).

Adu A. The bong goodbye. Big Ben Brexit — what is the Bong for Brexit appeal? 17.01.2020. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/10752437/big-ben-brexit-bong-appeal/> (дата обращения: 23.04.2021).

- Chaplain C.* What happens after Brexit day: the transition period after the UK leaves the EU tonight, explained. 31.01.2020. URL: <https://inews.co.uk/news/brexit/what-happens-after-brexit-day-uk-transition-period-when-leaving-eu-date-explained-388125> (дата обращения: 23.04.2021).
- Cole H.* Migrant vow. Boris Johnson vows to use Brexit to rip up 'inflexible' laws that stops UK returning illegal immigrants quickly. 10.08.2020. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/12366965/boris-johnson-brexit-to-rip-up-laws-illegal-immigrants-deport/> (дата обращения: 23.04.2021).
- Cooper R.* The Brexit farce is about to turn to tragedy. 22.03.2019. URL: <https://www.ft.com/content/5f3df8bc-4c03-11e9-bde6-79eae5acb64> (дата обращения: 23.04.2021).
- Faulconbridge G.* Brexit is in peril if divorce deal voted down, UK PM May warns. 14.01.2019. URL: <https://www.insider.com/r-brexit-is-peril-if-divorce-deal-voted-down-uk-pm-may-warns-2019-1> (дата обращения: 23.04.2021).
- Geary M., Lees K.* Separation or divorce for the UK and the EU? 2013. September. URL: <https://encompass-europe.com/comment/separation-or-divorce-for-the-uk-and-the-eu> (дата обращения: 23.04.2021).
- Goodman P.S.* Post-Brexit, Britain Is Going Its Own Way. That Way Looks Expensive. 25.02.2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/25/business/brexit-britain-eu-trade-talks.html> (дата обращения: 23.04.2021).
- Harris J., Domokos J., Talbot J.* Brexit breakdown: a big day in the north. 21.03.2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/video/2019/mar/21/brexit-breakdown-anywhere-but-westminster-a-big-day-in-the-north-video> (дата обращения: 23.04.2021).
- McClean P.* After Brexit: the UK will need to renegotiate at least 759 treaties. 30.05.2017. URL: <https://www.ft.com/content/f1435a8e-372b-11e7-bce4-9023f8c0fd2e> (дата обращения: 23.04.2021).
- Morrison S.* 'Brexit destroyer': What the papers say after John Bercow rules out third vote on Theresa May's deal. 19.03.2019. URL: <https://www.stand-ard.co.uk/news/politics/brexit-destroyer-what-the-paper-say-after-john-bercow-rules-out-third-vote-on-theresa-may-s-brexit-deal-a4095131.html> (дата обращения: 23.04.2021).
- O'Neil A.* 'The Brexodus is under way': meet the Brits leaving the UK. 23.03.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/23/brexodus-under-waybrits-leaving-the-uk> (дата обращения: 23.04.2021).
- Pickard J.* Sadiq Khan hits out at 'hard Brexit' zealots. 03.07.2018. URL: <https://www.ft.com/content/be2f7592-7ef1-11e8-8e67-1e1a0846c475> (дата обращения: 23.04.2021).
- Rayner J.* This isn't a tough new food policy for post-Brexit UK. It's thin gruel and easy to set to one side. 01.08.2020. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/aug/01/this-isnt-a-tough-new-food-policy-for-post-brexit-uk-its-thin-gruel-and-easy-to-set-to-one-side> (дата обращения: 23.04.2021).

- Sandford A.* Post-Brexit Guide: Where are we now and how did we get here? 11.06.2020. URL: <https://www.euronews.com/2020/06/11/brexit-draft-deal-first-of-many-hurdles-to-a-smooth-exit> (дата обращения: 23.04.2021).
- Stevens J.* 1,000 wasted days. 20.03.2019. URL: <https://www.pressreader.com/uk/daily-mail/20190320/281483572716996> (дата обращения: 23.04.2021).
- Wilding P.* Stumbling towards the Brexit. 15.05.2012. URL: <https://blogactiv.eu/blog/2012/05/15/stumbling-towards-the-brexit/> (дата обращения: 23.04.2021).

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Найка, 1988.
- Демьянков В.З.* Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т.42, № 4. С. 320–329.
- Емельянова О.В., Хомякова Е.Г.* Событийная ситуация как инструмент анализа языковой репрезентации тихой революции в Квебеке // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике, 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. Т.В.Романова. Н.Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 723–728.
- Заботкина В.И.* Репрезентация событий в когнитивных моделях и дискурсе: аксиосфера культуры // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / отв. ред. В.И.Заботкина. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 28–45.
- Манерко Л.А.* Полюсы номенотворческой деятельности человека (на материале явлений неологии и терминологии) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация / отв. ред. Н.А.Абиева, Е.А.Беличенко. СПб.: Тригон, 2005. С. 111–125.
- Fontaine L.* The early semantics of the neologism BREXIT: a lexicogrammatical approach // Functional Linguistics. 2007. Vol. 4. Article number 6. URL: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-017-0040-x> (дата обращения: 23.04.2021)

Перволичные деонтические конструкции с ментальными иллокутивами

Данная работа посвящена описанию частотных, синтагматических и прагмасемантических характеристик перволичных деонтических конструкций с особым типом коммуникативных глаголов, а именно с ментальными иллокутивами в двух разноструктурных языках, в русском и немецком. Выявляются возможные комбинации деонтического маркера и ментального иллокутива, определяются причины частотности различных комбинаций и синтагматические особенности деонтических построений с ментальными иллокутивами, обусловленные прагматической экспликацией личностной Я-формы. Устанавливаются корреляции между наполнением деонтической конструкции и градуированием категоричности. За счет данных коммуникативных глаголов усложняются функциональные характеристики деонтических конструкций: повышается или понижается категоричность высказывания, дополнительно подчеркивается коммуникативная релевантность.

Ключевые слова: деонтическая конструкция, коммуникативный глагол, ментальный иллокутив, деонтический маркер, деонтический предикат, прагматические характеристики, категоричность.

A. W. Sytko

First person deontic constructions with mental illocutives

This paper is aimed to describe the frequency, syntagmatic and pragmase-mantic characteristics of first-person deontic constructions with communicative verbs, namely with mental illocutive verbs in two differently structured languages — Russian and German. It establishes possible combinations of deontic marker and mental illocutive verbs. It identifies the reasons for the frequency of various combinations. It establishes that the syntagmatic features of deontic constructions with mental illocutives, conditioned by pragmatic explication of the personal I-form, are revealed. It determines correlations between the contents of the deontic construction and the grading of categoricity of modal constructions. Due to these verbs, the functional characteristics of deontic structures are complicated: the categoricity of the statement increases or decreases, communicative relevance is additionally emphasized.

Keywords: deontic construction, communicative verb, mental illocutives, deontic marker / deontic predicate, pragmatic characteristics, categoricity.

В лингвистике выражение отношения к действиям (своим или окружающим) по неперемному созданию того или иного положения дел в мире или его изменению интерпретируется как деонтическая модальность (ср. [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 216; Nuyts, 2005]). Ядерным средством ее выражения в европейских языках является *деонтическая конструкция*, которая представляет собой лексико-синтаксическую структуру с двумя обязательными компонентами:

- деонтический маркер (например, в русском языке: *должен, обязан, вынужден, необходимо, надо, нужно, следует, нельзя не*; в немецком языке: *müssen, verpflichtet sein, notwendig sein, sollen* и некоторые др.);
- инфинитив смыслового глагола любой семантики, который может обозначать: поведенческие действия (*ты должен **собрать** урожай, надо **мыть** руки, нам необходимо **осуществить** задуманное*); эмоциональные действия и состояния (*тебе следует **гордиться**, вы должны **радоваться***); ментальные действия и состояния (*я должен **подумать**, тебе необходимо **верить**, нам надо **знать***); коммуникативную деятельность (*я должен **сказать**, ты должен **поговорить***).

Взаимодействие семантико-прагматических свойств обоих компонентов обуславливает модально-прагматические нюансы деонтического высказывания. Структура модальной конструкции может расширяться факультативными компонентами, которые обогащают, конкретизируют или поддерживают ее семантику.

Потенциальным исполнителем действия выступают различные субъекты: перволичный, второличный, третьеличный, генерализованный, неопределенный. Формально-грамматически модальный субъект кореферентен подлежащему и выражается с помощью существительных, чаще всего в генерализованном употреблении, или различных местоимений (*я, ты, каждый, всякий, любой, он, мы, вы, все* и т. п.). Каждый из указанных типов деонтического субъекта функционирует в деонтических конструкциях с инфинитивами различной семантики. Данный вариативный компонент семантического плана модального высказывания формирует различные иллокутивные смыслы конструкции.

Наиболее интересными с точки зрения прагматики представляются перволичные конструкции, в которых модальным субъектом, или исполнителем действия выступает сам говорящий. Весьма вариативными и семантически многообразными являются перволичные структуры с коммуникативными глаголами, которые с точки зрения

их прагмасемантики условно можно объединить в следующие семантические группы:

- иллокутивно неспециализированный глагол *сказать/sagen/aussprechen*;
- собственно иллокутивы для маркирования коммуникативно-интенционального содержания (например, возражения: *возразить/widersprechen*; согласия: *согласиться/zustimmen*; предупреждения: *предупредить/warnen* и т. п.);
- ментальные иллокутивы для указания на логический шаг, на изменение ментального состояния, на текущую интеллектуальную операцию (например, *подчеркивать/betonen, повторить/wiederholen, добавить/hinzufügen, напомнить/erinnern, обратить внимание на что-л. / aufmerksam machen auf etw., заметить/erwähnen/hinweisen, отметить/bemerken* и др.).

Целью данной работы стало выявление частотных, синтагматических и прагмасемантических характеристик перволичных деонтических конструкций с ментальными иллокутивами (например, *я должен подчеркнуть / ich muss betonen* и т. п.) в двух разнотурных языках, в русском и немецком. Обращение к двум языкам обусловлено количественными и качественными (семантическими) отличиями в системе модальных маркеров.

Общий объем выборки деонтических конструкций из корпусов национальных языков (Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Национального корпуса немецкого языка (DWDS)) составил для русского языка 19 600 вхождений, для немецкого языка из корпуса — 14 500 вхождений. Из них исследуемые деонтические конструкции с ментальными иллокутивами в русской выборке являются самыми частотными, составляя чуть менее ее половины (48 %, или 9300 вхождений), в немецком языке они фиксируются значительно реже, в менее чем 1/5 выборки (15 %, или 1700 вхождений).

Деонтическая конструкция как модализованный перформатив

В коммуникативном фокусе перволичных деонтических высказываний с любыми коммуникативными глаголами находится позиция конструкции, а именно интенциональное (иллокутивное) значение инфинитива. Их предикация относится к плану настоящего. Деонтика в данных структурах уходит в презумпцию, и подобные

высказывания эквивалентны перформативам особого рода — модализованным. Деонтические конструкции с любым коммуникативным глаголом вводят эксплицитный сентенциальный компонент, который может составить самостоятельное высказывание, то есть условие перформативности выполняется, например:

Оглядываясь назад, **нельзя не отметить**, что хаос, царивший на книжном рынке Германии в XIX веке, сплошь и рядом приводил к курьезным ситуациям (А. Голяндин. Германия и Англия о вреде авторского права // «Знание — сила», 2011).

Модализованный перформатив отличается от «чистого» конструктивным осложнением формулы. Перформативный глагол выступает в роли инфинитива, а модальный глагол представлен как «дополнительный строевой элемент» [Романов, 1988, с. 120]. Дж. Лич объясняет действие данных высказываний как переход при их произнесении на метаязыковой уровень, когда говорящий, «символически указывая на необходимость речевого действия, тем самым совершает его» [Leech, 1983, p. 140]. При этом исследователи отмечают, что употребление модального маркера в подобных конструкциях служит снятию коммуникативного выделения с глагола [Добровольский, Падучева, 2010].

Функциональными характеристиками деонтических конструкций с коммуникативными глаголами являются следующие: акцентирование информационной значимости последующей пропозиции, маркирование категоричности сообщения. Будучи репрезентативами, они фиксируют ответственность говорящего за сообщение о некотором реальном или ментальном положении дел. При этом речь идет не только о свойственной любому речевому акту коммуникативной ответственности за правильность и точность передачи информации, за то, «какие изменения он произведет в реальности и, конечно, в сознании адресата» [Баранов, 1994, с. 115–116], но и об эпистемической ответственности за достоверность транслируемой информации или оценки. С помощью деонтических перформативов говорящий эксплицирует себя как ответственного коммуниканта, осознающего деонтические факторы, требующие осуществления некоторого сообщения в данной ситуации. Таким образом, данные конструкции позволяют следовать кооперативным постулатам речевого общения: информативности, истинности, релевантности и ясности выражения.

Функциональные характеристики деонтических конструкций с ментальными иллокутивами

Ментальные перформативы позволяют говорящему идентифицировать и квалифицировать мыслительные операции в ходе произнесения высказывания. Они дают своего рода инструкцию по распределению внимания адресата при восприятии сообщаемой информации. Ментальные перформативы, таким образом, носят организационный характер и не только эксплицируют иллокутивную силу высказывания, но также и квалифицируют его как рассуждение. Они вписываются, как полагает Н. К. Рябцева, не в социальное поведение, а в «когнитивное», то есть в рассуждение, в интенциональный (эпистемический) контекст [Рябцева, 1992, с. 12, 19].

Данное свойство сохраняют и модализованные перформативы. Говорящий указывает на необходимость объективации своих речемыслительных ходов для адресата, что обусловлено различными ситуативными факторами, которые «вынуждают» его определить четко свой речевой акт с точки зрения ментальных ходов и состояний.

Ментальные иллокутивы, входящие в состав деонтических конструкций, представлены двумя семантическими группами:

- выражающие речемыслительные операции;
- оформляющие отношение говорящего к последующей позиции.

Деонтические конструкции с ментальными иллокутивами первой группы являются самыми употребительными и фиксируются в русской выборке деонтических конструкций с ментальными иллокутивами в 97 %, в немецкой — в 89 %. Это конструкции с некоторыми иллокутивными глаголами (*упоминуть/erwähnen, дополнить/добавить/hinzufügen, повторить/wiederholen, напомнить/erinnern, утверждать/behaupten, подтверждать/bestätigen, уточнить*); с глаголами, обозначающими «семиотические» действия (*отметить/bemerken, подчеркивать/betonen, указать/hinweisen, заметить/erwähnen/hinweisen* и т. п.); с фазисными глаголами (*начать, перейти к, вернуться к, завершить, ограничиться* и т. п.); со словосочетаниями с «физическими» глаголами (*обратить внимание на, сосредоточить внимание, уделить особое внимание / aufmerksam machen auf, обратиться (к фактам, истории и др.), подвести (итог, черту); привести (примеры, аргументы, факты, доказательство, рассуждение, интерпретацию и др.)*). Отнесение данных лексем к коммуникативным становится возмож-

ным благодаря трансформации с глаголом *сказать* или наличием в их семном составе указания на текущее речевое действие (например, указать = ‘объясняя, рассказывая и т. п., помочь увидеть’; назвать = ‘сообщить, объявить’ и т. д.).

Деонтические перформативы данной группы используются в целях управления вниманием адресата и одновременного членения содержания высказывания, то есть для акцентирования логики изложения, перехода от одной мысли и темы к другой, от текущего фрагмента к следующему. Их коммуникативная роль связана с организацией структуры рассуждения [Рябцева, 1992, с. 12, 19]. Они являются средством снятия «случайной»/возможной неопределенности текста, неопределенности рассуждений для адресата. Деонтические перформативы вводят необходимую для понимания дополнительную информацию, маркируют то, что уже было сказано, выделяют ключевые моменты. Все это позволяет говорящему продемонстрировать его коммуникативную компетенцию как организатора сообщения:

Не могу не отметить, что в редакционной коллегии, отвечавшей за выпуск книги, значительную работу по составлению материалов о А. Я. Березняке проделал журналист «Встречи» Виктор Иванович Жизнев (Клуб любителей искусств // «Встреча» (Дубна), 02.12.2003).

Dieser Bericht hat im Ostministerium Empörung hervorgerufen... Ich muss bemerken, dass die Polizei ihre eigene Gerichtsbarkeit hatte, in die das Ostministerium nicht eingreifen konnte (о. А.: Einhundertneunter Tag. Dienstag, 16.04.1946 // Der Nürnberger Prozess, Berlin: Directmedia Publ. 1999 [1946], S. 13923).

‘Этот отчет вызвал возмущение в Восточном министерстве... Я должен отметить, что у полиции была своя собственная юрисдикция, в которую Восточное министерство не могло вмешиваться’.

Вторая группа деонтических конструкций с ментальными иллокутивами, которые демонстрируют отношение говорящего к последующей пропозиции, уверенное или неуверенное, оказывается малоупотребительной. Это деонтические перформативы, которые «метаимплицитуют» соответствующие ментальные (психологические) состояния субъекта [Leech, 1983, p. 181–195, 211, 225], например:

В Дубровнике ни я, ни генерал Шатилов никогда не были, что трудно проверить, и в день, коим помечен подложный приказ, генерал Шатилов находился в Софии, а я же в Карловцах. **Я должен предположить**, что подложность этого документа Вам неизвестна... (Н. Карпов. Крым — Галлиполи — Балканы (2002)).

В состав таких модальных конструкций входят так называемые глаголы, отражающие «миропорождение» [Рябцева, 1992, с. 17], а именно глаголы эпистемической оценки (*предположить/vermuten, усомниться/zweifeln*), конструкции метонимического свертывания (*высказать сомнение, предположение / eine Vermutung äußern*), глагол *констатировать/feststellen*, выражающий достоверность чего-либо, и глагол *подтвердить/bestätigen*, свидетельствующий о правильности, истинности информации. Отнесение указанных глаголов к коммуникативным становится возможным в результате их трансформации в словосочетание с гиперсемой *высказать* (предположение, сомнение, подтверждение и т. п.).

Модализованные ментальные перформативы обладают дополнительными функциональными возможностями: их наполнением модифицируется степень категоричности. Так, ментальные иллокутивы, используемые в деонтических конструкциях, либо не участвуют в градуировании категоричности (*отметить/bemerken, заметить, остановиться на*), либо ослабляют категоричность всего сообщения (*упомнить/erwähnen, дополнить/добавить/hinzufügen, коснуться*), либо ее усиливают (*подчеркивать/betonen, обратить внимание, сосредоточить внимание, уделить особое внимание/aufmerksam machen auf, констатировать/feststellen*) и, как следствие, дополнительно акцентируют коммуникативную важность вводимого сообщения.

Синтагматические особенности деонтических конструкций с ментальными иллокутивами

Следует отметить, что частотность конструкций с тем или иным ментальным иллокутивом резко отличается. Различной употребительностью характеризуются также сочетание рассматриваемых иллокутивов с определенным деонтическим предикатом в русском языке и сочетание с личной или безличной формой модального глагола в немецком языке.

Представляется возможным говорить о четкой доминанте (около 50 % и выше) для модальных конструкций с глаголами *отметить, подчеркнуть, обратить внимание, повторить, начать*... и о большой дисперсии в выборе модального маркера для лексем *упомнить, добавить, напомнить, остановиться, затронуть тему, коснуться* (см. табл. 1).

Самыми частотными модальными маркерами в деонтических конструкциях с иллокутивами, выражающими познавательные дей-

ствия говорящего, являются два безличных показателя, а именно *следует* (среднее значение 35 %) и *надо* (20 %). В конструкциях с «опущенным говорящим» акцент делается на имеющейся ситуации. Модальный предикат *следует* указывает на целесообразность введения последующей информации и подчеркивает, что сообщение является наиболее подходящим в данном контексте, но не исключающим других. Его синтагматической особенностью является комбинирование в более чем 50 % выборки с коммуникативными глаголами, фокусирующими внимание (*обратить внимание на, указывать*). Деонтический маркер *надо* фиксирует «деонтическую нейтральность» [Лауфер, 2007]. Крайне низкие комбинаторные возможности отмечаются у деонтического предиката *обязан*: он функционирует в конструкциях лишь с некоторыми ментальными иллокутивами, имеющими нейтральный характер с точки зрения интенсивности сообщения. Это детерминировано его сильной категоричностью и тем, что он используется лишь в высказываниях, где деонтика обусловлена институциональными или нравственными нормами.

Выявлено, что частотность конструкций с тем или иным перформативом зависит от того, насколько ментальный иллокутив усиливает степень категоричности конструкции: чем категоричнее иллокутив, тем ниже его частотность в конструкциях. Наиболее частотные комбинации представляются «достаточно нейтральными» с точки зрения категоричности, речь идет о конструкциях с глаголом *отметить*, составивших почти $\frac{1}{5}$ всей русской выборки и почти 40 % структур с ментальными иллокутивами. Семантические возможности данного пропозиционального компонента деонтической конструкции позволяют говорящему наиболее эффективно реализовывать функцию коммуникативного выделения пропозиции, не повышая категоричности высказывания. Данная структура синонимична модальным конструкциям с лексемами *обратить внимание на, указывать*, однако она является менее категоричной, поскольку семантически является более широкой: наряду с фокусированием внимания в ее значение входят также семы, снижающие ее эмфатизирующий потенциал («упомануть, указать, коснуться в речи чего-н.»), например:

Следует отметить, что в некоторых вариантах теории гравитации отвергается существование черных дыр. Это делает проблему их поиска особенно интригующей (А.М. Черепашук. Поиски черных дыр // Вестник РАН, 2004).

Вторыми по частотности в русской выборке оказались конструкции с глаголом *заметить / сделать замечание* (11 %), который

Таблица 1. Сочетаемость обязательных компонентов деонтических конструкций с ментальными иллокутивами в русском языке (корпусные данные, %)

Речевой глагол	Относительное количество во всей выборке, %	обязан	(я) должен	считаю необходимым	вынужден
отметить	16,6	1	2	1	1
заметить / сделать замечание	11	1	3	1	1
упомянуть	3,5	1	3	1	
подчеркнуть	2,2	—	2	1	
обратить внимание	1,9	—	2	1	1
добавить/дополнить	1,7	—	3	1	—
остановиться на теме/вопросе	1,3	—	4	2	2
напомнить	0,9	1	4	2	3
закljučить	0,5	—	3	—	—
уточнить	0,4	—	8	—	2
повторить	0,3	—	9	—	4
затронуть тему, коснуться вопроса	0,2	—	4	2	2
начать с	0,1	—	10	3	3
констатировать	1	4	2	—	1
предположить	0,5	2	2	—	2

Примечание: менее 1% — ранг 1; 1–5% — ранг 2; 5,1–9,9% — ранг 3; 10–19,9% — ранг 4; 20–29% — ранг 5; 30–39% — ранг 7; 40–49% — ранг 8; 50–70% — ранг 9; выше 70% — ранг 10. Полужирным шрифтом и серой заливкой выделены максимальные ранги частотности для каждого иллокутивного глагола.

(я) не могу не	нужно	надо	необходимо	следует	приходится	нельзя не
2	3	4	4	9	1	2
2	4	7	2	5	1	3
4	3	4	3	6	1	6
1	3	4	5	9	1	2
1	1	1	5	9	1	2
2	4	7	3	5	1	1
3	1	2	5	8	2	3
3	1	6	3	7	1	1
2	2	3	1	7	4	2
2	3	4	3	5	2	—
4	2	—	2	2	—	2
7	2	3	3	3	4	—
3	—	—	—	—	—	—
2	2	3	3	9	1	—
5	—	4	7	3	3	—

является синонимичным лексеме *отметить*, отличаясь, однако, тем, что позволяет говорящему сосредоточить внимание на второстепенной информации, развивающей и конкретизирующей основную, но при этом важной именно для данного дискурсивного фрагмента. Он употребляется чаще всего (в 40 %) с деонтически нейтральным маркером *надо*. Такая комбинация обусловлена гармоничным прагматическим взаимодействием обязательных компонентов конструкции: и модальный предикат, и ментальный иллокутив реализуют категоричность в нейтральной ее точке, например:

Созданный в 1986 году Фонд культуры СССР собрался организовать первый в истории современной России благотворительный концерт. **Надо заметить, что** понятие «благотворительность» было напрочь забыто в советские времена (С. Спивакова. Не всё (2002)).

Ослабленная категоричность фиксируется также в деонтических перформативах с нечастотными глаголами *упомануть* ('бегло, вскользь коснуться чего-л., сообщить о чем-л.'), *коснуться*, указывающими на второстепенность информации:

К тому же, говоря о лжемошгах, **следует упомянуть, что** в Риме более полутора тысяч лет была распространена торговля не только подлинными мощами, но и, мягко говоря, сомнительными (А. Бугаевский. О происхождении Санта-Клауса // «Русский репортер», № 48 (78), 18–25.12.2008).

В подобных модализованных перформативах чаще всего используются деонтические безличные маркеры, а именно *нельзя не*, указывающий на невозможность умалчивания о некотором положении дел, и *следует*, например:

Не могу не коснуться еще одной специфики работы в Японии — это отношения с Японской коммунистической партией (О. Трояновский. Через годы и расстояния (1997)).

Деонтические комбинации с устойчивыми сочетаниями *остановиться на чем-л.* (*вопросе, возражении, замечании* и т. п.) / *запротропнуть вопрос* используются для тематической организации коммуникативного взаимодействия. Подобные структуры не предполагают увеличения степени категоричности. Для актуализации темы, введения нового топика оказывается достаточным выполнение конструк-

цией выделительной функции без дополнительной интенсификации. Чаще всего в данных перформативах отмечается личный предикат *должен*, который имеет сниженный обязывающий характер. Употребление личного местоимения маркирует согласие/несогласие с горизонтом ожидания Другого, например:

Между этими двумя сценами лежит, как я уже сказал, сцена «Герман — Томский», и **тут я должен остановиться на том**, как мы подготавливаем сцену первого появления Германа (Ю. Елагин. Темный гений (1998)).

Я должен остановиться на следующем возражении председателя Совета министров, который затронул вопрос о сверхсметных кредитах, прошедших помимо, так сказать, основного бюджета в виде дополнительных и сверхсметных кредитов... (А. И. Шингарев. Правительство и Дума в вопросах бюджета (1912)).

Высокой степенью категоричности и максимальной эмфатизацией последующей пропозиции характеризуются структуры с глаголом *подчеркнуть*, обозначающим «семиотическое» действие ('специально, особо выделить'). Именно большая интенсивность обуславливает его низкую частотность в деонтических конструкциях (2,2 %):

Но находящееся в ее руках количество полномочий по-прежнему не соответствует качеству власти. **Должен подчеркнуть**, что такая власть в значительной степени имеет своим источником ни что иное, как избыточные функции госорганов (В. Лебедев. Апрельско-майские тезисы президента (2003)).

В немецкой выборке частотность ментальных перформативов гораздо ниже, чем в русском языке (ср.: 15 и 48 %), при этом чаще всего отмечаются конструкции с двумя ментальными иллокутивами, привлекающими внимание к дополнительной информации (табл. 2):

- (1) с глаголом *hinzufügen/ergänzen* 'добавить', позволяющем говорящему сосредоточить внимание на второстепенной информации, например:

Schöner kann man es nicht sagen. **Man muss nur eines hinzufügen:** Versöhnung muss immer wieder neu gestaltet werden (Die Zeit, 20.10.2016 (online)).

‘Красивее не скажешь. Остается добавить только одно: примирение нужно снова и снова перерабатывать.’

(2) с глаголом *bemerken* ‘заметить [кратко] сказать, добавить’:

Ich muss bemerken, dass dieser Angriff der deutschen Luftwaffe bis zum Ostermorgen dauerte. (о. А.: Neunundsechzigster Tag. Mittwoch, 27. Februar 1946. In: Der Nürnberger Prozeß, Berlin: Directmedia Publ. 1999 [1946], S. 9075).

‘Должен отметить, что эта атака люфтваффе Германии продолжалась до пасхального утра’.

Отметим, что глагол *hinzufügen* фиксируется в более чем $\frac{2}{3}$ случаев в структуре с модальным предикатом в безличной форме, что еще более снижает категоричность высказывания и сохраняет «прагматический нейтралитет». В свою очередь, ментальный иллокутив *bemerken* отмечен в $\frac{3}{4}$ с деонтическим маркером в личной форме (табл. 2).

Таблица 2. Синтагматика деонтических конструкций с ментальными иллокутивами в немецком языке (корпусные данные, %)

Речевой глагол	Относительное количество во всей выборке, %	ich muss, %	man muss, %
hinzufügen/ergänzen	4,1	35	65
bemerken	3,7	77	23
betonen	1,4	52	48
erwähnen	1,2	74	26
wiederholen	1,0	86	14
hinweisen	0,9	66	34
erinnern	0,3	13	87
nennen	0,1	50	50
weetersagen	0,0	100	–
feststellen	1,1	53	47
vermuten	0,3	24	76
bestätigen	0,2	89	11

Примечание: Полу жирным шрифтом и серой заливкой выделена максимальная частотность в сочетании с личной и безличной формой модального глагола.

Более частотное использование в комбинации с ментальными иллокутивами личных форм деонтического предиката, *ich*-структур, сигнализирует об увеличении говорящим своей ответственности. Местоимение *ich* оказывается чувствительным к речевой ситуации и становится активным в своих вторичных функциях: усиление экспрессивности, подчеркивание личности говорящего и его ответственности, противопоставление себя другим лицам.

Конструкции с глаголом *betonen* 'подчеркнуть', усиливающим категоричность сообщения, менее частотны. Относительные цифры употребительности таких конструкций в русском и немецком языках практически совпадают (ср.: 2,2 и 1,4 %). Данный иллокутив не демонстрирует предпочтений в выборе формы деонтического маркера:

Ich muss betonen, dass mir jegliche Autorität fehlt, um über den Journalismus objektiv zu berichten, aus einer fernen, kühlen Distanz (Die Zeit, 12.12.2016, Nr. 51).

‘Я должен подчеркнуть, что у меня нет возможности объективно говорить о журналистике, на расстоянии и безучастно.’

Указание на модальный субъект с помощью личной формы модального глагола, подчеркивающей ответственность говорящего за сообщение, прагматически существенно в случаях, когда говорящий дополнительно концентрирует внимание адресата на значимом смысловом отрезке для его переосмысления, что реализуется конструкциями с лексемой *wiederholen* 'повторить'. В 86 % случаев конструкции с данным глаголом фиксируются с личной формой глагола:

Ich muss wiederholen, dass die Position der Kommunistischen Partei während der letzten zehn, fünfzehn Jahre nie so stark war wie eben in den letzten Monaten (Die Zeit, 30.08.1968, Nr. 35).

‘Я должен повторить, что позиция Коммунистической партии никогда за последние десять, пятнадцать лет не была такой сильной, как это было в последние месяцы.’

Структуры с глаголом *erwähnen*, выражающие ослабленную категоричность и указывающие на второстепенность информации, «предпочитают» также личную форму маркера, например:

Ich muss noch erwähnen, dass der Ehemann niemand anderes ist als der Bruder von Gertrud. Also ich muss nur sagen, ein drolliges Paar (Brief von Irene G. an Ernst G. vom 21.04.1940, Feldpost-Archive mkb-fp-270).

‘Я должен еще упомянуть, что муж не кто иной, как брат Гертруды. Единственное, что я должен сказать, это смешная пара.’

Отметим, что и в русском, и в немецком языке конструкции с ментальными иллокутивами, выражающими эпистемическое отношение, оказались малочисленными (см. табл. 1, 2), при этом они демонстрируют схожую частотность. Гораздо чаще фиксируются комбинации с глаголом *констатировать/feststellen*, который в обоих языках квалифицирует последующую пропозицию как очевидную, в высшей степени достоверную, указывая на несомненность фактов, сведений, суждения и т. п., что способствует усилению категоричности, например:

Ведь время нынче, к сожалению, совсем другое... **Должен констатировать:** гранты и контракты сегодня суммарно дают столько же, сколько государство. Это очень мало. Нужно искать новые подходы... (В. Губарев, Академик Геннадий Месяц: интеллект в России по-прежнему надо защищать! // «Наука и жизнь», 2006).

В ячейках, находящихся на пересечении строк и столбцов таблицы, указываются методы реализации информационных атак. **Необходимо констатировать**, что основным преимуществом рассмотренной модели информационной атаки является ее простота и универсальность (В. А. Сердюк. Анализ современных тенденций построения моделей информационных атак // «Информационные технологии», 2004).

Деонтические конструкции с глаголом *констатировать/feststellen* коммуникативно выделяют не только информативные сообщения, но и оценочные сообщения:

Das ist wunderhübsch gesprochen. Ja, **ich muss feststellen**, wirklich nett (The Shop Around the Corner, 1940 (Filmuntertitel)).

‘Это прекрасно сказано. Да, должен констатировать / решительно заявить, действительно приятно.’

Die Kluft zwischen den Wachstumsregionen und schwach entwickelten Gebieten wird größer. **Auch ich muss feststellen**, dass Osten schon lange nicht mehr gleich Osten ist (Berliner Zeitung, 20.07.2004).

‘Разрыв между регионами все увеличивается. И я должен констатировать, что Восток уже давно не тот Восток.’

Оценочное суждение, вводимое деонтическим перформативом, может быть как позитивным, так и негативным. Наличие аксиологического «следа» в подобных конструкциях обуславливает тот факт, что в русском языке в них чаще всего содержится безличный деонтический маркер *приходится* (62 % от числа конструкций с *констатировать*, ранг 9) (см. табл. 1), который фиксирует необходимость речевого действия под принуждением обстоятельств. Осложнение

модального плана деонтического перформатива аксиологическим компонентом связано с желанием говорящего скрыто извиниться за возможный неприятный эффект от своих слов. Такие деонтические конструкции сигнализируют о предположении говорящего, что содержание негативнооценочного сообщения может не совпадать с мнением слушающего, его ожиданиями. Подобная имплицатура способствует коммуникативному сотрудничеству, например:

После вступления Латвии в ЕС и НАТО многие ожидали улучшения отношений между нашими странами. Однако сегодня **приходится констатировать**, что этого не произошло (И. И. Студенников. Интервью латвийской газете «Телеграф» // «Дипломатический вестник», 2004).

С грустью приходится констатировать, что даже такой бесспорно выдающийся ум, как у Дэниела Ергина, не застрахован от соблазна сенсационных предсказаний (Н. Симония. Момент истины для сланцевой революции // «Эксперт», 2015).

В немецком языке соотношение личных и безличных структур с глаголом *feststellen* оказалось практически равным (см. табл. 2).

Конструкции с ментальными глаголами, указывающими на невысокую степень уверенности (*предполагать/vermuten, усомниться/zweifeln*), демонстрируют рассогласованное взаимодействие деонтического маркера, фиксирующего категоричность, и ментального иллокутива, снижающего ее. Чаще всего в пропозиции таких конструкций сообщается неприятная для адресата информация, что не позволяет говорящему утверждать ее как достоверную, например:

Nur **daran muss ich zweifeln**, dass schon jetzt der Zeitpunkt gekommen sei, um sie für diesen Zweck in ihrem ganzen Umfange zu würdigen und durchgreifend zu benutzen. (Brunn, H. von. Geschichte der griechischen Künstler. Bd. 1, 1853).

‘Единственное, в чем я вынужден усомниться, что уже пришло время для того, чтобы их для этой цели в полной мере оценили и полностью использовали’.

Außerdem, wenn ich die großen Menschen von Min-Tschen so betrachte, **muss ich vermuten**, dass mit zunehmender Körpergröße der Verstand schwinde (Die Zeit, 29.05.1970, Nr. 22).

‘Кроме этого, когда я так смотрю на взрослых людей Мин-Чен, я вынужден предположить, что с увеличением размера тела разум уменьшается’.

Вы — еврей, гражданин Израиля — ее не знаете? Не верю. Поэтому **вынужден предположить**, что вы сознательно умалчиваете ее. Поскольку под полную квалификацию геноцида подпадают не только

некоторые действия немцев против граждан СССР, но даже и некоторые ваши с «вполне объективным Алексеем» призывающие к действию высказывания (Коллективный форум: Директива по поведению немецких войск в России. Обсуждение (2012)).

Благодаря сочетанию деонтического предиката, который маркирует ответственность за достоверность сообщения, и эпистемического глагола, выражающего низкую степень уверенности, происходит снижение категоричности высказывания.

С помощью крайне нечастотных категоричных конструкций с глаголом *подтвердить/bestätigen* говорящий соглашается считать пропозицию перформатива, которая входит в общий фонд знаний говорящего и адресата(-ов), достоверной, наличной в действительности, например:

„**Ich muss bestätigen**, dass wir viel zu sehr auf Profilierung aus sind und zu wenig auf Problemlösung,“ Minister Alwin Ziel (Berliner Zeitung, 29.04.1998).

‘«Я должен подтвердить, что мы слишком сосредоточены на профилировании и недостаточно на решении проблем», — сказал министр Алвин Циль’.

Не принадлежа к числу единомышленников Солженицына и не разделяя его политических взглядов, **я должен подтвердить**, что все основные факты, касающиеся «Архипелага ГУЛАГа», которые приводятся в третьем томе этой книги, **соответствуют истине** (К. Е. Ворошилов. Оборона страны и состояние рабоче-крестьянской Красной армии (Доклад на IV Всесоюзном съезде Советов) (1927)).

Выводы

Перволичные деонтические конструкции с пропозициональными глаголами речи, демонстрирующие разнообразие семантических и прагматических смыслов, представляют особый класс деонтических высказываний. Включение в их состав коммуникативных глаголов, которые фиксируют различные ментальные операции и эпистемическое отношение, позволяет им функционировать в роли модализованных ментальных перформативов, используемых для воздействия на участников речевого общения и для управления восприятием адресата. Многообразие ментальных иллокутивов обуславливает широкий диапазон их комбинаций с различными деонтическими предикатами в русском языке и с личной или безличной формой модального глагола в немецком

языке, предоставляя говорящему богатые возможности моделирования и модулирования языкового выражения своего коммуникативного замысла.

Комбинирование деонтического маркера с ментальными иллокутивами, управляющими восприятием адресата и фокусирующими его внимание, позволяет градуировать категоричность высказывания, модифицируя интенсивность проявления иллокутивной силы. В результате подчеркивается важность сообщения.

Русская лингвокультура характеризуется большой активностью в использовании говорящим деонтических перформативов с ментальными иллокутивами при объективации мыслительных ходов, при акцентировании логики изложения. Семантически деонтические перформативы с ментальными иллокутивами в рассматриваемых языках оказались различными. Так, наиболее частотными иллокутивами в рассматриваемых языках оказались разные коммуникативные глаголы: нейтральный, фокусирующий внимание глагол *отметить* в русском языке и глагол, ослабляющий категоричность и указывающий на второстепенность информации, — коммуникативный глагол *hinzufügen*.

Наличие в русском языке целого ряда маркеров деонтической необходимости позволяет говорящему семантически нюансировать модализацию ментальных перформативов: повысить степень убедительности своего высказывания, выразить негативную оценочность в отношении последующей пропозиции либо подчеркнуть целесообразность ментального хода или эпистемической операции. Преобладающее использование личной формы модального глагола в конструкциях с ментальными иллокутивами в немецком языке позволяет указать на личностный компонент, на модальное состояние адресанта при оформлении речемыслительных ходов и эпистемического отношения.

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.07.2020).

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 12.08.2020).

Литература

Баранов А. Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 114–124.

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Добровольский Д. О., Падучева Е. В. Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 104–121.
- Лауфер Н. И. Предикативы со значением необходимости: статистика и семантика (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог». Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г. Вып. 6 (13). М., 2007. С. 353–358. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1874/53.pdf> (дата обращения: 12.08.2020).
- Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988.
- Рябцева Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.
- Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
- Nuyts J. The modal confusion: On terminology and the concepts behind it // Modality: Studies in form and function / Eds A. Klinge, H. Müller. London: Equinox, 2005. P. 5–38.

О типах отношений в семантике дирекционального предлога (на материале немецкого и русского языков)

В статье рассматриваются типы отношений, представленные в семантике предлогов, обозначающих перемещение в пространстве, т.е. дирекциональных. Установлено, что в семантике этих предлогов репрезентированы дирекциональные, топологические и димензиональные отношения. Выявлены специфические семантические свойства данной подгруппы пространственных предлогов. Установлено, что в семантике дирекциональных предлогов топологические и димензиональные отношения локализуются по шкале времени в зависимости от типа дирекциональной семы, в сочетании с которой они актуализируются.

Ключевые слова: предлог, семантика, пространственные отношения, регион локализации, сема, признак.

O. V. Tolkacheva

On the types of relations in the semantics of a directional preposition (based on German and Russian)

The article considers the types of relations represented in the semantics of prepositions that denote relocation in space (i.e., directional prepositions). It has been established that directional, topological, and dimensional relations are represented in the semantics of directional prepositions. The specific semantic properties of spatial prepositions subgroup are revealed. It is found that topological and dimensional relations in the semantics of a directional preposition are localized on the time scale depending on the type of the directional seme in combination with which they are actualized.

Keywords: prepositions, semantics, spatial relationships, search domain, seme, feature.

При помощи предлогов описывается положение физических объектов в пространстве (локализуемых объектов) относительно других объектов, называемых в исследованиях по пространственной лингвистике локализующими. Описывая пространственную ситуацию, предлоги обозначают отношения между локализуемым и локализующими объектами. Данные отношения могут быть стативными (когда объекты находятся в состоянии покоя), могут быть дирекцио-

нальными (при перемещении). Одни предлоги способны обозначать только стативные отношения (например, *außerhalb des Hauses* ‘вне дома’), другие — только дирекциональные (например, *aus dem Haus* ‘из дома’); есть предлоги, способные обозначать как стативные, так и дирекциональные отношения (например, *im Haus* ‘в доме’ и *ins Haus* ‘в дом’). Как показывает анализ литературы, предлоги, обозначающие только дирекциональные отношения (собственно дирекциональные предлоги) остаются все еще наименее изученными.

В данной работе представлены результаты исследования типов отношений, представленных в семантике дирекциональных предлогов.

Известно, что в семантике пространственного предлога репрезентированы три типа отношений: топологические, димензиональные и дирекциональные. Топологические отношения основаны на противопоставлении внутреннего и внешнего пространств. К ним относятся такие отношения, как включение, контакт, близкое расположение, удаление; димензиональные отношения отражают ориентацию в пространстве тела человека по трем осям: сверху — снизу, спереди — сзади, слева — справа; дирекциональные отношения, как уже отмечалось, связаны с перемещением в пространстве. На основании данных отношений выделены соответствующие семантические подгруппы пространственных предлогов (топологические, димензиональные и дирекциональные) [Тарасевич, 2016, с. 47–56]. Исследователи отмечают разнородность признаков, представленных в семантике пространственных предлогов. Так, Л. А. Тарасевич выделяет признаки, представляющие регион локализации, и признаки, представляющие расстояние, то есть дистантные отношения: «Предлоги передают информацию о расположении локализуемого объекта в одном из регионов, задаваемых локализующим объектом (топологические — внутренний или внешний, димензиональные — верхний, нижний и др.), а в рамках этого региона — о расстоянии между локализуемым и локализующим объектами: включение (отсутствие расстояния), исключение (неопределенное расстояние) или дистанция, которая может иметь значение от нуля (контакт) до оценочной величины (близкое расположение)» [Тарасевич, 2016, с. 15–16]. Автор отмечает также, что важной характеристикой региона локализации является его принадлежность к воспринимаемому или воображаемому пространству¹: «...предлоги, обозначающие

¹ В. Грисхабером также отмечалась релевантность принадлежности локализуемого объекта, с именем которого употребляется предлог, к воспринимаемому или воображаемому пространству [Grießhaber, 1999, S. 648–649].

местоположение в воспринимаемом регионе, как правило, не употребляются с именами объектов, одномоментное зрительное восприятие которых невозможно (*außerhalb des Landes* / вне страны — *???außerhalb der Tasse* / *???вне чашки*)» [Тарасевич, 2016, с. 16].

Одни и те же признаки могут входить в семантику предлогов разных групп, образуя различные комбинации и имея в ней разный статус. В семантике одних предлогов они будут доминантными и реализовываться в обязательном порядке, в семантике других предлогов они будут являться необязательными для реализации. Например, дирекциональный признак в семантике топологических и дименсиональных предлогов является необязательным для реализации, так как они способны обозначать пространственные отношения в статике [Тарасевич, 2016, с. 86–87]. Такая модель пространственного значения предлога оказалась эффективной при описании семантики предлогов, обозначающих стативные отношения. Как показало наше исследование, для изучения семантики дирекциональных предлогов потребовались некоторые уточнения.

В семантических описаниях дирекциональных предлогов установлено, что эти предлоги характеризуют локализуемый объект как исходную точку перемещения (*из машины* / *aus dem Auto*), путь, по которому осуществляется перемещение (*по городу* / *durch die Stadt*) или цель перемещения (*к машине* / *zum Auto*) [Тарасевич, 2016; Jackendoff, 1990; Svorou, 1993]. Соответственно, в значении предлогов данной семантической подгруппы вслед за следом за Р. Джакендоффом, С. Свороу и Л. А. Тарасевич мы выделяем сему «дирекционал», которая уточняется как дирекционал_{источник}, дирекционал_{путь} и дирекционал_{цель} [Тарасевич, 2016; Толкачёва, 2020а; 2020б; Jackendoff, 1990; Svorou, 1993]. На этом основании все дирекциональные предлоги делятся на три подгруппы: дирекционал-источник, дирекционал-путь и дирекционал-цель [Тарасевич, 2016; Толкачёва, 2019; 2020а; 2020б]. Так, к подгруппе дирекционал-источник относятся такие немецкие предлоги, как *von* 'от, с', *aus* 'из', *ab* 'от' и русские предлоги *из*, *из-за*, *из-под*, *от*, *с*; в подгруппу дирекционал-путь входят немецкий предлог *durch* 'сквозь, через, по' и русские предлоги *мимо*, *по*, *сквозь*, *через*; к подгруппе дирекционал-цель относятся предлоги немецкого языка *nach* 'в, на', *zu* 'к, в, на', *bis* 'до' и предлоги русского языка *вглубь*, *вслед*, *внутри*, *навстречу*, *к*, *до* [Толкачёва, 2019].

Кроме этого, в семантику дирекциональных предлогов входит информация о топологическом отношении как базовом отношении, представленном в семантике всех пространственных предлогов [Тарасевич, 2016; Толкачёва, 2020а; 2020б; Grieshaber, 1999; Wunderlich,

1982], и о характеристиках региона локализации (внутренний, внешний). Например, предлоги *aus* / *из* обозначают отношение включения и локализацию во внутреннем регионе, а предлоги *von* / *с* — отношение контакт с поверхностью локализующего объекта, то есть локализацию во внешнем регионе [Толкачёва, 2020б]. Могут уточняться димензиональные характеристики региона локализации (например, предлог *из-за* обозначает локализацию в тыльном регионе) [Толкачёва, 2020б]. Установлена также релевантность обозначения локализации в воспринимаемом vs воображаемом регионе: например, предлог *ab* в конструкциях с именами геополитических объектов, пространственными наречиями и с именами типа *der Punkt* ‘пункт’, *die Stelle* ‘место’ употребляется для ориентации в пространстве относительно зрительно воспринимаемых объектов, а предлог *von* — относительно объектов, относящихся к воображаемому пространству [Толкачёва, 2020б, с. 147].

Исследователи обращают внимание на то, что топологические признаки в семантике дирекциональных предлогов тесно связаны с темпоральными признаками [Тарасевич, 2016; Толкачёва, 2020а; 2020б]. Наше исследование показало, что существует взаимосвязь между способом уточнения дирекциональной семы, топологическим и темпоральным признаками. Так, предлоги с семой дирекционал_{путь} обозначают актуальные топологические отношения, предлоги с семой дирекционал_{источник} — существовавшие в прошлом, а предлоги с семой дирекционал_{цель} — возможные в будущем (см. также в [Толкачёва, 2020а; Толкачёва, 2020б]). Например, в конструкции *достать из шкафа* / *aus dem Schrank holen* сообщается информация о том, что локализующий и локализуемый объекты состояли в отношении включения в прошлом (локализация во внутреннем регионе); в конструкции *я подойду к дому* / *ich komme zum Haus* — что локализуемый и локализующий объект в будущем будут состоять в отношении близкого расположения (локализация во внешнем регионе); а в конструкции *кровь стекала по подбородку* — что во время движения они находились в отношении контакта (локализация во внешнем регионе). Димензиональные признаки уточняют характеристики региона локализации и взаимосвязаны с дирекциональными и темпоральными признаками по такому же принципу, как и топологические. Например, в конструкции *достать носки из-под кровати* сообщается информация о том, что локализуемый объект (носки) находился в прошлом в нижнем внешнем регионе локализующего объекта.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в семантике дирекционального предлога репрезентированы все три

основные типа пространственных отношений (дирекциональные, топологические и димензиональные). Установлена взаимосвязь между способом уточнения дирекциональной семы, топологически, димензиональными и темпоральными признаками: топологические и димензиональные отношения в зависимости от актуализации в сочетании с той или иной дирекциональной семой, дополнительно локализуются по шкале времени как актуальные, возможные в будущем либо существовавшие в прошлом.

Литература

- Тарасевич Л. А.* Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2016.
- Толкачёва О. В.* К проблеме коррелятивных отношений дирекциональных предлогов в немецком и русском языках // Вариативность в языке и речи: тезисы докладов междунар. науч. конф. Минск, 4–5 апреля 2019 г. / отв. ред. Л. М. Лещёва. Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2019. С. 234–235.
- Толкачёва О. В.* О подходах к исследованию семантики дирекциональных предлогов // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 26–27 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. Е. А. Пригодич. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2020а. (CD-ROM). С. 139–143.
- Толкачёва О. В.* Репрезентация начала перемещения в семантике предлогов (на материале немецкого и русского языков) // Веснік Мазыр. дзярж. пед. ун-та. 2020б. № 1. С. 143–151.
- Grieffhaber W.* Die relationierende Prozedur: zu Grammatik und Pragmatik lokaler Präpositionen und ihrer Verwendung durch türkische Deutschlerner. Münster: Waxmann, 1999.
- Jackendoff R. S.* Semantics and cognition. Cambridge: MIT Press, 1990.
- Svorou S.* The grammar of space. Amsterdam: J. Benjamins Publ. Co, 1993.
- Wunderlich D.* Sprache und Raum // Studium Linguistik. 1982. Bd. 1, Nr. 12. S. 1–19; Bd. 2, Nr. 13. S. 37–59.

Народная концептуализация городского пространства

В работе рассматриваются когнитивные основания и способы актуализации пространственной семы в языковом сознании; описываются особенности репрезентации реалий городского пространства в русском и немецком языках, выражающие этические и эстетические оценки окружающей среды; анализируются основания первичной и вторичной концептуализации выделяемых фрагментов пространства и пространственных объектов, представленные в их официальных и неформальных названиях. Семантико-когнитивное исследование представленных топонимов выявляет эмоционально-оценочную встроенность геопро пространственных параметров в концептуальную картину социального метaproстранства современного города. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение динамики региональных топонимов, отражающих особенности восприятия происходящих изменений уклада жизни общества и формируемых на их базе новых концептуальных реалий.

Ключевые слова: пространство, культурная реалья, топоним, когнитивный контекст, картирование, концептуализация.

V. M. Toporova, E. V. Korneva

Popular conceptualization of urban space

The work examines the cognitive foundations and ways of actualizing the seme "space, place" in linguistic consciousness; describes the features of the representation of the realities of urban space in Russian and German, expressing ethical and aesthetic assessments of the environment; analyzes the foundations of the primary and secondary conceptualization of the fragments of space and spatial objects, presented in their official and informal names. Semantic and cognitive research of the presented toponyms reveals the emotional and evaluative embeddedness of geospatial parameters in the conceptual picture of the social metaspace of a modern city. In this regard, the study of the dynamics of regional toponyms, reflecting the peculiarities of the perception of the ongoing changes in the way of life of society and the new conceptual realities formed on their basis, acquires special relevance.

Keywords: space, cultural reality, toponym, cognitive context, mapping, conceptualization.

Особенности разностороннего взаимодействия человека с пространством окружающего мира представляют исследовательский

интерес для многих отраслей естественно-научного и гуманитарного знания (в философии, психологии, социологии, культурологии, литературоведении) и находят отражение в математических моделях и различных концепциях пространства, воплощая динамику развития человеческого сознания и бытия в целом.

Важное место и особую актуальность данная тематика несомненно приобрела в русле междисциплинарных исследований, определяя круг актуальных проблем когнитивного описания языковой картины мира.

Когнитивные исследования языка выявляют важнейшую роль пространственных концептов (категорий) при формировании концептуальной картины мира в целом. Пространственные представления составляют основу возникновения многих концептов человеческого сознания. Не случайно в когнитивной лингвистике пространство рассматривается в качестве одной из важнейших когнитивных схем человеческого сознания [Болдырев, 2018]. Актуальность обращения к исследованию особенностей языковой концептуализации пространственной картины мира (пространства) обусловлена тенденциями современного развития общества, связанными с глобальными, технологически зависимыми изменениями уклада жизни в целом, с актуализацией значимости визуальных форм мышления, с погружением сознания в иные формы реальности, восприятие мира через эти формы как формы собственного существования человека.

Категория пространства имеет много аспектов рассмотрения и форматов измерения в языковом сознании, отражающем ее значимость в концептуальной картине мира человека и его жизнедеятельности в целом. Семантика языка воплощает чрезвычайно богатое разнообразие взаимоотношений и взаимодействия человека с пространством окружающего мира, отражая наряду с дифференциацией локальных видов геопространства множество видов социального метапространства [Туровский, 2015].

Характерно, что лексема *пространство* выступает в различных видах дискурса в качестве широкозначного термина, часто в виде концептуальной метафоры, реализуясь в различных сферах обозначения реальности как физического, так и ментального плана (пространство комнаты, городское пространство, пространство сцены, степное пространство и эго-пространство, личное пространство, социальное пространство, семантическое пространство, математическое пространство).

Предметом нашего рассмотрения является взаимоотношение человека с пространством города, обжитого, освоенного простран-

ства, сформированного, сконструированного, структурированного человеком в соответствии со своими прагматическими потребностями. Актуальность концептуального осмысления взаимодействия человека с окружающей пространственной городской средой ярко проявляется в развитии различного рода концепций городского пространства в русле научных исследований урбанистики — науки, изучающей характер взаимодействия людей с элементами городской среды [Бурдые, 2007].

Взаимодействие человека с городским пространством мы предлагаем проанализировать в двух аспектах: с позиции схематического и метафорического моделирования (конструирования пространственной картины мира) и с позиции эмоционально-психологического восприятия и оценки, выражаемой в языке (языковом сознании).

Особенности концептуализации городского пространства мы рассматриваем в ракурсе концептуально-схематической репрезентации на картографической основе и в ракурсе выявления когнитивных оснований топонимов как языковой репрезентации реалий городского пространства в совокупности всех его составляющих территориально-геофизического и культурологического плана.

Масштабирование пространства в картах есть одна из концептуальных форм овладения, освоения пространства. О схематическом картировании городского пространства можно говорить в аспекте реализации принципов инфраструктурного обеспечения и общегородского административного планирования: карты города с указанием улиц, маршрутов, границ районов. Сюда же можно отнести карты-схемы проезда в метро, тематические карты. Вместе с тем можно специально выделить сетевые схемы специализированных социальных объектов: сети торговых, медицинских, культурных, образовательных, детских и т. д. центров, которые также представляют своего рода автономные фрагменты социального метапространства как пространства, структурируемого функционально однородными объектами.

Разграничивая понятия геофизического пространства и социального метапространства, мы разграничиваем физические реалии городского пространства (артефакты и натурфакты) и концептуальные реалии, представляющие элементы социокультурного контекста восприятия городского пространства.

В общей концептуальной картине городского пространства можно выделить различные уровни концептуализации (первичную и вторичную).

Таким образом, в названиях городских реалий мы выделяем два вида топонимов: официально закрепленные за реалиями городского пространства топонимы и неформальные обозначения, в семантике которых (довольно часто на метафорической основе) реализуется эмоционально-образная оценка. Материал описания составляют русские обиходные общеупотребительные названия фрагментов городского пространства столицы Черноземья — Воронежа — и немецкие обозначения реалий городского пространства в столице Германии, Берлине. Среди топонимов Воронежа можно выделить следующие группы:

1. Топонимы, образованные от названий предприятий и различных объектов, находившихся на данной территории и значимых для населения, причем ряд таких объектов уже перестал существовать:

- *Глинозем* (добыча глины, позднее там находился кирпичный завод);
- *Ипподром* (ипподром, позднее закрыт);
- *Девичок* (Девичий рынок — ранее здесь находился женский монастырь, давший название району);
- *Чугунка* (район «Чугуновского» кладбища, официальное название которого — Вознесенское; народное название сохранило фамилию купца-благотелья, построившего здесь церковь).

Другие объекты продолжают функционировать на данной территории, часто это топоним-аббревиатура: *СХИ* (Сельскохозяйственный институт) или *Машимет* (по более раннему названию завода, входившего в Главмашмет — Главное управление машиностроения металлургической промышленности СССР).

2. Оценочные топонимы с разнообразной мотивированностью (часто в основе топонима лежит метафора):

- геоконцептонимы: *Бухара*, *Шанхай*, *Бомбей* (густонаселенность), *Соловки*, *Магадан*, *БАМ* (удаленность, расположенность на окраине города);
- эмблемы — народные названия некоторых зданий: *Пентагон* (военный институт), *Кремль* (сочетание нескольких признаков: внешнее сходство, господствующее положение на местности, значимость для города — здание управления Юго-Восточной железной дороги);
- ироничные названия: *Долина нищих* (застроена коттеджами состоятельных горожан), *Сектор газа* (улицы между тремя

заводами с вредным производством), Аул (район частного сектора: нет асфальта и освещения);

- наименование района или его части по сходству формы территории или по предмету-эталону: *Треугольник*, *Пятак*, *Гроб* (двор соответствующей конфигурации), *Кубик* (место с ларьком, похожим на кубик Рубика), *Кресты* (место пересечения двух или четырех улиц; также такое название давали району, находящемуся рядом с церковью и/или кладбищем);
- наименование по функции данного места: *Пьяные дворы* (продажа контрафактного алкоголя и самогона), *Колдуновка* (жители ходили в этот район гадать), *Щемиловка* («щемили», воровали кошельки), *Выгон* (до революции здесь была организована продажа лошадей), *Птичка* (продажа птиц).

3. Топонимы — исторические названия слобод и деревень, позже вошедших в состав Воронежа (сравнительно небольшое количество районов):

- *Гусиновка*, *Чижовка*, *Песчанка*, *Монастырка* (слободы);
- *Отрожка*, *Придача* (деревни).

Как уже отмечалось, для народной концептуализации характера оценочность и выделение в особую группу так называемых плохих районов города — с высоким уровнем преступности или неблагоприятной экологической ситуацией, что нашло отражение в текстах песен, мемах и неформальных эмблемах районов. Приведем строки песни рок-группы «Сектор Газа» об одноименном районе города:

Сектор газа — Шинный, ТЭЦ, ВоГРЭС, СК!

Сектор газа — здесь не дожить до сорока!

Сектор газа — скорей одень противогаз!

Сектор газа — спасайся по лесам, атас!

Ата-а-а-ас!

Следует отметить некоторые структурно-морфологические особенности неформальных обозначений реалий, маркирующие эмоционально-положительное восприятие человеком фрагмента пространства: *Девичок*.

Сходные принципы концептуализации городского пространства отмечаются в немецкой лингвокультуре. В отличие от российских городов, где народному «переименованию» (в противовес

официальным названиям) подверглись целые районы или микро-районы, в Германии сохранялись исторические топонимы. Поэтому объектами народной концептуализации выступали главным образом отдельные здания, скульптурные группы, улицы или площади. Особенно много таких Spitznamen (прозвищ, неформальных наименований) в Берлине:

1. Топонимы, отсылающие к именам собственным: Alexanderplatz — *Alex*, Leopoldplatz — *Leo*, Theodor-Heuss-Platz — *Theo*; к детским именам: Petersburger Platz — *Peti*, Kottbuser Tor — *Kotti*, Bonhoeffer-Nervenklinik (психиатрическая клиника; до 2002 г.) — *Bonnies Ranch*. Топоним Görlitzer Park (в районе Kreuzberg) — *Görli* — получен путем усечения названия по модели, по которой образуются имена людей; возможны акронимы: Ernst-Reuter-Platz, сокращенно E.-R. Pl. — *Erpel*.

2. Наименования по предмету-эталону, нередко с ироническим подтекстом: *Bierpinsel* — Pinsel ‘кисточка’, здание в берлинском районе Штеглиц; *Henselmansche Titten* — Titten — фам. ‘груди’, здание, спроектированное архитектором Германом Гензельманом (Hermann Henselmann), имеет две башни с куполами, похожие на грудь; *Gürteltier* — Gürteltier ‘броненосец’, здание биржи Ludwig Erhard Haus по цвету, внешнему виду поперечных конструкций и расположению окон напоминает кольца панциря броненосца; *Lippenstift und Puderdose* — Lippenstift und Puderdose ‘помада и пудреница’, здания мемориальной церкви кайзера Вильгельма по форме ассоциируются с этими предметами; *Nuttenbrotsche* — ‘брошь проститутки’, народное название фонтана «Дружба народов» возникло из-за его формы и яркого декора; *Schwangere Auster* — ‘беременная устрица’, топоним намекает на странную выпуклую форму здания Дома культур мира, напоминающую открытую раковину моллюска с жемчужиной; *Telespargel* — Spargel ‘спаржа’ — высокая телевизионная башня; *Waschmaschine* — ‘стиральная машина’ — здание Ведомства федерального канцлера, круглое окно которого напоминает окно люка стиральной машины. Среди этой группы выделяется подгруппа эвфемизмов, например: *Cafe Achteck* — ‘кафе «Восьмиугольник»’ — название зданий общественных туалетов, размещавшихся на восьмиугольном основании.

3. Ироничные названия: *Tränenpalast* (‘дворец слез’ — название здания терминала на пограничном переходе между Восточным и Западным Берлином в период разделения города Берлинской стеной), *Alu-Monster* (‘алюминиевый монстр’) — здание международного конгресс-центра ICC Berlin).

4. Топонимы, основанные на игре слов, например: *Schweineöde und Oberschweineöde* (*Schwein* 'свинья' + *öde* 'глушь' — районы *Schöneweide* и *Oberschöneweide*: перестановка слогов *-wei-* и *-ö-*).

Анализ когнитивных оснований семантики имен городских реалий позволяет установить тенденции и когнитивные механизмы, выявляющие особенности взаимодействия человека с пространством, характер «присвоения» пространства. Топонимы в целом выполняют важную функцию сохранения культурно-исторической памяти народа, маркируя значимые вехи его экономического и общественного развития. Неформальные обозначения реалий городского пространства отражают в семантике особенности менталитета народа, выражают этические и эстетические оценки окружающей среды.

Характерна высокая концептуально-семантическая нагрузка неформальных обозначений реалий городского пространства в системе языка при отсутствии официальных имен соответствующих объектов. Рассмотренный материал позволяет отметить некоторые важные особенности восприятия человеком пространственного окружения и особенности концептуализации городского пространства, закрепленные в семантике топонимов:

- разнообразие дифференциальных признаков, актуализируемых в семантике обозначений фрагментов городского пространства;
- яркая эмоционально-образная маркированность отдельных мест городского пространства;
- актуализация ассоциативной базы номинации обозначаемого места;
- условность (размытость) физических границ обозначаемого места.

Условность физических границ обозначаемого фрагмента пространства проявляется при указании на некоторый объект-ориентир в пространстве (в районе цирка, в районе почтамта). Часто в качестве маркировки и названия городского района выступает правый/левый берег реки, аналогична маркировка некоторого места, находящегося на спуске (к реке). Городской район может именоваться спальным по признаку отдаленности от центра и отсутствию производственных предприятий. Ту же условность пространства наглядно демонстрируют карты неформальных обозначений городского пространства, отличающиеся от общеизвестных карт города с четким нанесением улиц и кварталов.

Особый интерес в рамках рассматриваемой темы приобретает описание пространственной картины города, отражающей изменения уклада жизни общества. В этой связи следует отметить динамику региональных топонимов, явления устаревания и возникновения новых официальных и неформальных обозначений городских реалий, получающих часто неоднозначную оценку. Эти процессы интересны и с когнитивно-психологической точки зрения, отражая особенности восприятия изменяющегося мира. Так, городское пространство многих российских городов приобрело в последние десятилетия немало новых реалий (рекламные щиты, яркая подсветка зданий, автономные входные двери фирм, занявших нижние этажи домов, торговые палатки, а также дробление городского пространства решетками многочисленных заборов). В этой связи можно отметить и утрату актуальности некоторых пространственных понятий. Так, например, практически утрачено понятие двора как особого дворового сообщества, с дворовыми футбольными командами. Изменилось ощущение объединяющего характера пространственных границ двора, дома по признаку «общей принадлежности» к данному пространству, в его противопоставленности чужому, лежащему по ту сторону границы своего пространства как пространства личного обитания (свой — чужой). С другой стороны, неотъемлемой частью городского пространства можно назвать уличных музыкантов. Вместе с изменениями уклада жизни общества развиваются новые концептуальные схемы организации городского пространства, новые концептуальные реалии, требующие языкового отклика и обуславливающие в конечном счете развитие языка.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.
- Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2007.
- Туровский Р. Ф.* Геопространство и метапространство: географические методы в политологии // Метод. 2015. № 1. С. 71–89.

Лингвокреативность как реакция носителей языка на кризисные ситуации

В статье рассматривается вопрос проявления лингвокреативности носителями языка как своеобразной реакции на кризисные ситуации. Материалом исследования послужили новообразования и их дефиниции, зафиксированные в интерактивном онлайн-словаре «Urban Dictionary» и связанные с распространением коронавирусной инфекции. Наиболее частотными конститuentами новообразований оказались *corona* и *covid*. Самым распространенным способом образования однословных дериватов стал способ аббревиации. Двухсловные лексические единицы в большинстве случаев представлены моделью «существительное + существительное». Выявлены немногочисленные трехсловные вокабулы, а также те, которые представлены целыми предложениями. Среди отличительных особенностей дефинирования, не свойственных традиционной лексикографии, оказались следующие: использование стилистических средств выразительности, а также субстандартной лексики при толковании.

Ключевые слова: интерактивный онлайн-словарь, лингвокреативность, словообразование, аффиксация, словосложение, аббревиация, дефинирование.

I. G. Tsekhanovich

Linguistic creativity as the reaction of native speakers to crisis situations

The article deals with the question of linguistic creativity, realized by native speakers, as the specific reaction to crises situations. Newly formed lexical units, recorded in the interactive online dictionary “Urban Dictionary” and connected with the spreading of coronavirus infection, serve as the material for the research. The most frequent constituents of newly formed units turned to be “corona” and “covid”. The most widely spread way of one-word derivatives became abbreviation. Two-word lexical units in the majority of cases are represented by model “noun + noun”. Three-word head-words, as well as those represented by a sentence, are rare. The distinctive peculiarity of word defining, not typical of traditional lexicography, turned to be the following: the use of stylistic devices, as well as the use of substandard lexis while explaining the meaning of the head-word.

Keywords: interactive online dictionary, linguistic creativity, word-creation, affixation, compounding, abbreviation, defining.

Современность постоянно сталкивает человека с целым рядом кризисных ситуаций, реакция на которые может быть абсолютно разноплановой, в том числе проявляться вербально и находить свою реализацию в так называемой лингвокреативности. Наблюдение за языковым творчеством может осуществляться непосредственно в ходе целенаправленной работы с носителями языка, при анализе современных художественных и публицистических текстов, высказываний медийных персон и т. д. Однако более масштабным и более «концентрированным» источником данных, на наш взгляд, являются интерактивные онлайн-словари, специфика которых заключается в следующем: любой пользователь интернета может зарегистрировать слово и дать ему толкование в словаре такого типа. «Urban Dictionary» (далее UD) — самый известный и объемный краудсорсинговый словарь, который принадлежит англоязычному сегменту интернета. По самым скромным подсчетам, словник UD составляет более 2 млн вокабул, а количество дефиниций превышает 12 млн, причем словарь постоянно увеличивается как в отношении словника, так и в отношении дефиниционного фонда за счет публикационной активности пользователей. Ежемесячно сайт посещает порядка 65 млн человек [Ro, 2019], что говорит о высокой популярности данной лексикографической онлайн-платформы. Большинство лексиконов такого типа позиционируют себя как словари сленга (slang.org, onlineslangdictionary.com, teenslang.su и т. д.). Изначально UD также был создан¹ как словарь сленга, о чем говорит первый слоган, который гласил: «The slang dictionary you wrote». Однако по мере развития и наполнения словаря создатели проекта заметили, что пользователи публикуют не только сленговые новообразования, но и общеупотребительную лексику. Поэтому уже в 2009 г. слоган был модифицирован и звучал как «The dictionary you wrote», а в 2013 г. произошло еще одно изменение слогана — эта редакция является действующей сейчас: «URBAN DICTIONARY is written by you».

Словарная статья UD включает в себя следующие обязательные элементы: а) вокабула, которая может быть представлена различными графическими или орфографическими вариантами одной и той же лексической единицы (далее ЛЕ), то есть написание может варьироваться от автора к автору; б) дефиниция, то есть вся та информация, которую автор словарной статьи размещает в поле «Definition» при публикации слова; в) ник автора; г) дата публикации; д) рейтинг

¹ UD был создан в 1999 г. студентом Калифорнийского политехнического университета Аароном Пэкхэмом.

словарной статьи: любой пользователь словаря может оценить толкование автора, нажав значок «за» или «против». Факультативным элементом являются иллюстративные примеры.

Одной из отличительных особенностей словарей такого типа является практически полное отсутствие рецензирования и ограничений по объему, что дает многочисленным авторам словаря свободу в выражении своих мыслей по поводу значений уже существующих в словаре ЛЕ, а также является существенным стимулом, побуждающим к регистрации новых слов. Пандемическое распространение коронавирусной инфекции не оставило пользователей этого лексикона в стороне и побудило их к активной лингвокреативной деятельности. Лингвокреативность — это «не только создание нового продукта — текста или слова, которых “никогда не было”, но и нетривиальный выбор одного из уже имеющихся и известных говорящему средств конструирования образа объекта» [Никитина, 2015, с. 47].

Данное определение не противоречит мнению о том, что «пространство языкового креатива обнаруживается в разных видах лингвокреативной деятельности носителей языка, проявляя инициативу языковой личности как в создании “прецедентов новизны”, так и в способности к реализации креативной идеи в прагматических целях» [Гридина, 2013, с. 6].

Принимая во внимание вышесказанное, мы будем рассматривать лингвокреативность в разрезе краудсорсинговой лексикографии в двух направлениях. Во-первых, это словотворчество, то есть процесс создания неологизмов, которые в подавляющем большинстве являются сленговыми образованиями. Во-вторых, это проявление языкового творчества в процессе метаязыковой деятельности, связанной с толкованием ЛЕ. В этой связи цель данного исследования — охарактеризовать состав тематической группы «Coronavirus», выявить способы образования ЛЕ, а также обнаружить специфику толкований вокабул, входящих в данную тематическую группу.

На первом этапе исследования была определена методика отбора вокабул тематической группы, которые появились в словаре в период времени с января по май 2020 г. В связи с тем, что словник UD насчитывает порядка 2 155 312 ЛЕ (по нашим подсчетам на момент 28.03.2020 г.) и постоянно изменяется в сторону увеличения, выделить необходимые вокабулы представляется достаточно проблематичным, сделать же это по дате появления ЛЕ в словаре не позволяет интерфейс сайта. Поэтому селекцию мы осуществляли по ключевым словам: *corona virus, covid-19, pandemic, quarantine, isolation, lockdown, mask, hand sanitizer*. При вводе ключевого слова в поисковое поле на

экран выводится перечень ЛЕ с начальным фрагментом дефиниций, что позволяет осуществить необходимый выбор. Далее, при переходе непосредственно к словарной статье, интерфейс словарного портала предлагает, помимо всего прочего, алфавитный список ЛЕ, в начале которых содержится одинаковая с ключевым словом комбинация букв. Путем сплошной проверки данного списка осуществлялся отбор необходимых единиц. Таким образом, количественный состав данной группы оказался равным 1050 единицам. Причем наибольшее количество новообразований включают в свой состав слова *corona* и *covid*, по численности группы этих ЛЕ практически одинаковы и составляют по 30 % в каждой. Следующая по численности группа ЛЕ, в состав которых входит ключевое слово *quarantine*, составляет 21 %. Далее идут группы с конститuentами *pandemic* (5,6 %), *mask* (3,8 %), *isolation* (2,6 %), *lockdown* (1,3 %). 5,7 % — это новообразования, в состав которых входят слова, не являющиеся ключевыми (например, *zoomtigue* — ‘Too many tele-conferences or video-conferences which as a result causes fatigue’; *wuhan whooping cough* — ‘Another name for COVID-19’)².

Пик пользовательской активности приходится на март месяц (697 вокабул), появление же первых ЛЕ зафиксировано в январе (7); в феврале их было 9, в апреле — 605, а в мае — 327. Количество дефиниций составило 1709.

На следующем этапе исследования мы проанализировали состав тематической группы с точки зрения количества отдельных компонентов, входящих в состав ЛЕ. Наиболее многочисленной (67,6 %) оказалась группа однословных единиц. Следующая по численности (30 %) — группа ЛЕ, в состав которых входят два слова (без учета служебных частей речи). Трехсловные выражения составляют 2,3 %.

Рассмотрим более подробно каждую из перечисленных групп с точки зрения способов образования ЛЕ. Абсолютное большинство слов, входящих в первую группу, — производные, ядерная часть которых так или иначе связана с ключевыми словами, приведенными выше. Выявлены следующие способы словообразования: аффиксация, словосложение, аббревиация.

При аффиксации (таких новообразований меньше всего — 9 %) используются:

- суффиксальные модели (производящая база + *-ly*, *-ize*, *-ia*, *-iac*, *-ist*, *-ism*, *-ial*, *-ian*, *-ic*, *-y*, *-ed*, *-ful*, *-al*, *-ous*, *-ish*, *-ity*, *-less*,

² Примеры, используемые для иллюстрации, приводятся в аутентичном виде, без орфографических и пунктуационных коррекций.

-ment): *coronaship, coronish, coviddy, covidment, covidity, Isolater, Quarantinian, masklessness*;

- немногочисленные префиксальные модели (*de-* + производящая база: *decorona, decoronafied*).

Следующая по численности подгруппа (14,8 %) представлена новообразованиями, появившимися в результате словосложения. Выявлены следующие структурные типы композитов:

- сложные слова, образованные путем слияния основ слов, одно из которых — ключевое слово. Здесь обнаружены следующие модели словосложения: N + N (*coronabrain, corona-check, covid-boom*); N + Adj (*covidcrazy, covid-crafty, coronapretty*); N + V (*coronacancel*); Adj + Adj (*Pandemic-perfect*);
- сложнопроизводные слова, образованные по следующим моделям: N + V + *-ing* (*coronacleaning, coronadating, covid-drinking*); N + V + *-ed* (*corona-blocked, covid-cuffed*), N + V + *-er* (*coronachaser, coronamoaner*), N + Part. II + *-ian* (*coronaknownian*);
- сложные слова, вторая часть которых представлена сложной основой (*coronadeathwish, quarantinelockdown*).

Самыми многочисленными дериватами (70 %) в данной группе являются те, что образованы способом аббревиации, под которой мы будем понимать «усечение любых линейных частей источника мотивации» [Харитончик, 1992, с. 168]. Здесь выявлены следующие типы:

- инициальные сокращения (*BC 19 — before COVID-19, AC 19 — after COVID-19, BCAC — before corona virus and after corona virus, CIBD — COVID-induced bipolar disorder*)
- усечения исходного слова (*coron, Rona*);
- блендинг (*cobit — COVID + habit, coronaggedon — coronavirus + Armageddon, covidiotpreneur — COVID + idiot + entrepreneur, covidea — COVID + idea, dracovid — draconic + COVID, quarantash — quarantine + moustache*).

Кроме этого, в группу однословных единиц мы включили те, в состав которых входят цифры (6,1 %): *covid-1, covid-20, covid-419*. Возможно, такого рода ЛЕ можно отнести к креолизированным лексемам [Чигаев, 2008], когда в рамках одного слова сочетаются знаки разных семиотических систем.

Двухсловные ЛЕ в подавляющем большинстве случаев представлены моделью N1 + N2, где N1 — ключевое слово, однако встре-

чаются случаи использования «сторонних» слов, например *boomer* (*boomer remover* — ‘Boomer remover is slang for the COVID-19 outbreak that refers to the high chances of boomers to die or in other words, be removed’; *boomer doomer* — ‘Another name for COVID-2019, famous because its efficiency to kill old people, it is a catchy name that is becoming increasingly popular among teens and millenials’), *bug* (*beer bug* — ‘Corona virus, a disease originating in China which shares the same name as a shitty Mexican beer’), *flu* (*trump flu* — ‘The most dangerous form of coronavirus. COVID-19 + trump’s minimizing / falsehoods / racism / bluster / blame / inept leadership’). В группе трехсловных единиц выявлены следующие модели: N1 + N + N (*Quarantine Arm Syndrome*), N1 + Adj + N (*Quarantine cool points*), Adj + N + N (*social distance warrior*); встречаются также целые предложения (*Coronavirus go home*; *The coronavirus is evil*).

Отличительной особенностью ряда анализируемых новообразований является их образность и эмоциональная окрашенность, что достигается использованием следующих приемов:

- 1) метафоризация: *corona angel* — ‘Someone who takes care of elderly or fragile people they know during the corona virus outbreak’ (в данном примере на основе метафорического переноса автор словарной статьи называет человека, оказывающего помощь другим во время эпидемии, ангелом, тем самым высказывая свое одобрительное отношение к такой категории людей); *coronajihad* — ‘Corona jihad is spreading the corona virus knowingly for it to affect as many people as possible, because abdul believes the virus has been sent by the mighty allah for the kaffirs...’; *coronight* — ‘Relating to the 2020 COVID-19 virus: A legendary person who works in health care and is willing to sacrifice their life to help people fight a virus and receive aid’ (*corona + knight*);
- 2) метонимизация: *corona brain* — ‘Someone who panic buys toilet roll hand sanitizer and flour, like come on others need toilet rolls are we just going to use a showerhead and drip dry’);
- 3) аллюзии: *coronan the barbarian* (отсылка к известному американскому фильму «Conan the Barbarian»); *coronamatata* (*corona + Nakuna Matata*: отсылка к песне из мультфильма «Король Лев»); *corona and chill* (отсылка к устойчивому сленговому выражению «Netflix and chill»); кроме этого, встречаются случаи использования сленгизмов (экспрессивных по своей сути) в качестве конститuentов новообразований (*coronatard*:

ключевое слово + *tard*, где *tard* — сленгизм со значением ‘идиот, дурак’).

Отметим, что анализ тематической принадлежности производящих основ сложных слов и компонентов словосочетаний позволил выявить релевантные проблемы кризисной ситуации, закрепившиеся в сознании людей и получившие свою экспликацию в языке. Так, авторов словаря волнуют политические и экономические проблемы (*corona tax*, *covid rich*, *coronavirus job snatching*), межличностные отношения (*Lock down bro*, *Pandemic Proposal*), внешний вид (*covid style*, *Pandemic Beard*, *coronacane*), усугубление вредных привычек (*covdrunkie*, *quarentini*), времяпрепровождение (*coroneography*), соблюдение протокола поведения во время пандемии (*maskhole*, *antisocial nearing*), психологическое напряжение (*covid rage*, *covidmania*, *coviphobia*).

Как видим, применение широкого спектра словообразовательных механизмов, а также количество новообразований (8 ключевых слов и 1050 новых) говорит о высокой словотворческой активности носителей языка, порожденной кризисной ситуацией.

Следующим этапом исследования стал анализ дефиниций, количество которых составило 1709. В связи с тем, что большинство вокабул, входящих в данную тематическую группу, являются авторскими сленговыми новообразованиями, существенное их количество имеет одну дефиницию (81 %); удельный вес вокабул, которые толкуются двумя авторами, составляет 10 %, тремя — 3 %. Немногочисленны вокабулы, у которых обнаружено от четырех до девяти дефиниций (3,4 %). Однако встречаются случаи, когда заголовочное слово дефинируется большим числом авторов. Естественным является то обстоятельство, что наибольшее число дефиниций наблюдается у общеупотребительной лексики. В нашем случае это ключевые слова данной тематической группы: *corona* (23 дефиниции), *covid* (19), *COVID-19* (47), *quarantine* (25). Лидером в данном рейтинге является слово *coronavirus*, которое насчитывает 100 дефиниций. Вместе с тем встречаются и сленгизмы, истолковать которые посчитало необходимым достаточное количество авторов словаря: *covidiot* (39), *boomer remover* (30), *coronacation* (24), *coronials* (16). На наш взгляд, это является прямым свидетельством того, что ЛЕ пользуется определенной популярностью среди пользователей.

Напомним, что отсутствие цензуры и ограничений по объему словарного толкования дает возможность авторам UD в до-

статочной свободной форме проявлять свою лингвокреативность, которая находит свою экспликацию как в формальном аспекте (дефиниции могут быть представлены как одним словом, например, *coronaprison* — ‘Self-Isolation’, так и целым текстом, насчитывающим порядка 250 слов, например такова дефиниция к слову *braincorona*), так и в семантическом.

Авторы словарных статей используют широкий инструментарий традиционной лексикографии, однако в центре нашего внимания — те толкования, которые можно обнаружить только в словарях такого типа и которые являются прямым свидетельством проявления вербальной креативности.

Во-первых, это использование разнообразных стилистических средств выразительности при толковании. Например, *corona disease* — ‘A terrible stupid virus (используется прием персонификации, когда неодушевленному понятию присваиваются качества живого существа) that people spread because they were touching each other bodies like vampires (используется прием стилистического сравнения) in the night, especially dumb ones’; *coronal retentive* — ‘Excessively orderly and fussy, paying too much attention to detail, as the result of being locked in during the coronaviral era (использование приема гиперболы)’; *coronavirus* — ‘A virus that makes you lose toilet paper and friends...’ (использование приема зевгмы, когда намеренно нарушаются правила семантической сочетаемости для достижения юмористического эффекта).

Во-вторых, это использование субстандартной лексики в дефинициях, чаще всего для выражения эмоционального состояния автора или его отношения к предмету описания: *corona chicken* — ‘Someone who complains about COVID-19 and doesn’t cover their fucking cough!’; *corona karen* — ‘That one boomer bitch that snatches up all the toilet roll but complains to the manager because theres a sign saying only 2 hand sanitizers per person’; *coronacation* — ‘School is off because of corona AND ITS SO FUCKING BORING!!!!!!!!!!’ Иногда для усиления эффекта при выражении своего отношения к денотату авторы могут использовать невербальные средства, такие как прописные буквы, пунктуационные знаки (видно из последнего примера), а также эмоджи: *corona time* — ‘The realisation that corona virus isn’t just a meme and it’s finally come to your country 😊’; *coronaburger* — ‘The idiotic name given to a new sandwich menu item on some Vietnamese restaurant menu. The owner hoped it would “boost people’s morale” during the Coronavirus pandemic...’

Кроме этого, встречаются дефиниции, которые представляют собой так называемый кавер на известный текст. Например, *corona-*

matata — ‘Coronamatata what a wonderful phrase, Coronamatata ain’t no passing craze, it means no worries for your remaining few days, it’s our pleasure free, society, Coronamatata’ (переработка известной песни из мультфильма «Король Лев»). Дефиниции могут иметь форму вопроса-ответа: *coronavirus* — ‘Let’s talk about the facts first. What is the coronavirus: the Coronavirus is a virus that comes from living things... Where it came from: a dumbass Asian that ate a bat and infected everyone in Asia... Why its here: to ruin the lives of american people and make them Hoard toilet paper and be insecure’ или свода рекомендаций: *coronavirus* — ‘*Wash your hands, and use hand sanitizer*’.

В заключение отметим, что анализ вокабул и их дефиниций, входящих в состав тематической группы «Coronavirus», показал, что авторы UD творчески подходят как к процессу реноминации, так и к процессу дефинирования, используя при этом широкий спектр словообразовательных техник, а также специфические приемы в толкованиях, усиливая тем самым их прагматический аспект.

Источники

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 23.05.2020).

Литература

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива — 1 / под общ. ред. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 5–59.

Никитина О.А. Словотворчество как проявление лингвокреативности современной немецкой языковой личности // Филология и человек. № 1. 2015. С. 47–57.

Чигаев Д.П. Креолизованная лексема // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2008. № 2. С. 82–85.

Ro ch. How linguists are using Urban Dictionary // JSTOR Daily. 2019. November 13. URL: <https://daily.jstor.org/how-linguists-are-using-urban-dictionary> (дата обращения: 15.03.2020).

Учебная литература

Харитончик З.А. Лексикология английского языка: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 1992.

Рецепция библейских концептов в русской литературе рубежа XX–XXI веков (на примере концепта МУДРОСТЬ/СОФИЯ)*

Авторы данной статьи поставили целью изучить содержание концепта МУДРОСТЬ в библейской литературе и его отражение в русской литературе XX–XXI вв. Для достижения данной цели были привлечены различные методы исследования. При работе с объемными текстами использовались принципы корпусных методов поиска, при анализе лексических единиц — методы сравнительного языкознания и семантического анализа, при выявлении концептуального содержания высказываний — метод анализа концептов. Полученные в ходе исследования результаты требуют тщательного и вдумчивого анализа, поскольку избранные в качестве материала тексты крайне неоднородны в стилистическом и содержательном плане. В данной статье излагаются первые результаты анализа.

Ключевые слова: мудрость, концепт, Библия, русская литература.

P. M. Shitikov, T. Yu. Nikitina

Reception of biblical concepts in Russian literature of 20th–21st century (on the example of the Wisdom/Sophia concept)

The authors of this article aimed to study the content of the concept of Wisdom in biblical literature and its reflection in Russian literature of the 20th–21st centuries. To achieve this goal, various research methods were involved. When working with voluminous texts, the principles of corpus search methods were used. Methods of comparative linguistics and semantic analysis were used in the analysis of lexical units. Methods of concept analysis were used to identify the conceptual content of statements. The results obtained in the course of the research require thorough and thoughtful analysis, since the texts chosen as material are extremely heterogeneous in terms of style and content. The first results of the analysis are presented in this article.

Keywords: wisdom, concept, Bible, Russian literature.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44157.

Введение

Обращение к библейской литературе обусловлено высокой степенью влияния, которой обладают данные тексты. Библейские образы, вне зависимости от личной религиозности человека, формируют его культурный фон, так называемую концептуальную картину мира. Библия — сборник текстов, написанных в разное время для разных целей, однако их объединяют нравственные идеалы, которые стали основой для европейской культуры [Алексеев, 2012, с. 5]. Изучение базовых понятий, таких как «мудрость», в этом контексте представляется важным этапом изучения основ мировой культуры в ее литературном выражении. Мы обратились к подлинным текстам на древнееврейском, древнегреческом языках с тем, чтобы приблизиться к аутентичному значению понятия «мудрость». Определив репрезентанты концепта в переводных текстах Библии, мы обратились к описанию мудрости в русской литературе рубежа XX–XXI вв. Диахронический анализ позволил выявить общие и дифференцирующие элементы в библейском и литературном осмыслении мудрости.

Концепт МУДРОСТЬ в библейской литературе

Библия — одна из наиболее часто цитируемых книг. Следует отметить, что ветхозаветная часть Библии была зафиксирована на древнееврейском языке. В III в. до н.э. был выполнен перевод на древнегреческий, который для многих поколений христиан, не знакомых с еврейским языком, был единственным доступным текстом. Новозаветная часть Библии записана изначально на древнегреческом.

Слово *мудрость* в древнееврейском представлено корнем *hkm*, который имеет варианты прочтения *hokma* ('мудрость') и *hakam* ('мудрый'). Номинативное поле концепта МУДРОСТЬ включает сотни единиц [Encyclopedia of Hebrew, 2013, p. 145]. Авторы Библии используют все многообразие смыслов. Мы выделили три основных группы: бытовую, сакральную и интеллектуально-этическую.

В законоположительных и исторических книгах термин *hokma* и производные от него слова большей частью выражают техническое или художественное дарование, магические способности. Премудрыми именуются люди, обладающие мастерским умением и художественным вкусом. Словом *мудрый* исторические книги называют того, кто занимается обработкой металла, плотник, ткач или красильщик. В Книге Екклесиаста мудрость описывается в катего-

риях еды, питья, труда, брака, деления бревен, посадки и инвестиций. Современный русский перевод Российского библейского общества (РБО) систематически передает значение лексической единицы в данном значении как «умелец», «мастер», «искусный»; в то время как Синодальный перевод (СИН) всегда старается сохранить связь с корнем «мудрость»:

Господь открыл им искусство резьбы (Исх 35:35, РБО).

Он исполнил сердце их мудростью (Исх 35:35, СИН).

Противоположной тенденцией в понимании концепта МУДРОСТЬ в Библии является его сакрализация. В Библии мудрость представлена в качестве помощника Бога при сотворении мира. В Книге Притч авторы используют так называемый *pluralis majestatis* — форму множественного числа, применяемую для почтительного обращения к Богу и Царю: «Начало Мудрости (*hakmot*) — страх Господень, и познание Святого — разум» (Притч 9:10). Божественная мудрость персонифицируется и представляется в образе женщины. Образ женщины-софии послужил основанием для СОФИОЛОГИИ — понимания мудрости как одной из ипостасей Бога, которая отражает Его творческую силу и женское начало. Почитание Софии стало одним из альтернативных движений в рамках христианства, находило отражение в трудах Оригена, Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Максима Исповедника, Дионисия Ареопагита и других отцов Церкви, а также русских мыслителей рубежа XIX–XX вв.: В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова [Mask, 1973]. В русских переводах персонифицированный образ мудрости традиционно отражается как «Премудрость», с заглавной буквы.

Последняя группа объединила личностные интеллектуальные и эмоциональные качества. Мудрость связана с этическими качествами. В переводах на русский язык данная группа традиционно передается с помощью существительных *мудрость*, *разум* и однокоренных прилагательных *мудрый*, *разумный*. Немаловажно, что личностные качества человека в Библии всегда привязаны к Богу. Одно из центральных утверждений Библии, что Мудрость — это дар свыше: «Господь дает мудрость, и от уст Его — знание и разум» (Притч 2:6). При этом обладание мудростью рассматривается как счастье, богатство, украшение человека:

Счастлив человек, обретший мудрость (Притч 3:13).

Лучше мудрость обрести, чем серебро, ибо она золота ценнее (Притч 3:14).

...это — великолепный венец на главу твою, ожерелье тебе на шею (Притч 1:9).

Наградой за мудрость являются:

- долгоденствие («Ибо это продлит тебе дни и годы, благоденствие твое умножит» (Притч 3:2));
- изобилие («и исполнятся твои кладовые изобилия, переполнит давильни молодое вино» (Притч 3:10));
- богатство и почет («В правой руке у нее — долгоденствие, а богатство и почет — в левой» (Притч 3:16)).

Главный акцент библейского понимания мудрости заключается в том, что Бог является источником всякой мудрости, и именно Ему, а не человеку, необходимо воздавать честь. Кроме того, мудрость в сочетании со скромностью является важным аспектом осмысления социальных понятий стыда и чести. Отказ от признания сакральных или социальных авторитетов в этом вопросе свидетельствует об отсутствии мудрости.

Мудрость в русской литературе рубежа XX–XXI веков

Далее рассмотрим, как выделенные три семантические группы реализуются в современной русской литературе. Неоднократно отмечалось, что несмотря на долгие годы официального атеизма, русская художественная проза сохранила религиозную напряженность, отчасти благодаря связи с литературой Серебряного века, отчасти вопреки официальному запрету на религию. Авторами прозы XX–XXI вв. слово *мудрость* преимущественно используется в составе устойчивых словосочетаний наподобие *народная мудрость*, *восточная мудрость*, *мудрость веков*, *древняя мудрость*. Мудрость предполагает некое обобщение предшествующего опыта человечества и воспринимается как безусловная аксиома, которая не требует доказательств и всегда подтверждается. Такие формулировки, как *мудрость Экклезиаста*, *мудрость Священного Писания*, *книжная мудрость* и т.д., связаны с мотивом книжности, образованности, причастности к неким знаниям. Кроме того, существует понятие о житейской мудрости, которая представляет собой свод правил человеческого общежития, учит правильно выстраивать отношения между людьми.

Бытовая мудрость в прозе выбранного периода представлена зачастую как свод правил поведения, как «народная мудрость», которая противостоит мудрости книжной. Однако эта «народная

мудрость» представлена зачастую в негативном свете, как значительное упрощение и даже опошление смыслов: «...ее житейская мудрость, уплощающая все и вся, переводящая в двухмерность даже Господа Бога, — эта житейская мудрость, такая же спокойная, медлительная и неодолимая, как асфальтовый каток» (Палей, 2010). Характеристиками такой мудрости являются жадность, корыстолюбие, пошлость: «...жизнь быстро преподала ей мудрость оптовых закупок в условиях социализма, победившего самого себя» (Евтушенко, 1998).

В свете искажения и деградации понятия «народ» связанное с ним понятие мудрости также опошлилось и обесценилось. Народная мудрость перестает быть основой этического поведения человека и этического мира, становится предметом иронического отстранения, словесной игры, не предполагающей какого-либо откровения: «Люди верят в мудрость древних, а в мудрость инопланетян — тем более» (Чулаки, 2002).

В сравнении с Библией в русской прозе происходит и нивелирование значения мудрости как абсолютного знания, к которому необходимо стремиться как к источнику подлинного счастья и богатства. Знание на рубеже XX–XXI вв. высмеивается в качестве недоступной и абсурдной единицы. Соответственно, Бог, как источник мудрости и счастья, больше не рассматривается в русской прозе в серьезном контексте, происходит развенчивание самого пути познания мудрости, да и сама мудрость выглядит несколько сомнительно: «Она прошла сквозь горнила корпоративов и революций, разочаровалась в земных путях, а затем много лет медитировала в лучших пещерах Гималаев и Тибета, где обрела запредельную мудрость, которой делится теперь со зрителем. Одна мудрость в час!» (Пелевин, 2016, с. 98).

Трансформируется и сакральный образ мудрости. Присущий человеку поиск высших смыслов упирается в крайне низкое «качество» потребностей. Фактически сакральная мудрость низводится до материального уровня быта, плоти и удовлетворения ее потребностей: «...теперь тайны Тибета упоминались лишь применительно к аптеке, кухне и затеям под одеялом (восточная мудрость проникла решительно во все)» (Быков, 2020, с. 108).

Таким образом, современная художественная проза критически осмысливает все библейские смыслы концепта МУДРОСТЬ, пародирует их, иронически отчуждает. Безусловно, художественная проза XX–XXI вв. — неоднородное явление, и требуется более тщательный анализ всех случаев употребления. Однако можно

отметить тенденцию к определенному духовному кризису, который связан, с одной стороны, с запросом на мудрость, понимаемую как высший абсолютный смысл, и с разочарованием в предлагаемых культурой традиционных смыслах. Возникает парадокс: писатель ищет высшего смысла, отталкиваясь от имеющихся в наличии абсолютов, которые подвергаются критике, высмеиванию и обесцениванию.

Заключение

В завершение небольшого обзора восприятия концепта МУДРОСТЬ в библейской и современной русской литературе хотелось бы отметить перспективность данного направления исследований. Даже самый поверхностный анализ показал неоднородность семантического содержания концепта, как в античном религиозном, так и в современном популярном дискурсах. Очевидно, что все выявленные смыслы необходимо тщательно сопоставлять с учетом мотивационных и идеологических контекстов. Также было бы интересно проследить рефлексию читателя Библии и художественной прозы относительно содержания концепта МУДРОСТЬ. Нами был проведен опрос студентов 17–25 лет, целью которого являлось выявление восприятия семантического содержания концепта в независимой ассоциации, а также корреляции предложенных высказываний сознанию молодежи. Результаты данного опроса требуют тщательной обработки и будут представлены в виде самостоятельного исследования.

Источники

- Библия. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2011.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
- Быков Д. Орфография. Опера в трех действиях. М.: АСТ, 2020.
- Евтушенко Е. Волчий паспорт. [1998.] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=681450&p=39> (дата обращения: 27.04.2021).
- Палей М. А. Хор. Роман-притча // Волга. 2010. № 7–8. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2010/7/hor-2.html> (дата обращения: 27.04.2021).
- Пелевин В. Любовь к трем цукербринам. М.: Азбука-классика, 2016.
- Чулаки М. Примус // Звезда. 2002. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2002/1/primus.html> (дата обращения: 27.04.2021).

Литература

Алексеев А. А. Текстология Нового Завета и издание Нестле-Аланда. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.

Mack B. L. Logos und Sophia. Göttingen: [S. n.], 1973.

Энциклопедии

Encyclopedia of Hebrew language and linguistics: in 4 vols. / Ed. by G. Khan. Vol. 3. Koninklijke: Brill, 2013.

Трансформация тематических направлений научно-популярного дискурса

В данной научной статье изложена точка зрения на факторы, обусловившие трансформацию тематических направлений научно-популярного дискурса. В статье обозначены проблемные аспекты научно-популярного дискурса. Авторы делают вывод, что эволюция научно-популярного дискурса характеризуется регрессией. Падение тиражей научно-популярных журналов на фоне процветания журнальной индустрии — следствие снижения интереса общества к науке, падения престижа науки. Запросы потребителя, определяющие редакционную политику научно-популярного журнала, сосредоточены на лже-, псевдо- и паранаучном знании, что является в настоящее время общемировой проблемой. В настоящее время российскому обществу как никогда нужна общенациональная идеология — здоровое чувство Родины, уважения к своей земле. Возродить ценности может научно-популярный журнал, если выберет приоритет просветительской миссии. Результаты исследования научно-популярных журналов показывают, что данный сегмент медиарынка обладает потенциалом. Возможно появление новых успешных проектов. Например, не насыщена ниша исторических журналов и в целом более широкая ниша популяризации инновационной журналистики.

Ключевые слова: трансформация, традиция, научно-популярный дискурс, знание, контент.

V. Yu. Golubev, A. N. Teplyashina

Transformation of thematic areas of popular science discourse

This paper discusses the factors that led to the transformation of thematic areas of popular science discourse. The article identifies problematic aspects of popular science discourse. The authors conclude that the evolution of popular science discourse is characterized by regression. The decline in circulation of popular science magazines against the background of the flourishing magazine industry is the consequence of declining public interest in science and its decreased prestige. Consumer demands affecting the editorial policy of the popular science magazine are focused on false, pseudo and parascientific knowledge, which is currently a worldwide problem. At present, Russian

society needs a nationwide ideology more than ever — a healthy sense of the Motherland, respect for its land. A popular science magazine can revive these values if it chooses to make an educational mission its priority.

Keywords: transformation, tradition, popular science discourse, knowledge, content.

Наблюдая за процессом трансформации научно-популярного дискурса, отметим, что концепции исследования категории трансформации характеризуются:

- разнообразием подходов к процессу трансформации;
- интересом ко всему спектру направлений трансформации;
- вниманием к диалогу с читателем, аспектам понимания;
- смещением координат на текстовую, формальную стороны трансформации контента;
- переносом смысловой нагрузки с сущностного содержания на его форму;
- выявлением многозначности трансформации и ее соотношением с традицией.

Нельзя не согласиться с И. М. Дзялошинским, утверждающим, что в современном мире мы встречаемся с явлениями детрадиционализации [Дзялошинский, 2017, с. 216]. Среди факторов, определяющих преодоление традиции и как результат — трансформацию тематики контента научно-популярного медиадискурса, можно выделить общекультурные и экономические, возникшие на фоне формирования нового глобального порядка.

Научно-популярный журнал как пространство медиадискурса представляет собой интеллектуальный ресурс, который должен удовлетворять потребность в знании. Существует гипотеза, выдвинутая Альбертом Шапиро, о полураспаде знаний — временном периоде после завершения обучения, в течение которого теряется половина первоначально усвоенной информации (см.: [Карпов и др., 2011, с. 57]). В этом случае для обновления знаний необходимы специализированные журналы. Современный научно-популярный журнал адаптирует знания в креативной, даже игровой, форме, однако это не означает, что ему должна быть свойственна развлекательная функция. Вопрос эффективности научно-популярных журналов сегодня связывают с задачей монетизации контента, забывая при этом, что данный коммуникативный канал чрезвычайно значим для результативности науки. Тем более если в повестке дня стоит распространение знаний о действительности, борьба с лженаукой.

Знание во все времена являлось ценностью. Традиционно наука занимала высокое положение в российском обществе, была включена в публичную сферу. Соответственно, научно-популярный журнал отличали такие качества, как оригинальность, эксклюзивность, достоверность. В современных условиях давление экономики на массмедиа, ориентация на монетизацию контента обуславливает другие приоритеты.

Весь универсум духовного производства начинает подчиняться требованиям экономической эффективности и денежной прибыли. Так, под давлением экономического поля формируется «основное противоречие» поля журналистики — между необходимостью накапливать высокий специфический капитал известности за счет профессионализма, признания в профессиональных и интеллектуальных кругах и потребностью отвечать логике экономического капитала, приносить прибыль любой ценой.

Ряд ученых считают, что роль журналистов, специализирующихся на освещении научной тематики, отслеживающих события в сфере науки, не ограничивается и не должна ограничиваться только информированием, оповещением аудитории о появлении новых продуктов в этой области или открытий. Главная роль журналиста (и ученого, если он является автором материала в СМИ) при создании просветительских научно-популярных текстов — роль популяризатора. Однако, по справедливому утверждению Н. А. Гуторовой, наука как социальный институт сталкивается с проблемами мошенничества и псевдооткрытий, деятельность отдельных ученых и учреждений оказывается в центре скандалов. Гуторова указывает на проблемные аспекты научно-популярного дискурса, считая, что «подобные темы вызывают общественный резонанс, при этом не требуют особой подготовки от аудитории или самих журналистов» [Гуторова, 2019, с. 71].

Е. Л. Вартанова также признает, что массовая аудитория современных СМИ зачастую не обладает достаточным уровнем научных знаний, и потому на журналистах «лежит огромная ответственность за корректное, достоверное, объективное информирование общества о состоянии науки, точно так же, как и ответственность за поступательное общественное развитие, которое невозможно в условиях полной научной безграмотности аудитории» [Вартанова, 2015].

А. Л. Темницкий и А. С. Мороз пишут о противодействии распространению лженаучных знаний. Они отмечают, что «распространение лженаучного знания в современном обществе рассматривается как перманентный процесс, преодоление которого с учетом нынеш-

него развития института науки, отношения государства, бизнеса и общества к науке невозможно» [Темницкий, Мороз, 2018, с. 69]. Свою точку зрения ученые подтверждают результатами исследования респондентов, выбранных по четырем основным сферам занятости: журналистика, занятия наукой, преподавание в вузе и собственно популяризация науки. Авторы статьи, сравнивая результаты, пришли к выводу о том, что под влиянием рекламы, политики СМИ люди чаще сталкиваются с народными целителями, магами, экстрасенсами, астрологами, психотерапевтами типа Кашпиrowsкого, журналистами-политологами, авторскими и художественными интерпретациями истории, чем с представителями подлинного научного знания. Этому в немалой мере способствуют и сами ученые, все чаще обслуживающие интересы крупных корпораций, но не общества. А. Л. Темницкий и А. С. Мороз считают, что даже при успешном решении указанных проблем дальнейшего распространения лженаучного знания не избежать. Возможно, это связано с тем, что лженаучное знание во многом порождается спецификой современного общества и развитием института науки, что объективно способствуют усилению дисперсии знания, а лженаука, как и теневая экономика, имеет дисфункциональные и функциональные последствия.

С. В. Тихонова указывает на ряд фактов, свидетельствующих о конкуренции научного и лженаучного трендов в неформальном знании, сформированном в социальных сетях, и получении «новых данных о механизмах внедрения научного знания в пространство сетевой коммуникации в эпоху постправды» [Тихонова, 2018, с. 288]. С. В. Тихонова отмечает, что аудитория выбирает не между наукой и лженаукой, а между наукой интересной и понятной и наукой скучной и сложной. Упомянутые С. В. Тихоновой ученые М. Л. Бианка и П. Пиккари внесли значимый вклад в исследование парадигмы научного знания [Bianca, Piccari, 2015]. Они обосновывают концепцию, в соответствии с которой обычное знание — это форма знания, не только позволяющая эпистемически получить доступ к миру, но и включающая разработку его моделей с различной степенью достоверности. С. В. Тихонова и Н. В. Гришечкина, ссылаясь на мнение Н. Штер, подчеркивают, что «вместо того, чтобы быть источником достоверных знаний и уверенности, современная наука в первую очередь является источником неуверенности и общественно-политических проблем» [Гришечкина, Тихонова, 2018, с. 128]. Более того, исследователи указывают, что энергия адресанта трансформируется в энергию адресата, который воспринимает лженаучную сенсацию как верифицированный факт.

Признавая значимость широкого круга медиаисследований, посвященных научно-популярной журналистике, важно обратить внимание на то, что в последнее время ученые сконцентрировали внимание на роли медиа в распространении антинаучных взглядов. Если изначально в научно-популярной прессе доминировал экологический дискурс, то сегодня востребованными оказываются медиатексты с информационно-развлекательной интенцией. Падение тиражей научно-популярных журналов на фоне процветания журнальной индустрии — следствие снижения престижа науки, интереса общества к науке. Запросы потребителя — главный регулятор редакционной политики и переформатирования контента научно-популярного журнала.

В последние десятилетия XX в. научно-популярный журнал как тип издания значительно изменился, параллельно с инновационной трансформацией технологий его производства и ориентацией на массового читателя. Самую большую прибыль журналу дают поступления от рекламы, но этот источник всегда зависит от выбора аудитории. Таким образом, редакция стремится к тому, чтобы ее журнал стал необходим для читателя как помощник в поиске стиля жизни.

Межкультурные связи с Европой и США сформировали в отечественной журналистике научно-популярный медиадискурс о путешествиях как стиле жизни. В данном случае роль транслятора выполнили научно-популярные бренды тревел-журналистики США и Западной Европы — «National Geographic», «GEO», «Conde Nast Traveller». В соответствии с концепцией данной формально-содержательной модели был реализован проект нового издания «Всемирный следопыт» и трансформирован старейший российский журнал «Вокруг света». Однако ребрендинг, который провел некоторое время назад «Вокруг света», не принес ожидаемых дивидендов. С точки зрения эффективности информационно-коммуникативной роли журналистики исследователи отдают предпочтение прежде всего содержанию. Исследуемые журналы удовлетворяют три основные потребности аудитории: информационную, образовательную, развлекательную. При этом все потребности удовлетворяются с помощью содержания, которое в любом случае является информацией. Информация и знание — это невещественные блага, важнейший экономический ресурс и фактор хозяйственной деятельности. Но проблема заключается в том, что концептуальное содержание журналов «National Geographic», «GEO», «Conde Nast Traveller» — это инфотейнмент, насыщенность рекламой, сенсационность новостей о тех местах на планете, которые популярны в качестве объектов

международного туризма. Особенностью концепции этой разновидности научно-популярных журналов является ориентация на потребление. Показатели конкурентоспособности, эффективности и прибыльности такого журнала зависят от аудитории, заинтересованной в информации об услугах отелей, потребителей, нацеленных на получение удовольствия от посещения популярных объектов туризма, шоппинга, знакомства с национальными кухнями. В результате активного развития тревел-сегмента происходит трансформация научно-популярных журналов в издания жанра life style, которые Э. Тоффлер сравнил с фабриками, производящими стили жизни [Тоффлер, 2002]. Если интерес бизнеса к научно-популярным журналам в целом снижается, то журнал, диверсифицировавший контент в формате «глянца», сохраняет свои позиции благодаря ориентации на общество потребления.

Специфика той или иной разновидности научно-популярного журнала как медиапродукта заключается в том, что потребление его по сравнению с любыми другими продуктами в огромной степени зависит от идеологических установок потребителя. В данном случае потребительской стоимостью является сама возможность получить информацию о других странах как потенциальных местах проведения отпуска, о здоровом образе жизни, об историях из жизни известных людей, а полезностью — степень удовлетворения этой потребности, которая для каждого потребителя будет различной в зависимости от сложившихся у него представлений. Когда контент формируется благодаря изобилию фотографий и иллюстративной графики, необходимость в аргументации уходит на второй план.

Процесс глобализации создает условия для быстрого обмена научной информацией и увеличивает ее объем в медийном пространстве. Следовательно, научно-популярные журналы становятся одними из ключевых медиа, охватывающих большую аудиторию. Однако параллельно с научной информацией существует фейковый, лженаучный контент. Распространение лже-, псевдо- и паранаучного знания в современном обществе является общемировой проблемой. Концептуальное содержание научно-популярной прессы на протяжении столетий отличалось приверженностью науке. Это был интеллектуальный ресурс, удовлетворявший потребность в научном знании. Наука производит особые информационные продукты, выражаемые в специализированных языках. Современный научно-популярный журнал адаптирует знания в креативной форме. Вопрос эффективности научно-популярных журналов выступает прежде всего как проблема оптимизации функционирования.

Продуктом науки является знание, но наука не единственный источник знания. Вненаучные формы познания также претендуют на роль источников знания, но не всегда являются таковыми на самом деле. Существует множество форм вненаучного познания: обыденное познание, искусство, религия, эзотеризм, мистическое созерцание, интуиция, медитативное усвоение «полного знания». Наука всегда стремилась отделить себя от вненаучных форм познания, подчеркивая свою уникальность в отношении к истинному знанию. Особенной критике в этой связи подвержены формы деятельности, в чем-то похожие на науку, но по существу отличные от нее: псевдонаука, лженаука и др.

Термином «псевдонаука» определяют имитацию научной деятельности. Мы здесь отвлекаемся от паразитирующего на науке мошенничества, которое является предметом изучения социологии. Иными словами, если говорить об отношении самого исследователя к такой деятельности, то псевдонаука — это скорее имитация науки, не осознаваемая как таковая. В отличие от науки, псевдонаука не приносит нового знания. Почти всегда авторы псевдонаучных исследований не осознают их ущербности и отстаивают истинность своих суждений.

Критерии псевдонауки существуют; в частности, это универсальность, глобальность и ниспровергающий характер выдвигаемой теории, непрофессионализм, агрессивность и алогичность утверждений. Один из главных критериев псевдонауки — использование научных терминов в смысле, который не является общепринятым. Псевдонаучные работы часто возникают из-за недостатка взаимодействия автора с той частью научного сообщества, которая является носителем терминологии данной области науки. Чтение же научно-популярной литературы и журнальных научных публикаций без многолетней предыстории работы в состоявшемся научном коллективе не дает правильного представления о смысле терминов. Поэтому возникают тексты, имеющие видимость правильных научных текстов: использованы те же самые термины, однако уяснить смысл фраз не получается вследствие неясности нового смысла, приданного терминам. Иногда результатом подобных авторских рассуждений бывают и осмысленные утверждения, но они, как правило, ошибочны в силу вывода на основе порочной терминологии. Стоит отметить, что дилетантизм не единственная причина псевдонаучных работ и часть их обусловлена профанацией, девиантной психикой и др.

Термин «паранаука» главным образом используется для обозначения деятельности, внешне похожей на науку, но далеко не соот-

ветствующей идеалам научности. При этом термину придается ясный социальный, практически всегда негативный оттенок.

Общеизвестной тенденцией, хотя и не истиной в последней инстанции, стал рост недоверия к СМИ в условиях стремительного увеличения объемов транслируемой информации. В. В. Хорольский отмечает как факт «сокращение числа компетентных читателей» [Хорольский, 2012, с. 21–22].

Серьезная журналистика переживает кризис, одной из причин которого стала мода на легкое чтение (кризис массовой рецепции). Социокультурный фон современного медийного бизнеса таков, что текст должен быть одновременно и информативным, и развлекательным.

Научный и научно-популярный дискурсы четко маркированы. Контент научно-популярных изданий связан с формированием картины мира, представлен такими темами, как геронтология, здоровый образ жизни.

Стандартные приемы освещения события науки — опора на документ, рациональная аргументация, сопоставление точек зрения и т. д. Все, что происходит в научном мире, так или иначе находит отражение в средствах массовой информации, в том числе универсальных изданий, для которых важные научные открытия являются неординарными событиями, часто сенсациями. По словам многих журналистов, статьи о клонировании, генной инженерии, модифицированных продуктах, глобальном потеплении, нанотехнологиях и т. п. были для них школой профессионального мастерства.

Научно-популярные издания, в отличие от научных, не могут глубоко интерпретировать эксперименты, но могут их популяризировать, привлекая внимание массовой аудитории. Однако фактом остается сокращение числа компетентных читателей. Измерение качества развлечения настолько просто, что потребители могут мгновенно определить, является ли развлекательным продукт. СМИ стремятся удовлетворить потребности аудитории в развлечении и информации одним продуктом. Если качество развлекательной составляющей контента потребителю оценить легко, то определить, точна или правдива информация, не всегда удается.

Медийность текстов научного, научно-популярного и псевдонаучного (любительского) дискурса базируется на противоречиях: правда — ложь, событие — псевдособытие (непропорциональное соотношение реальности и домысла), сенсация. В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, растет спрос на

сенсационную информацию, представляющую мир в упрощенном виде. Научно-популярная журналистика переживает кризис, одной из причин которого стал кризис массовой рецепции. Псевдонаучный дискурс о теории плоской Земли, об инопланетянах, об искусственном происхождении вирусов, древних чудовищах в озерах инспирируют аффективные реакции массовой аудитории. Экстралингвистические факторы научного и научно-популярного дискурса — научный поиск, выдвижение и обоснование научных гипотез, формирование и выражение научных понятий, популяризация научных фактов и процесса исследований. Однако довольно частотны тексты, при анализе которых можно прийти к выводу, что их фактологическая ценность равняется нулю. Вслед за А. А. Ефановым охарактеризуем модель псевдонаучного контента: «тенденциозность освещения событий — смещение акцентов, замалчивание деталей... стигматизация, усиление эмоционального ряда ввиду отсутствия или нехватки фактологических данных» [Ефанов, 2018, с. 157].

Итак, научно-популярный журнал приобретает черты бульварной прессы: невысокое информационное качество материалов, сенсационность, отсутствие аналитичности. Эволюция тематики научно-популярного контента заключается в движении по нисходящей: от серьезного, научного содержания к текстам, формирующим стиль жизни, связанный с путешествиями, получением максимума комфорта и удовольствия. Аудитории предлагается легкое чтение с акцентом на сенсацию и темами уровня бульварной журналистики. Некомпетентные читатели не могут отличить правды от вымысла, при этом увлекаются сенсационным материалом, а именно на этом и строится информационная и рекламная политика СМИ, позиционирующих себя как научно-популярные.

Научно-популярная журналистика должна обратиться к традициям медиатора знаний как нормы и ценности культуры в своих профессиональных сферах.

Литература

- Вартанова Е. Л. Колонка редактора // Медиатренды. 2015. № 1 (50). С. 1.
- Гришечкина Н. В., Тихонова С. В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 123–138.
- Гуторова Н. А. Взаимодействие расследовательской и научной журналистики при создании медиатекстов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16, вып. 1. С. 66–74.

- Ефанов А. А.* Функционирование псевдоновости в полях телевидения и Интернета: типология, практики, социальные эффекты // Коммуникология. 2018. Т. 6, № 1. С. 156–165.
- Тихонова С. В.* Конкуренция науки и лженауки в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. № 3. С. 287–291.
- Темницкий А. Л., Мороз А. С.* Потенциал популяризаторов науки в противостоянии лженаучному знанию // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 3 (23). С. 62–74.
- Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М.: АСТ, 2002.
- Хорольский В. В.* Зарубежная публицистика в эпоху постмодерна. Проблемы анализа медийных дискурсов. Воронеж: Кварта, 2012.
- Bianca M. L., Piccari P.* Epistemology of Ordinary Knowledge. Cambridge Scholars Press, 2015.

Учебная литература

- Дзялошинский И. М.* Современное медиапространство России: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2017.
- Карпов В. В., Белова Е. В., Васильева С. А.* Психология предпринимательства: учеб. пособие. СПб.: ИЭО СПбУТУиЭ, 2011.

V. S. Grigorieva, T. V. Mordovina
Tambov State Technical University

V. V. Zaitseva
Tambov State University named after G. R. Derzhavin

E. Yu. Vyguzova
Tambov State Technical University

Cognitive aspects and mechanisms of argumentation in media discourse

The cognitive approach to the study of argumentative discourse made it possible to present the process of argumentation, taking into account all types of knowledge involved in its organization: thematic, scenario, sociocultural, ethnocultural, interactional, personal, phatic, linguistic. The integrability of the speech impact format is presented in the form of a cognitive matrix that unites the relevant areas of knowledge as its components. The article analyzes the algorithm of speech influence from the position of the addressee. It has been proved that the effectiveness of understanding and persuasion in media discourse is ensured by the correlation of discursive coordinates within the framework of a single integrative format of speech impact. The use of the method of discursive matrix analysis made it possible to identify the cognitive mechanisms involved in the creation of the effectiveness of persuasion: profiling, conceptual metaphor and conceptual metonymy, mechanisms of comparison, creation of reliability, activation of knowledge, assessment, specification or concretization. It is shown that some of them, for example, profiling, underlie spin-doctoral technologies.

Keywords: media discourse, argumentative discourse, cognitive mechanism, profiling, speech impact.

В. С. Григорьева, Т. В. Мордовина,
В. В. Зайцева, Е. Ю. Выгузова

Когнитивные аспекты и механизмы аргументации в медиадискурсе

Когнитивный подход к исследованию аргументативного дискурса позволил представить процесс аргументации с учетом всех типов знаний, задействованных в его организации, а именно: тематических, сценарных, социокультурных, этнокультурных, интеракционных, личностных, фатических, языковых. Интегративность формата речевого воздействия представлена в виде когнитивной матрицы, объединяющей соответствующие области знания в качестве ее компонентов. В статье

проанализирован алгоритм речевого воздействия с позиции адресата. Доказано, что эффективность понимания и убеждения в медийном дискурсе обеспечивается соотнесенностью дискурсивных координат в рамках единого интегративного формата речевого воздействия. Применение методики дискурсивно-матричного анализа позволило выявить когнитивные механизмы, участвующие в создании эффективности убеждения: профилирование, концептуальную метафору и концептуальную метонимию, механизмы сравнения, создания достоверности, активизации знаний, оценки, спецификации или конкретизации. Показано, что некоторые из них, например профилирование, лежат в основе спин-докторинговых технологий.

Ключевые слова: медиадискурс, аргументативный дискурс, когнитивный механизм, профилирование, речевое воздействие.

Media discourse, which, in its essence, in a latent or explicit form, is an argumentative discourse, is created by a linguistic person to solve certain problems. The dominant in the organization of argumentative discourse, representing communication between an individual or a group of individuals and a specific audience, is a pronounced focus on influencing the consciousness of the audience and making changes in the model of the world of addressees or addressees, which is knowledge, beliefs, faith, and the emotional state of communicants. Intentional tasks in this case determine the choice of specific cognitive structures and the corresponding means of their representation in language. We understand cognitive structures as knowledge of a thematic, socio-cultural, ethnocultural, personal, phatic, linguistic nature, in accordance with which the addressee chooses the appropriate speech strategies, tactics and cognitive mechanisms of influence.

The history of the study of argumentative discourse is characterized by a **logical approach**, first of all, where the main attention is paid to the significance of arguments, the didactic deducibility of conclusions from messages (A. P. Alekseev, G. A. Brutyan, A. A. Ivin, T. A. Krivonosov and etc.). **Pragma-linguistic approach** allows us to talk about strategies, tactics and speech acts of argumentative discourse [Golubev, 1996; 2006; Grigorieva, 2007; 2008a; 2008b; Eemeren, Grootendorst, 1994]. **Cognitive approach** makes it possible to create an integrative format of speech influence in discourse, since it takes into account not only linguistic knowledge, but also socio-cultural, ethnocultural knowledge, knowledge of the intended audience [Golubev, 1996], its professional training and emotional state, as well as knowledge of the most effective speech tactics and strategies for the corresponding speech situations, i.e. for certain discursive genres and practices (for more details see: [Boldyrev, Grigorieva, 2020; Grigorieva,

2018]). Thus, argumentation as a speech impact on the mental sphere of communicants is the object of a global and interdisciplinary synergetic theory of speech impact, requiring a synergetic approach to its study.

In media discourse, the addressee realizes himself as a linguistic personality, demonstrating his extralinguistic, linguistic and communicative competence. His knowledge, ideas, his epistemic, emotional state, as well as his social status and his social roles are involved. Media argumentation can be characterized as one of the mental processes, accompanied by a call from memory, from the knowledge base of generalizing frames. As a result, the thesaurus part of the information is activated. Argumentation, therefore, is a part of the general model of human activity, and the argumentation process is a way of processing beliefs in the cognitive system of an individual. The messages in the form of complex social representations, concepts during argumentation remain in implication, but they determine the strategy and tactics of communication, “guide” the choice of linguistic, lexical, grammatical, and stylistic means. The cognitive approach to the study of speech impact allows us to show how different types of knowledge “are represented in vocabulary and syntax, in particular, how the relationship is established between the structure of a “certain state of affairs” in reality (events) and the structure of a sentence-statement, as well as what principles and mechanisms are involved in this process” (author’s translation) [Furs, 2007, p. 381].

The anthropocentricity of media discourse is manifested in the intention of the initiator of speech impact, in the choice of conceptual content and linguistic means of its presentation, i.e. corresponding cognitive and linguistic coordinates. This determines the principles of discourse formation, which include: thematic, subjective, instrumental, intentional, anthropochronotopic. **The thematic** principle of discourse formation predetermines its thematic content. **The subjective** principle emphasizes the personal knowledge used by communicants. **The instrumental** principle of discourse formation reveals the strategies and tactical techniques used by speakers to achieve their goals, motives and desires. **The intentional** principle establishes the goal of speech impact, i.e. the addresser’s macrointention.

The integrativeness of the speech impact format can be represented in the form of a cognitive matrix that unites the relevant areas of knowledge as its components or coordinates that reveal the main characteristics of discourse. Each type of knowledge is represented in the discursive matrix (fig. 1) by the corresponding coordinates. The relationship between the variables of a given system, in other words, the interaction of concepts, is a quantitative or qualitative description of the influence of one variable on others. The matrix connects all the components of speech influence

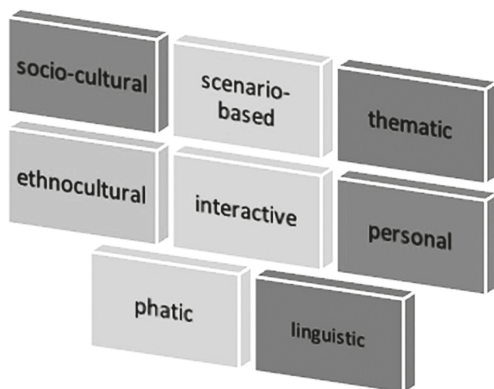

Fig. 1. Discursive matrix

into a single integral system, which explains the choice of certain linguistic means by the communicant, and allows predicting the speech behavior of individuals in certain situations. Matrix systems are not constant. They, like other material and spiritual structures, are subject to change, obsolescence and improvement. In the process of verbal communication in the consciousness of each specific linguistic personality, the matrix is “re-loaded” in accordance with its individual thinking and linguistic abilities.

The thematic coordinate sets the concepts with which the author of the article, in accordance with the norms and rules of the language of production, carries out the thematic design of the discourse.

The cognitive structures that control communicative action are usually organized in the form of scenarios based on the dominant scenario knowledge represented by the **scenario** coordinate.

The interactive coordinate is represented by communicatively relevant knowledge in the form of schemes, frames and scenarios of speech and non-speech impact. On the assumption of this knowledge, the communicant develops his discursive strategies and chooses appropriate tactics to implement his goals and intentions.

Personal knowledge is presented in a discursive-matrix format with a personal coordinate. The author of the article, as a rule, has an idea of the audience to which he is referring.

The linguistic abilities of a person, however, are determined not only by his individual qualities, but also by his belonging to a particular social group. Knowledge about the social mind and culture of the interlocutor is presented in the format of speech impact by the socio-cultural coordinate. This coordinate of the organization of speech impact, presupposes, first of

all, taking into account the knowledge gained in the context of a certain society or culture, as well as the associated understanding of status-role relations.

Due to national and cultural characteristics, the world around us is structured and categorized in the minds of representatives of different nationalities in different ways. Ethnocultural knowledge, represented by an *ethnocultural* coordinate, is formed mainly by collective knowledge developed by certain nationalities and reflected in the language due to the ability to highlight the essential properties of an object, which are manifested, first of all, in the practical activity of a person and are fixed in the reflective consciousness of not an individual image of this object, but only of its most important or essential properties at this stage of cognition.

One of the types of knowledge that determines the construction of media discourse is the knowledge of how to build communication, what statements should be used in order to organize and manage the content and design side of the discourse. Such knowledge is presented in a discursive format by a *phatic* coordinate.

The linguistic knowledge represented by a *linguistic* coordinate, in its turn, constitutes part of the representable knowledge of the world. In this case, it is meant as knowledge of the language, i.e. knowledge related to the possession of a language by its speaker, and as knowledge of the language as a set of linguistic knowledge of a native speaker, which is a necessary prerequisite for language proficiency itself, as well as knowledge in language — knowledge of the world in the language, i.e. reflection in the language of other realities — real and virtual.

With the help of the discursive matrix, it becomes possible to identify, describe and systematize the structures of representation of various types of knowledge, as well as their influence on the language strategies for the development of discourse, understanding and effectiveness of discourse.

Argumentation as a way of speech influence is carried out through the activation of interactive frames of stereotyped situations — speech tactics. The solution to the problem in argumentative discourse is to search for complex nominative, interactive and regulatory means capable of changing the initial cognitive state of the interlocutor. Thus, the creative activity of a person in this case is aimed at transforming the world and society.

As a result of the appropriate comparison of the complexes of knowledge, the communicants select nominative and communicative strategies and tactics of influence that are adequate, in their opinion, to the actual discourse conditions. As noted by E. S. Kubryakova, “Any situation can be described in different ways; different ways of coding it and portraying it mean that its conceptualization is carried out in accordance with its differ-

ent vision: it is not just reflected by a person, it is 'constructed' by him/her in a certain way [Kubryakova, 2012, p. 196]. Let's consider the algorithm of speech impact from the position of the addressee.

The information that the addressee receives in the course of communication is filtered and interpreted by using cognitive analogs that exist in the human mind. First of all, what is said by the interlocutor, what is important and interesting for him, is processed. Comparing what has been said with collective knowledge about the world, using the patterns he has as a member of a certain linguocultural community for processing information, the addressee interprets what has been said through the prism of the peculiarities of his own individual picture of the world and the system of values he has assimilated. The information obtained can be grouped and classified in accordance with prototypes in different individuals in different ways, which is due to the difference in their combination, the individual characteristics of a single object of perception, the specifics of the information possessed by the addressee. The task of the addressee, after clarifying the meaning of what has been said, is to determine why, for what purpose this speech effect was carried out, even if the purpose of the utterance is expressed by the addressee explicitly, since it may be false.

Let's dwell on the cognitive mechanisms used by the addressee in order to create the effectiveness of persuasion. The cognitive mechanism in the study of lexical and grammatical concepts was one or another way of highlighting and representing specific characteristics of a concept. This definition of the cognitive mechanism in relation to the conceptually complex format of knowledge of a particular communicative situation will be clearly insufficient, since the process of forming the meaning of the statement and manipulating the audience's consciousness is not limited to the unambiguous selection of a separate element of the situation. The range of cognitive mechanisms involved in the formation of media discourse is still waiting to be explored. In this article, we will try to describe and analyze the cognitive mechanisms that are most often encountered in media discourse. Analysis of media discourses of a news nature made it possible to establish that the cognitive mechanisms that ensure the process of organizing media discourse are: profiling, perspectivization, inference, generalization, specification, conceptual metaphor and conceptual metonymy, addition of knowledge, activation of knowledge, assessment of events and beliefs, comparison, implication, causation. They are due to the intention of the author of the statement and the cognitive scheme of communication and content structuring chosen by him. We will demonstrate some of them.

One of the main mechanisms is **profiling**, based on the works of R. Langacker on the allocation of a separate element from the base

according to the figure-ground principle. The concept of **perspectivization**, introduced by C. Fillmore, in parallel with the concept of profiling by R. Langacker, differs, however, by the greater emphasis on one or another part of the cognitive context. R. Langacker's cognitive model is closely related to the term "lateral thinking". Profiling is the imposition of a profile on a foundation, i.e. selection of a separate element from this base. The result of this process is the establishment of the figure-ground relationship. The figure is a conceptually moving object in the center of attention, and the background is the basis for concentration, focusing attention. R. Langacker notes that the "figure/background" relationship is not established exactly once, but it can be "restructured", which he illustrates with the example of a black square and a white point [Langacker, 1987, p. 126]. When forming a discursive meaning, the author of a media discourse brings to the fore those characteristics of concepts that, in the addresser's opinion are most fully fulfill his intention. At the same time, with the help of carefully selected linguistic units, one can "technologically" change the addressee's evaluative "sign of perception" of one or another fact (event, phenomenon) to the opposite.

Manipulation of internal (mental) states is conditioned by the framework of the use of certain "mental constructions" (frame configurations, frames) that allow understanding and interpreting social reality on the basis of a cyclical, socially conditioned repetition of a meaningful model of reality. Coding in the form of mental structures can fix and widely disseminate the image of what, with the help of discursive reality, the individual is able to reproduce and see as an addressee. Variation in argumentation is manifested when the addressee uses non-stereotypical models of argumentation. At the same time, the change of position is not understood radically: the state of things and the facts in reality remain the same, with different approaches, only different sides of this reality are actualized. With the manipulative actualization of one of the slots of the considered frame space, the remaining slots can recede into the background or consciously displaced by the addressee to the periphery of the thematic space.

The profiling of individual slots of a particular frame configuration, a certain piece of knowledge in the structure of the frame associated with a given word, different ways of nominating the same object, action or phenomenon create the basis for manipulative technologies called spin-doctoring (from the English "spin-doctor"), the foundations of the theoretical origins of which are considered the ideas of French structuralism of the 1950s "about the identity of language and consciousness." The development of the ideas of this linguistic direction led to the conclusion that a person in the world is controlled by unconscious structures encoded in

the language. Subsequently, the ideas of French structuralists found their response and refraction in the field of media communication. The intention of this technology is to correct negative coverage of events, create a favorable perception of events, and level out the side effects from getting on the air of negative information. Spin-doctoral technologies are actively used by the addressee within the framework of cognitive transfer to create “preferred meanings” of information that suggests a certain interpretation by the interlocutor.

At the same time, spin-doctoral technologies make it possible to influence the consciousness of the interlocutor “softer” than it is done by “hard” methods of propaganda type. However, the main difference lies not in the “hardness” and “softness” of the technologies of influence, but in the concealment (implicitness) of the semantic content of the expression. The manipulation of internal (mental) states is conditioned by the framework of the use of certain “mental constructions” (frame configurations, frames), which allow understanding and interpreting social reality on the basis of a cyclical, socially conditioned repetition of a meaningful model of reality. Coding in the form of mental structures can fix and widely disseminate the image of what the individual is able to reproduce and see as an addressee, with the help of discursive reality.

Using manipulative “games” with information turning in the desired direction, the addressee seeks to submit ready-made interpretation schemes in the thematic space in the form of such frame configurations as mental constructions of events, phenomena and facts. The success and effectiveness of manipulative “games” is due to the skillful and “competent” use of the semantics of the corresponding linguistic signs and knowledge of the functional properties of the communication system. Thus, the foreign press, reporting on the elections in Belarus, profiled the fact of the presence of harsh repressions against political activists by the Belarusian leader, which strengthened the population’s support for opposition candidates: *Александр Лукашенко может завершить свое 26-летнее правление, уступив место «несчастливым девочкам», возглавившим оппозиционное движение* (Lukashenko is worried, 2020). (“Alexander Lukashenko may end his 26-year rule, giving way to the ‘unfortunate girls’ who lead the opposition movement”).

Before the presidential elections on August 9, the newspaper *Der Spiegel* wrote: “Weißrusslandisterwacht” (Tichanowskaja ruft zu landesaeitem Streik auf, 2020). It means that because of fear of trouble for many years many people preferred to distance themselves from politics, and now they decided to go out and do not want to be silent anymore, despite hundreds of violent arrests.

At the same time, A. Lukashenko himself called the Election Day a holiday: “To be honest, it touches me when they come with little kids. You see, this is a holiday. Someone wanted to ruin this holiday. We saw them — they’ve lit up even brighter that night...” (Mdivanian, 2020).

Conceptual metaphor and conceptual metonymy, considered in modern linguistics as cognitive processes that determine the formation of new concepts and the acquisition of new knowledge, ensure the work of the interpreting function of linguistic consciousness. A conceptual metaphor is used while comparing two script frames. So, for example, V. V. Putin, in order to emphasize the level of stability of the budget system, said: *Россия слезла с «нефтяной иглы»* — “Russia got off the ‘oil needle’” (Has Russia got off..., 2020).

Cognitive **comparison mechanism** includes comparison with literary characters, mythical heroes, third-party experiences. For example, in the press, Tikhonovskaya is called the Belarusian “guaidiha” comparing her with Juan Gerardo Guaidó Márquez, the self-proclaimed acting president of Venezuela (Guaidó was nominated for this post in consequence of rigged presidential elections won by Nicolás Maduro, which was not recognized in Europe by developed countries): *Белорусская «гуайдиха» получила в Брюсселе «холодный душ»*. — “Belarusian ‘Guaydikha’ received a ‘cold shower’ in Brussels” (Belarusian “Guaydikha”..., 2020).

In the social networks of the anti-government direction, S. Tikhonovskaya is compared with Jeanne d’Arc.

Persuasiveness is also created in discourse through the **cognitive mechanism for creating credibility**. The cognitive mechanism for creating credibility provides a conceptual connection between the interactional and linguistic levels using the following lexical and grammatical means: *sagen, behaupten, glauben, bestätigen, bemerken; говорить, утверждать, полагать, думать, заметить; speak, assert, believe, think, notice*, etc., modal words, words of a certain semantics... For example: *Ich will nur bemerken*.

The cognitive mechanism for activating knowledge refers the addressee to knowledge of a sociocultural and personal nature.

The cognitive mechanism of **profiling the speaker’s status, the authoritative opinion** of prominent and less prominent personalities is carried out with the help of an explicit indication of the addressee’s status, his personal experience, knowledge in a particular area.

In media discourse, the **cognitive evaluation mechanism** is actively used.

Specification (concretization) is a presentation of content with a certain degree of concretization: *«Власти продолжают поддержку пред-*

приятый ключевых отраслей экономики, а также малого и среднего предпринимательства, — пообещал Владимир Путин. — Критерий здесь останется прежним — сохранение и открытие новых рабочих мест», — заявил он (Путин). Речь, в частности, о льготных кредитах по ставке 2 % годовых. — “The authorities will continue to support enterprises in key sectors of the economy, as well as small and medium-sized businesses,” Vladimir Putin promised. “The criterion here will remain the same — the preservation and opening of new jobs,” he (Putin) said. This, in particular, is about soft loans at a rate of 2 % per annum” (Sidebe, 2010).

The identified mechanisms of the formation of meanings in the media discourse can be supplemented with specific mechanisms for certain media genres. For example, with the same referential correlation when nominating an object or action, the addressee chooses one that corresponds to his intentional attitude. Compare the famous example “the bottle is half empty” and “the bottle is half full”, illustrating the variability of the nominations of the same positive situation. This technique explains the widespread use of **allusions** in argumentative discourse. So, *Moskovsky Komsomolets* on September 22 writes about the liquidation of the Navalny’s Party by Supreme Court, calling it *мертвые души власти* — “the dead souls of power”: “In fact, it is written about a completely different party ‘Russia of the future.’ There is no Navalny’s Party de jure: all registration attempts ended in nothing. The registered party, which is still listed in the Ministry of Justice register — the liquidation process is not completed, no one knows. And the non-existent party, the *party-ghost*, is known to everyone” (Kamakin, 2020).

Thus, the discursive experience accumulated in the consciousness of individuals contains stereotypical cognitive structures, frame situations, speech strategies and tactics, which are correlated in a quite definite way. Discursive consciousness is characterized by the laws of their connection. Thanks to these models and structures existing in consciousness, speech impact is carried out by the method of using certain linguo-cognitive and linguopragmatic mechanisms. The activation of these mechanisms causes changes in the mental structure of the listener or reader, which, in its turn, could be characterized as filling information gaps and re-evaluating existing structural knowledge.

Sources

Belarusian “Guaydikha” received a “cold shower” in Irish in Brussels // How to News. 23.09.2020. Available at: <https://101114.howto-news.info/belorus-kaya-guajdiha-poluchila-v-bryussele-holodnyj-dush-po-irlandski/> (accessed: 24.12.2020). (In Russian)

- Lukashenko is worried. Press about elections in Belarus // *Telegraf.by*. 05.08.2020. Available at: <https://telegraf.by/world-news/lukashenko-trevozhno-prensa-ovyborah-v-belarusi/> (accessed: 20.12.2020). (In Russian)
- Tichanowskaja ruft zu landesaeitem Streik auf // *Der Spiegel*. 09.08.2020. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/belarus-tichanowskaja-ruft-zu-landesweitem-streik-auf-a-700c3624-2055-490f-b040-56a4eab41dfc> (accessed: 02.09.2020).
- Has Russia got off the “oil needle”? Putin announced the release of the country from critical dependence // *Tsargrad*. 23.09.2020. Available at: https://tsargrad.tv/news/rossija-slezla-s-neftjanoj-igly-putin-objavil-ob-izbavlenii-strany-ot-kriticheskoy-zavisimosti_283185 (accessed: 20.12.2020). (In Russian)
- Kamakin A.* Dead Souls of Power: The Ministry of Justice liquidated the party that “brought down” Navalny. // *Moskovsky Komsomolets*. 22.09.2020. Available at: <https://www.mk.ru/amp/politics/2020/09/22/mertvye-dushi-vlasti-minyust-likvidiroval-partiyu-sbivshuyu-navalnogo.html> (accessed: 12.12.2020). (In Russian)
- Mdivanian L.* To be honest, it touches me // *Mayday*. 11.08.2020. Available at: <https://mayday.rock/menya-chestno-govorya-umilyaet> (accessed: 12.11.2020). (In Russian)
- Sidebe P.* A special case // *Rossiyskaya Gazeta*. 25.03.2010. Available at: <https://rg.ru/2010/03/24/putin.html> (accessed: 21.11.2020). (In Russian)

References

- Boldyrev N. N., Grigorieva V. S.* The dominant principle and the integrativity of the speech interaction format in the dialogical discourse. Tambov: Print-Service, 2020. (In Russian)
- Golubev V. Yu.* Features of the use of argumentation in the media (based on the material of the American press) // *Problems of semantics and pragmatics*. Kaliningrad: Kaliningrad state university, 1996. P. 71–76. (In Russian)
- Golubev V. Yu.* The problem of terrorism in Russian political discourse // *Thought: Journal of the Petersburg Philosophical Society*. 2006. Vol. 6, no. 1. P. 253–266. (In Russian)
- Grigorieva V. S.* “Proposal” as one of the speech tactics of argumentative discourse // *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2007. No. 10 (54). P. 67–70. (In Russian)
- Grigorieva V. S.* Linguistic features of representational utterances in argumentative discourse // *Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2008a. No. 50. P. 33–38. (In Russian)
- Grigorieva V. S.* On some speech tactics of argumentative discourse // *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2008b. No. 2 (58). P. 191–193. (In Russian)
- Grigorieva V. S.* Integrativeness of the format of speech interaction in dialogical discourse (on the example of everyday discursive genres): Dr. Sci. Thesis. Tambov, 2018. (In Russian)

- Eemeren F. Kh. van, Grootendorst R.* Speech acts in argumentative discussions. Rus. ed. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1994. (In Russian)
- Furs L. A.* Constructing an event as a cognitive problem // *Philology and Culture: Proceedings of the VI International Scientific Conference on October 17–19, 2007*. Tambov: Derzhavin Tambov State University, 2007. P. 381–384. (In Russian)
- Kubryakova E. S.* In search of the essence of language. Cognitive research. Moscow: Znak, 2012. (In Russian)
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Д. В. Козловский

Саратовский государственный
технический университет
им. Ю. А. Гагарина,

Т. А. Спиридонова

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского

Эвиденциальность как ресурс убеждения в новостном медиадискурсе

Целью статьи является рассмотрение категории «эвиденциальность» как ресурса убеждения в пространстве новостного медиадискурса. С позиции лингвосинергетики эвиденциальность относится к числу модусных категорий, поскольку позволяет адресату коммуникации не только определять источник сведений, но также интерпретировать и оценивать информацию с точки зрения ее достоверности. Специфика функционирования категории «эвиденциальность» в новостном дискурсе вызывает необходимость обращения к синергетической эвиденциальной модели, разработанной в русле проводимого исследования. Особое значение уделяется рассмотрению особенностей манипулятивного воздействия на адресата. Проведенный анализ позволяет выявить авторский, субъектный и комбинированный типы эвиденциального манипулирования.

Ключевые слова: эвиденциальность, лингвосинергетика, дискурс, убеждение, манипулирование.

D. V. Kozlovsky, T. A. Spiridonova

Evidentiality as a resource of persuasion in the news media discourse

The aim of the paper is to analyze and assess the manipulative potential of evidentiality, to study the evidential persuasion resource in the news media discourse. According to linguosynegetics, evidentiality belongs to modus categories since it allows the recipient not only to identify the source of information, but also to interpret and evaluate it. Specificity of the category “evidentiality” in the news media discourse causes the necessity to apply the analysis of a synergetic evidential model, which allows exploring the author’s impact on the recipient. The results of the analysis give grounds to identify different types of evidential manipulation: author’s, subject’s and combined evidential manipulation.

Keywords: evidentiality, linguosynegetics, discourse, persuasion, manipulation.

Пристальный исследовательский интерес лингвистов к медиадискурсу определяется, с одной стороны, самой природой данного типа дискурса, направленного на самую массовую аудиторию, с другой стороны — многоплановостью его сущностных характеристик. Иллюстрацией многовекторности таких исследований служит тот факт, что отечественные и зарубежные лингвисты выявляют и описывают лингвокультурологические и лингвопрагматические особенности, разноплановые особенности жанров медиадискурса, стилевую дифференциацию новостных отрывков, синтагматику медиатекстов, когнитивные механизмы репрезентации языковых единиц в дискурсе. Одним из наиболее актуальных и перспективных направлений изучения медиадискурса является изучение лингвосинергетических особенностей его пространства. Методы исследования лингвосинергетической теории дискурса, возникновение которой связывают с развитием синергетического подхода к рассмотрению структуры языка, дают возможность взглянуть на феномен медиадискурса как на сложное коммуникативно-когнитивное синергетическое явление [Алефиренко, 2005].

Данная работа является продолжением исследования дискурсивного пространства категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте, целью которого было выявление и комплексное системное лингвосинергетическое описание видов категории «эвиденциальность» в современном англоязычном и русскоязычном дискурсе с учетом особенностей взаимодействия вербальных и невербальных маркеров эвиденциальности, а также характера воздействия субъекта на передаваемые сведения [Козловский, 2013а].

Необходимо отметить, что эвиденциальность служит для определения авторства высказывания либо источника исходящих сведений [Страхова, 2016; Шестухина, 2009]. Кроме того, данная категория обеспечивает передачу дополнительных сведений о мотивах и целях высказывания, характере ситуации и особенностях ее рассмотрения [Козловский, 2013, с. 272]. Поскольку указание на источник полученной информации в новостном медиадискурсе служит его обязательной составляющей, актуальность исследования категории «эвиденциальность» в данном дискурсивном пространстве не вызывает сомнений и определяется востребованностью анализа манипулятивного потенциала языковых ресурсов различных категорий, определяющих функционирование медиадискурса.

Исходя из того, что основополагающим функциональным предназначением модусных категорий, и в том числе эвиденциальности,

является представление субъективного отношения при репрезентации объективной реальности, любая модусная категория выступает в качестве аксиологической характеристики дискурса [Спиридонова, 2019]. Именно посредством модусных категорий в ходе формирования дискурса реализуются различные коммуникативные стратегии. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении персуазивного потенциала модусной категории «эвиденциальность» в пространстве медиадискурса. В задачи исследования входит описание специфики функционирования категории «эвиденциальность» с позиции лингвосинергетического подхода к исследованию дискурса; выявление особенностей эвиденциального манипулирования на основе синергетической эвиденциальной модели; описание типов эвиденциальных манипуляций.

Исследование проведено на материале примеров с интернет-сайтов британских газет и журналов «The Guardian» и «The Economist» за 2020 г. Объект исследования — новостной медиадискурс как динамическая система, направления функционирования которой определяются возникающими в процессе самоорганизации факторами. В рамках системы дискурса происходит взаимодействие единиц дискурса, целью которого является достижение «идеала всеобщей коммуникации» [Афанасьев, 1980, с. 211]. Предмет исследования — языковые ресурсы категории «эвиденциальность», обеспечивающие различные типы воздействия на адресата.

В качестве основного метода исследования выступает метод лингвосинергетического анализа новостного медиадискурса. Данный метод позволяет выделить в любом эвиденциальном высказывании «профазу», формирующую модусную рамку, и «эпифазу», выступающую в качестве констатирующей рамки эвиденциального высказывания [Борботько, 2011, с. 150].

Предыдущие исследования данной проблемы позволяют отметить, что модусная рамка актуализируется посредством эвиденциальных маркеров, к которым относятся глаголы, модальные вводные слова, наречия, существительные, прилагательные, а также ряд устойчивых словосочетаний. Данные показатели формируют 10 групп эвиденциальных операторов: явного указания (*announce, report, state*), неявного указания (*intimate, glimpse, suggest*), выражения мнения (*believe, consider, observe*), мыслительной деятельности (*invent, guess, think*), уверенности в знании (*certain, doubtless, know*), усиления значимости высказывания (*assure, emphasise, underline*), предчувствия (*anticipate, apprehend, predict*), сомнения (*admit, disbelieve, misdoubt*), умственного восприятия (*forget, memorize*,

retain), а также чувственного восприятия (*experience, sensate, watch*) [Козловский, 2011, с. 140].

Выявление в пространстве медиадискурса операторов категории «эвиденциальность» способствует более подробному описанию актуализации эвиденциальности, благодаря рассмотрению микросреды дискурса, включающей автора, текст, а также адресата, и макросреды дискурса, объединяющей в себе культуру, природу и различные социальные сферы [Казаков, 2012]. Данный подход дает возможность изучить особые эвиденциальные смыслы, выражаемые в дискурсе при помощи эвиденциальных маркеров. Исходя из целевой установки медиадискурса, данные операторы оказывают воздействие на представление образа автора и образа адресата за счет передачи культурных особенностей и социальных смыслов. Анализ микро- и макросреды дискурса позволяет описать синергетическую эвиденциальную модель, в основании которой находится эвиденциальный дискурсивный контекст, представляющий собой отрывок дискурса, наделенный субъектной перспективой (исследование взаимодействия говорящих) и ситуационно-речевым компонентом (актуализация коммуникативной ситуации). В дискурсивном контексте содержится эвиденциальное высказывание, в рамках которого говорящий характеризует источник и способ получения сведений, интерпретирует и оценивает информацию посредством эвиденциальных маркеров и выступает в функции нарратора [Болушевская, 2019, с. 186]. Эвиденциальное высказывание репрезентируется автором либо действующим лицом (субъектом) новостного отрывка дискурса, что, как показывает анализ, дает возможность выделения следующих типов эвиденциальности: «авторской» (авторское описание и оценка источника информации), «субъектной» (передача позиции субъекта медиадискурса) и «комбинированной» (речь субъекта дискурса воспроизводится в форме речи автора). Финальным элементом синергетической дискурсивной эвиденциальной модели служит адресат, воспринимающий и оценивающий полученные данные; при этом интерпретация сведений регулируется нарратором посредством разграничения визуального и вербального планов выражения, а также при помощи дифференциации авторской позиции и позиции субъекта медиадискурса либо отстранения автора от самого высказывания.

Необходимо отметить, что особенности воздействия на читателя определяются коммуникативной стратегией дискурса, что зачастую приводит к использованию нарратором манипулирования — приема, суть которого заключается в искусном побуждении другого

к достижению косвенно вложенной манипулятором цели [Доценко, 1997, с. 165]. Применительно к эвиденциальному высказыванию манипулирование предполагает скрытое управление, убеждение и побуждение адресата к определенному восприятию и интерпретации информации об источнике сведений. Таким образом, в рамках исследования категории «эвиденциальность» в новостном медиадискурсе можно говорить об «эвиденциальном манипулировании» — скрытом языковом воздействии, реализуемом в рамках лингвосинергетической эвиденциальной модели, направленном на достижение коммуникативных целей нарратора за счет осуществления не осознанного со стороны читателя контроля над его сознанием посредством искаженной, необъективной подачи информации об источнике сведений, а также интерпретации полученных данных. При этом мастерство манипулятора используется для скрытого введения в сознание адресата определенных целей, желаний, намерений, отношений, оценок, убеждений или установок.

По мнению Е. Л. Доценко, результат деятельности манипулятора во многом зависит от «аранжировки» его высказываний [Доценко, 1997, с. 142]. Тем самым в процессе манипуляции автор может прибегнуть как к явным, так и скрытым средствам языкового оформления, что предопределяет выбор тех или иных эвиденциальных операторов.

Исходя из вышесказанного, отметим, что в эвиденциальном дискурсивном контексте в качестве иницилирующей стороны, осуществляющей манипуляцию, выступает автор, в то время как объектом манипуляции является адресат. В процесс манипулятивного эвиденциального воздействия может вовлекаться третий участник, выступающий в качестве посредника, транслирующего сведения, обработанные манипулятором; таким посредником выступает субъект — источник информации рассматриваемого новостного отрывка. Тем самым в русле эвиденциального манипулирования представляется возможным выделить следующие виды манипуляций: 1) авторское манипулирование; 2) субъектное манипулирование; 3) комбинированное манипулирование.

1. Авторское манипулирование

Данный вид эвиденциального манипулирования предполагает манипулирование сознанием читателя при помощи внедрения в его сознание мнений, установок и определенных целей автора. При этом эффект убеждения достигается посредством эвиденциальных опе-

раторов различных групп, выбор которых зависит от коммуникативной интенции автора, что задает коммуникативную стратегию и определяет тактику оказания воздействия на адресата. Данный тип эвиденциального манипулирования либо осуществляется без опоры на слова действующих лиц дискурсивного отрывка, либо автор прибегает к анонимному субъекту-источнику.

В первом случае, выступая нарратором, он фактически заявляет о своем авторстве и обосновывает собственную точку зрения:

Who is the most impressive banker on the planet? Judged by their swagger and \$ 20 m–40 m paypackets, the bosses of Wall Street's big firms are contenders; yet several run firms that have delivered weak returns, been bailed out and left a toxic trail of scandals (Who is the world's..., 2020).

‘Кто из банкиров самый значительный на планете? Если судить по их чванству и зарплате в 20–40 миллионов долларов, то главными претендентами являются боссы крупных фирм Уолл-Стрит; однако некоторые из них управляют фирмами, которые принесли низкую прибыль, были спасены от банкротства и оставили ядовитый след скандалов’ (Здесь и далее перевод авторов статьи).

Во втором случае автор развивает и обосновывает точку зрения анонимного источника/источников, что свидетельствует о его собственной авторской позиции. В новостном сюжете он фактически предстает в виде персонифицированного рассказчика. Приведем пример:

The hammering the former vice-president has taken on this issue — every evening on Fox News as well as from Mr Trump — has unnerved some of his supporters. Some suggest a 1968-style silent majority, sickened by the violence, is building against the Democrats. It sounds plausible. But there is no strong evidence for it yet. That means the Democrats anxiously demanding that Mr Biden issue ever more and louder denunciations of the street violence are essentially taking their cues from Mr Trump and Tucker Carlson, who do not have their interests at heart (Jones, 2020).

‘Взаимные нападки в ежевечернем эфире «Фокс Ньюс» бывшего вице-президента и мистера Трампа привели в замешательство часть сторонников первого. Существуют мнение, что молчаливое большинство американцев, памятуя о протестах 1968 года, уже по горло сыты погромами и настроены против демократов. Звучит правдоподобно. Однако веских доказательств этому пока нет. Тем самым демократы, требующие от мистера Байдена более громкого осуждения уличного насилия, по сути, принимают сторону мистера Трампа и Такера Карлсона, которые придерживаются противоположных взглядов’.

Данный дискурсивный отрывок является фрагментом из статьи о нестабильной политической ситуации в США и описывает борьбу кандидата в президенты от Демократической партии Джозефа Байдена с действующим президентом США Дональдом Трампом. Эвиденциальность дискурсивного контекста репрезентируется посредством использования оператора неявного указания *suggest* 'полагать' (*to tell someone your ideas*¹ 'высказывать свои идеи'), указывающего на косвенный источник получения сведений, а также оператора выражения мнения *mean* 'означать' (*to have a particular result* 'иметь определенный результат'), придающего сведениям выводной характер. Автор изначально расплывчато формулирует свою точку зрения, используя оператор *suggest* для передачи одного из существующих мнений, а затем интерпретирует данную позицию посредством оператора *mean*, тем самым осуществляя логическое манипулирование мнением читателя и убеждая его в правильности воззрений действующего президента.

2. Субъектное манипулирование

Данный вид эвиденциального манипулирования предполагает отстраненную форму манифестации автора в новостном дискурсивном контексте. Нарратор предстает как личностно-нейтральный повествователь и лишь отражает позицию субъекта дискурса. Манипулирование адресатом осуществляется при помощи высказываний субъекта новостного отрывка, который использует эвиденциальные средства для убеждения читателя в правдивости своей картины действительности. Приведем пример:

The slightly more positive figures reported in August put the country in a better position to control the virus compared with when cases were surging around the country, but improvements come with their own challenges. "I do think it is really hard when cases start to decrease to maintain people's attention and vigilance on it," Popescu said (Rushe, Holpuch, 2020).

«Согласно статистике, в августе ситуация с коронавирусом в стране немного улучшилась по сравнению с периодами всплеска заболеваемости, однако не все проходит так гладко, как хотелось бы. «Я на самом деле думаю, что это поистине нелегкая задача — сохранять внимание и бдительность людей в условиях уменьшения количества случаев заболевания коронавирусом», — сказала Попеску».

¹ Здесь и далее значения лексических единиц английского языка приводятся по словарю [Longman Dictionary of Contemporary English].

Рассматриваемый дискурсивный отрывок описывает эпидемиологическую ситуацию в США. Эксперты убеждены в том, что предстоящие несколько месяцев станут определяющими в динамике заболеваемости коронавирусом в стране. Эвиденциальный оператор мыслительной деятельности *think* (*to have a particular opinion or to believe that something is true* ‘иметь определенное мнение или считать, что что-либо является правдой’) указывает на субъективный характер информации, передаваемой вирусологом Саскией Попеску. Автор стремится внушить читателю важность сознательного отношения к вопросу пандемии в условиях улучшения эпидемиологической ситуации посредством ничем не аргументированного мнения доктора. С целью усиления эффекта внушения оператору *think* предшествует глагол *do*, который придает словам С. Попеску дополнительную выразительность и позволяет привести адресата в необходимое психологическое состояние для достижения перлокутивного эффекта.

3. Комбинированное манипулирование

Данный вид эвиденциального манипулирования объединяет авторское и субъектное манипулирование посредством субъектной организации новостного дискурсивного отрывка, а также через событие рассказывания. Автор является создателем текста и одновременно рассказчиком в нем. Подобное акцентирование сознательного формирования текста автором рождает особый тип повествования, при котором границы между миром автора и миром субъекта/субъектов, а также между миром субъекта/субъектов и миром адресата подвижны и проницаемы. Полная творческая свобода автора в выборе эвиденциальных средств позволяет определенным образом влиять на восприятие слов субъекта дискурса читателем. Приведем пример:

People who come to Ischgl, Von der Thannen says, “don’t just ski, they also consume”. He believes that Europe has pointed the finger at Ischgl partly through resentment at its commercial success. “Maybe what we are seeing is also the culture of envy: we are too big, we grew too fast. We brought megastars to Ischgl — like Robbie Williams, Katy Perry, Tina Turner, Rod Stewart — who performed concerts on the top of the mountain. Maybe not everyone liked seeing that” (Oltermann, 2020).

‘По словам Фон дер Таннена, люди, приезжающие в Ишгль, «не только катаются на лыжах, но и пользуются услугами курорта». Он считает, что Европа обратила пристальное внимание на Ишгль частично из-за недовольства его коммерческим успехом. «Возможно, то, что мы

сейчас наблюдаем — это проявление зависти: курорт слишком большой, мы слишком стремительно растем. Мы привезли в Ишгль звезд — Робби Вильямса, Кэтти Пэрри, Тину Тёрнер, Рода Стюарта — выступавших с концертами на вершине горы. Возможно, не все этим довольны».

Рассматриваемый новостной отрывок описывает ситуацию с австрийским горнолыжным курортом Ишгль, который, по мнению ряда экспертов, явился рассадником эпидемии коронавируса. Эвиденциальная семантика дискурсивного контекста передается посредством нескольких операторов: явного указания *say* 'говорить' (*to express an idea, feeling, thought etc using words* 'выражать идею, чувства, мысль и т.д. посредством слов'), оператора выражения мнения *believe* 'считать' (*to think that something is true or possible, although you are not completely sure* 'думать, что что-либо является правдой либо возможным, но не быть в этом абсолютно уверенным'), а также оператора сомнения *may be* 'может быть' (*used to say that something may happen or may be true but you are not certain* — используется для обозначения возможных событий либо правдивости сведений при отсутствии надлежащей уверенности). При этом маркеры *say* и *believe* актуализируют значение прямой эвиденциальности и указывают на непосредственный характер получения сведений, в то время как маркер *may be* обладает значением косвенной эвиденциальности и демонстрирует отсутствие уверенности субъекта коммуникации в истинности информации, придавая высказываемым сведениям характер предположения. Комбинированное манипулирование в данном дискурсивном отрывке выражается при помощи объединения речи автора и главы туристической ассоциации Ишгля Александра Фон дер Таннена. Опираясь на слова субъекта коммуникации, нарратор передает общие сведения о курорте посредством эвиденциального оператора *say*, а затем приводит доводы о возможных причинах негативных слухов об эпидемиологической обстановке в Ишгле, обращаясь к маркерам *believe* и *may be*. Тем самым автор осуществляет скрытое психологическое манипулирование с целью изменить восприятие полученной ранее информации и убедить адресата в ошибочности суждений о возможности маленькой австрийской деревушки явиться отправной точкой пандемии. Таким образом, помимо указания на источник сведений и передачи дополнительных данных о характере и источнике информации, категория «эвиденциальность» выполняет вспомогательную функцию убеждения, которая в пространстве новостного дискурса реализуется посредством эвиденциального манипулирования. В рамках определяемых синергетической эвиденциальной моделью, представляется

возможным выделить три вида эвиденциального манипулирования: авторское манипулирование, субъектное манипулирование и комбинированное манипулирование. Для осуществления эвиденциального манипулятивного воздействия на читателя применяются языковые средства различных уровней и определенные способы их употребления в соответствии с целью манипулятора. Данные средства предполагают авторскую интерпретацию информации об источнике высказывания и непосредственно связаны с контролем подачи данных и формированием определенной оценки, которая определяет особенности интерпретации сведений. Подобные операции с информацией дают возможность нарратору достичь прагматического эффекта убеждения адресата в достоверности/недостоверности предоставленной новой или ранее имеющейся информации, вызвать необходимую эмоциональную реакцию адресата, сформировать у него определенное представление об информации и ее источнике. Таким образом, категория «эвиденциальность» используется как ресурс убеждения в новостном медиадискурсе за счет многоплановости ее актуализации, а также благодаря возможности использования эвиденциальности субъектом коммуникации в зависимости от коммуникативной цели и пресуппозиции.

Источники

- It's the Covid Economy, Stupid // The Economist. 05.09.2020. URL: <https://www.economist.com/united-states/2020/09/05/its-the-covid-economy-stupid> (дата обращения: 05.09.2020).
- Oltermann P.* Everyone was drenched in the virus': was this Austrian ski resort a COVID-19 ground zero? // The Guardian. 05.09.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/sep/05/everyone-was-drenched-in-the-virus-was-this-austrian-ski-resort-a-covid-19-ground-zero> (дата обращения: 05.09.2020).
- Rushe D., Holpuch A.* The bleak Covid winter? America still not on course to beat back the virus // The Guardian. 05.09.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/sep/05/america-covid-autumn-winter-coronavirus> (дата обращения: 05.09.2020).
- Who is the world's best banker? // The Economist. 29.10.2020. <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/10/29/who-is-the-worlds-best-banker> (дата обращения: 29.10.2020).

Литература

- Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурологическая синергетика дискурса // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: сб. материалов X Междунар.

науч.-практ. конф. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та экономики и права, 2005. С. 22–27.

Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980.

Болушевская И. Н. Корпусное исследование лингвистических особенностей дискурса криминальных интернет-новостей на примере новостей о похищении (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 10. С. 184–188.

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 150–152.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997.

Казаков А. А. Теоретико-методологический потенциал категории «медийная повестка дня»: возможности и ограничения // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 138–143.

Козловский Д. В. Лексические средства передачи модусных параметров категории «эвиденциальность» // Язык и мир изучаемого языка. 2011. № 2. С. 140–147.

Козловский Д. В. Дискурсивное пространство категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013а.

Козловский Д. В. Эвиденциальная модель в художественном дискурсивном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2013б. № 3 (40). С. 270–275.

Спиридонова Т. А. Оценочный потенциал цитат в новостном дискурсе. Citation in News Media Discourse: from Evaluation to Persuasiveness // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. трудов: в 2 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Новикова. М.: МГИМО — Университет, 2019. С. 196–202.

Страхова В. С. Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // Язык и коммуникация. Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. 2016. № 6 (745). С. 165–174.

Шестухина И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.

Словари

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 05.09.2020).

Кризисные коммуникации в литературе Германии после 1989 года*

В статье рассматривается механизм интракультурного диалога восточных и западных немцев после 1989 г., нашедший свое отражение в современной литературе Германии на содержательном, структурном, языковом и метадискурсивном уровнях. На уровне метадискурса можно отметить манифестируемую современными авторами интракультурную отчужденность, выраженную в семантических оппозициях «Восток — Запад», «осси — весси», «свой — чужой», компоненты которых в ходе аккумуляции подвергаются индивидуально обусловленной трансформации и модификации. В современных литературных текстах обнаруживаются нарративные механизмы, позволяющие (ре)конструировать ментальные ловушки, препятствовавшие симметричному диалогу осси и весси в период объединения Германии 1989 г. (через экспликацию в текстах конфликтного потенциала внутренних миграционных потоков, а также через позиционирование литературы и культуры другой части Германии как иностранной). Коммуникативный кризис представлен в литературе после объединения стремлением протагонистов ограничить контакт с представителем другой (а зачастую и своей) культуры сферой невербального (значимое молчание) и выражается в деконструкции языка и различных формах литературной, социокультурной и аудиомедиальной самоинсценировки. Дискурсивно-аналитический подход позволяет заключить, что успешность или неуспешность языкового и социокультурного взаимодействия напрямую коррелирует с социальным опытом героев.

Ключевые слова: объединение Германии, немецкая проза, художественный дискурс, литература объединения Германии, проблема коммуникации.

M. S. Potyomina

Crisis communications in German literature after 1989

In this article, I will consider the mechanism behind the intracultural dialogue between Eastern and Western Germans after 1989, as reflected in modern literature at the levels of content, structure, language, and meta-discourse. At the

* Исследование выполнено в Балтийском федеральном университете им. И. Канта при поддержке Проекта повышения конкурентоспособности российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5-100».

meta-discourse level, we can see intracultural estrangement characteristic of contemporary writers. Its semantic oppositions (East — West, *Ossi* — *Wessi*, Self — Other) are individually transformed and modified in the process of acculturation. Contemporary literature displays narrative mechanisms that allow us to (re)construct mental traps hindering the symmetry of *Ossi* — *Wessi* 1989 Reunification dialogue through the explication of conflict generation capacity of post-reunification domestic migration, on the one hand, and through the representation of both literature and culture of the Other Germany as foreign, on the other hand. In the post-reunification literature, the crisis of communication is expressed by the protagonists' desire to remain silent in the presence of the Other, regardless of whether this particular Other comes from the East or from the West. It is achieved through deconstruction of language and through different forms of mediated self-representation (literary, social, cultural and audial). The success (or failure) of linguistic and socio-cultural interaction depends directly on the social experience of characters.

Keywords: Reunification of Germany, German prose, literary discourse, literature of Reunification of Germany, communication problem.

Объединение Германии — одно из самых значимых историко-политических событий последних десятилетий. В свете постобъединенческой эйфории в начале и середине 1990-х годов большая часть восточных и западных немцев оценила это событие позитивно. Со временем бывшие граждане ГДР, согласно результатам опроса, проведенного Социологическим исследовательским центром в Берлине, постепенно поменяли свое мнение: уже в 2006 г. большинство из них посчитало, что объединение принесло осси больше проблем, чем преимуществ. При этом, согласно статистическим данным 2015 г., 60 % западных немцев считает своих восточных визави стороной, получившей больше предпочтений от присоединения ГДР к ФРГ. Спустя 30 лет после падения Берлинской стены 64 % бывших граждан ФРГ и 83 % бывших восточных немцев считают, что объединение еще не завершилось¹. «У нации плохое настроение, она объединена, но не счастлива», — отмечает в своем эссе известный немецкий писатель Гюнтер Брун (Brun, 1999, S.8). Статистика также показывает, что сбылись пророческие слова другого писателя, Петера Шнайдера, который еще в 1982 г. в своей книге «Прыгун через Стену» предпо-

¹ См.: Zwei Drittel der Deutschen halten Wiedervereinigung für unvollendet. 01.10.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/umfrage-zwei-drittel-der-deutschen-halten-wiedervereinigung-fuer-unvollendet-16980394.html> (дата обращения: 28.04.2021).

ложил, что сломать «стену в головах» будет намного сложнее, чем снести реальную (Schneider, 2006).

Исследования, посвященные траектории социокультурных изменений в Германии после 1989/1990 г., исходят из того, что процесс воссоединения восточной и западной частей некогда единой страны, как и прежде, представляет собой открытую, достаточно непредсказуемую и недефинируемую ситуацию, в рамках которой могут произойти неожиданные внутренние изменения и создаться новые институционально-культурные формирования: «Достаточно сложно определить, какие культуры сталкиваются друг с другом в объединенной Германии: до- или постобъединенческие культуры, а может, вовсе динамическая смесь из обеих», — отмечает в своей работе Элке Брюнс [Brüns, 2007, S. 12].

Исчезновение ГДР и связанный с этим событием «кризис объединения» [Коска, 1995] рассматривается учеными как «исследовательски-прагматический счастливый случай» [Offe, 1991, S. 78], который потянул за собой самый настоящий «академический бум»: одних только исследований различного рода трансформационных процессов в новых землях Германии еще в 1996 г. насчитывалось более 3000 наименований. Одной из значимых работ в этой области стал проект Немецкого исследовательского общества на тему «Социальные и политические изменения вследствие интеграции общества ГДР», в рамках которого последствия объединения Германии междисциплинарно изучались историками, этнологами, политологами, экономистами, юристами, психологами и социологами. В отчете 2000 г., составленном по результатам шестилетнего исследования, были сделаны следующие выводы: объединение не только представляло собой политически значимый поворот в немецкой послевоенной истории, но и имело колоссальные психологические, социальные и общественные последствия [Esser, 2000]. Еще в 1992 г. Ульрих Бекер отмечает большие различия в менталитетах бывших граждан Восточной и Западной Германии [Becker et al., 1992], спустя два года Вольфганг Хардтвиг назовет эти различия «немецким отчуждением» [Deutsche Entfremdung..., 1994]. В контексте социопсихологического подхода Ханс Юрген Вирт составляет в своем исследовании «психограмму душевного состояния немцев» [Schwerpunktthema..., 1995].

Дихотомию восточно-западных конструкторов с точки зрения литературно-психологического направления рассматривают авторы сборника «Интракультурная отчужденность. Инсценировка немецко-немецких противоречий в литературе, кино и театре после

поворота» [Intrakulturelle Fremdheit..., 2014]. О проявлении коммуникативного кризиса в литературе Германии пишут и российские исследователи: Е. В. Соколова отмечает в своей монографии «коммуникационную несостоятельность литературного персонажа», которая понимается как «неспособность к полноценному (приносящему удовлетворение) диалогу с Другим, ведущая ко все углубляющемуся чувству одиночества» [Соколова, 2008, с. 5]. Молчание, а также разрушение и деконструкция языка становятся значимой частью коммуникации и свидетельством «коммуникативных расстройств» общества [Потёмина, 2019, с. 147].

Для литературоведения объединение Германии стало таким же «золотым дном», как и для других наук. Этот тренд был отмечен даже на страницах литературных произведений. В романе «Возвращение Эдуарда» Петера Шнайдера наглядно показывается, как не только западные немцы, но и весь мир пользуется уникальной ситуацией, сложившейся в Германии (как во время разделения страны, так и после объединения). Так, например, вся американская германистика, и Институт германистики в Стэнфорде в частности, уже несколько лет назад открыли для себя исследовательское направление «Литература другой Германии»: «Новая дисциплина оказалась самым настоящим счастливым случаем факультета, постоянно балансирующего на краю собственной ненужности: нетронутая научная область, ожидающая инвестиций» (Schneider, 2005, S. 56). При этом ученых интересует прежде всего восточнонемецкая литература, так называемая «другая немецкая литература», которая казалась не только другой, но и бесконечно лучше, чем изучаемая до этого западнонемецкая (Schneider, 2005, S. 57). В этом примере можно заметить, как уже в литературе создаются поводы для кризисной коммуникации между восточными и западными немцами. Не только граждане ГДР, но и их литература представляется ученым «другой», «чужой», отличной от нормативной западной литературы. Западные писатели и их произведения, в свою очередь, позиционируются как скучные и неоригинальные.

После объединения Германии восточнонемецкие писатели кажутся американцам в романе П. Шнайдера еще интереснее, чем прежде. Один из второстепенных героев романа — писатель из экс-ГДР Теодор Варенберг — еще до 1989/1990 г. был звездой для студентов Стэнфорда. Писатель-экспериментатор знаком им не только благодаря своим провокативным лозунгам («Победа капитализма звоном оповещает о своем конце, так как нельзя завоевать что-то, что само бросается тебе на шею» или «Зло — это

будущее» (Schneider, 2005, S. 55)), но и своими новыми рассуждениями на старую тему «политических лабораторий ГДР и ФРГ» (Schneider, 2005, S. 59). Дальше — больше, и после объединения писателю удастся сохранить ореол диссидентства. Теперь, правда, он придумывает оригинальный вариант сохранения своей легенды и применяет новые аудиомедиальные способы самоинсценировки. Он отказывается от «допотопного медиума печатного слова» и надиктовывает свои истории и короткие тексты на диктофон, которые его фанаты отправляют по имейлу и факсу на факультеты германистики в США. Интеграция *Другого* происходит в романе через эксплуатацию интереса публики к его своеобразию, но лишь на уровне межкультурной, а не интракультурной коммуникации. Однако даже в случае продуманно-сконструированного предъявления себя вовне отказ от письменной речи и некая опосредованность выстраивания коммуникации не позволяют в полной мере преодолеть кризис даже на этом уровне.

В отличие от героя романа Шнайдера, реальные писатели не в состоянии оперативно реагировать на стремительные социокультурные изменения в стране. Политические изменения, казалось бы, должны повлечь за собой новую эстетику и инновативные литературные проекты, однако именно они зачастую становятся причиной проявления околотитулярных конфликтов метадискурсивного толка, препятствующих возникновению прорывного «романа объединения», которого уже несколько десятилетий ждет литературное сообщество.

Среди произведений, так или иначе поднимающих тему отношений восточных и западных немцев друг с другом, особое место занимают автобиографические тексты, которые описывают переживания и опыт людей, переехавших по каким-либо причинам с Запада на Восток. Например, в книге «Работать как при Хонеккере, жить как при Коле» социолог Томас Рёте (Roethe, 1999) критикует прежде всего латаргию многих восточных немцев, так же, как и проблематичную, с его точки зрения, форму поддержки восточных федеральных земель западными землями.

Насколько актуальными могут быть подобные тексты, показывают книги Луизы Эндлих. В «*NeuLand*» (Endlich, 1999) западная немка, супруга врача, описывает свой переезд из Вуппертала в «восточный город», в котором легко угадывается Франкфурт-на-Одере. Изображение Эндлих восточного города и жизни в нем местами превращается в расчет с восточными немцами, которых она абсолютно не понимает: их, по ее мнению, специфические манеры за сто-

лом, неумение держать себя в обществе и безвкусица писательницу практически шокируют.

После своего выхода в свет книга «NeuLand» стала причиной скандала: автор получала угрозы жизни, продавцы книжных магазинов во Франкфурте-на-Одере отказывались продавать это издание. С другой стороны, городская библиотека завела лист ожидания на имеющуюся в одном экземпляре книгу. Не в последнюю очередь благодаря подобной опосредованной форме рекламы книга стала бестселлером. Полемический тон произведения разделил на два лагеря читателей и сделал пропасть между Востоком и Западом если не больше, то более явной. Многочисленные авторы вступили в полемику в своих произведениях. В «OstWind» (Endlich, 2000) Эндлих продолжает свое описание и рассказывает о своих переживаниях, связанных с приемом первой книги «NeuLand».

После падения стены многие западные выпускники вузов нашли на Востоке рабочее место. Многие из них описывали ситуацию, в которой они находились там, как сложную. Так, германист Людвиг Штокингер сравнивает свою ситуацию с ситуацией «иностранного германиста внутри страны, в которой, хотя и говорят по-немецки, но совсем по-другому чувствуют и думают, то есть в немецкоговорящей загранице» [Stockinger, 1999, S. 79].

Правда, его восточным согражданам на Западе приходится еще сложнее. Здесь они не просто иностранцы, а неизвестные экзотические существа. В книге Лотара Куше «Новая работа» рассказчик переезжает на Запад и находит новую работу в качестве пантомима: «Оплатив входной билет, посетители могли посмотреть на меня в роли осси, которую я исполнял всю свою жизнь» (Kusche, 1997, S. 26). Похожий взгляд отражен в названии сборника сатирических текстов Эрнста Рёля «Восточный немец. Неизвестное существо» (Röhl, 2002).

Восточные немцы, таким образом, представлены как люди, с трудом справляющиеся не только с социополитической, но даже с бытовой кризисной ситуацией. В романе «Возвращение Эдурда» Э.Шнайдера восточные немцы, жители района Берлина Пренцлауэр-Берг, постепенно вытесняются из своего района даже мигрантами:

«Люди из Пренцлауэр-Берг постепенно выехали, — объяснили Сэм и Джеф. — Убогая жизнь без электричества и воды, столкновения с полицией, борьба один на один против неонаци — ко всему этому восточнонемецкие товарищи не привыкли; в конце концов они чувствовали себя угнетенными со стороны ожесточенных уличных задира с Запада».

«О, это прекрасная история. Настоящий ребус, — сказала в восторге Дженни с ободряющей улыбкой профессиональной журналистки. — Можно сказать, что здесь, в доме, на уровне занявших дом оккупантов, произошло что-то типа изгнания осси весси?»

«Я думаю, вы ошибаетесь! — ответил Сэм уже немного раздраженно, но все еще вежливо. — Они просто не любят конфликты. Это все» (Schneider, 2005, S. 95).

Не удивительно, что в романе «Возвращение Эдуарда» лучше всего после объединения Германии живет адвокат, который помогает бывшим гражданам ГДР аннулировать различные договоры, на которые их уговорили западнонемецкие мошенники и ростовщики:

«Волшебники-целители, продавцы абонементов, пираты из страховых компаний всех видов, — объяснил Клотт, — уже в первые недели после падения Берлинской стены косяками провели чес по новым землям, чтобы навязать свои продукты наивным новым гражданам объединенной Германии... Неудачники с Запада набросились на туземцев с Востока» (Schneider, 2005, S. 45).

Как отмечает другой герой романа, владелец бара в западной части Германии, он тоже пострадал от «переселения народов» из Шарлоттенбурга в Пренцлауэр-Берг. Это само по себе неплохо, но вот обратного потока гостей он не наблюдает: «Осси, с тех пор, как они могут свободно передвигаться, охотнее всего остаются сидеть дома» (Schneider, 2005, S. 49).

Таким образом, ситуация с «гонением» восточных писателей западными полностью совпадала с ситуацией в обществе. По мнению Юлии Корманн, «в желании обеих сторон обогащать “свое” через “чужое” можно усомниться — именно поэтому воспоминания о прожитой жизни в ГДР находятся под угрозой забвения» [Kormann, 1999, S. 48].

Вольфганг Эммерих — автор «Маленькой литературной истории ГДР» — призывает более тонко рассматривать наиболее важные литературные тексты именно «как продукт индивидуального творческого акта, созданный с помощью эстетических средств, а не как результат какой-нибудь культурно-политической директивы» [Emmerich, 2009, S. 18].

Коммуникативный кризис писателей, а также их литературных прототипов в общении друг с другом и с публикой, однако, безусловно связан с глобально разным опытом восточных и западных немцев. По мнению составителей антологии «Время после», авторы из бывшей ГДР рассказывают о своих переживаниях, опираясь на

собственный опыт проживания сложных, конфликтных и достаточно травматичных ситуаций. Они «имеют перед глазами конкретного адресата и в некоторой степени рассказывают о затронувшем их случае», тексты же западных писателей — это скорее лишь изображение, опосредованный образ Берлина, Востока или объединения Германии. Они двигаются не в «динамическом пространстве истории, а в секундарном пространстве, внушенном им СМИ» [Malchow, Winkels, 1991, S. 11].

Возможно, именно с этим связано то, что западные немцы воспринимают себя в ГДР как иностранцы. Например, в вышеупомянутом романе П. Шнайдера представитель западнонемецкой интеллектуальной элиты приветствует Эдуарда, приехавшего из Сан-Франциско, следующим образом: «Как и вы, несколько недель назад я приехал из-за границы — из Франкфурта». Впрочем, и это разделение уже не кажется единственно возможным в объединенной Германии: «Линия разделения уже давно не проходит по привычной схеме Восток — Запад» (Schneider, 2005, S. 218).

В романе «Возвращение Эдуарда» даже среди представителей интеллектуальной элиты одной группы наблюдается серьезный раскол. Писатель сравнивает такую имплицитно-кризисную коммуникацию с игрой двух команд: «...здесь перед вами по диагонали один за другим сидят или стоят две команды интеллектуалов из ГДР и обе горды тем, что “не участвовали в игре”» (Schneider, 2005, S. 218). При этом обе группы, как и прежде, открыто признают себя сторонниками социализма. «У каждой команды, правда, между тем уже есть свои западнонемецкие тренеры, врачи и фанаты, которые о них заботятся, но это не так важно. Важно то, что любой игрок за одним столом знает по имени каждого игрока за другим, все это благодаря множеству партий, которые они сыграли друг с другом на своем поле в бывшей ГДР. Им знакомы даже имена жен и любовниц друг друга. Но они не разговаривают друг с другом, и в ближайшие годы не будут друг с другом разговаривать. Весси и осси — это скучно. Собственно, разделение проходит между теми осси, которые остались в ГДР и за свое неучастие в игре были засыпаны премиями, и другими осси, которые по этой же причине оказывались в тюрьме или были высланы из страны и за это были засыпаны премиями со стороны Запада» (Schneider, 2005, S. 218).

Как показывают приведенные примеры, современные авторы постепенно меняют стратегию форсирования восточно-западных различий в своих текстах, так что восточные или западные клише могут возникнуть скорее у читателя текста, который заполняет про-

белы собственными или передаваемыми из поколения в поколение предубеждениями. Кризисная коммуникация аккумулирует разноректорный опыт восточных и западных немцев, рефлексивует и анализирует его и тем самым делает первый шаг к преодолению интракультурных противоречий. Возвращение к изображению частной жизни человека, его внутреннего мира — это, возможно, та координата, которая способна объединить западную и восточную литературы, а также сблизить восточных и западных немцев.

Источники

- Bruyn de G.* Deutsche Zustände. Über Erinnerungen und Tatsachen, Heimat und Literatur. Frankfurt a.M.: Fischer, 1999.
- Endlich L.* NeuLand. Ganz einfache Geschichten. Berlin: Transit, 1999.
- Endlich L.* OstWind. Berlin: Transit, 2000.
- Roethe Th.* Arbeiten wie bei Honecker, leben wie bei Kohl. Frankfurt a.M.: Eichhorn Verlag, 1999.
- Schneider P.* Der Mauerspringer. Reinbeck: Rohwolt, 2006.
- Schneider P.* Eduards Heimkehr. Berlin: Rowohlt, 2005.

Литература

- Потёмина М. С.* Объединение Германии как опыт социокультурной травмы // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Н. Новгород: Деком, 2019. С. 146–156.
- Соколова Е. В.* «Диалог невозможен...»: коммуникативная проблематика в современной литературе Германии. М.: ИНИОН РАН, 2008.
- Becker U., Becker H., Ruhland W.* Zwischen Angst und Aufbruch. Das Lebensgefühl der Deutschen in Ost und West nach der Wiedervereinigung. Düsseldorf: Econ, 1992.
- Brüns E.* Nach dem Mauerfall. Eine Literaturgeschichte der Entgrenzung. München: Wilhelm Flink Verlag, 2007.
- Emmerich W.* Kleine Literaturgeschichte der DDR. Berlin: Aufbau Verlag, 2009.
- Esser H.* Der Wandel nach der Wende. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2000.
- Intrakulturelle Fremdheit. Inszenierung deutsch-deutscher Differenzen in Literatur, Film und Theater nach der Wende / Hrsg. O. Gutjahr. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2014.
- Deutsche Entfremdung. Zum Befinden in Ost und West / Hrsg. W. Hardtwig, H. Winkler. München: C. H. Beck, 1994.
- Kocka J.* Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995.

- Kormann J.* Literatur und Wende: Ostdeutsche Autorinnen und Autoren nach 1989. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 1999.
- Kusche L.* Ein neuer Job // Kusche L. Ost-Salat mit West-Dressing. Berlin: Neuer Berlin, 1997. S. 25–29.
- Malchow H., Winkels H.* Die Zeit danach. Neue deutsche Literatur. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1991.
- Offe ch.* Die deutsche Vereinigung als „natürliches Experiment“ // Experiment Vereinigung. Ein sozialer Großversuch / Hrsg. B. Giesen, C. Leggewie. Berlin: Rotbuch, 1991. S. 77–86.
- Röhl E.* Der Ostler, das unbekannte Wesen. Geschichten. Berlin: Eulenspiegel; Das Neue Berlin, 2002.
- Stockinger L.* Der Bedeutungsverlust des Weimarer Kulturmodells nach 1989 // Konzepte und Perspektiven Germanistischer Literaturwissenschaft / Hrsg. v. ch. Grimm, I. Nagelschmidt, L. Stockinger. Leipzig, 1999. S. 79–97.
- Schwerpunktthema: Osis und Wesis. Psychogramm deutscher Befindlichkeiten / Hrsg. H. J. Wirth. Gießen: Psychosozial, 1995.

Online media as a means of emotional manipulation (based on the English-language online media discourse)

The author deals with one of the most pressing problems of modern online media discourse — the role of emotions. Several means of manipulating public opinion that are used by the journalists of the English-language online media with the aim of emotional impact on their audience are considered within the framework of this article. The most important and widespread means of emotional manipulation include emotional identification with a reader, accusation tactics, self-presentation, the use of authority, stereotypes and statistics. The analysis of the language markers of these means is based on the examples taken from the modern English-language online media.

Keywords: emotion, manipulation, rhetorical device, online media, media discourse.

Е. В. Тенева

Интернет-СМИ как инструмент эмоциональной манипуляции (на примере дискурса англоязычных интернет-СМИ)

Автор статьи затрагивает одну из наиболее актуальных проблем современного сетевого медиадискурса — роль эмоций в дискурсе интернет-СМИ. В статье приводятся несколько средств языкового манипулирования, которые используют журналисты англоязычных онлайн-изданий с целью эмоционально-оценочного воздействия на аудиторию, при этом среди важнейших и наиболее распространенных выделяются: эмоциональная идентификация с читателем, тактика обвинения, самопрезентация, использование авторитетов, стереотипов и статистических данных. В статье также дается анализ языковых маркеров данных средств воздействия на массовую аудиторию на основе примеров, взятых из современных англоязычных интернет-СМИ.

Ключевые слова: эмоция, манипуляция, риторический прием, интернет-СМИ, медиадискурс.

Introduction

The development of modern society is inextricably linked with the emergence and spread of new information technologies, which greatly influenced all spheres of our life, including interpersonal communication.

Mass media, as an important tool for shaping public opinion, have undergone significant changes. As Y.N. Zasurskiy claims, media communication has recently changed and become more diverse and meaningful [Zasurskiy, 2005]. In order to understand these changes and build effective communication in online media a thorough study of rhetorical devices and their language markers used for influencing a mass addressee needs to be carried out.

It is well-known that one of the main aims of mass media is to impact its mass audience in the interests of journalists which often results in the use of manipulation. According to V.E. Chernyavskaya, manipulation is “a type of psychological impact which is exerted on the addressee by imposing implicit (or hidden) goals, desires, intentions, relationships or attitudes towards some event, thing or person that do not coincide with those of the addressee” [Chernyavskaya, 2006, p. 16]. In other words, it is a type of impact which forces the addressee to accept the author’s viewpoint without any evidence or proofs. Thus, media discourse is basically considered to be about a struggle for power and influence on the audience, a situation where the interests of the author and the addressee do not coincide so that there is a conflict of their interests. Hence, the main aim of a journalist is to overcome this conflict, forcing a reader to accept his opinion through the use of various manipulative strategies and devices. Within the framework of this article we will consider some of them.

Methods and material

The methodology of the present study is mainly based on discourse analysis. The reliability of the scientific results is supported by the convincing analysis of the collected linguistic material taken from the British and American online newspapers dated 2006–2020. The method of continuous sampling was used to collect the material.

Discussion

It is undeniable that emotions have always been part of public discourse, being one of the main factors in regulating social behavior and polarizing social groups as well as shaping decision-making. Basically, emotions separate the social and political sphere from personal relationships and distance reason-based theories from personal opinions. On the one hand, they distract us from rational consideration of relevant premises or information, whereas, on the other hand, they make our communication more lively and appealing to the audience. Appeals to emotions are

intended to draw feelings from the recipient of the information with the ultimate aim of persuading him/her in the rightness of the presented arguments. Thus, there is a subtle line between the facts and arguments that need some emotional presentation in terms of moral obligation in order to raise public awareness on social issues in the media and those facts and arguments that are manipulated with the use of emotions.

Considering emotions from the rhetorical view, it is necessary to refer to Aristotle, who argued that “orators try to alter the people’s thoughts and beliefs in such a way that they will be prone to a particular kind of emotion” [Huppés-Cluysenaer, Coelho, 2018, p.43]. In other words, by imposing certain emotions on the audience, a speaker influences the latter and makes it accept the view that is advantageous for him. The famous French psychologist and sociologist, Gustave Lebon, also claimed that “crowds cannot be guided through rules... but it is necessary to look for something that can impress them...” [Lebon, 1995, p.22]. Another prominent scholar in the field of discourse analysis, T.A. van Dijk, holds the view that “facts are better described and remembered if they contain strong emotions” [Van Dijk, 1988, p.5].

Recently, there has been an increasingly noticeable tendency to use the strategy of emotionalization which deals with adapting a message to the language and goals of the audience, if the task of a journalist is to please the audience [Learners’ Dictionary of advertising and PR terms, 2007]. In other words, this is a deliberate use of emotive language and rhetorical devices by journalists in order to manipulate public opinion emotionally [Teneva, 2018, p.13].

Results

Let us consider some of the rhetorical devices and strategies which are most common in the British and American online papers.

1. One of the leading rhetorical devices used for emotional manipulation is emotional identification with the readers, namely, the identification with their feelings and emotional state in order to make the reader believe that he or she personally experiences and shares the emotions described by a journalist. In a strict sense, we tend to assume that identification is a rhetorical device which is used to identify with the readers’ feelings and thoughts, direct and guide them in order to convince them. Furthermore, following the views of K. Burke who saw identification as a key principle in rhetoric and claimed that identification was more important than persuasion [Burke, 1969, p. 20–60], we suppose that, in a broad sense, identifica-

tion is not only a rhetorical device, but a general principle of communication used to make a speaker's viewpoint acceptable to the addressee and, thereby, to convince him/her [Teneva, 2011]. In order to persuade a person we need to identify with him or her. In these cases, journalists tend to use emotive language alongside with an inclusive pronoun *we* which has rhetorical functions, namely, it creates a sense of togetherness and blurs the author-reader divide. The use of the inclusive *we* virtually diminishes the responsibility of the speaker, shifting responsibility of the presented arguments to the reader and evoking a sense of rapport and agreement between them. Let us consider the following examples:

- (1) We are, as a population, almost constitutionally incapable of doing al fresco without causing a massive al fussco (Gordon, 2020).
- (2) We want to see a proactive approach to openness, to help rebuild the relationship between people, experts and institutions. We hope that this will help to prevent scandals in science and other sectors (Mathieson, 2016).

In the following examples the inclusive pronoun *we* is used to identify the author's opinion with the opinion of the reader. In the first example the author identifies his opinion with the opinion of the whole country using the word *population*. In the second example the author uses the verbs denoting feelings (*we hope*, *we want*) to manipulate the reader emotionally. The feeling of emotional "involvement" and unity with the reader increases the emotionality and persuasiveness of the information presented, brings the reader closer to the opinion of the journalist and is used for his "emotional" infection.

An inclusive pronoun *we* together with other pronouns (such as: *all of us* / *we all* / *many of us* / *most of us* / *ours*) can be used to highlight the sense of togetherness:

- (3) What are we all so afraid of? A poignant new blog shows the impact fear can have on women's lives (Maxted, 2013).
- (4) We all fear the bogeyman — but there are more demons closer to home (Picardie, 2006).
- (5) For most of us, no crisis yet. "What should I do about the crisis?" Anyone who follows finance has been asked that question a lot lately by nonfinancial friends and relatives (Hadas, 2018).

2. Undoubtedly, there can be different emotions in online media: for instance, praise, approval, criticism, accusations, etc. Accusation tactics is very popular, especially in the political discourse and refers to personal attacks against a public figure intended to discourage people from believing in

this figure or supporting him. The tactics of accusation implies blaming and defaming some political personalities or celebrities, presenting the situation and the opponent in a negative light. This tactics is used to evoke strong emotional reactions and negative feelings towards a person in order to convince the audience in the rightness of a journalist and unite voters (readers):

- (6) As Angela Merkel and Francois Hollande fly to Russia, they will need to carefully gauge the psychology of a man who has brought Europe to the brink of war. Is Russia's aggression in Ukraine part of a deep Putin plan to rebuild the Tsarist empire? Or did it emerge "inevitably" (as communist-era Russian diplomats might say) from an improvised decision by Moscow to annex Crimea?... Or do we instead respect a crude, supremely cynical rival proposition: that any country gets only the freedoms and rights that Moscow from time to time decides are acceptable? (Crawford, 2015).

The author of the article shows his disapproval of Russia's foreign policy towards Ukraine. Accusing the Russian President of unleashing a political conflict with Europe and the war in Ukraine, the author does not call him by name. He emphasizes his disrespect and negative attitude towards the President using emotive language: words with negative meaning, such as aggression, crude, supremely cynical rival. A negative attitude towards the history of Russia is transferred to the situation in which, in the author's viewpoint, Russia acts as an aggressor and this negative attitude is imposed on the reader, evoking negative feelings.

3. In order to enhance the emotionality of their arguments, journalists often use a rhetorical device which is called self-presentation. In this case a journalist speaks his mind and directly expresses his opinion, attitude or emotions. Self-presentation markers include state verbs, introductory constructions expressing opinion, and the pronoun *I*:

- (7) For my own part, I shudder to think what Scotland might be like on its own in a cultural sense (Cochrane, 2007).
- (8) If this is how we behave in a heatwave, I fear for "Super Saturday" (Gordon, 2020).

Self-presentation is used to enhance the emotionality of the arguments. The emotional state of the journalist which is conveyed by emotive language (*I shudder to think...*; *I fear...*) is virtually imposed on the reader.

4. Appeal to authority is often used in online media as an argument that is taken for granted without any proofs. When using authority, the author doesn't have to worry about proving the information. In this case,

the journalist uses the opinions of celebrities or professionals as trustworthy arguments.

- (9) David Cameron would approve of her decision to take part in the diving competition (Domiczak, 2014).
- (10) The US Senate has approved President Donald Trump's attorney general nominee William Barr (Senate approves..., 2019).
- (11) Former Secretary of State Hillary Clinton has said she supports President Barack Obama's proposal to take military action in Syria (Malkin, 2013).

In the given examples David Cameron, Senate and Hillary Clinton approve the politician and that makes the readers take their side and think positively about the person or idea they support. Frequently, when mentioning world famous people next to less popular personalities, the so-called "halo" effect occurs. The idea behind this effect is that a positive opinion about a more famous person is projected onto a less known person so that the reader has no choice but to accept this opinion without any evidence. In psychology the halo effect is a type of cognitive bias in which our overall impression of a person influences how we feel and think about their character. Your impression of a person impacts your evaluations of that person's specific traits. These traits can influence the way people perceive other people [Cherry, 2020]. When it comes to using halo effect in online media, it undoubtedly entails emotional manipulation.

5. Another means of emotional manipulation is the use of stereotypes. The main function of stereotypes is the expression of the author's attitude towards the information transmitted by him. In these cases journalists actively use emotive vocabulary:

- (12) S. Berlusconi is a veteran of extravagant parties and multiple corruption scandals (Willan, 2013).
- (13) Perhaps the unsentimental President Putin simply decided that it was time to lay the union to rest before its 30th anniversary next (Halpin, 2013).
- (14) It is hardly surprising that Americans find it difficult to do business in France, a country that is notorious for high taxes, a sluggish bureaucracy and belligerent unions (Chazan, 2013).

It is evident from these examples that stereotypes evoke feelings not only about some famous people (V. Putin and S. Berlusconi who are given negative characteristics: *unsentimental Putin; a veteran of extravagant parties and multiple corruption scandals*) but even about a country, as we see it in the last example which contains a negative stereotype about France —

a country that is notorious for high taxes, a sluggish bureaucracy and belligerent unions. Emotive language is used to manipulate the reader emotionally with words having a negative meaning.

6. The way to strengthen the emotional argument in online media discourse is to use statistics. The use of large numbers in the articles is presented not as factual information, but as a hidden estimate. Under the statistical data, the author veils his true aim — his influence on the addressee.

(15) On the plus side, 62 per cent consider Trump a ‘strong person’ and 58 per cent call him ‘intelligent’ (Martosko, 2018).

(16) In an extraordinary turnaround, May’s rating is now at –20 % (with 31 % approving her leadership and 51 % disapproving) (Helm, 2017).

In the examples (15, 16), very detailed statistical data are given to enhance the emotional effect of the information presented, its clarity and reliability, and also to show the journalist’s point of view — his support (15) or disapproval (16) of a particular politician.

Conclusion

As suggested from the analyzed material, it can be inferred that modern journalists no longer act as impersonal and impartial authors of a text they write, but they show themselves as emotional people who have their own position, opinion and attitude towards people and events discussed in the media, which certainly inspires confidence among readers and increases the credibility of both the information provided and online media source as a whole.

The findings that result from the analysis of the examples provide support for the hypothesis that online media are currently becoming not only the subject of factual information, but also the subject of emotional manipulation. Due to the fast pace of modern life the audience does not have time for reading and checking information in papers. It needs to be impressed quickly either visually or emotionally and, thus, it buys into the so-called “emotional” news. Therefore, currently emotional argumentation plays a key role in the process of modern communication and, especially, in terms of mass communication.

All the above-mentioned rhetorical devices are widespread in online media and aimed at emotional “infection” of the reader and manipulation of public opinion. The spectrum of linguistic means of emotional manipulation is wide. Emotions can be represented in various ways including

emotive words with a positive and negative meaning, personal pronouns, viewpoint adverbs, and numerals.

Nevertheless, emotional manipulation questions media credibility. Due to the huge wave of online disinformation, conspiracy theories and falsehood the use of emotional manipulation often leads to distortion, subjectivity and unreliability of the information, namely, to fake news. Even to some journalists who are sophisticated and experienced in the field of journalism and storytelling it is difficult to distinguish a fact from fiction. Being consumers of news we often need to raise a red flag to ensure whether the information in online media is credible or fake, verified or not. That is why it is essential to study emotions in the modern society, which is increasingly influenced by the Internet and is flooded with a huge flow of unverified information. If we have awareness of emotional manipulation, it is possible to detect the explicit and implicit ways of manipulating our thoughts and feelings and not to become the “victims” of manipulation.

This study offers insights into the understanding of manipulative mechanisms and tools that are used in online media and opens up prospects for further studies of emotional impact in terms of rhetoric, linguistics and other humanitarian sciences.

Sources

- Chazan D.* American executives lose patience with the French // The Times. 17.10.2013. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/american-executives-lose-patience-with-the-french-dg85gzknn50> (accessed: 07.10.2020).
- Crawford ch.* Is the West about to sell out Ukraine to Vladimir Putin? // The Telegraph. 06.02.2015. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/world-news/europe/ukraine/11395436/Is-the-West-about-to-sell-out-Ukraine-to-Vladimir-Putin.html> (accessed: 13.06.2020).
- Domiczak P.* Penny Mordaunt: David Cameron approves of my appearance on Splash! // The Telegraph. 14.01.2014. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/10570302/Penny-Mordaunt-David-Cameron-approves-of-my-appearance-on-Splash.html> (accessed: 07.10.2020).
- Gordon B.* If this is how we behave in a heatwave, I fear for 'Super Saturday' // The Telegraph. 27.06.2020. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/women/life/behave-heatwave-fear-super-saturday/> (accessed: 07.10.2020).
- Hadas E.* For most of us, no crisis yet // The New York Times. 03.10.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2008/10/13/business/worldbusiness/13iht-views14.1.16899896.html> (accessed: 07.10.2020).
- Halpin T.* Gossip may damage Putin's image with Russia's voters // The Times. 08.06.2013. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/gossip-may-damage-putins-image-with-russias-voters-2qxnllw5m23> (accessed: 07.10.2020).

- Helm T.* Theresa May's ratings slump in wake of general election — poll // The Guardian. 02.07.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jul/01/over-60-of-voters-view-theresa-may-as-pm-negatively-poll> (accessed: 07.10.2020).
- Malkin B.* Hillary Clinton voices support for Barack Obama's Syria plan // The Telegraph. 04.09.2013. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/10285202/Hillary-Clinton-voices-support-for-Barack-Obamas-Syria-plan.html> (accessed: 07.10.2020).
- Martosko D.* Massive majority of U.S. voters approve of Trump's summit with Kim Jong-un but just 1 in 5 believe North Koreans 'will ever give up their nuclear weapons' // The Daily Mail. 06.06.2018. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-5813977/Majority-voters-approve-Trumps-Kim-summit-say-North-Koreans-never-denuclearize.html> (accessed: 07.10.2020).
- Mathieson K.* How can we rebuild trust in scientific experts? // The Guardian. 09.11.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/science/political-science/2016/nov/09/how-can-we-rebuild-trust-in-scientific-experts> (accessed: 07.10.2020).
- Maxted A.* What are we all so afraid of? // The Telegraph. 19.08.2013. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/women/womens-life/10239820/What-are-we-all-so-afraid-of.html> (accessed: 07.10.2020).
- Picardie J.* We all fear the bogeyman — but there are more demons closer to home // The Telegraph. 07.07.2006. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/culture/3653636/We-all-fear-the-bogeyman-but-there-are-more-demons-closer-to-home.html> (accessed: 07.10.2020).
- Senate approves William Barr as Donald Trump's new attorney general // The Telegraph. 14.02.2019. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/02/14/senate-approves-william-barr-donald-trumps-new-attorney-general/> (accessed: 07.10.2020).
- Willan P.* Berlusconi could be made Russian Ambassador to the Vatican, say Italian media reports // The Times. 26.11.2013. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/berlusconi-could-be-made-russian-ambassador-to-the-vatican-say-italian-media-reports-p8c5nm0r58j> (accessed: 07.10.2020).
- Cochrane A.* Bread and butter issues give way to defending the Union // The Telegraph. 20.04.2007. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/comment/personal-view/3639309/Bread-and-butter-issues-give-way-to-defending-the-Union.html> (accessed: 07.10.2020).

References

- Burke K.* A Rhetoric of Motives. Berkeley; Los Angeles; London, 1969.
- Cherry K.* Why the Halo Effect Influences How We Perceive Others // Verywell Mind. 2020. July 19. Available at: <https://www.verywellmind.com/what-is-the-halo-effect-2795906> (accessed: 07.10.2020).

- Huppes-Cluysenaer L., Coelho N. M. M. S. Aristotle on Emotions in Law and Politics. Switzerland: Springer, 2018.*
- Lebon G. Les Lois Psychologiques de l'Évolution des Peuples. Rus. ed. St. Petersburg: Maket, 1995. (In Russian)*
- Teneva E. V. Identification and self-presentation as the means of emotionalisation strategy in the British mass media discourse // Colloquim-journal. 2018. No. 9-6 (20). P.12–14. (In Russian)*
- Teneva E. V. The rhetorical devices of identification and self-presentation in the political discourse (based on the British news articles). St. Petersburg, 2011. (In Russian)*
- Van Dijk T. A. News as discourse. Hove; London: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.*
- Zasurskiy Y. N. Media text in the context of convergence // Yazyk sovremennoy publitsistiki: sbornik statey / Comp. by G. Ya. Solganik. Moscow: Flinta; Nauka, 2005. P.7–30. (In Russian)*

Dictionaries, educational literature

- Chernyavskaya V. E. The Discourse of Power and the Power of Discourse: The Problems of speech influence Diskurs vlasti i vlast' diskursa: Problemy rechevogo vozdejstviya: ucheb. Posobie. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. (In Russian)*
- Learners' Dictionary of advertising and PR terms / Ed. by E. E. Topil'skaya. Voronezh: Voronezhskiy institut (filial) Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta, 2007. Available at: https://advertising_pr.academic.ru/479/%D0%AD%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%C2%A0 (accessed: 07.10.2020). (In Russian)*

ВОСТОК — ЗАПАД: ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

УДК 811.521

Т. А. Басова

Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Фразеологическая аббревиация в японском языке

Статья посвящена уникальному явлению фразеологической аббревиации, распространенному в современном японском языке. Как известно, аббревиация — один из самых распространенных видов словообразования в японском языке, и ей чаще всего подвергаются заимствования из китайского и европейских языков. Тем не менее, существуют и аббревиатуры, образованные на основе номинативных и коммуникативных фразеологических единиц. Они представляют собой новые лексические единицы длиной в четыре моры, которые могут выполнять разную роль в предложении: наиболее часто они сцепляются с существительными, но также могут выступать в роли наречий через послелог и изредка вербализуются посредством глагола *suru* 'делать'. Сокращению подлежат наиболее часто употребляемые фразеологизмы, и использование таких аббревиатур присуще неформальному стилю речи. Сокращения среди канго и гайрайго склонны со временем вытеснять устаревающие длинные слова и словосочетания, но в сфере фразеологии на данный момент наблюдается лишь постепенная стилистическая нейтрализация, но не вытеснение фразеологизмов.

Ключевые слова: словообразование, фразеологическая аббревиация, лексикализация, пословицы, идиомы, японский язык.

T. A. Basova

Phraseological abbreviation in Japanese

The article is dedicated to the unique linguistic phenomenon of phraseological abbreviation in modern Japanese. It is known that abbreviation is one of the most widespread ways of word-formation in Japanese, frequently applied to Sino-Japanese vocabulary and loan words and word combinations from European languages. However, abbreviations of nominative and communicative phraseological units exist as well. Such words are basically new lexical units four moras long that can function in a variety of ways in a sentence: most often they used as attributes before nouns, but can function as adverbs via

the addition of postpositions or turn into verbs by adding the verb *suru* 'to do'. Only the most commonly used phraseological units get abbreviated; they are appropriate in informal language. Abbreviated kango and gairaigo tend to take the place of longer, obsolescent units and word combinations, but when it comes to phraseology, only gradual stylistic neutralization is observed. Original phraseological units are still widely in use.

Keywords: word formation, phraseological abbreviation, lexicalization, proverbs, idioms, Japanese.

Словообразование — универсальное явление в языках, но в каждом из них своя пропорция его видов. В японском, в отличие, например, от русского или английского языков, словосложение значительно преобладает над аффиксальной деривацией, хотя японскому присуще синтетическое выражение грамматических значений. Большинство сложных слов в японском представляет собой простое соположение компонентов; глаголы и прилагательные, выступающие первым компонентом сложных слов, обретают форму чистой основы, отбрасывая характерные окончания. Среди видов словообразования также выделяются сцепления и аббревиация.

Аббревиация — это образование укороченных лексических единиц (*рякуго*) из более длинных слов или групп слов посредством усечения слогов или всех букв группы слов вплоть до инициальных в целях экономии времени и энергии. Т.Н. Кудоярова отмечает, что аббревиация обусловлена как внутриязыковыми факторами (фонетическая адаптация, особенности построения текста и т.д.), так и внешнеязыковыми (изменение ритма жизни современного человека, его психологическое состояние в условиях современного общества) [Кудоярова, 2009]. В японском языке это сравнительно молодой способ словообразования, но некоторые *рякуго* «уже получают фиксацию в экспланаторных словарях общей лексики, образуя самостоятельные словарные статьи, что свидетельствует об их лексикализации» [Кудоярова, 2009, с. 23]. В современном японском языке аббревиация наиболее широко распространена в сфере канго (китаизмов в японском) и гайрайго (заимствований из европейских языков, особенно английского), так как в японском отмечается тенденция избегать длинных слов [Shibatani, 1990, p. 254–255]. «Сокращаться могут и простые слова, и сложные слова, и сцепления, и даже обычные словосочетания» [Алпатов и др., 2008, с. 524], но, помимо этого, исследования требует тот факт, что сокращению могут подвергаться также идиоматические словосочетания и целые предложения, а именно пословицы, и на данный момент это почти неизучен-

ное языковое явление. Иначе говоря, через аббревиацию в сфере фразеологии происходит образование новых лексических единиц на базе номинативных и коммуникативных фразеологических единиц.

В английском и русском мы можем наблюдать явление вторичной фразеологизации, когда на основе более длинных фразеологических единиц (ФЕ) возникают укороченные [Кунин, 1996; Федулёва, 2000]. В японском языке вторичная фразеологизация в данном понимании встречается тоже, однако фразеологическая аббревиация — это отдельное явление, аналогов которому в индоевропейских языках нет.

Что касается образования *рякуго* (сокращений и аббревиатур), ключевым фактором является количество мор (тактово-ритмических единиц, которые могут представлять собой гласную, слог типа CV, вторую половину долгой гласной или дифтонга, имплозивные участки согласных геминат, конечнослоговую согласную *n*), а не слогов или корней. В образованных неологизмах отсутствуют какие бы то ни было аффиксы. Это нельзя также назвать в полной мере соединением корней, так как даже корень исходного слова может усекается для достижения определенной длины и ритма в новой лексеме; именно количество мор определяет форму неологизма, и у аббревируемых фразеологизмов их количество составляет четыре. В. В. Рыбин в своих статьях на многих примерах доказывает, что «основной ритмообразующей единицей в современном японском языке выступает мора, а не слог» [Рыбин, 2006, с. 91]. Известно, что именно по количеству мор, а не слогов в традиционном (европейском) понимании выстраивается классическая японская поэзия; японский язык обладает музыкальным (регистровым) ударением, и само языковое мышление носителя японского заточено под восприятие мор [Рыбин, 2009, с. 106].

На примере гайрайго мы видим, что короткие слова сокращаются до двух мор, а длинные слова и словосочетания сокращаются и аббревируются до трех, но намного чаще — четырех мор. В «Теоретической грамматике японского языка» отмечается, что слово из четырех мор — это норма для подобных сокращений [Алпатов и др., 2008, с. 526].

Приведем примеры сокращений среди гайрайго. Две моры: *poriechiren* — po|ri ‘полиэтилен’, *amachua* — a|ma ‘любитель’; *puroguramu*, *purodakushon*, *puroretaria*, *puropaganda* — pu|ro ‘программа’, ‘производство’, ‘пролетариат’ или ‘пропаганда’, *sutoraiki* — su|to ‘забастовка’. Три моры: *animeeshon* — a|ni|me ‘анимация, аниме’, *infomeeshon* — i|n|fo ‘информация’. Четыре моры у длинных слов:

entaateinmento — e|n|ta|me ‘развлечения’, *suupaamaaketto* — su|u|pa|a ‘супермаркет’. Четыре моры в сокращенных словосочетаниях (аббревиатуры): *masu-purodakushon* — ma|su|pu|ro ‘массовое производство’, *domesutikku-baiorensu* — do|me|ba|i ‘домашнее насилие’, *paasonaru-kompyuutaa* — pa|so|ko|n ‘персональный компьютер’. Внутри четырехморных образований невозможна пауза, присутствует единство ударения.

Аналогичному процессу подвергаются и фразеологизмы японского: остается по две моры от двух произвольных слов фразеологического словосочетания или предложения. Чаше моры берутся от первых двух слов, а в некоторых случаях — от главных смысловых компонентов ФЕ.

犬の川端歩き → イヌカワ (*inu no kawabata aruki* ← *inukawa*), букв. ‘прогулка собаки у берега реки’ → «собакарека». Значение: пустая трата времени, безрезультатное дело, хождение по магазинам без совершения покупок, *несолоно хлебавши*.

あとのまつり → アトマツ (*ato no matsuri* → *atomatsu*), букв. ‘поздний праздник’ → «позднпразд». Значение: так поздно, что уже бесполезно; поезд ушел.

泥棒を捕らえて縄を縛う → 泥縄/ドロナワ (*dorobou o toraete nawa o nau* → *doronawa*), букв. ‘вить веревку после того, как вор уже пойман’ → «ворверевка». Значение: принимать бесполезные или запоздалые меры.

駄目で元々 → 駄目元/ダメモト (*dame de moto-moto* → *damemoto*), букв. ‘отказываться — значит оставаться в самом начале (не двигаться вперед)’ → «отказначало». Значение: *кто не рискует, тот не пьет шампанского*; лучше действовать, чем жалеть, что не действовал.

藪をつついて蛇を出す → ヤブヘビ (*yabu wo tsutsuite hebi wo dasu* → *yabuhebi*), букв. ‘стучать по зарослям и вызвать змею’ → «зарослизмея». Значение: зря навлекать на себя беду, лезть на рожон.

犬骨折って鷹の餌食 → イヌボネ (*inu honeotte taka no ejiki* → *inubone*), букв. ‘собака выбивается из сил («гнет/ломает кости»), а потом ястреб отбирает [ее добычу]’ → «собакакости». Значение: другой при-своил то, чего первый добился тяжким трудом.

棚から牡丹餅 → タナボタ (*tana kara botamochi* → *tanabota*), букв. ‘сладость *бота-моти* [упала] с полки’ → «полка-бота». Значение: неожиданная удача, повезло.

塵も積もれば山となる → チリツモ и チリヤマ (*chiri mo tsumoreba yama to naru* → *chiritsumo/chiriyama*), букв. ‘даже пыль, если соберется, станет горой’ → «пыльсобр» или «пыльгора». Значение: множество маленьких усилий приведет к результату.

背に腹は代えられぬ → セニハラ (*se ni hara wa kaerarenu* → *senihara*), букв. ‘живот на спину не променять’ → «животнаспину». Значение: надо чем-то пожертвовать, чтобы защитить более важное.

Наблюдается закономерность: чем чаще употребляется фразеологизм, тем вероятнее образование фразеологической аббревиатуры из него. Наиболее распространенной аббревиатурой является *chiritsumo* «пыльсобр» (от пословицы *Даже пыль, если соберется, станет горой*).

Как мы видим, фразеологическая аббревиатура в максимально сжатом виде содержит весь богатый образ и смысл пословицы или идиомы; новые лексические единицы, образованные на базе ФЕ, сохраняют именно фразеологическое значение, то есть определенный инвариант информации, выражаемый в данном случае семантически осложненной аббревиатурой, части которой изначально переосмыслены. При этом компоненты-моры аббревиатуры никак не подсказывают ее значение, делая ее крайне абстрактной. Фразеологические аббревиатуры в японском языке абстрагированы не только от лексических значений компонентов, от исходного значения сочетаний слов и от синтаксической конструкции фразеологизма [Мелерович, Мокиенко, 2008] (согласно концепции, предложенной А. М. Мелерович), но и от самого фразеологизма как языкового оборота из нескольких составляющих, так как они компактно ужимаются в одну-единственную единицу. Сохранившиеся слогги — это лишь краткая отсылка к самой пословице или идиоме, и такой вид закодированности может поставить в тупик человека, не знающего исходную фразеологическую единицу.

Фразеологические аббревиатуры выступают в роли разных частей речи. Иногда они употребляются отдельно, но особенно часто сцепляются с другими существительными, а также могут работать как наречия с послелогом или вербализуются.

Рассмотрим примеры.

1. Отдельное употребление фразеологической аббревиатуры:

「はいと答えたのはいいが、さて、イヌカワっていったいなんだろう」

«Хоть я говорила “да”, но в итоге это же сплошь пустая трата времени (“собакарека”）」 (Като, Такэмото, 1990, с. 246).

2. Фразеологическая аббревиатура присоединяется к существительному через послелог の:

「それとね、日本人になくて彼らにあるのは、ダメモトの精神というやつですよ」

«К тому же у них есть одна черта, которой нет у японцев, — своего рода дух *риска* (“отказначало”）」 (Фукада, 1979, с. 132).

3. Фразеологическая аббревиатура сцепляется с существительным без послелога:

「つこのようにパラパラ速読の効果は主に心理的抵抗感をなくすことにありますがちょっと視点を変えて活用すれば、別の大きなチリツモ効果をもたらすことができます」

«Таким образом, у вас не только по большей части исчезнет ментальное отторжение скорочтения при быстром перелистывании страниц, но вы также сможете получить и другие, более серьезные, *постепенно, но уверенно накапливающиеся* (“пыльсобр”) результаты, если вы лишь немного измените свою точку зрения и начнете применять технику на практике» (Мукуноки, 2010, с. 57).

4. Фразеологическая аббревиатура выступает как наречие через послелог で:

「クレジットカードやスポーツクラブの会費など、金額は小さくてもムダな固定費をチリツモで削減しよう」

«Давайте *медленно, но верно* (посредством “пыльсобр”) сократим бессмысленные, пусть и маленькие, расходы, такие как членские взносы в спортклуб или платежи кредитной картой» (Отакэ, 2013, с. 92).

5. Примеры вербализации фразеологических аббревиатур посредством глагола *suru* (‘делать’) очень редки и присущи максимально неформальной речи. Следующий пример был обнаружен в популярном японском блоге:

「毎日なんだかんだバタバタな日を過ごしてます: 皆さんもチリツモしてますか!？」

«Сегодня у меня какой-то суетливый день. Вы тоже *потихоньку трудитесь* (делаете “пыльсобр”)?» (mao.1224.0414, 2019).

Тенденции в японском языке обуславливают вытеснение сокращениями и аббревиатурами исходных эквивалентов, тогда как длинные варианты устаревают. Новые лексические единицы со временем становятся стилистически нейтральными и общеупотребительными [Алпатов и др., 2008, с. 526]; *рякуго* могут постепенно «терять сниженную стилистическую окраску и существовать наравне или даже более широко, чем его полное слово» [Кудоярова, 2009, с. 72]. В плане фразеологических аббревиатур этот процесс пока еще не произошел, и на данный момент подавляющее большинство подобных сокращений уместны лишь в неформальной речи, в интернет-публицистике, в рекламе, но не в официально-деловом или научном

стиле. Избегаются они и в газетах. Фразеологические аббревиатуры в японском пока только на пути становления полностью нейтральными лексическими единицами, но на данный момент еще сложно представить, чтобы они вытеснили полноценные ФЕ, на базе которых образовались.

Источники

- Като М., Такэмото С. 弾き語り女義太夫一代 [Жизнь одной женщины-гидою, певицы-сказительницы]. Токио: Soshisha Publishing, 1990. (На яп. яз.)
- Мукуноки О. 「ビジネス速読」仕事術: 情報洪水に押し流されないノウハウ [Скорочтение в бизнесе. Ноу-хау, помогающие не утонуть в потоке информации]. Токио: RHP Institute, 2010. (На яп. яз.)
- Отакэ Н. ど素人が5000万円貯める本 [Книга о том, как без особых навыков скопить 50 миллионов йен]. Токио: Shoeisha Co. Ltd., 2013. (На яп. яз.)
- Фукада Ю. 西洋交際始末 [Особенности общения с Западом]. Токио, Тиёда: Bungeishunju Ltd., 1979. (На яп. яз.)
- mao.1224.0414. [Публикация в социальной сети «Инстаграм».] 02.04.2019. URL: <https://www.instagram.com/p/Bvvx3X0lhdW/> (дата обращения: 27.09.2020).

Литература

- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008.
- Кудоярова Т. Н. Словообразовательные процессы в современном японском языке на примере лексикализации аббревиатур РЯКУГО: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2008.
- Рыбин В. В. О значимости моры для описания фонологической системы современного японского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. № 3. С. 86–93.
- Рыбин В. В. Соотношение «слог-мора» и проблема слогоделения в современном японском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 87. С. 99–107.
- Shibatani M. The Languages of Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Учебная литература

- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Дубна, 1996.
- Федуленкова Т. Н. Английская фразеология: курс лекций. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000.

Столкновение западной и восточной культур в современной американской художественной литературе

В статье рассматривается конфликт западной и восточной культур на примере содержания двух рассказов современных американских авторов — К. Лю и Д. Найери. На основе типологии культур Г. Хофстеде и на материале указанной малой художественной прозы выделяются некоторые особенности культур, к которым принадлежат персонажи рассказов, а также выявляются причины конфликта западной американской и восточных китайской, иранской и тайской культур. В заключение автор отмечает высокий лингводидактический потенциал данных рассказов.

Ключевые слова: диалог культур, конфликт культур, национальный характер, Восток, Запад.

A. B. Erokhina

The clash of the Western and Oriental cultures in contemporary American fiction

The article examines the conflict between Western and Eastern cultures as manifested in the content of two stories by contemporary American authors, K. Liu and D. Nayeri. Drawing on the typology of cultures by G. Hofstede and the material of the aforementioned small prose, the author singles out some features of the cultures to which the characters in the stories belong, and identifies the reasons for the conflict between Western American and Eastern Chinese, Iranian and Thai cultures. In conclusion, a high linguodidactic potential of these stories is noted.

Keywords: dialogue of cultures, conflict of cultures, national character, East, West.

Современная американская литература в попытке проанализировать актуальную действительность не может не затрагивать тему диалога и конфликта культур. Зачастую эта тема находит отражение в творчестве американских писателей-иммигрантов, которые имеют возможность в литературной форме осмыслить свой собственный опыт взаимодействия с чужой культурой. В данной статье рас-

смотрим подобные случаи на примере двух рассказов — «The Paper Menagerie» («Бумажный зверинец», 2011) китайско-американского автора Кена Лю (Liu, 2011) и «Ride out of Phrao» («Путь из Пхрао», 2013) иранско-американской писательницы Дины Найери (Nayeri, 2013). Оба автора эмигрировали в США в детские годы (Кен Лю — в 11 лет, Дина Найери — в 8 лет). Оба рассказа — обладатели престижных литературных премий: премии Небьюла за рассказ в жанрах научной фантастики и фэнтези и премии О'Генри соответственно. Это позволяет считать данные рассказы примерами качественной художественной литературы.

Главный герой рассказа «Бумажный зверинец», написанного в технике магического реализма, — Джек, сын китайки и американца. Джек родился в США, но его мать с детства пытается привить ему любовь к китайскому языку и культуре. Она мастерит для него бумажные фигурки животных, которые магическим образом оживают: этой «практической магии» она научилась в Китае еще до культурной революции 1966 г. Однако, несмотря на эту изначальную близость к материнской культуре, по мере увеличения контактов с представителями западного мира — друзьями-сверстниками, одноклассниками, соседями — Джек постепенно теряет контакт с матерью, все более склоняется к западным ценностям и все меньше говорит на китайском языке. В финале рассказа Джек, уже повзрослевший, потеряв мать, все же возвращается к родной китайской культуре и осознает всю ценность своего необыкновенного детского «зверинца».

В центре «Пути из Пхрао» — эмигрантка из Ирана Ширин, квалифицированный врач. Прожив в США несколько лет, но так и не приспособившись к местным порядкам и принципам жизни, она решает уехать в Таиланд, в местечко Пхрао, волонтером «Корпуса мира». Дочь Ширин, Лейла, которая уже успешно ассимилировалась в новой культуре и зачастую не понимает поведение своей матери, остается в Нью-Йорке, где она учится в университете. Во время каникул Лейла приезжает в Таиланд навестить Ширин, но вскоре покидает его, поскольку не может пережить культурный шок. Попытка уехать из тайской глубинки превращается в квест, в ходе которого читатель знакомится с особенностями тайского менталитета.

Как видно из сюжетов рассматриваемых рассказов, их центральная тема — конфликт культур. В «Бумажном зверинце» он проявляется сначала во взаимодействии маленького Джека с американцами (сверстники высмеивают его бумажные игрушки, на-

вязывают свои вкусы (например, игрушки из «Звездных войн»); соседи осуждают выбор отца Джека, обсуждают азиатскую внешность сына), а затем между матерью и сыном (неприятие Джеком китайского языка, попытка встроиться в западный мир). В «Пути из Пхрао» основной конфликт возникает между иранской матерью и уже почти совсем американской дочерью (главным образом это проявляется в неприятии мелкой лжи прагматичной Лейлой); менее явный конфликт — между Ширин и тайской культурой: ее смущают местные жилищные условия, особенности образа жизни. Для того чтобы подчеркнуть инаковость персонажей — представителей «чужой» культуры, авторы используют иноязычные вкрапления, как отдельные слова, так и целые фразы, транслитерированные на латиницу: китайские: *kan* ('смотреть'), *laohu* ('тигр'), *ai* ('любовь'), *Zhe jiao zhezhi* ('Это называется «оригами»'); тайские: *sawat-dee-kha*, *wai* (виды тайского приветствия), *farang* ('чужак'), *pad see ew* (тайское блюдо); персидские: *baghlava* ('пахлава'), *joon* ('дорогой' — часть обращения).

Почему возникают эти конфликты? С одной стороны, это, безусловно, конфликт поколений; но, вероятно, одной из причин также является несоответствие национальных ценностных ориентиров. Для их сравнительного анализа обратимся к известной типологии культур нидерландского социолога Герта Хофштеде [Hofstede, 2010]. Он предлагал рассматривать национальные культуры по параметрам индивидуализм — коллективизм, дистанция власти, допустимость или недопустимость неопределенности, мужественность — женственность, долгосрочная ориентация и сдержанность. На материале описанных рассказов рассмотрим, как соотносятся представленные в них культуры по первым трем из этих параметров.

Что касается первого противопоставления, *индивидуализм* — *коллективизм*, то материал рассказов подтверждает, что для американской культуры в большей степени характерно проявление индивидуализма, в то время как для восточных культур — коллективизма. Так, в американской культуре дети более независимы от родителей: в примерах из текста видим, что дети, впитавшие нормы принимающей американской культуры, отстранены от родителей:

Leila has never written back, and in truth, she hasn't spoken to Shirin in a year (Nayeri, 2013).

‘Лейла никогда не отвечала на письма, и, по правде говоря, она не разговаривала с Ширин уже целый год’ (Здесь и далее перевод автора статьи. — А. Е.).

By then her English was much better, but I was already at that age when I wasn't interested in what she had to say whatever language she used (Liu, 2011).

‘К тому времени ее английский сильно улучшился, но я уже был в том возрасте, когда меня не интересовало, что она имела сказать, на каком бы языке она ни говорила.’

Для китайской, иранской и тайской культур нормой являются тесные семейные связи и привязанность к родным местам:

In the suburbs of Connecticut, I was lonely (Liu, 2011).

‘В пригороде Коннектикута мне было одиноко.’

She is happy to be leaving Cedar Rapids — a place that, in fifteen years, never grew to fit her strange edges— and to be sent closer to home (Nayeri, 2013).

‘Она счастлива покинуть Сидар-Рэпидс — место, которое за пятнадцать лет так и не сладил с ее странными привычками, — и уехать поближе к дому.’

In Iran and in Thailand, children never leave their parents, not even bad ones like Khunpol (Nayeri, 2013).

‘В Иране и Таиланде дети никогда не покидают своих родителей, даже таких плохих, как Хунпол.’

В индивидуалистической американской культуре в построении карьеры важны личные качества, высок уровень конкуренции. В этом можно усмотреть причину конфликта главной героини «Пути из Пхрао», которую увольняют с работы в США за то, что она занимается «лишними» делами, приносит коллегам пахлаву и прочее, явно руководствуясь принципами коллективистского иранского общества, где в карьере важно уметь строить отношения:

She was fired for doing too many “extra” things: bringing baghlava for everyone, tuning out when the boy who hired her spoke (Nayeri, 2013).

‘Ее уволили за то, что она делала слишком много «лишних» дел: приносила всем пахлаву, отключалась, когда говорил нанявший ее мальчик.’

Во взаимоотношениях в индивидуалистической американской культуре провозглашается независимость от сообщества:

Leila laughs. Then she just smirks for a moment. “You really care that much? Maman, they’re all strangers” (Nayeri, 2013).

‘Лейла смеется. Затем она на мгновение ухмыляется. «Тебя действительно так волнует? Мама, они все незнакомцы».’

В китайской и тайской культурах, напротив, мнение окружающих определяет поведение отдельных людей: отсюда трагическая судьба родителей матери главного героя в «Бумажном зверинце», которые не вынесли осуждения общества и покончили жизнь самоубийством:

Having a relative in Hong Kong meant we were spies and enemies of the people, and we had to be struggled against in every way. Your poor grandmother — she couldn't take the abuse and threw herself down a well... (Liu, 2011).

‘Наличие родственника в Гонконге означало, что мы были шпионами и врагами народа и с нами нужно было бороться всеми способами. Твоя бедная бабушка, она не выдержала издевательств и утопилась в колоде...’

Отсюда же конфликт Ширин и Лейлы: мать просит дочь вести себя в соответствии с правилами тайского общества, а дочь, для которой нормой стали индивидуалистические ценности, не понимает, зачем учитывать мнение незнакомых людей:

“Stop this. People here won't respect you in those clothes. How will I go on living here if my daughter behaves like a total farang?” (Nayeri, 2013).

‘«Прекрати это. Люди здесь не будут уважать тебя в этой одежде. Как я буду здесь жить, если моя дочь будет вести себя как полный “фаранг” (То есть чужак. — А. Е.)?»

Кроме того, с индивидуалистическими проявлениями коррелирует так называемый узкий контекст в коммуникации, то есть такой, для которого характерен прямой стиль общения; для ширококонтекстных же коллективистских культур более характерен косвенный стиль коммуникации, который требует уточнений. В этом различии — конфликт матери и дочери в «Пути из Пхрао»: мать постоянно прибегает к бытовой лжи, которая является нормой в иранской культуре, дочь же не может считать этот культурный код:

Leila checks her watch and frowns. “So you don't live in Chiang Mai?” (Nayeri, 2013).

‘Лейла смотрит на часы и хмурится. «Так ты не живешь в Чиангмае?»’

Iranians give each other room to pretend. (Yes, I have a second home in Shiraz. Yes, my son has a PhD. Yes, yes, yes.) (Nayeri, 2013).

‘Иранцы дают друг другу возможность притвориться. (Да, у меня есть второй дом в Ширазе. Да, у моего сына есть докторская степень. Да, да, да.)’

It's not lying. In Iran everyone knows a real lie from these everyday things (Nayeri, 2013).

‘Это не ложь. В Иране все могут отличить настоящую ложь от этих повседневных вещей.’

Следующий параметр — *дистанция власти*, то есть характер вертикальных отношений в обществе. В западной американской культуре дистанция власти низкая, здесь не так важен статус, как личные достоинства. В рассказе «Путь из Пхрао» находим доказательства того, что статус для иранцев, представителей коллективистской арабской культуры, представляет большую ценность: так, например, в Иране не принято принимать подарки или предложения, нужно отказать три раза, поскольку важно показать, что вы не испытываете нужду, а благоденствуете; то есть для данной культуры характерна высокая дистанция власти:

In Iran, accepting is impolite, and it is customary to refuse three times. In Iran one must show no need, no suffering (Nayeri, 2013).

‘В Иране принимать невежливо, и принято отказывать трижды. В Иране нельзя показывать нужды и страдания.’

Наконец, третий параметр — *допустимость или недопустимость неопределенности*. Суть этого параметра заключается в том, что у каждого человека есть свой лимит неопределенности, двусмысленности, за которым начинается чувство дискомфорта. Степень допустимой неопределенности, при которой люди чувствуют себя комфортно, является культурно вариативной. В одних культурах она выше, в других ниже. Материал рассказов позволяет говорить о том, что в американской культуре неопределенность воспринимается нормально, приветствуются перемены в жизни; для китайской и иранской культур характерен страх перед переменами, которые в основном являются вынужденными: герои рассказов эмигрируют из родных мест только потому, что ситуация представлялась им безвыходной:

There I was, a ten-year-old orphan. The only relative I had in the world was my uncle in Hong Kong. I snuck away one night and climbed onto a freight train going south (Liu, 2011).

‘Вот я, десятилетний сирота. Единственным родственником в мире был мой дядя из Гонконга. Однажды ночью я ускользнул и сел в товарный поезд, идущий на юг.’

She still misses the East (Nayeri, 2013).
'Она все еще скучает по Востоку.'

Также в рамках данного параметра рассматривается характер проявления эмоций: для культур, допускающих неопределенность, характерна сдержанность в проявлении эмоций, а для не допускающих, как, например, иранской, характерно свободное проявление эмоций: так, читаем, что в персидском языке существует выражение для такого взрывного проявления эмоций — «поставить целый дом себе на голову»:

There is a phrase in Farsi, putting the whole house on your head. It's used to describe the moment when someone goes so crazy, so uncontrollably bonkers, as Americans would say, that they explode into (Nayeri, 2013).

'На фарси есть фраза: «ставить весь дом на голову». Она используется для описания момента, когда кто-то сходит с ума, так безумно, что он взрывается.'

Кроме того, в культурах, которые не приемлют неопределенности, ее пытаются всяческими способами устранить, например, задавая вопросы чужакам; это удивляет героиню «Пути из Пхрао» в Таиланде:

The Thai people are suspicious of strangers and that it is important to answer all their questions, even if they seem nosy. <...> What is your name? How old are you? What have you eaten today? (Nayeri, 2013).

'Тайцы подозрительно относятся к незнакомцам, поэтому важно отвечать на все их вопросы, даже если они кажутся слишком любопытными. <...> Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Что ты сегодня ел?'

Наконец, для не допускающих неопределенности тайцев существует четкое формальное разделение на своих и чужих: они закрыты от незнакомцев; в качестве ярлыка для людей, не принадлежащих местному сообществу, используется слово *farang* — 'чужак':

When a new child points at Shirin, and shouts, "Farang!" the Thai word for foreigners... (Nayeri, 2013).

'Когда новый ребенок указывает на Ширин и кричит: «Фаранг!» — тайское слово, которое значит «чужак»...'

Это приводит в недоумение иранку Ширин, для которой норма — открытость к незнакомцам. В американской культуре также нет формального разделения на своих и чужих, они одинаково при-

ветливы ко всем; однако в «Бумажном зверинце» видим, что это разделение существует неформально: так, соседи американо-китайской семьи в расистских терминах обсуждают внешность и способности ребенка, родившегося в этом межнациональном браке. Такое неформальное разделение оказывается очень болезненным для главного героя рассказа:

“Something about the mixing never seems right. The child looks unfinished. Slanty eyes, white face. A little monster.” “Do you think he can speak English?” (Liu, 2011).

‘«Что-то в смешивании кажется неправильным. Ребенок выглядит незаконченным. Раскосые глаза, белое лицо. Маленький монстр». — «Как ты думаешь, он говорит по-английски?»’

Таким образом, материал рассказов подтверждает, что данные культуры не совпадают по ряду параметров — отсюда возникает их конфликт. Безусловно, такой анализ не может быть однозначным, однако с помощью данных параметров можно найти ориентиры в таком сложном процессе, как межкультурная коммуникация, выявить причины межкультурных конфликтов и найти пути их преодоления.

В заключение хотелось бы отметить высокий лингводидактический потенциал рассказов, затрагивающий тему столкновения культур. Помимо того, что рассказы насыщены актуальной лексикой и весьма идиоматичны, что является плодородной почвой для формирования языковой компетенции, изучение рассказов, подобных рассмотренным, дает возможность развития на их материале так называемых компетенций XXI в. — критического и креативного мышления, эмоционального интеллекта, умений сотрудничать, коммуникативных умений и навыков — через текстовые задания на интерпретацию, а также послетекстовые устные и письменные задания; также дает почву для формирования социокультурной компетенции — причем студент получает сведения не только об англоязычной культуре, но и о культуре и реалиях других стран, в том числе восточных; наконец, дает возможность развития межкультурной компетенции, которая приобретает особую важность в условиях глобализации современного мира: студенты приобретают знания о различных культурах, а также культурных универсалиях, вырабатывают толерантное отношение к разным типам поведения, ценностным установкам, традициям.

Источники

- Liu K.* The Paper Menagerie // The Magazine of Fantasy & Science Fiction. 2011. March/April. URL: <https://io9.gizmodo.com/read-ken-lius-amazing-story-that-swept-the-hugo-nebula-5958919> (дата обращения: 08.06.2020).
- Nayeri D.* Ride out of Phrao // Alaska Quarterly Review. 2013. Vol. 30, no. 3 & 4, Fall/Winter. URL: <https://aqreview.org/a-ride-out-of-phrao/> (дата обращения: 08.06.2020).

Литература

- Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival. New York: McGraw-Hill, 2010.

Эвиденциальное маркирование как косвенный способ указания на лицо в японском языке

В статье рассматривается индирективная (косвенная) эвиденциальность в японском языке в аспекте персонального дейксиса. В японском языке ввиду частотного опущения прямых дейктиков, а именно личных местоимений, указание на лицо может производиться с помощью косвенных дейктиков, которыми в речи могут выступать маркеры индирективной эвиденциальности. К последним относятся маркеры ренарратива и инферентива. Ввиду так называемого эффекта 1-го лица использование индирективных эвиденциальных маркеров говорящим в речи о себе ограничено, что дает возможность исключить говорящего из круга потенциальных референтов и с опорой на контекст соотносить содержание высказывания с иными лицами. В статье проводится разграничение инферентивных и презумптивных маркеров. Последние не рассматриваются в качестве эвиденциальных показателей.

Ключевые слова: японский язык, персональный дейксис, эвиденциальность, ренарратив, инферентив.

V. A. Mejiulianava

Evidential marking as an indirect way of pointing to a person in Japanese

The article addresses indirect evidentiality in Japanese in the aspect of person deixis. In Japanese, due to the frequency omission of direct deictics, namely personal pronouns, the pointing to a person can be made with the help of indirect deictics, which in speech can be markers of indirect evidentiality. The latter include markers of renarrative and inferential. In view of the so-called first-person effect, the speaker's use of indirect evidential markers in a speech about himself is limited, which makes it possible to exclude the speaker from the circle of potential referents and, based on the context, correlate the content of the statement with other persons. The article distinguishes between inferential markers and markers of presumptive modality. The latter are not considered as evidential markers.

Keywords: Japanese language, person deixis, evidentiality, renarrative, inferential.

В японском языке существует категория эвиденциальности, формы которой по общему определению прежде всего указывают на способ доступа говорящего к информации, которую он сообщает [Плунгян, 2011, с. 338]. Иными словами, говорящий специально кодирует основания для пропозиции, заключенной в его высказывании. В японистике весьма подробно освещается основное назначение эвиденциального маркирования, но недостаточно исследованной, на наш взгляд, остается его дейктическая функция, которую мы наряду с выражением вежливости (средствами эвиденциальности смягчается категоричность высказывания) рассматриваем как вторичную. Целью настоящей работы является рассмотрение вторичной функции маркеров эвиденциальности как косвенного средства указания на лицо (персонального дейксиса) в японском языке и особенностей их функционирования.

Идея рассматривать эвиденциальность как дейктическую категорию языка не нова. Р.Якобсон относит эвиденциальность к шифтерным категориям [Якобсон, 1972]. Е.В.Падучева определяет показатели эвиденциальности как эгоцентрические (индексальные) единицы [Падучева, 2014]. Вопросы специфики взаимодействия показателей эвиденциальности с категорией лица рассматривались в работах А.Айхенвальд (см., например: [Aikhenvald, 2004]) и других исследователей на широком материале языков мира. Наиболее радикальный взгляд на эвиденциальность как на дейктическую категорию был предложен Ф.Де Хааном, который приводит доводы в пользу того, что эвиденциальные маркеры используются для обозначения удаленности говорящего от действия, им описываемого. Говорящий, по мнению Ф.Де Хаана, прибегает к прямой засвидетельствованности, чтобы показать, что событие происходит внутри дейктической сферы говорящего, и к непрямой — за ее пределами [De Haan, 2005]. Кроме того, исследователь обращает внимание на тот факт, что интерпретация показателей эвиденциальности привязана к экстралингвистическому контексту их использования, что соответствует определению дейктиков. Исходя из этого, Ф.Де Хаан обосновывает дейктический статус эвиденциальной категории [De Haan, 2005]. В несколько иных терминах, но по сути тот же феномен описывается в работах японских исследователей эвиденциальности [Kamio, 1994; Trent, 1997].

Категория эвиденциальности включает в себя следующие актуальные для японского языка семантические подтипы:

- **директивная эвиденциальность** — прямая засвидетельствованность через непосредственное чувственное воспри-

ятие самого события, например *я видел, как...* и др. Данный подтип не имеет специальных показателей маркирования в японском языке¹ и выражается лексико-синтаксически либо остается неэксплицированным, поэтому не является предметом рассмотрения в данной статье;

- **индирективная эвиденциальность** — косвенная засвидетельствованность, при которой говорящий получает информацию опосредованным образом, «через промежуточную инстанцию» [Храковский, 2003, с. 161]. К ней относятся подтипы: пересказывательность (**ренарратив**) — сообщаемая говорящим информация получена от вторых-третьих лиц (*говорят, что...; он сказал, что...* и др.); и инференциальность (**инферентив**) — утверждения основываются на выводах субъекта высказывания на основе анализа некоторых наблюдаемых фактов (*мне кажется, по-видимому* и др.) [Храковский, 2003, с. 161]. Опосредованность при ренарративе заключается в том, что автор высказывания лично не является свидетелем события, а утверждает о нем на основе информации «из вторых уст». При инферентиве автор высказывания может быть свидетелем события, но в силу различных объективных причин не может констатировать факт события, а лишь ссылается на его признаки, проявления, которые и выступают посредниками в связи между автором и его пропозицией.

Показатели косвенной засвидетельствованности (в дальнейшем речь будет идти только об этой подкатегории) переводят высказывание из категории утверждения в категорию предположения за счет экспликации оснований для подобных выводов. На синтаксическом уровне эвиденциальные маркеры могут являться компонентами сказуемого, определения и обстоятельства. В аспекте персонального дейксиса нас будет интересовать их функциони-

¹ Категория эвиденциальности является одной из самых сложных и дискуссионных в японском языке. Исследователи по-разному классифицируют ее показатели. Некоторые, например, относят к зоне директивной эвиденциальности показатель *-gari* [Trent, 1997]. Х. Аоки, одним из первых описавший эвиденциальность в японском языке, относит данный показатель наряду с частицей *no* (*n*) к средствам косвенной эвиденциальности [Aoki, 1986]. Мы не относим данные показатели к эвиденциальным средствам, поскольку они маркируют не способ получения информации, а убежденность говорящего в правдивости его высказывания, что не согласуется с определением эвиденциальности и определяет их скорее как эпистемические маркеры.

рование в составе предикатной группы, субъектом при которой выступает лицо.

Следует отметить, что некоторые исследователи, хотя и с определенными оговорками, относят к косвенной засвидетельствованности и презумптивность (презумптив), предполагающую утверждения, основанные на знании причинно-следственных связей (*должно быть, наверно* и др.) [Плунгян, 2011, с. 350–351; Храковский, 2003]. Однако мы полагаем, что семантика презумптива входит в зону субъективной эпистемической модальности, выражающей оценку говорящим степени вероятности факта, передаваемого высказыванием [Храковский, 2007]. Оценка, безусловно, является результатом мыслительной деятельности говорящего, что, на первый взгляд, отождествляет презумптив с инферентивом. Однако между ними наблюдается существенное различие. Сравним следующие примеры:

- (1) *Похоже, лифт уже работает.* (Говорящий слышит звуки работающего лифта.)
- (2) *Наверно, лифт уже работает.* (Говорящий знает о приходе мастера, который должен был починить лифт.)

Инферентив в примере (1) маркирует событие (действие или состояние), констатируемое чувственным восприятием его проявлений, в силу чего это событие можно считать фактом, а сведения о нем — информацией. Презумптив в примере (2) отличается тем, что предположения говорящего о сообщаемом им событии строятся не на засвидетельствованности, а на собственной логике мышления с опорой на имеющийся багаж знаний. Тем самым высказыванию придается субъективный характер, что лишает высказывание статуса утверждения и наделяет его статусом мнения (*я считаю, я уверен* и т. п.). Таким образом, презумптив выводится за рамки эвиденциальности, в основе определения которой лежит понятие засвидетельствованности, то есть подтвержденности, удостоверенности события, хотя бы и по косвенным признакам.

Общим свойством индирективной эвиденциальности в разных языках мира, способствующим выполнению ею дейктической функции, является так называемый эффект 1-го лица. Он состоит в ограничении на использование эвиденциальных маркеров с субъектом 1-го лица. В случае использования таких маркеров в связке с говорящим — 1-м лицом — высказывание может передавать смысл неосознанности действия [Aikhenvald, 2004]. Как замечает А. Д. Каксин, эти маркеры позволяют «отгородиться» от

описываемых событий, от предмета речи, позволяют говорящему указать на другое лицо» [Каксин, 2014, с. 253].

Рассмотрим подробнее индирективную эвиденциальность японского языка, в системе которого имеются не только лексические средства, но и набор специальных показателей, маркирующих различные способы получения информации о событии, что в целом отвечает потребностям японской речевой культуры.

Необходимо отметить, что категория эвиденциальности японского языка не признается исследователями грамматической. Функционирование ее показателей зависит от социальных норм, этикета, интенций говорящего и других факторов прагматического плана. Иными словами, применение эвиденциальных маркеров предписывается не грамматическими, а конвенциональными правилами, установившимися в речевой практике японцев. Однако исследователи все-таки выделяют в лексической системе японского языка семантический класс слов, обозначающих внутренние ощущения, эмоции, ментальные состояния, применение эвиденциальных (либо некоторых модальных) маркеров при которых носит обязательный характер, если речь идет не о 1-м лице. Предложения, в которых предикативные группы, выраженные словами с упомянутой семантикой, обозначают признак 3-го лица, но эвиденциально не маркированы, признаются грамматически неверными [Aoki, 1986]. Показатели **ренарратива**, к которым относятся связка *to itte*, ее стяженная форма *tte* и вариант *to koto*, а также маркер *rashii* со значением 'говорят, я слышал' и т. п., образуют привативные оппозиции² (наличие признака — отсутствие признака [Трубецкой, 2000, с. 80]), которые с учетом эффекта 1-го лица отражают оппозицию субъекта действия, состояния *я — не я*. Соответственно, эвиденциально маркированный предикат позволяет исключить автора высказывания из круга возможных субъектов в денотативных ситуациях, в которых субъектом действия или состояния выступает лицо. Рассмотрим следующие примеры, представляющие собой связный диалог:

- (3) *Ima, kyooshuujo ni kayotte-iru n da tte.* [сейчас, курсы вождения + DAT + посещать. PRG.PRS + NML + COP.PRS + EVD³]
'Сейчас, я слышал, ты посещаешь школу вождения?'

² Понятие привативной оппозиции было введено Н.С.Трубецким при описании фонетических систем. Например, звук может быть звонким либо не звонким. К настоящему времени данное понятие прижилось и в других областях лингвистики, в частности в грамматике (см., например: [Плунгян 2011]).

³ Список условных обозначений приводится в конце статьи.

- (4) *Soo, moo sugu menkyo wo toru kara, nosete-ageru ne.* [так, уже + скоро + права + ACC + получить + потому что, садить CNV-BEN. PRS + PRT].

‘Да, скоро получу права и тебя прокачу.’

В первой реплике (3) приведенного диалога адресат *ты* декодируется маркером *tte* с опорой на интонацию. В случае отсутствия данного маркера и вне вопроса действие соотносилось бы с 1-м лицом. По ответной реплике очевидно, что адресат правильно соотнес референта в вопросе с собой. Вопрос *Сейчас, я слышал, я посещаю школу вождения?* звучал бы бессмысленно.

Показатели японского **инферентива** маркируют информацию, полученную посредством внешних (в психологической терминологии экстероцептивных) ощущений. Проводниками внешних ощущений являются рецепторы зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, которые, в свою очередь, делятся на дистантные — зрения, слуха и обоняния, и контактные — вкуса и осязания [Маклаков, 2017, с. 172].

В группе японских показателей внешнего восприятия большинство из них выражают дистантные ощущения: зрительные и слуховые, к которым относятся маркеры *soo*, *yoo*, *rashii* и др. Это значит, что с их помощью характеризуется объект, находящийся на некотором удалении от говорящего. Поэтому в случаях предикации субъекта — лица — данные маркеры применяются, как правило, при характеристике вторых, третьих лиц, а не говорящего, например:

- (5) *Tsukarete-iru yoo da.* [уставать PRG.PRS + EVD + COP.PRS].

‘[Похоже], ты устал.’

Таким образом, можно сказать, что показатели эвиденциальности, исключая говорящего из круга потенциальных референтов — субъектов при предикате, выступают в роли дейктических средств, косвенно указывающих на вторые, третьи лица. Однако здесь необходимо отметить, что эвиденциальные маркеры в речи могут встречаться и в других ролях, и, в частности, в роли показателей презумптива, который маркирует утверждение на основе логического рассуждения. Это, вероятно, связано с возможностью метафорического использования глаголов чувственного восприятия не в значении физических чувств, а в значении мыслительных процессов (например, глагол *видеть* — *понимать*). Соответствен-

но, и эвиденциальные средства, семантика которых соотносится с глаголами чувственного восприятия (например, в русском языке *видеть* — *по-видимому* и др.), могут использоваться таким же образом и фактически выступать в качестве презумптивных. Приведем следующие примеры:

- (6) *Iki wo shite-inai mitai da* [дыхание + ACC + делать PRG.NEG + EVD + COP.PRS]
'Он, похоже, не дышит.'
- (7) *Machigatte-ta mitai da*. [ошибаться PRG.PST + EVD + COP.PRS]
'Я (ты, он и др.), похоже, ошибся' или 'Я думаю, что я (ты, он и др.) ошибся'.

При эвиденциальности в (6), маркированным показателем *mitai*, говорящий и объект его указания находятся в едином поле сообщения, иначе чувственное восприятие информации об объекте (по его признакам или из третьих уст) было бы невозможно. Презумптив с тем же показателем в (7), маркирующим утверждение на основе логического рассуждения, а не чувственным восприятием, по определению не может выполнять дейктическую функцию. Субъективные знания, опыт говорящего, служащие основанием для высказывания, не входят в единое с собеседником коммуникативное поле сообщения.

Кроме того, существуют и иные особенности функционирования маркеров эвиденциальности, не позволяющие с их помощью дифференцировать 1-е и не 1-е лицо в качестве субъекта. Приведем следующие примеры употреблений эвиденциальных маркеров, при которых выполнение ими дейктической функции затруднено или невозможно.

1. Говорящий как бы смотрит на себя со стороны, например, в (8), произносит, глядя на себя в зеркало. В подобных случаях маркеры эвиденциальности применяются и по отношению к 1-му лицу:

- (8) *Mata futotte-kita mitai da*. [снова + полнеть CNV-AUX.DIR.PST + EVD + COP.PRS]
'Похоже, я снова набрал вес'.

2. Основание для утверждения эксплицировано либо причина для пребывания в определенном состоянии обычна для человека, конвенциональна в данном социуме. Поэтому эвиденциальное маркирование не требуется и при соотнесенности субъекта с 3-м лицом. Данное условие особенно актуально для предиката в про-

шедшем времени, когда основание для утверждения к моменту речи может быть известно:

- (9) *Anata ni aete kare wa totemo shiawase datta yo.* [*ты (вы) + DAT + встречаться*POT.CNV + *он + TOP + очень + счастливый + COP*PST+PRT]
'Он был очень счастлив после встречи с тобой.'
- (10) *Kare no inu ga shinda node, sabishii.* [*он + GEN + собака + NOM + умирать*PST + *поскольку, печальный (одинокий)*]
'У него умерла собака, поэтому он в печали.'

3. В придаточных частях сложных предложений предикат состояния содержит пресуппозицию того, что данное состояние — факт. Эвиденциальное маркирование привело бы к искажению смысла высказывания. В (11) предикат с маркером *-soo* придавал бы следующее значение высказыванию: 'когда ты будешь выглядеть грустным':

- (11) *Anata ga sabishii toki hata ni imasu.* [*ты (вы) + NOM + печальный (одинокий) + время + сторона (бок) + DAT + быть*PRS.ADR]
'Когда тебе станет грустно, [я] буду рядом.'

Кроме того, в японистических исследованиях неоднократно подчеркивалась особая чувствительность японского языка к социальному контексту высказывания, которая оказывает влияние и на функционирование эвиденциальных маркеров. Они могут не применяться, если говорящий в силу социального статуса или иных причин прагматического плана «уполномочен» выражаться прямо («socially authorized» [Trent, 1997, p.112]). Например, мать может сказать дочери: *Ты устала, иди спать* — или доктор может сказать пациенту: *У вас простуда* — без использования маркеров косвенной эвиденциальности либо эпистемических маркеров, смягчающих категоричность высказывания.

В подобных случаях применение (или неприменение) эвиденциальных маркеров не несет в себе указательный смысл, и дейктическая интерпретация с помощью эвиденциальных маркеров не представляется возможной. Поэтому персональный дейксис в таких случаях осуществляется иными способами.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что в японском языке маркеры индирективной эвиденциальности в составе предиката позволяют исключить говорящего из числа потенциальных референтов, обозначаемых субъектом при предикате, и таким образом соотнести содержание высказывания со 2-м либо 3-м лицом. Такая возможность основана на том, что эвиденциальное маркирование

вводит противопоставление субъекта действия, состояния по признаку *говорящий (я) — не говорящий (не я)*. В тех случаях, когда некоторые особенности функционирования эвиденциальных маркеров элиминируют функцию персонального дейксиса, указание на лицо производится иными способами.

Условные обозначения

ACC	— аккузатив
ADR	— адрессив, нейтрально-вежливый стиль
AUX	— вспомогательный глагол
AUX.DIR	— вспомогательные глаголы направленности действия: <i>kuru, iku</i>
BEN	— бенефактив
CNV	— деепричастная форма
COP	— связка
DAT	— датив
EVD	— эвиденциальность
GEN	— генитив
NEG	— отрицание
NML	— субстантиватор
NOM	— номинатив
POT	— потенциалис
PRG	— прогрессив
PRS	— настоящее-будущее время
PRT	— частица
PST	— прошедшее время
TOP	— топик

Литература

- Каксин А. Д. Средства выражения эвиденциальности и миративности в контексте дискурсивного исследования // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 252–259.
- Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evidentsialnye-pokazateli-i-ih-rezhimy-interpretatsii> (дата обращения: 29.05.2020).
- Плунгян А. В. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Храковский В. С. Грамматические категории глагола: связи и взаимодействие // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Мате-

- риалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2003 г.) / ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2003. С. 156–164.
- Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. статей. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
- Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б. А. Успенский; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
- Aikhenvald A. Y.* Evidentiality. New York: Oxford University Press, 2004.
- Aoki H.* Evidentials in Japanese // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / Eds L. W. Chafe, J. Nichols. Norwood, NJ: Ablex, 1986. P. 223–238.
- De Haan F.* Encoding speaker perspective: Evidentials // Linguistic diversity and language theories / Eds Z. Frajzyngier et al. Amsterdam: Benjamins. P. 379–397.
- Kamio A.* The theory of territory of information: The case of Japanese // Journal of Pragmatics. Vol. 21 (1), January. 1994. P. 67–100.
- Trent N.* Linguistic coding of evidentiality in Japanese spoken discourse: PhD thesis. Austin, 1997.

Учебная литература

- Маклаков А. Г.* Общая психология: учеб. пособие для вузов и слушателей курсов психол. дисциплин. СПб.: Питер, 2017.

Особенности словообразования китайских интернет-сленгизмов

В статье рассматриваются способы словообразования китайских интернет-сленгизмов на материале двусложных сленговых единиц из онлайн-словаря «Сяоцзи» с целью выявления роли этих способов в пополнении лексики сленга. Выделяются такие способы словообразования, как семантическая деривация, в том числе метафорический перенос, расширение значения и метонимия; среди способов морфологической деривации фиксируются сложение, сокращение и суффиксация. Рассматриваются также иноязычное заимствование и переход из диалектов и графодеривация как пути пополнения лексики китайского интернет-сленга. С помощью количественных данных определена доля сленгизмов, образованных каждым способом словообразования. Установлено, что в качестве важнейшего способа формирования интернет-сленга китайского языка выступает метафора (почти половина всех слов). Значимое место в пополнении лексики сленга занимает способ сложения (более 40 %), что обусловлено структурными особенностями китайского языка. Заимствованной лексики в интернет-сленге немного (12 %), как и графодериватов (11 %) и сокращенных слов (8 %). остальные способы участвуют в формировании лексики сленга незначительно.

Ключевые слова: китайский язык, интернет-сленг, способ словообразования, заимствование, метафора.

A. Zhang

Features of word formation of Chinese internet slangism

The article considers the method of the word formation of Chinese Internet slangism on the material of two-syllable slang units from the Xiaoji online dictionary in order to identify the role of these methods in increasing of the slang vocabulary. There exist such word formation methods as semantic derivation, including metaphorical transfer, meaning extension and metonymy. The methods of morphological derivation include addition, reduction and suffixation. Moreover, the article considers borrowings from foreign languages, as well as transition from dialects and graphoderivation as the ways of replenishment of the Chinese Internet slang vocabulary. The proportion of slangisms formed by each word formation method was determined with the help of quantified data. It was found that metaphor is the most important way of forming the Internet slang in the Chinese language (almost a half of all

words). A significant share in replenishment of the slang vocabulary is devoted to the addition method (more than 40 %) due to structural peculiarities of the Chinese language. The shares of borrowings (12 %), graphoderivatives (11 %) and reduced words (8 %) in the Internet slang are quite moderate. Involvement of other methods in the slang word formation process is inconsiderable.

Keywords: Chinese language, Internet slang, method of word formation, linguistic borrowing, metaphor.

Способы образования интернет-сленгизмов — актуальная тема исследования, так как их изучение позволяет пролить свет на основные пути формирования лексики любого современного языка. Эта проблема для китайского языка вызывает внимание как русскоязычных китаистов, так и самих китайских ученых. Так, Е. А. Строгонова выделяет следующие словообразовательные модели интернет-сленга: фонетические преобразования, морфологический способ словообразования, лексические преобразования, представленные метафорическими и метонимическими переносами [Строгонова, 2014]. А. В. Кислов и Е. Н. Колпачкова также подробно рассматривают интернет-сленгизмы как неологизмы, с учетом лингвистической специфики китайского языка — его структуры и графической формы, и выделяют такие пути появления интернет-сленга, как заимствования, сложение (включая редупликацию), расширение значения (основанием для которого служит метафорический перенос), омонимию и языковую игру, а также новые явления, связанные с китайской иероглификой [Кислов, Колпачкова, 2017]. Кан Мэйлин в своей работе обобщает способы образования следующим образом: фонетический способ (омонимия, искажение, заимствование), грамматический способ (имитационная деривация и аббревиатура) и семантическая деривация (метафора, расширение значения) [Кан Мэйлин, 2015]; в работе Цай Сюэмэй также перечислены основные способы словообразования: аффиксация, омонимия, метафора, сокращение и сложение и т. д. [Цай Сюэмэй, 2019].

Таким образом, в решении вопроса установления основных способов словообразования китайского интернет-сленга, путей его пополнения нет единства, окончательно не определена и терминология, используемая в этой области китаистики. Ниже мы предлагаем свое видение этой проблемы, выделяя в качестве способов образования слов китайского интернет-сленга заимствование, графодеривацию, сокращение, семантическую деривацию, сложение и уточняя роль каждого из них в пополнении лексики сленга.

Нами взяты сленгизмы из «Сяоцзи» (小鸡词典, [б. г.]) — онлайн-словаря, словарные статьи в котором создаются самими носителями сленга, что делает этот словарь важнейшим источником сленгового материала. Всего рассмотрено 182 двусложных слова: образование именно таких слов считается основной тенденцией современного китайского языка, в результате чего двусложные слова занимают большую долю и в китайском языке в целом (так, в «Словаре современного китайского языка» (现代汉语词典, 2005) двусложные слова занимают более 66,15% от общего объема 65 тыс. слов), и в китайском интернет-сленге (двусложные сленгизмы заняли 46,43% от общего словаря «Сяоцзи»). Поэтому они являются наиболее представительными для исследования словообразования интернет-сленгизмов.

Анализ сленгизмов показал, что наибольшее число их образовано с помощью семантической деривации, в которой выделяют-ся прежде всего результаты метафорического переноса (86 слов, 47,26%), например: 翻车 *fānchē* (опрокинуться, перевернуться (о машине)) 'потерпеть неудачу'; 潜水 *qiánshuǐ* (нырять) 'посещать форум, но не оставлять сообщений'. В группе метафор наблюдается такие интересные случаи, как зоометафора, например 锦鲤 *jǐnlǐ* (кари кои) 'счастливчик, баловень судьбы; символ удачи'; 大牛 *dàniú* (большой бык) 'профессионал своего дела'; 咸鱼 *xiányú* (соленая рыба) 'кто-л. ленивый, вялый, инертный; кто-л. низкий по статусу'; телесная (соматическая) метафора (вернее, метафтонимия): 大腿 *dàtǔi* (бедро) 'влиятельный человек во любой отрасли', 膝盖 *xīgài* (колени) 'восхищение, уважение и преклонение'.

Несколько меньше встречается расширение значения (11 слов, 6,04%), например: 套路 *tàolù* (набор стандартных методов, приемов; серия упражнений) 'хитросплетение, «экивоки»; 搬砖 *bānzhuan* (таскать кирпичи) 'тяжелая работа'. Чуть реже встречается метонимия (9 слов, 4,95%), например: 呵呵 *hēhē* (хе-хе — звукоподражание смеху) 'выражение презрения к кому-л.'; 社会 *shèhuì* (общество) 'мещанский; многоопытный в жизненных вопросах, обладающий житейской мудростью'.

На втором месте по продуктивности в китайском интернет-сленге, как показало наше исследование, — способ сложения (77 слов, 42,31%). И это неудивительно: ведь, как образно, но очень точно выразился профессор Ван Сяопин, китайский иероглиф похож на многогранный винт, который может поворачиваться влево, чтобы образовать составное слово с предыдущей морфемой, или вправо, чтобы сформировать составное слово со следующей морфе-

мой. Его можно комбинировать с одной морфемой, двумя или более морфемами и другими морфемами до и после, поэтому он обладает мощной способностью к образованию слов [Ван Сяопин, 1990]. Например, 脑洞 *nǎodòng* (мозговой + дыра) 'богатое воображение, буйная фантазия'; 拼爹 *pīndiē* (состязаться + отец) 'полагаться на «папочку» в вопросах устройства будущей жизни, карьеры и т.д.'; 心塞 *xīnsāi* (сердца + закупорить) 'тяжело переживать, мучиться, страдать'.

Способ сложения часто сопровождается метафора, например 实锤 *shíchuī* (настоящий + молоток) 'надежное доказательство'; 拍砖 *pāizhuān* (ударять + кирпич) 'критиковать'; 划水 *huàshuǐ* (грести + вода) 'не стараться; отлынивать от работы'.

Иноязычные заимствования насчитывают 22 слова, что составляет 12,09% от всех рассмотренных сленгизмов; это результаты либо так называемой транслитерации, например 码住 *mǎzhù* (англ. *marked*) 'помечен', 抓马 *zhuāmǎ* (англ. *drama*) 'драма', либо калькирования, например: японское слово そらみみ *soramimi* (слуховая галлюцинация, неправильный слух) написано китайскими иероглифами — 空耳 *kōngěr* (пустой + ухо) 'звучит как'.

Чуть меньше среди рассмотренных сленгизмов так называемых графодериватов. Графодеривация — особый способ образования слов, связанный с письменной формой сленгизма. Она осуществляется в основном через искажение формы иероглифа или «орфографические» искажения общелитературных слов. Например, иероглиф 硬 *yìng* 'твердый, жесткий' разделяется на две части: 石 *shí* 'камень' и 更 *gēng* 'более', здесь образно выражается значение неразделенного иероглифа. Таких сленгизмов 21 (11,54%)

Еще меньше сокращений (15 слов, 8,24%). Китаисты называют этот способ морфемной контракцией: обычно сокращаются второй и четвертый иероглифы из четырехкомпонентной единицы: 网红 *wǎnghóng* (от 网络红人 *wǎngluò hóngren* интернет + фаворит) 'интернет-знаменитость', либо срединные два и/или три иероглифа: 外挂 *kāiguà* (开外挂 *kāi wàiguà* включать + сторонняя программа) изначально значило 'читерить, жульничать' в компьютерных играх, сейчас обозначает: 'удивительная способность, очень мощный', также — последние два иероглифа: 拉黑 *lāhēi* (сокр. 拉黑名单 *lā hēi míngdān* включить в черный список) 'заблокировать'; 人肉 *rénròu* (сокр. 人肉搜索 *rénròu sōusuo*) 'через различные методы поиска собрать как можно больше личной информации, что может нарушать приватность и окажет неблагоприятное воздействие'.

Есть незначительное число суффиксальных производных (10 слов, 5,49%). Например, может добавляться суффикс имен суще-

ствительных, обозначающих характер, качество, свойство, способность, присутствие чего-л., 性 -xìng: 魔性 móxìng (魔 mó демон + 性 xìng) — используется для саркастического описания чего-л. причудливого и веселого, притягивающего волшебством; а также глагольный суффикс 了 -le: 亮了 liàngle (亮 liàng светлый + 了 le) ‘зажечь, привлечь внимание’.

Наконец, единичные сленгизмы происходят из диалектов (4 слов, 2,20 %). Например, в гуандунском диалекте используется слово 心水 *xīnshuǐ* (сердце + вода) ‘понравиться’, почти с этим же значением (‘самая любимая идея’) оно вошло в сленг; сленгизм 老铁 *lǎotiě* (старый + железо) из северо-восточного диалекта обозначает ‘настоящий друг’.

Таким образом, из рассмотренных интернет-сленгизмов почти половина образована с помощью метафоры. Метафора — важнейший способ познания и одновременно способ словообразования слов интернет-сленга китайского языка. Мы предполагаем, что это связано с тем, что в китайском языке отсутствует словоизменение, поэтому такие распространенные способы словообразования интернет-сленгизмов во флективных языках, как присоединение аффикса, в китайском языке — корневом, изолирующем — применяются очень ограниченно. Поэтому, когда возникла необходимость полностью использовать гибкие и мощные возможности словообразования китайских иероглифов и раскрыть ассоциативное мышление на основе первичного значения слова, метафора сыграла незаменимую роль в формировании интернет-сленга китайского языка. Кроме того, нельзя забывать, что, по мнению многих лингвистов, метафора в высшей степени присуща сленгам, в отличие от литературных языков, что также обуславливает ее частое использование при пополнении лексики интернет-сленга.

Источники

小鸡词典 [Интернет-словарь Сяоцзи]. URL: <https://jikipedia.com/> (дата обращения: 22.05.2020).

现代汉语词典 [Словарь современного китайского языка] / 中国社会科学院语言研究所 [ред. отдел словарей при Исследовательском институте лингвистики Академии общественных наук КНР]. 5-е изд. Пекин: Коммерческое издательство, 2005.

Литература

Ван Сяопин. 汉语语素组合的灵活性及其构词的能产性 [Гибкость сочетания китайских морфем и продуктивность их словообразования] // 南昌大学

学报 [Вестник Наньчанского университета]. 1990. № 4. Сер. Общественные науки. С. 95–101. (На кит. яз.)

Кан Мэйлин. 当下中国网络流行语构词方法探析 [Анализ способов словообразования современного китайского интернет-сленга] // 河北广播电视大学学报 [Вестник Хэбэйского университета радиовещания и телевидения]. 2015. № 5 (20). С. 57–59. (На кит. яз.)

Кислов А. В., Колпачкова Е. Н. Влияние интернета на современный китайский язык // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 1. Санкт-Петербург: Ун-т ИТМО. 2017. № 1. С. 72–86.

Строгонова Е. А. Сравнительный анализ словообразовательных моделей интернет-сленга в русском и китайском языках в контексте влияния социальной среды // Вестник науки Сибири. 2014. № 2 (12). С. 207–211.

Цай Сюэмэй. 论网络语言构词方式特征及其规范化 [Особенности способов словообразования интернет-сленга и его нормализация] // 闽西职业技术学院学报 [Вестник Миньсиского профессионально-технического института]. 2019. № 4 (21). С. 70–73. (На кит. яз.)

Лексические средства создания образа России (на материале японских учебников по русскому языку как иностранному)

Внешний образ страны является одним из важных факторов, оказывающих влияние на то, как жители других стран воспринимают реалии этой страны и ее граждан. Среди средств формирования образа или имиджа страны обычно выделяют дипломатию, средства массовой информации, интернет и т. д. В этот список можно добавить и учебник национального языка для иностранцев. Цель данного исследования заключалась в построении и описании фреймовой структуры образа России (концепта РОССИЯ) на основе анализа лексических единиц японских учебников по русскому языку как иностранному для начального и среднего уровней владения языком. В процессе исследования удалось выявить и описать лексические единицы, отражающие образ России, и реконструировать две фреймовые структуры знаний концепта РОССИЯ.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебник, образ, концепт, фреймовый анализ, образ России, Япония.

Iu. I. Iakovleva

Lexical means of creating the image of Russia (based on Japanese textbooks on Russian as a foreign language)

The external image of the country is one of the important factors influencing how the people of other countries perceive the realities of this country and its citizens. Among the means of forming the image of the country, diplomacy, the media, the Internet, etc. are usually distinguished. A textbook of the national language for foreigners can also be added to this list. The research aim is to construct and describe the frame structure of the image of Russia (the concept of RUSSIA) based on the analysis of lexical units of Japanese textbooks on Russian as a foreign language for beginner and intermediate levels of language proficiency. Lexical units that reflect the image of Russia were identified and described, and two frame structures representing the concept RUSSIA were reconstructed.

Keywords: Russian as a foreign language, textbook, image, concept, frame analysis, image of Russia, Japan.

Внешний образ страны является одним из важных факторов, оказывающих влияние на то, как жители других стран воспринимают реалии этой страны и ее граждан. Среди средств формирования образа или имиджа страны обычно выделяют дипломатию, средства массовой информации, интернет и т.д. В этот список можно добавить и учебник национального языка для иностранцев, поскольку «доверие к информации, представленной в учебнике, чрезвычайно высоко», и ему принадлежит функция явной или неявной коррекции негативных стереотипов [Ардатова, 2015, с. 223].

Образ России в японском обществе все еще наполнен устаревшими стереотипами. Формирование корректного представления о России и положительного отношения к стране и ее народу у японцев, изучающих русский язык вне языковой среды в качестве основного или второго иностранного языка в высших учебных заведениях Японии, имеет особое значение, поскольку они являются будущими специалистами, которые станут связующим звеном между Россией и Японией и смогут внести свой вклад в развитие российско-японских отношений.

В данном исследовании рассматриваются лексические средства создания образа России на материале японских учебников по русскому языку как иностранному для начального и среднего уровней владения языком. Материалом для исследования послужили такие японские учебники по русскому языку, как «Самоучитель русского языка» (яп. *so:go: rosiago nyu:mon*, 「総合ロシア語入門」) (Ясуока, 2011) — учебник грамматики русского языка для начинающих, и «Русская речь. Приятно слышать!» (яп. *mimi ga ёрокобу rosiago*, 「耳が喜ぶロシア語」) — учебник для отработки навыков аудирования, рассчитанный на средний уровень владения языком (Мори, 2013). Выбор материала обоснован тем, что, во-первых, данные учебники являются одними из наиболее известных и популярных учебников среди японских студентов, изучающих русский язык. Во-вторых, авторы обоих учебников в предисловии обещают познакомить учащихся с русской культурой.

Объектом исследования является образ России, а предметом исследования — лексические средства создания образа России в японских учебниках по РКИ. Цель данного исследования заключалась в построении и описании фреймовой модели образа России (концепта РОССИЯ) на основе анализа лексических единиц японских учебников по русскому языку как иностранному. Для достижения цели были решены две задачи: 1) изучить контент японских учебников по РКИ, выбранных для данного исследования и выделить те

лексические единицы, которые способствуют формированию образа России в сознании японских студентов; 2) построить фреймовую структуру концепта РОССИЯ и дать описание каждого элемента данной структуры. Методами исследования стали метод лингвистического наблюдения, описательно-аналитический метод, а также метод фреймового анализа.

Теоретические основы

Лексические средства — это совокупность разнообразных групп слов: существительных, прилагательных, наречий, глаголов. Понятие *образ* рассматривается в данном исследовании в значении «представление о ком-либо, о чем-либо, возникающее в воображении, мыслях кого-либо» [Большой толковый словарь..., 2000, с. 1096]. В данном значении понятие «образ» пересекается с понятием «концепт». *Концепт* — это то, что «индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров», его «представление о... фрагменте мира» [Пименова, 2011, с. 127]. Таким образом, в контексте данной работы понятие «образ» приравнивается к понятию «концепт».

В настоящее время в лингвистических исследованиях все чаще прибегают к фреймовому анализу, который играет важную роль при изучении концептов. Суть метода фреймового анализа состоит в систематизации пласта информации о некоем объекте в виде структур знаний — фреймов. Фрейм представляет собой «некоторую структуру данных... хранящуюся в памяти и предназначенную для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979, с. 7]. Фреймовая структура — это «конструкция знания», состоящая из суперфрейма — верхушки, фреймов и слотов.

В настоящем исследовании концепт РОССИЯ был описан при помощи фреймового анализа, поскольку данный метод позволяет представить концепт наиболее логично и структурировано. Для построения фреймовой структуры концепт РОССИЯ принимается за верхушку фреймовой структуры — суперфрейм, далее выделяются блоки знаний — фреймы, которые подразделяются на слоты. Каждый фрейм и слот соотносится с определенной тематической группой, в которой объединены различные лексические средства. Построение фреймовой структуры позволяет реконструировать образ России в виде упорядоченной системы и увидеть, какой представляют себе Россию японские учащиеся, изучающие русский язык вне языковой среды.

Концепт РОССИЯ в учебнике для начального уровня

Фреймовая структура знаний о России после завершения изучения «Самоучителя русского языка» (Ясуока, 2011) включает такие фреймы, как «территория», «русский человек», «история», «культура».

Во фрейм «**территория**» вошли три слота: «география», «улицы и станции метро», «климат». В слоте «**география**» представлены названия пяти городов (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Екатеринбург, Хабаровск), двух регионов (Кавказ, Сибирь), реки Волга и озера Байкал. В слот «**улицы и станции метро**» вошли наименования двух улиц и двух станций метро: Казанская улица в Санкт-Петербурге, Лесная улица в Москве, станции метро «Киевская» и «Кропоткинская». Слот «**климат**» содержит лишь одно слово — *мороз*.

Фрейм «**русский человек**» содержит три слота: «русские имена и фамилии», «известные личности» и «повседневность». Среди **русских имен и фамилий** в учебнике можно встретить следующие мужские и женские имена и фамилии: Иван, Николай, Андрей, Саша, Петр, Миша, Юра; Анна, Ольга, Аня, Лена, Маша, Катя, Наташа; Павлов, Васильев. В слот «**известные личности**» вошли фамилии таких известных людей, как Пушкин, Достоевский, Чехов, Толстой, Пелевин, Жигалова, Тургенев, Платонов, Пастернак, Зощенко; Гончарова (жена Пушкина), Сниткина (жена Достоевского); Шагал; Лопаткина, Михалков. Слот «**повседневность**» включает в себя лишь слово *дача*.

Фрейм «**история**» состоит всего из одного слота — «**историзмы**», в который вошли такие слова и словосочетания, как *царь, извозчицы, санки, извозчик, сани*.

Наиболее информативным стал фрейм «**культура**», в состав которого вошли следующие слоты: «достопримечательности», «литература», «искусство», «традиции и обычаи», «кухня, продукты», «пословицы, поговорки, фразеологизмы», «анекдоты».

Слот «**достопримечательности**» включает Большой театр, Красную площадь, Мариинский театр, Эрмитаж, Русский музей, Екатерининский дворец, Янтарную комнату.

Самым наполненным слотом стал слот «**литература**», который частично дублирует слот «известные личности» фрейма «русский человек». Сюда вошли фамилии писателей (Пушкин, Достоевский, Чехов, Толстой, Пелевин, Жигалова, Тургенев, Платонов, Пастернак, Зощенко), названия произведений («Братья Карамазовы»,

«Воробей», «Неизвестный цветок», «Доктор Живаго», «Война и мир», «Золотые слова») и журнал «Новый мир». Учебник содержит отрывки из таких произведений, как «Воробей», «Неизвестный цветок», «Доктор Живаго», «Золотые слова» в оригинале. В предисловии автор предупреждает, что произведения содержат лексику, не предназначенную для начального уровня, и поэтому необязательно запоминать каждое слово из отрывков классических произведений.

Слот **«искусство»** объединил в себе культурные мероприятия (балет «Лебединое озеро» и опера «Война и мир»), название направления модернизма в России (русский авангард), вид народного творчества (Кубанский хор казаков), а также фамилии таких известных людей, как балерина Лопаткина, художник Шагал и режиссер Михалков.

Слот **«традиции и обычаи»** содержит лишь знания о елке и матрешке. Упоминание о елке представлено в двух значениях: в прямом значении символа Нового года, а также в значении праздника.

В слот **«кухня, продукты»** вошли: щи, борщ, пирожки, водка, икра, а также хлеб и черный хлеб. Особое внимание профессор Ясуока уделила значению хлеба в русской культуре: «Раньше в русском доме для встречи гостей на столе были хлеб и соль. <...> У русских всегда был культ хлеба. Традиционно в России черный хлеб любили больше, чем белый. ...начали печь хлеб... в IX в., возможно, еще раньше» (Ясуока, 2011, с. 123). «В русской кухне секретов не меньше (чем в японской — Ю. Я.). А самый главный секрет — это хлеб. До сих пор говорят ведь: “Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска”» (Ясуока, 2011, с. 129).

В слот **«половицы, поговорки, фразеологизмы»** вошли наиболее часто используемые в разговорной речи, а следовательно, полезные с практической точки зрения половицы, поговорки и фразеологизмы с их переводом на японский язык и толкованием: *Кто не работает, тот не ест; Все хорошо, что хорошо кончается; Где много слов, там мало мудрости; Больше денег, больше хлопот; Век живи, век учись; Лучшее поздно, чем никогда; На нет и суда нет; Не знаешь, где найдешь, где потеряешь; Подальше положишь, поближе возьмешь; Поспешишь, людей насмешишь; Старость не радость; Тише едешь, дальше будешь; Ум хорошо, а два лучше того; Язык до Киева доведет; Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска; Медвежья услуга.*

Также автор данного учебника знакомит учащихся с двумя русскими анекдотами и предлагает попробовать перевести их на японский язык. В слот **«анекдоты»** вошли следующие три анекдота:

— Мама, где ты родилась?
— В Москве.
— А папа где родился?
— В Волгограде.
— А я?
— Ты родился в Петербурге.
— А как же мы все встретились?
(Ясуока, 2011, с. 58)

Однажды две старухи ехали в поезде.
— Вы куда едете? — спрашивает одна.
— В Москву, — отвечает другая.
— А я еду в Петербург.
— Смотрите, какая теперь техника! Сидим в одном вагоне, а едем в разные стороны.
(Ясуока, 2011, с. 82)

— Я тебя очень прошу, не останавливайся у каждой витрины, — сердится муж.
— Если у тебя нет времени, мы можем на минутку войти в магазин, — предлагает жена.
(Ясуока, 2011, с. 95)

Концепт РОССИЯ в учебнике для среднего и выше среднего уровней

Фреймовая структура знаний о России после завершения изучения учебника «Русская речь. Приятно слышать!» (Мори, 2013) включает такие фреймы, как «территория», «государство», «русский человек», «история» и «культура».

Фрейм «**территория**» состоит из слотов «география», «климат» и «природа». Слот «**география**» содержит общие сведения о размерах территории России, названия городов, регионов, областей, гор, озер и рек. Среди географических названий упоминаются культурные центры России — Москва и Санкт-Петербург; три города Золотого кольца: Владимир, Ярославль, Суздаль; три города Серебряного кольца: Калуга, Смоленск, Рязань; города Дальнего Востока: Владивосток, Хабаровск, Петропавловск-Камчатский; другие известные города: Мурманск, Ялта, Великий Новгород, Нижний Новгород (Горький), Архангельск, Череповец, Пермь, Выборг, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Якутск, Печора, Салехард. Также в данный слот вошли следующие географические названия: Сибирь, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, полуостров

Камчатка, остров Сахалин, Уральские горы, озеро Байкал и река Ангара.

В слот **«климат»** вошли как общее описание российского климата, так и описание климатических особенностей отдельных регионов и городов. Зима в России характеризуется как «долгая и снежная», «дни короткие, а ночи длинные», в Сибири «суровые климатические условия» (Мори, 2013, с. 24–26). Отдельное внимание уделено климату Республики Саха (Якутия) и Мурманска. Про Якутию говорится следующее: «Лето здесь короткое, а зима — длинная. Зимой трещат морозы... Почти вся территория этой области покрыта сплошной вечной мерзлотой» (Мори, 2013, с. 68). Климат Мурманска описывается примерно так же, с упоминанием таких явлений, как полярная ночь, полярный день и северное сияние. В учебнике присутствует целый текст про белые ночи, где говорится, что Санкт-Петербург — наиболее известный российский город, где можно увидеть белые ночи. Авторы также указывают и на то, что белые ночи есть и в других российских городах (Архангельск, Череповец, Пермь, Выборг, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Якутск, Печора, Салехард) (Мори, 2013, с. 148).

Слот **«природа»** содержит в основном информацию о богатых природных ресурсах (нефть, газ; золото и алмазы Якутии), природных зонах и совсем немного о животных России. Сюда вошли слова *тайга, тундра, лесотундра и арктическая пустыня*, называющие четыре природные зоны Якутии. Природа Камчатки описывается такими прилагательными, как *дикая, нетронутая, девственная*. Единственное наименование дикого животного, вошедшее в данный слот, — *северный олень*.

Фрейм **«государство»** представляется весьма информативным и содержит следующие слоты: «политика», «экономика», «административная система», «общество», «образование», «общественный транспорт», «армия».

В слот **«политика»** вошли имена президентов России: Борис Ельцин, Владимир Путин, Дмитрий Медведев, информация о местонахождении в Кремле рабочей резиденции президента Российской Федерации, а также знания об особенностях президентского срока, полномочий и о некоторых особенностях избрания одного и того же президента более одного раза.

В слоте **«экономика»** представлена информация об экономике Сахалина и положение дел малого бизнеса. В учебнике приводятся сведения о богатых месторождениях нефти и газа на северо-востоке Сахалина, а также есть упоминание о проектах «Сахалин-1»

и «Сахалин-2», которые имеют большое значение для российско-японских экономических отношений. В тексте о российском малом бизнесе авторы указывают на неравномерность «распределения предприятий по территории страны», поскольку «в Москве и Санкт-Петербурге сосредоточено 20 % и 12 % всех российских малых предприятий» (Мори, 2013, с. 126).

В слот «**административная система**» вошли слова и словосочетания: *республика, край, область, город федерального значения, автономный округ и автономная область*.

Слот «**общество**» содержит сведения о населении Российской Федерации, в частности содержит информацию о том, что Россия — многонациональное государство, которое населяют русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы и армяне. Про русский народ в учебнике написано следующее: «Русский народ на протяжении многих веков составлял ядро многонационального русского государства. Он всегда играл ведущую роль в экономике и общественно-политической и культурной жизни страны» (Мори, 2013, с. 114).

Слот «**образование**» включает в себя название одного учебного заведения и сведения о школьной системе образования. В данный слот вошли такие слова и словосочетания, как *Московский университет, общеобразовательные школы, лицеи, гимназии, 11 классов, 1 сентября, последний звонок*. Данный слот весьма важен, так как ни одно из явлений не является схожим с японской школьной системой. В Японии младшая, средняя и старшая школы — это совершенно разные учебные заведения. Японские школьники учатся 12 классов, а учебный год начинается с апреля.

Слот «**общественный транспорт**» составили такие виды общественного транспорта, как автобус, трамвай, троллейбус и метро. Особое внимание авторы учебника уделили красоте Московского метрополитена: «метро Москвы славится богатой и искусной отделкой своих станций и считается одним из самых красивых в мире» (Мори, 2013, с. 60).

В слот «**армия**» вошли следующие понятия: *призывники, военнообязанные, срок службы по призыву, дедовщина, «на гражданке», служба по контракту, контрактники, льготы военнослужащим*. В тексте учебника, посвященном службе в армии, отмечается, что «по прогнозам, общее число призывников не сможет обеспечить обороноспособность страны», поскольку современные молодые люди не хотят идти в армию и, соответственно, количество военнослужащих уменьшается (Мори, 2013, с. 142). Также в данный слот включена информация о службе в армии по контракту: «Основная

масса контрактников — жители села, для которых зарплата военнотружущих существенна. Весьма привлекательными выглядят льготы военнотружущим; проезд к месту отпуска и обратно, льгота при поступлении в вузы, ипотека» (Мори, 2013, с. 142).

Фрейм **«русский человек»** содержит пять слотов: «известные личности», «семья», «повседневная жизнь и работа», «досуг», «спорт», «социальные проблемы».

Слот **«известные личности»** включает имена следующих людей: Алексей Михайлович, Наталья Кирилловна из рода Нарышкиных, Петр I, Екатерина I, Екатерина II, Александр I, Николай I, Ленин, Сталин, Чайковский, К. Э. Циолковский, Юрий Гагарин, Валентина Терешкова, Сергей Бондарчук, Александр Сокуров, Борис Можаяев, Станислав Говорухин; Владимир Высоцкий, Юрий Визбор, академик Лихачев, Мария Шарапова, а также имена президентов России, которые также вошли в слот «политика» фрейма «государство» (Борис Ельцин, Владимир Путин, Дмитрий Медведев), и имена русских писателей, которые вошли в слот «литература» фрейма «культура» (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. А. Крылов, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Н. А. Некрасов, В. Брюсов, Лев Толстой, А. Блок, Владимир Одоевский, А. Белый, К. Бальмонт, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, Шолохов, Борис Акунин).

В слот **«семья»** вошли две темы — это значение бабушки для русской семьи и проблема разводов. Авторы учебника посвятили целый текст роли бабушки, подчеркивая, что «русскую семью без бабушки представить сложно», «воспитание маленьких детей целиком перекладывается на бабушкины руки», и, в конце концов, «бабушка в России просто незаменима» (Мори, 2013, с. 92). О проблеме разводов в данный слот вошла следующая информация: «По статистике, сегодня в России каждый второй брак заканчивается разводом. <...> Причины... наличие зависимости у супруга (алкогольной, наркозависимости), отсутствие любви даже при наличии детей — по 31 %, неустроенность жилищных условий молодой семьи (21 %), неверность (20 %), грубость (15 %)» (Мори, 2013, с. 90).

Слот **«повседневная жизнь и работа»** в основном отражает следующий текст: «В целом россияне питаются и одеваются неплохо. Еда в супермаркетах неплохого качества, но дороже, чем на рынке. Средняя зарплата москвичей — 1500 долларов. На жилье, транспорт, связь уходит большая часть дохода. Чтобы поддержать определенное качество жизни, россияне почти все время проводят на работе. Россияне работают весь день, а вечером могут пойти

на концерт или в оперу. А по выходным ходят в музей или галерею с детьми» (Мори, 2013, с. 18).

Слот **«досу́г»** представлен следующими видами свободного времяпрепровождения россиян — это театр, концерт, опера, балет, музей, галерея, просмотр телеканала «Культура», зоопарк, отдых на природе, поход в лес за грибами осенью («тихая охота», третья охота), рыбалка, подледный лов, дача. Также в учебнике употребляется слово *дачники* для обозначения людей, которые уезжают в загородные дома (на дачу).

В слот **«спорт»** вошла информация о том, что в России популярны зимние виды спорта: катание на лыжах, горные лыжи, сноубординг, катание на коньках, фигурное катание, а также хоккей.

Слот **«социальные проблемы»** характеризует проблема демографического кризиса и проблема разводов, информация о которых также содержится в слоте «семья». Наряду с проблемой демографического кризиса можно составить представление и о других проблемах общества: эмиграция женщин детородного возраста, высокая мужская смертность в ДТП, рост числа одиноких матерей, снижение числа многодетных семей, недовольство россиян низкими детскими пособиями, отсутствие отдельного жилья и мест в детсадах, некачественное медицинское обслуживание.

Во фрейм **«история»** вошел один слот — **«историзмы»**. Сюда включены такие слова, как *Русь, крестьянская изба, печь, горница («светлица»), извозчик, скоморохи, мерная икона, гонцы, берестяные грамоты, гривна, царь*.

Самым содержательным стал фрейм **«культура»**. В него вошли следующие слоты: «достопримечательности», «литература», «искусство», «кино и мультфильмы», «мифология», «традиции и обычаи», «праздники», «кухня, продукты», «пословицы и поговорки».

Слот **«достопримечательности»** представлен довольно широко и включает в себя следующее: достопримечательности Москвы (Большой московский цирк на проспекте Вернадского, Московский Кремль, Красная площадь, Новодевичий монастырь, Церковь Вознесения в Коломенском, Большой театр, Малый театр, МХТ им. Чехова, «Современник», Театр на Таганке, Московский художественный театр), достопримечательности Санкт-Петербурга (Эрмитаж, Мариинский театр, Российская национальная библиотека, Русский музей, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор; «Алые паруса»), маршруты «Золотое кольцо» и «Серебряное кольцо», памятники русским поэтам и писателям в Ялте (Пушкину, Чехову, Горькому, Шевченко), модель орбитальной станции «Мир» в Звездном город-

ке, крепостная стена XVII в. в Смоленске, Псковский, Новгородский, Казанский, Суздальский кремли, а также вулканы Камчатки, включенные в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Следующий слот — **«литература»**. Русская литература является популярной во всем мире, и Япония не исключение. Данный слот содержит имена русских авторов и названия их произведений: А. С. Пушкин («Евгений Онегин», «Борис Годунов»), М. Ю. Лермонтов («Маскарад»), Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин («Пропала совесть»), И. А. Крылов, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад»), Н. А. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо»), В. Брюсов, Лев Толстой («Война и мир»), А. Блок, Владимир Одоевский, А. Белый, К. Бальмонт, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам, Шолохов («Судьба человека»), Борис Акунин.

Слот **«искусство»** акцентирован на балете и содержит названия таких известных балетных постановок, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик», а также имя человека, совершившего «революцию в балете», — П. И. Чайковский (Мори, 2013, с. 36).

Слот **«кино и мультфильмы»** включает не только названия кино и мультфильмов, но и названия наиболее известных российских киностудий («Мосфильм», «Ленфильм», «Одесская индустрия», «Киностудия им. Горького», «Союзмультфильм»). В данный слот вошли названия таких кинофильмов, как «Москва слезам не верит», «Война и мир» (1967, Сергей Бондарчук), «Иван Васильевич меняет профессию», «Бриллиантовая рука», «Ирония судьбы или с легким паром», «12 стульев», «Гостья из будущего», «Кавказская пленница», «Солнце» (2005, Александр Сокуров), «Хозяин тайги» (1968, сценарий Бориса Можаяева), «Вертикаль» (1967, Станислав Говорухин). Из мультфильмов названы: «Снежная Королева», «Дикие лебеди», «Малыш и Карлсон» и «Винни-Пух».

В слот **«мифология»** вошли наименования всего трех русских мифических существ — это домовый, леший и русалка.

Слот **«традиции и обычаи»** содержит информацию об отчестве, правилах поведения в православной церкви (запрет сиденья во время службы), о древних традициях и обычаях, связанных с платком (как головной убор для замужней женщины и как собственноручно вышитый подарок от девушки своему жениху в сельской местности), о свадебном обычае выкупа невесты, а также традиции и обычаи дарения цветов. В символике цветов и обычаях дарения цветов в России и Японии существует много отличий. Например, в учебнике указано, что «в России белые хризантемы символизируют честность

и не имеют траурной символики, в отличие от Японии», а также то, что «В России не дарят букеты с четным числом цветов, их приносят только на похороны» (Мори, 2013, с. 96).

Слот **«праздники»** включает наименование следующих праздников: Новый год, Рождество (7 января), Масленица, Пасха, День космонавтики (12 апреля). В контексте Нового года авторы также упоминают, что «Россия была единственной страной в мире, где Новый год впитал в себя рождественские атрибуты», и тем самым подчеркивают особенность этого праздника в России и его отличие от японских новогодних традиций (Мори, 2013, с. 28).

В слот **«кухня, продукты»** вошли наименования таких необычных для японцев блюд и продуктов, как щи, борщ, рассольник, солянка, уха, окрошка, сметана, каша, блины, пироги, икра, рижский черный хлеб, черный ржаной хлеб.

Слот **«половицы и поговорки»** содержит два выражения: *Не хлебом единым жив человек* и *Смех без причины — признак дурачины*. Про последнее в учебнике отмечено, что это «уникальная поговорка, отсутствующая в других языках» (Мори, 2013, с. 86).

Заключение

Профессор Университета Аояма Гакуин (яп. *Аояма гакуин дайгаку*, 青山学院大学) и преподаватель русского языка как иностранного П.Э.Подалко подчеркивает, что «студенты языковых вузов нуждаются в... учебниках культурологической и страноведческой тематики, сопоставляющих сегодняшнюю Россию с современной Японией, жизненные ценности современных русских и современных японцев, знакомящих с менталитетом, повседневной жизнью» [Подалко, 2018, с. 87]. К числу таких учебников можно отнести и учебники, выбранные для анализа образа России в настоящем исследовании.

В целом нельзя сказать, что «Самоучитель русского языка» содержит достаточно страноведческого материала, но это характерно для учебников начального уровня, так как основной их задачей является освоение основ грамматики и лексического минимума. Этот учебник можно порекомендовать тем японцам, которые при выборе русского языка для изучения были мотивированы интересом к русской литературе и особенно желанием прочитать русскую классику в оригинале. Помимо отрывков из литературных произведений в учебнике представлены некоторые половицы, поговорки, фразеологизмы и анекдоты, изучение которых представляется весьма важным, поскольку их правильное использование свидетельствует

о высоком владении языком и способствует сближению иностранцев с носителями языка. Учебник «Русская речь. Приятно слышать!» предназначен для развития навыков аудирования естественного темпа речи носителей языка. В нем содержатся познавательные тексты, охватывающие все основные сферы жизни. Данное пособие может быть использовано для занятий по методу *shadowing* (прослушивание аудиозаписи и одновременное повторение вслух, как можно ближе к оригиналу).

Потенциал рассмотренных в данной работе учебников заключается в первую очередь в содержании в них лингвострановедческой информации. В «Самоучителе русского языка» лингвострановедение представлено в основном имплицитно в виде грамматических упражнений, а в учебнике «Русская речь. Приятно слышать!» — эксплицитно в виде текстов, напрямую рассказывающих о России. Анализ контента данных учебников показал, что образ России в них представлен объективно и способен сформировать не полное, но объективное и достаточно положительное представление о России.

Источники

- Мори Е. 耳が喜ぶロシア語 [Русская речь. Приятно слышать!] Токио: Сансюся, 2013. (На яп. яз.)
- Ясуока Х. 総合ロシア語入門 [Самоучитель русского языка]. Токио: Кэнкюся, 2011. (На яп. яз.)

Литература

- Ардатова Е.В. Продвижение позитивного образа страны в современных учебниках по русскому языку для иностранцев как составляющая «мягкой силы» России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Науч.-информ. изд. центр и ред. журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук». 2015. № 7-1. С. 222–226.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Подалко П.Э. Русский язык в Японии: взгляд изнутри. Историко-культурный аспект и его влияние на особенности преподавания иностранных языков // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2018. Т. 17, №2: Филология. С. 79–89.
- Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.

Словари

- Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

**Семантический потенциал
соматического компонента *рука*
в русских китайских фразеологизмах
(лингвокультурологический подход)**

Фразеология является одним из основных объектов исследования в изучении национальной культурной информации, закрепленной в языке. Цель исследования заключается в анализе языковых проявлений концептуального содержания компонента *рука* в составе русских и китайских соматических фразеологизмов и в выявлении семантического потенциала данных единиц, реализованного в идиомах. Научная новизна заключается в рассмотрении семантического потенциала соматического компонента *рука* в русских и китайских фразеологизмах. Теоретическая часть исследования основана на работах лингвистов, изучающих фразеологию. В результате исследования данной работы представляет один из аспектов исследования фразеологизмов, заложенного во внутренней форме ФЕ.

Ключевые слова: семантический потенциал, соматический фразеологизм, русские фразеологизмы, китайские фразеологизмы, фрагменты категорий, концептуальный признак.

Yajun Li

**Semantic potential of somatic component hand in Russian
and Chinese phraseological units (linguocultural approach)**

The work is a study of somatic phraseological units with a head component *hand* in Russian and Chinese languages within the linguoculturological theoretical framework. Comparing the semantic potential of these phraseological units, we can notice common culturally significant conceptual features between Russian and Chinese idioms. On the base of these observations, we will reveal the cultural and linguistic connection between Russia (the West) and China (the East).

Keywords: semantic potential, somatic phraseological unit, Russian phraseological units, Chinese phraseological units, fragments of categories, conceptual sign.

«Фразеологизм», «фразеологическая единица» (ФЕ), «фразеологический оборот», «идиома» и «устойчивое словосочетание» — все

эти термины называют устойчивые сочетания слов. Специфика данного исследования ставит в фокус нашего внимания **фразеологические единства** и **фразеологические сочетания** в русском языке и китайском (кит. *чэньюй* (成语)), так как они обладают яркой образностью, которая содержит информацию о концептуальном содержании отдельных компонентов ФЕ в сознании русскоговорящих.

Любая культура имеет свои национальные особенности, которые находят выражение в языке и представляют в нем особое видение мира; «языку присуща специфическая для каждого языка внутренняя форма» [Маслова, 1997, с. 34]. Еще В. фон Гумбольдт утверждал, что «народный дух» и культура лежат в основе внутренней формы языка (см.: [Маслова, 1997, с. 34]). А так как язык является «компонентом культуры, отражающим и сохраняющим в себе культурно-исторические сведения традиционного характера и множество фактов современности» [Турапова, 2015], то внутренняя форма языка — это ценный источник культурной информации. Наше исследование основывается на том, что **внутренняя форма ФЕ** содержит информацию о концептуализации основных компонентов идиомы в сознании носителей языка, о том, какие характеристики данных понятий воспринимаются говорящими как существенные в лингвокультуре.

Соматизм — это лексическая единица, называющая части тела человека и животных. **Соматические фразеологизмы** — это фразеологизмы с компонентами названий разных частей тела. Обычно человек пользуется соматическим фразеологизмом с компонентом — названием части тела, которую наиболее часто встречается, то есть *рука* [Заруба, 2014].

Термин **«семантический потенциал»** означает способность значения к ассоциативным связям с другими значениями и смыслами, к закреплению некоторых из этих связей в виде новых значений [Поликарпов, 2001, с. 47; Пономарева, 2007, с. 8]. В нашей работе будем исходить из понимания, что **семантический потенциал** компонентов фразеологизмов актуализируется в них за счет **внутренней формы**, которая содержит информацию о концептуализации соответствующих понятий в сознании носителей языка. Наличие лексемы в составе фразеологизма расширяет границы ее семантического объема, так как соотношение между значением и внутренней формой идиомы выявляет дополнительные концептуальные признаки ее компонентов, которые часто не находят отражения в их лексических значениях.

По данному анализу выделили несколько групп фразеологизмов с опорным компонентом *рука*, представленных в русской фразеологии.

1. Рука как символ власти

Почти в каждом языке, в том числе и в русском, содержательная структура соматизма *рука* обогатилась смыслом «рука как символ власти» в результате переосмысления основной функции денотата.

Фразеологизм *сильная рука* имеет значение ‘влиятельный покровитель’ [Фразеологический словарь..., 1968, с. 369], которое реализуется в контекстах:

Мухомедов был совсем бесхарактерный человек в некоторых отношениях, особенно если вблизи не было около него какой-нибудь сильной руки, которая время от времени поддерживала его (Мамин-Сибиряк. Сестры).

Потеряв наследство дяди, чтобы не лишиться еще многого... мне необходима сильная рука! (И. А. Шимановский, Письмо Н. Н. Раевскому 12 мая 1835).

В приведенных примерах *рука* наделена способностью осуществлять контроль, руководить. Следовательно, в содержательной структуре опорного компонента ФЕ выделяется концептуальный признак «инструмент власти, контроля». Такое переосмысление представлено также во фразеологизме *сильной рукой*, который растолковывается как ‘смело и властно делать что-нибудь’ [Лапшина, 1991, с. 133].

2. Рука как символ действия, движения

Фразеологизмы группы «рука как символ действия, движения» тоже основываются на понимании того, что руки непосредственно связаны с человеческой деятельностью. Однако в них этот соматизм не просто расценивается как инструмент действия, а отождествляется с самим действием, движением, символизируя его.

Исследователи приписывают оборот *рука руку моет* древнегреческому драматургу Эпихарму, латинское выражение встречается у Сенеки и Петрония. В результате эксплицирования этого выражения в русском языке возникли пословицы *Рука руку моет — обе белы живут*; *Рука руку моет, а обе хотят белы быть*; *Рука руку моет, вор вора кроет* (Фразеологический словарь..., 2006). Через компонент *рука* идиома *рука руку моет* в целом отображает стереотипное представление о ситуации взаимного «покрывательства» тех, кто занят общей неблагоприятной деятельностью. Надо отметить, что глагол *мыть* предполагает наличие на объекте действия грязи, которая символически осмысливается как признак нравственной нечистоты. Поэтому данный оборот содержит негативную оценку.

Выражение *рука руку моет* имеет полное совпадение в китайском языке — 官官相护 ('все чиновники покрывают друг друга' (Большой китайско-русский словарь), но китайский аналог уже не содержит слова *рука*.

3. Рука как метонимическое обозначение человека, индивидуума

Существует обширная группа фразеологизмов, в которых часть тела (*рука*) замещает человеческое существо в целом. На основе метонимического переноса лексема *рука* наделяется дополнительным смыслом, обозначая человека, чья основная характеристика — это действие.

Оборот из *первых рук* в значении 'из первоисточника, непосредственно' связан с торговлей. «Проходя через руки перекупщиков, товары всегда дорожали, снижалась и их добротность. Поэтому отдавали предпочтение товарам, приобретенным не у перекупщиков, а из первых рук, т. е. у производителей» [Справочник по фразеологии, 2013]. У идиомы из *первых рук* первоначально сформировалось значение 'у производителей', то есть у человека, который производит своими руками. Таким образом, содержательная сторона лексемы *рука* расширяется до обозначения человека, индивидуума. Таким же образом концептуализирована *рука* во ФЕ, которые имеют противоположный смысл: это фразеологизмы *через третьи (четвертые, пятые и т. д.) руки* в значении 'не напрямую, через посредника'.

Дальше мы продолжаем подробно рассматривать фразеологизмы с опорным компонентом *рука* несколько групп, представленные в китайской фразеологии.

1. Рука как символ власти

Фразеологизм 手遮天 'одной ладонью заслонить все небо', который имеет значение 'большая власть' (Готлиб, Му Хуаин, 2019).

2. Рука как метонимическое обозначение человека, индивидуума

Фразеологизм 妙手丹青 'великолепная рука в киновари и лазури' ('блестящий художник') (Готлиб, Му Хуаин, 2019). Пример:

我们这里有很多~, 我现在就去找一个来, 给你画个像。

'У нас много блестящих художников, я сейчас найду одного, чтобы вам рисовал портрет.'

Фразеологизм 妙手回春 — 'рука мастера возвращает весну' ('великий, искусный врач') (Готлиб, Му Хуаин, 2019). Значение: 指医生医术高明。('замечательные доктора') Пример использования: 患者

都称赞张大夫有~的高超医术。(‘все пациенты говорят, что доктора Чжан — замечательный’). Фразеологизм-синоним: 起死回生 (‘вернуть мертвого к жизни’), 着手成春 (‘блестящая рука в весну’). Фразеологизм-антоним: 回天乏术 (‘ничем уже не помочь’) (Готлиб, Му Хуаин, 2019; 商务印书馆辞书研究中心《新华成语词典 第2版, 2019, с. 521).

3. Рука как основное средство жестикulyции, сопровождающей коммуникацию (выражение эмоций, волеизъявления и пр.)

Фразеологизм 手舞足蹈 — ‘руки качаются, ноги прыгают’ (радость) (Готлиб, Му Хуаин, 2019).

4. Рука как символ пространственной доступности или реальной возможности, осуществимости желания

Фразеологизм 唾手可得 — ‘плюнул на руку — и можно получить’ (о том, что достается легко, без труда, как бы приходит само собой) (Готлиб, Му Хуаин, 2019).

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам. Руки являются неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности человека. Соматизм, называющий эти понятия, очень употребителен. Они лежат в основе большого количества фразеологических единиц в разнообразных ситуациях.

Во фразеологическом пласте языка прослеживается расширение семантического объема опорных компонентов ФЕ за счет актуализации концептуальных признаков, не входящих непосредственно в семантическую структуру соответствующих лексем.

В концептуальном содержании опорного компонента представленных фразеологизмов сосуществуют фрагменты таких категорий, как: 1) **пространство** — средство измерения длины, расстояния, например, во ФЕ *рукой подать* и пр.; 2) **деятельность** — *рука* представлена во фразеологизмах как основной инструмент деятельности: *развязать руки* (кому-л.) и пр.; 3) **категория взаимодействия, представленная в особенностях социальных и нравственных взаимоотношений**: *протянуть руку* (кому-л.), *举手之劳* и пр.; 4) **категория эмотивности** — в основном во ФЕ, чья образность основана на жестикulyции, например *опустить руки*, *手舞足蹈*; 5) **категория оценочности** — *золотые руки*, *руки в крови*, *妙手回春/妙手丹青* и пр.

Для рассматриваемых соматизмов характерна оценочная амбивалентность, которая проявляется в основном во ФЕ, в которых есть указание на одну из конечностей — правую или левую. Правая конечность расценивается носителями русского языка как главная, положительная, способная, «умная» (со знаком плюс), а левая — как

второстепенная, вспомогательная, ведомая, несамостоятельная, неспособная, «глупая» (со знаком минус). Надо отметить, что в китайской фразеологии только «правая» проявляется у соматизма *рука* в значении «главная». А выражение 意见相左 ('противоречить друг другу'), описывает такую ситуацию: два человека встретились, но оба протянули левую руку и не могут пожать друг другу руку, то есть они противоречат друг другу. Хотя в этом выражении нет опорного компонента «рука», но «левый» тоже содержит негативную оценку.

Наиболее культурно значимые концептуальные признаки, которые актуализируются в соматизме *рука* во фразеологическом пласте русского языка — это «действие», «власть» и «субъект».

Наиболее культурно значимые концептуальные признаки, которые актуализируются в соматизме «нога» во фразеологическом пласте китайского языка — это «действие» и «субъект».

Данная работа представляет лишь один из аспектов исследования фразеологизмов, который учитывает веками копившуюся в этих единицах социокультурную информацию. Образ, заложенный во внутренней форме фразеологических единиц, напрямую отсылает к мировоззрению носителей языка, к их отношению к разным фактам действительности, к их системе оценок и эстетическому восприятию. Это превращает фразеологический пласт языка в богатый источник сведений о специфике национальной культуры, отраженной в языке.

Источники

Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 25.10.2020).

Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь: около 3500 выражений. 2-е изд., стер. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2019. URL: <https://gotlib.ru/dict/> (дата обращения: 25.10.2020).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/> (дата обращения: 25.10.2020).

Фразеологический словарь русского языка / сост. В. Н. Телия. [Б. м.]: [Б. и.], 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 25.10.2020).

新华成语词典 第2版 [Фразеологический словарь «Синьхуа». 2-е изд.] Пекин: Коммерческое изд-во, 2019. (На кит. яз.)

Литература

Заруба И. С. Соматическая лексика в лексической системе немецкого языка // Материалы III Республиканской студенческой науч.-практ. конф.

«Лингвистические и социокультурные аспекты иностранного языка». Брест, 21 мая 2014 г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина. 2014. С. 13–15. URL: http://www.brsu.by/sites/default/files/deutschlang/Konferenz_2014/zaruba.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

Поликаров А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент. [М., 2001.] URL: <https://www.philol.msu.ru/~lex/areft/comchar.htm> (дата обращения: 25.10.2020).

Пономарева Н. В. Семантический и словообразовательный потенциал имен топологических зон ВЕРХ / НИЗ (на материале русского литературного языка): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007.

Турапова Н. А. Национально-культурная специфика фразеологизмов японского языка (лингвокультурологический подход) // Современная филология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа: Лето, 2015. С. 84–86. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7491/> (дата обращения: 25.10.2020).

Словари, справочная и учебная литература

Лапишина М. А. Фразеологический словарь литературного языка конца XVIII — XX в. Т. II. Новосибирск: Наука, 1991.

Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие. М.: Наследие, 1997.

Справочник по фразеологии. 2013. URL: https://frazeeolog_ru.academic.ru/183/%D0%B8%D0%B7_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D1%80%D1%83%D0%BA (дата обращения: 25.10.2020).

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968.

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 81.139

Л. Б. Карпенко

Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С. П. Королева

О ценностном подходе к русскому языку

В статье в связи с обсуждаемой проблемой состояния современного русского языка актуализируется необходимость применения по отношению к русскому языку ценностного подхода. Ценностный подход, в понимании автора, предполагает анализ и оценку фактов в соотношении не с хронологическими критериями (новое — прежнее, устаревшее), а с их глубинным содержанием, с той сутью, которая должна сохраняться при любых исторических условиях. В применении к языку аксиологический подход — это такой подход, который обеспечивает обращение к традиции, понимание сущностных оснований языка, а потому способствует наиболее целесообразному его изучению и преподаванию.

Ключевые слова: ценностный подход, восстановление традиции, языковой регистр.

L. B. Karpenko

About the value approach to the Russian language

The article is devoted to the discussion of the problem of the quality of the modern Russian language, which actualizes the need to apply the value approach in relation to the modern Russian language. The value approach, in the author's understanding, involves the analysis and evaluation of facts in relation not to chronological criteria (new — old, outdated), but to their deep content, with the essence that should be preserved under any historical conditions. When applied to a language, an axiological approach is an approach that provides an appeal to tradition, an understanding of the essential foundations of a language, and therefore contributes to its most appropriate study and teaching.

Keywords: axiological approach, recovery of tradition, language register.

Современное состояние русского языка широко обсуждается в среде общественных деятелей, филологов, педагогов в связи с проблемами языковой ситуации в стране, задачами поддержания языка, совершенствования школьных учебных программ. Цель моей ста-

тьи — актуализировать проблемы, связанные с языковой диахронией, показать все более увеличивающийся у носителей языка разрыв связей с системой, на основе которой сформировался русский литературный язык.

Российские филологи, учителя и писатели отмечают изменения в языке последних десятилетий. Экспансия культуры рынка, оживление «неформальной» жизни города, вытеснение книги и письма средствами электронной связи — эти реальные процессы сказываются на качестве речи, вызывают расшатывание языковой нормы, активизацию сленга, жаргона, просторечия, значительное распространение неоправданных заимствований. Если одни языковеды выражают обеспокоенность по этому поводу, другие склонны «не драматизировать ситуацию», а видеть в этих процессах проявления естественной жизни языка в условиях активных социальных преобразований. В последнее время на эту тему звучат все более примирительные высказывания, в таком ключе, что необходимые заимствования за тридцать лет уже освоены, а лишние для русского языка слова вышли из употребления.

Однако цифры обращают на себя внимание. В «Новейшем словаре иностранных слов и выражений», вышедшем в издательстве «Современный литератор» в 2007 г., отражено свыше ста тысяч иностранных слов и выражений [Новейший словарь..., 2007]. В особенности активны в современной русской речи включения из английского языка, среди которых не только обозначения новых реалий, но и масса неоправданных заимствований, создающих конкуренцию лексике русского языка, вроде *баннер* (символ), *драйв* (движение), *драйвер* (водитель), *дьюти-фри* (не подлежащий обложению), *инвайронмент* (среда, окружение), *индид* (на самом деле), *кикс* (толчок), *шокинг* (скандално) и т. п. Подобные «избыточные» англицизмы можно встретить и в текстах СМИ: *андеррайтер* (подписчик), *аутсорсер* (внешний источник), *ребрендинг* (переименование), *хауз* (дом), *шопинг* (покупки) и т. д. Во внутрикорпоративных средах проникновение заимствований происходит гораздо более интенсивно, более агрессивно, чем двадцать-тридцать лет назад, в связи с восприятием технологических цепочек с Запада, а также глобального использования интернета, соцсетей и мобильной связи. Можно взять любую сферу современной российской жизни и наблюдать в ней засилье так называемых англоглобализмов. Приведу несколько примеров из недавней публикации на тему современных технологий подбора кадров: *аутсорс*, *аутсорсинг*, *аутстаффинг*, *геймификация*, *гейм-тест*, *джобсайт*, *лайфхак*, *софтскилс*, *футур-подбор*, *хардскилс*, *хедхантинг* (привлечение,

переманивание специалистов из другой организации в свою'), *эйчар* и т. п.). Многочисленны англоязычные заимствования, функционирующие в сфере массмедиа. Среди них: 1) наименования кинематографических жанров: *блокбастер*, *саспенс*, *треш*, *фьюжн*, *хоррор*, *экишен*; 2) наименования, связанные с производством медийной продукции: *клипмейкер*, *саундтрек*, *хоррор-продюсер*; *экишен-постановщик*; *фолк-саундтрек*; 3) лексика сферы развлечений: *брейк-данс*, *гэг*, *диджей*, *дистрибьютор*, *панк*, *ток-шоу*, *трек*, *флаер*, *хардкор*, *шорт-лист*, *шоу-бизнес*, *шоумен*. Аналогичная ситуация в сфере игровых технологий, спорта, моды и т. д. Поисковики интернета фиксируют востребованность англицизмов. Ко Дню русского языка 2020 г. «Яндекс» составил топ новых слов в русском языке, которыми интересовались в поиске с 2011 по 2020 г. В этом году среди лидеров слово *локдаун*, которое означает резкое сокращение социальной активности по причине закрытия учреждений и запретов на передвижение; в прошлом году — *фудпори* — картинка, возбуждающая аппетит, и *бумер* — представитель поколения родившихся до 1990 г. Все эти примеры, безусловно, свидетельствуют о снижении языкового вкуса. В чем же причина? Думается, что не только во внедрении западных технологий в нашу жизнь. Тенденции языковой моды зависят от ресурсных возможностей языка, и эта зависимость имеет взаимообусловленный характер. К выдвиганию на роль актуального регистра заимствованной лексики приводит небрежение к собственному традиционному словарю.

Оценивая происходящие изменения в языке, необходимо учитывать весь комплекс воздействующих на него факторов. Сегодня на состоянии русского языка сказывается не только приток иноязычной и ненормативной лексики, но и постепенно все более увеличивающийся у носителей языка разрыв связей с классической книжно-письменной системой, на основе которой сформировался русский литературный язык. В начале прошлого века в результате так называемых революционных преобразований была насильственно прервана традиция изучения родного классического языка — церковнославянского, и данное обстоятельство, по моему убеждению, является наиболее негативным в ряду причин, вызывающих «порчу» русского языка. Произошло внезапное изменение естественных условий, в которых русский язык развивался на протяжении целого тысячелетия. Как известно, в течение многих столетий в функциональную парадигму русского языка на правах основной системы входил родной классический язык — церковнославянский, вызвавший к жизни двуязычие.

Взаимоотношения русского и церковнославянского языков, значение церковнославянского для русского языка были прояснены

с момента издания «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» и «Рассуждения о славянском языке...» М. В. Ломоносова, в XIX в. — трудов А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и др., в XX в. — трудов А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, А. И. Горшкова. По мнению А. А. Шахматова, церковнославянский язык лежит в основе не только языка древнерусского периода, но и всех этапов его существования: «Заимствовав от болгар христианскую веру, русские переняли и их язык в качестве сначала церковного языка, потом книжного языка. Вместе с просвещением элементы заимствованного языка проникли глубоко в среду народную... Благодаря тому, что заимствования шли из родственной среды, они прививались живо-му русскому языку...» [Шахматов, 1915, с. 162].

В одной из последних публикаций о взаимодействии древнерусского и церковнославянского языков В. Д. Бондалетов пишет: «Появление церковно-книжного языка стало самой значительной вехой в тысячелетней истории Руси — России. Церковнославянский язык стал не только языком церковного общения, но явлением общекультурным. Он стал дискурсом, частью языковой жизни всех восточных славян с XI в. по XIV в., а затем и в малорусском и белорусском языках» [Бондалетов, 2008, с. 29].

Еще в XVII в. роль литературного языка в Московской Руси выполнял церковнославянский язык. Немецкий филолог Г. В. Лудольф, составитель первой грамматики русского языка на латинском языке, изданной в 1696 г. в Оксфорде, заметил: «Для русских же знание славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь славянским языком» [Лудольф, 1937, с. 113].

Но соотношение русской и славянской языковой стихии в дальнейшем постепенно изменялось. Ускользающая стихия церковнославянского языка побудила М. В. Ломоносова написать «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», в которой великий русский мыслитель предупреждал, что стили литературной речи находятся в прямой связи с церковнославянским языком: «...польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких... От их употребления рождаются три стили, *высокий, посредственный и низкий*. Первый состоит из речений славенороссийских и из славенских... им речи о важных материях к важному великолепию возвышаются. Сим стилем преимуществует российский язык перед многими нынешними

европейскими». «Всем любителям отечественного слова» Ломоносов «дружелюбно советует с прилежанием читать все церковные книги... Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи. Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков» [Ломоносов, 1803, с. 5–6].

В творчестве А.С.Пушкина русская словесность получила целостную систему современного русского литературного языка и тексты, ставшие для него эталонными. В соответствии с указаниями М.В.Ломоносова славянизмы в его поэзии используются «как резерв для выражения высоких эмоций». Не только духовные стихи поэта, как, например, стихотворение «Пророк», которое почти целиком состоит из славянизмов, но и его светская поэзия насыщена церковнославянизмами. Она включает в себе духовную заряженность церковнославянского слова и его высокую экспрессивность: *благословить небо, благословить судьбу, во дни веселий и желаний, день грядущий, златые дни, жертва заблуждений, младое вдохновение, молодые дни, на жизненных браздах, предупреждать восход, судьба хранила, судьбы закон, таить надежду* и т. д.

Настоящую драму язык переживает вместе с обществом после событий революции 1917 г., которая отлучила Церковь от государства. В послереволюционные 1920–1930-е годы светская культура и школьная программа были изолированы от церковнославянского языка. Была прервана и не восстановлена традиция поддержания и изучения церковнославянского. В советский период тенденция к отстранению от церковнославянского языка сказалась и на лексикографических справочниках, они стали ограничивать и даже вытеснять церковнославянские по происхождению выражения. Высокие по своему содержанию и ценностно заряженные выражения, такие, как *бог в помощь, делить хлеб и кров, не потерять духа, не покривить душой, по вере и правде, совет да любовь, ради всего святого* и многие подобные им, стали подаваться как устаревшие или просторечные выражения. Показательно также, что все благопожелания с ключевыми словами *Бог, Христос, дух, душа* в советское время были отнесены авторами фразеологических словарей к языковой архаике (Фразеологический словарь..., 1991).

Язык как система выразительных средств для естественного функционирования должен быть обеспечен достаточным количеством стилевых регистров, позволяющих оформлять тексты любых

стилей: и высокохудожественные, и специальные научные, и деловые, и публицистические, и разговорно-бытовые. На протяжении столетий основным ресурсом высокого стиля (высокого регистра) русского литературного языка служила лексика церковнославянская. Сплошная выборка из словарей старославянского языка слов, сохранивших употребительность и актуальных в современном русскоязычном дискурсе, позволяет судить о важной роли старославянского наследия в формировании не только словаря, но и концептосферы русского литературного языка, охватывающей самые разные сферы. В них выражаются представления о духовных ценностях, творческих проявлениях человека: *вдохновение, воспитание, знание, образование, письменное слово, призвание, художество*; о социальном устройстве: *гражданин, общение, общество, отечество, учитель, человечество* и т.д. Тысячи подобных слов высокого содержания, определяющих параметры концептосферы русского языка, его ценностной картины мира, обеспечивающих общность выражения и восприятия духовного, интеллектуального, социального опыта, преемственность поколений, — восходят к языку славянских переводов Библии.

Начало XXI в. обозначилось как время повсеместно наблюдаемого и на Западе, и в странах Восточной Европы разрушения традиционных ценностей и разрыва культурных традиций. Оно обнаруживается и у нас. Обнаруживается в утрате ощущения исторических корней русского языка, в высказываниях о зависимости русской языковой картины от западных образцов, о пережиточности высокого стиля. Стоящая перед обществом задача — пройти эпоху модернизации без потери национальной самобытности — требует применения в гуманитарной сфере новых подходов. Центральное место среди них должен, по моему мнению, занять подход **ценностный** (аксиологический, от греч. *axia* — ценность, значение, достоинство; *axia-logos* — достойный слов, внимания, значимый, ценностный). Такой подход предполагает анализ и оценку фактов в соотношении не с хронологическими критериями (новое — прежнее, устаревшее), а с их глубинным содержанием, с той сутью, которая должна сохраняться при любых исторических условиях. В эпоху мировой глобализации язык прежде всего отвечает за сохранение национальной идентичности. В применении к языку аксиологический подход — это такой подход, который обеспечивает понимание сущностных оснований языка, а потому способствует наиболее целесообразному его изучению и преподаванию. Это установка на выработку у учащегося представления о значимости языка для сохранения нации,

на восстановление преемственных связей языка с его основой, на возрождение ценностного потенциала изначальной символической системы книжного языка, на выявление содержания знака и текста как явлений культуры, извлечение слова из плена стереотипного употребления, стирающего первоначальный смысл. Важно в преподавании русского языка как родного и как средства мировой коммуникации использование ценностно-ориентированного подхода. Такой подход в наибольшей степени отвечает задаче поддержания русского языка в перспективе государственной языковой политики, выдвинутой в современных целеполаганиях российского общества в ряд наиболее значимых программ.

Источники

- Новейший словарь иностранных слов и выражений / отв. ред. В. В. Адамчик. Минск: Современный литератор, 2007.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX вв. / под ред. А. И. Федорова. Т. 1, 2. Новосибирск: Наука, 1991.

Литература

- Бондалетов В. Д. Древнерусский дискурс и современная культура // XXX Кирилло-Мефодиевские чтения. Славянский мир: вера и культура. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 28–38.
- Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // [Ломоносов М. В.] Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова: в 6 т. Т. 1. СПб.: Имп. Акад. наук, 1803. С. 3–10.
- Лудольф Г. Русская грамматика / переизд., пер., вступ., ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л.: Изд-во Ленингр. науч.-исслед. ин-та языкознания, 1937.
- Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1 / Имп. Акад. наук. Отд-ние рус. яз. и словесности / под ред. акад. И. В. Ягича. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915.

Современное состояние лексического состава русского языка: надо ли бить тревогу?

В статье рассматривается вопрос о новых словах в русском языке, особое внимание уделяется заимствованиям. О заимствованиях в русском языке последних лет приводятся количественные данные, полученные в результате анализа словарей, а также изучения научных работ, посвященных заимствованиям. В работе отмечается, что процесс заимствования усилился в настоящее время во многих языках в связи с ростом инноваций в разных сферах жизни, причем в качестве донора выступает прежде всего английский язык. Проводится сопоставительный анализ числа заимствований в русском и английском языках. Делается вывод о том, что русский язык активно пополняется, причем основным источником обогащения продолжают оставаться его собственные ресурсы, а отнюдь не языковые единицы, пришедшие из других языков. По этой причине нет необходимости беспокоиться о судьбе русского языка.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, словарный состав, неологизм, заимствование.

L. E. Kruglikova

The current state of the vocabulary of the Russian language: is it necessary to sound the alarm?

The article deals with the issue of new words in the Russian language, special attention is paid to borrowings, provides quantitative data on borrowings in the Russian language in recent years, obtained as a result of the analysis of dictionaries, as well as the study of works of scientists devoted to borrowings in the Russian language. The work notes that the process of borrowing has intensified at the present time in many languages due to the growth of innovations in various spheres of life, with the English language being the primary donor. A comparative analysis of the number of borrowings in Russian and English is carried out. The conclusion is made that the Russian language is actively replenished and the main source of wealth continue to remain its own resources, and not linguistic units that came from other languages. For this reason, there is no need to worry about the fate of the Russian language.

Keywords: Russian language, English language, vocabulary, neologism, borrowing.

О поступательном развитии языка свидетельствует прежде всего постоянное его пополнение новообразованиями. Если этого не происходит, то можно говорить о том, что постепенно язык превращается в мертвый.

Неологи единодушно отмечают неуклонный рост лексических и семантических неологизмов в современном русском языке. Показательны в этом отношении данные о количественной составляющей справочников, отражающих новую лексику и фразеологию за десятилетия: НСЗ-60 — 3500 слов, значений и выражений (Новые слова..., 1971); НСЗ-70 — 5500 слов, значений и выражений (Новые слова..., 1984); НСЗ-80 — 6220 слов, значений и выражений (Новые слова..., 1997); НСЗ-90 — 10 500 слов, значений и выражений (Новые слова..., 2009–2014). Но встречаются инсинуации о том, что русский язык умирает. Так, М. Н. Эпштейн утверждает: «Если английский язык в течение XX в. в несколько раз увеличил свой лексический запас, до 750 тыс. слов, то русский язык скорее потерпел убытки и в настоящее время насчитывает, по самым щедрым оценкам, не более 150 тыс. лексических единиц» [Эпштейн, 2005]. Замечу, что о росте лексического состава современного русского литературного языка свидетельствует также такой косвенный факт, как увеличение почти в два раза числа томов академического толкового словаря русского языка: если ССРЛЯ содержал 17 томов, то начавший выходить в 2004 г. БАС предположительно будет состоять из 33 томов (26 томов уже увидели свет). То, что русский язык ни в коей мере не уступает английскому по количеству слов, я обосновывала в своем докладе «Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей?» на пленарном заседании V Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность», проходившем в МГУ им. М. В. Ломоносова 18–21 марта 2014 г. Полный текст доклада опубликован в журнале «Русский язык за рубежом» [Кругликова, 2014а] (см. также: [Кругликова, 2014б]). Кроме того, М. Н. Эпштейн упорно проводит мысль о том, что в последние 15–20 лет в русский язык пришли тысячи заимствований [Эпштейн, 2008], что «русский язык наводняется английскими словами» [Эпштейн, 2006, с. 198]. Более того, он пугает латинизацией алфавита: «Возможная латинизация — это лишь проекция ускоряющейся варваризации» [Эпштейн, 2006, с. 198].

В прессе также часто можно прочитать о том, что русский язык заповилили заимствования, что это представляет угрозу для русского языка. Так ли это на самом деле? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Прежде всего напомним, что заимствование — это естественный процесс. В мире нет ни одного языка (если не считать наречия какого-либо племени, живущего вдали от цивилизации), в котором не было бы заимствованных слов, так как народы контактируют между собой, находятся в экономических, политических, культурных и т.п. связях. Естественно, что с возникновением новых реалий появляются и новые слова. Если какие-либо реалии появились первоначально в другой стране, то вполне оправданно, что в подавляющем большинстве случаев для их наименования будет использоваться слово языка той страны, откуда пришла данная вещь, явление и т.п. Приведу банальные примеры. Например, такой вид спорта, как бадминтон, получил свое название от поместья Бадминтон, резиденции английских герцогов Бофортов, где появилась первая площадка для игры с воланом, а слово *спутник* попало в английский и другие языки после запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г.

С течением времени миграция слов из одного языка в другой постоянно активизировалась. В последние десятилетия с ростом инноваций в разных сферах жизни процесс вхождения иноязычных слов особенно усилился. Можно говорить о том, что он носит интернациональный характер. Так, М.В.Федосеева пишет: «Исследователи современного японского языка отмечают увеличение числа иностранных заимствований. По данным словаря “Лингвистических исследований” (“Кокугогаку кэнкю дзитэн”, Токио, 1971) в нынешнем словарном составе их 8–9 %, в практике же радио и телевидения их еще больше. В целом количество иностранных заимствований в языке постоянно увеличивается» [Федосеева, 1983, с. 35–36]. Так что русский язык в этом отношении не является каким-то исключением.

Определенное представление об общем числе заимствованных слов, существующих в современном русском литературном языке, может дать словарь иноязычных слов. Так, вышедший в 1998 г. ТСИЯ-98 содержал около 25 000 слов и словосочетаний, вошедших в русский язык главным образом в XVIII–XX вв. Новое издание словаря, появившееся в 2004 г., по свидетельству автора, включает свыше 25 000 слов и словосочетаний. Как отмечает в предисловии Л.П.Крысин, «введено около 300 новых слов и значений: включены также некоторые давно освоенные русским языком слова, которые в первые издания не попали» (Крысин, 2004, с. 5).

Что касается количества заимствований в русском языке в последние десятилетия, то оно также остается в пределах разумно-

го. Так, С. И. Алаторцева говорит об обусловленном социальными факторами увеличении числа заимствований в русском языке в 90-е годы XX в. до 11–12 % [Алаторцева, 1999, с. 7]. Каким образом она получила эти данные, неизвестно. Более точные подсчеты произвели московские лингвисты О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов, А. Г. Токтонов. По результатам проведенного ими исследования в отношении полного списка новых слов (1887 единиц), выбранных из газетного материала 90-х годов XX в. (около 1 млн 350 тыс. словоупотреблений), доля заимствований среди всех новых слов составляет 9,11 %, доля же их употреблений среди всех употреблений новых слов составляет 15,36 %, с учетом образований из заимствованного корня и словообразовательных элементов русского языка (типа *лайкнуть*) 9,86 и 16,17 % соответственно [Кукушкина и др., б. г.].

Эти данные касаются лишь одного из стилей литературного языка — публицистического. Если же брать в расчет весь литературный язык, то число заимствований будет ниже. По этой причине мои количественные данные, основанные на толковых словарях русского языка, несколько отличаются от приведенных выше. Мною были взяты для сравнения несколько произвольно выбранных отрезков из ССРЛЯ и БАС (Словарь..., 1948–1965; Большой академический словарь..., 2004–2019). Оказалось, что доля заимствований среди новых слов составляет приблизительно 4 %. При этом заимствованные лексемы принадлежат не к основному фонду словарного состава русского языка, а к его периферии — специальной лексике.

Заимствуются определенные группы лексики, причем среди заимствованных слов преобладают имена существительные, служащие для наименования новых реалий. В настоящее время это семантические группы, связанные с бизнесом, экономикой, информационными технологиями, спортом и т. п. А так как основная функция публицистического стиля — информативная, то именно в нем наблюдается больше всего заимствований. И вполне понятно, что они будут обладать высокой частотностью. В исследовании О. В. Кукушкиной и соавторов указывается на то, что доля заимствований невелика, наиболее высокая частотность употребления наблюдается именно у заимствованной лексики: 173 заимствованных слова употребляются 590 раз, то есть средняя их употребительность равна 3,42 раза. Кроме того, высказывается предположение о том, что «заимствования осуществляются в основном в тех случаях, когда обозначаемая область уже очень актуальна, и средство обозна-

чения берется готовым напрямую из материала языка-источника» [Кукушкина и др., б. г.]. Именно высокая частотность заимствований в СМИ создает впечатление засилья иноязычных слов.

Замечу, что рост числа заимствований происходит в основном за счет английского языка. Сейчас США являются одной из передовых стран, чем и объясняется обилие в последнее время слов из английского языка (прежде всего его американского варианта) Этому также способствует широкое распространение английского языка, повсеместное его изучение в настоящее время. Причем данная тенденция характерна не только для русского языка. Так, В. С. Виноградов отмечает: «В настоящее время испанский язык, равно как и другие языки, продолжает расширять свой лексический запас за счет иноязычных заимствований. Особенно заметно сейчас воздействие английского языка» [Виноградов, 1994, с. 64]. Объясняет он это следующим образом: «Привозная псевдокультура, импортные товары широкого потребления, реклама этих товаров, зарубежные фирмы, предприятия и банки, размещенные в Испании, и прочие инородные, хотя и неизбежные в нынешних условиях элементы испанского социального бытия не могут обойтись без соответствующего лингвистического обеспечения, одной из черт которого является навязывание английской лексики испанскому языку. Этому способствует также обилие англоязычных туристов и то, что основой туристического сервиса является английский язык» [Виноградов, 1994, с. 91–92]. Преобладание англицизмов среди заимствований подтверждает и Е. В. Маринова, которая отмечает, что современные заимствования носят интернациональный характер, причем в качестве языка-источника в разных языках мира выступает американский английский [Маринова, 2008, с. 3]. Но при этом исследования ученых, посвященные данной группе лексем (см.: [Беляева, 1984; Ваганова, 2005; Маринова, 2008; Хлынова, 2001; Шарипова, 2008] и др.), свидетельствуют о том, что число слов, привнесенных в русский язык из английского языка, не превышает 4 %. Когда мы говорим о заимствованиях, необходимо разграничивать речь и язык. В речи носителей языка может использоваться большое количество заимствований, что обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Что же касается языка, не все то, что мы слышим в речи, войдет в язык. Наглядным подтверждением этого служит хотя бы следующий факт. Ежегодники неологизмов содержат намного больше единиц, чем их имеется в десятилетниках, так как последние не включают слов-однодневок. Для сопоставления возьмем десятилетник, от-

ражающий неологизмы 80-х годов XX в. (Новые слова..., 1997), а также ежегодники за этот период. Этот временной отрезок взят не случайно: к одному из ежегодников, в частности справочнику (Новое в русской лексике..., 1986), обращался М. Н. Эпштейн, когда доказывал, что «из 3000 неологизмов, которыми в 1981 г. пополнился русский язык, примерно 80 % — иноязычного происхождения» [Эпштейн, 2006, с. 198]. Я обратилась к тому же источнику, которым пользовался М. Н. Эпштейн (Новое в русской лексике..., 1986), и у меня получилась другая цифра — 26 слов без учета образований с интернациональными компонентами типа *авиасмотр*, *автопатруль* (замечу, что применительно к английскому языку таковые образования иноязычными он не считает) и примерно 400 с учетом их, а также большинства тех безусловно образованных в русском языке слов, в составе которых имеется давно освоенный русским языком корень, например *внутритерриториальный*, *закредитоваться*. Даже в этом случае получаем только 13 % заимствований в данном источнике. Откуда появилось 80 % слов иноязычного происхождения, остается только догадываться. Еще раз подчеркну, что издание, которым оперировал М. Н. Эпштейн, представляет собой ежегодник, то есть его целью было зафиксировать все, что встретилось в публикациях за 1981 г., включая и единичные употребления. Так, в число 26 заимствований попали единичные случаи, например *сэрвайверс* ‘выживальщик’, номенклатурные наименования: *трайидент* ‘ядерная ракета американского производства для оснащения подводных лодок’. Ряд слов характеризуется четко закрепленной принадлежностью к определенной стране, национальности, например *дэли* ‘старинная монгольская верхняя мужская и женская одежда’, *кос-кор* ‘антисоциалистическая организация в Польской Народной Республике, активно действовавшая в 1979–1981 гг.’ и т. д. Таким образом, из 26 иноязычных слов востребованными общенародным языком оказались *айкью*, *атташе-кейс*, *бэби-бум*, *ксерокс*. При этом существительное *атташе-кейс* сейчас воспринимается как устаревшее: оно было вытеснено словами *кейс* и *дипломат*. Все указанные слова находятся на периферии словарного запаса русского языка.

Что же дает сопоставление десятилетника и ежегодников за тот же период? Выбранный нами десятилетник НСЗ-80 содержит, как говорится в аннотации к нему, около 6100 слов и около 120 идиоматических оборотов, в то время как 10 ежегодников за этот же период отражают 38389 слов и сочетаний, то есть наблюдается более чем шестикратная разница. Это является косвенным свидетельством

того, что лишь незначительная часть новообразований, в том числе и заимствований, входит в язык.

Более того, часть слов впоследствии уходит из языка. Так, в XVIII в. в русский язык из латинского пришло существительное *кадавер*. К началу XX в. оно вышло из употребления. В русском языке имелось достаточно своих слов для обозначения мертвого человека: *покойник, мертвец, труп*. Интересные данные приводит в своем диссертационном исследовании Н. Б. Шарипова: «...только 238 англоязычных лексических заимствования русского языка конца XIX в. остается неотъемлемой частью его словарного состава по настоящее время, что составляет 45 %» [Шарипова, 2008, с. 16].

Так что нет необходимости особо тревожиться о широком употреблении иноязычных слов: только малая их часть войдет в язык, прежде всего наименования новых реалий, например *термопот* ‘кухонный прибор, совмещающий функцию электрического чайника и термоса’. Но что-то мне подсказывает, что наш башковитый народ придумает и для него свое название, как это произошло со словом *селфи*, у которого появился разговорный синоним *себяшка*.

Заимствованные же языковые единицы, не служащие наименованием новых реалий, начинают употребляться в русском языке с определенными нюансами, свидетельствующими о приспособлении новообразования к функционированию в языковой системе данного языка.

2 декабря 2016 г. на совместном заседании Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку Л. А. Вербицкая, говоря о проблеме сохранения русского языка, заявила: «Огромное количество заимствованных слов, которые не нужны в тех случаях, когда есть русские прекрасные слова. Ну скажите мне, пожалуйста, ну чем лучше слово “креативный”, а не “творческий”?» [Стенограмма..., 2016]. Но значение слова *креативный* не равно значению прилагательного *творческий*. Так, креативным человеком мы называем того, кто не просто проявляет свою индивидуальность при выполнении какого-либо привычного дела, а реализует необычный подход к решению какого-либо вопроса, действует нестандартно, разрушая стереотипы. Таким образом, заимствования не вытесняют близкие по значению исконно русские слова, а начинают выступать по отношению к ним в качестве синонимов, отличающихся определенными признаками.

От заимствованных слов уже на базе русского языка могут образовываться новые языковые единицы. Например, в данном случае от прилагательного *креативный* образовалось существительное

креативщик. В результате язык обогащается, расширяются его возможности для передачи мыслей.

Иноязычные слова осваиваются языком, встраиваются в систему русского языка. Вспомним *хайпануть*, *твитнуть*, *скриншотить*, *чатиться*... Да та же эсмэска, симка, электронка. Кстати, процесс образования новых слов с помощью суффикса -к- очень продуктивен в разговорном стиле языка, причем это касается как исконно русских корней, так и заимствованных: *посудомойка* 'о посудомоечной машине', *маршрутка*, *тэшка*, *социалка*, *коммуналка*, *подземка*, *палёнка*, *элька*, *запрещенка*, *санкционка* и др. Прямо на наших глазах появились *удалёнка*, *дистанционка*.

Так что взаимодействие языков можно рассматривать как положительное явление. В этом отношении можно говорить о синергии языков. Фактически об этом же говорит Генри Хитчингс, когда утверждает, что английский язык стал тем, что он есть, лишь благодаря многочисленным заимствованиям из других языков [Hitchings, 2008].

Язык живет по своим законам, а мы можем только за этим наблюдать. Другое дело — макаронизация речи отдельных носителей языка. Таким образом, основным источником обогащения русского языка продолжают оставаться его собственные ресурсы, а отнюдь не заимствования. Как отмечает С. И. Алаторцева, «это демонстрирует огромные возможности русского языка, которые являются залогом национальной самобытности, самостоятельности и будущего развития русского языка» [Алаторцева, 1999, с. 38]. Все это как-то не согласуется с высказываниями М. Н. Эпштейна в интервью корреспонденту газеты «Московские новости» 9 января 2012 г., когда он в очередной раз заявил, что «русский находится под угрозой вымирания», что «язык перестал рождать новые слова» и «живет за счет импорта из английского языка» [Туркова, 2012]. И это при том, что, как отмечает Э. Ф. Володарская, «по уровню заимствования в сравнении с другими языками русский язык относится к языкам с умеренной открытостью к влиянию извне» [Володарская, 2009, с. 23]. По ее мнению, «уровень заимствования в английском языке достигает 70 %, в русском языке — 10%» [Володарская, 2009, с. 23]. Интересно, что сами носители английского языка в один голос заявляют о чрезвычайном обилии заимствований в их языке. Вот ряд таких высказываний. Ежедневная газета «The New York Times» 14 июня 2009 г. процитировала Пола Дж. Дж. Паяка: «У английского языка есть удивительная способность принимать новые слова, произведенные в каждом уголке мира» [Schuessler, 2009]. 19 ноября 2008 г.

англоязычный еженедельный журнал «The Economist» привел высказывание Д. Гримонда из интервью с ним Д. Силлавана: «Английский является смешанным языком, который сохраняет свою жизнеспособность, поглощая новые слова, употребления, выражения. Он без разбора грабит другие языки и наслаждается неологизмами» [Sillavan, 2008]. А вот мнение Д. Лина: «Есть несколько способов, с помощью которых английский словарь увеличивается. Основным способом является заимствование слов из других языков. Около 80 % словарного состава английского языка представляют собой заимствования, в основном из латыни» [Ling, 2001].

В заключение замечу: проведенный мною ранее сопоставительный анализ лексиконов русского и английского языков показал, что рост новообразований в академических словарях русского языка превышает рост их числа в «Оксфордском словаре английского языка», считающемся самым полным словарем английского языка, что словари неологизмов русского языка отнюдь не уступают по количеству отраженных единиц неологическим словарям английского языка. Детально этот вопрос был рассмотрен мною в статье «Интенсивность пополнения лексического состава русского и английского языков (по материалам словарей)» [Кругликова, 2016].

Так что за судьбу русского языка беспокоиться не стоит. Ну как тут не вспомнить высказывание известного лингвиста, профессора Санкт-Петербургского университета В. В. Колесова о том, что «русский язык во всем его объеме такая глыбища, что человеческий муравейник у его подножия не в состоянии опорочить его силу и сущность» [Нилогов, 2010].

Источники

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–23. СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается).

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2004.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-81 / под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1986.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М.: Советская энциклопедия, 1971.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.), Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР; Наука, 1948–1965.

Литература

- Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.
- Беляева С. А. Английские слова в русском языке XVI–XX вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1984.
- Ваганова Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект (на материале англицизмов конца XX — начала XXI в. в современном русском языке): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005.
- Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. М.: Высшая школа, 1994.
- Володарская Э. Ф. Лингвистический и социологический образ русского языка: прошлое настоящее // Словарь истории слов. Т. 1. М.: Изд-во Ин-та иностранных языков, 2009. С. 3–26.
- Кругликова Л. Е. Достаточно ли в русском языке слов для выражения мыслей? // Русский язык за рубежом. 2014а. № 4 (245). С. 44–52.
- Кругликова Л. Е. Слово в защиту русского языка и русской лексикографии // Вестник Российской академии наук. 2014б. № 84 (4). С. 346–353.
- Кругликова Л. Е. Интенсивность пополнения лексического состава русского и английского языков (по материалам словарей) // Неология и неография: современное состояние и перспективы. К 50-летию научного направления. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 97–105.
- Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Токтонов А. Г. Анализ системных характеристик словообразовательного процесса (На основе анализа новых лексических единиц газетного материала «Полистилевого корпуса современного русского языка». [Б. г.]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/novgazlex.html> (дата обращения: 02.09.2020).
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI века: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
- Нилогов А. Философия русского слова. 2010. 21 января. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2010-01-21/2_kolesov.html (дата обращения: 02.09.2020).
- Стенограмма совместного заседания Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку // Российская газета. 2016. 2 декабря.
- Туркова К. «Создание новых слов — это магическое средство пробуждения воли к жизни» // Московские новости. 2012. 9 января. URL: <http://www.mn.ru/society/20120109/309566013.html> (дата обращения: 02.09.2020).

- Федосеева М. В. Японские словари новых слов // Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н. З. Котелова. Л.: Наука, 1983. С. 30–37.
- Хлынова О. С. Лексико-грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX века (на материале прессы 1991–2000 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Шарипова Н. Б. Траектория англоязычных заимствований и их лексическое значение в русском языке (на материале лексикографических источников конца XIX — начала XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008.
- Эпштейн М. Н. Русский язык в 21 веке. 2005. 11 сентября. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar127.html> (дата обращения: 02.09.2020).
- Эпштейн М. Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. С. 192–207.
- Эпштейн М. Н. Русский язык: система и свобода // Новый журнал. 2008. № 250. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html> (дата обращения: 02.09.2020).
- Hitchings H. The Secret Life of Words: How English Became English. London: John Murray, 2008.
- Ling J. Number of Words in the English Language. URL: <http://hypertextbook.com/facts/2001/JohnnyLing.shtml> (дата обращения: 02.09.2020).
- Schuessler J. Keeping It Real on Dictionary Row. The New York Times. 2009. June 14. URL: http://www.nytimes.com/2009/06/14/weekinreview/14shuessler.html?_r=0 (дата обращения: 02.09.2020).
- Sillavan J. English marks a million. The Economist. 2008. November 19. URL: <http://www.economist.com/node/12494445> (дата обращения: 02.09.2020).

Аксиологическая семантика русских пословиц в лексикографической репрезентации иноязычному учащемуся*

Цель исследования, представляемого в данной статье, — выявить оптимальные способы и разработать модели словарной репрезентации иностранным студентам аксиологической семантики русских пословиц. В статье обобщается отечественный опыт исследования аксиологической семантики паремий, на который опираются авторы представляемой лексикографической концепции. Методами структурно-семантического моделирования, лингвокультурологического и контекстуального анализа выявляются аксиологические параметры пословиц, отобранных для словарной репрезентации иностранным учащимся. Обосновывается эффективность авторской методики лексикографического конструирования, которая в отличие от других словарей пословиц позволяет представить оценочную семантику паремий на трех уровнях параметризации: в толковании, функциональном комментарии и иллюстративном контексте. Приводятся фрагменты словарных статей, иллюстрирующих основные положения лексикографической концепции, реализованной в одноязычных и двуязычных словарях пословиц для детей-билингвов, обучающихся в российских школах, и иностранных школьников и студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвоаксиология, лингвокультурология, учебный словарь, словарная статья, пословица.

T. G. Nikitina, E. I. Rogaleva

Axiological semantics of Russian proverbs in a lexicographic representation for a foreign language students

The purpose of the research presented in this article is to identify the best ways and develop models of vocabulary representation of the axiological semantics of Russian proverbs for foreign students. The article summarizes the Russian experience of studying the axiological semantics of paroemias, which the authors of the presented lexicographic concept rely on. The methods of structural-semantic modeling, linguoculturological and contextual

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

analysis reveal axiological parameters of proverbs selected for dictionary representation to foreign students. The results of the implementation of the author's methodology of lexicographic structuring are shown, which, unlike other proverb dictionaries, allows to present the estimated semantics of paroemias at three levels of parameterization: in interpretation, functional commentary, and illustrative context. Fragments of dictionary entries illustrating the main provisions of the lexicographic concept implemented in monolingual and bilingual dictionaries of Proverbs for bilingual children studying in Russian schools and foreign schoolchildren and students are given.

Keywords: Russian as a foreign language, linguoaxiology, linguoculturology, learner's dictionary, dictionary entry, proverb.

Проблемы репрезентации русских пословиц иностранцам, изучающим русский язык, активно исследуются лингвистами и методистами. Основательно изучен лингвокультурный потенциал русских пословиц, с том числе в сопоставительном аспекте [Селиверстова, Чэнь, 2019; Селиверстова, Яньшань, 2020]. Такие сопоставительные лингвокультурологические исследования выполняются на уровне паремийных концептов [Якименко, Сюеин Цю, 2020], паремийных картин мира [Семененко, Кривошеев, 2019a] и отдельных компонентов пословиц [Писарская и др., 2017]. Особое внимание в лингвокультурологических исследованиях пословиц уделяется аксиологическим параметрам их семантики. Ценностным субстратом семантики паремий признается стереотипизированная мораль [Семененко, 2017].

Ценностная ориентация паремий рассматривается в лингвоаксиологических работах как основа их тематической классификации [Семененко, Кривошеев, 2019b]. Именно так строится организация материала в паремиологическом словаре «Народная мудрость. Русские пословицы» (Мокиенко, Никитина, 2011), который можно рекомендовать для тематического отбора паремиологического материала в соответствии с учебными целями языковой подготовки иностранных студентов.

Специфические задачи решаются при разработке пословиц в словарях, предназначенных для иностранцев, изучающих русский язык. Такие словари разрабатываются сотрудниками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета. Нами выявлены оптимальные способы и разработаны модели словарной репрезентации иностранным студентам аксиологической семантики русских пословиц.

Методами структурно-семантического моделирования, лингвокультурологического и контекстуального анализа выявляются аксиологические параметры пословиц, представленных в школьных учебниках русского языка и в учебниках русского языка как иностранного — они и становятся объектом описания в словарных проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета.

Авторская методика лексикографического конструирования, в отличие от других словарей пословиц, позволяет представить оценочную семантику паремий на трех уровнях параметризации: в толковании, функциональном комментарии и иллюстративном контексте.

Аксиологически ориентированные толкования включают оценочную лексику (лучше, хороший, хорошо, нужно, нежелательно и т. п.), например: *Терпение и труд все перетрут* ('упорная работа всегда приносит хороший результат'); *Что немцу здорово, то русскому — смерть* ('что хорошо для одного, для другого может быть нежелательным, губительным'); *Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше* ('в надежде на лучшее приходится что-то менять в жизни') и т. п., в том числе в двуязычном варианте:

СЛОВО — СЕРЕБРО, МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО. В определенной ситуации лучше промолчать.

MLUVITI — STRÍBRO, MLČETI — ZLATO. V určité situaci je lepší nepromluvit (Никитина и др., 2013, с. 238).

В наших учебных словарях система традиционных помет отсутствует, но ее оценочные компоненты: неодобрительно, шутливо, иронически, одобрительно и др. — включаются в функциональный комментарий, который дает представление о ситуациях употребления паремий с акцентом на их аксиологической характеристике: говорится как оправдание за неблагоприятный поступок; говорится как похвала человеку, успешно закончившему трудную работу, и т. п. Такой комментарий следует за толкованием в заголовочной зоне словарной статьи:

БЛИЗОК ЛОКОТЬ, ДА НЕ УКУСИШЬ

- Невозможно достичь чего-то, осуществить что-либо, хотя и кажется, что это очень легко сделать.

(Говорится с сожалением, досадой, когда не удастся сделать то, на что надеялся).

= KÜÜNARNUKK KÜLL LIGI, AGA HAMMUSTADA EI SAA

- Pole võimalik midagi saavutada, ellu viia, kuigi võib tunduda, et seda on väga kerge teha.

(Õeldakse kahjutunde ja pahameelega) (Ая и др., 2012, с. 13).

В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ

- С теснотой в переполненном помещении (жилище, транспорте и т.п.) можно смириться и доброжелательно относиться к окружающим.

(Говорится как утешение или совет не обращать внимания на неудобства в такой ситуации).

~ HÄID LAMBAID MAHUB PALJU ÜHTE LAUTA

- Ruumipuudusega, olukorraga rahvast täis toas (majas, transpordis vm) võib leppida ja suhtuda ümbritsevasse inimestesse heatahtlikult.

(Õeldakse lohutuseks või nõuandena mitte pöörata tähelepanu ebamugavustele, mis võivad tekkida sellises olukorras) (Ая и др., 2012, с. 20–21).

В словарях для школьников, изучающих русский язык как неродной в российских школах или в зарубежных гимназиях как второй иностранный (Ая и др., 2012; Никитина и др., 2013; Роголёва, Никитина, 2019; Роголёва и др., 2020) иллюстративные контексты строятся как увлекательные и поучительные рассказы из жизни подростков, где пословицы используются говорящими (тексты написаны от лица школьников и студентов) в актуальных для них жизненных ситуациях, и такая дискурсивная реализация пословиц позволяет оценить их эмотивно-оценочный потенциал и особенно — современного употребления (элементы трансформации на базе языковой игры).

БЫЛ БЫ ДРУГ, НАЙДЕТСЯ И ДОСУГ. Для общения с друзьями всегда найдется свободное время. < ... >

** Моя старшая сестра Юлия очень занятой человек: работает переводчицей, занимается аэробикой, ходит на курсы вождения. Ни одной свободной минутки! А когда у нее появился Денис — новый приятель, я поняла, что означает пословица «Был бы друг, найдется и досуг». Вечерами она с ним гуляет или просто болтает по телефону. И все остальные свои дела успевает сделать. Одно только плохо — для друга нашелся досуг, а помогать сестренке по математике стало недосуг. Вы не знаете, нет ли про это какой-нибудь пословицы? (Алина Т., Саратов)

** Мы с Даниилой долго искали, куда пойти в воскресенье. И наткнулись на городском портале на ДЦ — Досуговый центр. «Прямо как в пословице: был бы друг найдется и досуг, — сказал Дания. — Ты знала, что мы ДЦ “Досугом” называем? Там три кинозала. Пойдем?» — «Нет, в “Досуг” не пойдем, лучше на природу куда-нибудь, к тому же и пословица не про досуговый центр, а про свободное время». — «Да, неудачно пошутил, — согласился Дания, — но главное, что друг для друга у нас всегда есть

свободное время, прямо как в пословице» (Оля П., Москва) (Ая и др., 2012, с. 15–16).

В изданных и готовящихся к изданию словарях для студентов университетов (Мокиенко, Никитина, 2011; Роголёва, Никитина, 2019) в качестве текстовых иллюстраций привлекается материал современной интернет-коммуникации, отражающий оценку социокультурных реалий современности.

Такая система комплексного комментирования паремий позволяет во всех деталях передать аксиологическую семантику русских паремий, представить иностранному пользователю словаря важный этномаркированный фрагмент русского культурного пространства.

Источники

- Ая У., Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Пословицы в нашей речи: учеб. словарь с комментариями на эстонском языке. Псков: Логос, 2012.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: Олма Медиа Групп, 2011.
- Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., Бурешова Б., Рыковска М. Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. Praha: Fraus, 2013.
- Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Путешествуем по России с русскими пословицами и поговорками: пособие по русскому языку для иностранных учащихся. М.: Русский язык. Курсы, 2019.
- Роголёва Е. И., Никитина Т. Г., Лиепиня Л. Фразеологизмы в нашей речи: учебный словарь с комментариями на латышском языке. Псков: Логос, 2020.

Литература

- Писарская Т. Р., Цзинь Лю, Якименко Н. Е. Белый цвет в русских и китайских паремиях // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. Т. 28. С. 51–54.
- Селиверстова Е. И., Чэнь В. Этномаркированные представления о пользе и вреде лжи в русских и китайских пословицах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3. С. 167–175.
- Селиверстова Е. И., Яньшань У. Ошибка в деятельности человека: коммуникативный опыт русских и китайцев в пословицах // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 1. С. 202–216.
- Семененко Н. Н. Стереотипизированная мораль как ценностный субстрат семантики пословицы // Концепт. 2017. № 12. С. 175–183.

- Семененко Н. Н., Кривошеев Г. С.* Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа // Концепт. 2019а. № 4. С. 268–276.
- Семененко Н. Н., Кривошеев Г. С.* Ценностная ориентация как фактор тематической группировки русских паремий // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. трудов Междунар. науч. конф. / под ред. Н. Ф. Алефиренко. Белгород: Эпицентр, 2019б. С. 49–52.
- Якименко Н. Е., Сюеин Цю.* Репрезентанты паремийного концепта «Дело» в русском и китайском языках // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1. С. 76–82.

Перевод православного богослужения на русский язык: история и примеры

Переводы православного богослужения на русский язык начинают активно предприниматься со второй половины XIX века. А с XX столетия начинается ускорение этого процесса в Русской православной церкви. В постсоветское же время переводы литургических текстов выходят все чаще. Так, можно говорить о достаточно внушительном корпусе православных богослужебных текстов, переведенных на русский язык. При этом анализ переводов показывает ряд трудностей, с которыми так или иначе сталкиваются переводчики. Они связаны с филологией, текстологией, историей, культурой и, конечно, богословием. Настоящая статья кратко описывает историю переводов литургических текстов в Русской церкви в XX–XXI вв., характеризует возникающие проблемы, а также на конкретных примерах, взятых из православной вечерни, показывается, какими путями переводчики справляются с трудностями. По сути, подобный междисциплинарный подход в изучении переводов православного богослужения предпринимается впервые.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православное богослужение, богослужение на русском языке, перевод литургических текстов, трудности перевода.

K. A. Tsyrelchuk

Translation of the Orthodox divine service in Russian language: history and examples

Translations of Orthodox services into Russian have been actively undertaken since the second half of the 19th century. And since the 20th century, this process has been accelerating in the Russian Orthodox Church. In the post-Soviet period, translations of liturgical texts are published more frequently. Thus, we can speak of a rather impressive body of Orthodox liturgical texts translated into Russian. At the same time, the analysis of translations shows a number of difficulties that translators face in one way or another. They are related to philology, textology, history, culture, and, of course, theology. This article briefly describes the history of translations of liturgical texts in the Russian Church in the 20th–21st centuries, describes the problems that arise, and also shows the ways in which translators cope with difficulties using specific examples taken from the Orthodox Vespers. In fact, this is the first time that such an

interdisciplinary approach has been taken to the study of translations of Orthodox worship.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox Liturgy, divine service in Russian, translation of liturgical texts, difficulty of translation.

Перевод православного богослужения на русский язык имеет сложную историю. Единоличные попытки переложения на более понятный русский начинаются со второй половины XIX в. Но с начала XX столетия это движение входит в более активную фазу. По сути, история дискуссий и история переводов богослужебных текстов на русский язык в первой половине XX столетия представляют собой причудливое переплетение многочисленных мнений, которые высказывались в разные периоды истории России.

Начало XX столетия становится тем временем, когда вопрос о реформе Русской церкви становится одним из ключевых для всей читающей и мыслящей России вне зависимости от вероисповедания и политических взглядов. В это время проводится, а затем и издается большое число переводов литургических текстов на русский язык. В основном они публикуются для домашнего и сугубо личного употребления. Их использование в публичном литургическом пространстве не подразумевается.

Это авторские переводы А. Н. Ушакова (Ушаков, 1904), протоиерея Владимира Успенского (Успенский, 1911), Н. Нахимова (Нахимов, 1912), М. Н. Скабаллановича (Скабалланович, 1915а; 1915б; 1915в; 1916), Н. Кедрова (Кедров, 1907; 1915), протоиерея Сергия Петровского (Петровский, 1908) и священника Петра Полякова (Поляков, 1915).

В основном перелагаются следующие тексты: чинопоследование всенощного бдения, воскресные стихиры и догматики; Божественная литургия святителя Иоанна Златоуста; службы двенадесятих праздников, великопостные и пасхальные песнопения. Издаются переводы в разных формах: публикаций-билингвов, переводов в постраничных сносках либо же в исключительно русских версиях. При этом нередко предлагаются личные богословские комментарии для лучшего понимания богослужебного последования.

Особое место из переводов начала XX в. занимают труды Н. Ч. Зайончковского, более известного под псевдонимом Николая Нахимова. Он единственный, кто поясняет свои принципы переводческой деятельности. По его мнению, переводы должны делаться исключительно с греческого оригинала и при достаточном знании грамматики и стилистических особенностей греческого языка

(Нахимов, 1912, с. 340–341). При расхождении преимущество имеют оригинальные греческие тексты. Необходимо активно использовать специальные словари и исследования касательно Священного Писания Нового Завета и богослужения Православной церкви (Нахимов, 1912, с. 341).

Нельзя не признать, что переводы Н. Нахимова наиболее качественные из всех сделанных в начале XX столетия. По этой причине они неоднократно переиздаются в постсоветский период (см.: [Кравецкий, Зайончковский, 2008, с. 530]).

Революционные события 1917 г. мешают продолжению переводческой деятельности. Атеистические кампании большевистской власти приводят к массовым расстрелам мирян и священнослужителей, закрытию и уничтожению православных храмов.

Если переводческая деятельность на определенное время прекращается, то подобного не происходит с дискуссиями о богослужбном языке Русской церкви. Известность приобретает доклад П. П. Мироносицкого «К вопросу о языке православного русского богослужения», зачитанный в Богословском институте в Петрограде 24 мая 1921 г. В нем исследователь защищает статус церковнославянского языка как традиционного языка Русской православной церкви [Мироносицкий, 1990, с. 107].

Конечно, говоря о 1920-х годах, нельзя не затронуть тему обновленческого раскола, так как в основном в церковных кругах, мало изучающих историю Церкви 1920-х годов, принято считать, что обновленческий раскол связан с литургическими переводами. Но, скорее, стоит говорить о мимикрировании сугубо политических целей и задач под якобы литургические изменения.

Авторские переводы в этот исторический период предпринимают лишь исключительные личности, стремящиеся к возрождению древнехристианской общинности. Таковыми следует назвать митрополита Антонина (Грановского), священника Константина Смирнова и священника Василия Адаменко.

Митрополит Антонин составляет собственный чин Божественной литургии исключительно на русском языке, с различными добавлениями (Божественная литургия, 2018). Подобное производит и священник Константин Смирнов. Он также составляет «Чин общей исповеди» (Смирнов, 1924а; 1924б). А священник Василий Адаменко издает на русском языке служебник (Адаменко, 1924), сборник суточных служб (Адаменко, 1926), требник (Адаменко, 1927). В начале 1930-х годов он вернется в лоно Матери Церкви и примет монашеский постриг с именем Феофан [Плетнева, Кравецкий, 2001,

с. 216]. Впрочем, указанные версии не были, конечно, введены в богослужбное употребление.

Вплоть до 1991 г. попытки перевода православного богослужения практически не предпринимались. Можно указать лишь митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), который составил свой перевод Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского (Никодим, 2008) (см также.: [Шкаровский, 2013]).

После распада Советского Союза и духовно-нравственного подъема в Русской церкви в очередной раз поднялся вопрос о богослужении на русском языке. За период с 1991 по 2020 г. на русский язык переведены многие литургические последования Православной церкви, при этом самые употребляемые — Божественной литургии, всенощного бдения — не единожды.

Из изложенной истории переводов богослужебных текстов на русский язык можно понять, что накопился уже серьезный корпус русских литургических текстов. Это приводит к необходимости оценки переводческого наследия. И здесь можно выделить различные проблемы, с которыми в основном сталкиваются переводчики православного богослужения. Они лежат в области филологии, текстологии, истории, культуры, богословия.

Филологические проблемы характеризуются тем, что лексемы оригинального, в большинстве своем греческого, текста имеют широкую семантику, что приводит к сложностям в верном определении соответствующих русских аналогов. Нельзя не выделить и специфичные морфологические формы, присутствующие в греческом языке, а также особенности синтаксиса. Авторы переводов в таких случаях должны найти пути к правильной передаче оригинала, придерживаясь норм русского языка.

Текстологические трудности связаны с употреблением в богослужении ветхозаветных отрывков, что приводит к проблеме выбора исходного текста: масоретского или же Септуагинты. Здесь важно понимать: последняя стала основой для перевода православных литургических текстов на старославянский, а затем и церковнославянский языки. Помимо этого, к области текстологии относятся и разночтения, имеющиеся в славянских рукописях и старопечатных изданиях. Определенные искажения в богослужебных текстах происходили «на местах» ввиду деятельности книжников, которые занимались не только их переписыванием, но и изменением. Так происходило накопление все большего числа расхождений не только с рукописями-оригиналами, но и между самими списками. Верно отмечает Д. С. Лихачев: те, кто переписывал книги в Древней Руси,

«вносили в текст очень часто сознательные изменения, создавали новый текст на основе нескольких списков или исправляли тот, который им доставался от предшественников» [Лихачев, 2001, с. 69].

При переводе стоит также учитывать исторические и культурные различия древних византийских авторов, особенности их мировоззрения и языковой картины мира. Такие историко-культурные проблемы должны учитываться и верно передаваться на русский язык, даже если для этого понадобится краткий комментарий, экскурс. Конечно, необходимо помнить и о том, что литургические тексты содержат глубинные богословские смыслы. Их сохранение и точный перевод на русский язык выступают ключевым моментом для переводчиков. Так, характеристика основных проблем при переложении православных богослужебных текстов на русский язык показывает междисциплинарность этого переводческого направления. В качестве примера можно привести переводы песнопений православной вечерни, которые демонстрируют все указанные выше трудности. Во время вечерни последовательно раскрываются темы творения мира, грехопадения, вочеловечения Сына Божия и грядущего второго Пришествия Господа (Шмеман, б. г., с. 57). О творении мира и человека, последующем совершении греха в Эдемском саду напоминают тексты псалмов 103, 140–141, 129 и 116. Цикл «Господи, воззвах» наглядно иллюстрирует проблемы в области текстологии, так как содержит ветхозаветные отрывки. Стихи 140-го псалма на церковнославянском звучат так: *Господи, воззвах к Тебе, услыши мя: вонми гласу моления моего, внемли воззвати ми к Тебе. Услыши мя, Господи. Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею жертва вечерняя. Услыши мя, Господи.*

Авторы переводов — Н. Нахимов, священник Василий Адаменко (иеромонах Феофан), священник Георгий Кочетков — выбирают именно греческую и славянскую традицию. В основном они повторяют ритмику и лексику церковнославянского текста, который прочно вошел в литургическую практику Русской церкви.

Господи! **я воззвал** к Тебе: услышь меня. Услышь меня, Господи! — Господи! **я воззвал** к Тебе: услышь меня; внемли **голосу** моления моего, когда **я** взываю к Тебе. Услышь меня, Господи! (Нахимов, 1912, с. 30).

Господи, к Тебе **взываю**, услышь меня. Услышь меня, Господи. Господи, **я взываю** к Тебе, услышь меня. Внемли **голосу** моления моего, когда **я** взываю к Тебе, услышь меня, Господи (Адаменко, 1926, с. 12).

Господи, **взываю** к Тебе, услышь меня! Услышь меня, Господи! Господи, **взываю** к Тебе, услышь меня, внемли **гласу** моления моего, когда

взываю к Тебе. Услышь меня, Господи (Православное богослужение..., 2009, с. 49).

Из представленных выше переводов стихов 140-го псалма в русских переводах очевидны следующие факты:

- греческий плюсквамперфект ἐκέκραξα (в церковнославянском — *воззвах*) передается или в прошедшем, или в настоящем времени;
- вариативно сохраняется церковнославянизм *глас*.

После группы стихир на «Господи, воззвах» исполняется раннехристианский гимн «Свете Тихий». На примере его переводов можно остановиться на филологических и историко-культурных проблемах [Цырельчук, Золотухина, 2019].

Первые связаны с попыткой верной передачи греческого прилагательного ἡσάρον (*тихий* — в церковнославянском варианте). О. А. Седакова дает для него несколько толкований: 1) 'не грозный, благожелательный'; 2) 'радостный, веселый, утешный'; 3) 'мирный, безопасный'; 4) 'кроткий' [Седакова, 2008, с. 356–357]. Здесь заметно паронимическое смешение греческих лексем ἡσάρος ('веселый, радостный') и ἡλαος ('милостивый'). При переводе на русский язык авторы различными способами передают греческое ἡσάρον и церковнославянское *тихий*: протоиерей Владимир Успенский — *тихий* (*ясный, радостный*) (Успенский, 1911, с. 8); Н. Нахимов — *радостный* (Нахимов, 1912, с. 30); священник Василий Адаменко (иеромонах Феофан) — *тихий* (Адаменко, 1926, с. 14); иеромонах Амвросий (Тимрот) — *отрадный* (Амвросий (Тимрот), 2003, с. 134); священник Георгий Кочетков — *ясный* (Православное богослужение..., 2009, с. 52), О. А. Седакова — *утешный* (Седакова, 2017, с. 145).

Нельзя не отметить: верное понимание смысла настоящего песнопения зависит и от историко-культурного понимания света в византийском литургическом творчестве. С. С. Аверинцев утверждает: метафизика света — характерная черта для гимнографов [Аверинцев, 2004, с. 413]. Это символ ясности, а также утешительного и радующего душу света [Аверинцев, 2004, с. 414]. Протопресвитер Александр Шмеман в исполнении этого гимна на вечернем богослужении видит следующие символы: «В мире греха и тьмы воссиял свет, в него пришел, в нем пребывает Христос. И Церковь исповедует и прославляет это пришествие» (Шмеман, [б. г.], с. 58).

Богословский смысл замечен и в песнопении «Ныне отпускаеши», которое исполняется в конце вечернего богослужения. Как из-

вестно, это молитва старца Симеона Богоприимца из Евангелия от Луки (Лк. 2: 29–32). В нем, с одной стороны, воспевается истинность Божественных обетований, а с другой — предсказывается мировой характер миссии Иисуса Христа. И здесь уместно остановиться на фразе, которая и указывает на подобный характер Евангелия Христового. В греческом тексте она звучит так: ὅτι εἶδον οἱ ὀφθαλμοί μου τὸ σωτήριόν σου, ὃ ἤτοίμασας κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν λαῶν, а в церковнославянском — *яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей*. В русских переводах она передается следующими образами:

Ибо видели (в Тебе) **очи** мои спасение Твое, **которое Ты уготовал** пред лицом всех народов (для всех людей) (Успенский, 1911, с. 11–12).

Ибо видели очи мои спасение Твое, **которое Ты приготовил** пред лицом всех народов (Адаменко, 1926, с. 22).

Так как глаза мои **увидели** Спасение Твое, **Которое Ты приготовил** пред всеми народами (Нахимов, 1912, с. 31).

Ибо видели очи мои спасение Твое, **уготованное** Тобою для всех народов (священник Георгий Кочетков (Православное богослужение..., 2009, с. 63)).

Так как данный гимн входит в состав Евангелия от Луки, надо указать и различные его переводы в рамках Священного Писания Нового Завета:

Ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов (епископ Кассиан (Безобразов) (Новый Завет..., 2002, с. 187)).

Ибо увидели очи мои **дарованное** Тобой Спасение, которое приготовил Ты перед лицом всех народов (М. П. Кулаков (Библия, 2018, с. 1508)).

Глаза Мои увидели Того, кого **Ты предназначил быть Спасителем для всех народов** (В. Н. Кузнецова (Радостная весть, 2012, с. 124)).

Потому что мои **глаза увидели** спасение, которое Ты приготовил всему народу (Слово Жизни, 1992, с. 67).

Ибо видели очи мои спасение Твое, уготованное Тобою для всех народов (Аверинцев, 2004, с. 119).

Очевидно, вариативная передача сперва греческих лексем, а затем и синтаксиса приводит к различным переводам и богословским оттенкам. Одни передают законченность действия старца Симеона: его глаза уже узрели спасение. Другие же передают длительность этого действия в прошлом. Спасение для всех народов уготовлено,

предназначено, даровано или приготовлено. Оно осуществляется на голгофском Кресте. В. В. Лосский об этом пишет так: «Неосуществимое над Сыном Божиим проклятие становится благословением; через крест все условия греха становятся условиями спасения. Отныне ни грех, ни смерть не разлучат нас с Богом, ибо крещение погружает нас в смерть Христову для того, чтобы нас с Ним воскресить» [Лосский, 2006, с. 543].

Таким образом, переводчики литургических текстов на русский язык сталкиваются с целым комплексом проблем. Каждый, исходя из своих предпосылок, по-своему разрешает их, предлагает собственный вариант их преодоления. А сам перевод является междисциплинарной деятельностью, которая требует от переводчика должных компетенций из смежных отраслей знания.

Источники

- Аверинцев С. С.* От Луки Святое Благовестие // Аверинцев С. С. Собрание сочинений. Киев: Дух і Літера, 2004. С. 113–180.
- Адаменко В., свящ.* Служебник на русском языке. Собрание Божественных Литургий, совершаемых Православной Российской Церковью. Н. Новгород: Тип. Исправтруддома, 1924.
- Адаменко В., свящ.* Сборник суточных церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви. Н. Новгород: Тип. Исправтруддома, 1926.
- Адаменко В., свящ.* Требник. Молитвослов для совершения священнодействий Православной Церкви на русском языке. Н. Новгород: 7-я тип. Транспечати НКПС, 1927.
- Амвросий (Тимрот), иером.* Часослов. М.: Вертоград, 2003.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / под ред. М. П. Кулакова. М.: Изд-во ББИ, 2018.
- Божественная литургия, рецензированная по чинам древних литургий митрополита Антония // Желудков С., свящ. Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания. М.: Sam & Sam, 2018. С. 287–312.
- Кедров Н. И.* Последование святых и спасительных страстей Христа господина нашего Иисуса, сиречь последование утрени во святой и великий пяток. Славянский текст с русским переводом. М.: Тип. «Русская печатня» Я. М. Сарандинаки, 1907.
- Кедров Н. И.* Канон великий. Творение Святого Андрея Критского Иерусалимского, чтмый в первую неделю поста. Славянский текст с русским переводом. М.: [Б. и.], 1915.
- Нахимов Н.* Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. СПб.: Синодальная тип., 1912.

- Новый Завет на греческом и русском языках / ред. А. А. Алексеев; сост. Д. И. Захарова. М.: Российское библейское общество, 2002.
- Петровский С., *прот.* Порядок совершения святой и божественной Литургии Святого Иоанна Златоуста. Опыт перевода с церковно-славянского языка на язык русский. Одесса: Тип. И. Е. Фесенко, 1908.
- Поляков П., *свящ.* Объяснение богослужения Православной Церкви с приложением полного изложения Божественной Литургии на русском наречии и наставления о том, как должно вести себя в храме во время богослужения. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1915.
- Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянских языков: в пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 1: Вечерня и Утреня: с прил. церковнослав. текста. 2-е изд., испр. и доп. / пер. *свящ.* Георгия Кочеткова. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2009.
- Радостная весть. Новый Завет. Современный русский перевод: учеб. издание. М.: Российское библейское общество, 2012.
- Седакова О. А. Мариины слезы. Комментарии к православному богослужению. Поэтика литургических песнопений. М.: Благодетство, 2017.
- Скабалланович М. Н. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Киев: [Б. и.], 1915а.
- Скабалланович М. Н. Пятидесятница. Киев: [Б. и.], 1915б.
- Скабалланович М. Н. Рождество Пресвятой Богородицы. Киев: [Б. и.], 1915в.
- Скабалланович М. Н. Рождество Христово. Киев: Тип. акционер. о-ва «Петр Барский в Киеве», 1916.
- Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе. М.: Протестант, 1992.
- Никодим (Ротов), *митр.* Канон Великий: творение святого Андрея Критского, читаемый в понедельник, вторник, среду, четверг первой седмицы и в четверг пятой седмицы Великого поста. Дюссельдорф: [Б. и.], 2008.
- Смирнов К., *свящ.* Литургия: (Реконструкция с введением и историческим комментарием). Лебедин: [Б. и.], 1924а.
- Смирнов К., *свящ.* Чинопоследование общей Исповеди. Лебедин: Тип. Гороткомхоза, 1924б.
- Успенский В., *прот.* Сборник церковных песнопений с переводом их на русский язык. М.: Синодальная тип., 1911.
- Ушаков А. Н. Сборник служб, молитв и песнопений, употребляемых при богослужениях в Православной Церкви. СПб.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1904.
- Шмеман А., *протопресв.* За жизнь мира. Вильнюс: Весть, [Б. г.].

Литература

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004.

- Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). СПб.: Алетейя, 2001.
- Лосский В. В.* Догматическое богословие // Лосский В. В. Боговидение / пер. с фр. В. А. Решиковой, сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. М.: АСТ, 2006. С. 455–552.
- Мироносицкий П. П.* К вопросу о языке православного русского богослужения // Комиссия по научному изучению Славянской Библии (Русская библейская комиссия), 1915–1929. Сборник архивных материалов. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. С. 104–120.
- Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001.
- Цырельчук К. А., Золотухина А. И.* Гимн «Свете Тихий»: анализ переводов XX–XXI вв. на русский язык // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации: сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. (31 января 2019 г.). Краснодар: [Б. и.], 2019. С. 90–97.

Словари, энциклопедии

- Кравецкий А. Г. Зайончковский Н. Ч.* // Православная энциклопедия. Т. 19. М.: Православная энциклопедия, 2008. С. 529–531.
- Седакова О. А.* Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008.
- Шкаровский М. В. Никодим (Ротов)* // Большая российская энциклопедия. Т. 22. М.: Православная энциклопедия, 2013. С. 730–731.

НАРОДЫ АРКТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 327

Ло Ин, Дан Шуе
Гуандунский университет
иностранных языков
и международной торговли

Коренные малочисленные народы Арктики в эпоху глобализации: взгляд из Китая

Статья посвящена осмыслению основ глобализационных процессов и роли в них Китая, социокультурной жизни коренных малочисленных народов Арктики. Авторы отмечают три фактора, угрожающие выживанию коренных малочисленных народов: а) сокращение площади многолетних льдов; б) оттаивание мерзлотного грунта тундры; в) индустриализация Арктики, с одной стороны, а также устойчивый рост организации экспедиционного и торгового судоходства как возможности для Арктики, с другой стороны. В этой связи авторами приводятся аргументы налаживания: а) взаимовыгодного партнерства коренных малочисленных народов Российской Арктики с многонациональными предприятиями Китая; б) научно-практического сотрудничества для облегчения производительности труда и включенности районов проживания коренных малочисленных народов Российской Арктики в современную систему глобализационных процессов; в) двустороннего межправительственного сотрудничества между Китаем и Россией.

Ключевые слова: регион Арктики, коренные малочисленные народы Арктики, глобализация, устойчивое развитие.

Luo Ying, Dang Xue

Indigenous small-numbered peoples of the Arctic in the era of globalization: a view from China

The article is devoted to rethinking of the processes of globalization and the role of China in them, as well as the socio-cultural life of the indigenous peoples of the Arctic. The authors note three factors that threaten the survival of indigenous peoples: a) the reduction of the area of long-term ice, b) the melting of permafrost tundra soils, c) the industrialization of the Arctic, on

the one hand, and the steady growth of the organization of expeditionary and commercial shipping as an opportunity for the Arctic, on the other hand. In this regard, the authors argue in favor of establishing: a) a mutually beneficial partnership of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Arctic with the multinational enterprises of China; b) scientific and practical cooperation in order to increase labor productivity and include the territories of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Arctic in the modern system of globalization processes; c) bilateral intergovernmental cooperation between China and Russia.

Keywords: Arctic region, indigenous small-numbered peoples of the Arctic, globalization, sustainable development.

Введение

Глобализационные процессы, основанные на базе развития производительных сил, — необратимый факт развития человечества в начале XXI в. Современные производительные силы, разделенные по отраслям производства, привели наше общество к оптимальному перераспределению во взаимозависимой мирохозяйственной системе производства товаров, продвижения и перемещения товаров, услуг, способов административного и корпоративного управления производством. Несмотря на то что такие факторы, как угроза глобальных или региональных военных конфликтов, деградация окружающей среды и возникновение эпидемиологических ситуаций, технические и техногенные катастрофы и т. д., будут препятствовать темпам интенсивности глобальных потоков и взаимосвязей — глобализация является необратимой тенденцией.

Первыми о глобализации заговорили экономисты, обратив внимание на существование единого глобального рынка торговли, финансово-банковской системы. Транснациональное взаимодействие охватило практически все области человеческой жизни. Данному процессу способствует научно-технологическая революция в сфере информационных коммуникаций. Глобализация, как явление современной политической системы, имеет две стороны. Возможность общения между различными профессиональными ассоциациями ускоряет процессы ведения бизнеса, с одной стороны, но вместе с тем и способствует интенсификации деятельности наркобизнеса, террористических организаций и др. Поэтому возникают предложения спасти глобализацию от ее сторонников [Стиглиц, 2013, с. 35], придавая этому явлению мирный характер многостороннего сотрудничества в транснациональной среде трансформирующейся мировой политической системы [Kharlampieva, 2013a]. Транснациональную среду

взаимодействия государств, населения и хозяйствующих субъектов предлагается рассмотреть в новом регионе мировой политики — Арктике [Kharlampieva, 2013b]. В современных условиях регион Арктики стал частью мирохозяйственных связей, а ее население — частью мирового населения. Очевидно, что коренные народы Арктики больше не могут оставаться на окраине эпохи высокопроизводительных глобализационных процессов. Еще одним существенным вызовом современного мира для коренных малочисленных народов Арктики является изменение климата и его последствия для ведения традиционного образа жизни, адаптация человека к новым условиям жизнедеятельности. Стоит отметить три основных фактора, которые угрожают выживанию коренных малочисленных народов: 1) сокращение площади многолетних льдов на Северном и Южном полюсах; 2) оттаивание мерзлотного грунта тундры, при котором выделяется большое количество метана; 3) повсеместная индустриализация Арктики, связанная с процессами включения ее в современную мирохозяйственную систему. Тому свидетельством становятся открывающиеся возможности морских арктических маршрутов, которые в последние годы показывают устойчивый рост организации экспедиционного и торгового судоходства.

Следует согласиться с тем, что окружающая среда в районах проживания коренных малочисленных народов Арктики претерпевает огромные изменения. Так, изменения окружающей среды не соответствуют традиционным знаниям коренных народов, передаваемым из поколения в поколение, и повседневная жизнь вынуждает коренные народы к адаптации их быта, который, в свою очередь, трудно поддается изменениям. Что меняется в жизни коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни?

Во-первых, постепенное сокращение ледников в Арктике приводит к изменению мест рыбных промыслов в Северном Ледовитом океане, который перемещается на север к водам с низкой температурой. Южная линия деревьев также смещается на север. Меняется пищевая цепь крупных млекопитающих, белые медведи часто стали навещать поселения северян в поисках питания, создавая проблемы личной безопасности.

Во-вторых, оттаивание криолитозоны способствует выделению большого количества метанового газа, растет заболоченность и опустынивание северных территорий; лежавшие годами в вечной мерзлоте бактерии могут возродиться, создав огромную угрозу экосистеме Арктики и здоровью ее населения, в первую очередь коренным малочисленным народам, которые постоянно живут в Арктике.

В-третьих, включение арктических природных ресурсов в мирохозяйственную систему, технические достижения их изучения и эксплуатации кардинально меняют традиционный образ жизни северян и коренных малочисленных народов Арктики. Настают времена, когда регулярная эксплуатация арктических водных путей, освоение запасов минеральных и других природных ресурсов, создание территорий экологического туризма в Арктике вытесняют земли выпаса оленей в тундре, что затрудняет сохранение коренными малочисленными народами традиционного образа жизни.

При таком положении дел на Севере и в Арктике стоит говорить о новых возможностях развития: 1) изменение климата значительно сокращает дни с низкой температурой, что способствует росту рабочих дней и применению более щадящего способа производительных сил; 2) включенность Арктики в мирохозяйственные связи способствует модернизации технических оснащений, улучшает транспортные коммуникационные связи, ускоряя модернизацию традиционных знаний коренных малочисленных народов Арктики, повышая качество их жизни в условиях холодного климата; 3) видно, что коренные малочисленные народы Арктики быстро интегрируются в современное общество, повышают общий уровень образования и способность использовать современные технологии, способны к самоуправлению. Эти возможности — ценный факт в создании условий управления экосистемой Арктики.

Рассмотрим китайский фактор в развитии нового региона Арктики.

Роль Китая в развитии Арктики

Если обратиться к роли Китая в развитии Арктики, то стоит отметить следующие факторы.

К экономическим можно отнести тезис о том, что «азиатские страны — “мировые фабрики” — нуждаются все больше и больше в энергоресурсах для поддержания спроса потребителей по всему миру. Доказанные перспективы развития арктических запасов минерального сырья сделали азиатские страны потенциальными рынками для поставки арктических продуктов (нефти, газа, полезных ископаемых, водных ресурсов). Вместе с тем многочисленное население азиатских стран в сочетании с накопленным богатством и увеличением покупательной способности людей в последние десятилетия становится надежным рынком поставки ряда арктических ресурсов» [Цзянь Ян, 2015, с.2]. Данный тезис наглядно показывает

отношение Китая к Арктике. Китай, действительно, представляет собой настоящую «фабрику мира», высокоиндустриальную страну с полным циклом замкнутого производства в Азии. Китай также является самой густонаселенной страной и крупнейшим рынком в мире. Таким образом, между Арктикой и Китаем существует двусторонний спрос: Китаю нужны арктические ресурсы и продукты, а арктическим странам нужен огромный рынок Китая.

Что касается вопросов экологии, то стоит обратить внимание на то, что таяние многолетних ледников в Арктике приводит к повышению уровня морей, что, в свою очередь, не останется незамеченным в том числе в прибрежных городах Китая. Как известно, огромная доля от общей численности населения Китая проживает в прибрежных городах. Кроме того, холодные ветры Арктики дуют зимой в Китай через Сибирь. Также очевидно, что нахождение Китая в Северном полушарии приводит к интенсивности зимнего муссона в Китай с сибирских территорий Российской Арктики, что напрямую связано с непредсказуемыми последствиями для экосистемы Китая.

Следующим фактором необратимого процесса взаимодействия является открытие арктической морской транспортной системы, которое сокращает расстояние между Китаем и странами Европы. В этом случае стоит обратить внимание на то, что нормализация арктического маршрута и развитие Полярного шелкового пути существенно меняют взаимодействие Китая с арктическими странами, при котором не избежать «столкновения китайской культуры с культурой коренных малочисленных народов Арктики» [Ying Luo, 2020]. Проблемы современных коренных малочисленных народов Арктики — предмет отдельного изучения представителями Китая. Знакомство с эволюцией жизнедеятельности народов Арктики, проживающих тысячелетиями в суровых условиях, как нам представляется, показывает, что до вторжения колонистов арктические коренные народы жили в отрыве от интенсивных отношений, в гармонии с природой. Беспокойная жизнь коренных народов Арктики, начавшаяся вместе с изменением общественного строя стран, а также потрясения, которые испытали они в своем быту [Мин Пан, 2012, с. 3] продолжают в современных условиях взаимозависимости и не являются уже не столь пугающими: 1) с изменением традиционной среды обитания меняются способы сохранения традиционных знаний, передаваемые из поколения в поколение, — некоторые из них больше не применимы в современном быту и нуждаются в обновлении; 2) четыре традиционных вида деятельности коренных народов: оленеводство, рыболовство, собирательство и охота — подвержены координации

и регулированию со стороны государства, не всегда справедливому; 3) социальное развитие привело к отъезду молодых людей из числа коренных малочисленных народов в крупные города, что приводит к сокращению численности населения, занимающегося традиционными видами деятельности, отмечается рост численности старшего поколения представителей коренных народов, также рост смешанных браков угрожает сокращению численности коренных малочисленных народов; 4) промышленные товары, такие как генераторы и очистители воды, вошедшие в быт жизни коренных народов, с одной стороны, облегчают и повышают качество жизни, но, с другой стороны, делают неспособными представителей коренных народов придерживаться исконного традиционного образа жизни; 5) справедливое перераспределение ресурсов, добытых на исконных землях коренных малочисленных народов Арктики, в условиях изменения климата становится вопросом индустриализации, с одной стороны, и экологической безопасности, с другой стороны, тесно связанной с выживанием коренных малочисленных народов Арктики.

Несправедливые правила глобализационных процессов особенно остры для коренных малочисленных народов Арктики, которые остаются вдалеке от мирохозяйственных дел и не только не участвуют в ней, но и не соглашаются понимать хищнические законы глобализации. В этой связи они особо уязвимы перед воздействием недостатков глобализации и могут остаться в стороне от получения выгоды в современных условиях государственного капитализма. Хотелось бы, чтобы коренные малочисленные народы стали полноправными участниками разработки правил арктической глобализации и были ответственны за судьбу своего будущего поколения.

Опыт включенности Китая в глобализационные процессы

Сорок лет быстрого развития Китая совпали с периодом развития теории глобализационных процессов. Китаю повезло воспользоваться возможностью предоставленного времени, с одной стороны, а также заплатить за это огромную цену, с другой стороны. Перечислим факты.

Во-первых, Китай является выгодополучателем глобализации. В результате глобализации многонациональные компании переместили свои производства в Китай из-за низкой себестоимости рабочей силы, в результате чего Китай создал полную производственную цепочку, завершил модернизацию промышленности и стал «фабри-

кой мира» и второй по величине страной в мире по объему экономики.

Вместе с тем Китай также стал жертвой глобализационных процессов. Глобализация — это передача производственной цепочки многонациональным компаниям. Стало понятно, что переданные частным компаниям отрасли производства оказались прежде всего отраслями, потребляющими ресурсы с высоким уровнем загрязнения. Поэтому первые города Китая, которые приняли правила глобализационных процессов производства, заплатили высокую экологическую цену.

Во-вторых, Китай извлекает уроки из глобализационных процессов, осмысливая их опасности. Многие города отказались от развития за счет загрязнения окружающей среды, поэтому некоторые производственные линии были перенесены в Юго-Восточную Азию и Индию. Всем известно, что для глобализации, прежде всего глобализации экономики и глобализации ресурсов, материальные интересы имеют первостепенное значение, а духовность остается второстепенной. В этой связи концепции «сообщество единой судьбы человечества», интерпретирующей глобализационные процессы с духовной точки зрения, в сочетании со стратегией «Одного пояса и одного пути» придается большое значение для формирования арктической политики Китая.

Возможности сотрудничества Китая и Российской Арктики

Возможности сотрудничества Китая и Российской Арктики по вопросам, затрагивающим интересы ее коренных малочисленных народов, в основном заключаются в следующем:

- Эксплуатация рыбных ресурсов в арктических морях России. С ростом показателей потепления климата ускоряется рост размножения морских биологических ресурсов. Рыба, обитающая в холодных арктических водах, обладает чрезвычайно высокой питательной ценностью. Стоит отметить ценность белого лосося, известного как природный антифриз, длительное потребление которого способно препятствовать развитию различных гериатрических заболеваний.
- Разработка биофармацевтических продуктов для поддержания здоровья в условиях холодного климата. Большую ценность представляют знания коренных малочисленных

народов Арктики об эффективном применении продуктов фауны и флоры для поддержания здоровья в условиях холодного климата, сохранения тепла в организме (например, фармацевтическое значение северного оленя не до конца изучено, так же, как и более 96 видов растений Российской Арктики), о заготовке продуктов питания из ценных пород северных рыб. Отдельной темой обсуждения являются заготовки оленины, лиофилизированных продуктов из ягод (арктической черники, клюквы и др.).

- Развитие туризма в районах проживания коренных малочисленных народов Арктики, имеющих тысячелетнюю историю и уникальную национальную культуру. Природные и человеческие ландшафты, дополняющие друг друга и не воспроизводимые в других частях мира, уникальны.

Исходя из вышесказанного, перечислим основные направления сотрудничества с коренными малочисленными народами Российской Арктики:

- Деловое сотрудничество, которое заключается в следующем. В условиях включенности Российской Арктики в мирохозяйственные связи становится возможным создание взаимовыгодного партнерства коренных малочисленных народов Российской Арктики с многонациональными предприятиями. Например, многонациональные компании могут строить совместные предприятия с коренными малочисленными народами российской Арктики, которые могли бы приобретать продукцию, добываемую ими и создать заводы для ее переработки. В таком случае откроются места работы для коренных народов, а также арктическое биологическое сырье будет переработано на месте добычи и доставлено потребителям по всему миру;
- Научно-практическое сотрудничество. Оно необходимо для повышения качества жизни в экстремальных условиях с помощью научно-технологических изысканий облегчения производительности труда и для включенности районов проживания коренных малочисленных народов Российской Арктики в современную систему глобализационных процессов. Тем не менее в Российской Арктике взаимодействие с коренными жителями привнесло много полезного в российскую и советскую научную школу полярных исследований в условиях хрупкой экосистемы. Пример сотрудни-

чества российских ученых и коренных народов — ценные знания для современных исследователей не только по наблюдениям природной среды, но и по созданию современных условий проживания и посещения туристами этой уникальной части Земли. Создание совместных научно-практических лабораторий, совершенствование механизмов совместных исследований и опубликование на их основе совместных работ — лишь небольшая часть международного научного сотрудничества. Формы научно-познавательного посещения Российской Арктики, как часть экологического туризма, тоже является интересным направлением разработки деловых и научно-практических практик;

- Межправительственное сотрудничество. Российская Арктика — стратегический экономический регион Российской Федерации. Нет сомнений в том, что двусторонние отношения правительств Российской Федерации и Китайской Народной Республики, поддерживающих свои компании и народы, обеспечивают национальную безопасность и четко придерживаются букв закона национальных документов. Межправительственные договоры, соглашения обеспечивают необходимые условия для создания двусторонних и многосторонних взаимоотношений на уровне компаний, а также общественных объединений. Взаимные визиты на высоком уровне, регулярные теле- и видеоконференции, разработка специальной политики для арктического взаимодействия позволяют, согласно вышесказанным пожеланиям, укрепить и расширить межкультурную коммуникацию и деловое общение народов Российской Арктики и Китая.

Выводы

Двусторонний опыт современных отношений между Китаем и Россией предоставляет огромные возможности для развития Российской Арктики путем объединения научно-практических усилий в сфере социально-экономического возрождения северных регионов, улучшения качества жизни северян, коренных малочисленных народов Российской Арктики. Можно предположить, что в настоящее время компании и население двух стран готовы к осуществлению реальных дел для восполнения потребностей современного общества. Кроме того, глобальные изменения климата, рост торгового и экспедиционного судоходства по Северному морскому пути

вселяют надежду на укрепление сотрудничества китайских компаний с предприятиями, коренными малочисленными народами Российской Арктики, став важной частью Полярного шелкового пути. Также стоит заметить, что время благоприятно сказывается на экономическом развитии двусторонних отношений и дает возможности для осмысления и перестройки новой мировой экономической глобальной системы. Двусторонние отношения относительно Российской Арктики дают шанс объединить усилия с помощью уроков, полученных от «фабрики мира», Китая, и сформировать деловое представление, основанное на научных знаниях, о новом регионе мирохозяйственной системы — Арктике — и уникальном современном сообществе северян.

Литература

- Ying Luo, Li Yang, Lobanov A. A., Andronov S. V., Lobanova L. P.* Sino-Russian cooperation on the sustainable utilization of Arctic biological resources: modernizing traditional knowledge // *Advances in Polar Science*. 2020. Vol. 31, no. 3. P. 224–235. doi: 10.13679/j.advps.2020.0004
- Мин Пан. 北极原住民研究 [Исследования арктических аборигенов]. Пекин: Информационный бюллетень, 2012.
- Стиглиц Дж. Э. 让全球化造福全球 [Пусть глобализация принесет пользу миру]. Пекин: Изд-во Университета Жэньминь, 2013.
- Цзянь Ян. 亚洲国家与北极未来 [Азиатские страны и арктическое будущее]. Пекин: Информационный бюллетень, 2015.
- Kharlampieva N. K.* Process of global transformation: the Arctic experience [全球转型过程: 北极经验] // Symposium “Arctic Passages and the Northern Strategic Collaboration”. SISU, Canadian Centre. Shanghai, 15–16 November, 2013. Shanghai, 2013a. P. 82–85. (На кит. и англ. яз.)
- Kharlampieva N. K.* The transnational Arctic and Russia // *Energy Security and Geopolitics in the Arctic*. 2013b. May. P. 95–126. https://doi.org/10.1142/9789814401470_0004

А. Н. Терёхина

Арктический научно-исследовательский
стационар Института экологии растений
и животных УрО РАН;
Центр арктических и сибирских
исследований Социологического
института РАН

М. В. Шайжанов

Представительство ЯНАО
в Санкт-Петербурге

Сохранение и развитие языков коренных народов Арктики

Статья посвящена актуальным вопросам в сфере языковой политики и поддержки языков народов Севера. В работе рассматриваются проблемы позиционирования миноритарных языков в региональных дискурсах и самоидентификации носителей. Зачастую тема сохранения языков коренных народов связана с дискурсом традиционности, а общественная риторика отводит индигенным языкам лишь сферу «тундры и тайги», где люди занимаются традиционными видами хозяйства — оленеводством, рыболовством, охотой, собирательством. Авторы, преимущественно на базе официальных данных и собственных полевых исследований в Ямало-Ненецком автономном округе, размышляют над темой расширения языкового пространства с помощью современных методик и технологий, приводя конкретные примеры проектов и инициатив по сохранению северных языков и делая выводы о необходимости развития этого направления.

Ключевые слова: языки народов Севера, Арктика, коренные народы, Ямал, ненцы, языковой активизм, язык в интернете.

A. N. Terekhina, M. V. Shayzhanov

Problems of preservation and development of languages of the peoples of the North

The article is devoted to current issues in the field of language policy and support for the languages of the peoples of the North. The topic of the indigenous languages preserving is associated with the discourse of tradition. Public rhetoric assigns these languages only the field of «tundra and taiga», where people are involved in reindeer herding, fishing, hunting and gathering. The paper reviews problems of positioning minority languages in regional discourses and self-identification of speakers. On the basis of official data and their own field-

work in Yamal-Nenets Autonomous Okrug, the authors reflect on the topic of expanding the linguistic space using modern methods and technologies, giving specific examples of projects and initiatives to preserve the northern languages. Thus, they make conclusions about the need to develop of this direction.

Keywords: languages of the peoples of the North, Arctic, indigenous peoples, Yamal, Nenets, language activism, language on the Internet.

Проблемы сохранения и развития языков народов Севера

Согласно научным оценкам, языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в той или иной степени находятся под угрозой исчезновения (см., например: [Функ, 2012])¹. Во всех арктических регионах России, где проводятся наши исследования, в течение десятилетий наблюдается языковой сдвиг в сторону русского языка как доминирующего в большинстве сфер [Вахтин, 2001]. Заметим, что, говоря о северных языках, мы не делаем акцент только на этнических сообществах с официальным статусом коренных малочисленных народов (то есть насчитывающих менее 50 тыс. человек), но рассматриваем и более крупные группы, такие как якуты или коми. Существующее разделение языков по степени сохранности относит языки народов, имеющих политическую субъектность (якутский, коми, тувинский, бурятский), к первой группе, то есть наиболее «здоровой» [Вахтин, 2016, с. 32]. Состояние языков второй группы — ненецкого и долганского — оценивается как наименее опасное, в то время как языки последней, седьмой группы (алеутский, ительменский, керекский) представлены лишь единичными носителями [Вахтин, 2016, с. 34–35].

В рамках этой статьи мы не ставили перед собой цели сделать широкий социолингвистический обзор, однако попытались затронуть вопросы расширения языковых сфер как одной из ключевых задач в деятельности по сохранению и развитию миноритарных языков. В качестве примеров в основном приводятся материалы по языковой ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), где к языкам народов Севера относятся ненецкий, хантыйский, селькупский и коми-зырянский (ижемский), входящие в уральскую языковую семью.

¹ См. также: UNESCO. Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas> (дата обращения: 05.05.2021); Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения. URL: <http://lingsib.iea.gas.ru> (дата обращения: 05.05.2021).

Родной язык — для тундры и тайги?

Понятие «родной язык» может подразумевать несколько значений: первый язык, усвоенный в детстве; язык, соответствующий названию этнической группы; язык, которым человек лучше всего владеет и др. [Skutnabb-Kangas, 2000, p. 106]. К примеру, в Республике Саха (Якутия) во многих национальных поселках представители коренных малочисленных народов с детства говорят на якутском или русском языках и только в школе начинают учить долганский, эвенкийский, эвенский, юкагирский или чукотский. В то же время на вопрос о родном языке они называют свой титульный язык, тем самым относя его к маркерам этнической принадлежности [Мамонтова, 2010; Диалектологический атлас..., 2017, с. 10].

Зачастую языковая тема становится для этнических элит и местных чиновников важной частью регионального дискурса традиционности. Как правило, общественная риторика отводит для индигенных языков лишь пространство «тундры и тайги». Иными словами, витальность родных языков напрямую связывается, в том числе и в научных работах (см., например: [Диалектологический атлас..., 2017, с. 4]), с устойчивостью традиционных отраслей хозяйства коренных народов Севера — оленеводством, рыболовством, охотой. Оленеводству в этом списке отведена наиболее значимая роль, поскольку управление стадом предполагает кочевой или полукочевой образ жизни. Например, «настоящая» ненецкая культура и развитие языка на Ямале в дискурсивном поле часто помещаются именно в тундровую среду. Аналогичные представления можно встретить в статьях об эвенках Красноярского края [Ssorin-Chaikov, 2002; Мамонтова, 2013].

Таким образом, в общественном пространстве превалирует устойчивая формула «сохранится оленеводство — сохранится и родной язык»². С одной стороны, на примере семей оленеводов полуострова Ямал, где ненецкий язык является повседневным для всех возрастных групп, данный тезис находит подтверждение. В то же время во многих кочевых семьях Приуральского и Надымского районов ЯНАО родным языком владеют лишь представители старшего поколения, что свидетельствует об уязвимости описанного выше утверждения. Несомненно, на языковой ландшафт конкретных групп

² Ученые связали сохранение языков с развитием оленеводства. Вышла монография // Север-Пресс. 2019. 13 ноября. URL: <https://sever-press.ru/2019/11/13/uchenye-svjazali-sohranenie-jazykov-s-razvitiem-olenevodstva-vyshla-monografija/> (дата обращения: 06.05.2021).

влияет целый комплекс факторов, а не только их принадлежность к кочевому или оседлому населению.

К настоящему времени большинство представителей народов Севера по всей Арктике не ведет традиционный образ жизни — за годы советской власти и постсоветской России сформировалась значительная «городская прослойка». Если раньше для ямальских ненцев оседлость считалась менее престижной, чем кочевое оленеводство, а безоленные рыбаки и охотники мечтали «подняться на каслание» [Головнёв и др., 2006, с. 19], то сейчас ситуация коренным образом изменилась. Как заметила Е.В. Лярская, жизнь в поселке перестала считаться неуспешной, и в ненецкой среде авторитетными признаются оба сценария [Лярская, 2001; 2016]. Тем не менее описанные выше стереотипы могут влиять на федеральную и региональную языковую политику и конкретные меры по поддержке миноритарных языков, что нельзя назвать эффективной стратегией для сохранения языкового разнообразия в России. Это, например, отражается на системе школьного преподавания индигенных языков. В ямальских поселках со школами-интернатами родной язык преподается только в «тундровых» классах для детей из кочевых семей, в «поселковых» классах со смешанным этническим составом представители народов Севера не имеют возможность изучать титульные языки. Преподавание локальных языков тем более по факту исключено из городского пространства, хотя в Салехарде, Лабытнанги, Надыме и других городах ЯНАО проживает много ненцев, хантов, селькупов и коми. В ямальских городах работают единичные языковые кружки, зачастую не входящие в государственную образовательную программу.

Стоит отметить также одну законодательную коллизию: из четырех народов Севера в ЯНАО коми-зыряне (ижемцы) не имеют статуса коренного малочисленного народа (КМНС), поскольку в переписи населения они формально включены в федеральную группу коми, насчитывающую почти 300 тыс. человек. Группы коми — носители ижемского диалекта — переселились вместе со своими стадами оленей за Урал на территорию современного Ямало-Ненецкого автономного округа в XIX веке. В настоящее время они проживают в Приуральском, Надымском, Пуровском и Шурышкарском районах ЯНАО (общая численность в ЯНАО — 5141³) и частично продолжают заниматься оленеводством: например, пастухи оленеводческого

³ Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.06.2021).

предприятия АО «Салехардагро» более чем на 70 % состоят из коми. Несмотря на то что в округе проводятся мероприятия, поддерживающие язык коми, — преподавание в отдельных поселках, наличие общественных организаций и творческих коллективов, фестивали и литературные конкурсы, — в законе «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» он не указан. Согласно этому документу, к родным языкам коренных малочисленных народов Севера на территории автономного округа относятся ненецкий, хантыйский, селькупский⁴. Соответственно, на правовом уровне все предписания, такие, к примеру, как делопроизводство на родном языке, не должны применяться к языку коми-зырян, и любая отчетность их исключает. Таким образом, язык этнической группы, ведущей традиционный образ жизни в Арктике, не имеет региональной защиты на законодательном уровне, что может отражаться на спектре и объеме финансирования поддерживающих мер.

Современное языковое пространство и новые коммуникативные ситуации

Лингвистами и языковыми активистами по всему миру разработан целый комплекс методов для поддержки и ревитализации языков меньшинств [Диалектологический атлас..., 2017; Хинтон и др., 2018; Замятин и др., 2012]⁵. Одним из ключевых принципов является конструирование новых и расширение «традиционных» сфер использования языка в регионах с привлечением разных возрастных групп. Развитию новых направлений в значительной степени препятствует распространенная фольклоризация языков, то есть их применение лишь в ходе воспроизводства стереотипных этнических образов, сводящихся к исполнению национальных песен и танцев, постановки обрядов или театральных сценок из «настоящей» жизни оленеводов, рыбаков и охотников.

В Ямало-Ненецком автономном округе, как и в других северных регионах, современная литература, опубликованная на мино-

⁴ Закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» № 48-ЗАО от 5 апреля 2010 года (с изменениями на 28 мая 2019 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895250007> (дата обращения: 05.05.2021).

⁵ См. также: Страна языков. Площадка для обмена опытом, идеями и энергией для оживления языков. URL: <http://stranayaz.ru> (дата обращения: 04.05.2021).

ритарных языках, как правило, относится к фольклорному материалу: сказкам, легендам, эпическим сказаниям, малым жанрам⁶. Безусловно, фиксирование и публикация этих уникальных культурных и языковых материалов крайне необходимы. Вместе с тем этих жанров и форм использования языка недостаточно, чтобы привлечь и заинтересовать молодых людей. Это не значит, что фольклор не может быть интересен молодежи, наоборот — традиционные образы и произведения весьма привлекательны, если выражены в новых форматах. Хороший пример тому — комиксы по якутскому эпосу олонхо, появившиеся в 2010-е годы в разных вариациях, как в печатном виде, так и в интернете [Васильева, 2019]. Благодаря арт-проекту комиксов на финно-угорских языках «Живой язык», этот жанр в последние несколько лет стал своеобразным символом «экспериментов» по стимулированию языкового активизма в России⁷.

В 2017 г. на встречах неформального ненецкого языкового клуба «Вада» в Санкт-Петербурге, где на базе Представительства ЯНАО собирались ямальские студенты и петербургские этнографы, был переведен на ненецкий язык комикс «Кунг-фу панда». Студенты, вернувшиеся на каникулы домой, распространили комикс о *падвы варк* (пятнистом медведе — *ненецк.*) среди тундровиков, которые, по словам участников клуба, читали и рассматривали его с большим удовольствием. Перевод несуществующих в ненецком языке дефиниций вызвал, с одной стороны, определенные затруднения, с другой — интерес к языковому творчеству. Позже ямальские учителя начали использовать создание комиксов как творческое задание на уроках родного языка, а Национальная библиотека ЯНАО и Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского провели конкурсы комиксов, в том числе с номинациями на языках народов Ямала.

Вне зависимости от трендов региональной языковой политики языки народов Севера используются носителями в социальных сетях, что является одной из форм выражения этнической и региональной идентичностей [Мамонтова, 2014; Белоруссова, Головнев, 2019]. Из ямальских языков наиболее активно ведется онлайн-общение на ненецком языке. Кроме того, окружные издания —

⁶ Литературная карта Ямала «Хорей». URL: <http://lit89.ru> (дата обращения: 04.05.2021).

⁷ Живой язык. URL: <http://www.finnougriccomics.com> (дата обращения: 04.05.2021).

газеты «Лух авт» на хантыйском и «Нярьяна Њэрм» на ненецком — стараются регулярно выкладывать материалы в социальных сетях «ВКонтакте» и Instagram, объясняя это стремлением расширить аудиторию и привлечь читателей из числа молодежи. В продолжение предыдущего раздела статьи заметим, однако, что в округе не существует периодики на селькупском и коми языках.

Помимо городской и поселковой молодежи кочевое население также осваивает интернет в тех районах, где есть доступ к мобильной связи. Если мобильные телефоны уже давно стали неотъемлемой частью материальности стойбища [Штаммлер, 2013], то развитие интернет-коммуникации можно связать с интенсивным промышленным освоением Арктики. Мы сами регулярно общаемся в мессенджерах с ямальскими оленеводами, когда те подходят ближе к поселкам и промышленным объектам. Нередкими в последние годы становятся истории о поиске молодыми людьми из кочевой среды пары в интернете с последующим созданием семьи⁸. В условиях нехватки невест для жизни в тундре интернет представляется одним из путей расширения социальных контактов, вне зависимости от удаленности в пространстве. Одна из наиболее популярных социальных сетей в ямальской тундре — «Друг вокруг», предоставляющая возможность находить людей для общения по местоположению и требующая небольшого расхода интернет-трафика.

Молодые оленеводы Ямала и жители поселков используют, как правило, для общения родной язык. Распространение письменного «живого» языка в интернет-пространстве серьезно изменило ситуацию, поскольку ранее печатное слово было связано лишь с публикацией книг или СМИ на литературном варианте языка. В случае с ненецким письменный язык онлайн используют люди, зачастую не знающие хорошо литературных норм написания, поэтому пишущие слова «как слышится» и без специальных знаков ненецкого алфавита. Например, буква *h* в постах, чатах или комментариях имеет три вида написания, если у человека нет ненецкой раскладки клавиатуры: «н», «h», «nh». Кроме того, в интернет-текстах отражается разница в произношении разных говоров. На наш взгляд, подобная

⁸ См., например: В Тазовском сыграли свадьбу тундровики, познакомившиеся через соцсети // Север-Пресс. 2019. 3 апреля. URL: <https://sever-press.ru/2019/04/03/v-tazovskom-sygrali-svadbu-tundroviki-poznakomivshiesja-cherez-socseti> (дата обращения: 06.05.2021).

онлайн-жизнь северных языков может быть отдельной темой исследования для лингвистов.

Просматривая социальные сети, где используются родные языки, мы неоднократно сталкивались с локальными «граммар-наци». Часть пользователей со знанием литературных норм родного языка пишут разгромные комментарии не только из-за явных ошибок, но критикуют даже газетные тексты, придираясь к грамматическим нюансам, имеющим спорный характер. Подобная агрессивная критика, как известно, отпугивает молодежь писать на родном языке из-за чувства стыда или нежелания любых конфликтов, что в целом негативно сказывается на расширении языковых сфер.

Генеральной Ассамблеей ООН 2019 г. был объявлен Международным годом языков коренных народов, поэтому в России была проведена целая серия мероприятий, посвященных языкам народов Севера. В Ямало-Ненецком автономном округе прошли традиционный диктант на родных языках и конкурс статей в печатных изданиях. Помимо этого, правительство округа совместно с региональными СМИ провело конкурс видеороликов «Мы говорим на родном языке», выпустило, поддержав местных активистов, аудио- и видеоконтент для обучения индигенным языкам ЯНАО. Наряду с этим общественные организации и профильные департаменты обратили внимание на молодежные инициативы с нетривиальными для родных языков форматами: конкурс песен-каверов, цикл выпусков видеоразговорника, видеословарь и др.

В ноябре 2019 г. в Салехарде состоялась международная научно-практическая конференция «Ямальские гуманитарные чтения», на которой обсуждались вопросы современного состояния языков народов Севера. Также 15 ноября 2019 г. в рамках VIII Санкт-Петербургского международного культурного форума при поддержке Департамента внешних связей Правительства ЯНАО была проведена научно-практическая конференция «Сохранение языков коренных народов Арктики: новые подходы и перспективы развития», в организации которой непосредственно участвовали авторы этой статьи⁹. Основной целью конференции стал конструктивный обмен мнениями и практиками между учеными, педагогами, языковыми активными и студентами — представителями коренных малочислен-

⁹ Информацию о конференции см.: Конференция «Сохранение языков коренных народов Арктики: новые подходы и перспективы развития» // Санкт-Петербургский международный культурный форум. 2019. URL: <https://cultural-forum.ru/events/sohranenie-yazykov-korennyh-narodov-arktiki-novye-podhody-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 06.05.2021).

ных народов Севера, а также привлечение внимания широкой общественности к актуальным проблемам сохранения миноритарных языков. На конференции были представлены разноплановые идеи и проекты с упором на молодежные инициативы с использованием современных технологий (ведение канала на YouTube и в социальных сетях, разработка приложений для смартфонов, перевод и создание комиксов и многое другое). Спикерами освещался широкий спектр вопросов, связанных с новыми методиками преподавания, популяризации и защиты языков народов Севера — от практики «языковых гнезд» до развития индивидуальных блогов. Несмотря на отмену Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2020 г., Департаментом внешних связей Правительства ЯНАО и авторами данной статьи была также организована онлайн-конференция в формате круглого стола с привлечением не только специалистов по миноритарным языкам, но и непосредственных практиков, учителей и всех заинтересованных в вопросах популяризации языков народов Севера.

В завершение мы хотели бы выразить надежду, что поддержка языковых проектов в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока, несмотря на окончание Года языков, будет планомерной и комплексной, с учетом мнений и предложений лингвистов, языковых активистов, школьных учителей, а также запросов самих носителей.

Литература

- Белоруссова С. Ю., Головнёв А. В. Виртуальная этничность — новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 36–40.
- Васильева О. В. Олонхо и культурная память саха в диджитализированной среде // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 171–182.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Головнёв А. В., Гарин Н. П., Куканов Д. А. Оленеводы Ямала: Материалы к Атласу кочевых технологий. Екатеринбург: УрО РАН, 2016.
- Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Калининград: РОСТ-ДООАФК, 2017.
- Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, 2012.
- Лярская Е. В. Культурная ассимиляция или два варианта культуры? (на примере ненцев Ямала) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 1. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2001. С. 36–55.

- Лярская Е. В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.
- Мамонтова Н. А. Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая хартия // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / ред. С. В. Соколовский, В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 79–95.
- Мамонтова Н. А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 47–77.
- Мамонтова Н. А. Кочевание на просторах интернета: репрезентация эвенкийской культуры «ВКонтакте» // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 95–125.
- Функ Д. А. Сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 51–61.
- Штаммлер Ф. М. Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: революция в тундре? // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 6–23.
- Skutnabb-Kangas T. Linguistic Genocide in Education — or Worldwide Diversity and Human Rights? New York: Routledge, 2000.
- Ssorin-Chaikov N. Mothering tradition: Gender and governance among Siberian Evenki // Working paper no. 45. Halle; Saale: Max Plank Institute for Social Anthropology, 2002.

Учебная литература

- Вахтин Н. Б. Языки Сибири и Севера: Материалы к учебнику. СПб.: Нестор-история, 2016.
- Хинтон Л., Груздева Е., Оскольская С., Пупынина М., Сюрюн А., Федотов М., Янхунен Ю. Возвращение к живому языку: пособие для изучения языка по методу «мастер — ученик». Хельсинки; СПб.: Terra Ludens, 2018.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

УДК 82.223

Т. Ю. Боярская
СПбГУ

Повести Н. В. Гоголя в рецепции Ш. О. Сент-Бева и П. Мериме

В статье проводится сопоставительный анализ статей Сент-Бева и Мериме, посвященных творчеству Гоголя и прежде всего его повестям в переводе Виардо. Сделав своим приоритетом разбор повести «Тарас Бульба», Сент-Бев сосредоточился на выявлении национальной самобытности русского народа и скрытых в прошлом причин военных конфликтов России и Польши. Мериме сфокусировался на поэтическом анализе произведений Гоголя, акцентируя художественные достоинства повестей. При всем различии поставленных задач оба отзыва способствовали популяризации русской литературы.

Ключевые слова: повести Н. В. Гоголя, сопоставительный анализ, Ш. О. Сен-Бев, П. Мериме, исторические реалии, творческая манера.

T. Yu. Boyarskaya

Novels by Nikolai Gogol in understanding of Ch. A. Sainte-Beuve and P. Mérimée

The article presents the comparative analysis of the articles of Sainte-Beuve and Mérimée, dedicated to the works of Gogol, and above all his novels in translation Viardot. Having made the analysis of the story "Taras Bulba" a priority, Sainte-Beuve focused on identifying the national identity of the Russian people and the hidden causes of the military conflicts between Russia and Poland in the past. Mérimée focused on the poetic originality of Gogol's works, emphasizing the artistic merits of the stories. Despite the difference in the tasks set, both reviews contributed to the popularization of Russian literature.

Keywords: N. B. Gogol's stories, comparative analysis, Ch. A. Sainte-Beuve, P. Mérimée, historical realities, creative manner.

Во Франции в годы Реставрации (1815–1830) и Июльской монархии (1830–1848) о далекой холодной России складывалось впечатление главным образом по книгам Ж. де Сталь «Десять лет в изгнании»

(1821), Ж. де Местра «Санкт-Петербургские вечера» (1821), Ж. Ансело «Полгода в России. Письма к К. Б. Сентину от 1826 г. в период коронации его императорского величества» (1826), маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843). Выводы о состоянии развития русской литературы самых авторитетных из них — Ж. де Сталь и Ж. де Местра — в целом благосклонно описывающих нравы, обычаи и будущность России, предвзяты и несправедливы. «Поэзия, красноречие, литература нисколько не встречаются в России», — утверждала Сталь (цит. по: [Гончарова, 2016, с. 87]). Ей вторил де Местр: «Не устаю повторять, что не видел в этой стране и тени настоящего таланта; наука — это плод, незнакомый данному климату» (цит. по: [Гончарова, 2016, с. 87]), — подразумевая под наукой культуру в целом.

По прошествии нескольких десятилетий, в 1840–1850-х годах, Россия по-прежнему воспринималась во Франции как «страна северных варваров», в которой не существует самобытной литературы. Как справедливо полагает Т. Н. Гончарова, «причину тому видели либо в подражательстве французским образцам в ущерб оригинальности, либо в полной неспособности русских и отсутствии у них творческого начала в силу гнетущего свободную мысль самодержавия или особенностей мерзлой и бесплодной почвы» [Гончарова, 2016, с. 87]. Другую немаловажную причину подобного отношения к русской литературе первой половины XIX столетия, когда были созданы шедевры А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя, исследовательница усматривает в незнании французами русского языка: «Не лишне, однако, указать, что незнание русского языка не считалось в то время постыдным даже для переводчиков» [Гончарова, 2016, с. 92].

В этой связи настоящим событием во французской литературной критике, освещающей новые публикации, стал перевод сборника повестей Н. В. Гоголя театральным деятелем и искусствоведом Луи Виардо (1800–1863), выпустившим этот перевод под названием «Русские повести» в 1845 г. Стоит отметить, что издание Виардо оказалось первым переводом повестей Гоголя не только на французский, но и вообще на иностранный язык.

Благодаря приближенности к тексту оригинала перевод считался весьма удачным, что в значительной степени обусловлено помощью, оказанной переводчику И. Тургеневым и С. Геденовым. В предисловии к публикации своего перевода Виардо откровенно признавался: «...не зная ни слова по-русски, я издаю перевод русской книги. Выполненная в Санкт-Петербурге, работа эта принадлежит мне в меньшей степени, нежели двум моим друзьям, гг. И. Т., молодому писателю, уже известному как поэт и критик, и С. Г., который

подготавливает, наряду с более легкими сочинениями, “Историю славянских племен”» (Viardot, 1845, p. VI–VII). Разножанровые повести Гоголя — «Тарас Бульба» (1835–1842), «Старосветские помещики» (1835), «Вий» (1835), «Записки сумасшедшего» (1835), «Коляска» (1836) — впервые предоставили возможность французскому читателю познакомиться с нравами и обычаями Малороссии и России в изложении русского литератора.

Перевод Виардо вызвал интерес к личности и творчеству Гоголя во Франции. В 1845 г. доброжелательной статьей «Русские повести Николая Гоголя в переводе на французский язык, опубликованном Луи Виардо» в июльском номере «Revue des Deux Mondes» на него отозвался Ш. О. Сент-Бев. В том же году газета «Illustration» публикует статью «О современной русской литературе: Пушкин — Лермонтов — Гоголь» И. С. Тургенева, пожелавшего остаться анонимом, где Гоголь назван первым полностью оригинальным русским писателем, которого произвела русская литература (Tourgueniev, 1845).

Размышляя над резонансом, вызванным во французской прессе переводом Виардо, В. Г. Белинский отмечал в том же 1845 г. в журнале «Отечественные записки», что «повести Гоголя с честью выдержали перевод на язык народа, столь чуждого нашим коренным национальным обычаям и понятиям, и сохранили свой отпечаток таланта и оригинальности. <...> И не удивительно: до сих пор, сколько ни переводили на французский язык русских писателей, французы видели в этих переводах не оригинальные создания чуждого им народа, но бледные подражания их же писателям. Поэтому французы, а вместе с ними и вся Европа, никак не хотели верить существованию русской литературы» (Белинский, 1845, с. 115).

Вместе с тем во Франции отношение к творчеству Гоголя, да и любого другого иноязычного писателя, зависело не только от качества перевода, но и от отзывов литературной критики. Авторами наиболее интересных статей о Гоголе в первой половине XIX века во Франции по праву считались Шарль Огюстен Сент-Бев (1804–1869) и Проспер Мериме (1803–1870) — известные писатели, члены Французской академии, их авторитет как ценителей изящной словесности был общепризнан и во Франции, и в России.

Сент-Бев, как было отмечено, опубликовал статью о Гоголе в «Revue des Deux Mondes» в 1845 г., а через девять лет, в ноябре 1851 г., в том же журнале выходит эссе Мериме «Николай Гоголь («Русские повести» — «Мертвые души» — «Ревизор»»). Как видно из названия, его обзор наряду с повестями был посвящен комедии «Ревизор» (1836) и роману «Мертвые души» (1842).

Представление этих писателей о личности и творчестве Гоголя складывалось в том числе и со слов русских знакомых — братьев Н. И. и И. И. Тургеневых, Н. И. Мельгунова, С. А. Соболевского, В. И. Лагрене-Дубенской, графини де Сиркур (в девичестве А. С. Хлюстиной). И Сент-Бев, и Мериме ссылаются на их мнения, не называя имен. Так, Сент-Бев через посредство образованных русских (*des Russes spirituels*) знал, что в России Гоголя сравнивали с Мериме (Sainte-Beuve, 1845, p. 883). В свою очередь, Мериме было известно о существовании вызвавшей сенсацию переписки писателя «по философским и религиозным вопросам» («Выбранные места из переписки с друзьями», 1847) и о том, что в России Гоголя упрекают «за некоторый местный патриотизм». «Будучи украинцем, он, как утверждают некоторые, — писал Мериме в очерке «Николай Гоголь», — питает особое пристрастие к Украине в ущерб своему благорасположению к остальной части империи» (Мериме, 2003, с. 13).

При этом восприятие французскими критиками Гоголя не утрачивает оригинальности: Сент-Бев был лично знаком с русским сочинителем, а Мериме к началу 1850-х годов неплохо знал русский и включил в свое эссе, переведенные им самим, фрагменты из романа «Мертвые души» и комедии «Ревизор».

Основную черту гоголевского таланта оба критика усматривают в правдивом воспроизведении действительности и нравов, основанном на умении делать точные наблюдения. Сент-Бев приходит к такому выводу после беседы с писателем на борту парохода по пути из Италии в Марсель, а Мериме — исходя из произведений Гоголя и книг по истории России, которые использовал и русский литератор.

В оценке перевода Виардо и творческой манеры Гоголя, отразившего национальную самобытность России, выявляются как точные соприкосновения, так и расхождения, обнаруживая разные интенции авторов эссе о русском писателе — Сент-Бева и Мериме.

Оба критика отдают должное качеству перевода, творческому таланту Гоголя, а вместе с этим и русской литературе. При этом Сент-Бев открыто выражает сожаление об отсутствии сведений о русской литературе и интереса к ней во французской прессе даже в тот период, когда в России были такие поэты, как Пушкин и Лермонтов, признавая в том и свою вину («c'est notre tort») (Sainte-Beuve, 1845, p. 883).

К моменту написания своей статьи Мериме знал о русской литературе не понаслышке: в конце 1820-х годов он уже был знаком с творчеством А. С. Пушкина через посредство С. А. Соболевского, а в 1849 г. выпустил свой перевод «Пиковой дамы». В то же время, несмотря на возможность познакомиться с произведениями Гоголя

в оригинале, повести он читал в переводе Виардо, в чем откровенно признается в начале своей статьи: «Я читал всего лишь несколько повестей г-на Гоголя, названия которых приведены в заголовке; сборник повестей, роман и комедию» (Мериме, 2003, с. 11) — в заголовке, как известно, значились «русские повести». Жанровое разнообразие сборника вызывает разную реакцию критиков. Если, на взгляд Сент-Бева, оно затрудняет изучение специфики таланта русского писателя (Sainte-Beuve, 1845, p. 889), то Мериме, напротив, усматривает в нем поиски писателем индивидуального стиля: «Сборник этот... заключает в себе как бы в сокращенном виде все авторские опыты: исторический роман, вдохновленный чтением Вальтера Скотта, фантастическую легенду, психологический очерк и картину сентиментальных и вместе с тем простых нравов. <...> Позднее он поступил правильнее всего, выбрав собственный путь» (Мериме, 2003, с. 14). Анализ произведений Гоголя в статьях обоих авторов начинается с разбора первой повести сборника «Тарас Бульба». Сент-Бев сразу заявляет свою позицию в отношении этой повести, считая ее самой значительной и интересной в сборнике (Sainte-Beuve, 1845, p. 883). Мериме обращает внимание на объем и тематику, дает понять, что это произведение относится к жанру исторического романа, избегая прямых оценок в начале своего анализа (Мериме, 2003, с. 14). При этом оба критика придают немалое значение комментированию «местных» — исторических и этнических — реалий (Запорожская Сечь, казачество, запорожцы), в котором выявляется различие их взглядов и преследуемой цели в отношении творчества Гоголя и, шире, — русской культуры и истории.

Так, Сент-Бев делает акцент на православном исповедании казаков: «Запорожцы, приверженцы чистой греческой религии, предстают как племя и республика грубых и неукротимых конных воинов (*chevaliers*), постоянно пребывающих в военных походах за веру (*croisade*) и располагающихся лагерем в степях» (Sainte-Beuve, 1845, p. 885). Его статья изобилует взятыми из текста повести «Тарас Бульба» картинами кровавой вражды и лютой ненависти православных казаков и поляков-католиков. Одну из причин многовековых военных конфликтов России и Польши, в том числе и широко освещаемое во французской прессе Польское восстание 1830 г., Сент-Бев видел в разном вероисповедании. «По прочтении этой повести лучше понимаешь глубоко укоренившуюся религиозную и национальную неприязнь, разделяющую на протяжении веков некоторые ветви славянской семьи» (Sainte-Beuve, 1845, p. 889). Это наблюдение было актуально в 1840-х годах, когда в Польше проводилась политика по

принудительному присоединению греко-католиков к православию. Прибегая к «романтической» традиции сопоставления исторического прошлого и современных событий, Сент-Бев видит в повести Гоголя своеобразный ключ к пониманию политики России и Польши 1830–1840 гг.: «Хотя в этой простой повести Гоголя обрисован лишь фрагмент прошлого (*un coin du passé*), в ней отображена история (*les jours historiques*), в какой-то степени объясняющая настоящее» (Sainte-Beuve, 1845, p. 889). В повести «Тарас Бульба» Сент-Бев находит черты, раскрывающие «национальный гений славянской расы», а точнее, русского народа, который надолго запомнился французам казачьими войсками, вошедшими в Париж после поражения Наполеона. В способности одолеть сильного противника, воспрянув духом от крика победоносного «ура» своих предводителей, Сент-Бев видит главную черту великой и могущественной «славянской расы», по силе и мощи сопоставимой с глубоким морем, в сравнении с которым другие народы — мелководные реки (*des humbles rivières*) (Sainte-Beuve, 1845, p. 886).

Мериме, в отличие от Сент-Бева, задавшегося целью выявить самобытность России и обнаружить в канве исторического сюжета перекличку с современностью, заострен на оценку исторической достоверности и художественной значимости произведений Гоголя. Не без кокетства эрудита он сообщает в своем очерке о Гоголе: «Запорожцы — странный народ, которому еще Вольтер посвятил несколько строк в своей “Истории Карла XII”» (Мериме, 1963, с. 14), намекая на беглое упоминание о казаках Вольтером в «Истории Карла XII» (1730). С нравами и обычаями Запорожской Сечи Мериме познакомился по книге «История государства Российского» (1818–1829) Н. М. Карамзина, первые тома которой появились во французском переводе уже в 1819 г. Начиная с эпохи Реставрации Карамзин считался во Франции самым известным русским литератором, и Мериме, всегда увлекавшийся историей, не мог не знать о существовании его исторического труда, к изучению которого он приступает в конце 1840-х годов. Так, в письме к Соболевскому от 31 августа 1849 г. писатель сообщает: «Я очень люблю “Бориса Годунова”. Из-за этого я решил прочитать Карамзина» (Мериме, 1963, с. 96). В 1848–1852 гг. Мериме тщательно изучает русскую историю Смутного времени (1598–1613), посвятив этому периоду отдельный опус «Эпизод из Российской истории: Лжедмитрии» (1852) и историческую драму «Первые шаги авантюриста» (1852). Все это позволило ему с профессиональностью историка оценить достоверность описания героев повести «Тарас Бульба»,

обнаружив в ней «живую и точную картину запорожских нравов» (Мериме, 2003, с. 14).

При этом Мериме, в отличие от Сент-Бева, отнюдь не склонен считать казацкую удаль, а вместе с ней жестокость и разбой, главной национальной чертой русских. Общаясь с братьями Н. И. и И. И. Тургеневыми и библиофилом С. А. Соболевским, с которыми его связывали дружеские отношения, он составил представление о русских как о людях европейски образованных, интересующихся наукой и искусствами, достойных уважения собеседниках.

Запорожская Сечь видится ему военным объединением XVI–XVII вв., деятельность которого описана в летописях России и Польши, а запорожских казаков он сравнивает с французскими флибустерами (морскими разбойниками XVII в.). «Располагаясь на островах Днепра и считаясь номинальными подданными то польских королей, то великих князей московских, а иногда даже Оттоманской Порты, они образовали солдатскую или флибустерскую республику. Будучи в сущности независимыми, они с полнейшим беспристрастием совершали набеги на всех своих соседей. <...> У наших флибустеров XVII века много сходных черт с запорожцами; и в истории как тех, так и других сохранились воспоминания о чудесах храбрости и ужасных жестокостях» (Мериме, 2003, с. 14–15). Подобное соотношение исторических явлений и связанных с ними деятелей разных стран одной эпохи ставило под сомнение сложившееся у французов со времен наполеоновских войн представление о русских как «северных варварах» — диких казаках.

К сопоставлению несколько иного порядка прибегает и Сент-Бев. В продолжение услышанного от русских знакомых мнения о некотором сходстве произведений Гоголя и Мериме, он отмечает стремление русского писателя не идеализировать, а наблюдать, заботясь прежде всего о достоверности изображаемого (Sainte-Beuve, 1845, p. 883), что подчеркивал и в своей статье об авторе «Матео Фальконе» (Sainte-Beuve, 1853, p. 455). По мнению Сент-Бева, речь вновь выбранного кошевого (атамана Запорожской Сечи), приказавшего казакам вернуться к военным действиям, возобновив кровавую расправу над поляками, по занимательности и правдоподобию вполне сопоставима с тем, что мог бы написать и Мериме (Sainte-Beuve, 1845, p. 885).

В очерке о Гоголе Мериме пришлось оправдываться в своем увлечении пассионариями, составившем ему дурную славу в светских салонах Парижа. «Я лично причисляю себя к тем, кто питает пристрастие к подобным людям; не то чтобы я любил встречать-

ся с ними на дороге, но энергия этих людей, вступающих в борьбу с целым обществом, невольно вызывает мое восхищение, хотя я его и стыжусь» (Мериме, 2003, с. 15). К теме казачества он вернется в 1860-х годах, написав дилогию «Казаки былых времен», посвященную Степану Разину (1861) и Богдану Хмельницкому (1863).

Сент-Бев и Мериме останавливаются и на художественном аспекте повести: несомненное достоинство оба критика видят в правдивом изображении запорожских казаков. Сент-Бев обращает внимание на достоверность и психологизм, которым привыкли восхищаться в трагедиях Шекспира (Sainte-Beuve, 1845, p. 886). Мериме фокусируется на оригинальности героев повести: «Г-н Гоголь дал яркие портреты запорожцев, которые нравятся своей необычностью» (Мериме, 2003, с. 15).

Замечают они и недостатки повести Гоголя. Так, Сент-Бев находит неуместным включение в текст описания многочисленных битв: «...мы не казаки и не испытываем большого интереса к бесконечной череде военных эпизодов этой запорожской “Илиады” (Sainte-Beuve, 1845, p. 887). В этом затрагивающем композиционный аспект замечании звучит и невольное противопоставление образованных французов русским, оставшимся в восприятии Сент-Бева воинственными казаками.

Мериме, для которого излишняя сентиментальность всегда была неприемлема, подверг резкой критике любовную линию сюжета и мелодраматическую тональность повести: «...самая прозаическая история была бы уместнее этих мелодраматических сцен, перемежающихся с мрачными событиями вроде голода, пыток и т. д. Создается ощущение, что автор на дурном пути; изложение запутано, а его обычный иронический стиль еще больше затрудняет чтение горестных эпизодов» (Мериме, 2003, с. 15).

Остальные повести сборника получают разную оценку критиков. Так, Сент-Бев, сделав своим приоритетом разбор «Тараса Бульбы», оставляет их за рамками исследования, делая исключение лишь для повести «Старосветские помещики», в которой находит живописность и очарование, достойное английского писателя Чарльза Лэмба (Sainte-Beuve, 1845, p. 889). Мериме, напротив, внимательно анализирует остальные повести, давая понять, что по продуманности стиля, замыслу и оригинальности они не только не уступают, но и превосходят повесть «Тарас Бульба». Так, если в рассказе о казаках Запорожья нагнетание ужасов и ожидание неминуемой смерти неуместно, то в повести «Вий» — «забавной и страшной истории» — этот прием вполне соответствует выбранному жанру.

В новизне сюжетного материала этой «фантастической легенды» Мериме находит особую привлекательность: «Именно теперь, когда немецкая фантастика уже несколько устарела, фантастика казаков получает новое очарование, главное ее достоинство в том, что она очень своеобразна» (Мериме, 2003, с. 16).

Повесть «Записки сумасшедшего», жанр которой Мериме определяет как психологический очерк, предстает в его восприятии сочетанием сатиры на общество, сентиментальной сказки и медико-юридического исследования и также получает весьма доброжелательную оценку, несмотря на неодобрение выбора жанра: «Я считаю, что очерк сделан хорошо, все обрисовано графически точно... но лично я не люблю этого жанра: безумие это несчастье, трогательное, но все же вызывающее отвращение» (Мериме, 2003, с. 16).

Наивысшую похвалу Мериме получает повесть «Старосветские помещики». Он обнаруживает в ней композиционную выдержанность и продуманность деталей, которых, по его мнению, недостает комедии «Ревизор» и роману «Мертвые души»: «Читая эту чудесную повесть, где искусство рассказчика скрыто за простотой изложения, смеешься и плачешь в одно и то же время. Все в ней правдиво и естественно; нет ни одной подробности, которая не была бы прелестна и не содействовала бы общему впечатлению» (Мериме, 2003, с. 17).

Отзывы Сент-Бева и Мериме о творчестве Гоголя получили резонанс во французской прессе. Сконцентрированная на освещении повестей Гоголя, и в основном на повести «Тарас Бульба», раскрывающей национальную самобытность славянской расы, статья Сент-Бева вызвала интерес к произведениям и личности русского писателя, который в его рецепции предстает «неутомимым и проникательным наблюдателем человеческой души» (Sainte-Beuve, 1845, p. 889). В 1846 г. газета «National» сообщает краткие биографические сведения о Гоголе, упоминает о романе «Мертвые души» и комедии «Ревизор», а в 1847 г. «Revue indépendante» называет эту комедию «самым высоким драматическим произведением русской литературы». Впервые на французском языке «Ревизор» появляется в переводе П. Мериме в 1853 г. Фрагменты перевода из этой комедии и из романа «Мертвые души», как уже отмечалось, были включены в текст его очерка. В поэтическом анализе этих произведений сквозит неприятие Мериме сатирической направленности и стилистики Гоголя — излишней детализации, пренебрежения последовательностью действия и правдоподобием композиции (Мериме, 2003, с. 12–13). Разумеется, подобное суждение скорее способствовало охлаждению интереса к Гоголю во Франции.

Между тем в разделе, посвященном повестям, Мериме отдает должное таланту русского литератора в умении достоверного описания исторических и современных нравов России и Малороссии, в мастерском владении фантастическим жанром и искусстве правдивого и естественного изложения. Одна из причин разного отношения Мериме к зрелому творчеству и повестям кроется в качестве перевода Виардо, позволяющего составить адекватное представление об особенностях содержательной формы гоголевских текстов.

Так, благодаря приближенности к оригинальному тексту перевода Виардо, авторитетные французские критики, Сент-Бев и Мериме, смогли по достоинству оценить неповторимость творческой манеры Гоголя, преломленной в его повестях. При всем различии поставленных задач — выявление национальной самобытности России и скрытых в прошлом причин, поясняющих современные события в статье Сент-Бева, и анализ поэтического своеобразия произведений Гоголя с акцентом на художественные достоинства повестей в очерке Мериме — отзывы обоих критиков способствовали популяризации русской литературы, развеяв сложившийся во Франции миф об ее отсутствии.

Источники

- Белинский В. Г.* Перевод произведений Гоголя на французский язык // Отечественные записки. 1845. Т. XLIII, № 12. С. 115–116.
- Мериме П.* Статьи о русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Мериме П.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Правда, 1963.
- Sainte-Beuve ch. A.* Nouvelles russes, par M. Nicolas Gogol, traduction française de M. Louis Viardot // Revue des Deux Mondes. 1845. Octobre — novembre. P. 875–890.
- Sainte-Beuve ch. A.* Les oeuvres de M. Prosper Mérimée // Le Moniteur universel. 1853. 7 février. P. 455.
- [Turguenev I.]* De la littérature contemporaine russe // Illustration. 1845. 19 juillet. T. VI. P. 330.
- Viardot L.* Préface. Nouvelles russes par M. Nicolas Gogol, traduction française de M. Louis Viardot. Paris, 1845. P. VI–VII.

Литература

- Гончарова Т. Н.* Русская литература в восприятии французских писателей и публицистов (1814–1848) // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2016. № 16-1. С. 82–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26301309> (дата обращения: 14.11.2020).

**Особенности перевода брачной
и любовной лексики итальянских
средневековых писательниц-мистиков
на примере перевода Л. П. Карсавиным
«Откровений блаженной Анджелы»**

Средневековая женская мистическая литература часто предлагает читателю яркие образы «мистического союза» с Христом, используя арсенал традиционной любовной и брачной лексики, встречаемой и в других литературных жанрах. Эти выражения, полные любви и стремления к соединению с Возлюбленным, ставят перед переводчиком серьезную задачу: воспроизвести их на родном языке так, чтобы страстное влечение души к Господу не представлялось лишь формой эротизма. Одной из значительных писательниц-мистиков итальянского средневековья является блаженная Анджела из Фолиньо, чьи «Откровения» были переведены на русский язык Л. П. Карсавиным. В статье анализируются примеры употребляемой блаженной Анджелой любовной и брачной лексики, а также решения, предложенные Л. П. Карсавиным для ее перевода. Переводческие решения Л. П. Карсавина для перевода на русский язык любовной и брачной лексики в книге «Откровений» Анджелы из Фолиньо рассматриваются в статье в сравнении с подобными решениями в переводах на староитальянский и на французский языки. Несмотря на заявленное Л. П. Карсавиным желание «быть точным», его перевод, как и перевод на французский язык, учитывает особенности своей культуры, подвергаясь при этом некоторым из описанных А. Берманом деформирующих тенденций (обеднению, облагораживанию и удлинению).

Ключевые слова: итальянская средневековая женская мистика, религиозная литература, Анджела да Фолиньо, любовная лексика, перевод.

P. B. Drozdova

**The peculiarities of the translation of amorous and bridal
vocabulary medieval mystical female writers on the in Italian example
of the Lev Karsavin's translation of The Book of Blessed Angela**

Medieval women mystics proposes often to the reader the vivid images of “mystical union” with Christ, using therewith the traditional arsenal of amorous and bridal vocabulary that could also be found in other literary genres

in the Middle Ages. Some of these expressions pose to the translator a serious challenge: it should be rendered in other language in a manner that the passionate attraction of the soul to the Lord does not seem only a form of eroticism. The book of Blessed Angela Foligno, one of the significant mystical female writers of the Italian Middle Ages, was translated into Russian by Lev Karsavin. The below article considers some examples of amorous and bridal vocabulary used by blessed Angela, as well as the solutions proposed by Karsavin for its translation. The solutions of Lev Karsavin for the translation into Russian of amorous and bridal vocabulary in *The Book of Blessed Angela* of Angela da Foligno are examined in this article in comparison with similar solutions in translations into vulgar Italian and French languages. Even if Karsavin declares his own desire to “be exact”, his translation, as well as the translation into French, has in the same time respect to peculiarities of the proper culture, being subject in this way of some of Berman’s Deforming Tendencies (Impoverishment, Ennoblement and Expansion).

Keywords: Italian medieval female writers, religious literature, Angela of Foligno, amorous language, translation.

Перевод книги «Откровений» итальянской средневековой мистической писательницы, блаженной Анджелы да Фолиньо, выполненный религиозным философом и историком-медиевистом Львом Платоновичем Карсавиным, выходит в 1918 г.; этот труд становится логическим продолжением его магистерской диссертации о религиозной жизни в Италии XII–XIII вв. В начале XX в. еще не существует науки о переводе в ее современном виде, однако отношение Карсавина к переводу во многом близко теории перевода Антуана Бермана, вслед за Вальтером Беньямином полагававшего этической задачей переводчика максимально близкое и точное воспроизведение оригинала. Все попытки пересказа оригинального текста — и тем более такого глубоко личного свидетельства, как мистические откровения, — ведут к искажению, и Карсавин, предваря русское издание, подчеркивает свое стремление быть точным, что означает «не ошибиться в смысле латинской фразы, адекватно выразить этот смысл на русском языке и при этом соблюсти единство и однородность содержания оригинала и перевода» [Клестов, 2018, с. 115]. Как указывает исследователь А. А. Клестов, примером стремления Карсавина к точности может служить, в частности, то, что в ряде случаев он прибегал к обсуждению перевода отдельных сложных моментов в научном сообществе, обращаясь за помощью, в числе прочих, к профессорам В. Ф. Шишмарёву и М. Р. Фасмеру.

Перевести книгу «Откровений» блаженной Анджелы для Карсавина было важно и потому, что в мистических откровениях для

него «оживает коснеющая традиция религиозности и напряженнее бьется религиозная мысль» [Клестов, 2018, с. 115]. Цитируя А. А. Клестова, можно сказать, что «блаженная Андже́ла олицетворяет собой высшую религиозную культуру, и Карсавин обрел в Андже́ле душу, преодолевающую религиозные противоречия прошлого и устремленную к новым, иным образно-смысловым художественным интуициям» [Клестов, 2018, с. 117].

В чем сложность задачи, возникающей при переводе не только книги «Откровений» блаженной Андже́лы, но и всей мистической литературы? В том, что переводчик имеет дело с глубоко личным рассказом о прямом, непосредственном общении с Богом; с описанием чувств, неизведанных другими, и потому трудно поддающихся описанию: для них просто не придумано слов. Словесная передача мистического опыта, «вербализация Бога» — это уже сама по себе попытка «выразить невыразимое», и тем сложнее приходится переводчику, который ищет способ как можно более точно воспроизвести смысл сказанного на родном языке. При этом, если мужскую средневековую мистику исследователи называют «спекулятивной» или созерцательной, то в мистических видениях женщин, как правило, присутствуют яркие образы соединения или «мистического союза» с Христом, благодаря которым женская мистика часто называется любовной или брачной. Ведь, чтобы «выразить невыразимое», Андже́ле, как и другим писательницам-мистикам, приходится прибегать к существующему арсеналу любовной, эротической, брачной и даже материнской лексики — той традиционной лексики, которая встречается в различных литературных жанрах: автобиографии, воспоминаниях, исповеди, поэтических опусах, и берет начало, если говорить о религиозных сочинениях, еще с Песни песней Соломона. Выражения любви, стремления к соединению с Возлюбленным часто носят характер неприкрытой чувственности, и переводчику приходится балансировать на грани между «стремлением быть точным» и риском подвергнуть перевод оригинального текста деформирующим тенденциям, сформулированным теоретиком перевода Антуаном Берманом: от «облагораживания» до количественного или качественного «обеднения» текста перевода по сравнению с оригинальным текстом [Berman, 2003, p. 47–49].

Для Андже́лы да Фолиньо ее необыкновенная чувствительность становится синонимом чувственности, причем, как подмечает итальянский исследователь Франческо Асти, в отличие от писательниц-дев (таких как, например, Гертруда Великая или Маргарита д'Уэн), именно опыт семейной жизни Андже́лы (которая много лет была

замужем и имела детей) стал важным ключом для понимания мистического языка ее «Откровений». Если описание мистического опыта дев по большей части поэтично и знаменует собой переход от агапе к эросу, то у Анджелы, чьи «Откровения» написаны простым разговорным языком, происходит обратное: долгая жизнь в супружестве позволяет ей обогатить описание своих мистических видений знакомыми элементами, и этот опыт возводит ее чувство к вершинам агапе [Asti, 2006, p. 291].

Канонический текст «Откровений» дошел до нас на латинском языке: как и многие другие мистики, Анджела рассказывала о своих видениях на родном языке — умбрском наречии итальянского вольгаре, а ее исповедник и родственник Арнальдо записывал ее рассказы на латыни: при этом он постоянно сверял свои записи с Анджелой и даже, как пишет Карсавин, «просил Анджелу спросить о достоверности их у Бога, и она получила об этом удостоверение» (цит. по: [Клестов, 2018, с. 115]). Кроме латинского текста существует целый ряд манускриптов «Откровений» на вольгаре, первые из которых восходят еще к концу XIV — началу XV в.: с их помощью мы можем получить представление о том, как изначально звучала речь Анджелы.

В «Откровениях» мы находим все традиционные, знакомые нам элементы любовных отношений: любование обожаемым Существом, поцелуи, объятия и, наконец, брачное ложе. Несмотря на «стремление быть точным», о котором мы говорили выше, Л. П. Карсавин уходит от буквального перевода в тех местах, где фигурируют эти элементы. Приведем несколько примеров, цитируя, для наглядного сравнения с переводом на русский язык, не только оригинальный текст на латыни, но и один из самых известных средневековых переводов на итальянский вольгаре (перевод, исторически наиболее близкий созданию «Откровений»), а также перевод на французский язык, сделанный болландистами на несколько десятилетий раньше перевода Л. П. Карсавина¹.

Любование внешностью можно проиллюстрировать описанием шеи Христа:

...et tunc ostendit mihi Christus gulam et brachia. <...> Et erat tanta pulchritudo illius gulae vel gutturis, et quod intelligebam illam pulchritudi-

¹ Далее цитаты приводятся с указанием номеров страниц в круглых скобках: из книги «Откровений» на латыни и средневековом итальянском вольгаре — по критическому изданию (Il Libro della beata Angela da Foligno, 1985), из перевода на русский язык Л. П. Карсавина — по изданию (Анджела из Фолиньо, 2009), из перевода на французский язык — по изданию (Vie de Sainte Angèle de Foligno..., 1850).

nem resultare ex deitate; unde et per illam pulchritudinem videbatur mihi quod ego videbam deitatem eius et videbatur mihi stare ante Deum, sed non ostendebatur mihi plus nisi illud... (p. 194).

et allora mi mostrò Cristo la soa gola e le braze. <...> Et era tanto la beleza de quella gola, et intendeva che quella beleza resultava de la deidade. E per quella beleza me pareva de intendere la deidade sua e parèame stare dananzi a Dio, ma non mi si mostrava più che quello... (p. 195).

И тогда явил Он мне Свою шею и руки. <...> Красота же шеи Его была такова, что просто невыразимо. И тогда уразумела я, что красота эта исходит от Божественности Его. Он же не являл мне ничего, кроме шеи этой прекраснейшей и сладчайшей (с. 449).

Alors je le vis renverser sa tête en arrière, sans doute pour me faire mieux apercevoir la beauté de son cou. <...> Je connus que l'éclat merveilleux de cette partie de son corps qui m'empêchait de voir le reste, comme le soleil empêche de voir les étoiles, était un reflet de sa divinité. Je voudrais pouvoir donner une idée de cette beauté ravissante et vraiment ineffable ; mais c'est impossible : elle ne ressemblait à aucune beauté terrestre (p. 81–82).

Внимание Анджели именно к шее трактуется специалистами по-разному: в частности, Джованни Поцци говорит о том, что божественная шея или горло — это источник Слова Христова, и именно поэтому являет собой для Анджели неземную красоту (Angela da Foligno..., 1992, p. 117). В данном случае в переводе Карсавина можно увидеть еще одну деформирующую тенденцию по Берману — «удлинение» или же увеличение объема текста за счет дополнительных пояснений [Berman, 2003, p. 46]: переводчик разворачивает описание Анджели, добавляя собственные эпитеты, *прекраснейшей и сладчайшей*. Переводчик на французский также украшает и «облагораживает» текст оригинала, дополняя его своими мыслями (*c'est impossible*) и сравнениями (*comme le soleil empêche de voir les étoiles*).

Однако в ряде случаев переводчик не передает во всей полноте слова оригинала, возможно, считая их избыточными либо излишне откровенными. Например, в следующем отрывке слова *eris calida de amore Dei* (будешь пылать жаром божественной любви) Карсавиным, как и французским переводчиком, опускаются:

...quod signum erit continue tecum intus in anima tua, et quo semper senties de Deo et eris calida de amore Dei (p. 206).

...lo qual segno sarà continuamente con ticco ne l'anima tua, e per lo quale sempre senterai de Dio e serai calda de l'amor divino (p. 207).

Это знамение будет непрестанно с тобою внутри, в душе твоей, и его всегда ты будешь чувствовать (с. 444).

... car je le (le signe) mettrai dans ton âme, où il demeurera sans cesse, et tu le sentiras toujours (p. 74).

В другом отрывке, где Андже́ла передает слова Христа: *Ego diligo te plus quam aliquam quae sit* (Я люблю тебя более кого бы то ни было), и Карсавин, и французский переводчик добавляют слово *душа* (безмерна любовь, которую чувствую Я к душе и *parmi toutes les âmes qui sont*); слова же *postquam ego collocavi vel pausavi me in te* (затем я поместил себя в тебя) Карсавин опускает, а французский переводчик переводит как *je suis venu prendre ma demeure en toi*. Надо сказать, что выражение *collocare me in te*, как замечает Франческо Асти, часто встречается в речи Андже́лы и отражает как психологический, так и физический аспект ее ощущений: и чувственный, и духовный уровень ее сознания [Asti, 2006, p. 287].

Et incoepit dicere: Filia mea, dulcis mihi, filia mea, delectum meum, templum meum, filia, delectum meum, ama me, quia tu es multum amata a me, multum plus quam tu ames me. Et saepissime dicebat: Filia et sponsa dulcis mihi. Et dixit: Ego diligo te plus quam aliquam quae sit in valle Spoletina. Et postquam ego collocavi vel pausavi me in te, modo colloca te tu in me vel quiesce tu in me (p. 180).

Et comenzòme a dire: Fiuola mia delecta, dolze a me, fiuola mia, dilecto mio, tempio mio, ama me, che tu èi molto da me amata, più che tu non m'ami mi. E spesse e spesse volte diceva: Filgiuola e spoxa, dolze a me. E disseme: Io amo te più che nessuna che sia ne la vale di Spoliti. E poi ch'io mi posai in te, m'ò alocato me in te, e posa te in me (p. 181).

Говорил Он мне снова: «Дочь Моя, сладостная Мне, люби Меня, ибо любима ты более, чем можешь любить Меня. Любимая Моя, люби Меня». И говорил Он: «Безмерна любовь, которую чувствую Я к душе, любящей Меня без зла» (с. 420).

Ensuite pour me provoquer à l'aimer, il me parla de la sorte : « Ma fille douce à mes yeux, ma fille, mon temple, mes délices, donne-moi ton cœur ; je t'aime si tendrement, oh ! oui, beaucoup plus que tu ne m'aimes. Ma fille et mon épouse parmi toutes les âmes qui sont dans la vallée de Spolette, c'est la tienne que j'aime le plus. Puisque je suis venu prendre ma demeure en toi, prends donc aussi la tienne en moi et repose-toi sur moi » (p. 39).

Тот же образ «Христа внутри» встречается в еще одном отрывке:

Et videbam et sentiebam quod Christus intus in me amplexabatur animam cum illo brachio cum quo fuit crucifixus... Et ex tunc remansit anima in

una laetitia, qua comprehendit anima qualiter iste homo, scilicet Christus, stat in caelo, videlicet quomodo istam carnem nostram videmus unam societatem esse factam cum Deo (p. 276).

E vedeva e sentiva che Cristo dentro in me abrazava l'anima con quello brazio con lo qual fo cruzifiso... Et d'alora in qua rimaxe l'anima in tanta letizia, per la quale comprende l'anima como questo omo, zioè Cristo, sta in zielo, zioè questa nostra carne vedremo fata una compagna con Dio (p. 277).

Видела же я и чувствовала, что Христос обнимает душу мою рукою, которая пригвождена была ко кресту... и с той поры осталась во мне радость и ясное озарение, которым душа сознает и понимает, как мы видим, что плоть наша создана во единое содружество с Богом (с. 458).

Or, ce qui produisit en moi ce sentiment délicieux, c'est que je le vis embrasser mon âme avec ses deux bras détachés de la croix. La joie que j'éprouvai en ce moment heureux dure encore, et elle est accompagnée d'une lumière à la faveur de laquelle je connais et comprends comment notre chair est associée à Dieu (p. 93–94).

Однако слова *Christus intus in me* (Христос внутри меня) так же не попадают ни в перевод Карсавина, ни во французский перевод. Интересно, что в этом же отрывке слова *istam carnem nostram videmus unam societatem esse factam cum Deo* отсылают нас к супружеству, когда муж и жена становятся «единой плотью». Этот оттенок ярче передан в тексте на вольгаре, где использовано слово *сограна*, то есть *находящаяся в любовных отношениях*² с Господом. При этом *содружество* в русском и *associée* во французском лишены любовно-сентиментального оттенка. Наконец, в последнем отрывке, который мы здесь приведем, говорится о ложе, неоднократно упоминающемся в «Откровениях» Анджелы да Фолиньо:

...in tua cruce habeo factum meum lectum; pro capitali vel pro plumatio inveni paupertatem; aliam partem lecti ad pausandum inveni dolorem cum despectu. <...> In praedicto lecto, quia ipse in praedicto lecto fuit natus, conversatus et mortuus... ideo iste lectus est meus lectus... et in isto lecto credo mori et per istum lectum credo salvari (p. 362, 364).

...ne la tua croze àzo fato lo mio leto; per piumazo over cavezale, trovai aver la povertade; l'altra parte de lo leto, a reposare aspeto despeto, e dolor trovai. <...> Inperzioché esso nel predito leto fo nato, conversato e morto... et inperziò questo letto è el mio leto... et in esso credo morire e per esso mi credo salvare (p. 363, 365).

² См. толковый словарь итальянского языка «Treccani»: 'la persona con la quale si convive, o con la quale si ha una relazione sentimentale' [Treccani, s. a.].

...в кресте Твоем мое ложе, посланное мне. И вместо изголовья или подушки нашла я бедность, а в другой стороне ложа нашла для отдыха мýку и презренность. Ведь на этом ложе сам Он родился, и лежал, и умер. <...> И на этом ложе упокоилась я, и... надеюсь я умереть, и этим ложем спастись (с. 435–436).

Je vous loue, ô mon Bien-Aimé, qui m'avez donné votre croix pour lit de repos où ma tête est appuyée sur la pauvreté, et mon corps étendu sur les mépris et les souffrances. C'est sur ce lit que vous êtes né, que vous avez vécu et rendu le dernier soupir. <...> Et moi aussi, divin Jésus, je l'aime à votre exemple, je veux y reposer toujours ; j'espère y mourir, et par sa vertu obtenir le salut (p. 62–63).

Брачное ложе мистического союза с Христом представлено для Анджелы Распятием: она избрана для этого ложа, и на этом ложе ее ожидает спасение. При этом и в переводе Карсавина, и во французском переводе сделан акцент на ложе как месте для упокоения (*на этом ложе упокоилась я; m'avez donné votre croix pour lit de repos; je veux y reposer toujours*), тогда как в оригинальном тексте этого акцента нет.

Мистические «Откровения» францисканской терциарки Анджелы да Фолиньо стали свидетельством силы ее темперамента и необыкновенной чувственности. В проявлениях темперамента, по словам исследовательницы А. В. Топоровой, наблюдается «не только индивидуальность Анджелы, но и общая францисканская склонность к “театральности”, к “святому безумию” (“*santa pazzia*”), к вовлечению окружающих в свои переживания» [Топорова, 2017, с. 82]. Вместе с тем Анджела принадлежит к тому ряду мистических писательниц, *mulieres sanctae*, в видениях которых чувственный опыт играет значительную роль: Бог для них осязаем и зрим и соединяется с ними в мистическом союзе. Некоторые исследователи видят в чувственности характерную черту женской мистики — например, Марко Ваннини говорит о «женской психологии», об общей склонности женщин «воображать любовный союз с субъектом мужского пола» (цит. по: [Pozzi, 1997, p. 343]); тем не менее другие — как, например, Джованни Поцци — утверждают, что «брачная тема вовсе не является преобладающей в корпусе произведений итальянской женской мистики» [Pozzi, 1997, p. 343].

Исследователь Массимо Ведова, посвятивший «Откровениям» Анджелы книгу «Опыт и доктрина», выдвигает гипотезу, что Анджела диктует свои откровения исповеднику с тем, чтобы исследовать свой внутренний мир и как можно глубже погрузиться в него: и в этом ей помогает эротический характер видений. По словам

Ведовы, Андже́ла составляет книгу «Откровений» «в точности как эротический инструмент, необходимый потому, что ей не удастся запомнить ничего из того, что с ней происходит, что она чувствует и что, как она чувствует, от нее ускользает. Ей нужно, чтобы кто-то перечитывал ей то, что она говорила в экстазе, и тогда она вновь ощутит уже испытанное блаженство. Она старается удержать это блаженство в памяти, чтобы потом вновь забыть о нем в новом экстазе» [Vedova, 2009, p. 359].

Анализируя переводческие решения в русском переводе книги «Откровений» Андже́лы да Фолиньо, можно сказать, что исследователь европейского Средневековья, философ и историк Л. П. Карсавин блистательно справился с поставленной им же самим задачей «быть точным»: учитывая отличия южного (итальянского) и северного (русского) темпераментов и деликатно, едва заметно, понижая регистр при переводе традиционной для женской мистики любовной и брачной лексики, он сохранил для своих соотечественников всю красоту и значение этого выдающегося памятника аскетико-мистической литературы Средневековья.

Источники

- Андже́ла из Фолиньо*. Откровения блаженной Андже́лы / пер. Л. П. Карсавина // История субъективности: Средневековая Европа / сост. Ю. П. Зарецкий. М.: Академический проект, 2009. С. 389–486.
- Angela da Foligno. Il Libro dell'esperienza. Nuova edizione riveduta / a cura di G. Pozzi. Milano: Adelphi Edizioni, 1992.
- Il Libro della beata Angela da Foligno (Edizione critica) / a cura di L. Thier, A. Calufetti. Grottaferrata (Romae): Editiones Collegii S. Bonaventurae ad Claras Aquas, 1985.
- Vie de Sainte Angèle de Foligno, par le frère Arnaud, Religieux de l'Ordre de Saint-François, son confesseur, traduite des bollandistes par l'Abbé Prau, vicaire-général d'Evreux. Tournai: J. Casterman et fils, Libraires-Éditeurs, 1850.

Литература

- Клестов А. А. Перевод «Откровений блаженной Андже́лы» на русский язык, выполненный Л. П. Карсавиным, и его значение // Международный центр изучения русской философии. Философский полилог. 2018. № 3. С. 102–124.
- Топорова А. В. Книга Андже́лы да Фолиньо как образец жанра откровений // Вестник Костром. гос. ун-та. 2017. № 1. С. 78–82.
- Asti F. Dire Dio. Linguaggio sponsale e materno nella mistica medioevale. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 2006.

Berman A. La traduzione e la lettera, o L'albergo nella lontananza / trad. it. a cura di G. Giometti. Macerata: Quodlibet, 2003.

Pozzi G. Grammatica e retorica dei santi. Milano: Vita e pensiero, 1997.

Vedova M. Esperienza e dottrina. Il Memoriale di Angela da Foligno. Istituto Storico dei Cappuccini, Roma, 2009.

Словари

Treccani. Vocabolario on line. [S. a.] URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/compragno2/> (дата обращения: 10.05.2021).

Женский голос в проблеме национальной самоидентичности: С. Оуэнсон и Ж. де Сталь

Жермена де Сталь (1766–1817) и Сидни Оуэнсон (1776?–1859) были одними из самых ярких и обсуждаемых фигур своего поколения. Их творчество представляет особый интерес прежде всего потому, что поднимает множество чрезвычайно актуальных проблем. В рамках данной статьи предпринимается попытка кратко осветить тему национальной самоидентичности, которая красной нитью проходит через романы «Коринна, или Италия» и «Дикая ирландка». Обе писательницы пытались создать новую эстетику, свободную литературу для людей и заложить основы восприятия национального сознания, сформировавшегося в конкретной социально-исторической среде. Произведения имеют огромную значимость для межкультурной коммуникации и сегодня, ведь, несмотря на то что герои наделены чертами исключительности, мы можем наблюдать универсальные характерные черты и культурные коды, которые сохранялись в национальном характере веками, но не выходили на поверхность. Ж. де Сталь и С. Оуэнсон сделали так, чтобы голос женщины был услышан, дали понять, что по силе таланта и интеллекта женщина ничуть не уступает мужчине и этим делает себя свободной. Таким образом, помимо того, что в романах затрагивается множество важнейших проблем различного характера, в них по сути впервые четко на первый план выходят проблема женского голоса в литературе и проблема национальной самоидентичности.

Ключевые слова: Жермена де Сталь, Сидни Оуэнсон, леди Морган, европейская литература, женская проза, сравнительное литературоведение, национальная литература.

A. I. Dudkina

Woman's voice in the problem of national self-identity: S. Owenson and G. de Staël

G. de Staël (1766–1817) and S. Owenson (1776?–1859) were among the most outstanding and extensively discussed figures of their time. Their works are of great interest due to the fact that they paid much attention to the most relevant and important topics. Within the framework of the present article we made an attempt to cover briefly the topic of self-identity that dominates two famous novels of above mentioned authors — “Corinna, or Italy” and “The Wild Irish Girl”. Both writers made an attempt to create a new aesthetics, a free literature for people and lay the foundation for understanding the national identity that

was shaped in certain sociohistorical environment. These novels are important for cross-cultural communication even today as we can observe universal features and cultural codes of national characters relevant for centuries but didn't crop up though the protagonists are endowed with exclusive traits. G. de Staël and S. Owenson made the woman's voice heard, they made it clear that women can hold the ground with men in education and talent and this makes them strong and powerful. In this case apart from the fact that there are many issues covered by the writers for the first time in fact we can see that the problem of woman's voice and national identification is put in the forefront.

Keywords: G. de Staël, S. Owenson, Lady Morgan, European literature, women's fiction, comparative literature studies, national literature.

И Жермена де Сталь (1766–1817), и Сидни Оуэнсон (1776?–1859) были одними из самых ярких и обсуждаемых фигур своего поколения. Их биографии пестрят загадочными и интересными фактами. Одно то, что в историю литературы они вошли как мадам де Сталь и леди Морган, заслуживает отдельного комментария. Романы, о которых речь пойдет в данной статье — «Коринна, или Италия» (1807) и «Дикая ирландка» (1805) — являют собой огромное поле для исследований, скрывая множество смыслов и многообразие тем. Эти произведения разделяют всего два года, и их можно считать новаторскими по многим причинам, но есть вопрос, который вызывает особенный интерес: читала ли известная француженка опубликованный роман британской писательницы, прежде чем приступить к работе над своим? Надо отметить, что леди Морган является автором исторических книг-исследований об Италии и Франции, она досконально знала особенности этих стран.

Итак, возвращаясь к двум романам, прославившим Ж. де Сталь и С. Оуэнсон, следует сказать, что перед нами не совсем обычные травелоги, которые приобрели популярность в конце XVIII — начале XIX в. И мадам де Сталь, и леди Морган поднимают много проблем, но проблема национальной самоидентичности красной нитью проходит через оба произведения. Хочется отметить тот факт, что понимание сверхзадачи у двух писательниц было схожим. Они (а де Сталь уж точно, захваченная анализом немецкой литературы) пытались создать новую эстетику, идеальную свободную литературу для людей, некий «многослойный пирог» из контекстов и смыслов, главным «ингредиентом» которого была бы проблема национально-го характера и самоидентичности.

Не углубляясь в биографию, но помня о высоком происхождении Жермены де Сталь, подчеркнем, что она всегда находилась

в самом центре жизни Франции. В салоне матери она общалась с видными деятелями эпохи Просвещения, которая характеризовалась острым интересом к общественным и политическим проблемам; а замок ее отца, Коппи в Швейцарии, стал местом встреч представителей литературной мысли Франции, Италии, Германии, Швейцарии, эдаким литературным салоном, где встречались философы, поэты, ученые, политические деятели. Литература, философия и искусство должны были служить пропаганде общественных идеалов и преследовать предрассудки. Все творчество Ж. де Сталь неразрывно связано с политикой и историей Франции, в частности с личностью Наполеона, который, по ее мнению, украл у ее родины свободу, и Великой Французской революцией, которая стала огромной проблемой не только для отдельно взятой страны, но и для Европы в целом. Бóльшую свободу де Сталь видела в Англии, где были аристократия и пэры. Здесь нужно чуть подробнее сказать, какую свободу мы видим в романе «Коринна, или Италия», ради создания которого в 1805 г. (к слову — это год выхода романа С. Оуэнсон «Дикая ирландка») Ж. де Сталь со своими друзьями и литераторами совершила путешествие в Италию, чтобы набраться впечатлений. Она, подобно У. Шекспиру, который, по ее мнению, глубже всех «северных авторов» постиг итальянский национальный характер, переносит действие романа в страну, где южный, жаркий, солнечный пейзаж дарит человеку импульс к творчеству и созиданию. Он противопоставлен холодному северному природному пространству Англии и Франции. Оммаж Шекспиру мы видим в экскурсе в историю создания одной из величайших трагедий — «Ромео и Джульетты», а также когда Коринна играет в спектакле главную роль влюбленной из Вероны. Де Сталь понимает, что только итальянка сможет быть выразителем той свободы, которая не будет восприниматься лояльно ни в Англии, ни во Франции, — в странах, где государственные законы дают мужчинам возможность действовать и отличаться, а женщины должны оставаться в тени. Не только Италия сама по себе может быть свободной, но и любой человек в ней, даже женщина, тоже может быть свободным. Коринна, несмотря на то что писательница делает ее наполовину итальянкой, а наполовину англичанкой, всецело свободна, в отличие от героев-протагонистов, представляющих английский (лорд Нелвиль) и французский (граф д'Эрфейль) национальные характеры. Она свободна как творческая единица, и люди радостно воспринимают ее выразительницей своих идей, обожествляя ее образ (де Сталь уравнивает Коринну, женщину, по силе таланта

и интеллекта с итальянскими классиками, венчая ее на Капитолийском холме), свободна как гражданин от общественного мнения, от стереотипов закоряченной британской чопорности и намеренного подавления женщины как личности (в письме лорду Нелвилю смело и очень подробно описаны все особенности английского воспитания девочек, их образ мыслей и однообразие их надежд), свободна Коринна, наконец, и в любви.

Нравственность с позиции женщины идет в романе рука об руку с дилеммой о внутренней морали. Для людей начала XIX в. поведение Коринны однозначно рассматривалось как безнравственное: прежде всего, из-за стойкого убеждения, что счастье заключено не в человеческом сердце, а во внешних обстоятельствах. Жермене де Сталь было горько от того, что люди не могут свободно мыслить [Реизов, 1962, с.65]. Еще в романе «Дельфина» прозвучала идея о том, что речи людей не важны для нравственного достойного человека. Но к сожалению, женщина, как ни крути, зависима от мнений и суждений света. Предубеждение к женщинам, снобизм, проявляется через высказывания мужчин-протагонистов. Словесные дуэли Коринны, ее поразительные по остроте и правдивости монологи на самые злободневные темы можно выделить в отдельный пласт романа, который будет актуален и сегодня: это мысли о роли женщины, о нравственности и долге, об обществе и литературе, о религии и любви в самых разных ее проявлениях, о силе и мощи природы (надо сказать, что и Ж. де Сталь, и С. Оуэнсон присущ антропоморфизм) и, конечно, о национальной идентичности:

Итальянцы, как и другие южные народы, особенно свято чтут Деву Марию: по-видимому, этот культ близок их сердцу, поскольку им свойственно преклонение перед женщиной (Де Сталь, 2014, с. 137).

Наша религия, подобно верованиям древних, воодушевляет искусство и вдохновляет поэтов... тогда как ваша религия, утвердившись в стране, где разум господствует над воображением, приняла характер нравственной суровости, от которой она никогда не откажется. Наша религия говорит от имени любви, ваша — от имени долга... (Де Сталь, 2014, с. 141).

По словам Т.В.Нужной, «наблюдения Ж. де Сталь выглядят особо актуально сейчас, когда к сравнительному изучению народов обращаются специалисты по межкультурным коммуникациям... В творчестве Ж. де Сталь можно найти истоки современной иматологии, поскольку она закладывает стереотип восприятия национального сознания “как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о “чужом”, сформировавшее-

ся в конкретной социально-исторической среде"... Она стремится вскрыть национальную оригинальность» [Нужная, 2018, с. 98].

Эти слова можно всецело отнести и к Сидни Оуэнсон, которая представляет собой одну из самых интересных и загадочных фигур европейской литературы рубежа XVIII–XIX вв. Несмотря на то что к творчеству С. Оуэнсон обращались многие исследователи (Дж. Доннелан, М. Кэмпбелл, Р. Пери, В. Дж. Фитцпатрик, Д. Тодд), нельзя утверждать, что ее наследие хорошо изучено (в отличие от творчества Ж. де Сталь), а оно весьма богато: поэзия, пьесы, травелоги, драмы, критические очерки и, конечно же, романы. Леди Морган помимо литературной активно занималась еще и политической деятельностью. Ее очень волновала острая и противоречивая проблема взаимоотношений Ирландии и Великобритании, ведь сама С. Оуэнсон была наполовину англичанкой, а наполовину ирландкой. Свои мысли и основанные на реальных наблюдениях взгляды она переносила на страницы произведений. В одном из самых известных ее романов, «Дикой ирландке» (1805), наиболее ярко отражена проблема национальной идентичности. В данном произведении автор демонстрирует осведомленность в исторических, политических, религиозных, классовых, этнографических вопросах. В романе отчетливо слышен голос, который смело говорит о корнях и богатой самобытной культуре Ирландии. Дабы подчеркнуть свою собственную национальную принадлежность, писатели делали подзаголовки к своим произведениям, например «Ирландская повесть» или «Ирландские мелодии». У романа С. Оуэнсон подзаголовок тоже есть — «Национальная история». Несомненно, это стало определенным вызовом в то время, и роман быстро привлек внимание читателей и критиков, ведь такой броский заголовок появился за десять лет до объединения Англии и Ирландии.

Образы гаэльской принцессы (автор настаивает, что истинными ирландцами были именно гаэлы, и язык был именно гаэльским) Глорвины О'Мелвил и Горацио Мортимера помогают раскрыть сущность, кажется, вечного конфликта между ирландцами и англичанами о независимости первых. Известно, что до середины XIX в. женщины не могли проявлять себя в сферах науки и образования, тем ценнее видится желание С. Оуэнсон представить свою героиню чрезвычайно образованной, всесторонне развитой интеллектуалкой, которую Горацио описывает как настоящего гения, у которого он многому учится. Здесь легко угадывается связь Глорвины с Коринной. Обе героини наделены чертами исключительности. Если вдуматься, то уже в названиях романов — «Коринна, или Италия»

и «Дикая ирландка» — кроются национальная принадлежность и олицетворение героинь с целой страной.

Создав именно такой образ, С. Оуэнсон стремится если не сломать, то наделить закостенелые стереотипы об Ирландии положительными коннотациями, заявляя о том, что «непонятный» не значит «варварский».

Образ Глорвины буквально срисован с Молби Элизабет, дочери сэра Молби Крофтона, в семье которого Оуэнсон прожила некоторое время и имела возможность черпать вдохновение из реального окружения, — писать свой роман, как бы находясь внутри него. В печатных изданиях того времени отмечали тот факт, что именно роман леди Морган с присущей ему оригинальностью и новизной дал толчок к развитию шотландского романа. Глорвина — такая же абсолютная представительница ирландского народа, как Коринна — итальянского, только отличает ее больший надрыв и неоконченная борьба угнетенного народа за национальное самоопределение. В романе «Дикая ирландка», как и в «Коринне» Ж. де Сталь, мы видим черты травелога с темой пути как знакомства с природным, культурным и социолингвистическим богатством отдельно взятой страны.

Творчество леди Морган, и данный роман в частности, — это несомненный «трибьют» отцу С. Оуэнсон, ведь именно он передал дочери патриотизм с самых ранних ее лет, а также идеи национального самосознания, которые превалируют в поэтических и прозаических трудах писательницы. Конечно, можно сказать, что С. Оуэнсон влилась в общий хор ирландских поэтических голосов Т. Мура, С. Лавера, Э. Бантинга и других, продолжив начатое ими дело, но, однако же, она сумела доказать, что имеет свой уникальный выразительный голос (сборник «Ирландские мелодии» стал ярким тому подтверждением).

Для примирения национальных литератур «нужно было представить себе “свободного человека” — высоконравственного, подчиняющегося чувству долга и вместе с тем политически действенного, индивидуально мыслящего, но общественно дисциплинированного, погруженного в самонаблюдение, точно учитывающего обстоятельства и нужды момента» [Реизов, 1962, с. 118]. Такого человека невероятно сложно представить, да и такого героя невероятно сложно создать, поэтому два женских голоса в романах, на наш взгляд, могли бы сойтись в том, что выражает следующая цитата:

«Я с трудом могу поверить, — ответила Коринна, — что будет благом, если народы всего мира утратят свой национальный колорит, свою

особую манеру мыслить и чувствовать; и посмею сказать вам, граф, что ваша ортодоксальность, если позволено мне так выразиться, ортодоксальность, которая не допускает никаких новшеств, с течением времени даже в вашей стране сделает литературу бесплодной. Гений — по сути своей созидатель; он отмечен печатью индивидуальности. Природа, не позволяющая, чтобы на одном дереве было два одинаковых листка, вложила еще больше различия в души людей; а подражание — это своего рода смерть, ибо оно лишает человека его врожденного своеобразия» (Де Сталь, 2014, с. 91).

Источники

Де Сталь Ж. Коринна, или Италия. М.: Эксмо, 2014.

Owenson S. The Wild Irish Girl. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Литература

Нужная Т. В. Пейзажное пространство в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» // Научный диалог. 2018. № 1. С. 97–104.

Реизов Б. Г. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период Первой империи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.

Знаки итальянской культуры в романной прозе Барбары Пим

Целью статьи стало изучение вопроса о способах конструирования и специфике образа Италии в прозе британской писательницы Б.Пим. Италия фигурирует в качестве места жительства, отдыха и службы героев Пим и места действия ее романа «Неподходящая привязанность». Тексты анализируемых романов Пим интерпретируются с помощью историко-культурного, сравнительно-сопоставительного, интертекстуального методов и метода интермедиального анализа. Анализ фактического материала показал, что авторское видение Италии находит свое отражение в проблематике, персонажно-образном ряде, символике, стилистике романов Пим в виде интертекстуальных и интермедиальных включений. Италия в прозе Пим ассоциируется с южной экзотикой, природным изобилием, первозданной красотой, сильными романтическими переживаниями.

Ключевые слова: Барбара Пим, образ Италии в иноязычной прозе, аллюзия-топоним, *Божественная комедия*, Данте Алигьери, опера на итальянский сюжет, итальянская поэтическая ассоциация, репрезентация итальянцев и англичан.

A. I. Klimovskaia

The signs of Italian culture in the novels of Barbara Pym

The aim of the article is to study how the image of Italy in the novels of B. Pym is constructed as well as its peculiarity. Italy is introduced as the place of residence, recreation and work of Pym's characters, as well as the scene of action of her novel "An Unsuitable Attachment". The texts of the analyzed novels are treated with the help of the methods of comparative, intertextual analyses. The analysis carried out shows that Italy plays a special role in the artistic world created by Pym. The author's reception of Italy is reflected in the range of problems, characters and images, symbols as well as the style of her novels in the form of intertextuality. Italy in Pym's prose is associated with the richness of southern exotic nature, beauty, strong romance and sensuality.

Keywords: Barbara Pym, image of Italy in foreign-language prose, allusion-toponym, Dante Alighieri, *La Commedia Divina*, opera with Italian plot, Italian poetic association, representation of the Italians and the English.

Проза британской писательницы Б.Пим (1913–1980) включает в себя описание быта и нравов английского среднего класса 1950–1970-х годов. В своих одиннадцати романах писательница мастерски передает национальную специфику английского образа жизни. Так, персонажи Пим не имеют обыкновения покидать пределы Великобритании. Самым популярным местом отдыха ее героев слышет солнечная Италия. На протяжении жизни сама писательница дважды посетила эту страну: в 1943–1945 гг. она находилась в составе женской вспомогательной службы ВМС в Неаполе, а в апреле 1961 г. вернулась в Рим в командировку. Полученные там впечатления, подмеченные черты местного колорита нашли непосредственное отражение в романах Пим, относящимся к разным периодам ее творчества: «Ручная газель» (1950), «Превосходные женщины» (1952), «Сосуд, полный благословений» (1961), «Неподходящая привязанность» (1982). Италия фигурирует также в качестве места жительства и службы героев писательницы.

Уже первый опубликованный роман, «Ручная газель», содержит в себе цитаты на итальянском языке (отметим, что использование отсылок к сочинениям иностранных авторов нехарактерно для творчества Пим, изобилующего цитатами из национального поэтического наследия). Введенный в качестве второстепенного действующего лица пожилой граф Рикардо Бьянко на протяжении многих лет безнадежно хранит верность Гарриет Бид; преклоняя колени, цитирует даме сердца Данте (Рум, 1985с, р. 58) и Тацита (Рум, 1985с, р. 55, 61, 126), регулярно делает предложения и оставляет ей в наследство свой дом на родине. Воспитанный в католической вере, он посещает англиканскую церковь ради лишней возможности повидать возлюбленную, которая, будучи остра на язык, цитирует «неделикатные» (Рум, 1985с, р. 153) стихи Катуллы. В отличие от себялюбивых персонажей-англичан Пим, именно итальянцы в ее прозе способны на искреннюю, бескорыстную любовь и не боятся проявления чувств.

Если у героев-мужчин из романов Пим любовь не столь важна для полноценной эмоциональной жизни, то женские персонажи ищут страстных романтических переживаний всеми силами. И именно Италия ассоциируется в ее прозе с сильными романтическими чувствами. Так, главная героиня романа «Неподходящая привязанность» Ианта Брум, которая уготовила себе участь великопной старой девы, опоры церкви, впервые осознает влюбленность в Джона, сотрудника, который младше ее и ниже по социальному статусу, в Риме. Влияние южного солнца сокрушает ее строгие

моральные нормы. Писательница всегда испытывала сомнение в осуществимости романтических идеалов, и поэтому осознание героиней своей влюбленности перенесено на чужую почву. Эта безупречная героиня пишет Джону открытку из Рима и, посетив фонтан Треви, загадывает желание об их совместном возвращении сюда.

Пребывание в Италии впервые становится предметом описания этого романа. Марк Эйнгер, викарий небогатого прихода на севере Лондона, выступает инициатором поездки в Рим с целью знакомства прихожан с собором Святого Петра. Писательница прибегает к приему множественности точек зрения для передачи впечатлений персонажей: Марк испытывает благоговейный трепет перед святыней, его жену Софию она не впечатляет, ветеринар Эдвин потрясен размером собора и обилием позолоты и мрамора, пенсионерка мисс Дью размышляет о том, как прихожанкам удастся поддерживать идеальную чистоту, а у юной Пенелопы возникает «суеверное желание поцеловать подножие статуи Петра, как будто это могло принести ей удачу» в поисках мужа, однако, чувствуя себя «поборником гигиены и протестантизма» (Рум, 1983, р. 188), она отказывается от этого намерения.

Обращает на себя внимание тот факт, что Пим не описывает быт и обычаи местного населения. Все ее внимание сосредоточено на разнообразных субъективных оценках англичан, которые держатся в чужой стране особняком. Любопытно, что в ситуации, в которой паства больше всего нуждается в поводе, она не получает его защиты. Особенно очевидным это становится в эпизоде, когда мисс Дью падает при осмотре Колизея и повреждает ногу. В этой ситуации викарий оказывается не в состоянии предоставить бедняжке моральную поддержку, а ветеринар-хирург не может оказать элементарной первой помощи. Тема, звучащая в других романах писательницы, об абстрагированности священников и ученых от реальной жизни, будучи перенесена на иностранную почву, в этом произведении заметно усиливается.

Во время поездки на юг Италии Ианта знакомится с теткой Софии, которая счастлива в гражданском браке с неподходящим, по мнению ее окружения, итальянцем, сеньором Дотторе. Эта привязанность оказывается в романе подлинной и уместной, ибо основывается на настоящей любви. Руководствуясь этим примером, Ианта по возвращении, вопреки мнению окружающих, все же решается на брак с Джоном. «Неподходящая привязанность» — единственный роман Пим, в котором в финале торжествует разделенная любовь. Символом подходящей привязанности, основанной на

всплеске чувств, в романе служат завязи на лимонном дереве, до которых можно добраться, оборвав один за другим пучок листьев. Этот образ вместе со многими другими впечатлениями, нашедшими отражение в романе, писательница привезла с собой из командировки в Италию в апреле 1961 г. (см.: Рум, 1985а, р. 283–284)). Поиск подобной привязанности тернист, но таит под собой сладкий плод, «подразумевающая перспективу счастливой жизни для Ианты» [Tsagaris, 1998, р. 121].

Главная героиня романа «Сосуд, полный благословений» Вилмет Форсит и ее подруга Ровена Тэлбот во время работы в женской службе ВМС в Италии безнадежно влюблены в очаровательного флаг-адъютанта адмирала Рокингхема Нейпира. Там, в Италии, Ровена написала Роки любовное письмо с цитатой из стихотворения Дж. Донна «Разбитое сердце»: «Осколки моего сердца могут испытывать привязанность, желать и обожать, / но после такой любви любить уже не могут» (Рум, 1989, р. 36). По возвращении на родину она быстро справилась с казалось бы всепоглощающей страстью, вышла замуж за другого и вспоминает итальянский эпизод со стыдом. Повзрослевший Роки (связующий персонаж двух романов) привносит любовные переживания и в жизнь главного женского персонажа «Превосходных женщин» Милдред Лэтбери, не искушенной в делах сердечных, существование которой сводится к посещению престарелых леди, походам в церковь, дружбе со священником и его сестрой. Наделив Роки чином военно-морского офицера, служившего в Средиземноморье, Пим вводит в роман образ романтического морехода, который ассоциируется с южной экзотикой и со свободой чувств. По ходу действия обнаруживается, что Роки оказывал знаки внимания многочисленным англичанкам лишь по долгу службы, относился к женщинам как к игрушкам, с которыми можно позабавиться. Этот персонаж не испытывает серьезных чувств и по отношению к Милдред: злоупотребляет ее отзывчивостью, руководствуется заботой о собственном благополучии, гарантией которого выступает эта «превосходная женщина», которую он лаконично характеризует как *Semper Fidelis* (итал. «вечная преданность») (Рум, 1985b, р. 129). Покидая квартиру, тщеславный Роки в качестве памяти о себе хочет оставить строчку из «Божественной комедии» великого итальянского поэта Данте Алигьери. Услужливая Милдред сначала предлагает расхожую цитату «оставь надежду всяк сюда входящий» (надпись над воротами Ада), потом о том, что «нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье» (Рум, 1985b, р. 220), и со свойственной ей щепетильностью находит ее не

слишком добрым приветствием новым жильцам. Не столь чуткий Роки, уверенный, что содержание цитаты в оригинале никто другой не поймет, царапает на окне эту строфу из Данте и вместо *maggiore* (итал. «большой») использует созвучное название озера Маджоре, что свидетельствует о его воспоминаниях о приятно проведенных днях в качестве флаг-адъютанта. Вопреки ожиданиям Роки, новые жилища — пара старых дев, проработавших многие годы в Италии гувернантками, — воспринимают печальную фразу из «обожжаемого» (Рум, 1985b, р. 226) Данте как предзнаменование счастливой жизни в собственной квартире.

Особенность репрезентации женского начала в целомудренной прозе Пим состоит в изображении пассивной сексуальности ее героинь, которые подавляют свои плотские желания. Олицетворением плотского начала в романе «Сосуд, полный благословений» становится Пан, древнеримский бог дикой природы, который вызывает в снах Вилмет страх. Она отзывается о своем желании как «неясном, практически неосознанном, затаенном», «поскольку оно казалось неуместным в жизни, которую я выбрала для себя» (Рум, 1989, р. 145). Подобным образом с плотским началом ассоциируется фарфоровая фигурка козлика (своеобразный прообраз Пана), подаренная смущенной Милдред Роки в первый вечер после возвращения с военной службы. Забыв помолиться, она ставит этот подарок на тумбочку около кровати, однако ночью видит во сне церковного старосту, который с упреком грозит ей пальцем. Этот сон символизирует подсознательный запрет, культивируемый Милдред, на свободное проявление чувств.

Очевидной иронией автора пронизано и пристрастие Леоноры Эйр («Голубка умерла») к опере «Тоска» Джакомо Пуччини, героиня которой превыше всего в жизни ценит искусство и любовь. Пятидесятилетняя Леонора действительно окружает себя красотой викторианских вещей, но плотская любовь ее не прельщает, ей неприятно даже случайное прикосновение другого человека. Она эстетизирует и свою любовь к юному Джеймсу, ищет в ней красоты, покоя и уюта. По ходу действия романа героиня упоминает стихотворение Р. Браунинга «Двое в Кампанье» (1855), посвященное знаменитой области Италии. Идеалы Браунинга, выраженные в этом стихотворении, — гармония духовного и чувственного начал, полное равноправие любящих — в действительности чужды Леоноре. Таким образом, аллюзии на итальянскую оперу и стихотворение ироничным образом характеризуют главного персонажа романа, создавая ее объективированный портрет. Другие отсылки к итальянским операм представле-

ны аллюзиями на «Богему» Пуччини для характеристики бесшабашной нищеты студентов-антропологов из романа Пим «Совсем не ангелы» (1955), а также «Травиату» Джузеппе Верди. События этой оперы напоминают героине «Совсем не ангелов» Кэтрин Олифант приход тетки ее возлюбленного с просьбой оставить его в покое.

Помимо романтических ассоциаций, Италия прочно связывается в сознании персонажей Пим с понятием природного изобилия. Героиня романа «Неподходящая привязанность» София Эингер, предвосхищая возвращение в Италию, вспоминает «свежую рыбу, толстых цыплят, мандарины с листьями». На деле, — размышляет она, — «приходилось брать то, что попадалось под руку. Если рыба была свежей, то потому, что ее заморозили спустя несколько минут после улова» (Рум, 1983, р.114). Она противопоставляет образы первозданной природы не только синтетическим английским продуктам, но и «замороженным» чувствам англичан.

Италия также ассоциируется у персонажей Пим с понятием эстетически прекрасного. Стремлением к прекрасному обоснован переезд в Италию гурмана и коллекционера предметов искусства, обладателя сочинений Данте отца Темза («Сосуд, полный благословений»), чья фамилия намекает на нечто незыблемое. Он обосновывается на вилле с говорящим названием «Сенеронтола» (итал. Золушка). Сказочный мотив Золушки, подразумевающий обновление, получает развитие и связывается с теми дарами, которыми осыпана героиня романа в финале: Вилмет умиряет свою гордыню, которая мешала общению с людьми из разных миров, обретает свое место в приходе и переоценивает своего мужа.

Дальнейшее развитие итальянской тематики возникает в ассоциации эстетически прекрасного с языческим. В бытность настоятелем церкви Святого Луки отец Темз привез из Италии статую мальчика в надежде пристроить ее где-нибудь в своем соборе. Однако статуя имела слишком языческий вид и пришлась не к месту. Крестный ход во время праздника тела Христова в «Сосуде» своим внешним блеском и пышностью напоминает языческую процессию из оперы Пуччини «Тоска». Имплицитно выстраивается антитеза языческого удовольствия и христианского долга.

Сама Пим и ряд ее персонажей (из романов «Превосходные женщины», «Сосуд, полный благословений», «Неподходящая привязанность»), наподобие Дж. Ньюмена, ставшего кардиналом католической церкви в Англии, подвергаются соблазну перехода в лоно Римской католической церкви, ибо ритуалы в ней более зрелищны, а строгие запреты и самоуничтожение не пропагандируются. Так, но-

вые приятные соседки Милдред — католички, которые обратились в Италию. Следует отметить, что Пим разделяла принципы «высокой» церкви, тяготеющей к католическим догмам, которая исходит из представлений о величии и добродетелях человека, созданного по образу и подобию Бога. Милдред («Превосходные женщины») выбирает «высокую» ортодоксальную церковь Святой Марии, где используется ладан во время богослужений, что можно воспринимать как мирный бунт против традиционного воспитания, прошедшего в лоне «низкой» церкви. Строка из «Оды соловью» Дж. Китса «...тончайший запах ладана» (Рум, 1985b, р. 196), которую вспоминает Милдред в продолжение цитаты служителя церкви Святой Марии отца Мэлори, могла бы, с ее точки зрения, быть вынесена в заглавие романа о деревеньке с двумя соперничающими церквями: «высокой» и «низкой».

Наконец, образ Италии выстраивается писательницей опосредованно, через аллюзии на художественные произведения, в которых речь идет об этой стране — например, название стихотворения «Истории Римини» Ли Ханта, цитируемое в «Нескольких зеленых листьях» (1980), содержит прямую отсылку к дантевской истории Франчески да Римини, сравнение с которой героини романа Пим, правда, оказывается нелепым. По словам Белинды Бид, героини «Ручной газели», Италия «так богата литературными ассоциациями» (Рум, 1985c, р. 124). Героиня приезжает в «Неподходящей привязанности» в Рим с проникновенной поэмой «Адонис» (1821) П. Б. Шелли, который сам прожил четыре года в Италии, где создал наибольшее количество драм и поэм и был похоронен после трагической гибели. Архидиакон Хокклив («Ручная газель») упоминает «Паломничество Чайлд-Гарольда» (песнь IV.I) Байрона, соперничая с графом Бьянко, который цитирует строки Данте о славе Италии. В «Ручной газели» цитируется и строка из названия стихотворения английского поэта Э. Доусона (1867–1900) «Non sum quails eram bonae sub regne Cynara» («Вчера, о, ввечеру, меж наших губ бледна скользнула тень твоя, Кинара») (см.: [Snow, 1987, р. 130]). Этот поэт-декадент писал под влиянием древнеримской литературы о неразделенной любви и тем самым привлекал Пим.

Подводя итоги, отметим, что в прозе Пим, сугубо английской, складывается многогранный оригинальный образ Италии, который ассоциируется с южной экзотикой, первозданной красотой, страстными романтическими переживаниями. Авторское видение Италии находит свое отражение в проблематике, персонажно-образном ряду, символике, стилистике ее романов в виде интертекстуальных

и интермедиальных включений (расхожие выражения на латыни, аллюзии-топонимы, цитаты из Данте, Тацита и Катулла, аллюзии на оперы Пуччини и Верди). Приоритетом для Пим становится прошлое Италии, а не настоящее. Италия, которая традиционно ассоциируется со свободой чувств, умением радоваться жизни и безоблачным счастьем, предстает как антитеза Великобритании в дуалистической картине мира, созданной Пим, служит контрастом в разработке темы английской национальной идентичности. Сравнение Италии с Британией используется не в пользу последней ради того, чтобы оттенить недостающие ей качества.

Источники

Pym B. A Glass of Blessings. London: Pan Books, 1989.

Pym B. An Unsuitable Attachment. Bath: Chivers, 1983.

Pym B. A Very Private Eye: An Autobiography in Letters and Diaries / eds H. Holt, H. Pym. London: Macmillan; New York: Dutton, 1985a.

Pym B. Excellent Women. Harmondsworth: Penguin Books, 1985b.

Pym B. Some Tame Gazelle. London: Jonathan Cape, 1985c.

Литература

Snow L. Literary Allusions in the Novels // The Life and Work of Barbara Pym / ed. by D. Salwak. London: Macmillan; Iowa City: University of Iowa Press, 1987. P. 120–141.

Tsagaris E. M. The Subversion of Romance in the Novels of Barbara Pym. Bowling Green (Ohio): Bowling Green State University Popular Press, 1998.

**Воскрешение миракля:
тяготение к синтетическому жанру
(французско-итальянские параллели XX–XXI вв.)**

Настоящее исследование представляет собой компаративный анализ попытки воскресить средневековый жанр миракля в романском культурном пространстве XX–XXI вв. на примере творчества французского писателя Алена-Фурнье (начало XX в.) и современного итальянского поэта и музыканта Марио Кастельнуово. Миракль — как пограничный и переходный жанр, вбирающий в себя противоречия и преодолевающий их, драматургический жанр деяния, синтетический жанр — переосмыслиется авторами, переносящими его в область прозы и песенной поэзии. Однако неизменным остается синтетический характер жанра, попытка в нем объединить противоположные начала, дабы увидеть мир по-новому, удивиться ему и обрести исцеление.

Ключевые слова: миракль, средневековая литература, символизм, авторская песня, Ален-Фурнье, Марио Кастельнуово.

Е. А. Kondrateva

**Miracle resurrected: a synthetic genre
(parallels in French and Italian literary art of the 20th and 21st centuries)**

In this article, a comparative analysis of an attempt to renovate the medieval miracle genre within Romance cultural space of the 20th–21st centuries is considered. The examples studied are those of a French writer Alain-Fournier (early 20th century) and a contemporary Italian poet and musician Mario Castelnovo. The genre of miracle as transitional, nomadic and action-centered dramatic genre digests oppositions to overcome them in a certain synthesis. The authors' work transfers the dramatic genre into different forms of art, such as prose (short story) and sung poetry. Nevertheless, what remains is the synthesis of oppositions the genre shows, with the capacity given to the reader to be amazed and be recovered.

Keywords: miracle, medieval literature, Symbolism, singer-songwriter, Alain-Fournier, Mario Castelnovo.

Средневековый жанр миракля и по формальным, и по содержательным признакам можно воспринимать как жанр пограничный, существующий на едва уловимой кромке зазора между двумя сре-

дами, двумя началами — земным и небесным. Во-первых, это жанр, берущий свое начало в литургии, в агиографии (как пишет об этом, например, французская исследовательница-медиевист Мишель Цкильник в статье «Является ли миракль литературным жанром?», представляющей собой заключение к коллективной монографии под ред. Оливье Бьяджини и Бенедикты Миллан-Бов «Миракль иного жанра (рода)» [Szkilnik, 2012, p. 309]), и растворяющийся в городской литературе, то есть жанр транзитный, знаменующий собой этап эволюции человеческого сознания и истории литературы; во-вторых — жанр драматургический, основанный на действии: при всей неуволности его причин и несопоставимости с привычным положением дел чудо — это событие, представленное как реально происходящее, некое абсолютное деяние.

Жанр целостный, непротиворечивый в единстве формы и содержания, он все же вбирает в себя противоречия, заостряя и преодолевая их. Целый ряд статей в монографии «Миракль иного жанра» доказывает также, что миракль — жанр кочевой, находящий себя в литературных памятниках различного рода уже в средневековой литературе, от жесты (*chanson de geste*) до исторической хроники [Miracles d'un autre genre, 2012]. Обходит он стороной лишь роман, поскольку в последнем деяние не может проявиться как одновременно чудесное и достоверное, сокращая к тому же свободу автора творить художественный сюжет [Szkilnik, 2012, p. 314].

Синтез двух крайних противоположностей, присущий мираклю, становится актуальным всякий раз, когда литература испытывает потребность именно в этом явлении, дабы таким образом ознаменовать свой собственный переходный период. Миракль возвращается в литературу противоречий, контрастов, изменений. Не просто идея чудесного, но сам жанр миракля может возродиться на этом поле несовместимости различных начал и их незримого единства.

Два автора, творчество которых затронуто в данной статье, представляют две различные эпохи и занимают две различные ниши, но в обоих жива одна и та же жажда несовместимых начал и их синтеза, равно как и привязанность к одним и тем же ценностям, важнейшим точкам развития их личностей и творческого пути.

Ален-Фурнье (1886–1914, настоящее имя Анри Альбан Фурнье) — французский писатель, ранний талант и ранняя гибель которого в одном из сражений Первой мировой войны оставили читателю только один законченный роман — «Большой Мольн». И все же на пути к роману автор создал немало произведений

в других жанрах: это и стихи, и малая проза. После смерти автора эти тексты были собраны под заголовком «Миракли» (или «Чудеса»), — это жанровое название использовал сам автор в отношении двух текстов сборника. О данных двух «официальных» мираклях и пойдет речь в нашем исследовании. Наследовавший эпохе символизма писатель преодолевает ее посредством «синтетического» творчества, в котором на грани поэзии и прозы возникает новый символ — основанный на деянии, на течении жизни, раскрывающей свою тайну.

Марио Кастельнуово (род. 1955; в 2021 г. отмечает сорокалетие творческой деятельности) — итальянский поэт и автор-исполнитель песен, лауреат различных музыкальных, литературных премий, а также премий в области искусств. Автор «песен-историй», но также и «песен — живописных полотен», находящихся на стыке различных жанров и искусств; не только поэт и музыкант, но и писатель; не только автор рассказов и прозаических фрагментов, которые иллюстрируют или предвосхищают появление песен, но и художник. Символист после символизма, поэт модернистских образов и модернистской осознанности, он создает многослойные и поливалентные словесные картины. Как пишет в аннотации к его музыкальной книге «Нина-смотри-на-луну» критик Винченцо Моллика: «Его песни похожи на тонкие акварельные рисунки — их контуры едва намечены, но в этой простоте кроется умение обратиться к воображению слушателя. Иметь дело с божественной простотой — занятие не из легких, но Кастельнуово поистине владеет этим искусством» (Castelnuovo, 2019, p. 6).

Общие черты творческого мира обоих авторов

Невзирая на время и пространство, разделяющее авторов, оба необъяснимо близки в творческом и мировоззренческом ракурсе. В их произведениях можно выделить четыре основные общие тенденции.

1. Средневековые как некая точка отсчета: здесь можно говорить не только о своеобразном культе Прекрасной Дамы, который создавал Ален-Фурнье на протяжении большого отрезка своей жизни посредством невозможной литературной любви к девушке по имени Ивонна, которая зародила в нем потребность писать; не только об интересе Марио Кастельнуово со студенческой скамьи к средневековой музыке и провансальской, а затем и французской поэзии, — интересе, который привел его самого к «средневековому» характеру стилизации. Скорее, это принцип живописи прерафаэлитов, реали-

зованный в различных видах творчества: когда, с одной стороны, время оборачивается вспять, прошедшее оживает — и вслед за ним оживает и настоящая эпоха, избавляется от гнета сегодняшних установок; но при этом, с другой стороны, прошедшее конденсируется как знак, как чистый дух, как тайна.

2. Привязанность к корням, определенная ностальгическая нота как одна из определяющих черт творчества. В случае Алена-Фурнье это любовь к Солони, его родному краю, дикой провинции в самом сердце Франции. Именно в этих декорациях происходит действие почти всех текстов «Мираклей», а позже и «Большого Мольна» с центральным образом Затерянного Поместья. В случае Марио Кастельнуово это два наиболее важных пространства: Рим, его родной город, и провинциальный и уютный район Трастевере, находящийся у подножья холма Яникул, где воплощается и трансформируется время; Тоскана, родина его матери, город Сиена с его средневековой традицией скачек Палио, а также небольшая деревушка недалеко от Сиены, ставшая местом действия многих его песен и действующим лицом его романа «Карта темноты» (Castelnuovo, 2018). Пространство у обоих обладает волшебным свойством становиться почти живым существом, выразителем очень хрупких и очень тонких впечатлений раннего детства.

3. Многомерный, многослойный образ — метафора «взаимного прорастания» частей метафоры или двух явлений. К примеру, в приведенных ниже поэтических текстах действие, предпринимаемое человеком, так сильно сливается с ходом времени и природных сил, что невозможно понять, чье деяние первично. Таково стихотворение Алена-Фурнье «Premières brumes de septembre...» («Вот первые сентябрьские туманы...»):

S'en revenir...
dans les voitures à ânes et les calèches toutes pleines
de consternés et petits désespoirs,
avec les vacances finies qui s'en reviennent
(Alain-Fournier, 2011, p. 155).

‘Возвращаться... в повозках, осликами запряженных и доверху груженных несбывшимися снами, — по оконченным каникулам, что возвращаются с нами.’

Такова и песня «Gli amici» («Друзья мои») Марио Кастельнуово:

Gli amici, gli amici della strada,
gli amici di una lunga salita di mimose

e quasi in cima una fontana...
un po' come la vita...
chi è uscito senza ombrello...
non si è fermato più...
(Castelnuovo, 1985)

‘Друзья мои, попутчики по росту,
товарищи по долгой весне — цветет мимоза,
и на вершине всплеск фонтана...
Не так бывает в жизни?
В путь вечный в дождик выйдешь —
и выйдешь без зонта...’

4. Смешанная модель фрагмента и целостного «бесшовного», написанного легкими акварельными мазками, повествования. Как у Алена-Фурнье встречаются почти бессюжетные обрывочные рассказы, диалоги, и наряду с этим — тексты с развитием сюжета, в творчестве Марио Кастельнуово присутствуют лирические фрагментарные, почти импрессионистические песни, но также и настоящие песни-истории со своими персонажами, которым предоставлено ограниченное и вместе с тем существенное право голоса.

«Миракли» Алена-Фурнье

До и во время работы над «Большим Мольном» Ален-Фурнье пишет ряд стихотворений и прозаических текстов — некоторые будут опубликованы при жизни, некоторые лишь после его смерти, — но все они будут собраны под обложкой «Мираклей». Почему было выбрано именно это слово? Оно наилучшим образом отражает принцип автора описывать чудесное: *Je n'aime la merveille que lorsqu'elle est étroitement insérée dans la réalité* ('Я люблю чудо, но лишь когда оно тесно встроено в реальность') (Rivière, Alain-Fournier, 1991, p. 443), — скажет автор в одном из писем своему другу Жаку Ривьеру. Этот принцип идеально подхватывает средневековый жанр — даже если само слово «миракль» в тексте не произнесено.

Интересно, что в случае Алена-Фурнье жанр претерпевает существенные изменения: некогда драматургический, он становится прозаическим. Следовательно, меняются и его интонация, и его интенция. Чистота миракля уступает место чудовищному обману зрения, принципу контраста и метаморфозы, как это происходит в случае первого миракля, «Миракля трех сельских сударынь». Текст задумывался как своеобразное стихотворение в прозе — поэтому печатать его правильно курсивом (первая публикация не учла этой

особенности, что раздосадовало автора). В тексте объединяются два плана: с одной стороны, те самые три сударины, молодые замужние дамы, проводящие вечер дома у одной из них, на окраине села. С другой стороны, это младшая сестра одной из дам, Мария, — неверная своему жениху, она жестоко обманута им: избита и оставлена обнаженной на всеобщее обозрение в комнате без ставней. С дамами происходит чудо: возвращаясь домой, они видят долину всю в снегу, и этот снег помогает им обрести чистоту и беззаботность тех времен, когда они еще не были замужем: каждая встречает по дороге своего мужа, и мужья кажутся юными женихами, а жены представляются им невестами. То же очищение — но ложное — постигает и Марию: снег и закатные лучи бросают тень на ее тело, как бы окутывая его прозрачной пеленой, и прохожий думает, глядя на нее издалека: *Voici le beau domaine que j'ai vu en rêve une fois... Ah! Et voici à la fenêtre celle que j'ai tant cherchée sur la terre!* ('Вот оно, то прекрасное поместье, которое как-то пригрезилось мне... Ах! А там, у окна, не та ли, кого я так долго искал в этом мире?') (Alain-Fournier, 2011, p. 225). Мотив поместья и поисков прекрасной девушки, живущей в нем, является одним из центральных мотивов Алена-Фурнье как в поэзии и малой прозе, так и в романе «Большой Мольн».

Алену-Фурнье хочется заставить заговорить сами события — даже не персонажей, а то, что с ними происходит. Автор не дает заранее ни ключей, ни разгадок событиям — напротив, максимально путает мотивировки, чтобы объяснить происходящее на максимально глубоком и неожиданном уровне. Это драма противоположностей, лишенная абсолютной точки окончательного суждения, — скорее, формируется некий общий пласт восторженной тревожности: красота мира и человеческих чувств не окончательна, пока есть на свете горе и грязь; и вместе с тем самая горькая и грязная картина на свете может быть озарена нездешним, мистическим светом.

«Миракль жены фермера» (в русском переводе в сборнике «Французская новелла XX века» (М., 1973) — «Чудо мамыши Боланд») (Alain-Fournier, 2011, p. 239–253) представляет чудо полностью в рамках прозы: как факт, не вписывающийся в понятие допустимого, необъяснимый с точки зрения временных и пространственных установок. Жена фермера Боланда, никогда не покидавшая родного края, узнает, что сын ее несчастлив в парижской школе, куда поместил его отец, и отправляется за ним в повозке, а через два дня возвращается вместе с мальчиком. Само деяние мамыши Боланд остается за рамками повествования, а тон текста задан в абсолютно реалистическом ключе: как описание окружающей обстановки,

деревушки, в которой живут Боланды, их уклада, — так и финал рассказа, возвращение жены фермера с сыном. Это возвращение к привычному, заведенному от века образу жизни, оттого оно представлено так буднично. Нереален лишь способ, которым достигается он, да сверхъестественной кажется воля жены фермера, благодаря которой осуществляется задуманное. Не случайно именно возвращение к исконному, традиционному образу существования представляется как чудо: ведь в средневековых текстах фактом чуда часто оказывается возвращение грешника к истинной вере, в лоно Божье.

Чудо в песнях Марио Кастельнуово

В творческом мире Марио Кастельнуово слово «чудо» было произнесено в своем жанровом значении один-единственный раз: так называется песня 2001 г., «Il miracolo», создающая легенду о чернокожем пьянице-пономаре в духе рассказов Боккаччо (Castelnuovo, 2000). Но в действительности у автора-исполнителя куда как больше «чудес» в арсенале.

Интересно, что большой любовью публики пользовались те его песни, которые можно было бы назвать «семейными чудесами» — это реальные истории, связанные с близкими музыканта, действительно похожие на чудо. Так, представленная на фестивале в Сан-Ремо 1984 г. песня «Nina» (Castelnuovo, 1984) рассказывает об истории знакомства родителей Марио во время войны, их перепiski: чудо любви помогло им выжить в войну. Тремя годами позже на том же фестивале автор-исполнитель представил песню «Madonna di Venere» — о чудесном спасении отца, который в детстве умирал от испанского гриппа и которого оживили звуки колоколов церквушки с соседнего холма (Castelnuovo, 1987). В 2019 г. вышла новая песня, «Guardalalunanina», — о рождении дочери музыканта, названной Ниной — в этом имени сливаются воедино имена его родителей и название песни, написанной для них (Castelnuovo, 2019, p. 60). Это песня-баркарола со счастливым исходом, песня о девочке, рожденной на острове Тиберина. Она задумана как контраст народной баркароле, в которой главная героиня, тоже Нина, тонет в водах Тибра.

Но нас особенно интересуют такие произведения, в которых чудо представлено не только в тематическом плане, но и как основной элемент структуры. В этом смысле показательными являются два текста, и первый из них — «L'ave Maria Di Un Clown» («Аве Мария клоуна») (Castelnuovo, 2005). Альбом с названием «Com'erano Venute Buone Le Ciliegie Nella Primavera Del '42» («Какие славные

уродились вишни весной 1942 года») — это альбом-кабаре, и данная песня наилучшим образом иллюстрирует его концепцию. Песня основана на легенде XII в. о жонглере Богоматери. История бедного жонглера-монаха, который не знал, как молиться Богородице, и решил порадовать ее своим площадным искусством, за что получил награду от Нее, была неоднократно переработана: вначале Анатолий Франс написал одноименную новеллу (1892), по мотивам которой уже Жюль Массне написал оперу-миракль (в которой сам жанр указан) (1902). У Марио Кастельнуово получился текст-молитва — и одновременно текст-манифест искусства, как он его понимает: искусства как бедного, так и универсального. Принцип универсализации реализован посредством самой фигуры жонглера. В Средние века его роль была неоднозначной: между буффоном и трубадуром, между низким и высоким искусством. Гилберт Кит Честертон в эссе о Франциске Ассизском трактует обращение святого, обретение им новой истины, новой точки зрения через эту легенду: благодаря акробатическим трюкам весь мир обращается, опрокидывается вверх дном, и самое простое становится самым ценным [Честертон, 1989]. Но и у него жонглер заявлен в оппозиции трубадуру как представитель искусства более низшего. В тексте Марио Кастельнуово видны отсылки как к новелле Анатоля Франса, так и к эссе Честертонна. Его жонглер (клоун) приветствует Деву Марию посредством своего сальто-мортале, благодаря которому мир видится с иной точки зрения, и достигает высоты обращения святого Франциска в своей молитве Деве, прося ее уничтожить все противоречия и контрасты. Он на сцене один: нет сравнения ни с более низкой, ни с более высокой позицией. Мир, увиденный им иначе, оказывается таким же, что и обычное положение вещей. Он просит, чтобы это универсальное знание открылось всем. Так же и его искусство — площадное, телесное — превращается в музыку и называется в тексте музыкой: как музыкой кабаре, так и музыкой церковной, духовной. В конце первого и третьего куплета переплетаются два возгласа: «Давай, маэстро!» и «Аве Мария!». При этом имя Девы носит ту же первую главную букву, что и слово Музыка.

Ave Maria a questo salto mortale,
come ogni volta ci ritroviamo riflessi,
come in tutte le guerre, a morire,
siamo sempre gli stessi...
fa che l'inverno sia corto
e i calzini resistano
a un'altra gelata,

e l'estate sia timida...
E fa che, infine,
più che il diritto delle cose
possa il rovescio commuoverci, almeno,
come se morire fosse la vita
indossata al contrario,
appassionata, furiosa, dolente e felice,
com'è giusto che sia,
e che odori di musica,
e quella con la mu maiuscola...
(Castelnuovo, 2005)

‘Приветствую тебя, Мария, в этом сальто-мортале, где все мы всегда преломляемся, поскольку во все войны, в смертный час все мы одинаковы... Сделай так, чтобы зима была короткой и носки выдержали новые холода, а лето было спокойным... И сделай так, чтобы, наконец, не только верный порядок вещей, но и противоположный смог нас хотя бы тронуть, как будто смерть — это та же жизнь, только вывернутая наизнанку, страстная, яростная, болезненная, счастливая, вся какая есть, и чтобы пахла музыкой, и той, которая с большой буквы М.’

Второй миракль происходит на пересечении жанров — и на границе мыслимого и немыслимого. Песня «Il Primo Volo» («Первый полет») описывает полет Юрия Гагарина в сказочной интерпретации, характерной для средневековых жанров. Исторический, хоть и кажущийся чудесным, факт представлен как легенда. Слушатель вначале даже не в силах его опознать. В песне говорится о приземлении Гагарина и его встрече с крестьянкой — первой свидетельницей его полета. Текст написан от лица этой крестьянки — для создания эффекта непосвященного свидетеля, заостряющего впечатление. Женский голос становится дополнительным контрастом песни. Крестьянка обращается к незнакомцу, как если бы он был рыцарем: *Cavaliere hai paura del buio? <...> Cavaliere tu ed io contadina*. (‘Рыцарь, боишься ли ты темноты? <...> Ты рыцарь, а я крестьянка’) (Castelnuovo, 1987). Эта встреча рыцаря и крестьянки напоминает нам о средневековом жанре пастурелы, за исключением того, что в пастуреле чаще рыцарь обращается к женщине низкого происхождения, желая утолить свою страсть. Здесь же крестьянка признается в своем неземном чувстве. От жанра пастурелы слушатель переходит к пласту видения, чуда уже во втором куплете, понимая, что речь идет о встрече со сверхъестественным, божественным существом — казалось бы, вышедшим как из глухих веков, так и из фантастических текстов

о пришельцах с других планет. Этот контраст поддерживает музыка, в которой звучат и средневековые интонации, и футуристические ноты стиля new wave. Лишь во второй половине песни возникают подсказки: реальные исторические детали — космический корабль, Москва, снег, объявление по радио, люди, бегущие встречать Гагарина. Но сами эти факты в свете использованных ранее жанров уже кажутся сказочными. Так же и встреча с крестьянкой — воображаемая или нет (свидетельства приземления Гагарина даже в официальной хронике крайне противоречивы) — воспринимается легендой, и, почти не будучи измененными, слова крестьянки (в интервью, которые брали у нее впоследствии) звучат в песне как атрибут видения: «Подняла я голову, вижу — человек идет в мою сторону. Оторопь меня взяла — очень уж странно тот человек был одет, не по-нашему. И появился он неожиданно — словно с ясного неба. Потом гляжу — человек улыбается. И до того душевная у него улыбка, что весь мой страх как рукой сняло»¹.

Первый полет человека в космос, сравнимый с настоящим чудом, является деянием, помогающим обрести новую точку зрения, способность выйти за пределы собственного сознания. Божественное или сверхъестественное существо оказывается всего лишь человеком — но человеком, видевшим мир иначе и позволяющим другим увидеть его не таким, как прежде, увидеть «черное небо и голубую землю» (Castelnuovo, 1987) — эту фразу музыкант произносит по-русски посреди итальянского текста; произносит измененным голосом, напоминающим голос на радиосвязи между Королевым и Гагариным:

Cavaliere...hai paura del buio?...quando è tardi ed il sonno va via...
io ce l'ho perché sto sempre sola...cavaliere tu...ed io contadina...
Cavaliere disceso dal cielo, ti ho spiato da sola quaggiù...
la paura adesso non c'entra, sto tremando...ma è bello così...
Si sta muovendo lentamente il cielo per ogni battito delle tue ciglia...
e Dio che meraviglia...dentro quei battiti ci sono anch'io...
e sul mio campo di terra e di cielo migliaia di girasoli
hanno chinato i cuori e ti hanno visto ritornare giù...
e la tua astronave è così grande che ci posso entrare,
se mi farai salire...sarò più bella e mi domanderai...
“...hai paura o no?”... (Castelnuovo, 1987)

¹ Первый в мире полет человека в космос (Ю. А. Гагарин). Хроника событий 12 апреля 1961 года // Авиационно-космический фонд. URL: http://www.aviaspace.ru/calendar/section/events/pervyy_v_mire_polet_cheloveka_v_kosmos_yu_a_gagarin/ (дата обращения: 15.10.2020).

‘Рыцарь, ты ли не ведаешь страха перед темною зыбью ночной?
 Я боюсь — я ведь только крестьянка. Я одна — никого нет со мной.
 Рыцарь, словно ниспосланный с неба, я узрела тебя в вышине.
 Эта дрожь — как внезапная нега. Мне не страшно... так сладостно мне...
 И закружит и замирает небо под взмах ресниц, от каждого движенья;
 О чудо! — на мгновенье и я сумею в нем преобразиться;
 А на поля без конца и без края слетелись подсолнухов стаи —
 Глядят большими сердцами, как ты вернулся и стоишь пред нами.
 А может быть, и меня позовешь на минутку подняться с собою
 В сиянье голубое —
 Где все прекрасней, где ты скажешь мне:
 «Не боишься теперь?»’

Итак, миракль возрождается, аккумулируя в себе противоречия и контрасты, существующие всегда между поэзией и прозой, историей и воображением, прошлым и будущим, благородным и массовым искусствами, духовным и повседневным, — чтобы обрести новую точку опоры, способную заострить эти противоречия, а затем преодолеть их.

Источники

- Alain-Fournier*. *Miracles et autres textes*. Paris: Librairie Générale Française, 2011.
- Castelnuovo M.* Nina // Mario Castelnuovo. RCA Italiana, 1984. URL: https://www.angolotesti.it/M/testi_canzoni_mario_castelnuovo_9509/testo_canzone_nina_332167.html (дата обращения: 15.10.2020).
- Castelnuovo M.* Gli amici // È Piazza del Campo. RCA Italiana, 1985. URL: https://www.angolotesti.it/M/testi_canzoni_mario_castelnuovo_9509/testo_canzone_gli_amici_332175.html (дата обращения: 15.10.2020).
- Castelnuovo M.* Il Primo Volo. Madonna di Venere // Venere. RCA Italiana, 1987. URL: https://www.angolotesti.it/M/testi_canzoni_mario_castelnuovo_9509/testo_canzone_il_primo_volo_332186.html (дата обращения: 15.10.2020).
- Castelnuovo M.* Il miracolo // Buongiorno. DFV, 2000. URL: <https://testicanzoni.rockol.it/testi/mario-castelnuovo-feat-ambrogio-sparagna-il-miracolo-89052255> (дата обращения: 15.10.2020).
- Castelnuovo M.* L'Àve Maria Di Un Clown // Com'erano Venute Buone Le Ciliegie Nella Primavera Del '42. RAI Trade, 2005. URL: https://www.angolotesti.it/M/testi_canzoni_mario_castelnuovo_9509/testo_canzone_lave_maria_di_un_clown_332098.html (дата обращения: 15.10.2020).
- Castelnuovo M.* La mappa del buio. Castelvechi, 2018.
- Castelnuovo M.* Guardalalunana: [аудио; текст]. Azzurra Music, 2019.
- Rivière J., Alain-Fournier.* Correspondance 1904–1914: 2 vols. Vol. II. Paris: Gallimard, 1991.

Литература

- Честертон Г.К.* Франциск Ассизский. // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 83–128. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1977> (дата обращения: 15.10.2020).
- Miracles d'un autre genre / éd. O. Biaggini, B. Milland-Bove. Madrid: Collection de la Casa de Velázquez, 2012.
- Szkilnik M.* Le miracle est-il un genre littéraire? // Miracles d'un autre genre / éd. O. Biaggini, B. Milland-Bove. Madrid: Collection de la Casa de Velázquez, 2012. P. 309–314.

Сочинительный союз *et* 'и' в старофранцузском языке: качественные и количественные характеристики

В статье рассматриваются количественные и качественные характеристики французского сочинительного союза *et* 'и' в старофранцузском языке с применением корпусно-ориентированной методики. Устанавливается значимость сочинительного союза *et* 'и' в системе средств выражения сочинительных отношений. Отмечается, что количественное доминирование союза (максимальные вхождение в подкорпусе и абсолютная частота употребления) обусловлено как широким семантическим объемом самой единицы, выражающей собственно сочинительные и несобственно сочинительные отношения, так и способностью соединять единицы различной синтаксической степени сложности.

Ключевые слова: сочинительный союз, старофранцузский язык, корпусные данные, употребительность, семантика, функционирование.

Yu. V. Auseichyk

The conjunction *et* 'and' in Old French: qualitative and quantitative characteristics

The article considers the quantitative and qualitative characteristics of the French composing union *et* 'and' in the Old French language using a body-oriented technique. The significance of the compositional union *et* 'and' in the system of means of expressing compositional relations is established. It is noted that the quantitative dominance of the union (maximum occurrence in the subcorp and absolute frequency of use) is due to both the wide semantic volume of the unit itself, expressing the actual compositional and non-compositional relations, and the ability to combine units of different syntactic degree of complexity.

Keywords: compositional conjunctions, old French language, corpus data, usage, semantics, functioning.

Естественный язык располагает множеством средств выражения обобщенных смысловых отношений между высказываниями и его частями. К таким средствам относятся прежде всего союзы — специально предназначенный для этой цели класс служебных слов.

Благодаря простым односложным словам (союзам) мы воспринимаем мир «упорядоченно, систематизируем наблюдаемое и видим в нем сходство одних явлений и различие других» [Норман, 2013, с. 178]. Союзы предназначены не для описания мира, а для «маркировки каких-то аспектов деятельности сознания при восприятии и передаче информации» [Урысон, 2011, с. 9].

В нашем исследовании используются данные электронного национального текстового корпуса французского языка Frantext, который включает 2407 документов XI–XXI вв. общим объемом 122 148 287 словоупотреблений. Новый мощный инструмент позволяет провести диахронический анализ количественных и качественных характеристик ядерных французских сочинительных союзов (*et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’). Под качественными характеристиками мы подразумеваем семантические и функциональные свойства союза, а под количественными — его употребительность.

Отобранные методом сплошной выборки с учетом снятой омонимии контексты с ядерными французскими сочинительными союзами составили наш исследовательский корпус, разделенный на пять подкорпусов. Каждый из пяти подкорпусов представлен разножанровыми текстами, относящимися к пяти историческим периодам развития языка (от старофранцузского до современного французского языка).

Сопоставление количественных характеристик французских ядерных сочинительных союзов на основе данных подкорпусов позволило установить общую тенденцию к уменьшению употребительности сочинительных союзов за более чем тысячелетнюю историю развития языка почти в четыре раза (рис. 1) [Овсейчик, 2020].

Как показывает анализ, употребление сочинительных союзов в период старофранцузского языка составляет 3,41 % от всех словоупотреблений исследовательского подкорпуса (96 376 от 2 829 657), который включает 59 документов старофранцузского периода (XI–XIII вв.).

Основные тенденции функционирования сочинительных союзов, а также изменения семантического объема изучаемых единиц имеют место в период старофранцузского языка, исходной точки проводимого исследования.

Целью настоящей работы является выявление качественных и количественных характеристик сочинительного союза *et* ‘и’ в период старофранцузского языка (XI–XIII вв.), которые определяют

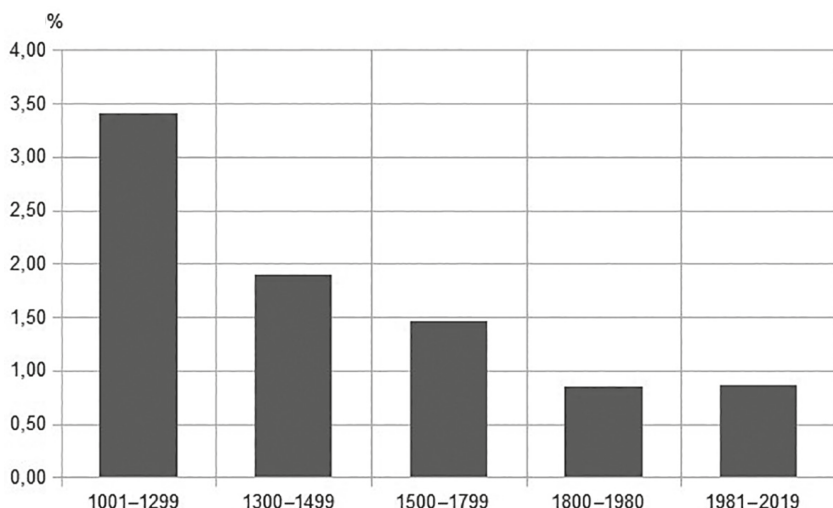

Рис. 1. Вхождение сочинительных союзов относительно общего количества словоупотреблений в исследовательском корпусе, по периодам

значимость данной единицы в системе средств выражения сочинительных отношений в период старофранцузского языка.

Материал и методика исследования

Лексикографический и грамматикографический анализ позволил установить вариативность письменной формы союза *et* 'и' (*e*, *et*, *etz*, *ét*, *ѐc*) в старофранцузском языке, которая учитывалась при отборе практического материала исследования [Centre National...; Ménard, 1998; Moignet, 1976].

Сопоставление количества вхождений союза в подкорпусе старофранцузского языка позволяет говорить о неравномерном членении континуума сочинительной связи и утверждать, что в четырех случаях из пяти в старофранцузском языке используется сочинительный союз *et* 'и' (табл. 1).

Как следует из таблицы, в старофранцузском периоде фиксируется 77 197 вхождений союза *et*, что составляет 80,1 % от всей совокупности вхождений сочинительных союзов в этом периоде.

«Столь значительный объем корпусных данных», по мнению Л. А. Тарасевич, который «типичен для языковых явлений, граничащих с грамматическими феноменами, — союзов, местоимений, предлогов» [Тарасевич, 2014, с. 63], закономерно вызывает вопрос

об ограничении корпусного материала разумными пределами для оптимизации последующих исследовательских процедур (см. также: [Баранов, 2001]).

Таблица 1. Общее количество вхождения сочинительных союзов в корпусе

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>mais</i> 'но'	<i>ou</i> 'или'	<i>ni</i> 'ни'	<i>donc</i> 'значит'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	Всего
Из них, ед.	77 197	5109	7448	51	408	4054	2109	96 376
Из них, %	80,1	5,3	7,7	0,05	0,5	4,2	2,2	100

Следовательно, для выявления частотных характеристик употребительности французских сочинительных союзов ограничиваемся сегментами, представленными одним миллионом словоупотреблений (табл. 2).

Таблица 2. Абсолютная частота употреблений сочинительных союзов в старофранцузский период

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>ou</i> 'или'	<i>mais</i> 'но'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	<i>donc</i> 'значит'	<i>ni</i> 'ни'
Частота, ед.	27 281	2632	1836	1432	745	144	21

Исходя из корпусных данных, констатируем, что частотность союза *et* 'и' в разы превышает частотность других сочинительных союзов в старофранцузском периоде.

Описание количественных характеристик союза *et* 'и' проводится нами на материале древнейшего памятника старофранцузского языка «Песня о Роланде» (фр. *La Chanson de Roland*). Старофранцузский текст «Песни о Роланде» приводится по пятому переизданию Оксфордской копии произведения с учетом критических комментариев [La Chanson de Roland, 1875]. Корреляция количественных характеристик сочинительных союзов в исследовательском подкорпусе и в тексте «Песни» объективно свидетельствует о репрезентативности данного текста для дальнейшего исследования. Сочинительные союзы составляют 3,55% от общего количества словоупотреблений в тексте «Песни» (1094 от 30 823), что коррелирует с общей тенденцией употребительности сочинительных союзов в период старофранцузского языка (см. табл. 1). Количественные показатели употреблений сочинительных союзов в тексте «Песни» представлены в табл. 3.

Таблица 3. Употребительность сочинительных союзов в тексте «Песни о Роланде»

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>mais</i> 'но'	<i>ou</i> 'или'	<i>ni</i> 'ни'	<i>donc</i> 'значит'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	Всего
Из них, ед.	937	39	19	23	11	23	34	1086
Из них, %	86,2	3,6	1,8	2,1	1,0	2,1	3,1	100

Как следует из таблицы, в тексте «Песни» сочинительному союзу *et* 'и' отводится ведущая связующая роль в 86 % случаев, что соотносится с данными корпуса, где количество вхождений союза *et* 'и' составляет 80,1 % от всей совокупности вхождений сочинительных союзов в этом периоде. Относительные показатели употреблений каждого сочинительного союза в тексте «Песни» сопоставимы с относительными показателями их вхождения в исследовательском корпусе (ср.: *mais* 'но' — 3,5 % vs 5,3 %, *or* 'итак' — 3,1 % vs 2,19 % соответственно и т. д.). Наблюдаемые различия — в границах 1 % — являются статистически незначимыми.

С учетом вышеизложенного, исследовательский материал, «отражая все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в данной области», представляется «пропорционально суженным» [Баранов, 2001, с. 118].

Функционально-семантические характеристики сочинительного союза *et* 'и' в старофранцузском языке

Самый употребительный в старофранцузском языке сочинительный союз *et* 'и' восходит к латинскому союзу, обозначая *le lien*, *le renforcement*, *l'opposition* 'связи, усиления, противопоставления' (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Ю. О.) [Trésor de la Langue Française].

Первая письменная фиксация союза относится к 842 г. В древнейшем памятнике старофранцузского языка, «Страсбургских клятвах» (фр. *Serments de Strasbourg*), сочинительный союз *et* 'и' встречается семь раз, представляя три раза одиночный союз и два раза — двойной союз:

- (1) Pro Deo amur **et** pro christian poblo **et** nostro commun salvament, d'ist di en avant, in quant Deus savir **et** podir me dunat, si salvarai eo cist

meon fradre Karlo, **et** in aiudha **et** in cadhuna cosa... **et** ab Ludher nul plaid num quam prindrai qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit. Si Lodhuvigs sacrament que son fradre Karlo jurat conservat, **et** Karlus meos sendra de suo part non lostanit... (Serments de Strasbourg) 'Во имя любви к Богу и во имя христианского народа и нашего общего спасения с этого дня впредь, насколько Бог мудрость и власть мне дает (или: дал), так спасу я этого своего брата Карла и в помощи и в каждом деле... и с Лотарем никакого договора не заключу, который по моей воле этому моему брату Карлу в ущерб был бы. Если Людовик клятву, которую он дает своему брату Карлу, сдержит, а Карл, мой господин, со своей стороны ее нарушит...' (Томашпольский, 2018, с.140)

Одиночный союз *et* 'и' соединяет прямые дополнения *savir et podir* 'мудрость и власть'. Двойной союз *et... et...* 'и... и...' соединяет косвенные дополнения *pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament* 'во имя любви к Богу и во имя христианского народа и нашего общего спасения', указывая на то, что перечисление является исчерпывающим. Причем в *et in aiudha et in cadhuna cosa* 'и в помощи и в каждом деле' союз *et* 'и' уже используется перед первым сочиненным элементом, *renforçant la notion d'ensemble* 'усиливая значения общности' [Centre National...]. В двух последних случаях приведенного примера союз *et* 'и' позволяет реализоваться сложным синтаксическим построениям: [..., (*quant* ...), (*si*...), **et** 'и'...], (*qui*...) и (*si*... (*que* ...), ...), **et** 'и'(...) [<...>] соответственно.

Первое инициальное употребление союза *et* 'и', маркирующего *un enchaînement* 'присоединение' [Centre National...] двух самостоятельных предложений, фиксируется в «Секвенции о святой Евлалии» (фр. *Séquence de sainte Eulalie*), представляющей собой агиографическое сочинение конца IX в.

- (2) La polle sempre n[on] amast lo d[ō] menestier. / E por[]o fut p[re]sente de maximilien... (цит. по: (Chrétomatie..., 1887, p. 4)).
'Но предпочла она Творцу служить. / Вот предстает перед Максимилианом...' (Секвенция Святой Евлалии).

В целом инициальное употребление союза *et* 'и' в период старофранцузского языка фиксируется 11 479 раз в исследовательском подкорме, что составляет 14,87% от 77 197 вхождений союза.

В «Песне о Роланде» союз *et* 'и' встречается 937 раз, устанавливая сочинительную связь между членами предложения и простыми предложениями в составе сложного. Причем союз впервые появляется в инициальной позиции иных коммуникативных типов, вопро-

сительных и восклицательных предложений, маркируя присоединение [Centre National...]:

- (3) (Où est Engelier le Gascon? Et le duc Samson et le baron Anséis? (v. 568)
'Где Анжелье Гасконский? И герцог Самсон с бароном Ансеисом?'
(с. 124)¹

Анализ функционирования союза *et* 'и' в старофранцузском языке на примере литературного памятника «Песня о Роланде» показал, что сочинительный союз *et* в 95,6 % случаях представляет отношение «чистой конъюнкции», традиционно включающее:

1. Соединение, которое трактуется французскими лингвистами как отношение *ensemble* 'совокупности' [Centre National...]:

- (4) Ki puis veïst Rollant e Oliver ! (v.1680)
'Видели б вы Роланда с Оливьером!' (с.168)

2. Перечисление, которое, согласно Е. В. Урысон, представляет семантически наиболее «пустое» употребление союза [Урысон, 2011, с. 296], соединяющего однородные члены предложения: *des fiuz e des honurs* 'наделы и феоды'; *endurer e granz chalz e granz freiz* 'должен терпеть и тяжкий жар, и холод'; *par feid e par amor* 'верно и любовно'; *bataille avrum e forte e aduree* 'битва нас ждет всех горше и сильней'; *plurent e crient, demeinent grant dolor* 'плачут, кричат, клянут свою невзгоду'.

В тексте Песни двойной союз *et... et...* 'и... и...' встречается около 80 раз, образуя наряду с одинарным союзом синонимические пары, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии, например: *bataille avrum e forte e aduree* 'битва нас ждет всех горше и сильней'; *lé galops e les salz* 'вприпрыжку и вскачь'; *par honur e par ben* 'по чести и добром'; *e veies e chemins* 'по путям и дорогам'. Сюда же относятся плеонастические пары: *moerent païen a millers e a cent* 'тысячи мрут и сотни', *bassent lur chefs e lur mentun* 'склоняют все главу и подбородок'.

В ходе анализа было выявлено, что союзу *et* 'и' свойственно соединять две непротивопоставленные друг другу части, каждая из которых соответствует действительности, маркируя отношения не «чистой конъюнкции» (не более 4,4 % от всех случаев его употребления в тексте «Песни»):

¹ Далее ссылки на оригинальный текст «Песни о Роланде» (La Chanson de Roland, 1875) даются в круглых скобках с указанием номеров строф; ссылки на перевод В. Н. Яرخо (Песнь о Роланде, 1934) — в круглых скобках с указанием номеров страниц.

1) одновременность, когда союз связывает простые предложения в составе сложного при логически параллельных построениях, где наблюдается тенденция к изменению симметрического порядка:

- (5) *Clers est li jurz e li soleilz luisant* (v. 3646).
'Сияет день, и солнце светит жарко' (с. 233).

2) последовательность, когда союз соединяет «предложения, связанные друг с другом временной последовательностью излагаемых событий» и, по мнению Е. В. Урысон, является маркером «нормального развития повествования» [Урысон, 2011, с. 285]. Ср.:

- (6) *Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom / E tute Espaigne tendrat par vostre dun...* (v. 223–224)
'И, как вассал, вам длани протянуть, / Царство принять из ваших рук...' (с. 111)

Необходимо отметить, что для выражения последовательности событий в старофранцузском языке с 980 г. начинает использоваться темпоральное наречие *puis* в значении *après, depuis* 'затем', 'с тех пор', соединяя как однородные сказуемые (7), так и два простых предложения (8):

- (7) *De sa main destre l'ad asols e seignet, / Puis li livrat le bastun e le bref* (v. 340–341).
'Затем посланца осенил крестом, / Жезл протянул ему, вручил письмо' (с. 116).
(8) *Kar chascun jur de mort s'abandunet. / Seit ki l'ociet, tute pais puis avriumes* (v. 390–391).
'Он каждый день рискует головою. / Убить его — и прекратятся войны' (с. 118).

В ходе анализа был установлен случай совместного употребления союза *et* 'и' и наречия *puis* 'затем', где наречие конкретизирует отношение последовательности, выражаемое союзом²:

- (9) *Par les oreilles fors se ist la cervel. / De ses pers priet Deu ques apelt, / E puis de lui a l'angle Gabriel* (v. 2260–2263).
'Уж из ушей текут его мозги. / Молится он, чтоб перов бог простил / И принял их архангел Гавриил' (с. 189).

² Совместное употребление союза *et* 'и' и наречия *puis* 'затем' фиксируется с 1200 г. при перечислении [Centre National...].

- причинно-следственные отношения, отражающие хронологическую последовательность событий, где P_1 причина \rightarrow P_2 следствие (P_1 выбитые глаза \rightarrow P_2 стекающая кровь (P_1 et 'и' P_2)):

(10) Fors de la teste li met les oilz ansdous, / E la cervelle li chet as piez desuz... (v. 1355–1356)
 'Из головы повыбил оба ока, / До самых ног стекают капли мозга...' (с.156)
- сопоставление, когда союз связывает предложения с повторяющимися или семантически близкими предикатами:

(11) Rollant est proz e Oliver est sage (v. 1093).
 'Роланд удал, а Оливьер умен' (с. 147).
- пояснительные отношения, где вторая часть сложносочиненного предложения, вводимая союзом *et* 'и', представляет собой дополнение к содержанию первой части:

(12) Colp en avras einz que nos departum. / E de m'espee enquoï savras le nom (v. 1900–1901).
 'Ты от меня не уйдешь без урока. / Как звать мой меч, узнаешь раньше срока' (с. 178).

Уникальным свойством французского сочинительного союза *et* 'и' является выражение отношения **противопоставления**, которое уже отмечается в период старофранцузского языка. В тексте «Песни» установлены единичные случаи, когда союз *et* 'и' либо соединяет две эксплицитно противопоставленные части (13), либо демонстрирует эффект «обманутого ожидания» и выступает как «но противодействия» в трактовке Е. Урысон (14) [Урысон, 2011, с. 191]:

- (13) Cist nus sunt pres, e trop nus est loinz Carles (v. 1100).
 'Нечестивые близко от нас, а Карл слишком далеко' (с.147).
- (14) Si vunt ferir, que fereient il el ? / E Sarrazins nes unt mie dutez... (v. 1832)
 'Спешат разить. А что им делать боле? Но сарацин не испугался боя...' (с.177)

Основной особенностью старофранцузского синтаксиса является несоответствие традиционной индоевропейской схеме, где выделяются три последовательные ступени развития сложного предложения: бессоюзие \rightarrow сочинение \rightarrow подчинение. Старофранцузский

язык характеризуется одинаковой продуктивностью более древних (паратаксис) и более новых (гипотаксис) синтаксических средств [Скрелина, Становая, 2001].

В этой связи особого внимания заслуживает вопрос о свойствах союза *et* 'и' соединять единицы различной синтаксической степени сложности, включая создание гибридных случаев. Так, союз *et* 'и' используется в сложных предложениях, построенных по модели:

(*quand/se...*), [*et...*],

где придаточное времени или условия предшествует главной части, вводимой союзом *et* 'и'. Темпоральное союзное наречие *quand* 'когда', обозначая текущий момент *à ce moment-là* 'в этот самый момент', выражает более или менее очерченный промежуток времени, а наличие союза *et* 'и' подчеркивает одновременность действий или состояний³:

- (15) **Quant** jo serai en la bataille grant / E jo ferrai e mil colps
e.VII.cenz... (v. 1077–1078)
'Врагов в бою я сумею найти, / Тысячу ран и семьсот нанести...' (с. 146)
- (16) E li message descendirent a piet, **sil** saluerent par amor e par bien
(v. 120–121).
'И посланцы спешились, и приветствовали его по любви и по добру' (с. 108).

На факт наличия в старофранцузском языке подобных гибридных случаев, так называемых *les constructions « à cumul »* 'собирательных конструкций', где совмещается сочинение и подчинение, указывали многие исследователи (см., например: [Antoine, 1962, p. 547]). В этой связи отметим, что для выражения темпоральных отношений в старофранцузском языке параллельно использовались сложноподчиненное предложение (*Quant A, B*) и сложносочиненное предложение (*A et* (темпоральное) *B*), совмещение которых приводит к появлению третьего, смешанного способа выражения темпоральных отношений (*Quant A, et B*). Схематично данный процесс представлен на рис. 2.

³ В современном французском языке такая одновременность передается иначе — исключительно темпоральными союзными наречиями без употребления союза *et*. Ср.: *Plus il regardait moins il voyait* 'Чем больше он смотрел, тем меньше он видел' [Tortrat, 2000, p. 235].

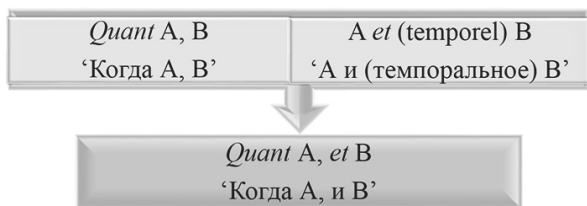

Рис. 2. Схема образования гибридной конструкции Quant A, et B в старофранцузском языке

Несмотря на незначительную употребительность гибридной конструкции *Quant A, et B* в старофранцузском языке⁴, статус сочинительного союза вызывал споры и был объектом детального изучения во многих работах [Torterat, 2000; 2007; Rebuschi, 2002; Combettes, 2010]. Согласно одной точке зрения, лексическая единица *quant* функционирует скорее как дискурсивный маркер, чем как подчинительный союз, что дает основания признать сочинительную связь ведущей в данной конструкции [Rebuschi, 2002]. Согласно другой точке зрения, за обоими союзами признается сохранение их статуса, но с переосмыслением их функционального предназначения [Torterat, 2000; 2007]. Указывается также, что данный тип соединения частей предложения скорее свидетельствует об их автономности, чем о цельности [Combettes, 2010, p. 126].

Анализ научной литературы по проблеме исследования позволяет утверждать, что модель построения данной гибридной конструкции оказывается весьма продуктивной. В период старофранцузского языка на основе данной конструкции образуются восемь других [Rebuschi, 2002; Foulet, 1930; Lambert, 2001; Grevisse, 2018]. Вокруг центрального элемента, сочинительного союза *et* 'и', создается определенная «микросистема»: к союзу присоединяются не только темпоральные придаточные, но и относительные, сравнительные, придаточные образа действия, уступки и т.д., вводимые союзами и союзными сочетаниями: *qui, puis que, entruisque, la u, quoi que, que que, se, che que*. Другие сочинительные союзы по аналогии с союзом *et* 'и' создают еще три гибридные конструкции с (*Se A **donc** B; Quant A, **mais** B; Quant A, lors (>or) B*). Однако данные новообразованные конструкции, как и сама исходная, оказываются нежизнеспособ-

⁴ Количество выявленных контекстов не превышает десяти в нашем под-
корпусе.

ными: их единичное употребление фиксируется исключительно до XV–XVI вв.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в старофранцузский период уже существуют сложные синтаксические построения, которые во французской грамматической традиции принято называть *constructions imbriquées*, где одновременно реализуются три вида связи: сочинение, подчинение и бессоюзие [Grevisse, 2018]. Пример (17) из нашего исследовательского подкорпуса демонстрирует соединение равноправных придаточных и их соподчинение от одной главной части в составе сложного предложения. Причем союз *et* 'и' служит для соединения однородных придаточных как цели (*se* 'если'... *et* 'и'...), так и условия (*que* 'чтоб'..., *et* 'и'...): (*se* 'если'... *et* 'и'...), (*que* 'чтоб'..., *et* 'и'...), (*se* 'если'...), [...]: (...).

- (17) **Se** mon seignor le roi plesoit / **et** une chose me faisoit / **que** il vousist je fusse moines, / reclus, hermites ou chanoines, / **et** me feïst vestir la here, / certes, **se** ce li voloït plaire, / icel mortel siecle et l'anvie / lairoie : plus n'an ai anvie (цит. по: (Chrétomatie..., 1887, p. 87)).
'Если бы это понравилось моему королю и он сделал бы мне одолжение, чтоб я был монахом, отшельником или каноником, и заставил бы меня принять постриг, конечно, если бы ему это понравилось, я бы покинул этот век и зависть, так как я больше не хочу'.

Выводы

Проведенный анализ количественных и качественных характеристик союза *et* 'и' свидетельствует о значимости данного элемента в системе средств выражения сочинительных отношений.

Уже в старофранцузском языке союз *et* 'и' выполняет ведущую связующую роль, обусловленную широтой его употребления от простого предложения до сложносочиненного целого. Союз *et* 'и', представляя сочинение в наиболее чистом, неосложненном виде, соединяет части простого и сложного предложения на основе содержательной тождественности, синтаксической однофункциональности и полной позиционной равнозначности. Отсутствие нормативных правил и подражание латинским текстам, характерные для периода старофранцузского языка, приводят к появлению гибридных случаев, где наблюдается совмещение сочинения и подчинения.

В период старофранцузского языка для союза *et* 'и' характерно преимущественное оформление отношений «собственно» сочинительных, включающих отношения соединительные, перечислитель-

ные, а также отношения субъективно окрашенного, ассоциативно-го присоединения. Союз *et* 'и', являясь носителем соединительного значения, в единичных контекстуально обусловленных случаях маркирует отношения противопоставления, выступая потенциальным эквивалентом противительного союза *mais* 'но'.

Свойство союза *et* 'и' репрезентировать «несобственно» сочинительные отношения также наблюдается в рассматриваемый исторический период становления французского языка: с одной стороны, союз эксплицирует отношения темпорального характера, с другой стороны, — причинно-следственного, сопоставительного и пояснительного характера. В данном случае семантика союза определяется характером соединяемых пропозиций, которые представляют явления или события реального мира, наблюдаемые говорящим непосредственно и осознаваемые им как «естественные», закономерные с точки зрения его чувственного опыта, что отражается в универсальной модели P_1 *et* 'и' P_2 .

Источники

- Frantexte. URL: <http://www.frantexte.fr/> (дата обращения: 15.12.2019).
- La Chanson de Roland / texte critique, traduction et commentaire par L. Gautier. 5e éd. Tours: Alfred Mame et fils, 1875.
- Песнь о Роланде / пер. со старофр., вступ. ст. и примеч. Б.И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1934.
- Serments de Strasbourg. URL: https://www.lexilogos.com/serments_strasbourg.htm (дата обращения: 15.12.2019).
- Секвенция Святой Евлалии / предисл. и пер. диакона Владимира Василика. URL: <https://pravoslavie.ru/55864.html/> (дата обращения: 05.09.2020).
- Томашпольский В. Романское языкознание: учеб. пособие для вузов: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2018.
- Chrétomatie de l'ancien français (IX–XV siècles). Texte, traduction & glossaire. Par Er. Devillard. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1887. URL: <https://archive.org/details/chrestomathiedel00deviuoft/page/4/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 15.12.2019).

Литература

- Овсейчик Ю. В. Динамика употребительности сочинительных союзов в диахронии // Вестник Минского гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. 2020. № 1 (104). С. 62–72.
- Тарасевич Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков). Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2014.

- Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Antoine G. La coordination en français. 2 t., Paris: d'Artrey, 1962.
- Combettes B. Aspects diachroniques de la parataxe: les propositions temporelles en position initiale en ancien français // La parataxe, t. 1 / éd. M.-J. Béguelin, M. Avanzi, G. Corminboeuf. Berne: Peter Lang, 2010. P. 115–137.
- Foulet L. Petite syntaxe de l'ancien français. Paris: Librairie ancienne honoré Champion, 1930.
- Rebuschi G. Coordination et subordination. Deuxième partie : vers la co-jonction généralisée // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 2002. № XCVII (1). P. 37–94.
- Tortierat F. Et en emploi «syndético-hypotactique» : hypothèses sur une jonction implicite en ancien et en moyen français // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 2000. № XCV (1). P. 183–202.
- Tortierat F. Emplois interjectifs, injonctifs et co-subordinatifs des coordonnants en ancien et en moyen-français // La coordination / éd. A. Rousseau; L. Begioni; N. Quayle; D. Roulland. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2007. P. 225–249.
- Lambert F. Et: un cas de grammaticalisation? // Travaux de linguistique du Cerlico. 2001. № 14. P. 113–134.

Справочные материалы, учебная литература

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013.
- Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2001.
- Centre National des ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 15.12.2019).
- Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris: Duculot, 2018.
- Ménard P. Syntaxe de l'ancien français. Bordeaux: Bière, 1998.
- Moignet G. Grammaire de l'ancien français: morphologie, syntaxe. Paris: Klincksieck, 1976.
- Trésor de la Langue Française. URL: <https://www.le-dictionnaire.com/definition/> (дата обращения: 15.12.2019).

Россия через французский язык

В статье представлен промежуточный результат серии уроков о России по дисциплине «Иностранный язык (французский)» со студентами 1-го курса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Снижающийся уровень знаний студентов о своей стране: географии, истории, литературе, — стал первопричиной обращения к данной теме. На начальном этапе формировалась языковая основа для дальнейшей коммуникации и мотивации к размышлению о Родине. На среднем этапе оттачивались традиционные навыки — чтение и перевод текстов и добавлялись новые практико-ориентированные задания. Завершающий этап — это письменное оформление мыслей. Изучение данной темы одних студентов привело к корректировке патриотических чувств и ощущений, другие наполнялись чувством гордости, для третьих снижался градус нигилизма, а в целом никто не оставался равнодушным. Размышления с молодыми людьми о Родине побудили их на новом уровне образования и взросления задуматься о вечной истине — патриотизме — и протестировать свою гражданскую позицию.

Ключевые слова: Россия, Родина, преподавание французского языка, воспитание патриотизма, практико-ориентированное задание.

N. M. Tcherepkova

Russia through the French language

This article presents the intermediate result of a series of lessons on Russian in the subject French with 1st year students in Voronezh State University. The decreasing level of knowledge about their own country: geography, history, literature has become the primary reason for addressing this topic. Discussing with students about Motherland prompted them to think about the eternal truth of patriotism and to test their civic position at a new level of education. At the initial stage, a language basis was formed for further communication and motivation to reflect on the Motherland. In the middle stage, the traditional skills of reading and translating texts were practiced, and new practice-oriented tasks were added. The final stage is a written expression of thoughts. The study of this topic, for some students, led to the correction of patriotic feelings and feelings, others were filled with a sense of pride, for others the degree of nihilism decreased, and in general, no one remained indifferent. Reflections with young people about the Motherland prompted them to think about the eternal truth — patriotism — at a new level of education and growing up, and to test their civic position.

Keywords: Russia, Motherland, teaching French, education of patriotism, practice-oriented task.

В статье представлен фрагмент соразмышления со студентами о Родине — о России. Причины накапливались годами: 1) снижающийся уровень знаний о своей собственной стране: о ее географии, истории, литературе; 2) отрицание христианских ценностей в западном мире, и во франкоязычных странах в частности, вызывающее дистантное и осторожное отношение к продвижению французского языка и культуры среди российского студенчества; 3) обострение чувства патриотизма с двумя диаметрально противоположными проявлениями — от боли за отечество до тотального нигилизма в период первой волны пандемии, с марта 2020 г., что и явилось последней точкой к принятию решения о начале разговора со студентами о России посредством французского языка.

Подойти к этой теме было непросто. С одной стороны, молодые люди в массе своей очень хорошо знают свои права и с готовностью напомним статью 29 Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них». С другой стороны, ключевая позиция основных образовательных программ (далее — ООП) и соответственно образования — это воспитание гражданина. Ср., например, требования следующих ООП: 05.03.02 География — создание условий для полноценного раскрытия духовных устремлений студентов, их творческих способностей, для формирования гражданской позиции, социально значимых ценностей, гражданских и профессиональных качеств; 40.03.01 Юриспруденция — формирование социально-личностных качеств студентов: целеустремленности, организованности, трудолюбия, ответственности за конечный результат своей профессиональной деятельности, гражданственности, умения работать в коллективе, коммуникабельности, толерантности, повышение их общей культуры²; 38.05.01 Экономическая безопасность — формирование и развитие социально-личностных качеств обучающихся, таких как нравственность, толерантность, общекультурные навыки, способность к социальной адаптации, стремление к саморазвитию и реализации творческого потенциала, целеустремленность, гражданская позиция¹.

¹ Основные образовательные программы ВГУ. URL: <https://edu.vsu.ru/mod/data/view.php?id=45&advanced=0&filter=1&paging&page=3> (30.10.2020).

Что делать преподавателю, как реагировать, как укрепляться самим и нести в массы разумное, вечное, доброе? Помогает, конечно, мировое наследие истории, литературы, которое напоминает, что все, что с нами сегодня происходит, что нас волнует, на что мы ищем ответы, уже когда-то было. Примером могут служить некоторые мысли, приведенные ниже.

Гомер, конец IX — начало VIII в. до н.э., «Одиссея» в переводе В. А. Жуковского:

Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших,
Даже когда б и роскошно в богатой обители жили
Мы на чужой стороне далеко от родителей милых
(цит. по: (Ильинская, 2003, с. 309)).

Лукиан, ок. 120–180 гг., «Похвала родине» в переводе В. Чемберджи: «старая это истина, что “нет ничего сладостнее отчизны”. В самом деле, разве существует что-либо не только более приятное, но и более священное, более возвышенное, чем родина. Ведь всему, что люди считают священным и исполненным высокого смысла, научила их родина, ибо она дает жизнь, вскармливает и воспитывает их» (цит. по: (Ильинская, 2003, с. 397)).

Евгений Баратынский, 1821 г., «Родина»:

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
(Баратынский, 1990, с. 42)

Тема «Родина» является вневременной, что укрепило в выборе данной темы для студентов одной из сборных групп 1-го курса разных факультетов (географии, геоэкологии и туризма, экономического, юридического, исторического, журналистики) ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» в 2019/20 учебном году. Цели и задачи учебной дисциплины «Французский язык» соответствовали принципам вышеназванных ООП. Это повышение исходного уровня владения иностранным языком, достигнутого на предыдущей ступени образования, и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, учебно-познавательной и профессиональной сфер деятельности.

Первым этапом было введение в тему «Ma douce patrie» через серию разнообразных лексико-грамматических упражнений. Например:

- из предлагаемых слов выбиралось личное понимание и видение родной страны: *Mon pays natal c'est ... (sa riche culture , son histoire glorieuse ...); ce sont ... (mes parents, mes amis , ...); me donne... (des racines, de la force ...); c'est aussi des problèmes: ... (les crises, la pauvreté, ...); Qu'est-ce que vous associez à votre patrie ? ... (patrimoine, entourage, sentiments, ...)* (Пассов, Антюшина, 2001, с. 203);
- написание эссе: *Le patrimoine c'est un ensemble de toutes les richesses que nous ont laissées nos ancêtres. Qu'est-ce qui fait partie de notre patrimoine ? Mon pays natal c'est ...* (Пассов, Антюшина, 2001, с. 205);
- устное сообщение-размышление: *La Russie c'est un pays riche de culture. Quels noms (littéraires, musicales, cinématographiques, scientifiques) constituent la gloire de notre pays ? Je suis fier (fière) de vivre en Russie parce que c'est un pays riche de culture. C'est la patrie de Pouchkine , de La Russie a donné au monde ...* (Пассов, Антюшина, 2001, с. 206).

На данном этапе расширялся словарный запас, раскрывались особенности употребления слов, совершенствовались навыки говорения.

На **втором этапе** вводились знания о России: географическое положение, население, климат, рельеф, полезные ископаемые и т.д. Ключевым материалом был текст «La géographie de la Russie» (Михайлова, 2005, с. 3–6). Ниже приводится фрагмент текста:

Introduction

Il n'y a pas aujourd'hui dans le monde, nulle part sur toute la planète, un espace où s'affrontent avec autant de force qu'en Russie les résistances de la tradition du passé et l'aspiration à la modernité.

Ce mélange fascinant et attirant de la haute culture et de l'indifférence totale, ce monde où cohabitent comme auparavant « guerre et paix », la générosité et la misère, reste l'énigme de l'âme slave. (Михайлова, 2005, с. 3)

Statistiques

La Russie est un des plus grands pays du monde à la superficie de 17,075 millions de kilomètres carrés. Elle est située dans l'hémisphère boréal et occupe la partie est de l'Europe et la partie nord de l'Asie. (Михайлова, 2005, с. 3)

Перед студентами стояли задачи традиционные (прочитать и перевести текст) и новые — практико-ориентированные:

- Найти неверные сведения в тексте.
- Провести анализ данных, внести необходимую корректировку, указать источник. Задание направлено на формирование умений поиска корректной информации на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий, оформления данных с указанием источника. Ниже представлен фрагмент задания.

Corrigez des données

№ п/п	Данные текста	Корректировка данных		Примечание
		поправки	источник	
1	La superficie de la Russie 17,075 millions de kilomètres carrés			
2	Les plus grandes villes de la Russie sont Moscou (8,2 millions d'habitants)			

- Подготовиться к круглому столу. Вопросы для обсуждения: la situation géographique de la Russie, les pays voisins de la Russie, le statut administratif de la Russie, la population russe, le climat de la Russie, le relief de la Russie, des richesses naturelles de la Russie. На круглом столе формировались: 1) устный дискурс: высказывания своих мыслей с опорой на подготовленные документы, внимательное прослушивание друг друга и внесение добавлений; 2) критический профессиональный взгляд и оценка материала студентами разных факультетов на французском языке.

На **третьем этапе** формировались умения письменного оформления мыслей:

Notre patrie ce sont nos proches et nos connaissances qui constituent notre entourage. Lisez cette belle poésie de Charles Trenet et dites ce que c'est la patrie pour lui. Est-ce la même chose pour vous ?

Ma patrie

C'est la maison de ma naissance

Qui vit mes premiers pas tremblants...

Варианты ответов студентов²:

La patrie fait partie de la vie de chacun. La patrie peut être considérée comme un pays et une ville où un homme est né et a grandi. Pour moi, ma patrie est mon pays, la Russie, et c'est ma ville natale, Pavlovsk. Bien sûr, chacun a un traitement particulier pour son pays d'origine. Mais je pense que les gens doivent apprécier et respecter la patrie, car c'est le souvenir des exploits de nos compatriotes, de nos parents. C'est grâce au respect et à la mémoire que la Russie est fière des prouesses de nos soldats, des réalisations de nos athlètes, acteurs, artistes, etc. Je crois sincèrement à l'avenir de notre pays, car la mémoire et le respect existent encore en Russie (студент 1-го курса исторического факультета А. Привалов).

Mon pays natal c'est sa riche culture, la nature pittoresque. Mon pays natal ce sont mes parents, mes amis. Mon pays natal me donne de la force. Mon pays natal m'aide a ne pas me sentir seul. Mon pays natal c'est aussi des problèmes le chômage. Pour le rendre prospère il faut améliorer les systèmes éducatifs, améliorer l'état de l'environnement, créer de nouveaux postes d'emploi (студентка 1-го курса экономического факультета К. Фомичева).

Parce que cent quatre-vingt-dix nationalités vivent en Russie. Mon pays natal ce sont mes parents et notre maison. Me donne des racines, j'aime l'endroit où je suis né et les gens dans ma patrie. Aide-moi à me trouver dans ce monde, à comprendre qui je suis pourquoi je suis né dans ce pays. Ce sont aussi des problèmes: politique (veulent réécrire la Constitution), économique (l'un des principaux États miniers ne peut pas payer dignement le travail de son peuple), sociales (peu de choses visent vraiment à améliorer la vie de la population). Pour le rendre prospère. Il y a beaucoup à faire: assurer l'égalité des chances, créer de nouveaux emplois, aider les villages, investir dans la science pour que les jeunes générations ne fuient pas à l'étranger, d'abord aider avec les problèmes de leur peuple, puis aider d'autres États (студент 1-го курса факультета географии, геоэкологии и туризма Д. Русанов).

Серия уроков французского языка, посвященных России, формировала языковую основу для дальнейшей коммуникации и мотивировала к размышлению о Родине: у одних студентов шла корректировка патриотических чувств и ощущений, другие наполнялись чувством гордости, для третьих снижался градус нигилизма, а в целом никто не оставался равнодушным. Французский язык дал возможность студентам раскрыть свои сердца, а преподавателю получить надежду, что с ними могут произойти изменения, как с Бер-

² Письменные работы приводятся в редакции студентов для демонстрации их стремления и желания поделиться мыслями о Родине, о России. Лексико-грамматические ошибки были исправлены в процессе обсуждения.

гом — героем рассказа К. Паустовского «Акварельные краски». В начале рассказа читаем: «Когда при Берге произносили слово “родина”, он усмехался. Он не понимал, что это значит...» (Паустовский, 1989, с. 16), а в конце рассказа: «...любовь к родине сделала его умную, но сухую жизнь теплой, веселой и во сто крат более прекрасной, чем раньше» (Паустовский, 1989, с. 22). Как оказалось, «ясное и радостное чувство родины зрело годами, десятилетиями, но последний толчок дал лесной край, осень, крики журавлей...» (Паустовский, 1989, с. 21). Несколько уроков французского языка о России, Родине, — это небольшой отрезок времени и материала для «получения» готовых граждан-патриотов, но «вода камень точит».

Источники

- Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы // вступ. ст., сост. и примеч. Е. Н. Лебедева. М.: Советская Россия, 1990. С. 42–43.
- Ильинская Л. С.* Латинское наследие в русском языке. Словарь-справочник. М.: Глосса-Пресс, 2003.
- Михайлова С. В.* Моя Родина — Россия: тексты для чтения. М.: Чистые пруды, 2005.
- Пассов Е. И., Антюшина М. О.* Лексика? Нет проблем. Sans mots on n'y va pas: учеб. пособие. М.: Иностранный язык, 2001.
- Паустовский К.* Рассказы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1989.

Jacques Rivettes's vision of the world as circus, and the circus as a world of rebirth

This paper will examine Jacques Rivette's last film, *36 vues du Pic Saint Loup*, through the prism of the circus, which Rivette uses as his "adieu" to cinema. Rivette uses the circus as a metaphor not only for art and writing, but as a cathartic arena for his main character, Kate, who undergoes an inner transformation as a result of her return to the site of an early trauma. Throughout the film, Rivette focuses on one or two circus acts as a commentary on the lost but powerful art form from which he is able to extract an intense poetic vision through his camera lens.

Keywords: screenplay, Jacques Rivette, circus, theatre, Carlo Goldoni.

П. Л. Шульман
Университет Олд Доминион

Жак Риветт: весь мир — это цирк, а цирк — это мир возрождения

В настоящей статье предпринята попытка изучения сценария последнего фильма Жака Риветта «36 видов с пика Сен-Лу» сквозь призму цирка — именно этот образ Риветт использует в качестве прощального жеста в мире искусства. Цирк в этом фильме оказывается не только метафорой искусства вообще, но и ареной катарсиса для главной героини Кейт, которая посредством циркового представления излечивается от юношеской травмы. На протяжении всего фильма Риветт использует сцены цирковых выступлений в качестве комментария к некоей утраченной, но все же чудодейственной форме искусства, которая в объективе его камеры обретает подлинное поэтическое значение.

Ключевые слова: сценарий, Жак Риветт, цирковое искусство, театр, Карло Гольдони.

Introduction

"C'est l'endroit le plus dangereux du monde..." ("It's the most dangerous place in the world") Kate, one of the protagonists of Jacques Rivette's last film, *36 vues du Pic Saint Loup*, declares regarding the circus rings she is contemplating performing in, "...où les yeux s'ouvrent et mes yeux sont ouverts!" ("...where eyes are opened and my eyes are open!") (Paris nous appartient, 1961; Va savoir, 2001; 36 vues..., 2009). As Philippe Petit

has demonstrated in James Marsh's 2008 documentary *Man on a Wire*, the act of the funambule, along with the circus performer, is one that is fraught with danger on the one hand, and lightness of being on the other. At once physical and metaphysical, the circus has always been seen as an enigmatic narrative space (or a horror-filled one in such films as Todd Browning's 1932 film *Freaks* (Freaks, 1932)). For Rivette, whose characters perform in a scarcely attended traveling circus in a small French village in the Languedoc, the circus act can be a cathartic experience for both spectator and performer: "J'ai l'impression d'avoir été opérée," Kate remarks as she speaks about the healing powers of the circus, "Je m'étais habituée à ma maladie, à mon chagrin" ("I feel as though I have been operated on. I got used to my illness, to my suffering.") Throughout the film, Rivette focuses on one or two circus acts as a commentary on the lost but powerful art form from which he is able to extract an intense poetic vision through his camera lens. As in Sylvain Chomet's 2010 animated film *L'illusionniste* (from Jacques Tati's screenplay) about a magician whose act cannot keep up with changing times (*L'illusionniste*, 2010), Rivette brings attention to and revitalizes an art form long considered out of date or, at best, innocuous. As Rivette's circus performer notes, however, "Parfois, rien c'est tout" ("Sometimes, nothing is everything"): What may seem inconsequential and irrelevant for some, is, in Rivette's hands, an urgent, artistic manifesto urging modern filmgoers to indeed "open their eyes" to its many layers of meaning.

The Courtly Circus

Eric Rohmer, commenting on the magic of film, has famously remarked, in regards to the circus as a kindred art form: "The cinema is also the circus, the puppet, the cabaret; at least the great river in which the countless streams of the so called minor arts eventually reach, if not existence proper, then its prolongation, in another world, eternity" [Morrey, Smith, 2010a, p. 84]. Parallel to Rohmer's last film, that came out in 2007 (*Les amours...*, 2007), *Les amours d'Astrée et de Céladon*, which evokes a dreamy 5th-century romance in druidic Gaul, 36 *vues du Pic-Saint Loup* also refers to an ancient tale, the legend of Saint-Loup in which three knights fall in love with the same princess. When the princess's father announces that he will give his daughter away to the knight who finds the most glory or valor, they each go off to Jerusalem to fight for the crusades. When they come back from their exploits, however, the princess has already died and they each become hermits in the nearby mountains that overlook her tomb. Each year, they melancholically light fires on her

birthday. One year, however, only two fires are lit; the next year just one; the year after: none. Afterwards, the three mountains were named for each of the knights: Saint-Loup, Saint-Clair and Saint-Guiral.

Indeed, melancholy, memory and loss are the principle themes of Rivette's tale as well, as Kate mourns the loss of her lover, Antoine, who died 23 years ago during a daring whip act in the ring. After his death, Kate abandoned the circus and went to Paris to work as a designer for textile dyes. When Vittorio, played by Sergio Castellito, the theater director in Rivette's preceding 2001 film *Va savoir*, first meets Kate, she is literally immobilized when her car breaks down on the road. Imitating the gestures of a magician, and with a Jacques Tati-like speechlessness, Vittorio repairs her car and follows her to the circus where he proceeds to incrust himself: First as a spectator (he is the only one who laughs out loud during the clowns' skits), then as a critic (he offers advice to Alexander, aka "Rom" on how to proceed with a sketch); and finally as an actor, as he fills in for another performer at the last minute. Throughout his progression within the troop, however, he is truly the conduit for Kate's emotional healing. He becomes her psycho-analytic knight, who comes to cure her, out of the blue, from her trauma and helps her to move on with her life.

"Vous parlez?" ("You can speak?") Kate first asks Vittorio as he fixes her car in silence. "Oui," he answers, "on est muet quand on roule seul" ("Yes, one is mute when one drives alone"). Similar to the sad Pic-Saint Loup knights, his own solitude mirrors that of the other circus performers and allows him to connect with them empathetically. Moreover, he is extremely courteous as well with all the members of the troop and when he does speak, he speaks with great elegance. At one point towards the end of the film, he asks Kate: "Est-ce que vous trouvez que je suis trop outre-couillardant?" "Quel mot!" she remarks, "Vous parlez plusieurs langues?" ("Do you find me too presumptuous?" he asks "What a word! Do you speak several languages?" Later, she comments: "Vos choix de mots me plaisent tout le temps" ("Your word choices please me all the time"). If Vittorio enjoys an old-fashioned courtly panache that appeals to the circus performers, it is because he understands the language of their artistic mission to keep circus alive as an art form on the one hand, despite the routinely empty seats at each performance; and also to preserve the classical traditions of theater and performance before they disappear forever. Just as Ugo in *Va Savoir* spends his days looking for a long, lost Goldoni play that he would rather perform than sell for a lot of money to auctioneers, Vittorio is spiritually connected to the circus's work. "C'est vous qui avez ri?" ("Are you the one who laughed?") Alexander asks him threateningly after a performance during which Vittorio was the only one laughing boister-

ously at one of the skits. "Merci!" Alexander concludes, "Vous nous avez sauvé l'honneur. Nous, on fait des classiques. Tiens, on est les derniers," ("Thank you! You saved our honor. We are the ones who perform classics. Hey, we are the last ones to do so,") he adds almost as an after-thought.

The Circus of Death

Vittorio, in true chivalric fashion, is bent on "saving" all those who need him as themes of fear, death, and redemption circle the film's narrative as though they were also circus rings. "Il faut la sauver!" ("We have to save her!") he declares to Kate's young niece Clemence regarding her aunt. When she answers, "La sauver de quoi?" ("Save her from what?") he is speechless as he seems to act out of pure intuition throughout the film. Even the skits that are repeated and improvised take place within the circular circus ring which acts as both a containment and a source of emotional release for the different protagonists. The skit which is played as though it were a hybrid between an old vaudeville routine and a Samuel Beckett play, focuses on the line: "Vous avez peur de tenir une assiette?" ("Are you afraid of holding on to a plate?") uttered by a clown holding a revolver. At once absurd and metaphysical, the line suggests the danger involved in entering into the ring, as the plates are perfectly round and ring-like. Moreover, it could also point to archetypal wheels of life, the sun and the moon, or even the old expression about personal imbalance: *Je ne suis pas dans mon assiette*. The first time Kate enters the ring alone upon coming back to the circus after so many years, she speaks to herself in the dark, as she tries to confront her buried pain and her feelings of guilt: "Je ne peux pas," she confesses, "Je ne veux pas confronter ça. J'étais criminel. Ma punition ce n'est pas derrière moi. C'était d'être parti d'ici. Ma punition c'est de revenir. Je n'ai pas pu oublier. Je ne peux pas me souvenir" ("I can't. I don't want to confront that. I was criminal. My punishment is not behind me. It was in my leaving this place. My punishment is in coming back. I was not able to forget. I cannot remember").

Kate's use of the verb "revenir" (to return) of course evokes the word "revenants" (ghosts) that can be found in a great number of Rivette's films. As Marc Chevrie has observed, Rivette's films are filled with "des disparus, des revenants, et des mediums" ("the disappeared ones, ghosts, and mediums") [Chevrie, 1984, p. 20]. "Un film de Rivette," he concludes, "est la recherche de ce qu'il sera" ("A Rivette film is the search for what will be") [Chevrie, 1984, p. 22]. Similarly, Douglas Morrey quotes one of the first critics to write extensively about Rivette, Hélène Frappat describing 1961 film *Paris nous appartient*, right after she had seen it for the first

time in terms of “sa première oeuvre inhabitable, l’énigme me hantait. Je me sentais l’âme d’un détective” (“his first uninhabitable film, the enigma haunted me. I felt as though I had the soul of a detective”) [Morrey, Smith, 2010b, p. 124]. Just as ghosts are said to haunt familiar spaces because of an unresolved trauma or a particularly harsh death that prevents them from moving on to the afterlife, Kate returns to the circus to come to terms not only with her lovers’ death but the death that inhabits her entire being. “Pour trois nuits, je n’ai pas pu dormir,” she explains, “J’ai rêvé que je devais revenir, que c’était la dernière chance pour que je puisse comprendre ce qui s’est passé, pourquoi je suis comme je suis (tout quoi)” (“For three nights, I could not sleep. I dreamt that I had to return, that it was my last chance for me to understand what had happened, why I am what I am [everything in fact]). This is what Vittorio understands when he wants to “save” her by eventually throwing her into the ring again by urging her to perform the very act that her lover performed when he was accidentally killed. “Kate est prisonnière de ce qui est arrivé,” Vittorio confirms, “Ce qu’il lui faut c’est un choc” (“Kate is a prisoner of what happened to her. What she needs is a shock”).

Circus as Shock Therapy

Just as the clowns in the skit try to shock the audience with revolvers and broken plates, Kate must face her worst fears, her worst trauma by entering the very ring where her trauma occurred (in a manner similar to patients who overcome their fear of driving after they experience a car crash by going for a drive or visiting the spot where the crash occurred). This is the only way she can un-block herself and feel free again. When her therapeutical return to the circus is momentarily interrupted by her having to go back to Paris for her job, the images that surround her there are all prison-like and confining. In contrast to the sensual, leafy images of the tiny Languedoc village the circus is in, her Paris office is cold, glassy, white with windy walls and corridors. “Je pense que c’est une fuite,” (“I think it’s an escape”) Vittorio speculates as she is about to leave. Yet, when she is back in Paris she feels crushed and beaten down: “Je veux me doucher, dormir, je suis brisée,” (“I want to take a shower, sleep, I am shattered”) she tells her boss before they have to go to a business dinner. Later, when she leaves her office, she seems to be stuck on the Rue du Rivoli, as she hangs on to the metal gate that surrounds the office. The gates’ shadow in fact projects what looks like prison bars onto her.

When Kate comes back and visits her lover’s grave, she makes a major step towards her final cure and catharsis by literally confronting his death

head on. “Mon père m’a dit je suis morte pour le cirque. Je ne t’ai jamais remplacé. J’avais des rencontres, j’ai voulu vraiment tombé amoureux mais c’est impossible,” (“My father told me that I was dead for the circus. I never replaced you. I had relationships, I really wanted to fall in love, but that was impossible”) she reflects. “Personne n’a rien pu faire,” she continues, “une erreur humaine mais cette erreur, c’est moi qui la paye maintenant. Je la payerai toute ma vie” (“Nobody could have done anything, a human error but that error: I’m on the one who has to pay for it now. I will pay for it for the rest of my life”). Earlier, as she approaches the grave stone, she asks her dead lover: “Je suis là pour m’excuser de ne pas t’avoir rendu visite pour 15 ans” (“I’m here to ask you to forgive for not having visited you for 15 year”). Similar to the Pic-Saint Loup legendary knights who leave for the holy land only to return to find their love dead and buried, Kate comes back well after her lover’s death but, after having lived, like the knights, in an emotional hermit-like existence, she is now ready to crawl back into the light instead of succumbing to the darkness that she had become so used to. That is why when her sister adds that “ça ne sert à rien d’ouvrir des plaies,” Kate affirms: “Mes plaies ne sont jamais fermées” (“there is no reason to open up wounds. My wounds had never been closed”).

Circus as Catharsis

Although Kate’s sister thinks it is a waste of energy to open up old wounds, Vittorio knows, in fact, that one of the most salient features if not to draw of the circus is to provide a “dangerous” setting for those willing to penetrate its world. Indeed, as Kate’s lover’s death proves, there is a palpable danger involved in circus acts. This is what makes lion tamers and tight-rope walkers so appealing to those who enjoy the sensation of flirting with death or watching others perform deaf-dying acts. Yet, what Rivette alludes to is of course the sometimes more dangerous feeling of taking on one’s own demons as Kate is forced to do. As Vittorio announces when he himself goes into the ring: “J’ai compris que cette petite piste, c’est l’endroit le plus dangereux du monde et aussi le lieu où tout est possible” (“I understood that this little stage is the most dangerous one in the world but also the place where anything is possible”). Vittorio understands what Philippe Petit, the funambule who walked across the twin towers in the 1970’s writes: “Homme de l’air, enlumine de ton sang les très riches heures de ton passage parmi nous. Les limites n’existent que dans l’âme de ceux qui sont dépourvus de songes” (“Man of the air, enlighten with your blood the very rich hours of your time amongst us. Limits exist only for those who are without dreams”) [Morrey, Smith, 2010b, p. 119]. While danger-

ous, the frightening circus stunts are actually liberating. This is what Vittorio tries to teach Kate as he encourages her to finally overcome her own limitations. As Paul Auster has suggested regarding Petit's funambulisme:

L'art du funambule n'est pas un art de mort, mais un art de vie — de vie vécue à l'extrême de la vie. C'est à dire une vie qui ne se cache pas de la mort mais la regarde en face. Chaque fois qu'il pose le pied sur le fil, Philippe se saisit de cette vie et la vit dans toute l'exaltation de l'immediat, dans toute sa joie [Petit, 1999, p. 31].

"The art of the funambule is not a dead art but an art filled with life- of life lived on the extremes of life. That is to say a life that does not hide within death but confronts it head on. Each time he puts his feet on the wire, Philippe grasps onto this life and lives it in all the exaltation inherent in the immediate, in all its joy."

Circus as Rebirth

"How is so slight a work so dense yet so light?" the film critic Miriam Bale [Bale, 2010, p. 5] has asked in her review of *36 vues du Pic Saint Loup*. Indeed, while the title of Rivette's film clearly focuses on the legend of Pic Saint-Loup, the number 36 is also revelatory of the mystical, deeper implications of the film's view of the circus. The famous Hokusai series of wood block paintings also revolving around a mountain, "36 Views of Mount Fuji," immediately come to mind, with all their grace and elegant slices of an Edo Period quotidian in Japan which, in some ways are not too dissimilar to Rivette's languorous vision of the Languedoc mountains that surround the circus. Another possible intertext involving the number 36 of the title could be found in Georges Polti's 19th-century theater manual *The Thirty-Six Dramatic Situations* that is still used today among certain dramatists and screenwriters [Polti, 1921]. Polti had delineated 36 elements that all plays had to generate in terms of plots. Among the 36 he identifies are such plot devices as "supplication," "deliverance," "crime," "vengeance," "pursuit," "disaster," "enigma," "abduction," "self-sacrifice for a person..." Indeed, *36 vues du Pic Saint-Loup* could very well contain many of the elements Polti discusses although it is more likely that Polti's book can be seen as a type of a metaphorical manual for Rivette's circus, an old-fashioned relic of how theater was once perceived. As Rivette's films often have allusions or references to the theater, and as he himself has written in *Les Cahiers du Cinéma*:

Tous les films sont sur le theatre: il n'y a pas d'autre sujet... parce que c'est le sujet de la vérité et du mensonge, et qu'il n'y en a pas d'autre au cinéma. C'est

forcément une interrogation sur la vérité, avec des moyens qui sont forcément mensongers. Et de le prendre carrément comme sujet d'un film, c'est de la franchise [Collet, p. 560].

'Every film on theater is about only one subject... because it's the subject of truth and lies, and there is no other in cinema. It has to be a questioning about the truth, with means that are naturally driven by lies. And to make it a blatant subject of a film, well that's what I call being frank.'

Rivette's circus demonstrates, in fact, the use of artifice to get to the heart of the truth — for Kate, if not the film's audience as well.

Nonetheless, there is a third hypothesis regarding Rivette's choice of the number 36 that could also envelope the many layers of death and resurrection, darkness and light that encompass the film. In Jewish Kabbalistic thought, the number 36 (the double of 18 which signifies "life" in Hebrew) corresponds to the number of hours of light created by G-D on the first day of creation. Afterwards, the light was replaced by the light of the sun and the moon. Similarly, there are 36 candles used throughout the festival of lights, Chanukah, that commemorates how candles miraculously continued to burn despite a siege on the temple they were kindled in. If the legend of Pic Saint-Loup points to the dying of the light among the three grief-stricken knights, the final image of 36 Pic Saint-Loup, however, is of the full moon which hangs watchfully between the mountains. When at the end of the film, Kate is able to overcome her trauma as she thanks Vittorio: "Vous me l'avez enlevé [mon chagrin] c'est bizarre. Je me suis sauvé d'Antoine mais en fait c'est lui qui s'est sauvé. Il est parti mais moi peut-être je vais me remettre à vivre," ("You took my suffering away, it's strange. I left Antoine but in fact he is the one who left. He is gone but perhaps I will be able to start living again"), she testifies to the power of the light to be reignited within her. While at the beginning of the film, she complained of restless nights, the calm, circular moon at the end is almost an elevated image of the circus ring, the circular plates in the skits, and the round tents in which the performances are held. The moon seems to corroborate the power of the circus as a healing agent for those who are still alive, for those who think they are dead inside, or even for the heart-broken knights beneath the mountains who yearn for closure and peaceful sleep.

Sources

36 vues du Pic Saint-Loup: [film] / director J. Rivette/ screenplay by J. Rivette, P. Bonitzer, C. Laurent, S. Castellitto, and S. Amitay; music by P. Allio; cinematography by I. Lubtchansky; starring J. Birkin, S. Castellitto, A. Marcon; produced by Les Films du Losange, 2009.

- Freake: [film] / director T. Browning; screenplay by W. Goldbeck and L. Gordon; cinematography M. Gerstad; starring W. Ford, L. Hyams, O. Baclanova; produced by MGM, 1932.
- Les amours d'Astrée et de Céladon: [film] / director E. Rohmer; written by Honoré d'Urfé and adapted by E. Rohmer; music by J. L. Valero; cinematography by D. Baratier; starring A. Gillet, S. Crayencourt, C. Cassel; produced by Rézo Films, 2007.
- L'illusionniste: [film] / director S. Chomet; screenplay S. Chomet and J. Tati; music by S. Chomet; art direction by B. Hansen; starring J. C. Donda, E. Rankin, D. Macneil; produced by Pathé, Django Films, 2010.
- Man on a Wire: [film] / director J. Marsh; written by P. Petit; music by M. Nyman and J. Ralph; cinematography by I. Martinovic; starring P. Petit; J. F. Heckel; J. L. Blondeau; produced by Discovery Films; BBC Storyville, 2008.
- Paris nous appartient: [film] / director J. Rivette; screenplay by J. Rivette and J. Gruault; music by P. Arthuys; Cinematography by C. Bitsch; starring B. Schneider, G. Esposito, F. Prévost; produced by Ajym Films; Les Films du Carrosse, 1961.
- Va savoir: [film] / director J. Rivette; screenplay by J. Rivette, P. Bonitzer, C. Laurent; cinematography by W. Lubchansky; starring J. Balibar, M. Basler, H. de Fourgerolles; produced by Les Films du Losange, 2001.

References

- Auster P. Préface // *Traité du funambulisme*. Arles: Actes Sud, 1999. P. 13–31.
- Bale M. Review of *Around a Small Mountain* — Jacques Rivette // *Film Comment*. 2010. July-August. P. 5–7.
- Chevrie M. Jacques Rivette: La ligne et l'aventure // *Cahiers du cinéma*. 1984. № 364 (October). P. 19–24.
- Collet J. Jacques Rivette: L'obsession du théâtre et le mystère du cinema // *Société des Editions de Revue*. № 969. P. 330, 554–564.
- Morrey D., Smith A. Jacques Rivette. Manchester, UK: University of Manchester Press, 2010a.
- Morrey D., Smith A. *Secrets and Lies, Or How not to Write About Jacques Rivette* // *Australian Journal of French Studies*. 2010b (May-August). No. 47 (2). P. 121–221.
- Petit P. *Traité du funambulisme*. Arles: Actes Sud, 1999.
- Polti G. *The Thirty- Six Dramatic Situations*. Franklin, Ohio: James Knapp Reeve, 1921.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 37.022

К. Н. Антонова
СПбГЭУ

Н. С. Тырхеева
СПбГУ

Формирующее оценивание навыков критического мышления в контексте дистанционного обучения чтению профессионально-ориентированных текстов на иностранном языке

В работе рассматривается проблема оценивания с точки зрения его формирующей и суммирующей функций, уточняются определения понятий «формирующее» и «суммирующее» оценивание, дается краткий экскурс в историю вопроса, рассматривается роль формирующего оценивания в условиях дистанционного обучения в целом и применительно к профессионально-ориентированному обучению иностранным языкам в частности. Особый акцент делается на пересмотре модели оценивания в связи с введением новой редакции ФГОС, применение формирующего оценивания иллюстрируется на примере оценивания сформированности навыков критического мышления в условиях дистанционного обучения чтению профессионально-ориентированных текстов на иностранном языке. Разработана модель дескрипторов для оценивания сформированности навыков критического мышления в чтении. Сделаны выводы об эффективности применения формирующего оценивания для развития личности чтеца в условиях дистанционного обучения.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, дистанционное обучение, обучение чтению, универсальные и профессиональные компетенции, критическое мышление.

K. N. Antonova, N. S. Tyrkheeva

Formative assessment of critical thinking skills in distance learning (for reading professionally oriented texts in foreign languages).

The paper considers the problem of assessment in terms of its formative and summative functions, clarifies the definitions of the concepts of “formative” and

“summative” assessment, gives a brief digression into the history of the issue, considers the role of formative assessment in the context of distance learning, in general, and in relation to professionally-oriented teaching of foreign languages, in particular. Special emphasis is placed on the revision of the assessment model in connection with the introduction of a new version of the Federal State Educational Standard, the use of formative assessment is illustrated by the example formative assessment of critical thinking skills in distance teaching how to read professionally-oriented texts in foreign languages. A model of descriptors for assessment of critical thinking skills in reading has been developed. Conclusions are made about the effectiveness of formative assessment for the development of the reader’s personality in the framework of distance learning.

Keywords: professional-oriented learning, distance learning, reading training, universal and professional competencies, critical thinking.

В условиях санитарно-эпидемиологического кризиса 2020 г., когда все мировое сообщество было не способно участвовать в традиционном образовательном процессе, система образования была вынуждена глобально и повсеместно перейти на новый формат обучения — дистанционный. Это был большой педагогический эксперимент и в то же время вызов для современного образования: отсутствие контактной работы и прямого взаимодействия между преподавателем и обучаемым выдвинули на первый план ранее мало использовавшиеся в рамках классического образования формы дистанционного обучения.

Традиционно считается, что дистанционное обучение обладает высокой привлекательностью, поскольку обеспечивает доступность образования тем, кто не может по каким-либо причинам участвовать в традиционном образовательном процессе. Общими характеристиками дистанционного обучения (e-learning) выступают: разделенность обучаемого и обучающегося в пространстве, коммуникация, опосредованная информационно-коммуникативными техническими средствами обучения, высокая доля самостоятельного обучения и самоконтроля со стороны студентов.

В условиях вынужденного и массового перехода к дистанционным формам работы научно-педагогическое сообщество столкнулось с целым комплексом проблем, в числе которых можно выделить три основных аспекта: технологический, методический и психологический. Технологический аспект, широко освещенный в методической литературе, связан с подготовкой преподавателя к работе с информационно-коммуникационными технологиями, оценкой его готовности использовать новейшие педагогические и информа-

ционные технологии в учебном процессе. Психологический аспект отражает изменения и со стороны преподавателя (минимизацию авторитарного стиля преподавания и прямого контроля, а также отсутствие визуального контакта с обучаемыми), и со стороны обучаемого (увеличение доли самостоятельной работы и, как следствие, рост ответственности за свой образовательный маршрут и подготовку к самообразованию).

Методический аспект ставит вопрос, как построить учебный процесс в новых условиях без снижения качества образования. Очевидно, что дистанционное образование требует особого методического сопровождения. Как показала практика, прямой перенос контактной формы обучения в дистанционную не может быть эффективным: наработанные традиционные формы оценивания сформированности языковых коммуникативных компетенций по всем уровням образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура), как правило, характеризующиеся доминированием синхронного контактного вида контроля, не могли быть реализованы с тем же успехом в измененных условиях. Таким образом, встал вопрос о поиске эффективных методов оценивания в условиях дистанционного формата обучения.

Сегодня перед системой высшего профессионального образования в соответствии с ФГОС 3+++ стоят задачи формирования профессиональных и специальных компетенций, обеспечивающих включение студента в деятельность, «по содержанию и условиям осуществления моделирующую его будущую профессиональную деятельность» [Шестакова, 2011, с. 226]. А. В. Хуторской обосновал, что компетентность — это «интегрированное личностное качество, объединяющее в себе личностные качества, способы деятельности, включая ценностно-смысловое отношение к ним, которые требуются студенту для квалифицированных действий в обозначенной профессиональной сфере» [Хуторской, 2020, с. 9].

По мнению Г. И. Ибрагимова и Е. М. Ибрагимовой, одной из наиболее важных является проблема контроля и оценки сформированности компетенций обучающихся. Авторы указывают на подмену объекта оценивания: вместо оценивания компетенций объектом оценивания по-прежнему являются знания, умения и навыки. «В результате возникает ситуация, когда проектируемая система высшего образования ориентирована на формирование у обучающихся компетенций, а в реальном процессе формируются и на выходе фактически диагностируются традиционные знания, умения и навыки» [Ибрагимов, Ибрагимова, 2016, с. 43]. Новый подход к оцениванию

должен ориентироваться на многокомпонентный характер компетентности, которая, выступая как объект оценивания, представляет собой «результат образовательного процесса, включая в себя не только когнитивную и операционно-техническую составляющую, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую» [Бубнова, 2018, с.9–10]. Можно говорить о том, что психолого-педагогические технологии оценивания ключевых конструкторов компетентностного подхода в профессионально-ориентированном образовательном процессе только начинают разрабатываться посредством опытно-поисковых исследований, особенно применительно к новым условиям обучения и смешанному формату обучения. В этой связи представляется перспективным внедрение опыта западноевропейских лингводидактов по так называемому *formative*, или формирующему оцениванию.

В рамках данной статьи авторы поставили следующие исследовательские задачи: 1) провести обзор научной литературы по проблематике формирующего оценивания; 2) разработать принципы формирующего оценивания навыков критического осмысления прочитанного в рамках дистанционного формата обучения для уровней бакалавриата (A1–B1+), магистратуры (B1–B2), аспирантуры (C1–C2); 3) разработать модель описания дескрипторов, позволяющих произвести формирующее оценивание в соответствии разработанными принципами.

Классификация оценивания с разделением на *summative* (суммарное) и *formative* (формирующее) была впервые предложена в 1971 г. Б.С.Блумом и соавторами. Под суммарным оцениванием исследователи понимают особый тип оценивания, применяемый в конце семестра, курса или программы и направленный на определение уровня, степени, или измерения эффективности учебного плана, курса. Основная характеристика данного типа оценивания состоит в вынесении суждения об эффективности работы студента и/или преподавателя, либо учебного курса с акцентом на постобразовательный результат. С психологической точки зрения суммарное оценивание связано с высокой степенью тревожности и защитных механизмов со стороны обучаемого и обучающего [Bloom et al., 1971, p. 117]. Те же авторы определили формирующее оценивание как систематическое оценивание учебного процесса с целью улучшения результатов обучения и учения путем систематического оценивания, поиска наиболее оптимальных методов обучения / учения за счет уменьшения негативного воздействия самой процедуры оценивания [Bloom et al., 1971, p. 118].

Исследователи П.Дж.Блэк и Д.Вильям, анализируя средства формирующего оценивания, подчеркивают их широкий диапазон: от традиционных тестов до простого наблюдения, устного опроса, групповой дискуссии, подготовки проектов, портфолио, самопроверки и других [Black, Wiliam, 1998, p. 31–41].

Таким образом, основное различие формирующего оценивания (assessment for learning) от суммарного оценивания (assessment of learning) состоит в перспективной направленности первого и ретроспективной направленности второго.

Л.А.Шепард выделяет десять характеристик формирующего оценивания: 1) оно требует от студентов ответственности за процесс обучения; 2) прямо сообщает о целях обучения; 3) ставит акцент на целях, которые представляют ценные образовательные результаты с учетом контекста обучения; 4) оценивает знания/навыки студентов и определяет дальнейший образовательный маршрут для достижения поставленных целей; 5) требует разработки плана для достижения целей; 6) способствует развитию самоконтроля для достижения целей; 7) основывается на образовательных целях, при необходимости разделенных на специфические критерии или рубрики при оценке работы студента; 8) предусматривает регулярные контрольные мероприятия с применением технологий взаимо- и самопроверки студентами; 9) использует обратную связь, которая нацелена не на оценку, а на стимулирование студента на повторение учебного материала и улучшение результата; 10) способствует метапознанию и рефлексии студентами учебного процесса и его результатов [Shepard, 2006, p. 624–646].

Важно отметить, что в отличие от суммарного оценивания, которое подразумевает разделение обучаемого и обучающего в зависимости от задач оценивания (например, ЕГЭ определяет уровень знаний выпускника школы по дисциплине вне зависимости от профессиональных компетенций учителя-предметника), формирующее оценивание тесно связано с образовательным контекстом и образовательной средой. Гибкость формирующего оценивания позволяет говорить о его новых формах в условиях дистанционного обучения.

Рассмотрение формирующего оценивания в рамках дистанционного обучения обуславливает изменение векторов, а именно усиление самостоятельной работы и ответственности студентов за результаты обучения, так как именно формирующее оценивание позволяет оценить процесс обучения в образовательной цифровой среде с учетом возможности выстраивания личного, индивидуального маршрута образования/самообразования.

Главной особенностью формирующего оценивания является регулярная не оценивающая, а корректирующая обратная связь: результаты контрольного мероприятия, как показатель успеваемости учащихся, извлекаются, интерпретируются и приводят к действию, которое приводит к оптимизации (улучшению) процесса обучения.

Кроме того, методический потенциал формирующего оценивания в полной мере реализуется в рамках рассмотрения непрерывности образования: именно формирующее оценивание поможет преподавателю и студенту сформировать эффективную траекторию и сгладить неровности, обусловленные разными образовательными маршрутами обучаемых при переходе от одной ступени на другую в системе высшего образования (от бакалавриата до аспирантуры).

В рамках данного исследования технология формирующего оценивания в образовании — «учись учиться» — направлена на формирование навыков критического мышления в процессе чтения профессионально-ориентированных текстов.

Чтение — основной фактор профессионального роста, особенно в современном мире, в котором осведомленность и умение анализировать большой объем информации являются преимуществом специалиста. Важность чтения подчеркивается также тем фактом, что в 2017 г. список Общеευропейских компетенций владения иностранным языком был дополнен новым видом чтения — досуговым (Reading as a leisure activity, A1–C2), что еще раз подчеркивает идею о необходимости развития навыков опытного чтеца на протяжении всей жизни. Применительно к профессионально-ориентированным текстам приоритетным становится навык критического мышления. Согласно определению Д. Халперн, критическое мышление — это «система суждений, которая используется для анализа вещей и событий с формулированием обоснованных выводов и позволяет выносить обоснованные оценки, интерпретации, а также корректно применять полученные результаты к ситуациям и проблемам» [Халперн, 2000, с. 3].

В нашей работе под навыками критического мышления применительно к чтению профессионально-ориентированных текстов мы понимаем умение критически осмыслить, оценить, интерпретировать прочитанное и применить полученные результаты для решения поставленной задачи.

Система формирующегося оценивания навыков критического мышления в чтении будет исходить из того, что эти навыки:

- выступают высшей ступенью развития навыков чтения;
- являются основой формирования личности чтеца, что в профессиональной жизни означает умение учиться всю жизнь;
- приобретают особую актуальность в условиях информационного бума, характеризующегося резким ростом информационной насыщенности;
- носят индивидуальный характер — это значит, что читатель интерпретирует идеи автора, руководствуясь своей критической точкой зрения;
- формируются последовательно, постепенно, базируются на других видах чтения (поисковом, ознакомительном, изучающем) и коррелируют с уровнем владения языком от A1 до C2.

Одной из проблем формирующего оценивания навыков критического мышления является определение дескрипторов, соответствующих каждому уровню сформированности компетенции. Предлагаем модель описания дескрипторов сформированности критических навыков чтения на примере навыка фокусирования (определение проблем, выделение целей):

Уровень A1: я могу определить общую тему в простых художественных текстах, письмах личного характера и текстах повседневного общения (рекламах, проспектах, расписаниях и т. д.);

Уровень A2: я могу определить и сформулировать тему и проблему несложных текстов художественной литературы и статей, исходя из описаний событий, чувств, намерений действующих лиц;

Уровень B1: я могу определить и сформулировать тему и проблему газетной статьи и сообщения по современной проблематике, авторы которых занимают особую позицию или высказывают особую точку зрения.

Уровень B2: я могу определить, какие цели поставил автор, на какую читательскую аудиторию рассчитана статья, часть научного труда;

Уровень C1: я могу определить тему, проблему, цели автора сложных сложных нехудожественных и художественных текстов, исходя из их стилистических особенностей в том числе.

Нами предложена модель дескрипторов для описания сформированности навыков критического мышления на примере навыка, условно названного нами навыком фокусирования (определения проблем, выделения целей), которую можно использовать в качестве базовой при описании и других навыков, таких как навык

эффективного поиска в различных англоязычных источниках и организации необходимой информации (выявление сходств и различий, классификация, представление новой информации); навык анализа (определение основных идей и понятий, причинно-следственных связей, установление иерархии, идентификация ошибок); навык генерирования (суммирование идей, предсказывание, поиск деталей, иллюстрация примерами); навык интегрирования (комбинирования информации, ее реконструкции); навык оценки полученной информации.

Таким образом, принимая во внимание особые условия и иное целеполагание в системе дистанционного и смешанного обучения по сравнению с традиционной моделью, считаем, что формирующее оценивание должно преобладать над суммарным оцениванием ввиду многогранности его психологического и методического потенциала.

Литература

- Бубнова Г.И. Оценивание иноязычной коммуникативной компетенции. Французский язык. 2-е изд. М.: Флинта, 2018.
- Ибрагимов Г.И., Ибрагимова Е.М. Оценивание компетенций: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2016. № 1 (197). С. 43–52.
- Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.
- Хуторской А.В. Структура и содержание компетентностного учебника вуза // Высшее образования сегодня. 2020. № 1. С. 8–13.
- Шестакова Л.Г. Формирование профессиональных компетенций будущего учителя математики средствами методических дисциплин // Инновации в системе высшего образования: материалы II Всероссийской научно-методической конференции, Челябинск, 28 февраля 2011 года / отв. ред. Е.П. Александров; редколл.: И.А. Фатеева, Г.И. Ладощина, С.Б. Синецкий, Л.А. Иванова. Челябинск: Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладощина, 2011. С. 226–229.
- Black P J., Wiliam D. Assessment and classroom learning // Assessment in Education: Principles, Policy, and Practice. 1998. No. 5(1). P. 7–73.
- Bloom B. S., Hastings J. T., Madaus G. Handbook on formative and summative evaluation of student learning. New York: McGraw-Hill, 1971.
- Shepard L. A. (2006). Classroom assessment // Educational measurement. 4th ed. / ed. by R. Brennan. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 624–646.

П. А. Васильева, В. Ю. Голубев,
И. И. Ибрагимов, С. Ю. Рубцова
СПбГУ

Формирование экологической культуры студентов вузов как важный аспект современной коммуникации

В статье рассматривается вопрос о важности формирования экологического сознания студентов-журналистов на английском языке в рамках учебной дисциплины «Английский язык» посредством использования метода проектов. В статье приводятся примеры студенческих работ по выполнению творческого проектного задания «Trash to Treasure» и предлагается алгоритм методической работы по обучению английскому языку для специальных целей с применением метода проектов. Авторы анализируют результаты проведенного экспериментального обучения и данные пилотного социологического опроса студентов института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о достаточно низком уровне сформированности экологического сознания студентов.

Ключевые слова: экологическая культура, экологическое сознание, метод проектов, английский для специальных целей, экомод.

P. A. Vasileva, V. Yu. Golubev,
I. I. Ibragimov, S. Yu. Rubtsova

Shaping environmental consciousness of students as a key factor for communication

This paper discusses the importance of the formation of environmental perception of journalism students in English within the academic course English through the use of project-based learning. It provides examples of student work as part of the creative project, *Trash to Treasure*. It proposes a methodological algorithm for teaching English for special purposes using project-based learning. The authors analyze the results of the experimental training and the data of a pilot sociological survey of students of the School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg University. The study found a rather low level of the students' environmental consciousness.

Keywords: ecological culture, ecological awareness, project-based learning, English for Specific Purposes English for Specific Purposes sustainable fashion.

Проблемы экологии последних двух десятилетий получили стремительное развитие и общественный резонанс, имеющий транснациональное значение. В сентябре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН выпустила резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», направленную на «принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями»¹.

Для мирового сообщества становится очевидным, что предотвращение изменения климата на планете не может ограничиваться принятием мер экономического или научно-технического характера. В сентябре 2019 г. выступление шведской школьницы Греты Тумберг на очередной сессии ООН в Нью-Йорке имело ошеломительный успех. В своем эмоциональном выступлении девочка резко критиковала правительства ведущих стран мира за равнодушное отношение к изменению климата на планете и бездействие по предотвращению экологического кризиса. В научном и образовательном сообществе все больше появляется публикаций на тему формирования экологической культуры населения и о том, каким образом можно повысить экологическую сознательность подрастающего поколения.

Важно подчеркнуть, что в последнее десятилетие российская система школьного образования стала предпринимать шаги в сторону ее экологизации, включая тему «Орана окружающей среды» в учебную программу начальной школы. Университеты также должны стремиться к созданию экологической воспитывающей атмосферы среди студенческой молодежи, способствующей формированию экологической сознательности студентов, поскольку, по справедливому замечанию Т.Х.Габитова, С.М.Каупенбаевой, «для какой бы деятельности ни готовился специалист, он должен обладать экологической этикой и экологической культурой» [Габитов, Каупенбаева, 2013, с.56].

Формирование экологической культуры молодого поколения предполагает реализацию принципов преемственности, интегративности, междисциплинарности и проблемности обучения.

Отвечая глобальным мировым вызовам, СПбГУ старается модернизировать свою научную, учебную и хозяйственную деятельность, внедряя технологии рационального природопользования. С 2015 г. университет внедряет экологическую политику «Green Campus», которая должна стать гарантом устойчивого экологически

¹ Резолюция ООН 2015. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. С. 17. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 28.09.2019).

ориентированного развития СПбГУ. Радостно отметить, что в сентябре 2020 г. СПбГУ был признан абсолютным лидером среди вузов России по раздельному сбору электроники. Из достаточно длинного перечня основных принципов экологической политики СПбГУ хотелось бы выделить следующие два принципа, которые отвечают задачам нашего исследования:

- системный подход в формировании образовательных курсов, проведении научных исследований, решении текущих и перспективных задач университета;
- реализация междисциплинарных и международных проектов, направленных на изучение взаимоотношений в системе «природа — общество — человек»².

Как мы видим, руководство СПбГУ подчеркивает междисциплинарный характер проводимой экологической политики, которая должна находить отражение в учебных планах и дисциплинах по всем направлениям подготовки молодых кадров.

В данной статье мы хотели бы остановиться на рассмотрении формирования экологической культуры студентов-журналистов посредством использования метода проектов на английском языке в рамках дисциплины «Английский язык». Студенческие проекты являлись в данном случае частью реализации компонента English for Specific Purposes (ESP) учебного курса. В современной методической литературе наряду с ESP используется еще и термин Content and Language Integrated Learning (CLIL), который часто употребляется в качестве синонима ранее использовавшемуся ESP. Как считают отечественные специалисты, иностранный язык при таком обучении выступает инструментом изучения содержания предмета [Ибрагимов и др., 2019, с. 66], в данном случае — изучения проблем окружающей среды.

Возвращаясь к проведенному экспериментальному обучению с целью формирования экологической сознательности студентов, хотелось бы отметить, что последующий анализ полученных результатов был основан на социологическом опросе участников с целью определения уровня сформированности экологической культуры студентов, обучающихся по направлениям «Журналистика» и «Международная журналистика» в институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ.

² Экологическая политика СПбГУ. 08.10.2015. URL: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/ekologicheskaya-politika-spbgu/> (дата обращения: 07.11.2020).

Прежде чем перейти к описанию нашего экспериментального обучения с использованием метода проектов, хотелось бы подчеркнуть важность СМИ в формировании экологической культуры населения. Относительно недавно, после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г., появилось новое направление в журналистике — экожурналистика, направленное на освещение проблем экологического кризиса и повышение экологической сознательности и осведомленности читателей. Для большинства наших соотечественников СМИ являются главным источником информации об экологических проблемах, поэтому экожурналистику можно считать эффективным образовательным и просветительским инструментом в области рационального природопользования. Неоспорим тот факт, что «СМИ воздействуют на глубоко заложенную эмоциональную приверженность аудитории своим интересам» [Голубев, 2017, с.166]. Однако экологические вопросы не привлекают должного внимания у молодых медиаспециалистов. Вероятно, это связано с определенными сложностями усвоения материала, так как эта тематика содержит достаточно большое количество научных терминов и понятий. По оценке некоторых отечественных исследователей [Vasilev et al., 2019, p. 416], российские СМИ недостаточно освещают проблему глобального потепления и внедрения современных технологий, способствующих уменьшению выбросов CO₂ в атмосферу.

В 2018/19 учебном году нами проводилось экспериментальное обучение на английском языке в рамках дисциплины «Английский язык» по формированию экологической культуры студентов-журналистов через экомиксы. Безусловно, научные или образовательные комиксы являются облегченным образовательным подходом с элементом игры для усвоения научных понятий неспециалистами, в частности студентами-журналистами. В качестве итоговой творческой самостоятельной работы по теме «Environmental Protection» студентам-журналистам было предложено выполнение творческого проекта на английском языке «Public Environmental Awareness Through Comics». Студенты неплохо справились с поставленной задачей и подготовили яркие и занимательные экомиксы, выполненные в разных жанрах. Они постарались выразить на английском языке свою причастность к глобальному потеплению и последствиям техногенных катастроф. Подробно результаты проведенного экспериментального обучения были представлены в наших более ранних публикациях [Васильева, 2019; Васильева и др., 2019; Vasileva, Golubev, 2019].

Хотелось бы заметить, что после выполнения творческого экологического проекта студентам было предложено принять уча-

ствие в социологическом опросе, и результаты этого опроса были отнюдь не утешительными. Так, например, 29 % респондентов ответили, что проблему изменения климата на планете важной для себя не считают.

Анализ проведенного пилотного социологического опроса для определения уровня сформированности экологической культуры студентов [Васильева и др., 2019, с. 324–325] подтолкнул нас к дальнейшей экспериментальной работе на занятиях по английскому языку. Мы решили предложить студентам изучение темы «Охрана окружающей среды» на английском языке через выполнение новой творческой проектной работы «Trash to Treasure».

Учитывая предыдущий опыт работы с эко-комиксами, мы отказались от чтения научно-популярных текстов и просмотра видеороликов на канале YouTube, связанных с научным объяснением причин глобального потепления и принятия эффективных мер по его противодействию. Видимо, научно-популярный стиль изложения, насыщенный специальной терминологической лексикой, достаточно сложен для восприятия студентами-журналистами, сталкивающимися с трудностями при обсуждении проблем экологии и причин изменения климата даже на родном языке.

Творческая проектная работа «Trash to Treasure» основывалась на потребительской культуре студентов и их отношении к моде. Как показала практика, этот подход оказался ближе студентам для восприятия на английском языке. Отметим тот факт, что текстильная промышленность стоит на втором месте после нефтяной по степени загрязнения окружающей среды. Экспериментальный процесс обучения с применением метода проектов базировался на тех же этапах, что и в случае с экокомиксами: 1) учебно-ознакомительном; 2) аналитическом; 3) деятельностном; 4) оценочно-результативном.

На первом этапе студенты читали аутентичные журнальные статьи об ужасающих последствиях социально-экономического явления *fast fashion*, доминирующего в течение последних двух десятилетий, — о разрушительном воздействии текстильной промышленности на природу и целом ряде связанных с явлением социальных проблем, таких как *human rights violations (unlivable wages, modern slavery, gender discrimination, hazardous work conditions)*. На данном этапе уделялось внимание толкованию и переводу на русский язык специальных и общих терминов, которые вызывают у студентов затруднения, например: *sustainable development* и *sustainable fashion, manmade disasters, fossil fuels, wastewater treatment* и т.п. Некоторые отечественные исследователи относят сложение именных основ

с суффиксацией и сложение глагольной и адverbиальной основ к наиболее продуктивным моделям терминообразования [Вревская и др., 2020, с. 41].

На учебно-ознакомительном этапе студенты также просматривали видеоролики с канала YouTube об экомоды (*sustainable fashion*) и о негативном влиянии неразумной потребительской культуры XXI в. на окружающую среду. Например, одним из эффективных методов противодействия пагубному влиянию *fast fashion* и *mass market* является модное течение *upcycling*, которое становится все более популярным среди молодежи. Данный метод переработки направлен на продление срока службы старым вещам через приобретение ими нового применения.

На аналитическом этапе студентам предлагалось обсуждение в малых группах таких проблем, как «The Rate of Fashion Consumption», «Chemical Use in Fashion Production», «Water Waste and Water Pollution», «Textile Waste». Многие студенты остались под большим впечатлением от полученной информации. Так, например, по оценкам специалистов только 1 % текстильной продукции подлежит переработке. Современное течение экомоды *upcycling* не оставило равнодушными многих из студентов, которые с большим воодушевлением отнеслись к выполнению проекта «Trash to Treasure». В своих работах они продемонстрировали свой личный вклад в распространение идеи экологической сознательности в молодежной среде. Многие студенты в своих проектах сделали акцент на винтажных вещах, на декоративных деталях интерьера, аксессуарах для дачи, а также детских игрушках или поделках. Приведем несколько примеров студенческих работ (рис. 1–3).

Как мы видим, студенты в своих работах не останавливались только на идее продвижения экомоды. Они попытались выразить свою сопричастность к общей концепции «Green Consumerism», делая акцент на формировании экологической культуры населения через потребительскую культуру «Zero Waste», в основе которой лежат четыре основных принципа: 1) *refuse*; 2) *reduce*; 3) *reuse*; 4) *recycle*.

Метод проектов позволяет: 1) задействовать разнообразные формы групповой деятельности; 2) использовать студенческие работы в качестве итоговой формы контроля; 3) задействовать всех студентов группы в различных формах коллективной деятельности; 4) выработать у обучающихся умение самостоятельно принимать решения; 5) развивать в студентах навыки творческого подхода при выполнении проектной и самостоятельной работы [Васильева, Васильев, 2017, с. 92].

Рис. 1. Модный принт на старой одежде. Фрагмент студенческой работы. Из личного архива П. А. Васильевой

Ideas for print

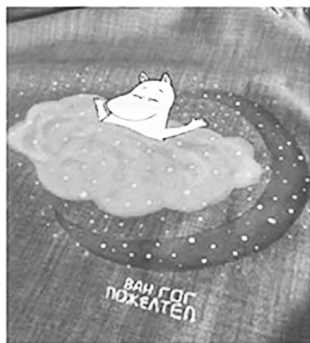

Рис. 2. Сумки для покупок с модным принтом своими руками. Фрагмент студенческой работы. Из личного архива П. А. Васильевой

Рис. 3. Кашпо для дачи своими руками. Фрагмент студенческой работы. Из личного архива П. А. Васильевой

Некоторые зарубежные авторы выделяют такие важные характеристики проектной работы, как: 1) усиление мотивации к обучению; 2) постановка важных целей обучения; 3) побуждение к дальнейшему обучению и самообучению [Nanni, Pusey, 2020, p. 150]. Несомненно, выделенные особенности метода проектов способствуют более успешному освоению ESP в рамках университетской программы.

Наше экспериментальное обучение с применением метода учебных проектов проводилось в весеннем семестре 2019/20 учебного года в двух группах первого курса студентов-журналистов. Через полгода, в октябре 2020 г., нами был проведен пилотный социологический опрос с целью выявления сформированности экологической культуры студентов-журналистов на примере восприятия ими принципов экомоды и экопотребления. Опросник состоял из 11 вопросов, таких как: тщательно ли они обдумывают свой гардероб и планируют покупки новых модных вещей; насколько они согласны с утверждением, что ношение хорошей модной одежды свидетельствует о высоком уровне жизни, заставляет ли мода (и производители модных брендов) потребителей тратить больше денег на покупку новой модной одежды; интересуются ли они при покупке новой одежды, где она была произведена и что делают производители, чтобы минимизировать пагубное воздействие на природу; интересно ли им узнать, что делают производители модных брендов для защиты социальных прав рабочих на швейных производствах; насколько они обеспокоены охраной окружающей среды, ее загрязнением и отходами текстильного производства при покупке новой модной одежды и т. д.

Мы получили достаточно противоречивые ответы респондентов, по которым сложно составить точную картину о сформированности экологической сознательности студентов-журналистов. Например, 41,2 % респондентов ответили, что они достаточно равнодушны к моде в целом и только около трети опрошенных тщательно подбирают свой гардероб и планируют покупку новых вещей. При этом 64,7 % студентов считают, что ношение модной брендовой одежды свидетельствует о высоком уровне жизни и лишь 12 % не согласны с таким утверждением.

Более удивителен тот факт, что 41 % опрошенных не находят, что производители брендовой одежды заставляют потребителей больше тратить денег на одежду, а 35 % студентов абсолютно равнодушны к агрессивной политике mass market, побуждающей покупать больше и чаще. При этом радостно отметить, что только 12 % респондентов никак не заинтересованы в экополитике производителей модных брендов, большая часть опрошенных проявляет к ней интерес.

Что касается вопросов социального неравенства и незащищенности рабочих на фабриках в странах-производителях модных брендов, то 41 % студентов ответили, что они заинтересованы в получении такой информации. Это достаточно высокий показатель, так как на занятиях по английскому языку мы много уделяли внимания обсуждению этого вопроса, смотрели документальный фильм о трагедии «Rana Plaza» в Бангладеш в 2013 г., студенты делали доклады на темы гендерной дискриминации и защиты прав женщин.

Однако большая часть респондентов не проявляет сильную личную обеспокоенность в вопросах охраны окружающей среды по отношению к деятельности текстильной промышленности. Но при этом 82,4 % опрошенных считают, что производители модной одежды должны предпринимать действия по сокращению пагубного воздействия на окружающую среду.

В заключение хотелось бы отметить, что проведенное исследование не является полностью законченным и в области формирования и развития экологической культуры студенческой молодежи существует необходимость продолжения работы совместными усилиями высших учебных заведений, семьи и общества в целом.

Литература

- Васильева П. А., Васильев Ю. Н.* Использование технологии case-study для повышения довузовского обучения иностранных студентов в российском техническом вузе // Современные образовательные технологии в преподавании естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Сборник научных трудов IV Междунар. науч.-метод. конф., 11–12 апреля 2017 г. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017. С. 496–501.
- Васильева П. А.* Использование экономиксов на английском языке как образовательного инструмента для формирования экологической культуры студентов журналистов // Шатиловские чтения. Концептуальная образовательная парадигма в контексте глобализации: инноватика в иноязычном образовании. Сборник научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 188–195.
- Васильева П. А., Васильев Ю. Н., Голубев В. Ю.* Исследование сформированности экологической культуры студентов вузов Санкт-Петербурга // Сборник статей VII Междунар. науч.-метод. конф. «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе». СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2019. С. 322–326.
- Габитов Т. Х., Каупенбаева С. М.* Роль социальных институтов в формировании экологической культуры индивида // Вестник КазНУ. Сер. Философия, культурология, политология. 2013. № 1 (42). С. 55–61.

- Голубев В. Ю. Эмоции и разум в освещении международных конфликтов в средствах массовой информации США и России: разграничение журналистики и пропаганды // Медиалингвистика. 2017. № 6. С. 164–166.
- Вревская Е. В., Доброва Т. Е., Рубцова С. Ю. Анализ терминов делового английского языка. Морфологические и семантические способы пополнения терминологии // Сборник статей междунар. науч.-практ. конф. «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования». СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2020. С. 41–51.
- Ибрагимов И. И., Лисаченко Д. А., Богданова А. Г. Перспективы CLIL в варианте полной интеграции языка и предмета // Сборник статей XXIX Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 65–69.
- Vasilev Y., Vasileva P., Tsvetkova A. International review of public perception of CCS-technologies // 19th International multidisciplinary scientific geoconference SGEM 2019. 30 June — 6 July, 2019. Ecology, economics, education and legislation. Vol. 19, iss. 5.1. Albena, Bulgaria, 2019. P. 415–422.
- Vasileva P., Golubev V. Eco-comics as an educational tool for teaching environmental journalism and ESP // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2019. Vol. 7, no. 4. P. 431–442. URL: <http://espeap.junis.ni.ac.rs/index.php/espeap/issue/view/23> (дата обращения: 19.09.2020).
- Nanni A., Pusey K. Leveraging students' digital literacy through project based learning // The Asian EFL Journal. 2020. Vol. 24, iss. 1. P. 141–164. URL: https://www.academia.edu/42040637/Leveraging_Students_Digital_Literacy_through_Project_Based_Learning?email_work_card=thumbnail (дата обращения: 19.09.2020).

Учебник иностранного языка как средство моделирования научной дискуссии аспирантов инженерного профиля

В статье рассматривается проблема разработки современного учебника иностранного языка для академических целей как средства моделирования научной дискуссии аспирантов инженерного профиля. Исследуются цели обучения иностранному языку в высшей школе с учетом компетенций и свойств языковой личности специалиста, позволяющих ему эффективно участвовать в межкультурных конференциях и семинарах. Учебник для академических целей, по мнению автора, должен адекватно интегрировать профессиональные ситуации в процесс обучения иностранному языку, что подтверждается представленными в статье результатами анализа некоторых отечественных и зарубежных учебников, а также опытом разработки учебника «English for postgraduates», который используется в процессе обучения аспирантов Сибирского федерального университета.

Ключевые слова: аспирантура, иностранный язык, компетентностный подход, моделирование научной дискуссии.

V. V. Vonog

Foreign language textbook as a means of modelling scientific discission of engineering profile postgraduates

The article deals with the problem of developing a modern textbook of a foreign language for academic purposes as a means of modeling scientific discussion of engineering profile postgraduates. The goals of teaching a foreign language at higher school are considered, taking into account the competencies and features of the specialist linguistic personality, contributing to active participation in international conferences and seminars. A textbook for academic purposes, according to the author, should integrate professional situations into the process of teaching a foreign language adequately, which is confirmed by the results of the analysis of some Russian and foreign textbooks presented in the article, as well as the experience of developing the textbook “English for postgraduates”, which is used in teaching process of postgraduate students of Siberian Federal University.

Keywords: postgraduate course, foreign language, competence-based approach, modeling scientific discussion.

Подготовка аспирантов, обучающихся по программам инженерного профиля, к международному сотрудничеству реализуется в контексте их профессионального обучения, в связи с чем важнейшей задачей, которая стоит перед высшей школой, является формирование у будущих ученых системы как профессионально-личностных установок, обеспечивающих мотивацию к реализации деятельности, так и специальных готовностей, обеспечивающих мировые стандарты профессиональной деятельности, включая высокий уровень межкультурной компетентности, необходимой для конструктивного межкультурного диалога в условиях глобализации и интернационализации.

При таком подходе цель образования в аспирантуре не может заключаться в простом получении и углублении профессиональных знаний, образование предполагает как формирование умений мыслить системно и методически, так и выражать свои идеи на русском и иностранном языках грамотно и аргументированно [Обучение иностранному языку..., 2017]. Достижение этих целей означает расширение кругозора аспирантов, повышение уровня их общей культуры и образования, а также культуры мышления, общения и речи и проявляется в готовности специалистов содействовать налаживанию межкультурных, профессиональных и научных связей. В свою очередь, достижение цели предполагает достижение результата, выраженного через компетенции, которыми должны владеть аспиранты [Попова, Биричева, 2017, с. 8].

Согласно ФГОС ВО 3++ в результате освоения программы по иностранному языку у выпускника высшей школы должны быть сформированы универсальные (не зависящие от конкретного направления подготовки), общепрофессиональные и профессиональные компетенции¹. К общепрофессиональным и профессиональным компетенциям относится способность создавать и редактировать тексты научно-технического содержания, владеть иностранным языком при работе с научной литературой (ОПК), с нормативными документами на территории Российской Федерации и за рубежом (ПК). Взаимодополняющие универсальные компетенции УК-3 и УК-4 подразумевают как готовность аспирантов участвовать в работе российских и международных исследовательских коллективов по решению научных и научно-образовательных задач, так и их спо-

¹ Федеральные государственные образовательные стандарты. URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 20.05.2021).

способность использовать современные методы и технологии научной коммуникации на государственном и иностранном языках.

Согласимся, что обучение в аспирантуре носит непрерывный и опережающий характер, моделирование и симулирование реальных производственных ситуаций максимально приближает аспирантов инженерного профиля к реальным условиям их профессиональной деятельности; позволяет развивать навыки говорения, применять основы публичной речи: навыки подготовки научных сообщений, докладов, презентаций (с использованием профессионально-ориентированного языка). Формирование вышеперечисленных навыков необходимо для выработки способности критически мыслить, выделять главную и необходимую информацию, обосновывать и аргументировать свою научную точку зрения. Как известно, признание и конкурентоспособность современного специалиста-инженера прежде всего как ученого-исследователя в нашей стране и за рубежом начинается с того этапа, на котором определяется, насколько и в какой мере аспирант способен решать поставленные вопросы и находить решения научных проблем. В связи с этим возникает проблема культуры научной речи молодого ученого, которая стала предметом всеобщего внимания. По нашему мнению, недостаточный уровень владения иностранным языком, а также проблемы сформированности коммуникативной компетенции являются серьезным барьером на пути к успешному и эффективному научному взаимодействию на иностранном языке. Развитие данных навыков нельзя представить без такой деятельности, как участие в научных конференциях, предоставляемой высшей школой, так как они неразрывно связаны с актуальными научными публикациями и навыками ведения научной дискуссии на иностранном языке.

Научная дискуссия в качестве обучающей функции дает возможность аспиранту расширить свой кругозор, узнать разные точки зрения на представляемую им проблему, проанализировав как отечественных, так и зарубежных ученых и молодых деятелей науки. В качестве развивающей функции научная дискуссия стимулирует творчество аспирантов, развивает их аналитические способности, учит аргументированно и логично доказывать свои идеи и взгляды, общаться с коллегами, а также мотивирует на творческий и осознанный поиск аргументации. Также научная дискуссия влияет на развитие индивидуальности в целом, создавая необходимые условия для самосознания и самореализации, анализа и выбора своего научного пути.

Однако при обучении иностранному языку в аспирантуре возникает ряд методических трудностей, касающихся и выбора учеб-

ного пособия, которое должно отвечать целям и задачам по формированию компетенций у будущих ученых. Более того, методическая концепция учебника должна учитывать ряд факторов, включая: сочетание профессионально-ориентированного и интегрированного предметно-языкового подхода в обучении иностранному языку для профессиональных целей; диалог культур как философию современного иноязычного образования; развитие инновационной языковой личности студентов на основе лингводидактических моделей, разработанных в отечественной методике преподавания русского и иностранных языков, а также использование таких инновационных педагогических технологий, как проектная деятельность, case study, проблемное обучение, обучение в сотрудничестве, развитие критического мышления, включение аутентичных аудио- и видеоматериалов, контрольно-диагностических заданий и тестов.

Проведенный анализ пособий для обучения иностранному языку в аспирантуре (Bezzabotnova et al., 2014; Talking Science..., 2016; Tamzen, 2011) показал их разнородность в предметном и процессуальном аспектах. Так как иностранный язык в Сибирском федеральном университете преподается аспирантам, обучающимся по программам инженерного, гуманитарного и естественно-научного профилей, было принято решение разработать универсальный учебник для всех направлений подготовки. Учебное пособие «English for postgraduates» включает тематические разделы, необходимые для подготовки к сдаче кандидатского экзамена, формирующие навыки перевода профессиональных аутентичных текстов, создания профессионального глоссария в рамках своего научного исследования, реферирования и аннотирования статей (Воног, Прохорова, 2020). В начале каждой темы приводится список ключевых слов по данной теме с переводом на русский язык. Каждый раздел посвящен определенному аспекту изучения языка: «Vocabulary», «Grammar», «Reading», «Listening», «Speaking», «Writing». Система коммуникативных упражнений включает задания по развитию языковых навыков и речевых умений на материале аутентичных профессионально-предметных текстов.

Целью данного пособия является формирование умений по подготовке и представлению докладов на международных конференциях и семинарах, а такие дидактические методы, как обучение в сотрудничестве, когда группа аспирантов работает над одним заданием или проектом, заслуживают внимания с точки зрения моделирования навыков научной дискуссии. Так, в разделе «Участие в конференции» пособие «English for postgraduates» содержит ряд

упражнений, направленных на развитие иноязычной компетенции при участии в квазиконференции, где аспиранты выступают в роли как участников, так и членов организационного комитета и аттестационной комиссии. На подготовительном этапе обучающиеся выбирают из числа аспирантов организатора такой конференции, каждый из аспирантов должен отправить онлайн-заявку на участие в оргкомитет, форма которой прилагается к учебному пособию. На следующих этапах обучающиеся комментируют выступления по ранее разработанным критериям, подводят итоги, вырабатывают дальнейшую программу действий и рекомендаций.

Выступление на конференциях развивает навыки публичной речи, а именно навыки подготовки научных сообщений, докладов, презентаций (с использованием профессионально-ориентированного языка); помогает развить умение задавать и отвечать на вопросы при обсуждении тем, связанных со специальностью. Как показывает опыт, такое моделирование публичного выступления на иностранном языке мотивирует аспирантов к участию в конференциях и семинарах. Вопросы, которые обсуждаются в течение презентации, обычно дорабатываются, доклады участников становятся более практико-ориентированными, а последующие выступления — более уверенными.

Источники

Bezzabotnova O., Bogolepova S., Gorbachev V. English for Academics. A Communication Skills Course for Tutors, Lecturers and PhD Students. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Воног В.В., Прохорова О.А. English for postgraduates: учебное пособие. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020.

Talking Science: Bridges to Academic English. Course Book for PhD Students and Researchers. Ekaterinburg: UrO RAN, 2016.

Tamzen A. Cambridge English for Scientists. Cambridge University Press, 2011.

Литература

Обучение иностранному языку в аспирантуре неязыкового вуза / науч. ред. А. С. Киндеркнехт. Пермь: Прокрость, 2017.

Попова Н.Г., Биричева Е.В. Подготовка молодых ученых в аспирантуре: поиск единого ориентира // Высшее образование в России. 2017. № 208 (1). С. 5–14.

Роль профессиограммы в процессе разработки программы ESP (на примере морских специальностей)

В статье рассматриваются подходы к наполнению содержательной части программы «Английский для специальных целей» (English for Specific Purposes, ESP) на примере английского языка для морских специальностей. В рамках работы уточняется понятие «профессиограмма» и составлены профессиограммы представителей командного и рядового состава экипажа на основании профессионального стандарта. Проведен сопоставительный анализ профессиограмм в соответствии с должностными инструкциями специалистов, что, свою очередь, определяет различие в наполнении содержания модулей программы ESP. Представлен анализ языковых функций, необходимых для эффективной коммуникации в профессиональной деятельности представителей различных морских специальностей. В исследовании рассматриваются речевые образцы, представленные в форме лексограмм, состоящих из постоянного ядра и вариативной части. Приведены примеры лексограмм, составляющих основу банка фраз, входящих в стандартный морской навигационный словарь.

Ключевые слова: профессиограмма, профессионально-ориентированная иноязычная компетенция, образовательный модуль, узкоспециализированная лексика, лексограмма, тренировочные и тестовые задания, морские тесты.

S. V. Govorun, O. A. Senichkina

The role of a professionogram in the process of program development (for ESP marine studies)

The article discusses approaches to developing the content of the program “English for Specific Purposes” (ESP) taking English for maritime specialties as an example. As part of the work, the concept of “professionogram” is clarified and the professionograms of the representatives of the command and enlisted personnel of the crew are compiled on the basis of the professional standard. A comparative analysis of the professionograms was carried out in accordance with the job descriptions of specialists, which, in turn, determines the difference in the content of the ESP program modules. The analysis of the language functions, which are necessary for effective communication in the

course of professional activity by representatives of various maritime specialties, is presented. The study examines speech patterns presented in the form of lexicograms consisting of the constant grammatical core and a variable lexical part. Examples of lexicograms that form the basis of the bank of phrases included in the standard maritime navigation vocabulary are given. The language functions, which are necessary for the implementation of professional activities in various marine specialties, are analyzed. Some examples of lexicograms are provided. The comparative analysis of professionograms is carried out in accordance with the job descriptions of specialists, which, in turn, determines the difference in the content of the ESP program modules.

Keywords: professionogram, professionally-oriented foreign language competence, educational module, highly specialized vocabulary, lexicogram, training and test tasks, marine tests.

В эпоху глобализации и цифровизации наблюдается расширение использования английского языка как средства общения в сфере профессиональной деятельности представителей различных специальностей. В связи с этим следует рассматривать иноязычную компетенцию как часть профессиональной. Ярким примером такого подхода, прошедшего апробацию в течение нескольких десятилетий, является интеграция английского языка в морские специальности. Программы, учебно-методические комплексы обучения английскому языку для морских специальностей, морские тесты доказали свою эффективность. Анализ профессиограмм морских специальностей и подходов к разработке программы «Английский для специальных целей» (English for Specific Purposes, далее ESP) для моряков позволит выработать универсальный подход к критериям отбора языкового материала и подготовке учебных курсов ESP для других специальностей.

Важнейшую роль в разработке программы ESP играет профессиограмма. Составление элементов профессиограммы представляет собой первый этап разработки программы ESP, при этом в случае морских специальностей иноязычная компетенция является одним из ключевых элементов. Так, например, знание английского языка для членов смешанных экипажей морских судов является обязательным условием для приема на работу. Эффективная работа специалиста любого должностного уровня — от высшего командного состава (капитана судна и старшего механика) до рядовых членов экипажа (матроса, моториста или повара) — обеспечивается не только сформированностью иноязычной компетенции, относящейся к общему английскому языку, но и знанием узкоспециализированной лексики и терминологии.

Мы трактуем понятие «профессиограмма» как документ, в котором представлено описание определенного вида профессиональной деятельности (трудовые функции и действия), а также необходимые знания, профессиональные умения (*hard skills*) и деловые и личностные качества (*soft skills*). Следует отметить, что профессионально-ориентированная иноязычная компетенция относится к *hard skills*, поскольку знание профессионально-ориентированного языка обеспечивает эффективность морских перевозок и безопасность судовождения на судах со смешанным экипажем.

На современном этапе большое внимание уделяется уровню сформированности *soft skills*, однако четкого определения этого понятия на данный момент не существует. Как правило, под *soft skills* подразумевается широкий спектр свойств и качеств человека (практически все позитивные качества личности), исключая узкоспециализированные знания. Мы рассматриваем *soft skills* в суженном спектре, сквозь призму профессиональной деятельности, как социально-трудовую характеристику совокупности знаний, умений, навыков и мотивационных характеристик работника в сфере взаимодействия между людьми, необходимых для успешного выполнения работы и соответствующих требованиям должности.

В нашем исследовании мы определяем «жесткие навыки» (*hard skills*) как знания и умения, которые необходимы для осуществления профессиональной деятельности в соответствии с трудовыми функциями, изложенными в профессиональном стандарте специалиста. Следовательно, профессиональный стандарт специалиста является одним из главных документов, на основании которого составляется профессиограмма.

Профессиональные стандарты для морских специальностей разрабатываются на трех уровнях: международном, государственном и на уровне судоходной компании, с учетом специфики деятельности (морские перевозки нефтепродуктов, сжиженного газа, контейнеров; пассажирские перевозки, рыболовство). В профессиональном стандарте любого уровня выделяются трудовые функции, непосредственно связанные с необходимостью владения английским языком, которая выражена как имплицитно, так и эксплицитно.

В данной работе мы представляем сопоставительный анализ профессиограмм для специалистов, занимающих различные должности: представителя командного состава (старшего помощника капитана) и рядового члена экипажа — матроса 1-го класса (рулевого).

Как указано в профессиональном стандарте, утвержденном приказом Министерства труда и социальной защиты Российской

Федерации от 3 декабря 2019 г. № 763н¹, матрос должен владеть знанием целого ряда команд на английском языке и понимать их значение на русском языке. Коммуникативная ситуация общения на английском языке в процессе несения ходовой, стояночной вахты, а также работ, связанных со швартовкой судна и постановкой на якорь, строго регламентирована. Прежде всего, матрос обязан подтвердить ответной репликой то, что он понял значение команды, подаваемой вахтенным помощником, а затем доложить о выполнении команды. Матрос также обязан в полной мере понимать смысл задаваемого вопроса и уметь ответить на него, используя стандартные фразы на английском языке.

Большая часть стандартных фраз представляют собой лексограммы, состоящие из постоянного ядра (константы) и вариативной части (варианты). Под «лексограммой» мы понимаем лексико-грамматическую модель, состоящую из структурно-грамматической константы и лексико-семантической варианты. Лексограмма может быть реализована как компонент речевого образца, а также как целостный речевой образец [Сеничкина и др., 2018]. Э.Г. Азимов и А. Н. Щукин определяют понятие «речевой образец» как отрезок речи, построенный на основе отобранной для изучения модели предложения и выполняющий конкретное коммуникативное задание [Азимов, Щукин, 2009, с. 258]. Таким образом, многочисленные однотипные фразы образуются посредством варьирования компонентов предложения и его лексического наполнения.

Знание определенного набора речевых образцов и узкоспециализированной лексики определяется профессиограммой конкретной морской специальности с учетом должности, сферы деятельности, зоны ответственности. Основными языковыми функциями, используемыми в устной речи матроса при выполнении своих трудовых обязанностей, являются:

- 1) ответ на предшествующий вопрос, заданный вахтенным помощником капитана;
- 2) подтверждение понимания отданной команды и готовности ее выполнить;
- 3) намерение, сообщаемое о последующих действиях и подтверждающее выполнение отданной команды.

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 декабря 2019 г. № 763н «Об утверждении профессионального стандарта «Матрос»» (зарегистрирован 02.06.2020, № 58543). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2021).

Матрос подтверждает понимание команды, отданной вахтенным помощником капитана, повторяя команду четко и без каких-либо изменений. Необходимо обратить внимание, что в соответствии со стандартом числа должны произноситься следующим образом: например, 150 — *one-five-zero*, 2.5 — *two-point-five*.

В табл. 1 приведены примеры стандартных лексограмм, используемых матросом в профессиональном общении на английском языке, в соответствии с коммуникативной ситуацией. Лексограммы содержат узкоспециализированную лексику, отражающую морскую специфику.

В соответствии с профессиональным стандартом «Судоводитель», утвержденным приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 ноября 2019 года № 745н², основной целью профессиональной деятельности судоводителя (на примере должности старшего помощника капитана) является обеспечение безопасности плавания судна, перевозки грузов и пассажиров, управления судном и экипажем. Знание английского языка для судоводителей экипажей морских судов является особым условием допуска к работе.

Сфера профессиональной деятельности старшего помощника капитана, являющегося первым заместителем капитана судна, весьма обширна. Она охватывает прежде всего обеспечение безопасности плавания судна, перевозки грузов и пассажиров, а также управление судном и экипажем. Профессиональное общение осуществляется как с рядовыми членами экипажа, так и с командным составом судна, лоцманской службой, членами экипажа других судов в процессе маневрирования, представителями судоходных компаний и администрации порта, службы морской безопасности и т. п. В связи с этим профессиональное общение на английском языке задействует определенные коммуникативные функции языка в зависимости от речевой ситуации. Старший помощник капитана отдает команды и приказы рядовым членам палубной команды и машинного отделения; обращается с запросом к представителям лоцманской службы; сообщает и докладывает администрации судоходной компании о текущей обстановке как в устной, так и в письменной форме; обращается за помощью к членам экипажа

² Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29.11.2019 № 745н «Об утверждении профессионального стандарта «Судоводитель»» (зарегистрирован 02.06.2020, № 58540). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2021).

Таблица 1. Анализ языковых функций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности матроса

Коммуникативная ситуация	Языковая функция	Примеры лексограмм
Съемка с якоря	Ответ на предшествующий вопрос	• Where is the cable leading? Как смотрит якорь-цепь? <i>The cable(s) is/are leading ahead/astern / to port / to starboard / round the bow / up and down.</i> Якорь-цепь(и) смотрит(ят) вперед / в корму / влево / вправо под форштевень / вниз. • How much cable is out? На ключе / сколько якорь-цепи вышло? <i>Anchor(s) is/are clear of the water / home / foul.</i> Якорь(я)... вышел(ли) из воды / на месте / не чист(ы).
Несение ходовой навигационной вахты	Подтверждение понимания отданной команды и готовности ее выполнять	<i>Port five / ten / fifteen / twenty five.</i> Руль положить на 5/10/15/25° влево. <i>Starboard five / ten / fifteen / twenty five.</i> Руль положить на 5/10/15/25° вправо.
Лоцманская проводка	Намерение, сообщаемое о последующих действиях и подтверждающее выполнение отданной команды	Rig gangway combined with pilot ladder on port/starboard side. Вооружить заборный трап с лоцманским на левом/правом борту <i>Gangway is rigged combined with pilot ladder on port/starboard side.</i> Забортный трап вооружен с лоцманским на левом/правом борту. Rig pilot ladder on port/starboard side. Лоцманский трап с левого/правого борта вооружить. <i>Pilot ladder is rigged on port/starboard side. Лоцманский трап вооружен с левого/правого борта.</i>

других судов в случае аварийной ситуации; подтверждает намерение осуществить маневр.

В перечень основных коммуникативных функций языка, задействованных в устном профессиональном общении между старшим помощником капитана и другими участниками коммуникации, входят следующие языковые функции:

- 1) приказ/команда для выполнения указанных действий;
- 2) запрос информации с целью уточнения, получения инструкций и распоряжений;
- 3) ответ на запрашиваемую информацию;
- 4) просьба о выполнении действий по отношению к данному судну;
- 5) намерение, то есть сообщение, уведомляющее окружающих о действиях, которые судно намерено немедленно предпринять;
- 6) предупреждение, информирующее других участников движения о предпринимаемых действиях, об опасности;
- 7) совет с целью передачи рекомендации адресату;
- 8) инструкция с целью передачи распоряжения адресату.

Далее приводятся примеры некоторых типичных ситуаций профессионального общения, в которых старший помощник капитана выступает в качестве участника коммуникации с точки зрения двух видов речевой деятельности — аудирования и говорения. Важно в равной степени не только уметь воспринимать и понимать на слух рекомендации лоцманской службы, навигационные предупреждения и распоряжения службы морской безопасности (табл. 2), но и уметь сформулировать запрос, ответить на поставленный вопрос, сообщить о текущем местоположении, об аварийной ситуации (табл. 3). Обеспечение безопасности непосредственно зависит от скорости принятия решений. Для этого требуется умение понять информацию или вопрос в полном объеме и дать четкий ответ, используя общепринятые, стандартные выражения, понятные для всех участников движения в морском пространстве.

Проведенный анализ показал, что содержательная часть образовательных модулей программы ESP для морских специальностей определяется направлением обучения и подготовки специалистов, например в вузах — «Судовождение», «Эксплуатация судовых энергетических установок»; в морских технических колледжах проводится подготовка матросов рулевых, мотористов (машинистов).

Таблица 2. Анализ языковых функций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности старшего помощника капитана (аудирование)

Коммуникативная ситуация	Языковая функция	Примеры лексграмм
Постановка к причалу	Инструкция с целью передачи распоряжения адресату	Your berth is clear (at... hours) / will be clear (at... hours)
Плавание по фарватеру	Совет с целью передачи рекомендации адресату	Proceed by ... fairway / route. Следуйте фарватером ... / по пути...
Маневрирование	Предупреждение об опасности	You are running into danger. Shallow water ahead of you. / Submerged wreck ahead of you. / Risk of collision imminent. / Fog bank ahead of you. / Bridge will not open. Вы идете к опасности. Впереди вас мель. / Впереди вас скрытое под водой затонувшее судно. / Имеется риск столкновения. / Впереди полоса тумана. / Мост не будет открыт. There has been collision in position... Keep clear. / Stand by to give assistance. В точке... произошло столкновение... Держитесь в стороне. / Будьте готовы оказать помощь.
Постановка на якорь	Приказ/команда для выполнения указанных действий	You must anchor... at... hours / in position... / until pilot arrives / until tug(s) arrive(s). Вы должны стать на якорь... в... часов / в... точке / пока не прибудет лоцман / пока не подойдет(ут) буксир(ы)

Программы ESP для морских специальностей разрабатываются и в области дополнительного профессионального образования — интенсивных краткосрочных курсов английского языка, курсов повышения квалификации и подготовки к сдаче морских тестов.

Таким образом, профессиограмма, содержащая описание вида профессиональной деятельности, трудовые функции, необходимые знания и умения, а также личностные качества специалиста, определяет наполнение содержательной части ESP. Соответственно, на уровне вуза рабочая программа дисциплины «Английский язык» должна ориентироваться на объекты профессиональной деятельности выпускников, изложенные в основной образовательной программе. На уровне дополнительного профессионального образования программа ESP также должна учитывать цели и учебные потребности обучающихся.

Как справедливо отмечают Т.Хатчинсон и А.Уотерс, английский для специальных целей (ESP) — это прежде всего подход к обучению языку, в основу которого положены потребности обучающихся [Hutchinson, Waters, 1987, p.55]. В связи с этим при отборе текстового материала для разработки как тренировочных, так и тестовых заданий следует учитывать требуемые коммуникативные функции языка в соответствии с профессиограммой. Учебные тексты ESP характеризуются высокой степенью насыщенности узкоспециализированной лексикой и характерными грамматическими структурами. Лексограммы, содержащие узкоспециализированную лексику и грамматические структуры, представляют собой элементы для создания текстового материала.

В качестве примера можно привести отрывок текста из учебного пособия для обучения профессиональному английскому языку судомехаников (Иваненко, Гришкина, 2016). Текст представляет собой перечень трудовых обязанностей судового электро-механика.

The general duties of an electrical engineer are:

- He is responsible for maintenance of all the electrical motors on ship.
- He is responsible for maintenance of fire detectors and fire alarm system.
- He is responsible for the electronic system fitted onboard ship.

(Иваненко, Гришкина, 2016, с. 68)

В учебном тексте содержатся лексограммы, состоящие из структурно-грамматической константы (*He is responsible for*) и лексико-семантической варианты.

Таблица 3. Анализ языковых функций, необходимых для осуществления профессиональной деятельности старшего помощника капитана (говорение)

Коммуникативная ситуация	Языковая функция	Примеры лексограмм
Несение ходовой навигационной вахты	Просьба о выполнении действий по отношению к данному судну. Ответ на запрашиваемую информацию	I need help... I am sinking / I am on fire / I have been in collision / I am aground / ... Я нуждаюсь в помощи... я тону / у меня пожар / я столкнулся / я на мели I require... a lifeboat / a helicopter / medical assistance / fire-fighting assistance / a tug / tugs... Мне требуется... спасательная шлюпка / вертолет / медицинская помощь / помощь в борьбе с огнем / буксир / буксиры ... <i>My present speed is... knots.</i> <i>My full speed is... knots.</i> Моя скорость сейчас... узлов. Моя скорость на полном ходу... узлов. <i>May I enter traffic lane / route?</i> Могу ли я войти в полосу движения / установленный путь?
Маневрирование	Предупреждение участников движения о предпринимаемых действиях	<i>I will pass ahead of you / astern of you / ahead of vessel... / astern of vessel...</i> Я пройду впереди вас / по корме у вас / впереди судна... / пройду позади судна... I will wait for... to clear ...mark before entering fairway / ... position before entering fairway / ...

Маневрирование	mark before getting underway / ... position before getting underway ... mark before leaving berth ... position before leaving berth. Я подожду войти на фарватер, пока... не пройдет знак... / входить на фарватер, пока... не пройдет точку... / давать ход, пока... не пройдет знак... / давать ход, пока... не пройдет точку... / отходить от причала, пока... не пройдет точку...
Постановка к причалу	Put out ... head/stern/breast lines. Подать... носовых продольных/кормовых продольных/прижимных. Use the centre/panama lead forward/aft. Заводить носовой/кормовой конец через центральный/панамский клюз. What are my berthing/docking instructions? Каковы указания по постановке к причалу / входу в док?

Представим наиболее частотные грамматические категории, употребляемые в стандартных выражениях:

1. Повелительное наклонение: *Do not follow me; stop.*
2. Количественные и порядковые числительные: *My draught is... metres/feet.*
3. Предлоги: *Visibility is expected to increase to... metres/miles by... hours.*
4. Структура *There is: There is a... buoy showing / established in position.*
5. Модальные глаголы (*may, must, can, need*): *Vessels must keep clear of this area.*
6. Временные формы глаголов (Present Simple, Present Continuous, Future Simple, Present Perfect): *I am reducing speed.*
7. Общие и специальные вопросы: *May I enter route? What is your full speed?*
8. Страдательный залог: *Route... has been suspended. Abnormally low tides expected in... at... hours.* (Глагол *to be* опускается).

Для отработки и закрепления узкоспециализированной лексики в отечественных учебных пособиях широко используются задания на соответствие, установление логической последовательности, подстановочные тренировочные задания.

Важно учитывать, что стандартные фразы для общения в процессе несения навигационной и стояночной вахты (IMO Standard Marine Communication Phrases) должны заучиваться наизусть и воспроизводиться без каких-либо изменений, чтобы избежать недопонимания между участниками общения на море [Стрелков, 2002]. В этом случае рекомендуется выполнять задания на тренировку долгосрочной памяти, воспроизведение фраз в контексте диалога или монолога, а также на перевод, поскольку требуется знание стандартных выражений и команд на английском языке и их точного значения на русском. Например, в конце каждого урока дается перечень команд в соответствии с изучаемой коммуникативной ситуацией с переводом на русский язык по принципу составления разговорника стандартных выражений.

Учебное пособие Т.Н.Блэйки «English for maritime studies» — одно из самых известных зарубежных пособий для обучения профессиональному английскому языку для морских специальностей (Blakey, 1987). Пособие содержит задания на развитие умений и навыков всех видов речевой деятельности. Особое внимание уделя-

ется также развитию умения конспектирования, перефразирования. В каждом разделе пособия выделены узкоспециализированные лексические единицы, отражающие морскую специфику. Использование визуальных материалов — фотографий, рисунков, схем, диаграмм, карт — способствует лучшему пониманию терминологии и более эффективному усвоению материала.

Итак, в результате проведенного исследования установлено, что главным универсальным критерием отбора языкового материала для разработки программы ESP является его соответствие актуализированной профилиграмме. Должна проводиться экспертная оценка содержательной части учебных текстов и профессионально-ориентированных материалов узкоспециализированной тематики.

Источники

Иваненко Т. И., Гришкина Е. А. Профессиональный английский язык для судовых механиков рыбопромыслового флота: учеб. пособие. М.: Моркнига, 2016.

Blakey T. N. English for maritime studies. 2nd ed. Prentice Hall International (UK), 1987.

Литература

Сеничкина О. А., Говорун С. В., Креер М. Я. Кодификатор лексико-грамматических единиц (лексограмм) как основа разработки конструкта обучения и тестирования делового английского языка // По материалам XLVI Международной филологической конференции / отв. ред. И. Ю. Павловская, М. Я. Креер. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2018. С. 95–100.

Стрелков В. П. Стандартные фразы ИМО для общения на море. Центральный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт морского флота. СПб.: ЗАО ЦНИИМФ, 2002.

Hutchinson T., Waters A. English for specific purposes: a learning-centred approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Словари

Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009.

Особенности формирования вторичной языковой личности в вузе

Статья поднимает вопрос языковой подготовки и формирования билингвального сознания студентов-юристов в системе современного российского высшего образования. Автор проводит литературный обзор источников авторитетных исследователей в области отечественной психолингвистики с точки зрения значимости концепта ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ для профессиональной лингводидактики. Отмечены отдельные особенности формирования вторичной языковой личности в вузе. Дополнены педагогические условия при достижении цели обучения иностранному языку в рамках реализации программ бакалавриата юриспруденции. Также показано, что для эффективного формирования вторичной языковой личности акценты в процессе обучения английскому языку смещаются с чисто языковой (формальной) функции мышления на более высокий — уровень сознания, которое, с одной стороны, преломляется языковым содержанием и, а с другой, обуславливается им.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, коммуникативный подход к обучению иностранному языку, социолингвистическая компетенция, бакалавриат юриспруденции.

D. A. Koshkin

Peculiarities of forming a secondary linguistic personality in the higher education system

The article deals with the issue of language training and bilingual consciousness formation of law students in the modern Russian higher education system. The author provides an overview of academic papers by highly respected researchers in the field of Russian psycholinguistics from the point of view of significance of the concept of a secondary linguistic personality for professional linguodidactics. Some peculiarities of a secondary linguistic personality formation in a higher education system are noted. Some pedagogical conditions for achieving foreign language teaching goals as part of the implementation of Bachelor's degree programs in Law are added. It is also shown that for the effective formation of a secondary linguistic personality, while teaching English we shift the emphasis from a purely linguistic (formal) function of thinking to a higher level — the level of consciousness, which, on the one hand, is refracted by the linguistic content, and on the other, determined by it.

Keywords: secondary linguistic personality, communicative approach to foreign language teaching, sociolinguistic competence, Bachelor's degree program in Law.

Введение

Актуальность проблемы исследования концепта ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ обусловлена возрастающими требованиями современного российского высшего образования к преподаванию иностранных языков. Наиболее остро встает вопрос реальной подготовки студентов вузов Российской Федерации в связи с выходом страны на мировую арену на новых политических, экономических и правовых основаниях. Кроме того, «глобализация требует все более высококвалифицированных специалистов во всех сферах деятельности» [Доброва, Рубцова, 2019, с. 138].

Данная статья представляет собой обзор отдельных литературных источников авторитетных исследователей в области отечественной антропоцентрической лингвистики с точки зрения значимости концепта ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ для профессиональной лингводидактики и выявления некоторых особенностей формирования вторичной языковой личности в вузе.

В современной лингводидактике иногда не в полной мере учитываются достижения антропоцентрической лингвистики, в том числе категории языковой личности обучающегося. Это наводит на мысль о том, что нужны новые разработки технологии формирования вторичной языковой личности, особенно в части ее билингвальной компетенции — не просто лингвистической, а «лингводидактической» [Дацун, 2020]. Также необходимо решение задач формирования билингвального сознания в обучении иностранному языку. Это, в свою очередь, предполагает «построение в сознании обучающегося некоторого образа или концепта, являющегося “ментальной репрезентацией” системы изучаемого языка» [Алексеева, 2009, с. 87]. Таким образом, в свете глобализации высшего профессионального образования в условиях реальных международных контактов встает задача формирования личности совершенно нового типа. Являясь универсальным междисциплинарным понятием и основополагающим конструктом для всех аспектов языка, концепт ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ изучает человека в его языке. По-новому осмысляются принципы антропоцентризма с точки зрения обучения коммуникативным навыкам межкультурной коммуникации (soft skills training), в которой фокусом внимания является объект — языковая личность, то есть индивидуум в его способности совершать речевые поступки. Сама «дисциплина “Иностранный язык”» наполняется новым содержанием, направленным на формирование навыков общения в профессионально значимых ситуациях будущих

специалистов» [Копыловская и др., 2017, с.211]. При этом обучение носит личностно значимый характер [Кошкин, Иванов, 2020], ибо от интенций и мотивации студента к обучению зависит его «эмоциональное включение» в образовательный процесс (personal engagement).

Лингводидактическая значимость концепта ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Антропоцентрический подход рассматривает личность человека как объект обучения иностранным языкам с трех позиций: 1) социальной (психологической) — как индивидуум; 2) социолингвистической — как языковую личность; 3) лингводидактической — как вторичную языковую личность [Халеева, 1989, с. 49].

Структура формирования вторичной языковой личности укладывается в следующие уровни:

- вербально-семантический — способность «распознавать» национальную языковую личность (лексикон), другими словами — это уровень описания формальных средств выражения значений, стандартные словосочетания и модели предложений;
- тезаурусный — способность «подключаться» через тексты к иной «картине мира» (тезаурус); система ценностей и смыслов, переход от значений к знанию, сознанию;
- мотивационный — способность распознавать языковую личность на мотивационном уровне ее структуры (прагматикон, определяющий установки и интенции, вербализованные индивидом), иначе говоря — это переход от речевой к осмыслению реальной деятельности, оценкам, суждениям и т. д. [Халеева, 1989, с. 25–27].

Обучающийся в коммуникации способен заявлять о себе на уровне способностей (соблюдение норм и правил знаков языка/речи) и на уровне таланта и одаренности (способность проявлять себя как собственно языковая личность). В контексте коммуникативного подхода в обучении иностранному языку на уровне лексикона мы добиваемся усвоения элементарных правил, которые позволяют строить словосочетания, на уровне тезауруса — выражения мнения, воспроизведения обобщенных высказываний и т. п., на уровне прагматикона — реализации собственно коммуникативных потребностей и готовности.

Формируя вторичную языковую личность, мы в первую очередь формируем языковую и дискурсивную компетенции (на уровне лексикона), социокультурную, предметную и страноведческую (на уровне тезауруса), иллокутивную и стратегическую (на уровне прагматикона) [Потёмкина, 2013, с. 220]. В обучении соблюдению норм языка/речи в коммуникации, уместному применению культурных концептов в речи (афористика языка, пословицы, афоризмы, сентенции и др.) подключается лингвокогнитивная компетенция, основной чертой которой является производство текстов («творчество» текстов), способность человека подняться над статично организованной иерархией языковых единиц с выходом на новую концептуальную модель мира. Таким образом, механизм речедетельностного развития тезаурусного уровня сознания вторичной языковой личности формируется именно в текстовой деятельности и в условиях коммуникативного обучения иностранному языку.

Для обеспечения корректного функционирования коммуникативных механизмов в акте межкультурной коммуникации и его наполнения национально маркированным содержанием нужно, чтобы «этнолингвокультуры предметно-вещного (объекты, предметы, облики людей) и вербально звучащего мира (звуковые оболочки слов, интонационно-просодические модели) стали объектами восприятия и усвоения вторичной языковой личностью» [Халеева, 1989, с. 49]. И благодаря формированию индивидуального когнитивного опыта вторичная языковая личность получит возможность реализовывать акт межкультурной коммуникации на различных уровнях компетенции общения, осмысливать и интерпретировать знаки языка как средства (по мысли Д. А. Леонтьева — значения как смыслы [Леонтьев, 2019]).

Итак, то, что для носителей одного языка предстает как значения и понимается автоматически в силу общности социокультурного контекста, для изучающего этот язык должно раскрываться как *смысл*. Эти «средства-знаки языка предназначаются, с одной стороны, для кодирования когнитивных структур знания, а с другой — для конструирования новых концептов путем создания новых сочетаний знаков языка/речи» [Хитрик, 2000, с. 31]. Под концептуальной системой здесь понимается «система взаимосвязанной информации, отражающая познавательный опыт индивида на самых разных уровнях... и в разных аспектах осмысления мира: наиболее абстрактные концепты в такой системе континуально связаны с концептами, отражающими наш обыденный опыт как связь одной концептуальной системы» [Халеева, 1989, с. 54]. Согласно исследованиям, выполнен-

ным в научной школе «Антропологическая лингвистика» Иркутского государственного лингвистического университета, и в частности анализу семантических констант семиосферы внутреннего мира человека, мир осмысляющего, семантика внутреннего мира индивидуума будет базироваться на понятиях семантики **личностной пристрастности** и базовых семантических констант. Актуализация этих семантических констант («жизнь», «истина — правда», «добро — зло» и др.) реализуется на уровне лексико-семантической системы языка и в речи (текст/дискурс) [Малинович и др., 2010].

Стоит отметить, что на сегодняшний день в методической литературе развиваются разные идеи, в поисках нюансов вводятся новые термины. Уже введены следующие понятия: дискурсивная личность, коммуникативная личность, диалектная, словарная, эмоциональная языковая личность, полилектная, идиолектная личность и т. д. Однако пока одни ученые находят нюансы, другие считают «такое дробление большей частью искусственным» [Борисова, 2015, с. 31], ибо сам по себе концепт ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, введенный Ю. Н. Карауловым еще в 1980-е годы, самодостаточен и емок [Караулов, 1987]. Интересным может стать исследование текстовой деятельности обучающихся юридическим программам в рамках подхода И. В. Шапошниковой, в котором задействованы психоглоссы [Шапошникова, 2018]. Этот метод используется для построения так называемых ассоциативно-вербальных моделей профессиональной языковой личности будущего специалиста (на основе эксперимента вербальных ассоциаций на специально подобранные стимулы). Понятие «психоглосса» введено Ю. Н. Карауловым и принимается за единицу языкового сознания, отражающую определенную черту языкового строя или системы родного языка, которая обладает высокой устойчивостью к вариациям и стабильностью во времени. Ю. Н. Караулов подчеркивает целесообразность рассмотрения трех типов психоглосс, а именно грамматических, связанных со знанием родного языка и формирующих «апперцепционную базу говорящих на данном языке», когнитивных, совпадающих с типичными для данного языкового типа категориями образа мира, а также мотивационных, отражающих национальный характер. Под апперцепционной базой подразумевается такая «система координат, по отношению к которой индивид осмысливает информацию об иностранном языке и в которую он “вписывает” этот язык, если его сознание не готово принять иную смысловую реальность» [Караулов, 1987, с. 160–161]. Психоглоссы позволяют в ином ракурсе взглянуть на методические проблемы

обучения применительно ко всем трем уровням вторичной языковой личности.

Несомненно, усвоение языка — это обретение средств коммуникации. И в этом смысле язык используется для социализации «картин мира». Язык отвечает ориентационным, духовным, эстетическим и другим потребностям в мире [Халеева, 1989, с. 54]. Важно также и то, что язык — это и цель, и средство общения. Язык характеризуют как орудие мышления, а взаимосвязь языка и мышления характеризуют как их единство [Крушельницкая, 1970, с. 371]. Язык, зафиксированный в тексте, оказывает влияние на формирование системы понятий и ценностей обучающегося, так как выступает инструментом создания смыслов [Halliday, 2002, р. 6]. Еще более важным является то, что язык — это и содержание, и он должен подаваться студенту как таковое (в контексте теории языкового сознания — как языковое сознание, складывающееся из языковых сознаний категорий языка, как *смысл* формальных структур языка) [Гальперин, 1977]. Структурная организация языка (например, грамматика и синтаксис, в которых наиболее ярко выступает специфика языкового сознания) тесно связывается (взаимоопределяется) с системой представлений носителей языка об объективной и субъективной реальности. В контексте рассуждений Ю. Н. Караулова эта система представлений составляет содержание психоглосс когнитивного уровня. Таким образом, обучение как формирование иноязычного сознания — это представление обучающемуся «системы иностранного языка с точки зрения стоящей за ней иноязычной картины мира, которая есть единство языкового и когнитивного» [Цветкова, 2001, с. 76]. Очевидно, что иноязычное сознание в таком обучении будет пытаться сосуществовать с уже сформированным русскоязычным сознанием. Обучение только правилам употребления языковых единиц по формальным (внешним) признакам, без «присвоения и увязывания их с внутренними смыслами» [Цветкова, 2001, с. 73] никак не свяжется с эмоциями и не затронет мотивационно-концептуальный уровень обучающегося (прагматикон) и не обеспечит переход на уровень смыслов.

Резюмируя, отметим, что язык осмысливается через культуру, опыт, разделяемые представителями того или иного языкового общества. Язык и культура, вторичная языковая личность, межкультурная коммуникация, социокультурная деятельность/компетенция — эти особенно значимые понятия и категории профессиональной лингводидактики очень взаимосвязаны. А языковое

сознание, которое проявляется во всех аспектах языка и в строе языка в целом, «перестраивается» у вторичной языковой личности («насаждается», «встраивается», «удваивается») в процессе ее формирования.

Особенности формирования вторичной языковой личности в вузе

У одной из самых главных задач методики преподавания иностранных языков и культур, а именно формирования вторичной языковой личности, разумеется, есть свои сложности. Однако целесообразным в первую очередь представляется рассмотреть формирование творческого потенциала вторичной языковой личности. Совершенствование творческого личностного потенциала является задачей преподавателей межкультурной коммуникации. Так, спектр устных тем программы по иностранному языку для студентов, получающих квалификацию «Юриспруденция», отражает не просто узкую профессиональную направленность в модуле English for special purposes (ESP), но и включает «социокультурный компонент» General/Social English. Можно говорить о творчестве в речи, когда есть представление о социокультурных реалиях стран изучаемого языка (традициях, праздниках, сфере семейного уклада, особенностях политической системы, искусстве). Творческая речь — это речь, богатая не только грамматическими структурами, но и несущая высокую содержательность. Соглашаясь с положениями Н. Д. Гальсковой [Гальскова, 2000, с. 51–52], в которых приветствуется развитие свободы обучаемых, способностей к творческой деятельности, нужно тем не менее задаться следующим вопросом: на каком уровне возможно говорить о творческой иноязычной речи, «порождаемой» в процессе осуществления творческой деятельности (как альтернативе клишированной речи)? Несомненно, можно оперировать понятием «творческая речь», начиная с уровня Pre-Intermediate (A2/B1) согласно системе оценки языковой компетенции Common European Framework of Reference, постепенно обучая творчеству в коммуникации и совершенствуя навыки творческой речи на более высоких языковых уровнях, значительно расширяя лексико-грамматический репертуар. С учетом грамматического строя языка не представляется возможным говорить о «стихийном» творчестве в речи на начальных этапах обучения Beginner/Starter/Elementary (A1/A2), поскольку в грамматике английского языка существуют строгие правила,

а обучающийся может проявлять креативность в речи после усвоения определенного набора грамматических структур и навыков их употребления.

Обучая иностранному языку, педагог развивает творческий потенциал его аудитории, в которой личность каждого — это и объект, и субъект творчества. Напомним, что иностранный язык в таком образовательном процессе — это одновременно и средство, и цель обучения, орудие мышления, и инструмент создания смыслов, и содержание (языковое сознание, *смысл* формальных структур языка). Формирование толерантности, способности «смотреть шире», принимающего отношения к культуре стран изучаемого языка, широкие представления о достижениях изучаемых культур — эти задачи должны ставиться перед вузовскими преподавателями иностранного языка и межкультурной коммуникации в наши дни. А «действенность такого обучения иноязычному общению в современном мире будет полностью зависеть от эффективности самостоятельной учебно-познавательной деятельности студента» [Елашкина, 2018, с. 171], его мотивации к самообразованию. При этом, формируя вторичную языковую личность, преподаватель будет избегать «рекламы чужого образа жизни» [Борисова, 2015, с. 35]. Он скорее станет «модератором», опирающимся на «универсалии культуры» [Халеева, 1989].

Очевидно, что лингводидактическое исследование концепта ВТОРИЧНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ и связанных с ней вопросов структуры на сегодняшний день не может считаться завершенной в силу ряда объективных причин. Этот вопрос требует проведения дальнейших глубоких исследований в русле антропологического подхода к проблеме обучения межкультурной коммуникации. А перед вузовскими преподавателями на сегодняшний день должны ставиться задачи развития речетворческого потенциала обучающихся.

Дискурсивное мышление языковой личности в достижении цели обучения иностранному языку

Известно, что образцом использования конкретного языкового материала является текст. Связный текст вместе с экстралингвистическими факторами — это дискурс. Дискурсивная деятельность индивида сопровождает все социально и личностно значимые моменты его бытия. Она же является и основой дискурсивного мышления, отражающего индивидуальные черты *homo loquens*, в контек-

сте исследования — такой формой мышления, которая оперирует сложными языковыми смыслами, передающими целостные речевые произведения. Объектом исследования такого мышления выступают процессы порождения, понимания и функционирования текстов, предметом — структура дискурса, экстралингвистические факторы которого будут выражать своеобразный личностный образ языковой личности, ее индивидуальный психологический портрет. Согласно рассуждениям Т. В. Черниговской, «мозг необходим для мышления, но недостаточен, нужен *опыт*» [Черниговская, 2004, с. 402]. В контексте данного исследования целесообразно добавить следующее: опыт как проживание, где смешиваются речевые, мыслительные, эмоциональные, поведенческие и ценностно-смысловые составляющие. И именно в речевой деятельности, как отмечает Л. П. Тарнаева, отражаются все социально-психологические *смыслы*, присущие человеческой личности, существующей в условиях современной цивилизации [Тарнаева, 2008].

Эффективно формируя вторичную языковую личность, мы смещаем акценты в обучении иностранному языку с чисто языковой (формальной) функции мышления на более высокий — уровень сознания, которое, с одной стороны, преломляется языковым содержанием, а с другой, наоборот, обуславливается им.

Многообразие форм разворачивания замысла в текст (дискурс) обусловлено прежде всего отличиями во внешних контекстуальных и внутренних индивидуальных факторах в той или иной интеракции, поэтому дискурсивное мышление каждой языковой личности в отдельности своеобразно, самобытно и индивидуально. Так, изучение своеобразия дискурсивного мышления языковой личности становится одной из актуальных проблем языкознания и лингводидактики.

Языковое сознание говорящего (пишущего) индивидуума отражает накопленные в течение всей его жизни социально-психологические впечатления. Осознавая себя вторичной языковой личностью, индивидуум осознает себя ею на мотивационном, лингвокогнитивном и семантическом уровнях, он способен к дискурсивному мышлению — пользоваться языком в текстовой деятельности (коммуникации), способен к саморазвитию, самообразованию, обеспечению креативной текстовой деятельности. Вспомним, что ранее в отечественной методике языковой материал рассматривался в категориях навыковых параметров. Сам текст определялся как система «смысловых элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую коммуника-

тивно-познавательную структуру общей концепцией...» [Дридзе, 1984, с. 71]. Постепенно методисты приходят к мысли о том, что текстовая деятельность вторичной языковой личности заключается в ее способности понимать текст как целостную коммуникативную единицу. Таким образом, формируя свою вторичную языковую личность, обучающийся научается «порождать» тексты «как совокупную вербально-содержательную сущность», говоря в терминах И. И. Халеевой [Халеева, 1989], «то есть как единицу коммуникации в рамках текстовой деятельности» [Королькова, 2013, с. 71]. Очевидно, что эти принципы распространяются и на тексты юридической тематики.

Итак, в достижении цели обучения иностранному языку при формировании вторичной языковой личности студента-юриста целесообразно расширить ряд педагогических условий, описанных в исследовании Н. А. Дацун (Дацун, Ворожбитова, 2020). Нужно добавить то, что особенно важным является способность студента к текстовой деятельности на иностранном языке. Речь идет о творческой речи, текстовой деятельности как альтернативе клишированной. Так, в системе вузовского обучения иностранному языку личность обучающегося рассматривается как субъект этой системы, воздействуя на который преподаватель запускает процесс личностворческого развития и билингвального сознания в целом. Также стоит добавить и то, что начинающий преподаватель иностранного языка, по сути сам являющийся вторичной языковой личностью, зачастую может испытывать трудности в узком профиле области иностранного языка, в которой осуществляется подготовка будущих специалистов (иностраннный язык для юристов). Во избежание недопонимания в профессионально-ориентированной лексике и «псевдолакун» — узкопрофильных терминов, которые могут не соответствовать друг другу в разных языках, — преподавателю межкультурной коммуникации необходимо помогать формировать его языковую личность в системе, организуя ему встречи и посещения лекций преподавателей-предметников в этой области (лекции по юриспруденции). В сотрудничестве с преподавателями-предметниками преподаватели английского языка могут и сами разрабатывать языковые кейсы на юридическую тематику [Пирогова и др., 2019]. Проблемные ситуации-кейсы могут легко трансформироваться в ролевые игры, имитирующие судебный процесс с различными ролями (судья, эксперт-криминалист, прокурор и т. д.). Они и будут формировать индивидуальный опыт проживания этих ролей у обучающихся юридическим программам, причем

кейсы необходимо разрабатывать таким образом, чтоб у участников всегда находились для говорения причины и цели из реальной жизни.

Заключение

В результате анализа теоретических основ изучаемой проблемы можно сделать следующие выводы. Во-первых, в языковом существовании наиболее ярко проявляется своеобразие дискурсивного мышления, самобытного и индивидуального для каждой языковой личности в отдельности.

Во-вторых, языковое сознание говорящего (пишущего) индивидуума отражает накопленные в течение всей его жизни социально-психологические впечатления, опыт как проживание, где смешиваются речевые, мыслительные, эмоциональные, поведенческие и ценностно-смысловые составляющие.

В-третьих, в рамках коммуникативного метода в обучении иностранному языку запускается процесс личного творческого развития обучающегося. В процессе формирования вторичной языковой личности акценты с чисто языковой (формальной) функции мышления смещаются на более высокий — уровень сознания, которое преломляется языковым содержанием и обуславливается им.

Литература

- Алексеева А. А. Проблема формирования билингвального сознания в обучении иностранным языкам // Вестник НГУ. Сер. Педагогика. 2009. Т. 10, № 2. С. 83–87.
- Борисова И. В. Особенности формирования вторичной языковой личности студентов неязыковых профилей // Вестник МГОУ. Сер. Педагогика. 2015. № 1. С. 30–37.
- Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы психологии. 1977. № 4. С. 95–101.
- Дацун Н. А., Ворожбитова А. А. Билингвальная подготовка будущего юриста как профессиональной языковой личности. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2020. DOI: <https://doi.org/10.23682/96549>
- Доброва Т. Е., Рубцова С. Ю. Особенности формирования межкультурной компетенции студентов-филологов в полиэтнической группе (Case Study) // Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: по материалам XLVII международной филологической конференции 18–27 марта 2019 г. / под ред. Е. К. Тимофеевой. СПб.: Лема, 2019. С. 137–144.

- Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации // Проблемы семиосоциопсихологии / ред.: И. Т. Левыкин. М.: Наука, 1984. С. 54–72.
- Елашкина Н. В.* Сущность самостоятельной работы студентов при обучении иноязычному общению в неязыковом вузе // Молодежный вестник ИрГТУ. 2018. Т. 8, № 2. С. 171–174.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Копыловская М. Ю., Рубцова С. Ю., Доброва Т. Е.* Обучение английскому языку как основа формирования общепрофессиональных компетенций специалиста рынка труда в XXI веке // Педагогический журнал. 2017. Т. 7, № 5А. С. 210–220.
- Королькова С. А.* Текстотипологическая модель обучения письменному переписыванию. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
- Кошкин Д. А., Иванов М. Д.* Воздействие мира персонажа на мир читателя (на материале книги для домашнего чтения) // Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 28 февр. 2020 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.]. Чебоксары: Среда, 2020. С. 205–210. DOI: 10.31483/r-74773
- Крушельницкая К. Г.* Проблемы взаимосвязи языка и мышления // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 371–416.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2019.
- Малинович М. Ю., Малинович М. В., Агеева Г. А., Адамова М. В., Баженова Л. С., Борисова И. В., Елохова Г. В., Мишуткина И. И., Пашаева И. В., Скородумова Н. В., Танков Е. В., Топка Л. В., Хромова Т. А., Чижова Т. А.* Внутренний мир человека: семантические константы (коллективная монография) // Успехи современного естествознания. 2010. № 9. С. 82–83.
- Пирогова Н. Г., Юрьева Л. В., Кошкин Д. А.* К вопросу об опыте применения кейс технологии на занятиях по иностранному языку // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. Т. 1, № 49. С. 220–224.
- Потёмкина Е. В.* К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 215–224.
- Тарнаева Л. П.* Языковая личность как междисциплинарный предмет исследования // Сибирский педагогический журнал: науч.-практ. изд. 2008. № 9. С. 124–131.
- Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989.
- Хитрик К. Н.* Теоретические подходы к обучению культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе. М.: Воен. ун-т, 2000.
- Цветкова Т. К.* Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 68–81.

Черниговская Т. В. Homo Loquens: эволюция церебральных функций и языка // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2004. Т. 40, № 5. С. 400–406.

Шапошникова И. В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 255–273.

Halliday M. On Grammar. A personal perspective // Halliday M. A. K. Collected Works / ed. by J. Webster. London; New York: Continuum. Vol. 1. 2002. P. 5–17.

Учебная литература

Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М.: Аркти-Глосса, 2000.

Проектное управление в дистанционном обучении английскому языку студентов

В данной статье автор рассматривает некоторые вопросы дистанционного обучения английскому языку через призму гибких методов управления. На основе проделанного анализа описывается практика организации учебного процесса в рамках освоения дисциплины «Иностранный (английский) язык. Профессиональный курс» и развития профессионально-коммуникативной компетенции — коммуникации на английском языке для студентов социально-экономических специальностей. В пилотном проекте по внедрению подхода приняло участие более 13 групп (более 40 команд) студентов 1–2-го курсов различных социально-экономических специальностей, общее количество студентов составило 276 человек. При экспертной оценке результатов внедрения подхода отмечено повышение интереса студентов к изучению английского языка, стабильность посещаемости и общей подготовленности к занятию, скорость и результативность усвоения лексико-грамматического материала, скорость обработки текстовой информации и т. п. Познавательная самостоятельность студентов остается максимально раскрыта и активизирована, студенты замотивированы на успешное взаимодействие и личный вклад в достижение командного результата, так как роль и ответственность каждого в проекте четко обозначена. Позитивным результатом внедрения является также и то, что в процессе работы над проектом студенты восполняют и развивают управленческие навыки и *soft skills* — навыки межличностного общения: ответственность и результативность, целеполагание и планирование, командное взаимодействие и системное мышление, лидерство и некоторые другие. Подход может быть тиражирован и адаптирован для иных дисциплин, не только языковых, в том числе и для социально-экономических.

Ключевые слова: дистанционное обучение, гибкие методы управления, Agile, Scrum, Kanban, мотивация, развитие профессиональных компетенций, *soft skills*.

К. А. Kouzmina

Project management in distant learning of English language

The author examines some practices of learning English seen in the context of flexible management approaches. On the basis of the analysis made, key peculiarities of instruction organization and provision are described within the course “Foreign (English) Language. Professional Course”. Development of

communicative competencies for the students of economics and social sciences faculty is concerned as the starting point for examination. More than 13 groups (more than 40 teams) of 1st–2nd year students of various socio-economic specialties took part in the pilot project on the implementation of the approach, the total number of students was 276 people. An expert assessment of the results of the implementation of the approach noted an increase in students' interest in learning English, the stability of attendance and general readiness for the class, the speed and effectiveness of the assimilation of lexical and grammatical material, the speed of processing text information, etc. Cognitive independence of students remains maximally revealed and activated, students are motivated for successful interaction and personal contribution to the achievement of a team result, since the role and responsibility of each in the project is clearly defined. A positive result of the implementation is also the fact that in the process of working on a project, students perform and develop managerial skills and soft skills — interpersonal communication skills: responsibility and efficiency, goal setting and planning, team interaction and systems thinking, leadership and some others. The approach can be replicated and adapted to other disciplines, not only linguistic ones, including the socio-economic ones.

Keywords: distant learning, flexible management approaches, Agile, Scrum, Kanban, motivation, communicative competencies, soft skills.

Введение

Вопросы, которые мы разрабатываем в данной статье, касаются повышения при дистанционном обучении мотивации студентов, изучающих английский язык в профессиональных целях, адаптации некоторых гибких методов и технологий управления Agile, таких как Scrum и Kanban, в организацию учебного процесса и для овладения профессионально-коммуникативной компетенцией.

Новизна исследования состоит в том, что применение обозначенных выше управленческих технологий впервые проецируется на развитие профессионально-коммуникативной компетенции в обучении английскому языку студентов неязыкового вуза с точки зрения формирования мотивационной составляющей и совершенствования организации учебного процесса в вузе. Отдельно отметим, что Scrum, Kanban и другие методы проектной философии Agile последние пять лет достаточно пристально начинают рассматриваться исследователями применительно к развитию профессиональных компетенций в других областях, например в технических специальностях [Гороховская, Рулине, 2018; Сафиуллин, Тронин, 2015; Тронин и др., 2016]. Приняв разделение деятельности в управлении на операционную и проектную, мы ассоциируем, что элементами операционной деятельности в организации учебной деятельности яв-

ляются рабочая программа, учебный план, методические материалы и рекомендации, фонд оценочных средств и т. п. Проектная деятельность рассматривается нами как алгоритм освоения дисциплины, содержательные компоненты которого могут варьироваться с учетом поставленных учебных задач и актуального содержания рабочей программы, избранного учебного пособия и материалов и т. п.

Мотивация

Мотивация при дистанционном обучении пока остается самой слабо проработанной составляющей учебного процесса, а в связи с обычно небольшим объемом контактных часов программы (54–72 акад. часа) немаловажной остается общая направленность курса на корректировку и развитие навыков профессиональной коммуникации.

Гибкие методы управления семейства Agile¹ — Scrum² и отчасти Kanban³ — видятся нам наиболее приемлемыми методологиями, которые возможно переложить на учебный процесс сквозь призму его эффективной организации. С точки зрения повышения вовлеченности студентов в процесс обучения, большей отдачи и мотивации эти технологии дают возможность настраивать студентов на максимально быстрое и эффективное профессиональное языковое развитие с помощью проверенной современной управленческой технологии и добиваться больших по сравнению с традиционными методами организации процесса результатов. Осознанный подход к внедрению в учебный процесс модели «4 “П”» («планирую — проектирую — производжу — применяю») [Marschner, McCarthy, 1972], понимание ключевых особенностей каждого из этапов в учебном задании-проекте ориентирует на достижение измеримого результата и четкое понимание своего прогресса.

Организация проекта

Преподаватель кратко вводит основные вопросы методологии Agile и Scrum, расшифровывая ценностные принципы и преимущества обучения, порядок координации и взаимодействия в про-

¹ Agile Alliance. URL: <https://www.agilealliance.org> (дата обращения: 12.05.2021).

² Scrum. URL: <https://www.atlassian.com/ru/agile/scrum> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Kanban. URL: <https://www.atlassian.com/ru/agile/kanban> (дата обращения: 12.05.2021).

екте, роли и ответственность, способы оценки результата. С учетом итогов входного тестирования на определение уровня языка группа разбивается на команды (6–8 чел.), распределенные, например, в Zoom-комнатах при синхронном обучении — практическом занятии, и/или асинхронно, дома или при выполнении вне аудитории, — в Skype, например. Так, команды на постоянной основе регулярно обсуждают перспективы и результаты работы над учебным проектом в Skype, используя любое бесплатное приложение формата канбан-доски (например, Trello).

Спринтом принято называть отрезок времени (обычно недельный) для разработки продукта. На примере темы «Careers» из известного учебного комплекса «Market Leader Pre-Intermediate (Pearson Education Limited)», таким учебным продуктом может стать как отдельно прочитанный текст (написанное мотивационное письмо, систематизированная лексика юнита, опорные вопросы для монолога «My Career Plan», подготовленный полилог или диалоги по тематике юнита и т.п.), так и освоенная лексико-грамматическая разработка — юнит учебника. Мы обычно ставим таким продуктом: 1) юнит учебника, так как его освоение несет большую мотивационную нагрузку и формирует у студентов более целостное представление о достигнутом результате, нежели чем отдельное его задание, и 2) прообраз выполненного профессионального задания, например для студентов направления «Реклама и PR»: «Ознакомьтесь с источником и трансформируйте представленную информацию в формат поста для целевой аудитории вашей компании». Задания с четко прописанной формулировкой на развитие профессиональной компетенции обычно выполняются студентами с гораздо большей мотивацией — польза его очевидна для будущей профессиональной деятельности, студенты также понимают и необходимые «учебные шаги» в развитии профессиональной компетенции — необходимые лексико-грамматические шаги, которые уже не воспринимаются как нечто не связанное с профессиональными реалиями и задачами.

Задачи фиксируются на канбан-доске стикерами в разделах «To Do» — «In Progress» — «Done» регулярно, и с понятной периодичностью проводится их мониторинг. Результаты проектного задания отражаются в столбце «Done» (далее — проект), при необходимости и для учебной отчетности переносятся в LMS, например в MS Teams или иную информационно-образовательную среду, которая включает возможность провести обсуждения в виртуальных комнатах. С точки зрения Scrum-методологии преподаватель выполняет одновременно несколько ролей: роль *владельца продукта* (1), кото-

рый описывает концепцию продукта, знает и транслирует участникам, какой продукт он хочет получить; роль Scrum-master'a (2), который координирует работу команды, проводит совещания, защищает от отвлекающих факторов, обеспечивает методическую поддержку команде, контролируя стыковку знаний и тренировку навыков, поощряет самоорганизацию, ответственность и инициативу, контролирует достигнутые результаты.

Вовлеченность

Важной особенностью при работе над проектом становится то, что при намеченной цели проекта пул задач разрабатывают сами участники. Блоки задач в спринте обычно ассоциированы по видам речевой деятельности, для формулировок задач обычно используются формулировки заданий учебника. Именно студенты в период недельного спринта ставят задачи внутри проекта, продумывают логику и последовательность их исполнения, оценивают и ставят сроки исполнения той или иной задачи, разумеется, под тщательным наблюдением преподавателя, который на этапе планирования и постановки задач максимально контролирует процесс обучения с точки зрения его корректной методологии.

Процесс и результаты

Обмен лучшими практиками изучения материала, опытом его освоения, обсуждение алгоритма выполнения задания, способов заучивания лексики / грамматики и т.п. происходит через обсуждение внутри группы и мозговые штурмы. Преподаватель, выполняя роль Scrum-master'a, консультирует и подсказывает варианты наиболее оптимального недельного трека развития, аккумуляции знания и/или приобретения навыка, подчеркивает те или иные преимущества в способах достижения результата, предвосхищает ошибки в части последовательности изучения материала. При этом познавательная самостоятельность студентов остается максимально раскрыта и активизирована, студенты замотивированы на успешное взаимодействие, так как роль и ответственность каждого в проекте четко обозначена. Также студентов мотивирует личный вклад в достижение командного результата, так как между командами существует система рейтингования с понедельными метриками и ориентацией на то, как оперативно и с наименьшими потерями для команды исправить и сделать так, чтобы ошибку не

повторяли, а не на то, как найти и снизить оценку тому, кто допустил ошибку в спринте.

Ограничением при применении данного подхода является низкая проектно-методическая осведомленность преподавателя, что, впрочем, довольно легко восполняется: при тиражировании подхода внутри кафедры организуются мастер-классы и миниконференции, и при наличии разработанных рекомендаций и скриптов внедрение этого подхода требует не значительных дополнительных временных трудозатрат от преподавателя, но скорее соответствующей административной поддержки и целевого посыла руководителя кафедры и факультета (института) педагогическому коллективу: на коллаборацию и конкретные шаги в новом направлении профессионального развития.

Очевидным преимуществом подхода к развитию профессионально-коммуникативной компетенции нам видится высокая вовлеченность студентов в учебно-проектную деятельность, осознанность и глубокое погружение в изучаемый материал, мотивация на достижение результата проекта через планомерное сотрудничество с коллегами и личный вклад в управление проектом.

Было проведено анкетирование студентов с целью самооценки динамики развития их профессиональной коммуникативной компетенции. Оценивались, например, такие индикаторы профессионального поведения, как «готовность к выполнению профессионально-ориентированной задачи», «удовлетворенность от прогресса в развитии профессиональных навыков (подготовка поста для соцсети / заметки для корпоративного портала на английском языке)» и т. п.).

При экспертной оценке результатов внедрения преподавателем замерялись также параметры повышения интереса студентов к изучению английского языка, стабильность посещаемости и общей подготовленности к занятию, скорость и результативность усвоения лексико-грамматического материала, скорость обработки текстовой информации и т. п. В пилотном проекте по внедрению подхода приняло участие более 13 групп (более 40 команд) студентов 1–2-го курсов различных специальностей, общее количество студентов составило 276 человек (такие специальности, как 38.03.01 «Экономика», 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», 37.03.01 «Психология», 40.03.01 «Юриспруденция», 43.03.02 «Туризм»).

Плюсом является также и то, что кроме непосредственно профессиональных языковых навыков в процессе работы над проектом

студенты восполняют и развивают управленческие навыки и soft skills — навыки межличностного общения: ответственность и результативность, целеполагание и планирование, командное взаимодействие и системное мышление, лидерство и некоторые другие. При заинтересованности кафедры и факультета подход может быть тиражирован и адаптирован для иных дисциплин, не только языковых, в том числе и для социально-экономических.

Литература

- Гороховская Н. А., Рулиене Л. Н.* Модель формирования социальной компетентности у будущих программистов в условиях коллаборативного электронного обучения // Проблемы современного образования. 2018. № 5. С. 209–217. URL: <http://www.pmedu.ru/images/2018-5/21.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).
- Сафиуллин А., Тронин В.* Сотрудничество и научно-исследовательские сети в экономике знаний // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 2. С. 104–111.
- Тронин В. Г., Моисеев В. В., Храмков Е. М.* Использование принципов гибких методологий управления проектами при разработке региональной системы ЖКХ Ульяновской области // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2016. № 2 (74). С. 38–42.
- Marschner D. C., McCarthy E. J.* Basic Marketing: A Managerial Approach: Book Review // Journal of Marketing. 1972. Vol. 36, iss. 1. P. 106.

Использование иностранного языка экономистами в России с целью повышения осознания ими принадлежности к социальной группе

В статье подчеркивается важность идентификации экономистами себя как определенной социальной группы и рассматриваются пути повышения данного осознания, что будет способствовать повышению их профессионального уровня, согласованности их действий на наднациональном уровне. Анализируется один из путей повышения данного осознания на основе изучения профессиональных компетенций экономистов в рамках иноязычной подготовки. Используются пять основных профессиональных компетенций, общих для всех экономистов на различных уровнях обучения в соответствии с проектом Совета по социологическим исследованиям с участием экономистов. Предлагаемые виды деятельности для обучения студентов-экономистов в рамках иноязычной подготовки способствовали развитию понимания студентами целей экономического образования, повышению мотивации к освоению профессиональной деятельности, осознания принадлежности к определенной социальной группе.

Ключевые слова: использование английского языка, экономисты, профессиональные компетенции, социология экономики, субкультура.

L. S. Maslova

The use of English by economists in Russia with the purpose of increasing their awareness of belonging to a social group

The article highlights the importance of identification by economists themselves as a part of a social group and discusses ways to increase this awareness, which will help to increase their professional level, the consistency of their actions at the supranational level. The article analyzes one of the ways to increase this awareness on the basis of studying the competencies of economists in the framework of foreign language training. The article uses five essential professional competencies common to all economists at various levels of education in accordance with the project organised by the Social Science Research Council (SSRC) with the participation of economists. The proposed activities for teaching economics students within the framework of foreign language training contributed to the development of students' understanding of the

goals of education in Economics, increased their motivation for improving professional skills and awareness of belonging to a particular social group.

Keywords: use of English, economist, professional competences, sociology of economics, subculture.

Экономисты, как профессиональное сообщество, имеют свои традиции и нормы, систему ценностей, профессиональную терминологию. Их отличают определенные мнения, убеждения, предпочтения в сравнении со специалистами в других областях деятельности. Экономисты объединяются способностью анализировать финансовые документы, планировать в условиях неопределенности, давать финансовые консультации, принимать эффективные управленческие решения.

В современных условиях сообществу экономистов необходимо обладать гибкой системой реагирования на мировые процессы, проявлять лингвокреативность, обозначать языковыми средствами новые явления и процессы.

Отличия экономистов как социальной группы широко обсуждаются в научной литературе. Так сообщество экономистов сравнивается исследователями с гильдией, поскольку они получают идентичную профессиональную подготовку и владеют общими методами анализа («Because economists go through a similar training and share a common method of analysis, they act very much like a guild») [Rubinstein, 2017, p. 165].

В статье «The Superiority of Economists» утверждается, что экономисты обладают чувством превосходства, рассматривают экономические дисциплины на вершине иерархии социологических наук, поскольку социологи и политики в меньшей степени используют аналитические инструменты [Fourcade et al., 2015]. 57,3 % экономистов, участвовавших в опросе, результаты которого представлены в данной статье в таблице [Fourcade et al., 2015, p. 95], категорически не согласны с утверждением, что междисциплинарное знание важнее дисциплинарного.

Отдельно рассматриваются соотношения исследовательской и преподавательской работы экономистов по сравнению с другими дисциплинами [Allgood, Walstad, 2013].

Для определения различных социумов, в том числе и профессиональных, в современной науке используется понятие субкультуры [Кострубина, 2018, с. 101]. Субкультура экономистов определяется как социальное образование внутри общепринятого социокультур-

ного пространства, которое сложилось в результате развития производственных и денежных отношений и имеет свою систему ценностей и профессиональный лексикон. Субкультура экономистов обладает субъязыком, представляющим совокупность некоторых фонетических, грамматических и преимущественно специфических лексико-фразеологических средств общенародного языка, обслуживающих речевое общение социума экономистов, характеризующегося единством профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных экономических понятий [Кострубина, 2018, с. 104].

Отличительными признаками субкультуры экономистов являются следующие: взаимосвязь субкультуры с политическими, социальными и духовными сферами; выход на наднациональный уровень; гибкая система реагирования на социальные, политические, экономические изменения; стремление к сокращению времени на выполнение операций; компьютеризация и автоматизация экономических процессов с сохранением приоритета человеческих ресурсов в осуществлении управленческой функции; постоянное пополнение профессиональной терминологии, интенсивное ее развитие, унификация. Терминосистема экономической деятельности преимущественно состоит из терминосочетаний (например, *activity based costing*, *gross domestic product*), а не односложных терминов, часто включая описательные конструкции, которые тоже классифицируются как экономические термины [Кострубина, 2018, с. 106–109].

Исследователями предлагается использовать более широкий спектр методов для активного вовлечения будущих экономистов в процесс подготовки: совместное преподавание и групповое (коллективное) обучение, совместное преподавание в форме гостевых лекций [Becker, Watts, 1996].

Исследователями также обсуждаются наиболее перспективные направления совершенствования общепрофессиональной подготовки экономистов, среди которых выделяются следующие: экономико-теоретическое обоснование содержания подготовки, стандартизация, унификация, развитие базовых способностей экономистов (анализ экономической ситуации, коммуникация и др.), развитие интуитивного и креативного мышления.

Центральной работой в данном аспекте можно считать исследование С. Олгуда и А. Байер [Allgood, Bayer, 2017]. В этой работе подчеркивается важность выражения результатов обучения (*learning outcomes*) экономистов компетенциями, что позволяет интегриро-

вать знания и практические умения по их применению. В статье рассмотрены *пять основных компетенций, применимых для всех экономистов на различных уровнях обучения в соответствии с проектом Совета по социологическим исследованиям с участием экономистов (SSRC)*. В статье компетенции сформулированы в общем виде, подробно рассмотрены в применении к экономической теории, могут быть экстраполированы на другие домены, такие как менеджмент, финансы и др. на всех уровнях обучения:

- K1: способность применять научный процесс (теорию) к экономическим явлениям («the ability to apply the scientific process to economic phenomena»);
- K2: способность анализировать и оценивать поведение экономических субъектов и результаты, используя экономические концепции и модели («the ability to analyze and evaluate behavior and outcomes using economic concepts and models»);
- K3: способность использовать количественный анализ в экономике («the ability to use quantitative approaches in economics»);
- K4: способность критически оценивать экономические модели и их применение («the ability to think critically about economic methods and their application»);
- K5: способность к коммуникации экономических идей в разнообразных формах сотрудничества («the ability to communicate economic ideas in diverse collaborations»).

Сходство между компетенциями проекта ФГОСЗ++¹ и компетенциями в исследовании С. Оллгуда и А. Байер отражает процессы глобализации, происходящие в подготовке экономистов, и обуславливает решение автора статьи оценить важность компетенций для студентов, улучшить их понимание целей обучения в университете.

В рамках иноязычной подготовки студентам — будущим экономистам, изучавшим профессионально-ориентированный иностранный язык в СПбГУ (2020 год обучения), в качестве одного из заданий было предложено проанализировать данную англоязычную научную статью [Allgood, Bayer, 2017], написать аннотацию на

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика. Утвержден 12.08.2020. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203%20++/Bak/380301_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 16.05.2021).

английском языке, сделать перевод значения каждой компетенции, а также, используя английский язык:

- оценить важность каждой компетенции по шкале от 0 до 10 баллов;
- оценить свой уровень развития данных компетенций — от базового (стартового) до среднего и продвинутого;
- обозначить сферу развития данных компетенций;
- отметить, способствовала ли иноязычная подготовка развитию данных компетенций и если да, то в какой мере;
- оценить, достаточны ли были задания на чтение, перевод, постановку вопросов, анализ научных статей, рассмотрение кейсов, проектов, подготовку презентаций в рамках иноязычной подготовки для развития данных компетенций;
- обозначить, какие еще задания и виды деятельности являются, с их точки зрения, особенно значимыми для развития профессиональных компетенций экономиста.

Средние значения в баллах представлены в таблице.

Таблица. Оценка важности компетенций (образовательных результатов)

Степень образования	Компетенции				
	K1	K2	K3	K4	K5
Бакалавриат	8.5	8.5	7.1	8.3	8
Магистратура	8.3	8.4	8.3	9.3	8

Опрос показывает практически в равной степени важность данных компетенций. Бакалавры в меньшей степени оценивают значение математики, чем магистры. В то же время магистры наибольшее значение отдают способности мыслить критически. Показатели по способности к коммуникации оказались равны в двух группах.

По мнению студентов, в большей степени иноязычная подготовка содействует развитию компетенций K1, K5, однако, могут развиваться и другие компетенции: K2, а также K3, K4 при чтении статей о методиках анализа и математических методах.

Студенты отмечают, что было достаточно упражнений на работу с различными научными текстами и статьями, иноязычная подготовка способствовала структурированию вопросов и ответов на них, развитию коммуникативных способностей.

Наряду с отмеченными видами деятельности на занятиях по иностранному языку, студенты-бакалавры высказали мнение, что предложенные ниже виды деятельности также будут способствовать развитию компетенций: представление текущих проблем экономистов, рассмотрение большого количества кейсов; чтение статей об математических методах и их применении; беседы с ведущими профессионалами; групповое (коллективное) обучение, групповые проекты; представление презентаций, статей с различными точками зрения на теорию; решение проблем, рассмотрение бизнес-проектов (создание стартапа); анализ графиков; дискуссии, дебаты, групповые исследования; работа с ресурсами информации, чтение статей.

Магистры отметили, что все предложенные задания способствовали развитию данных компетенций, и выразили заинтересованность: в изучении большого количества статей, кейсов с презентациями и статистикой; в организации диалогов и дискуссий, в работе в малых группах по обсуждению проблем, дебатах по спорным вопросам, в расширении ресурсов информации.

Концентрация на особенностях профессии и социума экономистов, используемого субъязыка, изучение компетенций, оценивание компетенций по степени важности, написание аннотаций способствовали развитию понимания целей экономического образования, повышению мотивации к освоению профессиональной деятельности, осознания принадлежности к определенной социальной группе.

Важно отметить, что оформление документов финансовой отчетности предприятий (баланса, отчета о финансовых результатах) в соответствии с международными стандартами выходит за рамки простого перевода с русского языка на английский и требует трансформации русскоязычной версии в англоязычную (британский или американский формат). В документах финансовой отчетности предприятий, в особенностях написания бизнес-планов компаний находят отражение культурные традиции стран изучаемого языка, поэтому изучение основополагающих документов финансовой отчетности экономистов на иностранном языке, вариантов оформления бизнес-планов приобщает их к пониманию культуры, помогает интегрироваться в мировое сообщество.

Таким образом, среди путей повышения осознания экономистами принадлежности к социальной группе выделяются следующие:

- изучение терминов, способов их образования, аббревиатур, лексико-грамматических структур субъязыка экономистов;

- ознакомление с документами финансовой отчетности предприятий;
- изучение научных статей на иностранном языке;
- освоение образа мышления зарубежного специалиста по экономике, культурных традиций;
- понимание целей профессиональной подготовки, профессиональных компетенций экономистов.

Литература

- Кострубина С. А.* Сокращения терминов в английском и русском субъязыках экономистов: дис. ... канд. пед. наук. Череповец, 2018.
- Allgood S., Bayer A.* Learning Outcomes for Economists // *The American Economic Review*. 2017. Vol. 107, no. 5. P. 660–664.
- Allgood S., Walstad W.* How Economists Allocate Time to Teaching and Research // *The American Economic Review*. 2013. Vol. 103, no. 3. P. 654–658.
- Becker W.E., Watts M.* Chalk and Talk: A National Survey on Teaching Undergraduate Economics // *The American Economic Review*. 1996. Vol. 86, no. 2. P. 448–453.
- Fourcade M., Ollion E., Algan Y.* The Superiority of Economists // *The Journal of Economic Perspectives*. 2015. Vol. 29, no. 1. P. 89–113.
- Rubinstein A.* Comments on Economic Models, Economics, and Economists: Remarks on “Economics Rules” by Dani Rodrik // *Journal of Economic Literature*. 2017. Vol. 55, no. 1. P. 162–172.

Синергетический эффект компонентов иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональном развитии аспирантов технического вуза

В статье раскрывается потенциал дисциплины «Профессионально-ориентированный иностранный язык в развитии компетенций, необходимых для проведения молодыми учеными научно-исследовательской работы». Особое внимание уделяется изучению синергетического эффекта взаимодействия компонентов структурной модели иноязычной коммуникативной компетенции, имеющему решающее значение для профессионального развития аспирантов. Эмпирическим путем проведено ранжирование компонентов структурной модели иноязычной коммуникативной компетенции по ценности, определены потребности аспирантов технических специальностей в контексте обучения английскому языку и выявлены факторы, влияющие на эффективность развития научно-исследовательской компетенции аспирантов.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, компоненты иноязычной коммуникативной компетенции, научно-исследовательская деятельность, синергетический эффект, курс английского языка для специальных целей, техническое учебное заведение, цель и задачи обучения в аспирантуре.

I. S. Oblova, Yu. M. Sishchuk

Synergistic effect of components of foreign-language communicative competence in the professional development of postgraduate students of a technical university

The research generates further insights into the functional role of the ESP course for the graduate research module. The article highlights the synergistic effect of interaction of components of foreign-language communicative competence being crucial for the professional development of postgraduate students. The aim of this article is to consider usefulness of the components of the structural model of foreign-language communicative competence on the basis of postgraduates' perception as well as to offer a closer look at the needs analysis in the context of teaching English for specific purposes, to evaluate PhD

students' research-related experience including their interest in, appreciation for, and comfort with science, and to determine the barriers to research.

Keywords: foreign-language communicative competence, postgraduate students, components of foreign-language communicative competence, research activities, synergistic effect, English for Specific Purposes, technical university, mission of postgraduate study.

Развитие инженерного дела является одним из фундаментальных факторов приумножения интеллектуального капитала и формирования мощной производственной базы России. Многоцелевые государственные программы Российской Федерации направлены на повышение конкурентоспособности научно-образовательных услуг в целях развития отечественной инновационной экономики. Системное значение имеют государственная программа «Развитие образования» на 2018–2025 гг., национальные проекты «Образование» (2018–2024), «Наука» (2018–2024), Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов (проект «5-100»). Важным направлением реализации образовательной политики России является интеграция фундаментальной науки, образования и производства. Разработанный Минобрнауки России национальный проект «Наука» включает в себя три федеральных проекта: «Развитие научной и научно-производственной кооперации», «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации» и «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок».

Среди ключевых целей проекта «Наука»:

- рост востребованности исследований и разработок, проводимых в сфере высшего образования и науки;
- обеспечение присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира по количеству исследований в приоритетных областях научно-технологического развития;
- создание условий для внутрироссийской и международной мобильности высококвалифицированных научных кадров, для активизации механизмов «научной дипломатии»;
- обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для ведущих ученых и молодых перспективных исследователей;

- опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования¹.

Модернизация экономики с учетом потребности предприятий в специалистах, готовых работать в условиях высокотехнологичного производства в мультикультурном обществе, и насущная потребность увеличения научного потенциала России актуализировали задачу эффективного управления подготовкой специалистов высшей квалификации в аспирантуре. Подготовку к научно-исследовательской деятельности студентов можно представить в виде континуума формирования совокупности компетенций, обладающих синергетическим эффектом и определяющих общий научный стиль индивида (табл. 1)².

Для подготовки будущих специалистов к взаимодействию в мультикультурном обществе необходим высокий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции. Совет Европы выделяет два вида компетенций в области обучения иностранным языкам: общие компетенции и коммуникативные языковые компетенции³. Переход на уровневое образование актуализировал необходимость уточнения понятия иноязычной коммуникативной компетенции в контексте формирования профессиональной компетентности будущих специалистов.

В теоретических научно-педагогических источниках (М. Н. Вяттунев, И. А. Зимняя, Н. И. Гез, Е. И. Пассов, И. Л. Бим, В. В. Сафонова, Дж. Савиньон, Г. Пифо, Д. Хаймз, Д. Равен и др.) отсутствует концептуальное единство в определении понятия «коммуникативная компетенция», обусловленное многоаспектностью рассматриваемой категории, но единодушно признается ее многокомпонентная структура. В контексте Европейской системы уровней владения иностранным языком структура данной компетенции включает лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую компоненты⁴. М. Канале и М. Свейн выделили три составляющие

¹ Национальный проект «Наука». Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. URL: <http://static.government.ru/media/files/UraNEEbOnbjocoMLPOnnJZx4OT20Siei.pdf> (дата обращения: 27.08.2020).

² Там же.

³ Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment (CEFR). P. 9–13. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf (дата обращения: 02.07.2020).

⁴ Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Совет Европы. Департамент по языковой политике. Страсбург, 2001.

Таблица 1. Сравнение карт компетенций выпускников магистратуры и аспирантуры

Магистратура	Аспирантура
Способность разрабатывать рабочие планы и программы проведения научных исследований и технических разработок, подготавливать отдельные задания для исполнителей (ПК-1)	Способность проектировать и осуществлять комплексные исследования, в том числе междисциплинарные, на основе целостного системного научного мировоззрения (УК-2)
Способность свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения (ОК-3)	Готовность использовать современные методы и технологии научной коммуникации на родном и иностранном языке (УК-4)
Способность проявлять инициативу, в том числе в ситуациях риска, брать на себя всю полную ответственности (ОК-5)	Способность к разработке новых методов исследования и их применению в самостоятельной научно-исследовательской деятельности с учетом правил соблюдения авторских прав (ОПК-4)
Способность разрабатывать физические и математические модели исследуемых процессов, явлений и объектов, относящихся к профессиональной сфере деятельности (ПК-4)	Владение методологией теоретических и экспериментальных исследований (ОПК-1)
Готовность использовать на практике умения и навыки в организации исследовательских и проектных работ, в управлении коллективом (ОК-4)	Готовность организовывать работу исследовательского коллектива (ОПК-3)
Способность применять современные методы и методики преподавания в учебных заведениях (М-ПК-12)	Способность обоснованно выбирать и эффективно использовать образовательные технологии, методы и средства обучения с целью обеспечения планируемого уровня личностного и профессионального развития обучающегося (ОПК-6)
Способность разрабатывать учебные планы, программы и соответствующее методическое обеспечение для преподавания в учебных заведениях (М-ПК-13)	Способность разрабатывать комплексное методическое обеспечение преподаваемых учебных дисциплин (модулей) (ОПК-7)

коммуникативной компетенции: грамматическую компетенцию — знание синтаксиса, морфологии, семантики и строения предложений, а также стратегическую компетенцию, то есть достижение поставленной коммуникативной цели в конкретном коммуникативном контексте и социолингвистическую компетенцию [Canale, Swain, 1980; 1981]. Позднее для разъяснения вышеприведенной модели М. Канале добавил дискурсивную составляющую компетентности, отвечающую за согласованность высказывания [Canale, 1983]. В исследовании, проведенном Дж. Савиньоном, коммуникативная компетентность была описана как способность функционировать в подлинно коммуникативной обстановке и включала в себя такие компоненты, как грамматический, социолингвистический, компенсаторный и стратегический [Savignon, 1997, p. 215–230].

М. Н. Вятютнев ввел термин «коммуникативная компетенция» в отечественную лингводидактику, характеризуя сущность коммуникативной компетенции как способность реализовать программу речевого поведения в зависимости от роли, места, темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников беседы, а также обладание знаниями и умениями, необходимыми для понимания и порождения программ речевого поведения [Вятютнев, 1977]. Н. И. Гез определяет коммуникативную компетенцию как способность правильно использовать язык в разнообразных социально детерминированных ситуациях, особенно выделяя умение правильно организовать речевое общение с учетом культурных и социальных норм коммуникативного поведения [Гез, 1985]. Ученый выделяет вербально-когнитивную, лингвистическую, вербально-коммуникативную и метакоммуникативную компетенции как составляющие иноязычной коммуникативной компетенции. Рассматривая коммуникативную компетенцию с психологической точки зрения, И. А. Зимняя особое внимание уделяет способности субъекта реализовывать речевое поведение, адекватное по цели, средствам и способам различным задачам и ситуациям общения [Зимняя, 1991, с. 93–97].

В условиях интеграции образования с наукой и производством актуальным является рассмотрение процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции молодых ученых как результата взаимодействия ее составляющих, слияния компонентов в единое целое, приводящее к синергетическому эффекту, проявляющемуся в возрастании эффективности научной деятельности аспирантов в поликультурном обществе.

Под синергетическим эффектом многокомпонентной иноязычной коммуникативной компетентности понимается повышение эффективности коммуникации за счет создания условий для получения будущими специалистами междисциплинарных знаний в результате взаимодействия лингвистического, компенсаторного, учебно-познавательного, социокультурного, дискурсивного компонентов, сформированных при обучении иностранным языкам в контексте межкультурного общения. Взаимодействие отдельных компонентов усиливает индивидуальные обучающие возможности каждого отдельного компонента иноязычной коммуникативной компетенции. При этом полученная синергия способствует повышению не только межкультурной компетентности аспирантов, но и развитию их профессионального потенциала в целом, что обеспечивает конкурентоспособность специалистов на международном рынке труда.

Впервые термин «синергия» появился в Древней Греции в значении *συνεργία*, то есть ‘содействие, помощь’, затем проник в латинский язык (лат. *synergein*) с небольшим изменением семантического значения *syn* (‘вместе’) и *ergon* (‘работа’), а в конце XIX в. стал употребляться в научной литературе [The Oxford Dictionary..., 1966, p. 546]. Термин получил широкое распространение в разных областях знаний: эффект слияния кварков в физике, описание сложных межклеточных взаимодействий в биологии, реакции между веществами в химии, при трении и износе в композиционных материалах в технике. Несмотря на то что в настоящее время не существует единого определения термина «синергия», в отечественной и зарубежной литературе можно выявить некоторые общие тенденции его характеристики. Так, в общем философском понимании А. Е. Иванов [Иванов, 2011], И. Г. Шестакова и С. Д. Полански [Shestakova, Polanski, 2019], М. И. Микешин [Микешин, 2020] определяют синергию как явление, проявляющееся в результате совместного действия нескольких участников или компонентов процесса, а синергический эффект — как результат взаимодействия взаимосвязанных элементов системы. Также следует отметить работы В. И. Аршинова, Я. И. Свирского — основоположников синергетического движения в языке [Аршинов, Свирский, 1994]; Г. Г. Москальчук, занимающейся структурной организацией и самоорганизацией текста [Москальчук, 1998]; И. А. Герман, В. А. Пищальниковой, разрабатывающих лингвосинергетическую концепцию [Герман, Пищальникова, 1999]; В. Н. Базылева, рассматривающего семиотико-синергетический подход к исследованию развивающегося системного объекта [Базылев, 2009]; Д. А. Щукиной, изучающей лингводинамику научно-профес-

сиональных текстов [Щукина, 2016]; Е. Ю. Левиной и соавторов, занимающихся вопросами тестирования студентов [Levina et al., 2016]. Мы определяем синергетический эффект компонентов иноязычной коммуникативной компетенции как изменение эффективности развития иноязычной коммуникативной компетенции аспирантов технического вуза благодаря возникновению новых качеств полученной системы.

Данное исследование направлено на уточнение понятия «синергетический эффект компонентов иноязычной коммуникативной компетенции» и представляет собой синтез анализа научной литературы о понятиях «синергия» и «синергетический эффект иноязычной коммуникативной компетенции», функциональной роли английского языка в подготовке научных кадров высшей квалификации в России и экспериментальных данных, полученных в результате опроса аспирантов Санкт-Петербургского горного университета в 2017–2019 учебных годах.

Целью исследования было проанализировать потребности в изучении английского языка аспирантов первого и второго курсов неязыковых направлений подготовки. Среди опрошенных 153 аспирантов 49 % имеют пороговый уровень владения английским языком, 29 % аспирантов — пороговый продвинутый уровень и 22 % — уровень профессионального владения английским языком согласно системе Общеввропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR). Участие в опросе было добровольным, ответы — анонимными; результаты собирались и обрабатывались через веб-сайт www.surveymonkey.com. Обработка результатов проводилась по шкале Ликерта.

Для оценки восприятия аспирантами своих потребностей в изучении английского языка и тех преимуществ, которые может дать высокий уровень владения английским языком, им предлагалось проранжировать по степени важности от 1 до 5 следующие цели изучения английского языка:

- 1) читать научно-техническую литературу по специальности на английском языке;
- 2) повысить профессиональную мобильность;
- 3) общаться с зарубежными коллегами на научные темы;
- 4) участвовать в обмене специализированной информацией на языке международного общения;
- 5) представлять российское научное сообщество в мировом пространстве;

Таблица 2. Потребности аспирантов в изучении иностранных языков для профессиональных целей

Утверждения	Полностью согласен	Частично согласен	Трудно сказать, согласен или не согласен	Частично не согласен	Совершенно не согласен
Лингвистический компонент: я хочу выучить новые термины по специальности на английском языке, как они про- износятся и используются	61,3	22,23	7,84	5,88	2,62
Учебно-познавательный ком- понент: я хочу знать способы самостоятельного изучения иностранного языка	54,9	26,8	7,83	9,16	1,31
Дискурсивный компонент: я хочу связно выражать свои мысли на иностранном языке	73,2	13,72	11,11	1,31	0,66
Компенсаторный компонент: я хочу знать вербальные и не- вербальные средства выраже- ния мысли, когда общение за- труднено	47,06	39,87	6,54	1,96	4,57
Социокультурный компонент: я хочу уметь общаться с колле- гами из разных стран, понимать социально-культурный кон- текст	66,01	15,69	3,92	4,57	9,81

- 6) получить работу в многонациональной корпорации;
- 7) повысить конкурентоспособность на международном рынке труда;
- 8) публиковать результаты научных исследований в журналах, индексируемых в международных базах научного цитирования.

Для выяснения потребностей аспирантов в изучении иностранных языков для профессиональных целей им предлагалось выразить степень согласия/несогласия со следующими утверждениями (табл. 2).

Ответы 85 аспирантов первого и 68 аспирантов второго курсов выявили почти равную важность всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции (табл. 3).

Таблица 3. Восприятие степени важности компонентов иноязычной коммуникативной компетенции

Компоненты иноязычной коммуникативной компетенции	Количество аспирантов, %
Лингвистический	22
Учебно-познавательный	24
Дискурсивный	18
Компенсаторный	20
Социокультурный	16

Значимым результатом является утверждение 80 % аспирантов о том, что владение английским языком является неотъемлемым элементом в профессиональной подготовке научно-педагогических кадров.

Таким образом, обучение аспирантов иноязычной научной коммуникации является актуальной задачей и обязательным компонентом профессиональной подготовки кадров высшей квалификации благодаря развитию программ академической мобильности и из-за возрастающей потребности в обмене результатами отечественных исследователей с международным научным сообществом. На основании полученных результатов опроса можно сделать вывод о равнозначности компонентов иноязычной коммуникативной компетенции для аспирантов.

Выявленные нужды и степень удовлетворенности аспирантов в области обучения профессионально-ориентированному иностранному языку на основе метода анализа потребностей могут служить основой для разработки рабочей программы дисциплины в соответствии с целевыми ориентирами современной науки, а также определения основополагающих принципов обучения английскому языку.

Литература

- Аришинов В. И., Свирский Я. И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления / Институт философии РАН. М.: Аргс, 1994, С. 33–47.
- Базылев В. Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2009.
- Вятютнев М. Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. 1977. № 6. С. 38–45.
- Гез Н. И. Формирование коммуникативной компетенции как объект зарубежных методических исследований // Иностранные языки в школе. 1985. № 2. С. 17–24.
- Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999.
- Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991.
- Иванов А. Е. Как поймать синергию за хвост // Финансы. 2011. № 19. С. 16–21.
- Микешин М. И. Противостояние образования и просвещения // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов для минерально-сырьевого комплекса: сб. науч. трудов III Всерос. науч. конф. 2020. С. 835–840.
- Москальчук Г. Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998.
- Щукина Д. А. Теория и практика научного диалога в современном техническом вузе // Записки Горного института. 2016. Т. 219. С. 508–512.
- Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // Applied Linguistics. 1980. No. 1. P. 1–47.
- Canale M., Swain M. A theoretical framework for communicative competence // The construct validation of test of communicative competence / eds A. Palmer, P. Groot, G. Trosper. Washington, DC: TESOL, 1981. P. 31–36.
- Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy // Language and Communication / eds J. C. Richards, R. W. Schmidt. London: Longman, 1983. P. 2–27.
- Levina E. Y., Voronina M. V., Rybolovleva A. A., Sharafutdinova M. M., Zhandarova L. F., Avilova V. V. The Concepts of Informational Approach to the Management

of Higher Education's Development // International journal of environmental & science education. 2016. No. 11 (4). P.9913–9922.

Savignon S. J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. 2nd ed. New York: McGraw-Hill, 1997.

Shestakova I. G., Polanski S. D. Digital Civilization and Problems of Cultural Diversity: Political Actors or Infocommunication Technologies // Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. February. P.412–417.

Словари

The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 1966.

Digitization of learning environment: On-line course as a tool for improving foreign language teaching

Current tasks facing the modern society, which are connected with increasing availability, comprehensiveness and quality of education due to employment of modern technologies, put forward a question concerning the priority projects of digital education. This article is devoted to the problems of digital education in the system of higher education in the times of digitalized society. The authors describe different types of distant education, paying the most of their attention to Massive Open Online Courses (MOOC). They analyze the positive and negative sides of distant education in comparison with traditional education and prospective positive effects of launching online courses, thus conducting comparative, methodological and statistic analysis of the distant courses on the basis of online courses designed by the specialists of St. Petersburg State University — the “English language. Preparation for the Post Graduate Exam” course, the course of Lexicology of the English Language and the course on “Cultural Studies of the Great Britain and the USA”. The authors analyze the construction of the courses, give statistic data about the participants, who have enlisted and have finished the courses, making conclusions about potential positive possibilities of the online courses.

Keywords: distance education, online training, massive open online course, educational innovation, English language.

М. Н. Морозова, Л. Л. Тимофеева, Т. М. Потапова

Онлайн-курс как инновационная форма обучения иностранным языкам

Текущие задачи современного общества, связанные с повышением доступности, актуальности и качества образования за счет использования современных технологий, ставят вопрос о приоритетных проектах цифровой образовательной среды. Данная статья посвящена проблемам дистанционных форм обучения в системе высшего образования в условиях информатизации общества. Рассматриваются различные виды дистанционного обучения, при этом особое внимание уделяется массовым открытым онлайн-курсам (МООК), анализируются достоинства и недостатки дистанционного образования по сравнению с традиционной системой образовательного процесса, потенциальные положитель-

ные стороны внедрения онлайн-обучения. На основе онлайн-курсов, разработанных преподавателями СПбГУ (онлайн-курс для подготовки для сдачи кандидатского экзамена по английскому языку, онлайн-курс по лексикологии английского языка и онлайн-курс по страноведению Великобритании и США), проводится методологический, статистический и компаративный анализ, выявляющий потенциальные возможности онлайн-курсов. Авторы анализируют строение курсов, приводят статистические данные о слушателях, записавшихся и окончивших курсы, что свидетельствует о потенциальных положительных возможностях онлайн-курсов.

Ключевые слова: дистанционное образование, онлайн-обучение, массовый открытый онлайн-курс, инновационная форма обучения, английский язык.

Introduction

Today, the advent of digitization, digital engagement models and cross-industry platforms in all the spheres of the society is a global trend, which provides an opportunity to build collective intelligence, make any process clearer, more transparent and more efficient. Modern society requires a person to be adaptable and able to apply methods of collecting, storing and disseminating information in order to ensure the systematization and formation of new knowledge. Cultural and technological progress has provoked another epistemological turn, changing the perception of the world, understanding of subjectivity and the construction of the reality. The educational environment is undergoing radical changes too.

Conformism and emphasis on knowledge base building using a teacher-student dialogue as a tool of educational process give way to multifunctional online communication, including intrapersonal communication, meaning internal use of language or thought in a model which contains a sender, receiver, and feedback loop [Badarch et al., 2014]. The process of pattern recognition and framing a set of multiple connections triggers a qualitative change in the mechanism of interaction between the teacher-communicator and the recipient. The above-mentioned corresponds perfectly to the theory of connectivity which states the autonomous existence of knowledge and its updating thru the connection of a student to the information field [Barcena et al., 2015]. The student abilities to carry out link analysis, integrate information, cross disciplinary lines, being simultaneously engaged in the general educational process, are becoming increasingly relevant. However, while highlighting general provisions and guidelines for training and self-study, use of skills-focused

and content-based approach and emphasizing the relatively new role of a teacher as a curator and assistant, providing rare contactless guidance only if necessary, teaching as networking, bias towards collective decision-making, one should not forget about modifications in the teaching methodology, that were outlined approximately 20 years ago, namely, the dominant position of written English due to informatization, the special role of an image (in the broad sense of the term), that turned out to be a result of communication pattern changes, and the shift from page to screen [Barton, Lee, 2013].

Classification of Massive Online Courses

Innovative digital skills can be embodied in the model of Massive Open Online Courses (MOOC). For the first time, the term MOOC was used for the “Connectivism and Connective Knowledge” course offered by the University of Manitoba in Canada (over 2200 participants). The abbreviation MOOC had become a vernacular expression by 2012.

Having investigated some topical issues and trends in the use of massive open online courses as new forms of distance education within the period of 2010–2014, UNESCO recognized MOOC as one of the 30 most promising trends in education until 2028. The article “MOOC: reconstruction of higher education” states that from 2000 to 2010, e-learning coverage increased by 900%. It was predicted that by 2019, half of all classroom activities would be carried out online. So far, Russia has not attained such level of MOOC implementation, but only so far [Downes, 2010]. MOOC combines the notion of distance learning and opportunities of open education, reflecting some principles of digital economy and social media. The MOOC training model has a number of characteristic features, namely open access, massiveness and scalability, a large set of electronic materials along with a wide range of built-in tools. While choosing a MOOC a student is expected to decide if he or she wants to switch careers, gain a promotion or improve job prospects in order to find out the scope of his or her involvement and commitment. Still the main goal of any on-line course is to educate the target audience in order to develop information literacy. A student should be able to assess the value of sources, to blend and re-organize multiple information sources into some form of digital knowledge.

MOOCs can range in length from 1 to 16 weeks. The organization of the learning process changes the perception of the recipient in the process of forming knowledge bases. Learning materials in the form of videos and presentations allow students to involve three ways of perceiving informa-

tion: visual, audio and kinesthetic. Image becomes almost the main element of the pedagogical space, allowing to determine interconnections of the knowledge network.

Most students study for free but pay a premium for a course certificate. Direct instructions are rare and responsibility for the course is distributed. George Siemens, Stephen Downes and Dave Cormier worked out “the pedagogical model that continues to define MOOCs:

- High levels of learner control over modes and places of interaction
- Weekly synchronous sessions with facilitators and guest speakers
- The Daily email newsletter as a regular contact point for course participants. The Daily includes a summary of Moodle forums, course participant blogs, Twitter discussions related to the course, etc.
- Using RSS-harvesting (gRSShopper) to track blogs of course participants
- Emphasis on learner autonomy in selecting learning resources and level of participation in activities
- Emphasis on social systems as effective means for learners to self-organize and way finding through complex subject areas
- The criticality of ‘creation’ — i.e. learners create and share their understanding of the course topics through blogs, concept maps, videos, images, and podcasts. Creating a digital artifact helps learners to “re-centre the course discussion to a more personal basis” [McAuley et al., 2010, p. 23].

N.Romanova identifies three types of online courses, depending on pedagogical approaches to the process of massive online learning [Romanova, 2018]:

- Massive open online courses based on a connectivistic approach [Kress, 2003]. The learning objective is determined by a student himself. Experts believe that this type of course is suitable for students who are motivated to study independently, who are able to choose the necessary educational content. The main and most effective area of application of this category of online courses is the form of continuing education and advanced training.
- Massive open online courses that are based on specific projects (tasks). The functioning of such courses is based on the student’s ability to choose and perform a specific set of tasks. In addition, assignments can be performed in conjunction with

other students. The pedagogical method of this type of online courses is based on the combination of instructivism and constructivism.

- Massive open online courses with clear time frames. Such courses are used at major international universities.

Thus, MOOC is a wonderful example of achieving various goals by connecting different cultures, attitudes, experience, training sets of skills in a short period of time and with low cost.

MOOC Platforms

In 2016, the CourseBurg.ru project was launched. It is a service for choosing additional education courses by location, reviews and price. At the time of writing, 106 organizations were cooperating with the service, with more than 500 online courses on various subjects being presented on the platform. In 2017, site managers initiated a comparative analysis of 5 providers: Universarium.org, Openedu.ru, Coursera.org, Lektorium.tv, Edx.org. assessing 5 different areas: traffic statistics, traffic distribution, average time spent per visit, discontinuities and page views and seasonality. The research data was obtained from the SimilarWeb service, a business intelligence service for analyzing markets and competitive online environment and providing statistics on any website traffic [Lebedeva, 2015].

According to the results of this analysis the undisputed leader is the Coursera platform, which offers online courses in Improving English Communication Skills, Business Communication Skills, Grammar Skills, Pronunciation Skills, TESOL (Parts 1–4), English for Journalism, English for Media Literacy and many others. Coursera.org collaborates with the leading universities, for example, University of London, Arizona State University, University of Michigan, École des hautes études commerciales de Paris, offers Online Bachelor's and Master's Degree in the spheres of Business, Computer Science and Engineering, Data Science and Public Health [Littlejohn, Hood, 2018]. All courses designed for both native speakers and speakers of other languages have flexible schedules, reasonable test framework, workloads from 4 to 10 hours a week.

One of the most notable examples of MOOC growth is India, where SWAYAM (Study Webs of Active-Learning for Young Aspiring Minds), India's national MOOC platform, in December 2018 attracted 3,800 students. With a catalogue of 2,000 courses being taught by 1,250 instructors affiliated with 130 institutions, SWAYAM is one of the world's largest MOOC providers [McAuley et al., 2010].

Unfortunately, in comparison with the USA and India other countries witness the lower level of achievement, with the lag being quite substantial. Perhaps this is due to the greater confidence of American and Indian users in online learning or to the quality of the courses provided by such world giants as Coursera [Siemens, 2005]. Nevertheless, in 2017, Russia was in the top five countries that use online platforms for self-education and since then it is accelerating the efforts.

Judging by the data published for China, classical teaching methods seem to be still more effective, however, XuetangX, having at the end of 2018 14 million registered users, can be considered to be the fastest growing MOOC platform.

Unfortunately, many MOOC platforms, that deserve recognition, were not included in the comparative analysis, initiated by CourseBurg.ru's marketing department. Just to show the scope of MOOC popularity, we should mention FutureLearn, the UK's biggest MOOC platform, with almost 10 million users and 15 degree programs currently available, Udacity, Canvas Network and Kadenze (the USA), Miriadax (Spain), MéxicoX (Mexico), EduOpen and Federica (Italy), ThaiMOOC (Thailand), Campus-II (Israel), Edraak (Arabic) (Jordan), OpenHPI (Germany), Gacco, Fisdrom, OpenLearning (Japan) as well as classcentral.com, founded by Dhawal Shah in the late 2011, collaborating with 941 Universities and having the goal to connect the right user to the right course [Siemens, 2005].

Recognizing all the merits of online courses, we must also comment on the frequently mentioned problems and challenges of MOOCs. They are as follows

- low completion rates,
- the potential risk of cheating even though quite often the major MOOC platforms use remote proctoring by humans and random recordings during exams using the student's computer microphone and camera,
- a lack of awareness that free and low-cost courses exist,
- the significant cost of creating courses.

The availability of the Internet could still be a problem in many developing countries, it could be either restricted to urban areas, or the Internet connection could be slow. Cultural and ethnic diversity could create the idea of unequal educational opportunities.

Investigating how to organize online educational process in real time, how educational resources and built-in tools could impact students' involvement and motivation, finding out the interdependence of education

quality and graduates' subsequent employment and career growth is yet to follow. As some researchers noted, the main obstacle in obtaining reliable information is the potential bias of data for distance learning students which occurs due to the fact that students are not always personally involved in obtaining education, in some cases the motivation is unclear, or it is not always possible to monitor the further employment of graduates [Snyder, 1998]. However, all these difficulties are easy to overcome if governments continue to support MOOCs through the creation and financing of national MOOC platforms.

How MOOC works in Russia: A real-life example

In April 2015, eight leading universities — M. V. Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg State University, St. Petersburg Polytechnic University, National University of Science and Technology MISIS, National Research University Higher School of Economics, Moscow Institute of Physics and Technology, Ural Federal University and ITMO University established the National Open Education Platform Association. The platform provides the publication of online courses developed by members of the Association, promotes the implementation of international standards, sets its own requirements for the quality of online courses and interacts with universities that implement educational programs [Sockett, 2014]. So far, the Openedu platform offers only a few courses developed by the authors of the Faculty of Foreign Languages at St. Petersburg State University for teaching English, namely “Cultural Studies of the Great Britain and the USA”, “Theoretical Grammar of the English Language”, “Intercultural Communication and Translation”, “Lexicology of the English Language”, “Introduction to Translation Theory” and “English language. Preparation for the Post Graduate Exam”. As we may see some of the above mentioned courses are practically inclined, while some, those connected with lexicology, cultural studies and grammar, are theoretical ones. This means that these courses are connected with different sides of knowledge acquisition and skills development. But still, all the courses are designed for 8 weeks and consist of 8 modules, an abstract and presentation, additional materials, control tasks for each module, reference literature and a final exam. Students ask their questions on the website, in the specially provided section “Discussion” or “Forum”, where they can get answers, clarifications, recommendations.

Students can find out the result of the test, the correct answer and if the result does not satisfy them, they can try again after studying the lesson materials once more. In total, two attempts are given. In addition to

videos, in some courses students receive a lecture summary, or/and presentation, additional materials (for example: a cover letter template, a table of tense forms, texts and articles, lists of literature, fiction, films, etc.). The courses provide a certificate, which some universities count as an admission to the candidate exam. MOOC's final exam takes place remotely with the participation of an online proctor who supervises the assignments. One can take the test only after identification process, which consists of demonstrating a document with a photograph of a student to a proctor through a webcam. During the exam, the subject is forbidden to use any help and leave the field of view.

Let us look closely at such courses as “Cultural Studies of the Great Britain and the USA” and “English language. Preparation for the Post Graduate Exam” and compare their organization and the first results.

Let us start with “English language. Preparation for the Post Graduate Exam”. This course is aimed at developing the skills of translating a scientific text, mastering academic grammar and vocabulary necessary for understanding and adequate conveying the main meaning of the specialized text, teaching the principles of annotating and summarizing as well as making academic (scientific) presentation. Each module includes 5 lessons (videos), each lasting 5–12 minutes.

The course “Cultural Studies of the Great Britain and the USA” in its term caters for those who are interested in history, customs and traditions of Great Britain and the USA, as well as in the way of life, modern political, economic and cultural problems. This course also consists of 8 modules, which contain together with the video lessons and presentations, control tasks for each module, reference literature and a final exam. In contrast to the “English Language” the course on “Cultural Studies” has a different number of lessons within a module, each lesson including several parts — which makes this course uneven — with one module being longer than the other. One of the possible reasons for such construction of the course is an extremely vast character of material included into it (also it should be mentioned, that the problem of selecting the material is one of the basic ones in the process of composing the course).

The “English Language” started in 2018, the “Cultural Studies” — in 2019, so we may compare the results.

The table shows that only a tiny part of the students pass a final exam and get a certificate (the results of the course “English language. Preparation for the Post Graduate Exam” shows the growth of the number of the received certificates, while no one studied for a certificate in the course “Lexicology of the English Language”). What causes such a profound difference in numbers?

Table. Comparison of the data of the online courses “The English Language”, “Cultural Studies” and “Lexicology of the English Language”

Name of the course	Total number of students	Students who got a certificate	Students who got a certificate, %
English language. Preparation for the Post Graduate Exam (2018)	7315	11	0.001
English language. Preparation for the Post Graduate Exam (2019)	7766	40	0.005
Cultural Studies of the Great Britain and the USA (2019)	5562	6	0.001
Lexicology of the English Language (2019)	4446	0	0

One of the reasons may be that the online courses do not suit everyone, but only motivated students with a highly developed sense of duty, ability to work independently. According to the data of the Stanford university, some massive online courses lose up to 90% of students before the final exam. Very often students lose motivation also courses count as their students all who have registered on their site. So the number of so called “No show” students (those who just registered but did not show up) is rather high — up to 40 % [Sundukova, Vanykina, 2019]. Using the data of the course “Lexicology of the English Language” out of 4446 registered students only 168 of them really started the course, and one of the reasons of no one getting a certificate may be the following — the majority of this group of students were the students studying at the program where the course of lexicology was organized in the form of blended learning (the course itself was presented in the online form, but the exam — in the face-to face form).

Another problem that students face — is that in case of difficulty they do not have an opportunity to ask the teacher a question directly, so the lack of face-to-face communication, as well as the lack of an individual approach, can become a significant drawback for some. On the other hand, for a generation that is fluent in information technology, online communication may even be preferable.

We may refer to the data, provided by the authors of the analyzed courses. They firmly insist on the absolute predominance of technical questions in the chats. It proves that a well-organized course, theoretically, tech-

nically and methodologically, which consider psychological, emotional and cognitive desires of students provide a high standard of learning.

Of course, supporters of traditional forms of education: with classrooms, lectures, workshops, seminars, colloquiums and a limited number of students have doubts about the effectiveness of such training. Probably the most compelling argument in support of such an education will be the fact that the course “English language. Preparation for the Post Graduate Exam” was awarded with a diploma of the III degree in the nomination “Best Online Course According to Consumers (Student Evaluation)” at the EdCrunch Award International Competition for Open Online Courses in 2018. This competition is traditionally held in several categories: the best practice of introducing online courses in the educational program, the best practice of creating open online courses, the best online training contest for students, the best online course according to consumers (student assessment) and the best online course on expert versions.

It should be noted that for St. Petersburg State University Massive Open Online Courses are not only an additional way to provide its students with new material. Online courses are introduced into the main educational programs either as compulsory disciplines, or elective ones. Thus, this 2019–2020 study year the Master’s program “Foreign Language and Intercultural Communication in the Sphere of Business and Management” exploited the inclusive method of teaching the subject.

On balance, online courses give the students of St. Petersburg State University an opportunity to gain knowledge in diverse fields of knowledge: physics, history, linguistics, higher mathematics, art history, geology, journalism, chemistry, sociology, psychology and many others. Notwithstanding the present difficulties, a great number of massive open online courses will be developed and put into production in the near future. Some online courses are of a multi-purpose character, some allow students to gain competencies of university and federal standards, some would be created as part of research and grant projects.

Conclusion

With the rapid development of the information society online learning has much more advantages than disadvantages. Free access, massive character, the flexibility of training methods, interactivity and promotion of academic interaction between teachers and students, students and students, students and the community widen the boundaries of learning sphere. Studying wherever and whenever a student wants without

taking difficult entrance examination, avoiding the procedures of enrollment still gives a profound sense of belonging and understanding of personal involvement. Thus, online teaching of foreign languages turns out to be an innovative method of delivering education to users, customization of education which contributes to the development of a new culture of learning, communication, cooperation, and knowledge. MOOC is based on the implementation of modern educational principles of open learning, democratic principles of equality of participants in the educational process, internationalization of educational systems and the globalization of the educational space. New forms of training are changing the educational environment, shaping global university communities, providing free access to higher education, granting the opportunity to enjoy lifetime studies contributing to the creation of novel knowledge as well as forming advanced educational tools.

References

- Badarch D., Tokareva N., Cvetkova M.* MOOC: Reconstruction of Higher Education // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2014. № 10. P. 135–146. (In Russian)
- Barcena E., Martin-Monje E., Read T.* Potentiating the human dimension in Language MOOCs // *Proceedings of the European Stakeholder Summit on experiences and best practices in and around MOOCs*. 18–20 May, 2015. Mons: Université catholique de Louvain Mons, 2015. P. 46–54.
- Barton D., Lee C.* *Language Online. Investigating Digital Texts and Practices*. London; New York: Routledge, 2013.
- Downes S.* New technology supporting informal learning // *Journal of Emerging Technologies in Web Intelligence*. 2010. 2. (1). 27–33.
- Gureeva L., Kozmina N.* Connectivist Theory of Education // *Molodoy uchenyy*. 2014. No. 6. P. 695–697. (In Russian)
- Kress G.* *Literacy in the New Media Age*. London; New York: Routledge, 2003.
- Lebedeva M.* Mass Open Online courses as the Tendency of the Development of Education // *Chelovek i obrazovanie*. 2015. No. 1 (42). P. 105–108. (In Russian)
- Littlejohn A., Hood N.* *Reconceptualising Learning in the Digital Age. The [Un] democratising Potential of MOOCs*. Springer, 2018.
- McAuley A., Stewart B., Siemens G., Cormier D.* *Massive Open Online Courses. Digital Ways Of Knowing And Learning. The Mooc Model For Digital Practice*. 2010 CC Attribution. Available at: http://davecormier.com/edblog/wp-content/uploads/MOOC_Final.pdf (accessed: 01.10.2010).
- Romanova N.* Online Courses as an Innovative Form of Distant Education // *Pedagogika vysshey shkoly*. 2018. No. 2. P. 5–8. (In Russian)
- Siemens G.* Connectivism: A learning theory for the digital age // *International Journal of Instructional Technology and Distance Learning*. 2005. No. 2(1). P. 3–10.

- Snyder I.* Page to Screen: Taking Literacy into the Electronic Era. London; New York: Routledge, 1998.
- Sockett G.* The Online Informal Learning of English. New Language Learning and Teaching Environment. London: Palgrave Macmillan, 2014.
- Sundukova T., Vanykina G.* Mass Online Course as the Modern Model of Organization of Net Education // Opyt i perspektivy onlayn-obucheniya v Rossii: sbornik statey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Opyt i perspektivy onlayn-obucheniya v Rossii", Sevastopol, 15–16 noyabrya 2018 g. / ed. by I. S. Kusov. Sevastopol: Filial MGU v Sevastopole, 2019.

Сведения об авторах

Анисимова Ксения Евгеньевна — директор Школы иностранных языков и перевода; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; anisimova@spbu.ru

Антонова Ксения Николаевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; ksana-a@mail.ru

Ашурбекова Татьяна Ивановна — канд. филол. наук, доц.; Дагестанский государственный университет, Российская Федерация, Республика Дагестан, 367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; tiashu@mail.ru

Байрамова Луиза Каримовна — д-р филол. наук, проф.; Казанский федеральный университет, Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; luiziana08@mail.ru

Басова Татьяна Александровна — аспирант; Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Горького, 87; tanyatako@gmail.com

Боярская Татьяна Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; boyard05@gmail.com

Бугреева Елена Александровна — канд. пед. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; elena.a.bugreeva@yandex.ru

Буль Юлия Валерьевна — ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; j.bool@mail.ru

Васильева Полина Александровна — канд. пед. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; p.vasilyeva@spbu.ru

Верхолетова Елена Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Российская Федерация, 119049, Москва, Ленинский пр., 4; everkholetova@bk.ru

Воног Вита Витальевна — канд. культурологии, доц.; Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, 660041, Красноярский край, Красноярск, пр. Свободный, 79; vonog_vita@mail.ru

Выгузова Елена Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106; ele-vigozova@mail.ru

Глухова Ольга Владимировна — канд. филол. наук, доц.; Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69; olga_glukhova_@mail.ru

Говорун Светлана Викторовна — канд. пед. наук, ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s.govorun@spbu.ru

Голубев Вадим Юрьевич — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.golubev@spbu.ru

Голубева Надежда Александровна — д-р филол. наук, доц.; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; nagol@mail.ru

Голубева Светлана Леонидовна — канд. филос. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Российская Федерация, 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; lynx.sl@list.ru

Горелова Александра Александровна — ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; alexandra-gorelova@rambler.ru

Горохов Анатолий Алексеевич — канд. ист. наук, доц.; Тобольская духовная семинария, Российская Федерация, 626152, Тобольск, Красная пл. 2; warlaam_gorochow@mail.ru

Григорьева Валентина Сергеевна — д-р филол. наук, доц.; Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106; grigoriewa@mail.ru

Дан Ще — ассистент; Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Китайская Народная Республика, 510545, Гуанчжоу, пр. Лянтяньчжон, 181; 214003@gwng.edu.cn

Денисенко Елена Николаевна — канд. пед. наук, доц.; Дипломатическая академия МИД РФ, Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1; olenaden@gmail.com

Доброва Татьяна Евгеньевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; t.dobrova@spbu.ru

Дроздова Полина Борисовна — аспирант; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; paulina.drozдова@gmail.com

Дудкин Олег Сергеевич — канд. филол. наук, ассистент; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; doudkintranslate@gmail.com

Дудкина Анастасия Игоревна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dudkina@spbu.ru

Ерохина Александра Борисовна — канд. филол. наук, ст. преп.; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; aberokhina@gmail.com

Зайцева Валентина Викторовна — канд. филол. наук, доц.; Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33; apolinarija06@mail.ru

Зиямухамедов Джасур Ташпулатович — канд. филол. наук, доц.; Ташкентский государственный университет востоковедения, Республика Узбекистан, 100060, Ташкент, ул. Шахрисабз, 25; jas76@mail.ru

Ибрагимов Ильдар Ильбекович — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; i.ibragimov@spbu.ru

Карпенко Людмила Борисовна — д-р филол. наук, проф.; Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П.Королева, Российская Федерация, 443086, Самара, Московское шоссе, 34; liudmila.karpenko.53@mail.ru

Климовская Алиса Яковлевна — канд. филол. наук, ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; klimama@yandex.ru

Козловский Дмитрий Валентинович — канд. филол. наук, доц.; Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, Российская Федерация, 410003, Саратов, ул. Радищева, 89; kimo3006@mail.ru

Коканова Елена Сергеевна — канд. филол. наук, доц.; Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 163002, Архангельск, наб. Северной Двины, 17; e.s.kokanova@narfu.ru

Колпачкова Елена Николаевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ekolpachkova@gmail.com

Кондратьева Екатерина Александровна — ст. преп.; Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Российская Федерация, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9; elliverano@yahoo.fr

Корнева Елена Владимировна — канд. филол. наук, доц.; Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394036, Воронеж, Университетская пл., 1; el_korneva@mail.ru

Кошкин Дмитрий Александрович — канд. геогр. наук, ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.koshkin@spbu.ru, shadesuns@yandex.ru

Кропачев Николай Михайлович — д-р юрид. наук, проф.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.kropachev@spbu.ru

Кругликова Людмила Евгеньевна — д-р филол. наук, вед. науч. сотр.; Институт лингвистических исследований РАН, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9; lekhospb@mail.ru

Куделько Татьяна Анатольевна — преп.; Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; pray-1977@mail.ru

Кузьмина Ксения Алексеевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Российская Федерация, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44; ksenia.kuzmina.rus@gmail.com

Куралева Татьяна Владимировна — канд. филол. наук, ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; tatianavk@mail.ru

Лебедева Александра Владимировна — ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; alexandra.lebedeva@gmail.com

Ло Ин — PhD, научный сотрудник; Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Китайская Народная Республика, 510545, Гуанчжоу, пр. Лянтяньчжон, 181; ly57202@163.com

Маслова Людмила Сергеевна — ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; lsm-2003@list.ru

Медюлянова Василина Адамовна — аспирант; Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21; viktoriya.vi@mail.ru

Минченков Алексей Генриевич — д-р филол. наук, доц., проф.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

alexey.minchenkov@gmail.com

Мордовина Татьяна Валерьевна — канд. пед. наук, доц.; Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106; tvmordovina76@mail.ru

Морозова Елена Борисовна — канд. филол. наук, доц.; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; morel@mail.ru

Морозова Мария Никитична — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; morozova.m@mail.ru

Наговицына Ирина Александровна — канд. филол. наук, доц.; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48; stariris@mail.ru

Никитина Татьяна Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; Тюменский государственный университет, Российская Федерация, 626152, Тобольск, ул. Знаменского, 58; t.y.nikitina@utmn.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна — д-р филол. наук, проф.; Псковский государственный университет, Российская Федерация, 180000, Псков, пл. Ленина, 2; cambala2010@yandex.ru

Нифонтова Дарья Евгеньевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; d.nifontova@spbu.ru

Новикова Елена Павловна — магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; elena_198620@yahoo.com

Облова Ирина Сергеевна — канд. пед. наук, доц.; Санкт-Петербургский горный университет, Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, 21-я линия В. О., 2; oblova_is@pers.spmi.ru

Овсейчик Юлия Владимировна — канд. филол. наук, доц.; Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, 220035, Минск, ул. Захарова, 21; ovsei77@rambler.ru

Петрова Екатерина Евгеньевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; katerinaveg@yandex.ru

Постоенко Ирина Анатольевна — канд. филол. наук, доц.; Тихоокеанский государственный университет, Российская Федерация, 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; ipostoenko@mail.ru

Потапова Тамара Михайловна — ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; tamara.potapova2010@yandex.ru

Потёмина Марина Сергеевна — канд. филол. наук, доц.; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Российская Федерация, 236016, Калининград, ул. А. Невского, 14; mpotemina@mail.ru

Пушин Олег Михайлович — PhD, канд. физ.-мат. наук, магистр богословия, ассистент; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; olegpushin1000@gmail.com

Резниченко Егор Александрович — ассистент; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; rev.hilarion@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна — д-р филол. наук, проф.; Псковский государственный университет, Российская Федерация, 180000, Псков, пл. Ленина, 2; cambala2007@yandex.ru

Рохлина Елена Константиновна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e.rohlina@spbu.ru

Рубцова Светлана Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s.rubtcova@spbu.ru

Рукавишников Вадим Сергеевич — ст. преп.; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел России, Российская Федерация, 680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15; ironman64@mail.ru

Рукавишникова Ольга Ильдусовна — канд. филол. наук, доц.; Тихоокеанский государственный университет, Российская Федерация, 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; 010039@pnu.edu.ru

Сафьянова Ирина Вадимовна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; irina.safyanova@rambler.ru

Сеничкина Ольга Авенировна — канд. пед. наук, ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; o.senichkina@spbu.ru

Сишук Юлия Мирославовна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский горный университет, Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, 21-я линия В. О., 2; sischuk_yum@pers.spmi.ru

Спиридонова Тамара Алексеевна — канд. филол. наук, доц.; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83; spirtam@yandex.ru

Сытько Анна Васильевна — канд. филол. наук, доц.; Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, 220035, Минск, ул. Захарова, 21; sytko.mglu@gmail.com

Тенева Екатерина Веселиновна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ekateneva@gmail.com

Тепляшина Алла Николаевна — д-р филол. наук, проф.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.teplyashina@spbu.ru

Терёхина Александра Николаевна — мл. науч. сотр.; Арктический научно-исследовательский стационар Института экологии растений и животных УрО РАН, Российская Федерация, Ямало-Ненецкий автономный округ, 629400, Лабытнанги, ул. Зеленая горка, 21; Центр арктических и сибирских исследований Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 24/14; terekhina.yamal@gmail.com

Тимофеева Лилия Леонидовна — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; lilytimofeyeva@yahoo.com

Толкачёва Ольга Викторовна — аспирант; Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21; olg4100@yandex.ru

Топорова Валентина Михайловна — д-р филол. наук, проф.; Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394036, Воронеж, Университетская пл., 1; vtoporova@mail.ru

Турчанинова Анна Евгеньевна — магистр; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.turchaninova@inbox.ru

Тырхеева Надежда Сергеевна — канд. пед. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.tyrheeva@spbu.ru

Хитарова Елена Георгиевна — канд. филол. наук, доц.; Кубанский государственный университет, Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; khitarova2004@mail.ru

Хитарова Татьяна Александровна — канд. филол. наук, доц.; Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, Российская Федерация, 350044, Краснодар, ул. Калинина, 13; khitarova2004@mail.ru

Цеханович Ирина Георгиевна — аспирант; Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, 220035, Минск, ул. Захарова, 21; tsekhanovichirina82@mail.ru

Цырельчук Константин Андреевич — магистрант; Сретенская духовная семинария, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Большая Лубянка, 19/3; tsyrelchukk@gmail.com

Черепкова Нина Михайловна — канд. филол. наук, доц.; Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1; nina.cherepkova@gmail.com

Чжан Аньци — аспирант; Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь, Минск, ул. Захарова, 21; zhangnqi7@yandex.by

Чистов Владимир Алексеевич — канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; chisvlad@mail.ru

Шайжанов Марат Владимирович — заместитель руководителя; Представительство ЯНАО в Санкт-Петербурге, Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 62; marat.shayzhanov@gmail.com

Шитиков Петр Михайлович — канд. филол. наук, доц.; Тюменский государственный университет, Российская Федерация, 626152, Тобольск, ул. Знаменского, 58; petrkifa@mail.ru

Шульман Питер Л. — PhD, проф.; Университет Олд Доминион, Соединенные Штаты Америки, 23529, Норфолк, Виргиния, Хэмптон бульвар, 5115; pschulma@odu.edu

Шутёмова Наталья Валерьевна — д-р филол. наук, проф.; Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; lingconf14@mail.ru

Яковлева Юлия Игоревна — магистр; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; yukoyakovleva@yandex.ru

Яцзюнь Ли — магистр, преподаватель; Средняя школа старшей ступени Хэнгоу, Китайская Народная Республика, провинция Хубэй, 437100, Сианнин, ул. Цяньшань, 27; lollylyj2013@163.com

Contributors

Anisimova Ksenia E. — Director of the School of Translation and Modern Languages; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; anisimova@spbu.ru

Antonova Ksenia N. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University of Economics, 21, ul. Sadovaya, 191023, St. Petersburg, Russian Federation; ksana-a@mail.ru

Ashurbekova Tatyana I. — PhD in Philology, Associate Professor; Dagestan State University, 43a, ul. Gadgieva, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russian Federation; tiashu@mail.ru

Auseichyk Yulia V. — PhD in Philology, Associate Professor; Minsk State Linguistic University, 21, ul. Zakharova, Minsk, 220035, Republic of Belarus; ovsei77@rambler.ru

Bairamova Luiza K. — Dr. Sci in Philology, Professor; Kazan Federal University, 18, ul. Kremlyovskaya, Kazan, 420008, Russian Federation; luiziana08@mail.ru

Basova Tatiana A. — Post Graduate student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, 87, ul. Gorkogo, Vladimir, 600000, Russian Federation; tanyatako@gmail.com

Bugreeva Elena A. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; elena.a.bugreeva@yandex.ru

Bool Yulia V. — Senior Lecturer; St. Petersburg State University of Economics, 21, ul. Sadovaya, 191023, St. Petersburg, Russian Federation; j.bool@mail.ru

Boyarskaya Tatiana Yu. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; boyard05@gmail.com

Chistov Vladimir A. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; chisvlad@mail.ru

Glukhova Olga V. — PhD in Philology, Associate Professor; Rostov State University of Economics, 69, ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation; olga_glukhova_@mail.ru

Golubev Vadim Yu. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.golubev@spbu.ru

Golubeva Nadezhda A. — Doctor of Philology, Associate Professor; Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31a, ul. Minina, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; nagol@mail.ru

Golubeva Svetlana L. — PhD in Philosophy, Associate Professor; St. Petersburg State University of Film and Television, 13, ul. Pravdy, St. Petersburg, 191119, Russian Federation; lynx.sl@list.ru

Gorelova Alexandra A. — Senior Lecturer; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexandra-gorelova@rambler.ru

Gorokhov Anatoly A. — PhD in History, Associate Professor; Tobolsk Theological Seminary, 2, Krasnaya ploshchad, Tobolsk, 626152, Russian Federation; warlaam_gorochow@mail.ru

Govorun Svetlana V. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; s.govorun@spbu.ru

Grigorieva Valentina S. — Doctor of Philology, Professor; Tambov State Technical University, 106, ul. Sovetskaya, Tambov, Russian Federation; grigorieva@mail.ru

Dang Xue — Instructor; South China Business College, Guandong University of Foreign Studies, 181, Liangtianzhong Road, Baiyun District, Guangzhou, China, 510545; 214003@gwng.edu.cn

Denisenko Elena N. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, 53/2, build. 1, ul. Ostozhenka, Moscow, 119021, Russian Federation; olenaden@gmail.com

Dobrova Tatiana E. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; t.dobrova@spbu.ru

Drozdova Polina B. — Post Graduate student; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; paulina.drozdova@gmail.com

Dudkin Oleg S. — PhD in Philology, Assistant Lecturer; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; doudkintranslate@gmail.com

Dudkina Anastasia I. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dudkina@spbu.ru

Erokhina Aleksandra B. — PhD in Philology, Senior Lecturer; Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; aberokhina@gmail.com

Hitarova Elena G. — PhD in Philology, Associate Professor; Kuban State University, 149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russian Federation; khitarova2004@mail.ru

Hitarova Tatiana A. — PhD in Philology, Associate Professor; Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin; 13, ul. Kalinina, Krasnodar, 350044, Russian Federation; khitarova2004@mail.ru

Ibragimov Ildar I. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; i.ibragimov@spbu.ru

Iakovleva Iuliia I. — Master of Oriental studies; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; yukoyakovleva@yandex.ru

Karpenko Liudmila B. — Doctor of Philology, Professor; Samara University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation; liudmila.karpenko.53@mail.ru

Klimovskaia Alisa I. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; klimama@yandex.ru

Kokanova Elena S. — PhD in Philology, Associate Professor; Northern (Arctic) Federal University named after M.V.Lomonosov, 17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e.s.kokanova@narfu.ru

Kondrateva Ekaterina A. — Senior Lecturer; St. Petersburg Transport University, 9, Moskovsky pr., St. Petersburg, 190031, Russian Federation; elli_verano@yahoo.fr

Kolpachkova Elena N. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ekolpachkova@gmail.com

Korneva Elena V. — PhD in Philology, Associate Professor; Voronezh State University, 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394036, Russian Federation; el_korneva@mail.ru

Koshkin Dmitry A. — PhD in Geography, Senior Lecturer; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; d.koshkin@spbu.ru

Kouzmina Ksenia A. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44a, Lermontovskiy pr., St. Petersburg, 190103, Russian Federation; kuzmina.rus@gmail.com

Kozlovsky Dmitry V. — PhD in Philology, Associate Professor; Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, ul. Politechnicheskaya, Saratov, 410054, Russian Federation; kimo3006@mail.ru

Kropachev Nikolay M. — Dr. Sci. in Law, Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.kropachev@spbu.ru

Kruglikova Liudmila E. — Dr. Sci. in Philology, Leading Researcher; Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation; lekhsospb@mail.ru

Kudelko Tatiana A. — Lecturer; Perm State National Research University, 15, ul. Bukireva, Perm, 614990, Russian Federation; pray-1977@mail.ru

Kuraleva Tatiana V. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; tatianavk@mail.ru

Lebedeva Alexandra V. — Senior Lecturer; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexandra.lebedeva@gmail.com

Luo Ying — PhD, Senior Researcher; South China Business College, Guangdong University of Foreign Studies, 181, Liangtianzhong road, Baiyun district, Guangzhou, 510545, People's Republic of China; ly57202@163.com

Maslova Ludmila S. — Senior Lecturer; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; lsm-2003@list.ru

Mejiulianava Vasilina A. — Post Graduate Student; Minsk State Linguistic University, 21, ul. Zakharova, Minsk, 220035, Republic of Belarus; viktoriya.vi@mail.ru

Minchenkov Alexey G. — Dr. Sci. in Philology, Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexey.minchenkov@gmail.com

Mordovina Tatiana V. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; Tambov State Technical University, 106, ul. Sovetskaya, Tambov, Russian Federation; tvmordovina76@mail.ru

Morozova Elena B. — PhD in Philology, Associate Professor; MGIMO University, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; morel@mail.ru

Morozova Maria N. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; morozova.m@mail.ru

Nagovitsyna Irina A. — PhD in Philology, Associate Professor; Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; stariris@mail.ru

Nifontova Dariya E. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; d.nifontova@spbu.ru

Nikitina Tatyana Yu. — PhD in Philology, Associate Professor; University of Tyumen, 6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russian Federation; t.y.nikitina@utmn.ru

Nikitina Tatiana G. — Dr. Sci in Philology, Professor; Pskov State University, 2, pl. Lenina, Pskov, 180000, Russian Federation; cambala2010@yandex.ru

Novikova Elena P. — Master student; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; elena_198620@yahoo.com

Oblova Irina S. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; St. Petersburg Mining University, 2, 21-aya liniya Vasil'evskogo ostrova, St. Petersburg, 199106, Russian Federation; oblova_is@pers.spmi.ru

Petrova Ekaterina E. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; katerinaveg@yandex.ru

Postoenko Irina A. — PhD in Philology, Associate Professor; Pedagogical Institute Pacific National University, 68, ul. K. Marksa, Khabarovsk, 680000, Russian Federation; ipostoenko@mail.ru

Potapova Tamara M. — Senior Lecturer, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; tamara.potapova2010@yandex.ru

Potyomina Marina S. — PhD in Philology, Associate Professor; Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, ul. A. Nevskogo, Kaliningrad, 236016, Russian Federation; mpotemina@mail.ru

Pushin Oleg M. — PhD in Physical and Mathematical Sciences, Master of Theology, Assistant Lecturer; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; olegpushin1000@gmail.com

Reznichenko Egor A. — Assistant; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; rev.hilarion@yandex.ru

Rogaleva Elena I. — Doctor of Philology, Professor; Pskov State University, 2, pl. Lenina, Pskov, 180000, Russian Federation; cambala2007@yandex.ru

Rokhlina Elena K. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e.rohlina@spbu.ru

Rubtsova Svetlana Yu. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; s.rubtcova@spbu.ru

Rukavishnikov Vadim S. — Senior Lecturer; Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 15, Kazarmenny per., Khabarovsk, 680020, Russian Federation; ironman64@mail.ru

Rukavishnikova Olga I. — PhD in Philology, Associate Professor; Pacific National University, 136, Tikhookeanskaya ul., Khabarovsk, Russian Federation; 010039@pnu.edu.ru

Safyanova Irina V. — PhD in Philology, Associate Professor; Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russian Federation; irina.safyanova@rambler.ru

Senichkina Olga A. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russian Federation; o.senichkina@spbu.ru

Shayzhanov Marat V. — Deputy Head; Representative Office of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug in St. Petersburg, 62, Kamennooostrovsky pr., St. Petersburg, 197022, Russian Federation; marat.shayzhanov@gmail.com

Schulman Peter L. — PhD in French and Romance Philology, Professor; Old Dominion University, 5115 Hampton Blvd, Norfolk, VA 23529, United States of America; pschulma@odu.edu

Shitikov Petr M. — PhD in Philology, Associate Professor; University of Tyumen, 6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russian Federation; petrkifa@mail.ru

Shutemova Natalia V. — Dr. Sci. in of Philology, Professor; Perm State National Research University, 15, ul. Bukireva, Perm, 614990, Russian Federation; lingconf14@mail.ru

Sishchuk Yulia M. — PhD in Philology, Associate Professor; Associate Professor; St. Petersburg Mining University, 2, 21-aya liniya Vasil'evskogo ostrova, St. Petersburg, 199106, Russian Federation; sishchuk_yum@pers.spmi.ru

Spiridonova Tamara A. — PhD in Philology, Associate Professor; Saratov State University, 83, ul. Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russian Federation; spirtam@yandex.ru

Sytko Anna W. — PhD in Philology, Associate Professor; Minsk State Linguistic University, 21, ul. Zakharova, Minsk, 220035, Republic of Belarus; sytko.mglu@gmail.com

Tcherepkova Nina M. — PhD in Philology, Associate Professor; Voronezh State University, 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394036, Russian Federation; nina.cherepkova@gmail.com

Teneva Ekaterina V. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ekateneva@gmail.com

Tepliyashina Alla N. — Dr. Sci. in Philology, Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.tepliyashina@spbu.ru

Terekhina Alexandra N. — Research Assistant; Arctic Research Station of Institute of Plant and Animal Ecology of UB RAS, 21, ul. Zelenaya Gorka, Labytnangi, 629400, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russian Federation; Centre of Arctic and Siberian Exploration of Sociological Institute of RAS — a branch of the Federal Research Sociological Center of RAS, 25/14, ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; terekhina.yamal@gmail.com

Timofeeva Lilia L. — PhD in Philology, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; lilytimofeyeva@yahoo.com

Tolkacheva Olga V. — Post Graduate student; Minsk State Linguistic University, 21, ul. Zakharova, Minsk, 220034, Republic of Belarus; olg4100@yandex.ru

Toporova Valentina M. — Dr. Sci. in of Philology, Professor; Voronezh State University, 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394036, Russian Federation; vtoporova@mail.ru

Tsekhanovich Irina G. — Post Graduate student; Minsk State Linguistic University, 21, ul. Zakharova, Minsk, 220035, Republic of Belarus; tsekhanovichirina82@mail.ru

Tsyrelchuk Konstantin A. — Master student; Sretensky Theological Seminary, 19/1, ul. Bolshaya Lubyanka, Moscow, 107031, Russian Federation; tsyrelchukk@gmail.com

Turchaninova Anna E. — Master of Linguistics; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.turchaninova@inbox.ru

Tyrkheeva Nadezhda S. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.tyrheeva@spbu.ru

Vasileva Polina A. — PhD in Pedagogy, Associate Professor; St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; p.vasilyeva@spbu.ru

Verkholetova Elena Y. — PhD in Philology, Associate Professor; National University of Science and Technology (NUST) MISiS, 4, Leninsky pr., Moscow, 119049, Russian Federation; everkholetova@bk.ru

Vonog Vita V. — PhD in Cultural studies, Associate Professor; Siberian Federal University, 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; vonog_vita@mail.ru

Vyguzova Elena Yu. — PhD in Philology, Associate Professor; Tambov State Technical University, 106, ul. Sovetskaya, Tambov, Russian Federation; ele-vigozova@mail.ru

Yajun Li — Master, Teacher; Henggou Senior High School, 27, ul. Qianshan, Xiannin, Xybei Province, People's Republic of China; lollylyj2013@163.com

Zaitseva Valentina V. — PhD in Philology, Associate Professor; Tambov State University named after G.R.Derzhavin, 33, Internatsionalnaya ul., Tambov, 392036, Russian Federation; apolinarija06@mail.ru

Zhang Anzhi — Post Graduate student; Minsk State Linguistic University, 21, ul. Zakharova, Minsk, Republic of Belarus; zhanganqi7@yandex.by

Ziyamukhamedov Jasur T. — PhD in Philology, Associate Professor; Tashkent State University of Oriental Studies, 25, ul. Shakhrisabz, Tashkent, 100060, Republic of Uzbekistan; jas76@mail.ru

Научное издание
ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник статей

Редактор А. С. Яшина
Корректор И. П. Журова
Компьютерная верстка Е. М. Воронковой
Обложка Е. Р. Куныгина

Подписано в печать 30.08.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 44,5. Тираж 500 экз. Print-On-Demand. Заказ № .
Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги **Издательства СПбГУ** можно

ЗАКАЗАТЬ

на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**

в интернет-магазинах: **ozon.ru**; **bookvoed.ru**; **URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ

в книжных магазинах **СПбГУ Дом университетской книги**

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия В. О., д. 15

Университетская наб., д. 11

А также в магазинах

<i>Санкт-Петербурга:</i>	Сеть книжных магазинов «Буквоед» Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28 «Подписные издания», Литейный пр., д. 57
<i>Москвы:</i>	«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3 «Фаланстер», М. Гнезниковский пер., д. 12/27
<i>Перми:</i>	«Пиотровский», ул. Ленина, д. 54